

РАССКАЗЫ
О
ПРИЖИЗ-
НЕННЫХ
ИЗДАНИЯХ
ПУШКИНА

НИК. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Рассказы
О ПРИЖИЗНЕННЫХ
ИЗДАНИЯХ
ПУШКИНА

Ник. Смирнов-Сокольский

ОВѢСТИ

ИХАХЪ.

ИТЕРБУРГЪ.

1828.

ЫНАНАХЪ.
29.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА.

ИЗДАВАНІЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

БАХМАНОВСКИИ

ФОНТАНЪ.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТ-

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ОДА.

АНІЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЧАСТИХЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.
ГЛАВА VII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
1830.

СОЧИНЕНІЯ.

ТОМЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

МОСКВА.

ВЕРНЫЕ
ВЪТЫ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ПАМЯТНИКЪ

ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ МУЖЪМЪ

КАВ
ПЛЪ

СОВЕРШЕННЫЕ
ЦВЕТЫ.

ТОМЪ.
ЛІТЕРАТУРНАЯ
1830 ГОДЪ.

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

А. С. Пушкин. Рисунок карандашом Павла Соколова (1860 г.?)

НИК. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Рассказы
О ПРИЖИЗНЕННЫХ
ИЗДАНИЯХ
ПУШКИНА

о книгах других авторов, им изданных,
о его журнале «Современник»,
о первом посмертном собрании сочинений,
а также о всех газетах, журналах, альманахах,
сборниках, хрестоматиях и песенниках,
в которых печатались произведения поэта
в 1814—1837 годах.

С приложением снимков с иллюстраций,
портретов, заглавных листов
и обложек.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Москва - 1962

Редактор
Н. С. Ашукин

Оформление книги
художника
М. Эльцуфена

Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина...

Н. К. Крупская. Из воспоминаний о Ленине.— Сборник: Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., Госполитиздат, 1955, стр. 192—193.

ПУТЕШЕСТВУЮЩИМ В ПРЕКРАСНОЕ

(Вместо предисловия)

СЕ ПИСЬМА, которые получает автор от своих читателей, — всегда волнующи и интересны. Одно такое письмо, полученное мною в связи с выходом моих «Рассказов о книгах», заслуживает, мне кажется, особого внимания. Вот что написал мне слушатель Волгоградской партийной школы Сергей Дмитриевич Каркозов:

«Сейчас я прочитал главу в вашей книге о дружившей с Пушкиным Анне Петровне Керн и мне очень захотелось написать по этому поводу. Может быть то, что я сообщу, для вас не ново, а может быть что-то и даст. Дело в следующем.

Во время войны, в 1942 году, наша часть расположилась на ночевку в одном из сел, неподалеку от Торжка. Командир назначил меня разводящим солдат на посты. В первом часу ночи я выставил часовых и не пошел спать. Меня привлекла беленькая, залитая луною церковь. За оградой виднелись какие-то памятники, которые и возбудили мое любопытство.

«ПАНОРАМА
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА».
Правая сторона

В момент моей прогулки среди памятников ко мне подошел какой-то старичок. Я задал ему несколько вопросов, и он охотно водил меня от памятника к памятнику, давая пояснения. Сейчас не помню всего, что он говорил о других памятниках, но уже при выходе из-за ограды старичок подвел меня к гранитной глыбе и при свете луны предложил прочитать надпись. Она гласила:

«АННА ПЕТРОВНА КЕРН

(во втором замужестве Маркова-Виноградская)»

и какие-то даты рождения и смерти. На другой стороне памятника были вычеканены строки:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

— И подпись: «А. Пушкин».

Я знал кто такая Керн, которой Пушкин посвятил это свое бессмертное стихотворение, но с удовольствием слушал старичка. Вот наш с ним разговор, который я стараюсь воспроизвести более или менее точно:

— Керн умерла глубокой старухой. В последние годы она была всеми покинута.

— Почему здесь похоронена?

— Говорят, по завещанию. Она проезжала из Москвы в Петербург и вот умерла здесь...

Других подробностей старичок не знал, но посоветовал мне утром встретиться с какой-то женщиной, мать или бабка которой была нянькой Анны Петровны Керн. И запомнилось еще одно: старичок сказал, что у этой женщины есть какая-то статуэтка Анны Петровны и какие-то ее бу-

маги. Старичок сказал мне также, что названная женщина каждый год сажает цветы на эту могилу. Цветы я видел.

Я очень хотел встретиться с этой женщиной, но на заре наша часть по тревоге ушла дальше. К сожалению, я не запомнил названия деревни. Она находится в 9—12 километрах от Торжка, в сторону Ленинградского шоссе. Деревню омывает речка».

Далее мой корреспондент спрашивает меня: не ошибся ли я в своей книге, написав, что Керн умерла в Москве, и каким же тогда образом прах ее оказался где-то под Торжком?

Я поспешил ответить, что ошибки у меня никакой нет, что Керн действительно умерла в Москве, что она отнюдь не была «всеми покинута», но по завещанию ее должны были похоронить на родовом кладбище Бакуниных, родственников ее второго мужа Маркова-Виноградского. Это — что-то километров тридцать в сторону от Торжка. Дороги в это время оказались размытыми, и проехать туда стало невозможно. Тогда было принято решение похоронить прах Анны Петровны Керн на ближайшем к Торжку дворянском кладбище. Такое оказалось в селе Прутня, Новоторжского уезда, Тверской губернии. На этом кладбище была похоронена тетка Анны Петровны — Татьяна Сергеевна Львова.

Некоторые подробности об этом напечатаны в третьем томе сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова (1909). Там же имеется и фотоснимок с могилы А. П. Керн.

На всякий случай я решил проверить себя и позвонил Т. Г. Цявловской, знатоку «пушкинианы», и, рассказав ей об этом письме, спросил, не стоит ли мне поехать в село под Торжком, где, быть может, действительно найдутся какие-то бумаги, принадлежавшие А. П. Керн.

Т. Г. Цявловская ответила, что она тоже получила подобные сведения и что, если я хочу, она даст мне телефон одного товарища, который недавно был в селе Прутня и посетил кладбище, где похоронена Керн.

Я позвонил этому товарищу. Он охотно и подробно рассказал мне, что могилу он видел, могила охраняется, но что касается родственников няньки Керн, то их никого уже в живых не осталось.

Товарищ так обстоятельно ответил на мои вопросы, что на прощанье я задал ему еще один, оказавшийся не совсем тактичным:

— Скажите, дорогой товарищ, — спросил я, — вы, вероятно, сами литературовед и пушкинист?

— Да, нет, — услышал я в ответ, — по профессии я экономист. Литературоведением не занимаюсь. Но, кстати, товарищ Сокольский, а почему вы думаете, что все относящееся к Пушкину может интересовать только литературоведов и пушкинистов?

Мне на секунду стало неловко и я постарался, как говорят, «заполнить паузу» преувеличенно-подчеркнутыми словами благодарности за сообщение.

Но это еще было не все. Через несколько дней я получил второе письмо от своего волгоградского корреспондента С. Д. Каракозова. Поблагодарив меня за ответ, С. Д. Каракозов сообщил: «Я не рассказал вам о том, как утром, на машинах, часть наша двинулась дальше вперед, на Запад, и как после боя, вечером, на привале, командир спросил меня:

— Что-то ты вчера долго ночью ходил по кладбищу?

Вокруг нас сидели старые и молодые солдаты и офицеры. Я как умел рассказал о виденном. Среди солдат были такие, которые хорошо знали о дружбе Пушкина с Керн,

и такие, которые никогда не слышали о Керн, а о Пушкине знали не так много. Но все они прямо-таки с пожирающим вниманием слушали мой взволнованный рассказ. Задавали десятки вопросов, на которые я, как умел, отвечал. Я уверен, что мой рассказ о Керн, о знакомстве ее с великим поэтом и его трагической судьбе вызвали в душе моих товарищей хорошие патриотические чувства. И еще больше я уверен, что этого дня мои сослуживцы не забыли, а те, кто остался жив, сейчас постарались расширить свои познания, заново перечитали Пушкина, как перечитал его я, заинтересовались книгами о нем, о его жизни».

Еще раз я вспомнил о своем телефонном разговоре с товарищем, спросившем меня, почему я думаю, что все относящееся к Пушкину может интересовать одних только пушкинистов.

Пусть этот товарищ услышит мой запоздалый, но искренний ответ: я не думаю так! Не думаю потому, что хорошо знаю широту интересов советского человека. Я более сорока пяти лет выступаю на эстраде. Я ежевечерне смотрю в тысячу пар глаз и по опыту знаю, что самый чуткий, самый понимающий зритель в мире — это наш, советский зритель. Он же, разумеется, и советский читатель.

Наша страна занимает первое место в мире по количеству издаваемых и читаемых книг. Это едва ли не ярчайший показатель культуры страны, культуры народа.

В понятие «культура» непременно входит и любовь к прекрасному — к книгам, искусству — музыке, живописи, поэзии.

Было огорчительно читать не очень давно в «Литературной газете» статью под заглавием «В защиту поэзии». Автор ее В. Солоухин зло и правильно обрушился на одного из читателей своей книги «Капля росы». В книге имеются

строчки, где идет речь о сенокосе. Так вот, прочитав эти строки, упомянутый читатель книги В. Солоухина написал ему в письме: «Долой сенокос! Долой травы! Долой цветы! Долой росу! Да здравствуют спутники и ракеты!»

В. Солоухин ему ответил:

«Для чего мы бурим все новые и новые нефтяные скважины? Чтобы вдыхать благовонный аромат нефти? Для чего мы строим межпланетные ракеты? Чтобы навсегда и как можно скорее улететь с этой земли?»

Мне кажется, что это мы делаем ради того и для того, чтобы человек, живя на земле, мог полнее, глубже, шире и дольше пользоваться благами, предоставляемыми землей. Иначе все, что мы строим, потеряло бы всякий смысл... Весеннее цветение садов, росистое утро, цветущие луга и лесные поляны, прозрачная голубизна теплых морей, шумящие хлеба, сверкающие снегом горы — все это блага земли, которыми человек в будущем будет пользоваться шире и, может быть, умелее чем мы».

Чудесный ответ! Что же показалось мне в статье огорчительным? Огорчительно, что В. Солоухину пришлось ее писать. Огорчительно, что пришлось назвать статью «В защиту поэзии».

Молодой поэт Борис Слуцкий в шутовском раздумье сказал:

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне...

Конечно, это всего только шутка. Подавляющее большинство советских граждан — это те самые люди, которые не будучи литературоведами и пушкинистами, любят Пушкина не менее, чем они. Это — инженеры и экономисты, солдаты и офицеры, колхозники и рабочие. Это для них

советские типографии напечатали книги великого национального поэта в таком количестве, что подсчитать их возможно лишь с помощью счетной машины.

И не надо, вредно и глупо, противопоставлять одно другому. Человеку на земле в равной степени нужны и физика, и лирика, и кибернетика, и Пушкин.

Циолковский не только гениальный ученый. Этот скромнейший из людей, разъезжавший на велосипеде по тихой и сонной дореволюционной Калуге, был неукротимым фантастом и поэтом. Он знал многие стихи Пушкина наизусть, и это не мешало, а помогало его дерзновенной мечте проникать в межпланетные пространства.

Я имел высокую честь видеть Константина Эдуардовича и говорить с ним. Прошу верить, что он не называл море — «водохранилищем», а сады — «участками земли, засаженными плодоягодными кустами».

Имел я такую же высокую честь видеть здравствующим и другого великого русского ученого Ивана Петровича Павлова. Я встретился с ним в Ленинграде у художника И. И. Бродского, и мы спорили часа полтора не о физиологии, в которой ни я, ни хозяин-художник, разумеется, ровно ничего не понимали, а о том, подлинен ли этюд Репина, приобретенный академиком, или всего-навсего искусная подделка? «Копиюха» — как называл такие подделки художник И. И. Бродский.

И. П. Павлов был страстным любителем и собирателем русской живописи. И тоже знал наизусть стихи Пушкина!

У многих из нас, очевидно, не совсем верное представление о людях науки.

Надежда Константиновна Крупская писала в своих воспоминаниях о Владимире Ильиче Ленине: «Больше всего он любил Пушкина».

Любить Пушкина — это вовсе не значит любить только прошлое русской литературы. Это значит также любить ее настоящее, ее будущее.

Пушкиноведение — отрасль советского литературоведения — не может существовать в отрыве от современности. Для изучения жизни и творчества Пушкина многое впервые сделано советскими пушкинистами. В ряде работ, на основании новых данных, ими показана тесная, не ослабевавшая связь Пушкина с декабристами и разрушена реакционная легенда о том, что в последние годы жизни поэт изменил идеям свободы. Советскими пушкинистами по-новому освещены вопросы о реализме Пушкина, его исторических взглядах, и раскрыто значение его творчества для дальнейшего развития русской литературы.

Однако по адресу их нельзя не сделать маленького упрека, который уже прозвучал в телефонном разговоре со мной товарища, напомнившего мне, что «Пушкин интересен и дорог не только пушкинистам». А читая очень многие труды о Пушкине, его эпохе, его поэзии, чувствуешь, что значительная часть их написана исключительно для специалистов. Такие труды, конечно, необходимы, и чем их будет больше, тем лучше. Но наряду с ними... Вот относительно того, что должно быть в этом «наряде», смело можно сказать, что такого «наряда» у нас очень и очень мало.

Мне думается, что задача пушкиноведения не только в углублении знаний о творчестве Пушкина и дальнейших открытиях, но еще и в приобщении к нему все новых и новых исследователей-энтузиастов, в привлечении внимания самого широкого круга советских читателей. А для этого делается очень немного и весьма часто делается так, что хочется вспомнить слова П. А. Вяземского из его письма к А. И. Тургеневу в сентябре 1820 года:

«Кто сушит и анатомит Пушкина? Обрывают розу, чтобы листок за листком доказать ее красоту?»

Я не хочу, да и не имею права в чем-либо кого-нибудь обвинять. Мне просто показалось уместным именно здесь привести заключительные слова из письма моего волгоградского корреспондента:

«Я натолкнулся на могилу Керн случайно. Мог бы ее не увидеть по незнанию, что она там. За пятнадцать лет военной службы я исколесил всю страну: побывал на Севере, на Дальнем Востоке и еще дальше — на Курильских островах, на Камчатке, на юге — на Украине, в Дагестане. И вот, когда сейчас читаю, что в таком-то городе было то-то и то-то, чрезвычайно злюсь: почему этот город, когда я в нем был, ничего не сказал мне о себе?

Мне могут ответить, что есть, вероятно, о каждом городе книги, рассказывающие обо всем подробно. Может быть и есть. Но как их достать пассажиру, временному в городе человеку?

Не проще ли на вокзале каждого города сделать соответствующе оформленную доску-указатель: Товарищи пассажиры, гости, проезжие! Наш город основан тогда-то. В нем происходили такие-то вот события. Жили такие-то и такие-то люди. Есть такие-то и такие-то достопримечательности — там-то и там-то!

Говорят, что такие доски-указатели есть за границей. Почему же нам не завести такие же и у себя? Мне кажется, что воспитательное значение их было бы очень большое».

И в этой части своего письма мой корреспондент абсолютно прав. Мы не очень щедры на указатели вообще. И не только на указатели достопримечательностей наших городов. У нас очень мало, например, каталогов библиотек. Таких каталогов, чтобы их можно было взять домой, поли-

стать, подумать, сделать какие-то отметки. Мало каталогов картинных галерей, нет подробных путеводителей по музеям. Очень мало интересно написанных биографий выдающихся деятелей культуры прошлого и настоящего.

А все это нужно, все это необходимо для приобщения как можно большего количества людей к прекрасному. У нас есть труды о поэзии для поэтов, но нет книг о поэзии для людей, просто любящих поэзию. Немного таких книг о музыке, живописи, литературе, театре.

Нашим издательствам об этом стоит крепко подумать. Речь идет ведь о путешествующих в прекрасное, а на этой чудесной дороге, чем больше будет указателей, дорожных знаков и тех самых привокзальных досок с перечислением достопримечательностей, о которых мечтает мой волгоградский корреспондент, — тем дорога эта станет доступней, легче и более манящей для каждого.

Об этой дороге, как и о всякой дороге вперед, можно говорить словами поэта Александра Твардовского:

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль
Как твой призыв:
Со мною следуй,
И обретай в пути и ведай
За далью даль,
За далью даль!

* * *

Совсем недавно мне пришлось послушать рассказ о впечатлениях одного англичанина-туриста, поездившего по нашей стране. Больше всего его у нас поразило количество читающих людей.

— Везде — в поезде, в самолете, в автобусе и в метро, — рассказывал этот турист-англичанин, — все люди — молодые и старые, женщины и мужчины — в любую свободную минуту заняты только тем, что читают книги. Читают чуть ли не на ходу на улице тоже...

Особенно удивило англичанина-туриста, что однажды, на его глазах в вагон метро вошел милиционер, сел и, вынув из сумки книгу, не отрываясь, читал ее до конца поездки.

— Я даже не представляю себе, — рассказывал далее англичанин, — нашего лондонского «бобби» (полицейского) в подобной или хотя бы похожей на это роли...

По-видимому, лондонские «бобби» действительно не принадлежат в Англии к числу людей, имеющих какое-то общение с книгой.

Интересно, что бы сказал этот турист-англичанин, если бы я дал прочитать ему письмо (у меня оно, отнюдь, не единственное) представителя профессии, на его взгляд, вероятно, еще менее «интеллектуальной», чем профессия «бобби» — обыкновенного грузчика?

Вот это письмо. Его написал мне товарищ Д. В. Лаврентьев из Свердловской области (станция Шаля):

«Я работаю бригадиром грузчиков в Свердловском леспромпхозе. Работа у нас грузчиков не из легких, но заработки достаточные, поэтому я, без всякого ущерба для семьи, ежемесячно трачу довольно значительную сумму на книги. Любовь к книгам мне привили с детства мать и отец, которые так же, как и я, — рабочие. Сейчас моя (вернее моя, жены и дочери) библиотека насчитывает свыше тысячи томов. В основном это произведения классиков, книги по истории и истории искусства, к которому я равнодушен. У меня большая, в несколько тысяч, коллекция репродукций с картин русских и западных художников».

Вот другое письмо, похожее. Мне написал его товарищ Н. Я. Самусев, проживающий в городе Кемерово, на Фабричной улице в доме № 50.

«Сам я рабочий, работаю старшим мастером в турбинном цехе Кемеровской ГРЭС. Образования большого не имею, но книги очень люблю. Книги я начал собирать еще будучи юношей, но за время шестилетнего пребывания в армии и на фронтах библиотечка моя пропала. Возвратясь с фронта в 1945 году, я опять стал собирать книги, и сейчас у меня около двух тысяч книг. У меня, главным образом, классики русской литературы, начиная с Пушкина, и классики советские, начиная с Шолохова. Увлекаюсь я также книгами о путешествиях».

Хочется привести еще одно письмо, последнее. Пишет его мне В. П. Дикарев из колхоза «Заветы Ильича» (г. Белая Калитва, поселок Заречный). В письме говорится:

«По сравнению с вами — я маленький собиратель книг. У меня есть кое-какие старинные книги, но ни одной редкой, их трудно найти в условиях колхозной жизни. Отношу себя к любителям старинной книги, хотя не пропускаю и новых. Вообще книг у меня около тысячи».

Не буду больше цитировать полученные мною письма. Ими можно было бы заполнить целую книгу. Приведенных здесь совершенно достаточно для доказательства того, что у нас люди самых разнообразных профессий — рабочие, колхозники, не говоря уже об инженерах, ученых, писателях, артистах — все любят и собирают книги.

В своей речи на XXI Съезде Коммунистической партии поэт Александр Твардовский отмечал, что «у нас народился высший тип читателя — читателя-собирателя».

Книга вошла в каждый дом, в каждую квартиру, в каждую хату. Книга стала неперменной принадлежностью быта

советских людей. Книгу читают, ценят, собирают и любят. Любят как неиссякаемый источник знаний, как друга и помощника. Советская страна — страна книголюбов.

Ф. М. Достоевский писал в «Бесах», что «...читать книгу и ее переплетать это целых два периода развития, и огромных. Сначала он (читатель) помаленьку читать приучается, но треплет книгу и валяет ее, считая за несерьезную вещь. Переплет же означает уже и уважение к книге, означает, что он не только читать полюбил, но и за дело признал. До этого периода еще вся Россия не дошла. Европа давно переплетает».

Что там сегодня «переплетает» эта Европа? С полным основанием писатель Н. М. Грибачев имел возможность заявить на XXII Съезде КПСС: «...именно у нас произведения Марка Твена выходят более полно и большими тиражами, чем в Америке, Бальзака — больше чем во Франции, Шекспира и Диккенса — больше, чем в Англии». Далеко она теперь позади, Европа, о которой писал Достоевский!

Книга — самое действенное и самое великое оружие коммунистического воспитания. И сегодня, когда после XXII Съезда КПСС коммунизм перестал быть далекой мечтой человечества, а весомо и зримо ощущается как нечто весьма близкое, завтрашнее, тяготение к книге у советских людей получило небывалое развитие. Стихийно растет количество государственных, общественных и личных, домашних библиотек.

Уже никто не задает вопроса: «А зачем покупать и собирать книги? Если какая понадобится — пойду и возьму ее в государственной библиотеке». Давно уже всем ясно, что книга из библиотеки и книга своя, книга любимая, которая всегда под рукой, дома, — это отнюдь не взаимоисключающие понятия.

Любовь к книге — это древняя, проверенная временем, любовь человечества. Говоря о страсти к книжному собирательству, я имею в виду книгособирательство осмысленное, полезное и мне, и окружающим меня людям. Оно не похоже на глупейшее накапливание непрочитанных книг, бытующее у нас, к счастью, лишь в виде редких исключений. Коллекционерство ради коллекционерства, накапливание книг как ценных предметов имеет тоже почтенный возраст.

Греческий сатирик II века нашей эры Лукиан в своем трактате «Против неуча, покупающего много книг» говорил:

«Это лицо судило о древности книг только по их внешности, и поэтому моля являлась его главным советником в данном вопросе; читая книгу и не понимая ее, библиофил уподобляется ослу, слушающему поводя ушами звуки божественной лиры; множество книг его так же не сделают ученым, как согласно пословице, — обезьяна всегда останется обезьяной, хотя бы она и носила золотое ожерелье; наконец, не давая никому своих книг, владелец их напоминает собаку в яслях, которая и сама не ест насыпанного туда ячменя и не дает есть лошади, которая могла бы делать это».

Ну что ж! В истории книги были и такие ее «любители». Может быть и не стоило вспоминать о такой «любви».

Если собрать все высказывания выдающихся людей прошлого и настоящего о книге, ее значении в жизни, в развитии культуры человечества, — это был бы гимн книге!

Рассказывая о традиционных ларях букинистов в Париже, Анатоль Франс, посвятивший множество самых поэтических строк любви к книге, писал: «Что касается меня, я ни разу не нашел первых изданий Мольера и Расина на

набережных, но я нашел там уроки мудрости, а это дороже всякого переплетенного «Тартюфа» или «Аталии» ин-квартиро...»

Недавно вышла в свет новая книга. Книга называется «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог». Выпустили книгу Всесоюзная книжная палата совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В каталоге описано 8 400 названий книг, журналов, газет и других произведений печати. Необходимо подчеркнуть, что это лишь частица из прочитанного Лениным. Около тысячи книг с собственноручными пометами и записями Владимира Ильича. Какой это богатейший материал для изучения жизни и деятельности основателя Коммунистической партии и Советского государства! Перелистывая страницы этой интереснейшей библиографической работы, видишь огромный энциклопедический диапазон интересов Владимира Ильича Ленина и объем прочитанной им за короткое время литературы. Становится ясным, что личная библиотека великого Ленина — это его инструмент, его ближайший помощник. Каталог наглядно показывает, как высоко ценил и как любил книги Владимир Ильич Ленин.

Можно сейчас не повторять замечательных высказываний о книгах Маркса, Энгельса, Пушкина, Толстого, русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, наконец, Горького и многих других книголюбов. Эти высказывания хорошо известны.

Мне хочется процитировать слова о книгах, сказанные тремя близко мне знакомыми людьми. Первый из них — кинорежиссер Сергей Михайлович Эйзенштейн. Когда-то вместе мы путешествовали по книжным лавкам, роясь в гималаях старых и пыльных книг. В его посмертных записках найдены такие строки:

«Ко мне льнут книги. Ко мне они слетаются, сбегаются, пристают. Я столько лет их люблю: большие и маленькие, толстые и тонкие, редкие издания и грошевые книжонки, визжащие суперобложками, или задумчиво погруженные в солидную кожу, как в мягкие туфли.

Книги не должны быть чересчур аккуратными, как костюмы только что от портного — холодными, как крахмальные манишки. Но им вовсе не следует и лосниться сальными лохмотьями. Книги должны обращаться в руках, как хорошо пригнанный ручной инструмент.

Я столько их любил, что они, наконец, стали любить меня ответно., неся оплодотворяющую строчку мысли, наводящее слово, подтверждающую цитату, убеждающую иллюстрацию».

Второй — дорогой мне и добрый знакомый — писатель Константин Александрович Федин. Свое отношение к книгам он высказал в письме ко мне. Вероятно, это не очень хорошо опубликовать строчки из частного письма (пусть простит меня Константин Александрович!), но его слова о книгах столь примечательны, что показалось грешно хранить их где-то в архиве. Вот что написал Федин:

«Книги, меня волнующие, я всегда сначала просматриваю, пролистываю, а потом уже выпиваю до дна, как напиток отведанного и «понятого» букета. Этот букет тонок, душист, крепок доброй, мужской крепостью. К счастью, книга отличается от вина тем, что не убывает, как вино в бокале, а хорошая книга множит свое содержание тем больше, чем чаще к нему припадаешь...»

Какие это чудесные, поэтичные и верные слова о книгах!

К ним остается присоединить высказывание третьего моего доброго знакомого — писателя Виктора Борисовича Шкловского: «Собирайте книги и, если от книг становится тесно и некуда поставить кровать, то лучше заменить кровать раскладушкой».

Последнее, о чем хотелось бы сказать уже мне самому. Когда журналисты враждебной нам буржуазной печати занимаются подсчетом всевозможных видов «секретного» оружия нашей славной Советской Армии, грозно стоящей на страже мира и справедливости, они не учитывают один из действительно сокрушительных видов ее вооружения — книгу.

В наспех брошенных во время Великой Отечественной войны фашистских блиндажах и землянках советские воины изредка тоже находили кое-какую «литературу». Но

это были похабно-альковные приключения, портреты обнаженных «звезд» Голливуда и прочая разлагающая дребедень.

В вещевых мешках наших советских бойцов лежали любимые томики Ленина, книги Пушкина и Толстого, Николая Островского и Шолохова. Книгу брали с собой в бой, в разведку. Часто перед походом из вещевого мешка, для его облегчения, выбрасывали банку консервов, но оставляли книгу. В наших музеях немало книг, простреленных вражескими пулями, залитых кровью героев...

Поклон книге!

* * *

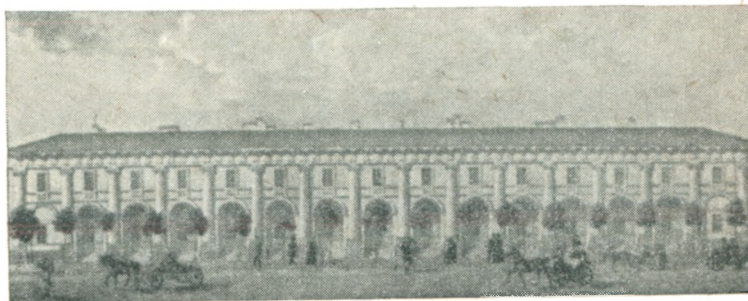
Одним из важнейших разделов моего книжного собрания являются прижизненные издания наших классиков. Среди них на первом месте, конечно, Пушкин. Я собирал все книги Пушкина, — такие, какими они впервые предстали перед глазами читателя, такие, какими видел их сам поэт.

Собирал произведения Пушкина, напечатанные при его жизни не только отдельными книгами, но и появившиеся в газетах, журналах, альманахах и песенниках, тогда выходивших.

Собрать все это было не очень легко. На это ушли все мои досуги, остающиеся от актерской работы, стаж которой измеряется не одним, не двумя и даже не тремя десятками лет. Некоторые годы из них были особенно благоприятными для книжного собирательства.

Порой столь же трудно, как собирать эти книги, было объяснять друзьям и знакомым — зачем я их собираю? Зачем мне Пушкин непременно в первом прижизненном издании? Разве нельзя прочесть «Евгения Онегина» в издании позднейшем, сегодняшнем?

«ПАНОРАМА
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА».
Левая сторона.

В своих уже напечатанных «Рассказах о книгах» я говорил о том, что Пушкина можно и нужно читать в любом издании. И, может быть, в самом позднейшем его прочитать даже полезней. Мы найдем тут интересные, познавательные предисловия и примечания, иногда великолепные иллюстрации. Кроме того, тщательно выверен текст, восстановлены строчки, зачеркнутые и изуродованные цензурой. Все это верно!

Но Пушкин в первых прижизненных изданиях поражает своей суровой ясностью и простотой. «Онегин» первого издания, в скромных на вид тетрадочках-главах, в простых и таких милых обложках, иногда может быть совершенно по-новому прочитан вами. Как-то вот между вами, читателями, и гениальным создателем этого произведения ничто не стоит. Ничто не мешает, не отвлекает. Ни рисунки, ни примечания, ни предисловия. Вот просто — слово Пушкина и вы — его читатель. Тут немножечко, может быть, от поэзии, но ведь и «Евгений Онегин» не проза...

На мои «Рассказы о книгах» откликнулся, в частности, писатель В. Б. Шкловский. Уже самое название его статьи в журнале «Новый мир» как бы разъясняло тот же вопрос. Статья называлась: «О пользе личных библиотек и о пользе собирания книг, в первых изданиях в частности». То, о чем я попытался сказать образно, но, может быть, не вполне убедительно, В. Б. Шкловский конкретизировал научно и точно: «...стихотворение, роман — исследователю и писателю надо прочесть там, где они были в первый раз напечатаны. Работа творца несовместна, но она обща, она делается им вместе с его временем, и Пушкина, Толстого, Блока, Маяковского надо проверять и в журналах, в которых они были напечатаны, надо увидеть их в хоре времени».

«Поэтому, — продолжает далее В. Б. Шкловский, — никакие сборники «Русская новелла», или «Русский фельетон», или «Русская поэзия» — не заменят до конца чтения первого издания. Не надо все читать по первоисточнику, но возвращаться к первоисточнику, проверять себя на нем, — необходимо».

Все удивительно верно! Слова «увидать писателя в хоре времени» — своего рода программа для книжного собирательства. Хочется поспорить с автором статьи только об одном. Он говорит, что «произведения надо прочесть там, где они были в первый раз напечатаны», — лишь «исследователю и писателю». Почему же только «исследователю и писателю»?

Мне думается, что это интересно и читателям, в особенности читателям-собираателям, о которых говорил Александр Твардовский.

Значение первых прижизненных изданий усугубляется еще тем, что появление каждого произведения писателя в печати, — в газете, журнале, альманахе или, тем более, отдельной книгой — несомненно важнейший факт в его биографии, который требует не меньшего изучения и освещения, чем все остальные биографические факты.

Книги, написанные писателем, — это то, ради чего он существовал на земле. Его творческая биография начинается с рукописи, с книги.

И как ни кажется, что я «ломлюсь в открытые двери», на самом деле «двери» эти совсем не открыты. Во всех многочисленных, обстоятельнейших и ценнейших научных трудах, посвященных жизни и творчеству Пушкина, эта сторона его биографии пользуется наименьшим вниманием.

Единственным специальным трудом на данную тему является книга Н. Синаевского и М. Цявловского «Пушкин в

печати», изданная впервые в Москве в 1914 г. и повторенная в 1938 г. Замечательная работа эта носит, к сожалению, лишь справочный, библиографический характер. Очень ценно, когда указано, что такое-то стихотворение напечатано тогда-то в сборнике, скажем, «Жасмин и роза». Но это очень мало говорит читателю, не специалисту.

К тому же эта работа издана в ничтожном количестве экземпляров (2 200) и сама стала библиографической редкостью.

Незадолго до смерти один из авторов справочника «Пушкин в печати» — темпераментнейший из пушкинистов — М. А. Цявловский, с огромным воодушевлением относившийся к книжному собирательству, узнав, что я готовлю книгу о прижизненных изданиях Пушкина, громко, как всегда, не обращая внимания на окружающих, на каком-то заседании в Литературном музее кричал мне:

«Сделайте ее непременно! Я всю жизнь мечтал написать такую книгу и так вот не собрался. Сделайте! И не только расскажите о каждой книге Пушкина, о каждом альманахе, где он был напечатан при жизни, — вы покажите их читателям. Воспроизведите все печатные обложки книг Пушкина, в цвете, в размере, дайте снимки со всех заглавных листов альманахов, сборников, газет, журналов его времени с его стихами. Покажите все иллюстрации в них к произведениям Пушкина. У вас же все это есть, а народ почти не видел! Чертовски все это интересно!»

Конечно, М. А. Цявловский, знаток пушкинианы, сделал бы такую книгу в тысячу раз лучше, чем я. Но его уже нет, а я решил все-таки попытаться. Как вышло — судить не мне.

Задача моя, действительно, чуточку облегчалась тем, что все, о чем я рассказываю, все прижизненные издания Пушкина, книги других авторов, им изданные, вся периодика,

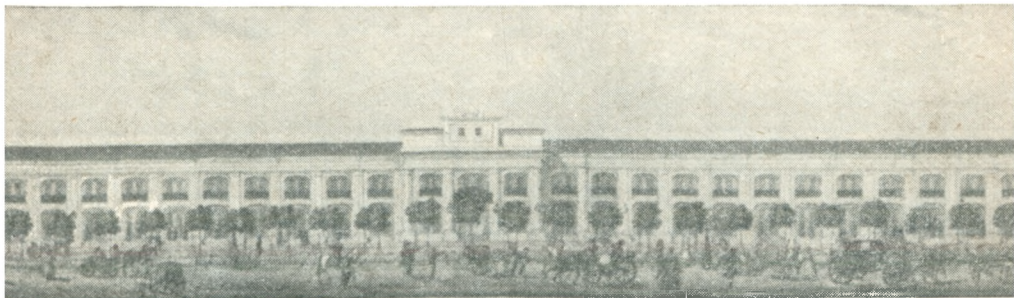

в которой печатались его произведения в 1814—1837 годы, за небольшим исключением, собраны в моей библиотеке. Во время работы я мог держать все это в руках, перед глазами.

Зато, что касается источников, откуда можно было почерпнуть какие-либо сведения обо всех этих изданиях, как это ни парадоксально, их было и слишком много (целая библиотека пушкинианы), и слишком мало.

До сих пор была сделана только одна попытка как-то объединить сведения, касающиеся издательской стороны прижизненных книг Пушкина. Молодой, безвременно погибший пушкинист Сергей Гессен выпустил в 1930 году небольшую брошюру под названием «Книгоиздатель Александр Пушкин». Составленная довольно интересно, работа С. Гессена не охватывает всех прижизненных изданий Пушкина. Напечатана она трехтысячным тиражом и давно исчезла с полок книжных магазинов. Можно вовсе не упоминать нескольких обзорных статей на эту тему, в частности, напечатанных до появления работы С. Гессена в «Известиях книжных магазинов Т-ва М. Вольфа» (1899 г., № 9 и 1909 г., № 7). Статьи эти поверхностны и отличаются чрезмерно большим количеством восклицательных знаков вокруг якобы «высоких гонораров» Пушкина.

За тридцать с лишним лет со дня выхода брошюры С. Гессена советское пушкиноведение достигло больших успехов. Блестящая плеяда советских ученых-пушкинистов посвятила ряд замечательных трудов жизни и творчеству великого русского поэта. Множество ценнейших сведений о Пушкине приводится в таких изданиях, как «Литературное наследство», «Звенья», «Временник пушкинской комиссии», «Пушкин. Исследования и материалы» (изд. АН СССР) и других.

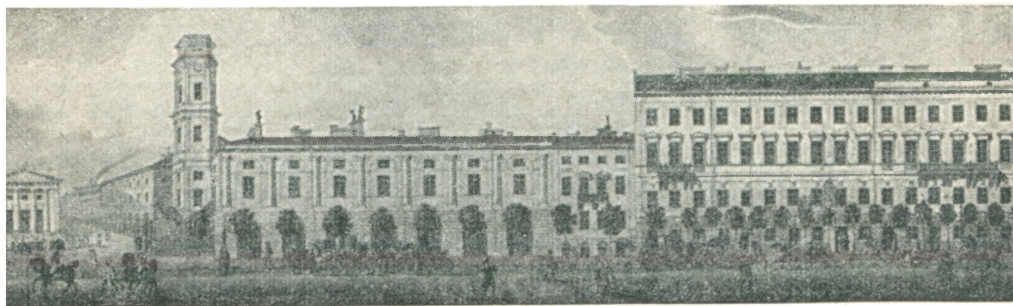

Однако прижизненные издания сочинений Пушкина, равно как и периодические органы, печатавшие его произведения, по-прежнему упоминаются лишь в общих обзорных статьях, либо сведения о них рассыпаны в примечаниях к биографическим или исследовательским работам. Не тронуты вовсе архивы издателей и книгопродавцев пушкинского периода.

А между тем, некоторые из них играли значительную роль в развитии русской литературы, в профессионализации труда русских писателей и, в частности, первейшего из них — Пушкина. Только взаимоотношения Пушкина с книгоиздателем Смирдиным по справедливости следовало бы посвятить отдельную работу.

Работая над своей книгой, я убедился, что, если можно создать исследование о жизни и творчестве Пушкина, упоминая лишь бегло о выходе из печати той или иной его книги или публикации какого-либо его произведения в периодике, то, рассказывая именно об этих фактах, придавая им первостепенное значение в жизни поэта, нельзя не затронуть и чисто биографических фактов. О них непременно всегда приходится напоминать, как бы общеизвестны они ни были.

Таким образом, предлагаемая вниманию читателей работа, в основе своей является биографическим очерком великого поэта, с перенесением в этом очерке центра внимания на историю издания его книг, на взаимоотношения его с издателями, книгопродавцами, с друзьями-помощниками по изданию, на гонорары, полученные им, на цензурные перипетии, сопровождавшие печатание его произведений, на то, как эти произведения были встречены читателями и критиками и, наконец, на внешнюю, типографскую сторону его прижизненных изданий.

В книге надо любить не только ее автора, но и людей, ее сделавших: печатников, художников, издателей.

Книга — это своего рода оркестр, все инструменты в котором должны звучать стройно и гармонично. Только тогда и получается то самое «чудо», о котором говорил Максим Горький и которое он любил больше всего на свете.

Прижизненные издания Пушкина — это реликвии русской литературы.

Каких бы высот ни достигли советские люди, они все равно непременно с этих высот оглянутся назад, на свое прошлое. «Мы не были Иванами, не помнящими родства», — говорил Никита Сергеевич Хрущев, встречая первого советского космонавта Ю. Гагарина, и тут же вспомнил изобретателя-революционера Н. И. Кибальчича, казненного царским правительством, вспомнил К. Э. Циолковского, чьи давние идеи сегодня претворены в жизнь советским человеком.

Наши потомки через сто, двести лет, непременно захотят посмотреть, как выглядел первый, прижизненный «Евгений Онегин». А все ли сделано, чтобы сохранить для них эти книги-реликвии? Сделано многое, но не все!

Мы слишком «облокотились» в этом отношении на музеи и наши государственные и общественные книгохранилища. Мне довелось посмотреть в них самые «сокровенные» фонды таких книг. Именно прижизненных изданий Пушкина в них не очень много.

Вспомним, что «Евгений Онегин» в первом издании напечатан, примерно, в количестве 1 200 экземпляров. Прошло немногим более ста тридцати лет. Сколько же можно найти сейчас во всех книгохранилищах полных, хороших его экземпляров, в печатных обложках, в том виде как он вышел? Думаю, что всего экземпляров сорок, не больше. Часть из

них в постоянном пользовании, в работе. Эта часть постепенно изнашивается.

Сколько же останется таких экземпляров еще, допустим, через сотню лет? Сколько останется «Бориса Годунова»? «Руслана и Людмилы»?

А ведь прижизненные издания Пушкина пока еще есть. Даже сегодня, сейчас, они нет-нет да и мелькнут на прилавках букинистических магазинов.

Книголюбы должны собирать и хранить эти книги. Не для себя: книга — кратковременный жилец в библиотеке книголюбца. Она все равно когда-нибудь попадет в государственное хранилище. Спор, недавно возникший по этому поводу, — спор пустой и вредный. Книголюбы оказали немало услуг государственным библиотекам. Собирая и храня прижизненные издания Пушкина, они сделают еще одно полезное дело.

Собирателям-книголюбам я и посвящаю эту свою, вероятно, крайне несовершенную, работу. Я старался в ней как можно меньше говорить от себя, предоставляя первое слово документам, письмам самого Пушкина, свидетельствам его современников.

И если читатели примут мою книгу всего лишь как тот самый «привокзальный указатель для путешественников», о котором так заботился мой волгоградский корреспондент С. Д. Каракозов, я буду считать поставленную себе задачу посылно решенной. На чудесной дороге путешествующих в прекрасное даже самые скромные путевые отметки могут оказаться нелишними.

* * *

В своих напечатанных ранее «Рассказах о книгах» я уделил некоторое внимание истории находки той или иной

редкой книги. Судя по письмам моих читателей, это было принято с интересом. Но в работе о прижизненных изданиях Пушкина все эти истории мне показались ненужными.

Единственный эпизод, о котором мне захотелось рассказать, в какой-то мере связан с зарождением моей новой работы и потому, может быть, окажется уместным.

Дело было за два-три года до Великой Отечественной войны. Я только что получил в жилищном кооперативе квартиру, а до этого я много лет жил в общежитии артистов при Мюзик-холле.

Устраивая библиотеку на новом месте, я был очень озабочен приобретением какого-нибудь подходящего «источника света» для комнаты, в которой должны были разместиться книги.

Мне попалось на глаза объявление в вечерней газете, что там-то «продается павловская люстра». Я не поклонник мебели старины, но хороших люстр тогда у нас просто еще не делали, а вешать бумажный «голубой абажур» не хотелось.

Поехал по адресу. Вышел почтенный человек, вся комната у которого была заставлена пузатыми комодами, «екатерининскими» сервантами и прочим хламом, накупленным в комиссионных магазинах.

Над всем этим красовалась люстра из разряда, что называется «так себе».

— Ну, знаете ли, — сказал я, — люстра-то у вас отнюдь не времен Павла...

— А какого же времени?

— Что-нибудь попозже. Времени Пушкина, что ли. И то так, много лет спустя после его смерти.

— Вы, наверное, хорошо знаете Пушкина? — спросил владеец люстры.

— Не очень, но то, что он, скажем, написал «Евгения Онегина», знаю.

— Хорошая опера! — вздохнув, сказал мой собеседник и, вдруг, оживившись, добавил:

— У меня, кстати, есть одна старинная книга, и именно Пушкина, и именно «Евгений Онегин». Некоторые мои чудаки-знакомые говорят, что книга эта будто бы стоит тысячу рублей...

И тут человек, продающий люстру, произнес фразу, ради повторения которой и рассказывается весь этот эпизод.

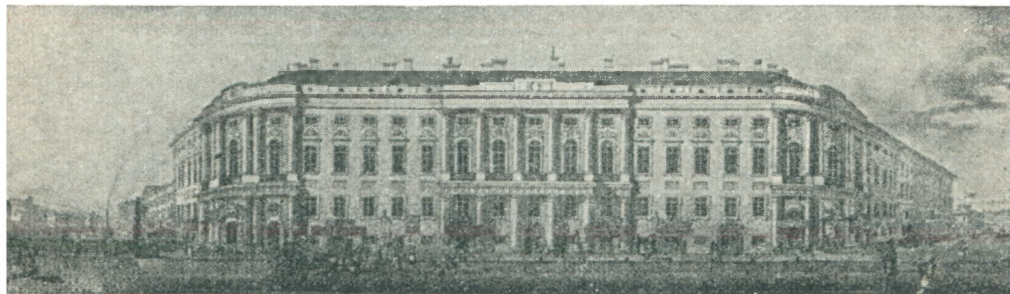
— Я, конечно, понимаю, что никакая книга тысячу рублей стоить не может, но что-нибудь она, вероятно, и стоит...

И вынес мне, каким-то случайным образом к нему попавшее первое прижизненное издание «Евгения Онегина» (1825—1832), в чудесном виде, в главах, со всеми печатными обложками. Ценность экземпляра усугублялась еще тем, что вторая глава была приплетена к нему не в первом московском издании 1826 года, тоже крайне редком, а во втором, петербургском 1830 года, считающемся уже просто ненаходимым.

Мои попытки объяснить обладателю этой книги ее подлинное значение не привели ни к чему. Он хитро шурил глаз и все объяснения о книге выслушал как уловку и попытку сбить цену на главное его сокровище — люстру.

В конце концов он предложил мне купить у него эту ненужную мне люстру, а книгу он-де отдаст к ней «в придачу». Ни на какие другие соглашения он не шел.

Я уплатил деньги за люстру, забрал книгу, данную к ней «в придачу», сказал, что за самой люстрой заеду позже и... не заехал до сих пор... Пользоваться невежеством владельца книги я не хотел.

Наоборот, пусть он думает, что я ничего не понимаю в люстрах.

Вся рассказанная мною история может пригодиться для доказательства того, что непонимание или неуважение к книге, а иногда к документу, автографу, картине, рисунку, имеющим ценность прежде всего общественную, а потом уже материальную, может привести порой к гораздо более печальным результатам: к потере или уничтожению этих ценностей.

Не трудно представить, сколько погибло ценнейших рукописей, автографов, редчайших книг по неведению случайных их владельцев, не понимавших, что за эти предметы государственные музеи и библиотеки не только будут благодарны, но, в случае необходимости, готовы отдать даже ту самую «тысячу рублей», в реальность которой никак не хотел верить встреченный мною обладатель первого издания «Евгения Онегина».

Давайте же собирать, хранить и разъяснять незнающим значение документальных памятников нашего славного литературного прошлого. Вспомним еще раз слова Горького: «Не зная прошлого — невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего».

В своей очень интересной статье (предисловие к книге «Неизданные письма иностранных писателей XVIII и XIX вв.» М.-Л., 1960) академик М. П. Алексеев говорит: — проявим «...разумный интерес к старому рукописному документу, уважение к нему без всякого подобострастия, любовь — без всякой чрезмерности...»

Это сказано о рукописях и автографах писателей. Но прижизненная книга Пушкина — почти его автограф. К такой книге можно проявить любовь, даже чрезмерную. Любовь эта никого не обидит...

Несколько необходимых пояснений к настоящей работе. Она разделена на три раздела. В первом описаны все прижизненные издания сочинений Пушкина, вышедшие отдельными книгами на русском языке. Иноязычные издания не учтены мною совсем.

Во втором разделе рассказывается о книгах других авторов, изданных Пушкиным, об альманахе «Северные цветы» на 1832 год, напечатанном им в пользу семьи А. Дельвига, о журнале поэта «Современник» (1836—1837 гг.) и о первом посмертном собрании его сочинений 1838 года.

В разделе третьем даны описания всех журналов, альманахов, сборников, хрестоматий и песенников, помещавших сочинения Пушкина при его жизни. Помимо библиографических и других сведений об этих изданиях, указывается, какие именно произведения поэта в них напечатаны.

Не учтены произведения Пушкина, положенные на музыку при его жизни и изданные отдельными песнями или романсами. Не учтены лубочные народные картинки на сюжеты некоторых пушкинских произведений. Все это, равно как и описание переводов сочинений Пушкина на другие языки (изданных при его жизни), — тема отдельной работы.

Описания изданий в первых двух разделах расположены хронологически, по годам издания. В разделе третьем — по году появления первого произведения Пушкина в журнале или альманахе. Если издания продолжались или выходили повторно, описания их даются подряд. В конце книги дан алфавитный указатель к третьему разделу.

Пользуюсь случаем выразить признательность сотрудникам Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Пушкинского Дома АН СССР за предо-

ставленную возможность сфотографировать некоторые, отсутствующие в моем собрании, редчайшие издания.

За ряд ценных советов во время работы над книгой искренне благодарю М. Г. Ашукину, Т. Г. Цявловскую и, особенно, профессора, доктора филологических наук Ю. Г. Оксмана, первого и взыскательного читателя моей книги.

В работе моей упоминается множество имен, названий, фактов и дат. Возможны и даже неизбежны некоторые ошибки, за которые прошу снисхождения у читателей.

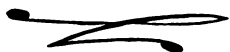
«ПАНОРАМА НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА»

Художника В. С. Садовникова.

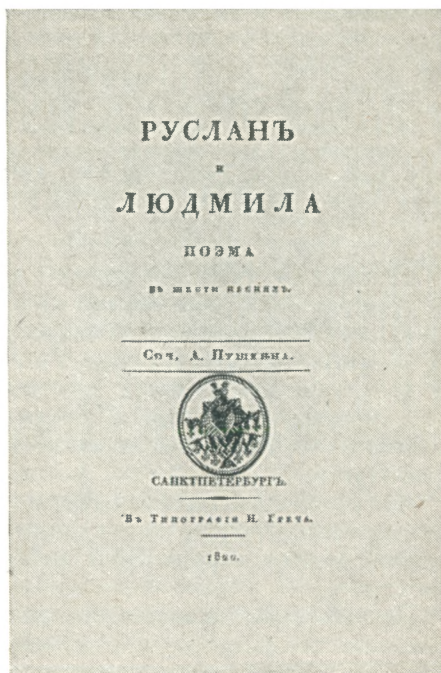
Литография П. Иванова. 1830 г.

Книги Пушкина, изданные при его жизни

Расположены в хронологическом
порядке по году издания. Примечания
даны в конце каждого рассказа.

1. ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА — «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» (1820 г.)

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА. Поэма в шести песнях. Соч. А. Пушкина. Санктпетербург. В типографии Н. Греча. 1820.

8°. (24 × 14,5 см. обрз.) 142 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

Иллюстрации: гравированная картинка с несколькими сценами из поэмы. Рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов. Монограмма «А. О.» (А. Оленина).

Обложка: печатной не было. Книга продавалась в так называемой «немой» цветной обертке. В 1822 году к остатку тиража была напечатана обложка, на передней стороне которой текст в наборной рамке: «Руслан и Людмила. Поэма А. Пушкина. Продается в книжном магазине Сленина. Спб. 1822». В центре обложки типографская виньетка — лира. На последней стр. обложки, в такой же наборной рамке, типографская виньетка — музы.

Цензурное разрешение: 15 мая 1820 года; цензор Ив. Тимковский.

Дата выхода в свет — между 23 июля и 10 августа 1820 года — определяется на основании библиографической заметки в «Сыне Отечества» 1820 г. (часть 63, № 33, стр. 326), в которой говорится: «Мы

ограничиваемся в нынешней книжке известием о выходе в свет сего прекрасного произведения, в будущем напечатаем подробный разбор ее. Поэму сию можно получить в типографии издателя Сына Отечества и в книжных лавках гг. Плавильщикова и Сленина. Цена ей на белой бумаге в цветной обертке 10 рублей».

В письме А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву от 23 июля того же года говорится: «На сих днях явится в свет поэма молодого Пушкина» («Русский Архив», 1867, стр. 656). Письмо это дает право думать, что книга вышла несколько ранее, чем указано в заметке, напечатанной в «Сыне Отечества»¹.

ПЕРВАЯ КНИГА великого Пушкина внешне не очень красива. Даже менее красива и менее изящна, чем другие прижизненные издания поэта. Печатавшая ее типография Николая Греча, издателя журнала «Сын Отечества», была далеко не лучшей типографией своего времени. Шрифт, которым набрана книга, слишком обыкновенен и чуть-чуть «усталый». Это шрифт-«работяга».

Не очень продуман и формат книги. Он мал для издания, претендующего на парадность, и великоват для книги, единственным украшением которой является скромность и простота.

Приложенная к изданию гравированная картинка очаровательна по выдумке и исполнению, но она именно «приложена» и не кажется неотъемлемой частью книги.

Но все эти придирчивые размышления книголюбца разлетаются в прах, когда до сознания доходит, что в руках у вас первая книга Пушкина, что гравюрка, приложенная к ней, — это первая иллюстрация к его произведениям.

И когда вы прочтете первые строчки бессмертных стихов поэта, вы сразу начинаете понимать, что они-то и есть изумительное украшение книги. Это — алмазы в нарочито простой оправе.

И вам становятся дороги и шрифт, и бумага, и обложка, и переплет этой пушкинской книги, начавшей свою жизнь в его время, в его эпоху.

Невеселое это было время, мрачное, пожалуй, самое мрачное в истории России.

Детство, юность и молодость Пушкина протекали в годы царствования Александра I. Это был один из тех русских монархов, которые, по словам В. И. Ленина, «то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых, и «спускали» на верноподданных Аракчеевых»².

«Заигрывание с либерализмом», или «дней Александровых прекрасное начало», продолжалось, как мы знаем, весьма недолго. Разбуженное войной 1812 года политиче-

ское самосознание общества, возникшие в передовых кругах дворянской молодежи глубокие симпатии к народу-герою, народу-победителю, породили после войны недовольство самодержавно-полицейским режимом и, в особенности, бесправным положением крепостного крестьянства.

Это заставило Александра I и его правительство стать на путь все усиливающейся реакции. Последнее десятилетие александровского царствования — это период аракчеевщины, организации военных поселений и нестерпимого политического гнета. В ответ на волнения крестьян, вызванные новой жестокой формой их закабаления, «царь-батюшка» изволил заявить, что «военные поселения будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»³.

Александр I, этот «плешивый шеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой», безмерно увлекся импониовавшей ему ролью «освободителя Европы» и все внимание уделял международным делам. Он возглавил так называемый «Священный союз», объединявший европейских «венеценосцев». Задачей этого союза было подавление революционно-освободительного движения народов Европы. Все управление собственной империей царь доверил «без лести преданному» временщику Аракчееву.

Враждебное отношение к правительству внутри России росло. Наступило время роста революционных настроений среди передового дворянства. Организовались тайные общества будущих декабристов. Несмотря на различие политических программ, общества были объединены общими идеями борьбы с самодержавием, крепостничеством, административным произволом. Эти идеи питали и русскую передовую литературу того времени.

Несмотря на жестокий цензурный гнет, тогда стали выходить журналы и альманахи, в которых развивались свободололюбивые мысли.

Поборником свободололюбивых идей приехал в Петербург окончивший 9-го июня 1817 года лицей Александр Пушкин. Он был зачислен на грошовое жалованье в Коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря. Приехал молодым, но отнюдь не начинающим поэтом. Его уже «замечал старик Державин». Имя Пушкина было многим известно по стихотворениям, печатавшимся в журналах еще с 1814 года. У него крепились дружеские связи с В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, Н. М. Карамзиным, братьями А. и Н. Тургеневыми, П. Я. Чаадаевым, П. А. Плетневым, П. А. Вяземским, И. А. Крыловым, А. Н. Олениным.

Он был членом литературного общества «Арзамас», по обычаю которого получил там шутовское прозвище «Сверчок», стал членом общества «Зеленая лампа», где собирались люди, имевшие прямое отношение к будущим декабристам.

П. А. Вяземский писал об этих годах петербургской жизни поэта: «Хоть он и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере»⁴.

Очень скоро могучий поэтический талант Пушкина, направленный по вольнолюбивому руслу, сделал его имя знаменитым.

В эти годы Пушкин написал оду «Вольность», в которой, переключаясь с одноименным произведением Александра Радищева, выразил ненависть к тирании. До нас дошел только один «Нозель» — песенка, высмеивающая непосредственно Александра I. Таких более чем смелых «Нозелей» было несколько. В 1819 году Пушкин пишет проникновеннейшее стихотворение «Деревня», направленное против крепостного права, против бесчеловечности и жестокости помещиков, присвоивших себе насильственным путем «и труд, и собственность, и время земледельца». Любимейшим произведением всех поколений русских революционеров становится написанное в эти же годы пушкинское «Послание к Чаадаеву», заканчивающееся словами:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Можно вспомнить еще ряд смелых и злых эпиграмм на Александра I, Аракчеева и других царских прислужников. Множество язвительнейших намеков «насчет небесного царя», а иногда насчет земного содержится в других, кроме чаадаевского, «Посланиях» Пушкина друзьям.

Все это, разумеется, не могло быть напечатано, но в бесчисленных списках расходилось по рукам, окружая имя Пушкина ореолом борца за свободу, ореолом поэта-гражданина.

Роль рукописной литературы, распространяемой потаенно, была в то время огромна. Позже, в 1860 году, соратник Герцена Н. П. Огарев писал по этому поводу:

«Наступило время пополнить литературу процenzурованную литературой потаенной, представить современни-

Сцены из поэмы «Руслан и Людмила». Рисовал И. Иванов.
Гравировал М. Иванов.

кам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себе дорогу, как гамлетовский подземный крот, и являлась нежданно, то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу. В подземной литературе отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так, что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений»⁵.

Великая книга А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 года была сожжена, но многочисленные рукописные копии с нее сделали то, что —

Радищев, рабства враг — цензуры избежал.

Это писал сам Пушкин, и именно таким же образом «избежали цензуры» собственные его вольнолюбивые стихотворения и эпиграммы.

И не так уже важно характеризовать точно политическую позицию поэта в этих произведениях.

Тот же Н. П. Огарев писал о Пушкине: «В чем заключалась гражданская свобода — Пушкин не мог сказать: дело поэзии было выразить настроение и направление, создание же самих учреждений, вывод формулы, входит в иной разряд человеческой деятельности; поэзия могла выразить отношение человека к задаче, а не самую задачу и ее решение»⁶.

Ничего большего нельзя было требовать от Пушкина в эти годы. Отнюдь не упрощая вопроса, но учитывая историческую обстановку, в которой зазвучали вольнолюбивые стихи молодого поэта, их должно рассматривать как призыв к борьбе с деспотизмом и крепостничеством. За каждое такое свое стихотворение Пушкин мог легко угодить на каторгу и чуть было не угодил, если бы не заступничество друзей.

Пушкин нарочито подчеркивает свое вольнодумство, ведет себя более чем неосторожно. В театре, при всех, он демонстративно показывает портрет Лувеля, заколовшего кинжалом герцога Берийского, сына наследника французского престола.

На портрете была крупная надпись «Урок царям». В театре же, громко, чтобы все слышали, Пушкин кричал друзьям: «Теперь самое безопасное время — на Неве лед идет!». Все понимали, что это намек на то, что из-за ледохода не посадят в Петропавловскую крепость. В Царском селе в саду сорвался с привязи медведь. Он мог наброситься на прогуливавшегося Александра I и растерзать его. Пушкин

немедленно пустил остроту по Петербургу: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!»

Все это повторялось во всех гостиных, дополнялось выдумками. Кроме того, поэту стали приписывать анекдоты, которых он не рассказывал, эпиграммы, которых он не писал.

В начале апреля 1820 года министр внутренних дел Кочубей получил донос В. Н. Каразина (помощника председателя «Вольного общества любителей российской словесности») и дал предписание генерал-губернатору Петербурга М. А. Милорадовичу сделать обыск у Пушкина и арестовать его.

Милорадович — боевой генерал, воспетый Жуковским, большой барин и либерал — хотел пощадить молодого поэта. Не прибегая к аресту, он решил ограничиться обыском и секретным изъятием рукописей. С этой целью на квартиру поэта был послан переодетый полицейский агент. Он предлагал дядьке Пушкина Никите Козлову какие-то деньги за право «почитать», что пишет его молодой хозяин. Дядька денег не взял и сообщил об этом «визите» Пушкину. Поэт ночью сжег все рукописи, которые могли бы послужить основанием для обвинений.

На утро Пушкина вызвали к генерал-губернатору. Ф. Н. Глинка, состоявший при Милорадовиче чиновником по особым поручениям, так рассказывает об этом «свидании»:

«Часа через три и я явился к Милорадовичу... Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу: «Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги: но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился, очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои стихи сожжены! У меня ничего не найдется в квартире, но, если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною, разумеется, кроме печатного, с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги, Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйся! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения....

На другой день я пришел к Милорадовичу пораньше. Он возвратился от государя и первым словом его было: «Ну,

вот дело Пушкина и решено». И продолжал: «Я подал государю тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбредось в публичке, но вам, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно и, наконец, спросил: «А что же ты сделал с автором?» — «Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение!» Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав, он с живостью сказал: «Не рано ли?» Потом, еще подумав, прибавил: «Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг!»⁷.

Весь этот эпизод несомненно идеализирован, но конец его соответствует действительности: Пушкина выслали из Петербурга под видом служебного назначения.

Дело, конечно, не только в заступничестве Милорадовича. Хлопотавшему за Пушкина бывшему директору лицея Е. А. Энгельгардту царь сказал: «Пушкина надобно сослать в Сибирь. Он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает...»⁸

Кроме Энгельгардта, за поэта вступился и Н. М. Карамзин. Он писал И. И. Дмитриеву: «Служа под знаменем либералистов, он (Пушкин) написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно истощил все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного року и Немезиде, однако ж из жалости к таланту замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет...»⁹

Хлопотать за Пушкина стали также В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. Н. Оленин и непосредственный начальник поэта по службе его в Коллегии иностранных дел граф И. А. Каподистрия. Энергичный напор влиятельных друзей поэта увенчался успехом: было решено перевести Пушкина на юг.

Старый сослуживец Милорадовича и друг Каподистрии, генерал И. Н. Инзов ведал в то время колонистами Южного края России. К нему в Екатеринослав и был отправлен опальный поэт в качестве внештатного чиновника.

6 мая 1820 года Пушкин в сопровождении верного своего дядьки Никиты Козлова выехал из Петербурга на юг. Расставание со столицей не было особенно тягостным: и Пушкин, и его друзья прощались убежденными, что это ненадолго.

На самом деле, Пушкин вновь увидел Петербург только через семь лет.

* * *

В Петербурге Пушкин, по его собственным словам, вел «рассеянный» образ жизни, но это не мешало ему, помимо лирических стихов и сатирических эпиграмм, создать одно из самых замечательных своих произведений — поэму «Руслан и Людмила», начатую им еще в лицее.

На черновой рукописи стоит дата окончания поэмы 26 марта 1820 года. В этот день В. А. Жуковский подарил автору ее свой портрет с надписью:

«Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 года марта 26, великая пятница»¹⁰.

Пушкин не успел еще даже отредактировать и перебить свою поэму. Разразившаяся над ним гроза была внезапной, и поэт выехал из Петербурга, оставив рукопись «Руслана и Людмилы» на попечение друзей.

П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 5 мая 1820 года:

«Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Мы постараемся отобрать у него поэму, прочитаем и предадим бессмертию, то есть тиснению»¹¹.

До 1936 года считалось, что «Руслана и Людмилу» издал Н. И. Гнедич, поэт и переводчик «Илиады».

Было также известно, что Гнедич уплатил Пушкину за поэму всего только 500 рублей. На самом деле с изданием «Руслана и Людмилы» все обстояло несколько иначе. В 1936 году профессор Ю. Г. Оксман опубликовал найденную в бумагах В. А. Жуковского расписку отца Пушкина, Сергея Львовича, такого содержания:

«1820-го года Мая 17-го дня я нижеподписавшийся получил от Василия Андреевича Жуковского тысячу рублей, за издаваемо[ю] поэму, Руслан и Людмила, для пересылки сыну моему Александру Пушкину. В Екатеринослав.

Пятого класса Сергей Пушкин»¹².

Имеются документальные подтверждения (письмо почт-директора К. Я. Булгакова к брату от 19-го мая 1820 года) о переводе этой суммы поэту.

Таким образом, В. А. Жуковский явился инициатором издания поэмы. Н. И. Гнедич выполнял лишь «комиссию» Жуковского, взяв на себя техническую сторону: печать,

продажу книги, сношение с книгопродавцами и прочее. В приведении в порядок рукописи поэмы ему помогали брат Пушкина — Лев и друг поэта — С. А. Соболевский, который впоследствии рассказывал, что «много было труда разбирать шестую песнь, не перебеленную сочинителем»¹³.

Н. И. Гнедич и до этого выполнял «комиссии» Жуковского по делам различных изданий. По поводу же «Руслана и Людмилы» имеется его письмо Жуковскому, носящее как бы «отчетный» характер. В письме говорится: «Пушкина поэма — finis! Только окончится виньетка, которую рисовал Алек. Н. Оленин (Эге? А ты друг и не подозревал) и которая уже гравировается»¹⁴.

Действительно, А. Н. Оленин «сочинил» к книге фронтиспис с «крокадами» из «Руслана и Людмилы». Картинку нарисовал И. Иванов, гравировал М. Иванов. Она украшена монограммой «А. О.», доказывающей участие в работе самого А. Н. Оленина.

Картинка к выходу книги опоздала, и по этому поводу в объявлениях о продаже поэмы говорилось: «Принадлежащая к ней виньетка, на которой изображены все лица и главнейшие явления поэмы, еще не кончена. Она нарисована весьма удачно, гравировается искусным художником, и купившим поэму раздаваться будет безденежно»¹⁵.

Этим, кстати, объясняется, что на позднейшем антикварном рынке экземпляры «Руслана и Людмилы», крайне редкие и высокоценимые вообще, особенно редки с приложением гравюры.

Сам Пушкин не ожидал такого скорого прохождения поэмы через цензуру и быстрого выпуска ее из типографии. С юга он посылал кое-какие дополнения и исправления, которые уже смогли войти только во второе, значительно более позднее издание поэмы.

Впрочем, печатный экземпляр своего первенца сам автор получил позже всех. Только 24 марта 1821 года он писал Гнедичу:

«Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно; и вот уже четыре дня как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного «А. О.»; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности»¹⁶.

Хуже обстояло дело у автора с получением гонорара за его первую книгу.

Получив от Гнедича 500 рублей и от Жуковского 1000, в дальнейшем Пушкин не получал уже более ничего или

получал какие-то копейки. Любопытно проследить переписку поэта по этому поводу.

27-го июня 1822 года Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу робко спрашивает: «Нельзя ли потревожить и Слёнина, если он купил остальные экземпляры Руслана?»¹⁷.

По-видимому, до этого письма Гнедич сообщил Пушкину, что экземпляры поэмы сданы на комиссию (или проданы) петербургскому книгопродавцу Ивану Слёнину.

Примерно через месяц после письма к Гнедичу, Пушкин спрашивает у брата Льва (21-го июля 1822 года из Кишинева): «...что мой Руслан? не продается? не запретила ли его цензура? Дай знать... Если же Слёнин купил его, то где же деньги? а мне в них нужда»¹⁸.

4-го сентября 1822 года поэт пишет брату: «...скажи Слёнину чтоб он мне прислал Сукина Сына Отечества (так Пушкин называл журнал «Сын Отечества»), 2-ю половину года. Может вычсть, что стоит, из своего долга»¹⁹.

Наконец, в октябре 1822 года, из того же Кишинева, он еще раз пишет брату: «Друг мой, попроси И. В. Слёнина, чтоб он за вычетом остального долга, прислал мне 2 экз. *Людмилы*, 2 экз. *Пленника*, один *Шильонского узника*, книгу Греча и Цертелова древние стихотворения. Поклонись ему от меня»²⁰.

Последнее письмо написано уже в то время, когда Гнедич издал вторую книгу поэта — «Кавказский пленник» 1822 года, рассчитавшись за нее с автором, столь же неблагоприятно, как и за первую. От Слёнина же Пушкин вообще получал гроши и то лишь книгами или подпиской на журналы. Поэт явно нуждался.

Ничего не понимавший в комбинациях Гнедича, П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Кишиневский Пушкин... написал кучу прелестей. Денег у него ни гроша. Кто в Петербурге заботился о печатании его «Людмилы»? Вся ли она распродана, и нельзя ли подумать о втором издании. Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты»²¹.

Но со вторым изданием «Руслана и Людмилы», тем паче через посредство Гнедича, Пушкин уже не торопился. На предложение Гнедича, поэт ответил 13-го мая 1823 года из Кишинева:

«Если можно приступить ко второму изданию Руслана и Пленника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз Ру-

слана, нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришествию? Заменять же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен»²².

Уклончивый ответ поэта Гнедичу носил характер вежливого отказа. Вяземскому поэт писал гораздо откровенней. Так еще 2 января 1822 года он сообщал ему: «...меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отбивает у меня охоту к изданиям...»²³.

Стоит поставить вопрос, какую же сумму сам Гнедич заработал на издании «Руслана и Людмилы»? Цена за книгу была назначена 10 рублей, на веленовой бумаге — 15. Веленовых экземпляров печаталось обычно не более сотни, и значительного влияния на выручку от издания они не имели.

Тираж, по моим расчетам, не мог быть более одной тысячи экземпляров. Книжный рынок того времени был нищ и убог и, кроме того, прилагаемая гравированная картинка, в какой-то мере, диктовала именно такой тираж: большого количества тиснений доска-гравюра не выдерживала.

Если считать на круг по десять рублей за экземпляр, валовая выручка за книгу равнялась десяти тысячам. Печать, бумага, гравирование картинки и книгопродавческая скидка (15—20%) — все это вместе укладывалось, примерно, в четыре тысячи рублей. Следовательно, Гнедичу должно было остаться около шести тысяч. Если он из этой суммы вернул Жуковскому тысячу, которую получил Пушкин в виде аванса, и сам дал автору пятьсот рублей, то чистый заработок Гнедича надо считать не менее четырех тысяч.

Таким образом, «дружеская услуга» Гнедича обошлась Пушкину довольно дорого, а следующая, при издании «Кавказского пленника», как мы увидим далее, еще дороже.

Это было вполне в нравах того времени. Авторский труд не ценился. Сами писатели смотрели на свою работу как на «литературную забаву». Считалось, что деньги как бы принижали «жрецов Аполлона». Предприимчивые дельцы нещадно их эксплуатировали.

Тот же Гнедич, еще в 1817 году, издавая «Опыты в стихах и прозе» поэта К. Н. Батюшкова, мало того, что заставлял нести его всю материальную ответственность в случае неуспеха издания, но и тогда, когда издание это неожиданно и быстро было распродано, дал автору всего две тысячи рублей, выручив сам около пятнадцати.

Первое издание «Руслана и Людмилы» имело огромный успех и разошлось весьма быстро, хотя и не столь «феерически», как об этом принято думать.

Дело в том, что первое издание «Руслана и Людмилы» 1820 года было выпущено без печатной обложки, в так называемой «немой» цветной обертке. Это подтверждается тем обстоятельством, что мне (а до меня М. А. Цявловскому и другим), несмотря на тщательные поиски, не удалось обнаружить экземпляра в печатной обложке ни в одном из книгохранилищ Москвы и Ленинграда. Везде имеются экземпляры либо в однотипных переплетах, либо именно в цветной «немой» обертке. Из последних экземпляров особенно важен хранящийся в Государственном литературном музее в Москве. Экземпляр этот в «немой» обертке, на обороте передней стороны которой имеется рукописный экслибрис Н. И. Тургенева. Здесь, так сказать, налицо уже неоспоримое свидетельство современника.

И, однако, в собрании Пушкинского дома Академии наук СССР имеется особый (по-видимому, уникальный) экземпляр в печатной обложке, на которой в красивой наборной рамке под текстом заглавия «Руслан и Людмила» значится год издания не 1820-ый, а 1822-ой.

Во всем остальном экземпляр этот абсолютно одинаков с обычными экземплярами, и на титульном листе его год издания указан прежний — 1820-ый.

По-видимому, книгопродавец Сленин, главный комиссионер Гнедича, к моменту выхода второй книги Пушкина «Кавказский пленник» 1822 года, имел на складе какой-то остаток тиража «Руслана и Людмилы» и решил «освежить» его путем напечатания красивой обложки с новым, более современным годом издания. Это давало возможность продавать сразу обе книги Пушкина как «только что вышедшие».

Прием этот для книгопродавцев того времени был не новым и подобное «освежение» изданий практиковалось довольно часто.

Подобный факт с книгой Пушкина «Руслан и Людмила» 1820 года заставляет несколько критически отнестись к сообщению «Московского телеграфа», который несколькими годами позже, при втором издании поэмы в 1828 году писал: «Руслан и Людмила... явилась в 1820 году, тогда же она была вся распродана и давно не было экземпляров ее в продаже. Охотники платили по 25 рублей и принуждены были сплывать ее»²⁴.

Все это правда, если только слова «тогда же» не принимать буквально, в значении: в том же году. Даже пять лет спустя после выхода книги, в 1825 году, книгопродавец Сленин опубликовал в «С.-Петербургских ведомостях»

В. А. Жуковский. Литография А. Мюнстера с портрета работы Крюгера.

(26 мая, № 42) объявление о продаже в его лавках «Руслана и Людмилы» в первом издании.

Таким образом, не «тогда же», а в несколько более длительный срок, первое издание этой поэмы Пушкина действительно было все распродано, и охотники приобрести книгу могли платить по 25 рублей за экземпляр.

О большой редкости этой книги на позднейшем антикварном рынке (в особенности с гравюрой) я уже говорил.

Появление «Руслана и Людмилы» в 1820 году было огромным литературным событием. В журналах и газетах разгорелась полемика. Поэма Пушкина по-новому разрешала вопросы литературного языка и стиля и давала образец русской национально-самобытной поэзии. Духом борьбы с ханжеской моралью «литературных староверов» проникнуто все это произведение поэта. Нет ничего удивительного, что на «Руслана и Людмилу» и ее автора накинулись рутинеры, обвиняя поэму в «безнравственности», называя ее «мужицкой», «лапотной», напоминающей «гостя с бородой в армяке», забравшегося в «Московское благородное собрание».

Наоборот, передовые писатели и читатели с восторгом приняли «Руслана и Людмилу», высоко ценя в этом произведении именно его доступность, народность и национальность, угадывая, кроме того, иронические намеки Пушкина на современность.

Характер нападения критиков-рутинеров на Пушкина был таков, что даже И. А. Крылов, в эти годы уже не принимавший участия в литературных спорах, выступил с эпиграммой:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал «Руслана и Людмилы».
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

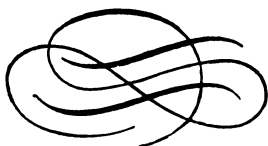
Сам Пушкин не оставался в долгу перед критиками и злыми эпиграммами, хотя и издалека, язвил своих противников.

Иметь первую книгу Пушкина, поставившую его имя на первое место в русской литературе, — заветная мечта всех истинных поклонников поэзии и собирателей-книголюбов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синяевский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 48.
2. Ленин, В. И. Соч. Изд. 4-е, т. 5, стр. 28.

3. История русской литературы. Изд. АН СССР, т. VI, Л., 1953, стр. 11.
4. «Старина и новизна», 1904, кн. 8, стр. 42.
5. Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, стр. IV.
6. Там же, стр. XXXIV.
7. «Русский архив», 1866, стр. 918.
8. Пушкин, А. С. Собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова. Т. I. Спб., 1907, стр. 499.
9. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866, стр. 287.
10. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. I. М.-Л., 1926, стр. 201.
11. «Остафьевский архив», т. 2. Спб., 1899, стр. 37.
12. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Т. I. М.-Л., 1936, стр. 191.
13. «Русский архив», 1866, стр. 1108.
14. «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 365.
15. «Сын отечества», 1820, ч. 63, № 33, стр. 326—327.
16. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 28.
17. Там же, стр. 40.
18. Там же, стр. 42.
19. Там же, стр. 46.
20. Там же, стр. 51.
21. «Остафьевский архив», т. 2. Спб., 1899, стр. 257.
22. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 62.
23. Там же, стр. 35.
24. «Московский телеграф», 1828, № 5, стр. 77.

2. ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «КАВКАЗСКОГО ПЛЕННИКА» (1822 г.)

КАВКАЗСКІЙ ПЛЕННИК, повесть. Соч. А. Пушкина. Санкт-петербург. В типографии Н. Греча. 1822.

8°. (20 × 12 см. обрез.) 53 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Кавказский пленник, повесть. Соч. А. Пушкина. Спб. 1822», посредине типографская виньетка — лира, маски; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка — щит, меч, доспехи.

Иллюстрации: портрет Пушкина в юности, гравированный С. Гейтманом.

Цензурное разрешение: 12 июня 1822 года; цензор Александр Бируков.

Дата выхода в свет — последние числа августа или 1—2 сентября 1822 года. Основанием датировки служит заметка в «Русском инвалиде» от 2 сентября № 207, в которой говорится: «Кавказский пленник. Повесть в стихах, соч. А. Пушкина. Спб., 1822, продается на Невском проспекте, в доме, принадлежащем Императорской Публичной Библиотеке, в квартире Н. И. Гнедича. Цена экземпляру, с портретом сочинителя, на веленовой бумаге 7, а на любской — 5 рублей»¹.

СЫЛКА Пушкина на юг разделяется на два периода: первый — служба под начальством генерала И. Н. Инзова, с мая 1820 до начала августа 1823 года («Проклятый город Кишинев») и второй — под эгидой графа М. С. Воронцова, с августа 1823 до конца июля 1824 года («Итак, я жил тогда в Одессе...»).

За эти годы, кроме первого издания «Руслана и Людмилы», вышли из печати следующие книги поэта: «Кавказский пленник» в 1822 г., «Бахчисарайский фонтан» в 1824 г. и в том же году второе издание «Кавказского пленника», с параллельным немецким текстом.

Можно еще отметить напечатанное в Петербурге в 1820 г. приятелем Пушкина по обществу «Зеленая лампа» Ф. Ф. Юрьевым посвященное ему поэтом стихотворение «Любимец ветреных Лаис...». Стихотворение это напечатано на сложенном вчетверку листе ватманской бумаги с водяным фабричным знаком «1819» без указания года и места печати.

Напечатано стихотворение без цензуры — «для себя», что, кстати сказать, Ф. Ф. Юрьеву не представляло большого труда, так как будучи адъютантом командира кавалерийской дивизии, он для печатания служебных приказов имел постоянные сношения с типографией².

По всей вероятности, тираж этого «интимного» издания был всего десяток-другой экземпляров. Один из них, как величайшая редкость, хранится в Пушкинском Доме. Причислять этот листок к отдельным прижизненным изданиям сочинений Пушкина нет оснований, хотя он и является драгоценной памяткой о поэте.

На юге Пушкин много и плодотворно работал. Первая поездка по стране, огромное количество новых впечатлений, несмотря на тяготы ссылки, несомненно вдохновляли поэта.

Помимо указанных выше произведений, вышедших отдельными книгами, Пушкиным за эти годы написаны поэмы: «Братья разбойники», «Цыганы», «Гавриилиада», неоконченная поэма «Вадим», первые главы «Евгения Онегина», сказка «Царь Никита» и многое другое.

Такие стихотворения, как «Погасло дневное светило», «Война», «Наполеон», «К Овидию», «Песнь о вещем Олеге», «Послание цензору», «Демон», «Телега жизни», «Черная шаль», наконец, знаменитый «Кинжал», проникнутый духом революционной борьбы, — все это только начало длинного списка замечательных работ, выполненных Пушкиным на юге.

Некоторые из перечисленных произведений не могли быть напечатаны вовсе, другие позже вышли отдельными книгами, а многие стихотворения и отрывки печатались в эти же годы в журналах и альманахах.

Последнее обстоятельство привлекло внимание Аракчеева, который, жалуясь царю на министра народного просвещения князя А. Н. Голицына, между прочим, доносил: «Известного вам Пушкина стихи печатают в журналах, с означением из Кавказа, видно для того, чтобы известить об нем подобных его сотоварищей и друзей»³.

Кляуза эта, очевидно, потонула в прочих доносах Аракчеева на Голицына и не имела последствий для Пушкина. Его продолжали печатать, хотя поэт понимал, что его положение ссыльного не могло не страшить издателей, и не раз предлагал не ставить его подписи под стихотворениями.

Посылая Н. И. Гнедичу свое стихотворение «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...»), Пушкин спрашивал у него в письме: «Напечатают ли без имени в С[ыне] О[тче-ства]?»⁴.

То же самое, только немного ранее, Пушкин писал А. А. Бестужеву: «Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку [цензуру] можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по-видимому ее настраивали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно... ..повторяю вам, она ужасно бестолкова, но впрочем довольно сговорчива. Главное дело в том — чтоб имя мое до нее не дошло, и все будет слажено»⁵.

Разумеется, такие произведения, как «Гавриилиада» или «Кинжал» и были рассчитаны на то, чтобы они пошли только по каналам рукописной, «потаенной» литературы. В частности, именно «Кинжал» был особенно широко распространен в списках.

Вспомним же, в каких условиях пришлось жить и творить поэту в годы его пребывания в южной ссылке.

Пушкин приехал в Екатеринослав к генералу Инзову 16-18 мая 1820 года. В какой-то мере, поэту посчастливилось: Иван Никитич Инзов, генерал-лейтенант, сподвижник Суворова и Кутузова, друг поэта-радищевца Ивана Пнина, племянника М. А. Хераскова, сам близкий когда-то к кружку Н. И. Новикова, человек исключительной порядочности, занимал в Екатеринославе должность попечителя и председателя Комитета о колонистах южного края России. С половины июня 1820 года ему же было поручено исправлять должность бессарабского наместника.

Инзов отечески встретил молодого Пушкина и все годы относился к нему чрезвычайно благожелательно, покрывая его «проказы», посылая о поэте хорошие отзывы в Петербург.

Инзов понимал, что представляет собой Пушкин, и не обременял его службой, давая ему полную возможность заниматься творчеством.

Позже, когда Пушкину довелось в Одессе испытать совершенно иное отношение нового своего начальника — графа М. С. Воронцова, поэт писал А. И. Тургеневу 14 июля 1824 года:

«Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мной с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но за то добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною об гишпанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции Кортесов. Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой»⁶.

Пушкин пробыв в Екатеринославе недолго — около двух недель. Купаясь, он схватил горячку. Проезжавший мимо по дороге на Кавказ и в Крым генерал Н. Н. Раевский с семейством захватил больного поэта с собой. Добряк Инзов с удовольствием отпустил Пушкина с наказом возвратиться уже не в Екатеринослав, а в Кишинев, куда сам он переезжал со всей канцелярией в связи с новым назначением.

Семейство Раевских состояло из отца — генерала Н. Н. Раевского, его жены Софьи Алексеевны, двух сыновей, друзей Пушкина: старшего Александра и младшего Николая и четырех дочерей: Екатерины, вскоре вышедшей замуж за генерала М. Ф. Орлова, Елены, болезненной красавицы, оставшейся незамужней, Марии, вышедшей замуж за кн. С. Г. Волконского — декабриста, за которым она впоследствии поехала в Сибирь (о ней писал Некрасов), и самой младшей — Софьи, ничем непримечательной девушки.

Все лето 1820 года Пушкин провел на Северном Кавказе, на минеральных водах, переехал в Крым, побывал в Бахчисарае, прожил около трех недель в Гурзуфе и, обогащен-

А. С. Пушкин. Гравюра Е. Гейтмана в первом издании
«Кавказского пленника».

ный впечатлениями, вернулся 21 сентября в Кишинев к месту службы.

Пробыл он в Кишиневе недолго и в ноябре уехал в Каменку, имение Давыдовых, родственников Раевских. Здесь происходили совещания членов тайного общества по вопросу о дальнейшей судьбе Союза благоденствия. Присутствовали Михаил Орлов, И. Д. Якушкин, К. А. Охотников, хозяин имения В. Л. Давыдов и другие.

Пушкина на эти совещания не допускали. Однажды сочли даже нужным устроить в присутствии поэта нечто вроде инсценировки заседания, на котором обсуждался вопрос о возможности учреждения в России тайного политического общества.

Обсуждение это тут же было выдано за шутку. Шутка эта довела поэта до слез. Он горько жаловался: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь,— говорил он,— я уже видел жизнь мою облагоустроенною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка»⁷.

Впрочем, вряд ли Пушкин был столь наивен. В этих словах чувствуется скорее обида, что его не посвящают в дела тайного общества, о существовании которого поэт не мог не догадываться. Будущие декабристы высоко ценили Пушкина-поэта, но не слишком доверяли ему, зная его порывистость, легкомысленность и необдуманность в поступках.

Из Каменки Пушкин вместе с Раевскими ездил в Киев, потом еще раз в Каменку, побывал в Тульчине и лишь в марте 1821 года вернулся в Кишинев к месту службы. Вскоре туда же прибыл назначенный командиром дивизии М. Ф. Орлов, женившийся на Екатерине Раевской. Дом Орловых стал местом встречи членов тайного общества. Здесь Пушкин познакомился с главой будущих декабристов П. И. Пестелем, приезжавшим в Кишинев из Тульчина, одного из важнейших центров заговора.

В Кишиневе же Пушкин подружился с Владимиром Федосеевичем Раевским (однофамильцем генерала Раевского), одним из видных деятелей декабристского движения. Состоялось знакомство с И. П. Липранди и другими.

Дом Орловых в Кишиневе превратился в своеобразный «клуб яacobинцев», в котором обсуждались как внутренние события в империи, так и внешние. Бунт Семеновского полка в Петербурге, революционная гроза в Испании и Италии, греческое восстание против Турции, в котором на стороне греков принял участие Байрон,— все это служило темой горячих волнующих споров.

Надежда царского правительства и «благонамеренных» друзей Пушкина на то, что поэт в «проклятом Кишиневе» остепенится, не сбылась.

Революционные настроения Пушкина именно здесь достигли большего накала.

Агент тайной полиции доносил в Петербург: «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство»⁸.

Сослуживец Пушкина по Кишиневу П. И. Долгоруков записал у себя в дневнике еще более определенно: «Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты, большею частью, один класс земледельцев — почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин...»⁹

Поэт писал в это время:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

Однако весьма скоро «клубу якобинцев» в кишиневском доме М. Ф. Орлова пришел конец. Оказавший огромное влияние на Пушкина Владимир Федосеевич Раевский был заподозрен в революционной пропаганде в войсках. Раевского арестовали, а его командира М. Ф. Орлова отставили от командования дивизией и заставили покинуть Кишинев.

Пушкин за это время успел побывать в Одессе, в Бендерах, в Аккермане, Измаиле, побродил по Бессарабии с цыганским табором. Все это потом нашло отражение в его произведениях.

На юге Пушкин написал свои последние романтические поэмы. Начиная с «Евгения Онегина», Пушкин становится на новый путь — путь реализма.

В 1822 году в одном из своих критических отрывков поэт писал, что «не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у иных обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не продвинется»¹⁰.

После отъезда М. Ф. Орлова Кишинев окончательно опостылел Пушкину. Он пропадал «от тоски, скуки и нищеты». Поэт жаловался на это в письмах петербургским друзьям.

Сам генерал Инзов отмечал, что поэт испытывал даже «недостаток в приличном одеянии».

В одном из своих писем Пушкин писал: «Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника».

Семьсот рублей ассигнациями в год — шестьдесят целковых в месяц — это все, что имел Пушкин. Литературный заработок его в то время был случайным и скудным. В том же письме Пушкин жалуется еще и на такое обстоятельство:

«Вы знаете, что только в Москве или в П[етер]Б[урге] можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 [верст] от столицы»¹¹.

Это письмо Пушкин писал из Одессы в конце своего пребывания на юге.

Друзья Пушкина, искренне желая помочь поэту, постарались перевести его из Кишинева в Одессу под начальство графа Воронцова, думая, что вельможа более влиятельный, чем Инзов, сумеет скорее вызволить поэта из неволи и вернуть его в Петербург.

Как известно, переезд Пушкина в Одессу оказался роковой ошибкой Пушкина и его друзей.

* * *

«Кавказский пленник» начат был в 1820 году в Крыму и закончен 20 февраля 1821 года в Каменке. Эпизод написан в мае того же года. Поэма посвящена Николаю Раевскому, другу Пушкина. Пушкин наметил к поэме ряд эпиграфов, но по разным причинам все их отбросил. Первоначальное заглавие поэмы в рукописи было «Кавказ».

О внешнем поводе к сочинению «Кавказского пленника» существует несколько предположений. П. И. Бартенев в «Русском архиве» сообщает, что будто бы некий Немцев однажды рассказал при Пушкине историю о том, как на Кавказе он сам попал в плен к горцам и был освобожден одной черкешенкой, которая в него влюбилась. По словам Д. Л. Мордовцева, Пушкин якобы, гуляя с А. Раевским и остановившись у одного кавказского духанщика, услышал рассказ какого-то инвалида о его пребывании в плену у черкесов.

Все это только предположения. На самом же деле сюжет о любви европейца к девушке, не испытавшей воздействия цивилизации, бытовал в ранней романтической литературе и на Западе и у нас.

П. А. Вяземский. Художник И. Герман. (Сепия).

Пушкин, по-своему используя этот сюжет, дал в «Кавказском пленнике» гениальное описание кавказской природы и быта горцев. Смысл поэмы четко охарактеризован Белинским. В «Кавказском пленнике» критик видел тесную связь с настроением современного поэту молодого поколения.

Сам Пушкин в письме к В. П. Горчакову писал по поводу «Кавказского пленника»: «Я в нём хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века»¹².

По письмам Пушкина не трудно проследить и всю историю напечатания «Кавказского пленника».

24 марта 1821 года из Кишинева Пушкин делает первое сообщение Н. И. Гнедичу о поэме: «Сцена моей новой поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа — я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца — где возвышаются в дальном расстоянии друг от друга 4 горы, отрасль последняя Кавказа; — во всей поэме не более 700 стихов — в скором времени пришлю вам ее — дабы сотворили вы с нею, что только будет угодно»¹³.

Письмо это было написано в день запоздалого получения экземпляра «Руслана и Людмилы». О том, как Гнедич будет расплачиваться за издание, Пушкин еще не знал и пребывал в оптимистическом настроении.

Очень скоро поэт увидел, что оптимизм в денежных расчетах с Гнедичем совершенно неоснователен, и поэтому уже 21 сентября того же 1821 года сделал следующее предложение Н. И. Гречу, влиятельному в то время издателю «Сына Отечества»: «Хотел бы я прислать вам отрывок из моего Кавказского пленника, да лень переписывать: хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы? длиною в 800 стихов; стих шириною — 4 стопы; разрезано на 2 песни. Дешево отдам, чтоб товар не залежался»¹⁴.

Пушкин, говоря о своей «торговле стишистой», явно бравировал. Он еще не написал, но очень скоро напишет свое знаменитое «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

По каким-то причинам, скорее всего из-за нежелания ссориться с Гнедичем, постоянным заказчиком типографии Н. И. Греча, последний приобрести поэму отказался.

Гнедичу, однако, переписка Пушкина с Гречем стала известной и он сделал вид, что обиделся.

В январе 1822 года Пушкин писал брату Льву: «Ты говоришь, что Гнедич на меня сердит, он прав — я бы должен к нему прибегнуть с моей новой поэмой — но у меня шла голова кругом — от него не получал я давно никакого известия; Гречу должно было писать — и при сей верной оказии предложил я ему Пленника... К тому же ни Гнедич со мной, ни я с Гнедичем не будем торговаться и слишком наблюдать каждый свою выгоду, а с Гречем я стал бы бессовестно торговаться, как со всяким брадатым ценителем книжного ума»¹⁵.

Не трудно угадать в этом письме недовольство Пушкина «дружеской» помощью Гнедича. «Меркантильный успех прелестницы Людмилы» уже насторожил поэта. Испытывая большую нужду в деньгах, он хотел «поторговаться» и доказывал брату, что с Гнедичем, к сожалению, торговаться не придется: друг Жуковского, издатель первой его книги, что захочет дать за вторую поэму, то и ладно. Не ссориться же с ним и с Жуковским!

Ниже мы увидим, что Гнедич дал Пушкину за «Кавказского пленника» действительно «что хотел»!

В конце апреля 1822 года Пушкин, видя, что другого издателя ему не найти, посылает рукопись «Кавказского пленника» Гнедичу при таком письме: «Поэту возвышенному, просвещенному, ценителю поэтов, вам предаю моего Кавказского пленника... завещаю вам скучные заботы издания... Назовите это стихотворение сказкой, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без; отдаю вам его в полное распоряжение». Как бы объясняя причину задержки рукописи, Пушкин писал: «...недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно, так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать».

Самое примечательное — это латинский эпиграф к письму, взятый Пушкиным из Овидия. В русском переводе этот эпиграф звучит так: «Младая книжка моя, без меня (и не завидую) ты отправишься в столицу, куда — увы! — твоему господину закрыта дорога.» Не из притворной скромности прибавлю: «Иди, хоть и неказистая с виду, как то подобает изгнанникам»¹⁶.

Это вот и должно было стать эпиграфом к «Кавказскому пленнику», второй прижизненной книге поэта. Сколько горечи в этих словах Овидия и как удивительно отвечали они душевному настроению нашего поэта-изгнанника!

Но разве можно было Пушкину в то время напечатать такой эпиграф?

Гнедич, хотя и был скуп, любил видеть книгу хорошо изданной и проявлял немало забот о ее внешнем виде. К поэме «Кавказский пленник» он приложил портрет автора, гравированный С. Гейтманом. Предполагается, что портрет этот, изображающий Пушкина в юности, рисован по памяти Карлом Брюлловым.

В книге Гнедич напечатал такое примечание: «Издатели присовокупляют портрет Автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты Поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным».

До Пушкина книга дошла только через месяц после выхода в свет, и 27 сентября 1822 года он писал Гнедичу: «Приехали Пленники — и сердечно вас благодарю, милый Николай Иванович. Перемены, требуемые цензурою, послужили в пользу моего; признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах и беспокоился — например, если б она переменила стих *простите, вольные станицы* — то мне было бы жаль».

Относительно своего портрета (кстати, первого портрета, появившегося в печати) Пушкин в этом же письме пишет: «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли, примечание издателей очень лестно, — не знаю, справедливо ли»¹⁷.

Позже, когда возникла идея передать второе издание «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» уже не Гнедичу, а попечению П. А. Вяземского, Пушкин о цензурных исправлениях в «Кавказском пленнике» писал гораздо откровеннее:

«Не много радостных *ей дней*
Судьба на долю *ниспослала*.

Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха.

Ночей, ночей — ради Христа, *ночей судьба на долю ей послала*. То ли дело *ночей*, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов имянно противны духу нашей цензуры?»¹⁸.

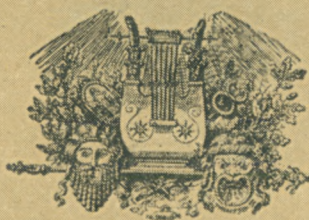
Пушкин уже начал войну с цензурой. В своем «Послании цензору» поэт писал:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;

КАВКАЗСКІЙ
П Л Ъ Н Н И К Ъ,

ПОВѢСТЬ.

Соч. А. ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1 8 2 2.

Лицевая сторона обложки.

Последняя страница обложки «Кавказского пленника».

Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру — пасквилем, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежем, Куницына — Маратом...

Пройдут еще дни, и только тогда Пушкин по-настоящему узнает когти цензуры. Все это были пока только «цветочки», на которые ополчался поэт. Он еще будет жалеть и о Тимковском, и о Бирукове. Еще появится и такая его эпиграмма:

Тимковский царствовал, и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух.
Явился Бируков, за ним во след Красовский:
Ну, право, их умней покойный был Тимковский.

Преследование цензурой Пушкина тоже только еще начиналось.

Посмотрим же теперь, как рассчитался с поэтом за «Кавказского пленника» издатель его Гнедич. Известно, что он уплатил Пушкину всего пятьсот рублей и прислал ему один экземпляр книги. Это все, если не считать еще каких-нибудь грошей, которые книгами и подпиской на журналы посылал поэту главный комиссионер Гнедича книгопродавец Сленин.

Напечатал «Кавказского пленника» Гнедич в количестве одного «завода», то есть 1 200 экземпляров. Прогремевшая до этого поэма «Руслан и Людмила» уже давала возможность без риска пойти на такой тираж новой книги.

Цена экземпляра была на обыкновенной бумаге пять рублей, на любской — семь. В общем, учитывая и печать, и бумагу, и даже гонорар автора, издательский труд свой Гнедич оценил в сумме около пяти тысяч!

При этом, Гнедич считался другом Пушкина, положение которого в эти годы было таким, когда именно дружеская помощь нужна особенно остро. Какая же своеобразная психология была у Гнедича, неплохого поэта и прославленного переводчика «Илиады»? Какое странное понятие о дружбе!

Надо заметить, что это было последнее предприятие, на которое Гнедичу удалось привлечь Пушкина. Больше он с ним не имел дела, хотя отказывался от «дружеских» услуг своего первого издателя всегда вежливо и дипломатично. Об истинном отношении Пушкина к Гнедичу как переводчику «Илиады» говорит эпиграмма, найденная в бумагах поэта, причем, тщательно им же зачеркнутая. Эпиграмма гласила:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Учитывая, что Гнедич действительно был крив на один глаз, а Гомер слеп вообще,— обстоятельство это просилось в эпиграмму. Но при жизни Пушкина эпиграмма не была известна даже друзьям. Поэт напечатал по поводу гнедичевской «Илиады» другую свою эпиграмму, благожелательную.

«Кавказский пленник» имел огромный успех у читателей и был почти единодушными похвалами встречен в печати. Но ни сам Пушкин, ни его ближайшие друзья не считали поэму совершенной.

«Кавказский пленник»,— откровенно писал Пушкин,— первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым эгегическим и описательным стихам. Но зато Н[иколай] и А[лександр] Раевские и я, мы вдоволь над ним насмеялись»¹⁹.

Значительно позже Пушкин уже более снисходительно отнесся к своей поэме. В «Путешествии в Арзрум» он рассказывал:

«В Ларсе остановились мы ночевать... Здесь нашел я измаранный список *Кавказского пленника* и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно».

Эти слова отмечают не только мнение Пушкина о своей поэме, но и доказывают, какое распространение она имела в рукописных экземплярах.

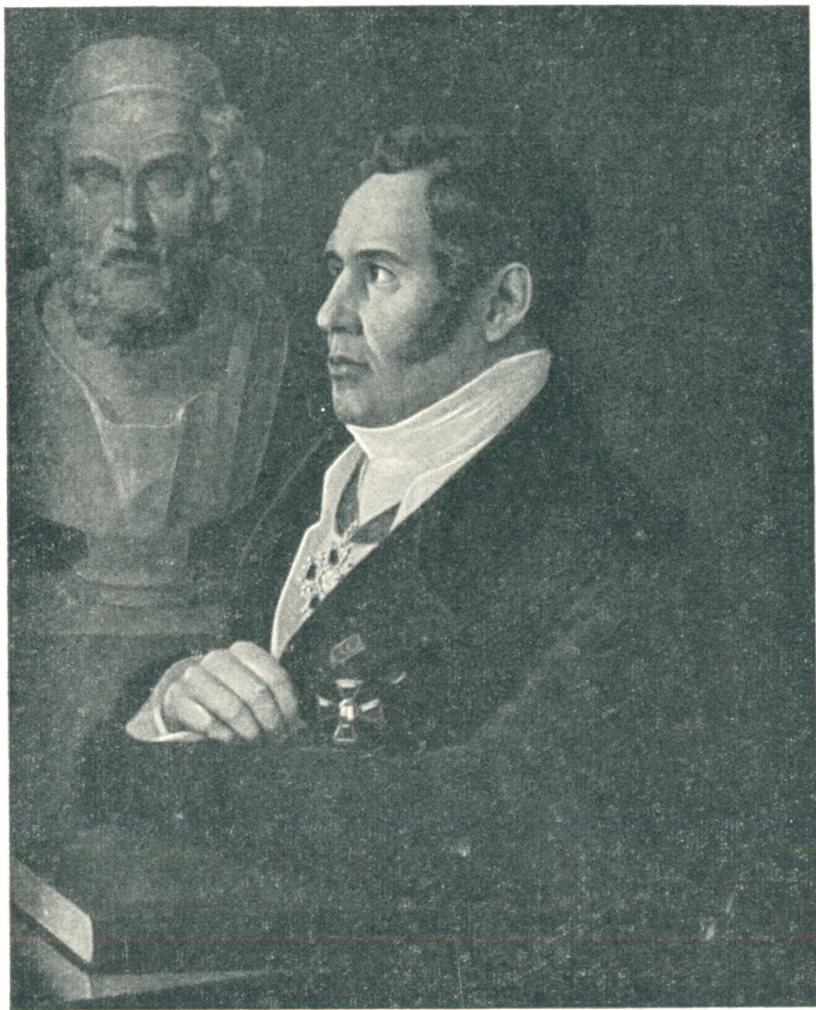
Когда и впредь придется говорить о тиражах прижизненных изданий тех или иных сочинений Пушкина, необходимо учитывать и распространение их в рукописных копиях.

Порой этих копий было почти столько же, сколько и печатных экземпляров.

Первое издание поэмы было раскуплено весьма быстро, и Пушкин почти сговорился с П. А. Вяземским о втором ее издании. Ниже будет рассказано об обстоятельстве, которое помешало этому намерению.

На позднейшем антикварном рынке «Кавказский пленник» в первом издании, с портретом,— весьма редкая книга. Между прочим, книга совершенно ненаходима в печатной обложке.

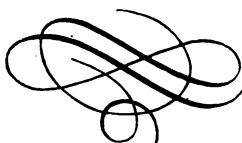
Внешний вид и качество набора «Кавказского пленника» одинаковы с первым изданием «Руслана и Людмилы». Обе книги печатались в типографии Н. И. Греча. Это были первые и последние прижизненные издания Пушкина, напечатанные в этой типографии.

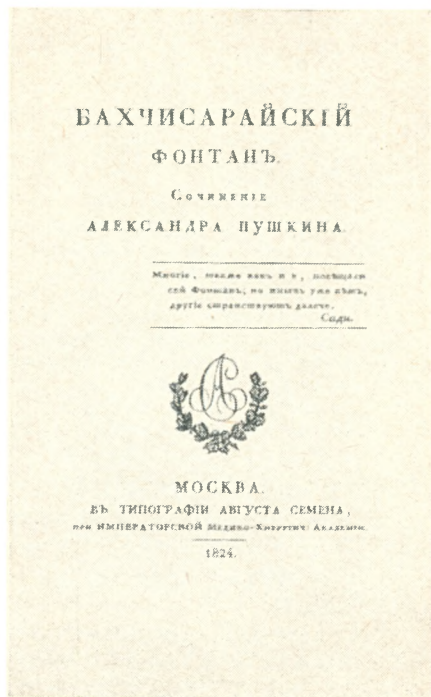

Н. И. Гнедич. Работа неизвестного художника. (Масло).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 64. Любская бумага — сорт тонкой белой бумаги.
2. Подробнее об этом — см.: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.-Л., т. 2, стр. 266—274.
3. Цявловский, М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. М., 1951, стр. 261.
4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 63.
5. Там же, стр. 39.
6. Там же, стр. 102—103.
7. Записки И. Д. Якушкина. М., 1905, стр. 51—52.
8. «Русская старина», 1883, кн. 12, стр. 657.
9. Дневник П. И. Долгорукова. — «Звенья». Сб. материалов и докум. по ист. л-ры. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 9. М.-Л., 1951, стр. 99—100.
10. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 19.
11. Там же, т. 13, 1937, стр. 93.
12. Там же, стр. 52.
13. Там же, стр. 28.
14. Там же, стр. 32.
15. Там же, стр. 35.
16. Там же, стр. 37.
17. Там же, стр. 48.
18. Там же, стр. 68—69.
19. Там же, т. 11, 1949, стр. 145.

3. ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «БАХЧИСАРАЙСКОГО ФОНТАНА» (1824 г.)

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН. Сочинение Александра Пушкина.

Многие, так же как и я, посещали
сей фонтан; но иных уже нет,
другие странствуют далече.

САДИ.

[Монограмма типографии «А. С.» – Августа Семена].

Москва. В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академии. 1824.

12°. (20 × 12 см. обрез.) Шмуцтитул + заглавный лист + XX + + 48 + 20 ненум. стр.

Обложка, первый вариант: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина [Типографская виньетка]. Москва. В типографии Августа Семена. 1824»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — типографская виньетка и текст: «Продается в Москве у книгопродавца Никиты Степанова Пономарева, на Никольской улице в доме Глазунова, в С.-Петербургe в Библиотеке для чтения г. Плавильщикова у А. Ф. Смирдина».

Обложка, второй вариант: на передней стороне, в другой наборной рамке, напечатано: «Бахчисарайский фонтан»; на последней стр., в такой же наборной раме, — текст: «Продается в Москве у комиссионера Императорского Московского Университета А. С. Ширяева; в С.-Петербурге, в книжном магазине у Синего моста бывшем В. А. Плавильщикова у А. Ф. Смирдина».

Цензурное разрешение. 10 декабря 1823 года; цензор Алексей Мерзляков.

Содержание: Вместо предисловия, П. А. Вяземского (стр. I—XX). — Бахчисарайский фонтан (стр. 1-35, в конце типографская виньетка — дерево, скала, землекопы). — Выписка из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола (стр. 36—48). — Опечатки.

Дата выхода в свет — 10 марта 1824 года. Наиболее веское основание этой датировки — публикация в газете «Московские ведомости» от 12 марта 1824 года № 21. В публикации говорится: «У Ширяева продается на сих днях вышедшая из печати книга *Бахчисарайский фонтан* Пушкина. Цена 5 рублей».

В письме П. А. Вяземского А. А. Бестужеву от 9 марта того же года говорится: «Фонтан» выйдет завтра»¹.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН в первом издании 1824 года вышел в дни, когда поэт был переведен из Кишинева в Одессу и числился там при канцелярии новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова.

Вместе с Пушкиным к этой же канцелярии был командирован в качестве чиновника молодой поклонник Пушкина, также «шаливший стихами», Федор Туманский. Именно ему первому Пушкин прочитал отрывки из «Бахчисарайского фонтана». В письме к брату Льву поэт так рассказывал об этом:

«Здесь Туманский. Он добрый малый, да иногда врет — напр. он пишет в П.[етер]Б.[ург] письмо, где говорит между прочим обо мне: Пушкин открыл мне немедленно свое сердце и portefeuille [портфель], любовь и пр., — фраза, достойная В. Козлова; дело в том, что я прочел ему отрывки из Бахчисарайского фонтана (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы — помогите!»².

Творческую историю создания «Бахчисарайского фонтана» Пушкин полностью рассказал в письме к Дельвигу несколько позже, в середине декабря 1824 года. Это письмо — поэтическое описание крымских впечатлений поэта — Дельвиг напечатал у себя в «Северных цветах», а затем уже сам Пушкин поместил его как приложение в третьем издании поэмы, вышедшем в 1830 году.

В письме этом, между прочим, говорится: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного Хана. К*** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes* [Фонтаном слез]»³.

Таким образом, для позднейших исследователей, ломавших головы над вопросом: кто же такая «женщина, в которую очень долго и очень глупо» был влюблен Пушкин, — поэт сам называл первую букву ее фамилии.

Никакой загадки из имени этой женщины для своих ближайших друзей, в частности для Вяземского, Пушкин не делал.

Отказавшись предварительно от «дружеских» услуг Гнедича по изданию «Бахчисарайского фонтана», поэт 4 ноября 1823 года, посылая рукопись поэмы Вяземскому, писал ему: «Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня и то, что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, огрызывайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя у меня там нет покровителей»⁴.

Далее, в этом же письме, Пушкин уже полностью открывает имя своей вдохновительницы в создании поэмы. Он пишет: «...еще просьба: припиши к Бахчисараю предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради... Софьи Киселевой».

Софья Киселева, или точнее Софья Станиславовна Потоцкая, и есть та самая К***, вышедшая в 1821 году замуж за генерала Киселева.

Красавица слыла неприступной, и Пушкин называл свою любовь к ней «безумной любовью», «глубокими ранами сердца», «тяжелым сном».

Вне всякого сомнения, что легенду о дальней представительнице знаменитого польского рода Потоцких, Марии Потоцкой, пережившей трагедию в гареме крымского хана, рассказала Пушкину именно Софья Потоцкая, вдохновив его на написание «Бахчисарайского фонтана».

Есть все основания полагать, что Пушкин в бытность с Раевскими в Гурзуфе довольно часто виделся с Софьей Потоцкой в ее имении Массандра.

В том же письме к Вяземскому, которое цитируется выше, Пушкин говорит: «Посмотри также в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бахчи-Сарай, выпиши из нее что поспоснее, да заворижи все это своею прозою».

Настойчивое желание Пушкина, чтобы к его «Бахчисараю» был непременно припечатан отрывок из «Путешествия по Тавриде» Муравьева-Апостола, объясняется, как мне кажется, только тем, что в этом отрывке говорится: «...принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких».

Зашифровав свою «утаенную любовь» от глаз посторонних, Пушкин отрывком этим как бы давал понять самой Софье Потоцкой, что она не забыта.

Почему все эти более чем ясные намеки поэта показались неубедительными позднейшим пушкинистам (даже П. Е. Щеголеву) — совершенно непонятно.

Л. П. Гроссман, собравший весь материал о творческой истории поэмы в своем исследовании «У истоков Бахчисарайского фонтана», напоминает, что пушкинисты «назвали восемь современниц поэта в качестве возможных вдохновительниц «Бахчисарайского фонтана» и в том числе дочь генерала Раевского — Марию⁵.

Меньше всего, конечно, вдохновительницей и «утаенной любовью» Пушкина могла быть Мария Раевская, по воле П. Е. Щеголева вошедшая «твердой поступью» на эту страницу биографии поэта. Ей было в то время всего тринадцать или четырнадцать лет. Какую «утаенную любовь» она могла внушить Пушкину и какую «легенду» могла ему рассказать?

И ошибалась сама Мария Раевская, когда в своих уже значительно более поздних воспоминаниях писала, что строчки в первой главе «Евгения Онегина»:

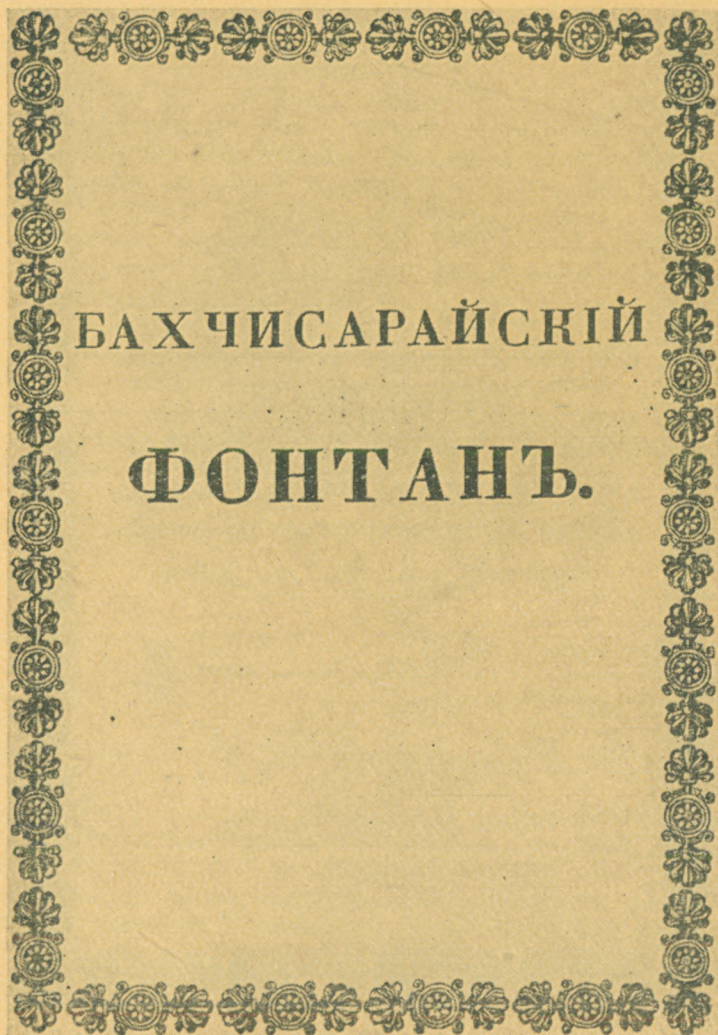
Как я завидывал волнам,
Бегущим бурною чредою
С любовью лечь к ее ногам!..—

относятся к памяtnому ей эпизоду, когда она однажды в Крыму, при Пушкине, стояла утром босая на берегу моря, и волны касались ее ног.

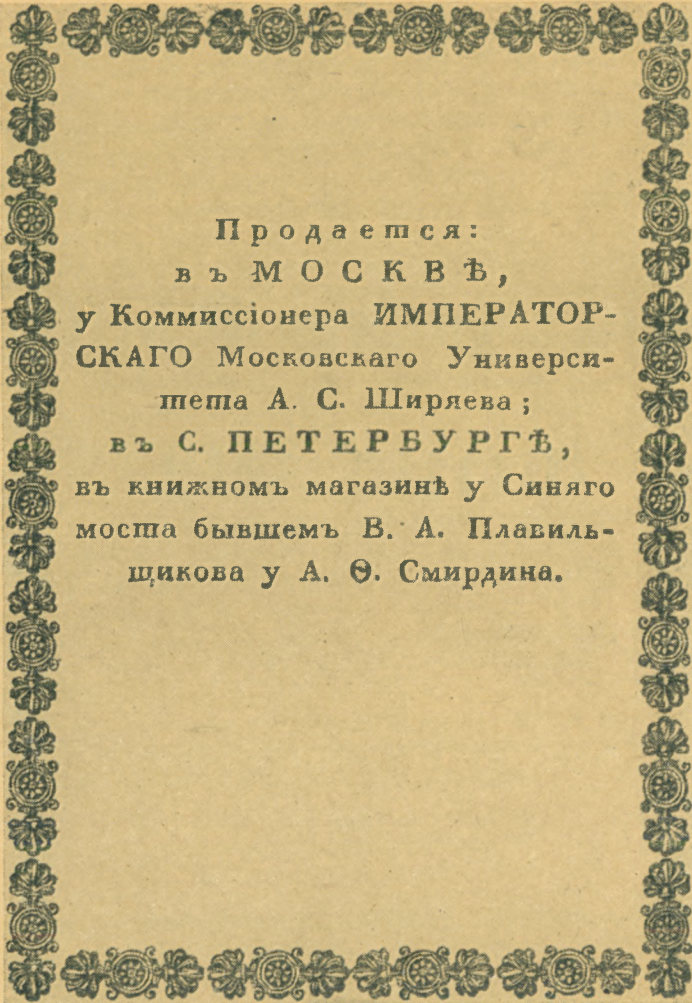
Тоже в Крыму, тоже на берегу моря, но отнюдь не девочка-подросток вызывала у поэта зависть к волнам. Это была Софья Киселева-Потоцкая, его «утаенная любовь» и вдохновительница «Бахчисарайского фонтана». Указанные строки первой главы «Евгения Онегина» относятся к ней.

Марии Раевской Пушкин тоже посвятит одно из своих произведений — «Полтаву». Но это будет позже, в 1829 году.

Легенду же о «Бахчисарайском фонтане» ему рассказала Софья Киселева-Потоцкая. К этому единственно

Лицевая сторона обложки.

Продается:
в ъ М О С К В ъ ,
у Коммиссіонера ИМПЕРАТОР-
СКАГО Московскаго Универси-
тета А. С. Ширяева ;
в ъ С. П Е Т Е Р Б У Р Г ъ ,
въ книжномъ магазинѣ у Синяго
моста бывшемъ В. А. Плавиль-
щикова у А. Ѳ. Смирдина.

правильному выводу приходит в своем исследовании Л. П. Гроссман, основываясь также на прямом указании ее имени, сделанном Пушкиным.

В дни, когда П. А. Вяземский вплотную приступил к изданию поэмы, советуясь с автором о тех или других частностях, Пушкин писал ему: «Ты кажется собираешься сделать заочное описание Бахчисарая? брось это. Мадригалы Софьи Потоцкой, это дело другое»⁶.

Какие же требуются еще по этому поводу доказательства? Пушкин как бы просит у издателя, чтобы и он в своем издательском предисловии к поэме не забывал имени Софьи Потоцкой.

И кто знает, не взял ли на себя П. А. Вяземский всю работу по изданию этой поэмы, возню с предисловием к ней, розыск сведений о Потоцкой только потому, что хотел и сам как-то отметить свою тоже «безутешную любовь» к вдохновительнице Пушкина?

Вяземский чрезвычайно способствовал громкому успеху «Бахчисарайского фонтана».

* * *

Как издатель книги, П. А. Вяземский повел себя весьма и весьма умело. По переписке с Пушкиным можно судить, что его забота проявлялась буквально о мелочах, почти о каждой строчке поэмы. В письме к А. И. Тургеневу в Петербург из Остафьева Вяземский писал: «Одесский Пушкин прислал мне свой *Бахчисарайский фонтан* для напечатания. Есть прелести. Есть ли в Петербурге *Путешествие в Тавриду* Апостола-Муравьева, о котором он говорит в *Ольвии*? Узнай и доставь тотчас. Да расспроси, не упоминается ли где-нибудь о предании похищенной Потоцкой татарским ханом, и наведи меня на след. Спроси хоть у сенатора Северина Потоцкого или у архивиста Булгарина. Пушкин просит меня составить предисловие к своей поэме»⁷.

А. И. Тургенев, с своей стороны, непрерывно спрашивал, когда Вяземский пришлет ему «Ключ», — так он упорно называл «Бахчисарайский фонтан».

Однажды Вяземский, даже несколько раздраженно, ему ответил: «*Фонтан*, а не *Ключ*: сколько раз я тебе говорил, а ты все свое несешь, уже печатается»⁸.

В другом письме Вяземский пишет Тургеневу об издании «Бахчисарайского фонтана» Пушкина: «Надо вогнать цену его сочинений в Байроновскую. Будет дороже и покупать больше будут»⁹.

Упорно продолжавший называть «Фонтан» по-своему, Тургенев запрашивал Вяземского 29 февраля того же 1824 года: «Что же «Ключ»? Как же ты продал, а сам печатаешь?»¹⁰.

Последний вопрос Тургенева требует пояснения. Дело в том, что Вяземский напечатал поэму Пушкина за свой счет, но не стал возиться с книгопродавцами, сдавая им книгу на комиссию, а поторопился продать все издание «на корню», полностью в одни руки — «продал, а сам печатал».

Малоопытному Тургеневу это было непонятно, и он просил объяснения. В его представлении раз Вяземский «продал», значит продал право издания книги и никакие уже хлопоты по печати его не должны касаться. Тургенев не знал, что взаимоотношения с книгопродавцами у издателей были самые различные. Можно было продать, действительно, все право издания за определенную сумму и не знать никаких хлопот по печатанию книги. Можно было, наоборот, напечатать книгу самому и продать «на корню» весь готовый тираж ее в одни руки с соответствующей скидкой с номинальной стоимости в пользу покупателя. Можно было также напечатать самому книгу и сдать ее книгопродавцам только на комиссию, получая с них деньги по мере продажи экземпляров в лавках. В последующих случаях уступка с номинальной стоимости книги была значительно меньшей, чем в предыдущих примерах. При продаже готового тиража книги («на корню») устанавливался срок, во время которого автор или издатель не имели права приступить ко второму изданию книги.

В частности, «Бахчисарайский фонтан» был продан именно готовым, напечатанным уже тиражом. Сам Вяземский так писал об этом А. А. Бестужеву 9 марта 1824 года: «Каково продал я *Фонтан!* За три тысячи рублей 1 200 экземпляров на год и все издержки печатания мне заплачены. Это по-европейски и стоит быть известным»¹¹.

Собственно поторопиться с продажей просил Пушкин. Он писал Вяземскому 20 декабря 1823 года: «Рисунок с фонтана оставим до другого издания. Печатай скорее; не ради славы прошу, а ради Мамона»¹².

Таким образом, нам известно, что Вяземский напечатал книгу тиражом в 1 200 экземпляров. При цене 5 рублей экзemplяра — валовая ее продажная стоимость была 6 000 рублей. Печать и бумага обошлась в 500 рублей.

Суметь продать весь тираж книги за единовременную уплату в 3 500 рублей, — такая сделка в то время казалась неслыханной и вызвала немало шума в печати.

Верный своему обещанию «вогнуть цену сочинениям Пушкина в байроновскую», Вяземский сам поспешил широко оповестить о совершенной сделке. В журнале «Новости литературы» он дал заметку под названием: «О Бахчисарайском фонтане не в литературном отношении». В заметке заключались нарочито неумеренные похвалы московскому книгопродавцу Пономареву, купившему поэму «За три тысячи рублей, или по 5 рублей за стих»¹³.

Газета «Русский инвалид» также уведомила читателей, что: «Московские книгопродавцы купили новую поэму «Бахчисарайский фонтан» сочинение А. С. Пушкина за 3.000 рублей. Итак, за каждый стих заплачено по пяти рублей. Доказательство, что не в одной Англии и не одни англичане щедрою рукою платят за изящные произведения поэзии»¹⁴.

Князь Шаликов в «Дамском журнале» счел долгом внести поправку в эти сообщения:

«Бахчисарайский фонтан куплен не книгопродавцем Пономаревым, как было сказано в № 13 «Новостей русской литературы», а книгопродавцем Ширяевым. Первый, имея более свободного времени отлучаться от лавки своей на Никольской улице, где у него книги продаются, покупаются и меняются, был только посредником между книгопродавцем и почтенным издателем князем П. А. Вяземским, получив за работу 500 рублей... Ширяев выдал за рукопись 3000 рублей, принял на свой счет печатание, стоившее 500 рублей, присовокупя к тому плату посреднику. Таким образом каждый стих пришелся книгопродавцу не за пять, а почти за восемь рублей»¹⁵.

Фаддей Булгарин в «Литературных листках» внес в это сообщение окончательную ясность и рассказал читателям: «Поэму купили г.г. книгопродавцы Александр Сергеевич Ширяев и Александр Филиппович Смирдин, а г. Пономарев имел только поручение окончательного торга от вышеупомянутых книгопродавцев»¹⁶.

Поправка чрезвычайно важна, так как она открывает кулисы этой прогремевшей сделки. Душой ее был, конечно, Смирдин с его размахом, совсем не присущим Пономареву или Ширяеву. Это явно идея Смирдина, его «почерк».

Начиная с покупки «Бахчисарайского фонтана» 1824 года, Смирдин близко входит в жизнь Пушкина, играя все большую и большую роль в издании и распространении его книг.

Сам Пушкин был очень доволен продажей поэмы и всячески заботился, чтобы книгопродавцы-покупатели не по-

терпели на ней ущерб. Он выговаривал в письмах брату и друзьям за то, что они, еще до появления поэмы в печати, усердно читают ее в гостиных и дают желающим делать списки... «Бахч[исарайский] Фонт[ан] у всех в руках, — писал поэт брату в начале февраля 1824 года. — Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе!.. ..Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи...»¹⁷.

1 апреля того же года Пушкин опять пишет брату по этому же поводу: «Но мне скажут, а какое тебе дело? Ведь ты взял свои 3000 р. — а там хоть трава не расти. — Всё так, но жаль, если книгопродавцы, в первый раз поступившие по-европейски, обдернутся и останутся в накладе — да вперед невозможно и мне будет продавать себя с барышом. Таким образом обязан я за всё про всё — друзьям *моей славы* — чорт их возьми и с нею; тут смотри как бы с годовоу же околеть, а они кричат — *слава!*»¹⁸.

Вяземскому поэт написал 8 марта 1824 года: «От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше право не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал все издание за 3000 р., а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Растить им не зачем. А у меня им не залежаться, хоть я право не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола»¹⁹.

Мотив «пишу для себя, а печатаю для денег» становится излюбленным у Пушкина, стремившегося всячески оправдать свое желание жить только за счет собственного литературного труда. Очевидно, для того времени это было столь необычно, что вызвало необходимость в пояснениях и оправданиях.

Мы уже знаем, что расходы на печать, бумагу и даже уплату посреднику взяли на себя книгопродавцы, поэтому гонорар Пушкина в 3 000 рублей был «чистым» гонораром. Боязнь Пушкина, что Вяземский что-то может взять на свой счет, — это боязнь проявления по отношению к себе какого бы то ни было меценатства, даже со стороны друга. Меценатство во всех его видах было ненавистно поэту.

* * *

«Бахчисарайский фонтан», равно как и предисловие к нему, написанное Вяземским, имели огромный успех и вызвали немало споров, ответных «разговоров», продолжений «разговоров» и так далее.

Чрезвычайно высокую оценку этому произведению дал В. Г. Белинский. Сам Пушкин, наоборот, не придавал большого значения поэме, считал ее слабее «Кавказского пленника».

Первоначально Пушкин хотел назвать свою поэму «Гарем». На новое название натолкнул его понравившийся ему эпиграф из Саади, который и был напечатан на выходном листе «Бахчисарайского фонтана».

Поэт писал Вяземскому 14 декабря 1823 года, еще до появления поэмы в печати: «Бахчисарайский фонтан, между нами, дрянь, но эпиграф его — прелесть»²⁰.

Это было неверно. «Бахчисарайский фонтан» и его успех — важнейший этап в творческой биографии Пушкина. При жизни автора поэма была напечатана трижды отдельными книгами и один раз в собрании «Поэм и повестей» 1835 года.

Первое издание 1824 года — это первая книга поэта, напечатанная в Москве. Внешне книга изящнее первых изданий «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника». Может быть потому, что типография Августа Семена была одной из лучших русских типографий того времени.

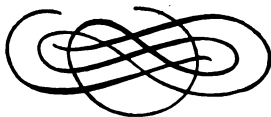
Не трудно догадаться, почему «Бахчисарайский фонтан» 1824 года имеет два варианта обложек. На первом варианте стоят имена книготорговцев Пономарева и Смирдина и во все не значится имени Ширяева. Как мы теперь знаем, Пономарев был всего-навсего посредником при покупке тиража книги. Обидевшийся Ширяев напечатал новую обложку с своей фамилией, выкинув фамилию Пономарева.

На позднейшем антикварном рынке первое издание «Бахчисарайского фонтана» 1824 года встречалось довольно редко. Чрезвычайно редки экземпляры в обложках как первого, так и второго вариантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 98.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 67.
3. Там же, стр. 252.
4. Там же, стр. 73.
5. Гроссман, Л. П. «У истоков Бахчисарайского фонтана» — исчерпывающая работа на эту тему, — в сборнике: Пушкин. Исследования и материалы. Изд. АН СССР. Т. 3. М.-Л., 1960, стр. 49—100.

6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 83.
7. «Остафьевский архив», т. 2. Спб., 1899, стр. 367.
8. Там же, т. 3. Спб., 1908, стр. 4.
9. Там же, стр. 13.
10. Там же, стр. 14.
11. «Русская старина», 1888, кн. 11, стр. 331.
12. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 82.
13. «Новости литературы», 1824, № 13.
14. «Русский инвалид», 1824, № 59.
15. «Дамский журнал», 1824, № 9.
16. «Литературные листки», 1824, № 7.
17. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, Т. 13. Л., 1937, стр. 86.
18. Там же, стр. 90.
19. Там же, стр. 88—89.
20. Там же, стр. 70.

КАВКАЗСКИЙ

ПЛЕННИКЪ,

ПОВѢСТЬ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи, состоящей при
Особенной Канцеляріи Министерства Внутрен-
нихъ Дѣлъ.

1824.

4. «ПЛУТНЯ ОЛЬДЕКОПА». (Издание «Кавказского пленника» на русском и немецком языках в 1824 г.).

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК, повесть. Соч. А. Пушкина. Санктпетербург, печатано в типографии, состоящей при Особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел. 1824.

Второй заглавный лист: Der Berggefangene von Alexander Puschkin. Aus dem russischen übersetzt. St.-Petersburg. Gedruckt in der Buchdruckerei der Besondern Kanzlei des Ministeriums des Innern. 1824.

8°. (20 × 12,5 см. обрез.) IX стр., включая два заглавных листа и «Примечания» на немецком языке + 68 стр., из которых 65 заняты поэмой на немецком и русском языках параллельно¹, а на стр. 66-68 — «Примечания» на русском языке.

Обложка: «немая», без текста, цветная обертка.

Цензурное разрешение: 17 апреля 1824 г.; цензор Александр Красовский.

Дата выхода в свет — после 17 апреля 1824 года. Основанием датировки служит цензурное разрешение. В «С.-Петербургских ведомостях» № 75 от 16 сентября 1824 г. в объявлении говорится: «Вновь отпечатанная сего 1824 года *Кавказский пленник*, повесть, соч. А. Пушкина, напеч. на белой бумаге хорошими буквами, чисто и исправно... Спб. 1824, цена 6 рублей».

ОММЕРЧЕСКИЙ УСПЕХ «Бахчисарайского фонтана», не говоря уже об успехе литературном, весьма ободрил Пушкина. После гнечиевских скудных подачек поэт почувствовал реальную возможность прокормить себя литературным трудом. Зародилось множество планов о переиздании уже напечатанных и бойко распродававшихся первых поэм — «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника». Можно было решиться и на второе издание «Бахчисарайского фонтана».

Но, находясь за две тысячи верст от столицы, трудно было быть в курсе книгопродавческого рынка. Пока Пушкин раздумывал, кому поручить переиздание хотя бы «Кавказского пленника» и даже писал брату 13 июня 1824 года: «Слушай, душа моя, деньги мне нужны. Продай на год Кавк.[азского] плен.[ника] за 2 000. Кому бишь?»² — недремлющие спекулянты от литературы обошли поэта.

Уже 15 июля 1824 года Пушкин писал Вяземскому из Одессы: «Я было хотел сбыть с рук Пленника; но плутня Ольдекопа мне помешала. Он перепечатал Пленника, и я должен буду хлопотать о взыскании по законам»³.

К чести книгопродавцев, мысль обокрасть Пушкина пришла в голову не им. Нашелся в Петербурге некий «почтовый цензор» Евстафий Ольдекоп, рискнувший совершить прямое мошенничество с переизданием «Кавказского пленника».

За год до этого, летом 1823 года, в Петербурге же вышел отдельным изданием немецкий перевод «Кавказского пленника», сделанный А. Е. Вульффертом. Перевод был неплохим, и к нему даже прилагались ноты «Черкесской песни», положенной на музыку Л. Маурером.

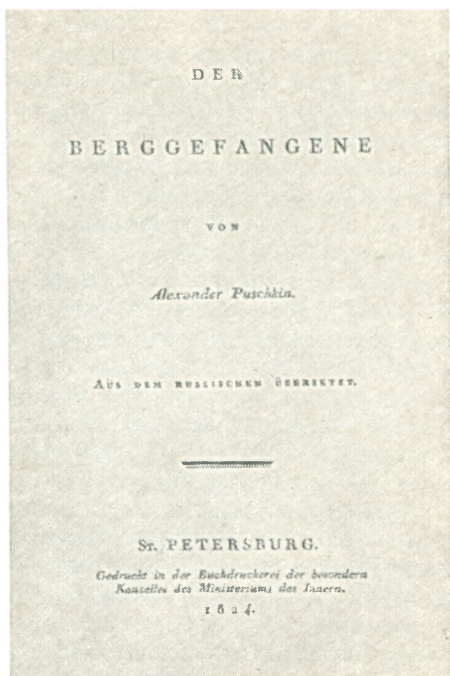
Пушкин, разумеется, ничего не мог иметь против переводов его произведений на иностранные языки, хотя никакого гонорара за это не полагалось.

Что же сделал Ольдекоп? Он в 1824 году переиздал этот немецкий перевод «Кавказского пленника», но приложил к нему русский текст поэмы, напечатав на четных страницах текст поэмы по-русски, а на нечетных — по-немецки.

Книга имела большой успех, и это двуязычное издание «Кавказского пленника» весьма быстро раскупалось. Расчет Ольдекопа был прост: переводы разрешалось печатать вообще даже без ведома автора, а о том, можно ли к ним прилагать русский текст, или нельзя — в законах об авторском праве того времени не было ни звука.

Этим и воспользовался Ольдекоп.

Второй титульный лист
«Кавказского пленника»
на немецком языке.

Горестная и справедливая жалоба Пушкина разбиралась в Цензурном комитете, но комитет только временно приостановил продажу книги — большего сделать не мог. Вскоре и эта «приостановка» была снята с издания, и оно вновь поступило в продажу. Один только книгопродавец А. Ширяев купил для Москвы 200 книг этого издания и бойко торговал ими.

С Ольдекопом ничего сделать было нельзя. Его лишь предупредили, чтобы он впредь прилагал русские тексты к переводам, не иначе, как с согласия авторов.

Но что это давало Пушкину? Петербургские друзья поэта старались всячески помочь ему, но безуспешно. Вяземский из Москвы 27 октября писал А. И. Тургеневу: «Научи, что делать, к кому писать; к Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего — сам похлопочи. Теперь у Пушкина только и осталось, что деревенька на Парнасе, а если и ее разорять станут, то что придется ему делать? Вот и письмо от Сергея Львовича [отца Пушкина], которое растолкует тебе всю сущность дела. Неужели нет у нас законной управы на такое грабительство?»⁴.

Такой «законной управы», к сожалению, не было. Ольдекоп даже не постеснялся распустить слухи, что у него якобы была предварительная договоренность на печатание этой книги с отцом поэта Сергеем Львовичем. На встревоженный запрос П. А. Вяземского по этому поводу поэт отвечал: «Ольдекоп украл и соврал; отец мой никакой сделки с ним не имел»⁵.

А. И. Тургенев отвечал Вяземскому на предыдущее письмо: «Сейчас был у меня Дельвиг. Он опять поедет к Ольдекопу и будет требовать вознаграждения. Я поручил ему пострадать его жалобой начальству, если он где служит и если он хотя экземплярами не согласится заплатить за убыток. Ольдекоп сам нищий. Что с него взять?»⁶.

Пушкин скорее других понял бесперспективность тяжбы с Ольдекопом. Уже из Михайловского, чуть позже, а именно 29 ноября 1824 года, поэт писал Вяземскому: «Ольдекоп, мать его в рифму; надоел! Плюнем на него и квит»⁷.

Однако, отказавшись от преследования Ольдекопа, Пушкин не забывал принципиальной стороны этого факта. Уже много позже, в 1827 году, поэт подал Бенкендорфу записку по поводу дела Ольдекопа. Бенкендорф ответил весьма уклончиво, сославшись на то, что, дескать, даже в странах, где «находятся положительные законы на счет перепечатывания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками»⁸.

Как ни уклончиво отвечал Бенкендорф поэту, тем не менее при выработке нового цензурного устава 22 апреля 1828 года, замечания Пушкина были, хотя и в слабой степени, учтены.

Один из главных зачинателей профессионализации труда русских писателей, Пушкин не мог оставаться равнодушным к вопросам авторского права. Против нарушения этого права он дрался почти до последних дней жизни.

Уже в декабре 1836 года, когда историку Баранту, бывшему в то время французским послом в России, по какому-то случаю потребовалось ознакомиться с русскими законами по охране авторских прав, он обратился за справками именно к Пушкину, не только как к крупнейшему поэту страны, но и как к человеку, испытывшему на себе несовершенство этих законов.

Известно обстоятельное письмо Пушкина Баранту, рисующее положение авторского права в России. В письме Пушкин упоминает о своей тяжбе с Ольдекопом⁹.

Эти волнения не были понятны другу Пушкина П. А. Плетневу, вскоре ставшему главным помощником

поэта по изданию его сочинений. Известно, например, такое письмо Плетнева от 14 апреля 1826 года: «Не стыдно ли тебе такую старину вспоминать, каково дело твое с Ольдекопом? Книги его уже нет ни экземпляра; да я не знаю, существует ли и он в каком-нибудь формате. И из чего ты хлопочешь? Если хочешь денег: согласишься только вновь напечатать Кавказ.[ского] Плен.[ника] или Бахч.[исарайский] Фон.[тан], и деньги посыплются к тебе»¹⁰.

Как бы то ни было, но второе издание «Кавказского пленника» (Пушкин не признавал его за издание вообще и только следующее, собственное тиснение поэмы в 1828 году, именовал вторым) принадлежало Е. Ольдекопу, напечатавшему поэму на двух языках. Трудно установить точно, но, по-видимому, тираж книги был обычным — 1 200 экземпляров. Меньше Ольдекопу не стоило бы печатать, тем более, что разница в расходах на печать и бумагу книжки в 68 страниц была невелика. При цене в 6 рублей за экземпляр, учитывая даже максимальные книгопродавческие проценты, что брали с Ольдекопа (вероятно 20-25 %), ему осталось «чистыми», примерно, тысяч четыре-пять. Почти столько же, сколько заработал на первом издании «Кавказского пленника» «друг» поэта Н. И. Гнедич. Но он заплатил Пушкину за поэму хотя бы 500 рублей и дал один экземпляр книги. Ольдекоп не сделал и этого.

На позднейшем антикварном рынке ольдекоповский «Кавказский пленник» не считался очень большой редкостью и ценился дешевле первого издания поэмы 1822 года.

* * *

В Пушкинском Доме Академии наук хранится экземпляр первого издания «Кавказского пленника» 1822 года, в котором цензурное разрешение, данное цензором Бируковым 1 июня 1822 года, зачеркнуто, и в экземпляр вставлен лист желтоватой бумаги с новым цензурным разрешением цензора А. Красовского от 17 апреля 1824 года. На всех листах книги растянута (как это делалось всегда) разрешение и подпись цензора от первой до последней страницы. Никаких исправлений и вымарок в экземпляре не имеется. Зачеркнуто только примечание, уведомляющее о приложении портрета автора (на стр. 49). Вне всякого сомнения, что этот экземпляр представлялся в цензуру Евстафием Ольдекопом при перепечатке книги. Книга в Пушкинский Дом поступила от Б. П. Городецкого в 1936 году¹¹.

Весьма возможно, что будь Пушкин в Петербурге, плутня Ольдекопа закончилась бы иначе. Но весь этот эпизод произошел в очень тревожное для поэта время. Ему было просто не до тяжбы с кем бы то ни было.

Ольдекоповское издание «Кавказского пленника» вышло буквально на рубеже ссоры Пушкина с Воронцовым, закончившейся высылкой поэта из Одессы.

О своем переезде из Кишинева в Одессу рассказывает сам Пушкин в письме к брату от 25 августа 1823 года: «Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман — три последние месяца моей жизни. Вот в чем дело: здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оставил мою Молдавию и явился в Европу — ресторация и италиянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и, выехав оттуда навсегда, — о Кишиневе я вздохнул. Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни — впрочем я нигде не бываю, кроме в театре»¹².

О переводе Пушкина из Кишинева в Одессу, как мы уже знаем, очень хлопотали друзья поэта в Петербурге и в Москве, думая этим облегчить участь изгнанника.

Расчеты друзей Пушкина не оправдались. М. С. Воронцов отнюдь не походил на своего родича — Александра Романовича Воронцова, известного своим покровительством Радищеву. Надменный и надутый придворный, одесский Воронцов почти сразу возненавидел Пушкина, рассматривая его исключительно как мелкого чиновника, в обязанности которого входило раболепие перед ним как начальником. Сам Воронцов слепо следовал этому правилу. Известен, например, эпизод в Тульчине, когда в бытность там Александра I пришло известие об аресте и казни испанского революционера Риго. Царь сообщил об этом своим приближенным, среди которых только один Воронцов поспешил сказать:

«Какая прекрасная новость, ваше величество!» Слова Воронцова были встречены осуждающим молчанием даже самого царя.

П. А. Плетнев. Литография с рисунка Бориспольца.

Пушкин навеки заклеил этот мерзостный поступок Воронцова в стихотворении «Сказали раз царю...», кончающемся строками:

Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

Было немало причин для ненависти Воронцова к Пушкину. Поэт увлекся женой Воронцова и порой посвящал ей свои стихотворения.

Началась неравная борьба между наместником и поэтом. Мелкие придирки Воронцова, выразившиеся, в частности, в посылке Пушкина на обследование мест, пораженных саранчей, вызывали со стороны поэта ответные дерзости. Неравенство положения не остановило Пушкина. Об этом писал он в одной из своих эпиграмм:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал
И, побожусь, не ниже графа.

И Пушкин окончательно добывает Воронцова другой, совершенно уничтожающей эпиграммой:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Дальнейшие взаимоотношения с Воронцовым становятся невозможными, и Пушкин сам подает в отставку. Почувствовав, однако, что дело не может кончиться только отставкой, поэт задумывает бежать за границу через Константинополь.

В это время в Одессе отдыхала с детьми жена Вяземского, Вера Федоровна, с которой у Пушкина установилась трогательная дружба.

В. Ф. Вяземская согласилась помочь поэту бежать за границу. Имеется чрезвычайно характерное письмо наместника Воронцова, написанное уже позже, в декабре 1824 года, к А. Я. Булгакову по поводу В. Ф. Вяземской: «Мы считаем, так сказать, неприличными ее затеи поддерживать попытки бегства, задуманные этим сумасшедшим и шелопаем Пушкиным, когда получился приказ отправить его в Псков»¹³.

Письмо не столько подтверждает участие Вяземской в попытке бегства Пушкина, сколько мелочность и ничтожество самого Воронцова. Действительно — «полу-мудрец»!

Ненависть Воронцова к Пушкину, кроме личных причин, имела несомненно и политическую подкладку. На юге России и, в частности, в Одессе среди культурной передовой молодежи были распространены декабристские идеи. Существование революционных обществ не было тайной для правительства, хотя оно и недооценивало размаха их деятельности. Держать Пушкина в это время в Одессе могло казаться Воронцову столь же опасным, как зажженную спичку у порохового погреба. И он принял решительные меры.

По его доносам, украшенным к тому же подло перлюстрированным письмом поэта с очень откровенными высказываниями его о религии, Пушкина не только увольняют со службы, но и ссылают бессрочно в деревню, под надзор местных властей.

Закончилось более чем четырехлетнее пребывание поэта на юге, срок, из которого примерно тринадцать месяцев жизни в Одессе были для него исключительно богаты событиями, переживаниями и ознаменованы созданием новых замечательных произведений. Работа над «Евгением Онегиным» особенно увлекала Пушкина. Княгиня Вяземская писала мужу: «...мне кажется, что он слишком занят и главное слишком увлечен, чтобы заниматься чем-нибудь, кроме своего Онегина...»¹⁴.

Уезжая из Одессы, Пушкин увозил почти уже сложившееся и задушевнейшее свое стихотворение «Прощай, свободная стихия!». Слова эти были обращены к морю:

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

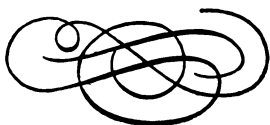
И снова «Телега жизни» повезла поэта. На этот раз на север...

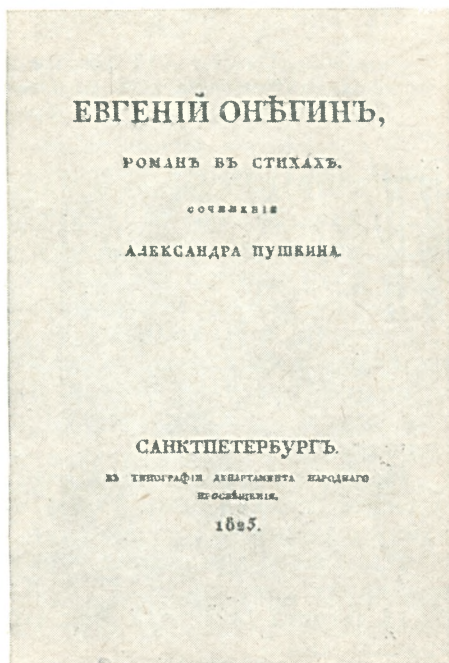
Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цвяловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 104.

2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 98.
3. Там же, стр. 104.
4. «Остафьевский архив», т. 3. Спб., 1908, стр. 87.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 111.
6. «Остафьевский архив», т. 3. Спб., 1908, стр. 90.
7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 124.
8. Там же, стр. 335.
9. Там же, т. 16, 1949, стр. 199 и 401.
10. Там же, т. 13, 1937, стр. 272.
11. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.-Л., 1936, т. 2, стр. 292.
12. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 66.
13. Цитируется по «Летописи» М. Цявловского, стр. 546.
14. То же, стр. 483.

5. ПЕРВАЯ ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1825 г.)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1825.

12°. (18 × 11 см. не обрез.) XXII стр., включая шмуцтитул, заглавный лист, лист с посвящением Льву Сергеевичу Пушкину, лист с предисловием («Вот начало большого стихотворения...»), «Разговор книгопродавца с поэтом» + 2 ненум. стр. + 60 стр., из которых стр. 51-60 — примечания и поправки.

Обложка: на лицевой стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Санктпетербург. 1825.»; на последней стр., в такой же рамке, — текст: «Продается в книжном магазине И. В. Сленина, у Казанского моста, по 5 руб., а с пересылкою по 6 руб. У него же продается недавно отпечатанная книга: Песни простонародные, военные нынешних греков, в стихах, переведенные Н. Гнедичем, изданные с греч. подлинником, введением, сравнением с песнями русскими и примечаниями. Издание украшено картин., изображающ. нынешнего воина Греческого. Спб. Цена на люб. бум. в красив. оберт. 6 р., на велен. в папке 8 руб. За пересылку иногородним прилагать не надобно сверх назначенной цены».

Цензурное разрешение: 29 декабря 1824 года; цензор Александр Бируков.

Дата выхода в свет — 18 февраля 1825 года. Основание датировки — письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 17 февраля того же года: «Брат поэта сказывал мне, что завтра Онегин будет весь отпечатан...».

 УШКИН приехал в Михайловское 9 августа 1824 года и пробыл там до 4 сентября 1826 года. Два года и один месяц деревенской ссылки закончили шестой и начали седьмой год неволи поэта. Мне довелось прочитать немало биографических очерков о пребывании поэта в Михайловском. Большая часть этих очерков написана, я бы сказал, несколько идиллически. Общение с природой, прогулки верхом, посещения семейства Осиповых, встреча с Керн, беседы с Ариной Родионовной, ее сказки и так далее.

Из бед — ссора с отцом, неприятные объяснения с губернатором, слежка попа Ионы, которому вовремя надо дать чайку с ромом, — вот, пожалуй, и все.

Настоящее понимание того, чем была ссылка в деревню в то время, дает письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 августа 1824 года. Вот это письмо с небольшими сокращениями:

«Последнее письмо жены моей наполнено сетованиями о жребии несчастного Пушкина. Он от нее отправился в свою ссылку; она оплакивает его, как брата. Они до сей поры не знают причины его несчастья. Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Правительство верно было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказание за вины, которые не подходят ни под какое право? Неужели в столицах нет людей, более виновных Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью! А тут за необдуманное слово, за неосторожный стих предают человека на жертву. Это напоминает басню «Мор зверей». Только там глупость, в виде быка, платит за чужие грехи, а здесь — ум и дарование. Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страхусь за Пушкина! В его лета, с его душою, которая также *кипучая бездна огня* (прекрасное выражение Козлова о Байроне), нельзя надеяться, чтобы одно занятие, одна деятельность мыслей удовлетворяли бы его. Тут по-

неволе примешься за твое геттингенское лекарство: не писать против Карамзина, а пить пунш. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на *coup de grâcc* [последний удар], что нанесли ему. Не предвижу для него исхода из этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этот удар? Да зачем не позволить ему ехать в чужие края? Издание его сочинений окупит будущее его на несколько лет. Скажите ради бога, как дубине Петра Великого, которая не сошла с ним во гроб, бояться прозы и стихов какого-нибудь молокососа? Никакие вирши не проточат ее! Она, православная матушка наша, зеленеет и *дебелеет* себе так, что любо! Хоть приди Орфей возмутительных песней, так никто с места не тронется!.. Эпиграмма может пронять нашего брата, как ни будь он окован в звезды и препоясан лентами, но «сатиры и эпиграммы должны преклонить колена» перед неуязвимостью власти. У меня в голове проскакивает глупая шутка, но так и быть: вот она. Я вспомнил о неуязвимости Ахиллеса. Про него можно сказать, что *душа у него была в пятках*, даром, что он был не трус. Сообщил это Екатерине Николаевне, музе моих глупостей. Какой скачок от политической метафизики до лубочной шутки! Да, впрочем, пора мне было соскочить: я ходил по скользкому месту»².

Вяземский не только правильно охарактеризовал ссылку Пушкина в деревню как «бесчеловечное убийство», но и остроумно пояснил причину нападения на поэта. Правительство было трусливо и «душа у него была в пятках»! Александр I боялся поэта, и Пушкин, зная это, «подсвистывал ему до гроба».

«Каким должно быть богатырем духовным, чтобы устоять против козней, которые чинило Пушкину правительство?» — почти так спрашивал Вяземский Тургенева. И Пушкин был именно таким «богатырем духовным». Если взять список написанного поэтом за 25 месяцев деревенской ссылки, вспомнить, что в этом списке несколько глав «Евгения Онегина», окончание «Цыган», «Граф Нулин», «Борис Годунов» и целый ряд новых замечательных стихотворений, не считая записок, эпиграмм, заметок и прочего, — духовная мощь поэта просто ошеломляет.

Пушкин не питал никаких надежд на изменение своей участи. В Михайловском он готовился к побегу за границу. Он знал, что пока жив Александр I, прощения ему не будет. В его изумительном «Воображаемом разговоре с Александром I», разговоре, начинающемся фразой: «Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему...» —

конец таков: «Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак* или *Кочум* разными размерами и рифмами...»

Пушкин намекал, что заставить замолчать поэта нельзя. Его можно убить только физически.

Это потом и сделали.

* * *

Пушкин начал писать «Евгения Онегина», не надеясь увидеть это произведение в печати. Роман был задуман как сатирическое изображение современного общества, и поэт имел все основания полагать, что цензура не пропустит подобного сочинения.

Он сообщал Вяземскому (из Одессы 4 ноября 1823 года): «...я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. В роде Дон-Жуана — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и измерить круга своего действия — лучше об ней не думать — а если брать, так брать, не то, что и когтей марты»³.

Современники рассказывали, что «Пушкин пишет Евгения Онегина обычно с раннего утра, не вставая с постели. Приятели часто застают его то задумчивого, то помирающего со смеху над строфою своего романа»⁴.

Первые главы «Евгения Онегина» писались довольно быстро, но общая работа над романом заняла у Пушкина почти восемь лет, восемь лет лучшей поры его творчества.

Хронологически работа над романом протекала примерно так: первая глава начата в Кишиневе 9 мая 1823 года и закончена в Одессе в конце октября того же года. Предисловие к роману «Разговор книгопродавца с поэтом» написано в Михайловском в сентябре 1824 года.

Вторая глава закончена в Одессе 8 декабря 1823 года. Третья глава начата в Одессе в начале февраля 1824 года и закончена в Михайловском 2 октября того же года.

Четвертая глава писалась с перерывами; начата в конце 1824 года и полностью закончена к январю 1826. Написана в Михайловском. Там же писалась и пятая глава в течение 1825 и 1826 годов с перерывами.

Шестая глава вчерне была закончена в Михайловском 10 августа 1826 года.

Седьмая глава начата в Михайловском в августе или сентябре 1827 года, писалась в Москве, Петербурге с перерывами и закончена в Малинниках 4 ноября 1828 года.

«Путешествие Онегина», составлявшее первоначально восьмую главу, начато в Москве в сентябре 1829 года, частично писалось в Павловском в октябре 1829 года и закончено в Болдине в том же месяце 1830 года.

Восьмая глава (первоначально девятая) написана в Болдине и окончена 25 сентября 1830 года. Там же была написана десятая глава (о декабристах) и там же 19 октября того же года сожжена автором. Уцелело лишь несколько зашифрованных строф, дающих некоторое представление о революционности замысла поэта.

«Письмо Онегина» написано позднее, в Царском селе, 5 октября 1831 года⁵.

Издавался роман в своем первом тиснении также не сразу, а отдельными главами, выходившими из печати в следующем порядке: первая глава в — Петербурге в 1825 году, вторая — в Москве в 1826 году, третья глава — в Петербурге в 1827 году, четвертая и пятая главы (вместе) также в Петербурге в 1828 году и шестая глава там же и в том же году. Последовал некоторый перерыв, и лишь в 1830 году, в Петербурге же, вышла глава седьмая и наконец в 1832 последняя — восьмая глава, тоже в Петербурге.

Первая и вторая главы были напечатаны вторыми изданиями в Петербурге в 1829 и в 1830 годах. Первое полное издание романа вышло в 1833 году и еще раз в 1837 году, в миниатюрном формате. Оба полные издания печатались в Петербурге. Более уже это произведение Пушкина, если не считать отрывков, помещенных в журналах и альманахах, при жизни автора не печаталось.

Такова общая, довольно сложная картина создания «Евгения Онегина» и появления его в печати.

* * *

Вернемся же теперь к первой главе «Евгения Онегина», вышедшей отдельной книжкой в Петербурге в 1825 году.

Современные Пушкину книгопродавцы, по-видимому, догадались чутьем, что это за «роман в стихах», который задумал издавать поэт. Еще в начале апреля 1824 года Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Сленин предлагает мне за Онегина сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов»⁶.

Но, несмотря на выгодные предложения, поэт решил издавать «Онегина» сам, на свой страх и риск.

Впрочем, самая надежда, что «Евгений Онегин» пройдет цензуру, зародилась у автора лишь в связи с переменой в министерстве народного просвещения: в 1824 году вместо

«душителя просвещения», ханжи и мистика князя А. М. Голицына, на его пост был назначен адмирал А. С. Шишков, писатель, глава «архаистов».

Пушкин писал брату 13 июня 1824 года из Одессы: «С переменой министерства, ожидаю и перемены цензуры... Ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему [Шишкову] лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко врагам цензуры с первой главой или песнью Онегина. Авось пролезем»⁷.

«Пролезть» кое-как удалось, причем Пушкин был убежден, что он лично обязан только Шишкову, и стал хорошо отзываться о нем, пока не убедился, что новый министр просвещения оказался горше старого, и при нем цензурный гнет усилился еще более.

Рукопись первой главы «Онегина» из Михайловского в Петербург повез брат Пушкина Лев Сергеевич. Однако все хлопоты по изданию поэт возложил не на него. Левушка уже вышел из доверия. Так хлопоты в цензуре, привезти-отвезти рукопись, — это может и Левушка. Но все материальные дела, все заботы о печати, о продаже книг — все это Пушкин поручает теперь своему доброму знакомцу Петру Александровичу Плетневу. Начиная с этой книги, он — главный издатель Пушкина.

П. А. Плетнев в эти годы служил учителем словесности, числился по департаменту народного просвещения, почему почти все изданные им книги Пушкина печатались исключительно в типографии, принадлежавшей этому ведомству. Позже, с 1832 года, Плетнев стал профессором Петербургского университета, а еще позже, с 1840 по 1861 — ректором его.

Плетнев был не чужд литературной деятельности. Его критические статьи о русской литературе печатались в ряде журналов и альманахов. Писал он и стихи, но едва ли причислял себя к сколько-нибудь значительным поэтам. Его любили Е. А. Баратынский, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг и другие. Сам же он превыше всего почитал Пушкина и помогал ему во всем. Помогал спокойно, деловито, искренне и бескорыстно. Позже он сам писал об этом: «Я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром. Пушкин, найдящийся по большей части вне Петербурга, то в Новороссийском краю, то в своей деревне, беспрестанно должен был писать ко мне, потому что у него не было других доходов, кроме тех денег, которые собирал я от издания и продажи его сочи-

ЕВГЕНІЙ
ОНѢГИНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1825.

Лицевая сторона обложки. (Первая глава).

Продается въ книжномъ магазинѣ *И. В. Слѣкина*, у Казанскаго моста, по 5 руб., а съ пересылкою по 6 руб.

У него же продается недавно ошпечатанная книга: Пѣсни простонародныя, военныя нынѣшнихъ Грековъ, въ стихахъ, переведенныя *Н. Гнѣдигемъ*, изданныя съ Греч. подлинникомъ, введеніемъ, сравненіемъ съ пѣснями Рускими и примѣчаніями. Изданіе украшено картин., изображающ. нынѣшняго воина Греческаго. С. П. Б. 1825. Цѣна на люб. бум. въ красив. оберш. 6 р., на велен. въ папкѣ 8 руб. За пересылку иногороднымъ прилагать не надобно сверхъ означенной цѣны.

нений. Привычка относиться во всем ко мне, опыты прямодушия моего и, может быть, несколько счастливых замечаний, которые мне удалось передать ему на его сочинения, до такой степени сблизили его со мною, что он предварительно советовался с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал надвое. Присылая оригинал свой ко мне для печатания, он прилагал при нем несколько поправок или перемен на сомнительные места, представляя мне выбрать для печати то, что я найду лучше»⁸.

П. А. Плетнев нисколько не преувеличивал своей роли, в особенности, в деле печатания и распространения книг Пушкина.

Здесь уместно сказать, почему Пушкин, выбрав издателем своим П. А. Плетнева, одновременно отказывался от дружеских услуг П. А. Вяземского, который только что помог поэту издать «Бахчисарайский фонтан» и не прочь был помогать ему и далее.

Пушкин считал себя бесконечно обязанным Вяземскому, но дальше пользоваться его помощью не хотел и не мог. Поэт великолепно понимал, что заниматься делами высланного и поднадзорного человека для Вяземского — дело, могущее иметь неприятные последствия. Положение Плетнева было проще. Его участие в делах Пушкина, в конце концов, можно объяснить коммерческой заинтересованностью (хотя у Плетнева таковой и не было). Ну, а чем объяснишь участие в делах опального поэта богатого аристократа Вяземского?

И Пушкин пишет ему: «Брат увез Онегина в П.[етер]Б.[ург] и там его напечатает. Не сердись, милый; чувствую, что в тебе теряю вернейшего попечителя, но в нынешние обстоятельства, всякой другой мой издатель necessarily привлечет на себя внимание и неудовольствия»⁹.

Пушкин, как говорится, точно «в воду глядел».

Едва Плетнев успел выпустить первую главу «Онегина» и приступить к хлопотам по изданию следующей книги Пушкина, как начальник Главного штаба И. И. Дибич 9 апреля 1826 года секретно запросил петербургского военного генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова о том, каковы «взаимоотношения сочинителя Пушкина и комиссионера его, надворного советника Плетнева». На этом запросе рукой Голенищева-Кутузова имеется помета: «Запискою объяснено, что Плетнев знает Пушкина как литератора, смотрит за печатанием его сочинений и вырученные за продажу оных деньги пересылает к нему по просьбе и

препоручению Жуковского. Поведения примерного, жизни тихой и уединенной; характера скромного и даже более, робкого»¹⁰.

Несмотря на этот благоприятный отзыв, через несколько дней, 23 апреля последовало второе секретное письмо Дибича к генерал-губернатору: «По докладу моему отношения вашего превосходительства, что надворный советник Плетнев особых связей с Пушкиным не имеет, а знаком с ним только как литератор, государю императору угодно было повелеть мне, за всем тем, покорнейше просить вас, милостивый государь, усугубить всевозможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его, а чтоб ваше превосходительство изволили приказать иметь за ним ближайший надзор».

Последовало распоряжение генерал-губернатора следующего содержания: «Через дежурного штаб-офицера объявлено господину генерал-майору Арсеньеву иметь за г. Плетневым секретное и неослабное наблюдение».

Дело принимало отнюдь не шуточный оборот. Известно, что Плетнева и лично вызывали «куда следует».

По крайней мере, 14 апреля 1826 года, в дни, близкие к датам цитируемых выше запросов Дибича, Плетнев писал Пушкину:

«Не удивляйся, душа моя, что я целый месяц не писал к тебе. Этот месяц был для меня черным не только в году, но и во всей жизни. С роду не бывал я болен и не пробовал, каковы на свете лекарства; а теперь беспрестанно их глотаю через час по две ложки»¹¹.

По-видимому, все дело кончилось лишь испугом Плетнева и отдачей его «под наблюдение», так как далее он в том же письме сообщает Пушкину: «Это, однако ж не помешало мне, хоть с разными изворотами, исполнить все твои комиссии...»

Мудрость Пушкина подтвердилась. Для Плетнева его тесная деловая связь с опальным поэтом вызвала всего лишь сравнительно мелкие неприятности. Но для князя Вяземского все могло обернуться значительно хуже.

Так как все эти события происходили уже после напечатания первой главы «Евгения Онегина», то вернемся к подробностям ее издания.

Лев Пушкин повез рукопись первой главы из Михайловского в Петербург 3 или 5 ноября 1824 года. По этому поводу поэт пишет вышеприведенное письмо П. А. Вяземскому и предвещает о том же П. А. Плетнева. Письма об

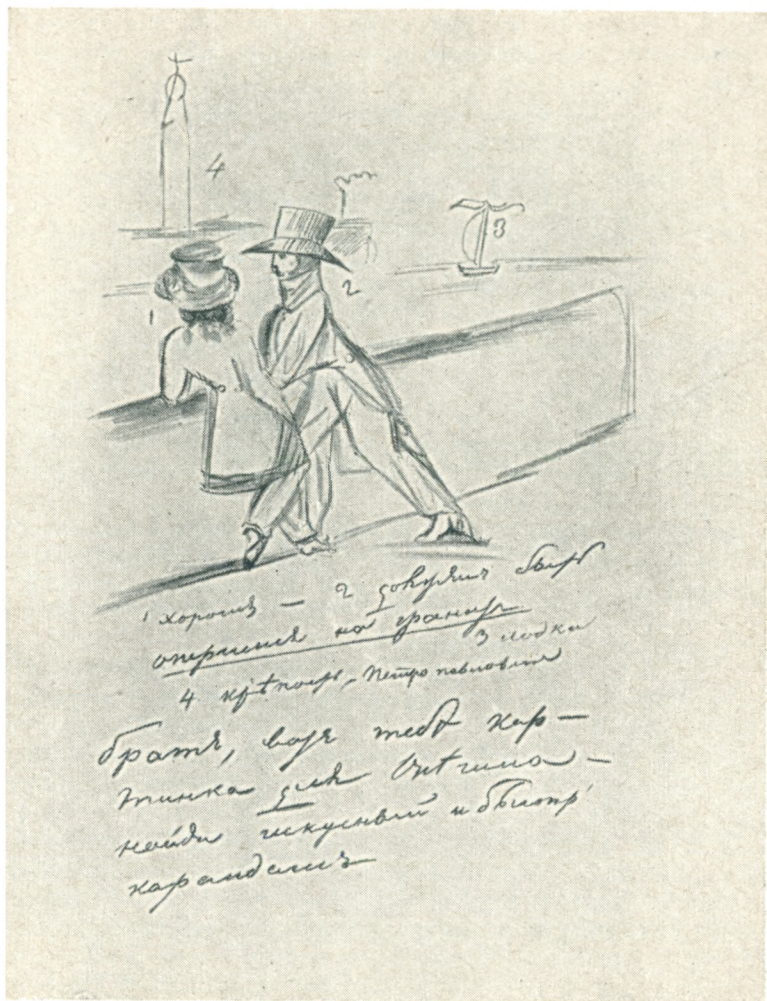

Рисунок А. С. Пушкина к «Евгению Онегину».

этом к Плетневу не сохранилось, но вот его черновик, написанный предположительно в последних числах октября:

«Ты издал дядю моего:
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не жалела [?] лик его...
Теперь издай [меня], приятель,
[Плоды] пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ты будешь свой издатель?

Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего Онегина! — Созови мой Ареопаг, ты, Ж.[уковский], Гнед.[ич] и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорн[остью] при[му] его решение. Жаль, что нет между ва[ми] Бара[тын-ского], говорят он пишет»¹².

Из письма ясно видно, что Пушкин не жалеет комплиментов и самому Плетневу, и друзьям. Он высоко ценит их внимание и услуги, оказанные ему, сосланному поэту. С какой радостью Пушкин взялся бы сам за издание своих книг, но он находился далеко от столицы.

Поэт, как только может, заботится об издании. Примерно 1-10 ноября он посылает письмо брату: «Брат, вот тебе картинка для Онегина — найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же *местоположении*. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно»¹³.

Пушкин предлагает собственноручный рисунок-схему желательной для него иллюстрации. Но она не появляется в издании первой главы, как этого хотел автор. Из описания следующей книги Пушкина («Стихотворения» 1826 года) будет видно, что Плетнев не очень любит иллюстрации и не видит рисовальщика, достойного Пушкина. Картинка эта появится позже в «Невском альманахе» на 1828 год, рисованная совсем «неискусным» карандашом А. Нотбека и гравированная Е. Гейтманом.

Пушкин признает, что прав был Плетнев, и картинка ему самому не понравится. Он даже напишет на нее шуточную эпиграмму:

Вот перешедши мост Кокушкин,
Опершись... о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.

Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодезь, милый мой!

Однако с изданием первой главы Пушкин и сам торопится тоже. Ему уже не до иллюстраций. В середине декабря 1824 года он взывает к брату: «Христом и богом прошу скорее вытащить *Онегина* из-под цензуры — слава, [.....] ее [.....] — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы его. Денег ради бога, денег!»¹⁴.

Бопль этот становится понятным, если вспомнить, что с высылкой в деревню Пушкин лишился даже того грошового жалования, которое ему платили как чиновнику на юге.

Плетнев торопит издание. Книжка проходит цензуру 29 декабря и около 15 февраля 1825 года появляется в продаже.

3 марта, вскоре после выхода первой главы, П. А. Плетнев пишет Пушкину:

«Нынешнее письмо будет рапортом, душа моя, об *Онегине*. Я еще не извещал тебя подробно о нем.

Напечатано 2 400 экземпляров. Условие заключил я со Слениным, чтоб он сам продавал и от себя отдавал, кому хочет, на комиссию, кроме него, ни с кем счетов иметь не буду. За это он берет по 10 процентов, т. е. нам платит за книжку 4 р. 50 к., продавал сам по 5 руб. За все экземпляры, которых у него не будет в лавке, он платит деньги сполна к каждому 1 числу месяца для отсылки к тебе или как ты мне скажешь.

1-го марта, т. е. через две недели по поступлении *Онегина* в печать (т. е. в продажу), я уже не нашел у него в лавке 7 000 экземпляров, следовательно, он продал, за вычетом процентов своих, на 3 150 рублей.

Из этой суммы я отдал:

1) За бумагу (белую и обертошную)	397 руб.
2) За набор и печатание	220 руб.
3) За переплет	123 руб.
4) За пересылку экземпляров тебе, Дель-
вигу, отцу и дяде (твоим)	5 руб.

Итого 745 руб.

Из оставшейся 2 405 р. суммы Сленин вычел 500 руб., которые я взял у него для отсылки к тебе еще прежде, нежели *Онегин* отпечатался»¹⁵.

Письмо это подробно рассказывает о всех перипетиях издания. Мы узнаем из него и сумму, израсходованную на печать и бумагу, и сумму аванса Пушкина, и тираж книги. Этот тираж в 2 400 экземпляров — для своего времени был весьма значительным. Хотя Пушкин и верил в успех своего «Онегина», и распродажа семисот экземпляров в первые же две недели как будто и подтверждала эти надежды, но дальнейшее распространение книги застопорилось: за март продано было всего 235 экземпляров, а за последующие 4 месяца — только 161 экземпляр.

Одной из причин задержки являлось то обстоятельство, что книгопродавческая скидка в 10 процентов оказалась недостаточной. Сленину еще было выгодно продавать книгу у себя в лавке, но что же он мог предложить от себя другим комиссионерам?

Плетнев решил увеличить книгопродавческую скидку до 20 процентов, а вскоре предлагал купить весь остаток издания и по более дешевой цене, но уже безуспешно.

«Никак не соглашаются,— писал Плетнев Пушкину 29 августа 1825 года,— они думают, что эта книга уже оставилась, а забывают, как ее расхватят, когда ты напечатаешь еще песнь или две. Мы им тогда посмеемся дуракам. Признаюсь, я рад этому. Полно их тешить нам своими деньгами»¹⁶.

Оптимистические расчеты Плетнева оправдались неполностью. Действительно, с выходом второй и последующих глав романа первая глава стала расходиться лучше, но отнюдь не столь быстро, как это ожидалось.

Круг читателей того времени был ограничен, и тираж в один «завод», то есть 1 200 экземпляров, мог считаться тиражом, которого вполне хватало. Двух «заводов» уже было много.

К тому же крайне высокая цена за каждую отдельную главу — пять рублей — несомненно играла роль в деле распространения книги.

Плетнев всячески торопил поэта с выпуском последующих глав романа и даже предлагал издать его целиком, зная, что многое у Пушкина уже готово.

Но Пушкин не спешил. План романа часто изменялся, а задуманный конец его, как мы увидим далее, требовал сложного и неторопливого решения.

Ваше уже говорилось об огромном значении «Евгения Онегина», знаменующего переход поэта на путь реализма. Этот новый путь, на который вступил Пушкин в «Евгении Онегине», был, может быть, еще не вполне осознанным. Но

А. С. Пушкин. Рисунок карандашом А. Орловского.

в «Разговоре книгопродавца с поэтом», предпосланном первой главе «романа в стихах», в качестве своеобразного предисловия, уже громко звучат ноты прощания с романтизмом.

В. Г. Белинский восторженно писал о романе:

«Онегин» — есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотой, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы. Оценить такое произведение значит — оценить самого поэта во всем объеме его творческой деятельности. Не говоря уже об эстетическом достоинстве «Онегина», эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение»¹⁷.

«Энциклопедией русской жизни» называл великий критик это создание Пушкина.

Каждая отдельно изданная глава «Евгения Онегина» имела свою судьбу, свою историю, каждая по-разному была встречена современной критикой и читателями.

Первая глава «романа в стихах» в 1825 году рассматривалась всеми как крупнейшее событие в литературе. «Северная пчела» одну из своих статей об «Онегине» начинала словами:

«Читали ли вы Онегина? Каков вам кажется Онегин? Что вы скажете об Онегине? — вот вопросы, повторяемые беспрестанно в кругу литераторов и русских читателей»¹⁸.

Имя Пушкина было у всех на устах. Сам же обладатель этого громкого имени сидел в деревне и писал брату почти накануне выхода из печати первой главы «Онегина»: «Мне дьявольски не нравятся [петербургск]ие толки о моем побеге. Зачем мне бежать? Здесь так хорошо! Когда ты будешь у меня, то станем трактовать о *банкире*, о *переписке*, о *месте пребывания Чаадаева*. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться»¹⁹.

Выделенные слова — это шифр, обозначающий условные понятия о порядке переписки и перевода денег за границу на случай побега Пушкина.

Местом пребывания Чаадаева была в то время Швейцария. К Чаадаеву-то и собирался бежать автор «Евгения Онегина».

Зашифровано письмо с нарочитым выделением слов «Зачем мне бежать? Здесь так хорошо», — на случай почти несомненного перехвата письма полицией.

Как мы уже знаем, предполагаемый побег поэта не осуществился. Но, держа сейчас перед собой маленькую изящную книжечку первой главы «Евгения Онегина» издания 1825 года, нельзя не вспомнить и об этой подробности биографии ее автора. Дни жизни Пушкина в это время были невеселыми днями.

* * *

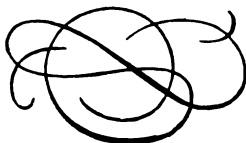
Внешняя сторона издания первой главы «Евгения Онегина» 1825 года кладет начало особому, весьма своеобразному стилю почти всех последующих прижизненных изданий книг Пушкина. Если учесть то обстоятельство, что большинство их печаталось в одной типографии Департамента народного просвещения и под присмотром одного человека — Плетнева, можно смело сказать, что этот особый, «пушкинский стиль» стал ведущим стилем для издания многих и многих книг его времени. Хороший четкий набор, простые, но красивые обложки, ничего лишнего, — вот отличительные черты этого стиля. Видимо, Плетнев был человеком со вкусом.

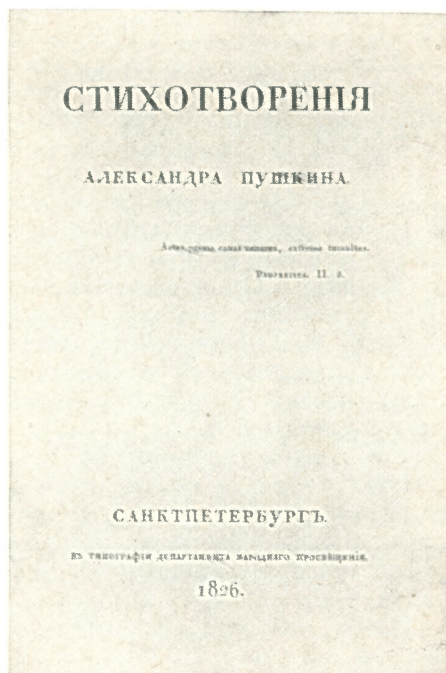
О степени редкости всего прижизненного поглавного «Евгения Онегина» мне придется говорить дальше, при описании последней главы романа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 117.
2. «Остафьевский архив», т. 3. СПб., 1908, стр. 73.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 73.
4. Цявловский, М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Изд. АН СССР. Т. 1. М., 1951, стр. 385.
5. Указанные даты — см. «Путеводитель по Пушкину», стр. 134.
6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 92.
7. Там же, стр. 97.
8. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. IV, вып. 13, 1910, стр. 136.
9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 125.
10. Эта и две последующие по этому же поводу цитаты — см. «Русская старина», 1889, кн. 6, стр. 510.
11. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 272.
12. Там же, стр. 113.
13. Там же, стр. 119. Оригинал картинки находился у С. А. Соболевского и впервые был опубликован в «Библиографических записках» 1858 г.
14. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 130.

15. Там же, стр. 147. См. также: Лит. архив, т. 1, 1938, стр. 32.
16. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 217.
17. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 7. М., 1955, стр. 431.
18. «Северная пчела», 1826, № 132.
19. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 130.

6. ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА (1826 г.)

СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Actas prima canat veneres, extrema tumultus.
Propertius, II. 8.

Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1826.

8°. (20 × 12,5 см. обрез.) XII стр. («Оглавление» и «От издателя») + 192 стр.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Стихотворения Александра Пушкина. Спб. 1826»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — типографская виньетка.

Ц е н з у р н о е р а з р е ш е н и е: 8 октября 1825 года; цензор Александр Бируков.

С о д е р ж а н и е: см. примечания к этому рассказу.

Дата выхода в свет — 30 декабря 1825 года — определяется на основании заметки в «Северной пчеле», № 155 от 29 декабря 1825 года, в которой говорится: «В нынешнюю среду, т. е. 30 декабря, поступит в продажу на сих днях отпечатанная новая книга под названием: СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. Получать ее можно будет у всех здешних книгопродавцев по 10 р., а с пересылкою 11 р. Это собрание должно было выйти по подписке еще в 1820 году; но

издатели по некоторым обстоятельствам замедлили его; как по причине сей остановки билеты, выданные тогда за деньги, могут быть потеряны подписавшимися особами, то от них довольно будет для получения книги одного имени с адресом, потому что имена г.г. подписавшихся в то время находятся у издателей. В последнем случае благоволят обращаться с требованиями в книжный магазин продавца И. В. Сленина»¹.

1822 ГОДУ, уезжая в ссылку на юг, Пушкин оставлял на руках друзей рукописи своих двух первых книг: «Руслан и Людмила» и «Стихотворения Александра Пушкина». Поэма «Руслан и Людмила», как известно, попала в руки В. А. Жуковского и Н. И. Гнедича, и те сумели тогда же выпустить ее в свет, а рукопись «Стихотворений», «полупроданная-полупроигранная» Никите Всеволожскому, задержалась печатанием на шесть лет.

Как же это случилось?

Пушкин начал составлять первый сборник своих стихотворений еще в Лицее. К апрелю 1820 года рукопись сборника, составленного из лучших лицейских и послелицейских стихотворений, расположенных в строго обдуманном порядке, была готова к печати.

Найти издателя сборника стихов молодого поэта оказалось не так легко, и Пушкин, по заведенному обычаю, объявил подписку на издание и даже успел сам и через друзей продать 30 или 40 подписных билетов. Разразившаяся над головой автора гроза остановила дело.

Незадолго до высылки из Петербурга Пушкин, играя в карты с приятелем своим Н. В. Всеволожским, проигрывает ему пятьсот рублей. При расчете поэт кладет на стол рукопись первого сборника своих стихотворений и предлагает Всеволожскому купить у него право издания книги на следующих условиях: пятьсот наличными и пятьсот в уплату картонного долга. Поэтом руководили не только материальные соображения. Желание увидеть свою книгу в печати играло здесь главнейшую роль.

Всеволожский условия принял, и отсюда именно идет выражение Пушкина, что рукопись свою он «полупроиграл-полупродал».

Покидая вскоре после этого Петербург, поэт был настолько убежден, что Всеволожский напечатает его книгу, что в письме к брату из Кишинева 27 июля 1821 года писал: «...постарайся свидеться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны), розданное моим друзьям — экземпляров 30»².

В письме чувствуется забота Пушкина о погашении тех 30-40 подписных билетов на книгу, о предварительном распространении которых говорилось выше.

Никита Всеволожский книгу не напечатал. Какой-то момент для этого был им упущен, а далее уже издавать книгу ссыльного поэта оказалось делом нелегким. Могли возникнуть и неприятности.

Чувствуя некоторую свою вину перед Пушкиным, Н. В. Всеволожский в 1822 году привлек к изданию стихотворений поэта общего их друга Якова Николаевича Толстого, председателя общества «Зеленая лампа», члена декабристского «Союза Благоденствия».

Я. Н. Толстой в свое время написал Пушкину дружеское стихотворное послание, на которое поэт ответил своими известными «Стансами» («Философ ранний, ты бежишь...»). В 1823 году Я. Н. Толстой уехал за границу, так как был замешан в делах декабристов, и назад не вернулся. Уже позже, желая всячески «реабилитировать» себя, Я. Н. Толстой кончил тем, что стал сотрудником III Отделения.

Предложение Пушкину издать его сборник стихов в 1822 году Я. Н. Толстой сделал от имени князя А. Я. Лобанова-Ростовского, известного коллекционера и библиофила, проживавшего почти безвыездно в Париже.

Пушкин 26 сентября 1822 года ответил Толстому: «Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений»³.

«Изъяснения» эти касались опасений Пушкина цензуры, необходимости дополнить и отредактировать сборник и так далее.

Поэт имел неосторожность в тот же день сообщить обо всем этом Н. И. Гнедичу, написав ему: «Князь Александр Лобанов предлагает мне напечатать мои мелочи в Париже»⁴.

Нет подтверждений, что Лобанов-Ростовский собирался напечатать книгу Пушкина непременно в Париже, но дело с изданием вообще расстроилось и скорее всего по вине Н. И. Гнедича, жаждавшего быть издателем поэта.

Так, по крайней мере, понял всю эту историю Пушкин, написавший уже из Одессы 12 января 1824 года А. А. Бестужеву: «Гнедич шутит со мной шутки в другом роде. Он разгласил, будто бы все новые стихи, обещанные мною Я. Толстому, проданы уже ему, Гнедичу. Толстой написал мне письмо пресухое, в котором он справедливо жалуется на мое легкомыслие, отказался от издания моих стихотворений, уехал в Париж, и мне об нем нет ни слуху, ни духу.

Он переписывается с тобой в С.[ыне] О.[течества]; напиши ему слово обо мне, оправдай меня в его глазах, да пришли его адрес»⁵.

Пушкин почувствовал, что у Всеволожского дело с изданием книги окончательно затормозилось, и решил предпринять шаги к возвращению рукописи. Собственно, речь шла не столько о рукописи, нуждавшейся все равно в исправлениях и дополнениях, сколько о праве ее издания, которое по-прежнему принадлежало Н. Всеволожскому.

И вот, 29 июня того же 1824 года, Пушкин опять пишет (все еще из Одессы) А. А. Бестужеву: «...постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспмятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигн.[ациями]. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристип Всеволодович? я бы в придачу предложил ему мою дружбу...»⁶.

Несколько позже, примерно в конце октября, уже из Михайловского, Пушкин пишет об этом же и самому Всеволожскому, одновременно уполномочивая брата Льва войти с ним в непосредственные переговоры.

«Аристип Всеволодович», как называл Всеволожского Пушкин, не походил на Гнедича. Он не только вернул рукопись (а, следовательно, и право издания ее), но и предложил получить за нее только 500 рублей, данные когда-то поэту наличными. Вторые 500 он настаивал считать по-прежнему карточным долгом. Но Пушкин не выносил никакой «благотворительности» и писал брату: «Всеволожский со мной шутит. Я должен ему 1000, а не 500, переговоры с ним и благодари очень за рукопись. Он славный человек, хоть и женится»⁷.

Получив рукопись от Всеволожского, переработав ее и дополнив новыми стихотворениями, Пушкин 15 марта 1825 года посылает ее из Михайловского в Петербург брату Льву и П. А. Плетневу при следующем письме:

«Брат Лёв
и брат Плетнёв!

Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье скоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку.

Ошибки правописания, зн.[аки] препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз неостанет. — В порядке пиэс держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себе в помощники Жуковского, не во гнев Булгарину, и Гнедича, не во гнев Грибоедову. Эпиграфа или не надо, или из А. Chénier [А. Шенье]. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сделайте; именно: *Психея, которая задумалась над цветком...* Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого...

Нет! слишком дорога!

А ужесть, как мила!..

К тому же, кроме Уткина, ничей резец не достоин его карандаша. — Впрочем все это наружность. Иною прелестью пленяется...»⁷

Здесь позволительно прервать письмо Пушкина и рассказать, что его просьба о виньетке для этой книги оказалась невыполненной. Уже перед самой сдачей рукописи в набор, 26 сентября, П. А. Плетнев предварял автора: «Виньеты, решительно говорю, не будет. С художниками нашими невозможно иметь дела. Они все побочные дети Аполлона: *не понимают нас они*. Да и что придаст твоим стихам какая-нибудь глупая фигура над пустоцветом? Придет время: тогда не так издадут»⁸.

Дальнейшее содержание процитированного выше письма Пушкина показывает его заботы не только о виньетке для книги, но и о внешнем, типографском ее виде. Он пишет: «Что сказать вам об издании? Печатайте каждую пиэсу на особенном листочке, исправно, чисто, как послед.[нее] изд.[ание] Жук[овского] — и пожалуйста без ~ и без — * — и без = вся эта пестрота безобразна и напоминает Азию. Заглавие крупными буквами — и à la ligne [с красной строки]. — Но каждую штуку особенно — хоть бы из 4 стихов состоящую — (разве из двух, то можно à la ligne и другую). 60 пиэс! довольно ли будет для 1 тома? не прислать ли вам для наполнения Ц[аря] Никиту и 40 его дочерей?»⁹.

Несмотря на шуточный тон письма и явно ироническое напоминание о «Царе Никите», произведении не предназначенном вообще для печати, письмо это нельзя читать равнодушно. Пушкин любил книги, и можно себе представить печаль сосланного в деревенскую глушь поэта, вынужденного лишь издали «дирижировать» изданием своего первого собрания стихотворений.

Почти вслед за этим письмом Пушкин 27 марта опять пишет брату Льву о своей книге: «Вот в чем должно состоять предисловие: 1). Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской публики, но как они часто бывали печатаны бог весть кем, чорт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это — с[.....]-с (сказать это помягче). 2). Мы (сиречь Издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (российской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам, ибо слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (т. е. 14[-ти] лет), или как угодно. 3). Пожалуйста без малейшей похвалы мне. Это непристойность и в Бахч[исарайском] Ф[онтане] я забыл заметить это Вяземскому. 4). Все это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, ведь он не поверит — ну по крайней мере столь же хороша. Доволен ли он? Да перешли на всякий случай это предисловие в Михайловское, а я пришлю вам замечанья свои»¹⁰.

Предисловие, по-видимому, пришлось писать самому Пушкину, так как Плетнев в письме от 26 сентября уведомлял поэта: «Если хочешь приложить предисловие, то пришли его поскорее. Я, как сказывал тебе, не могу ничего написать, да и трудное дело говорить за тебя. Под твой язык не подделаешься».

Очевидно, медлительность ответов Пушкина раздражала деятельного Плетнева, взявшего на себя хлопоты по изданию. Он пишет далее в этом же письме: «Тебе стыдно не быть заботливым и деятельным, когда я начал хлопотать... я, задавленный проклятой своей должностью».

Плетнев, видимо, не догадывался, что изнемогавший в неволе Пушкин был занят в эти дни совсем другими мыслями.

У него срывалась задуманная попытка бегства за границу, и он строил другие планы освобождения из ссылки.

В самом начале декабря поэт пишет Плетневу: «Милый, дело не до стихов — слушай *в оба уха*:

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне.... Если брат, так брат — не то, что и совести марать — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке, или в Риге; чорт ли в них?

а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях. В столицу хочется мне для вас, друзья мои, — хочется с вами еще перед смертью поврать; но конечно благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать? Покажи это письмо Жуковскому...»¹¹

Все попытки друзей поэта ходатайствовать за него перед Александром I разбивались о почти открытую ненависть царя к Пушкину. Поэт знал это, но в его положении нужно было толкаться во все двери, пробовать все способы.

Еще раз можно подивиться мужеству Пушкина. Он не только не падал духом, не только обдумывал различные планы освобождения, но еще и создавал в это же время новые, замечательные произведения, занимался изданием своих книг, заботился о виньетках для них, о типографских мелочах и о прочем.

Пушкин знал о готовящемся восстании против самодержавия. Он вел из Михайловского оживленную, полную намеков переписку с А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылеевым и другими. Приезжавший в гости к Пушкину в Михайловское друг его И. И. Пущин, один из видных декабристов, привез ему не только список грибоедовского «Горя от ума», он привез ему и надежду на грядущую свободу.

Грозные события 14 декабря застали Пушкина в Михайловском. Он собрался было ехать в Петербург. Не стоит повторять историю о каких-то «приметах», встретившихся по дороге и заставивших поэта вернуться. Вероятнее всего, вернуться его заставил разум и сознание своей бесполезности в деле восстания. Поэта не принимали в тайное общество, и при свидании с Пушиным в Михайловском еще до восстания поэт сказал ему:

«Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно я этого доверия не стою — по многим моим глупостям»¹².

Восстание декабристов всколыхнуло страну. Подавление восстания, арест многих участников его, готовящаяся расправа над ними — окрасили в черный цвет и без того темные, зимние петербургские дни. Можно только представить себе настроение Пушкина в Михайловском.

Книжка его стихотворений вышла из печати 30 декабря 1825 года, в дни, последовавшие за разгромом восстания. Впрочем, сам Пушкин получил книгу только в конце января нового года. Он писал по этому поводу Плетневу: «Душа моя, спасибо за Стих[отворения] Ал[ександра] П[ушкина], издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится. Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески. Что делается у вас в П.[етер]Б.[урге]? я ничего не

знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске?»¹³.

Нельзя обойти молчанием один эпизод, связанный с выходом первого собрания стихотворений Пушкина. На титульном листе книги напечатан эпиграф из Проперция, который в переводе значит: «В раннем возрасте воспевается любовь, а в позднейшем — смятения».

В разгар розысков по делу 14 декабря Плетнев принес книжку тогда уже очень больному Карамзину. Тот, взглянув на заглавный лист с эпиграфом, воскликнул: «Что вы сделали! Зачем губит себя молодой человек?»

Не растерявшийся на этот раз Плетнев почтительнейше ответил: «Автор подразумевает под словом смятения — смятения душевные»¹⁴.

Вряд ли этот ответ успокоил Карамзина. Он имел все основания полагать, что вольнодумец Пушкин имел в виду смятения, отнюдь не душевные.

Впрочем, кроме Карамзина никто не обратил внимания на этот эпиграф. Может быть, и потому, что не все сильны были в латыни.

Несмотря на то, что новая книга Пушкина вышла в дни, последовавшие за декабрьским восстанием (а возможно именно поэтому), тираж ее мгновенно был раскуплен.

Уже 27 февраля 1826 года, менее чем через два месяца после выхода книги, Плетнев писал Пушкину: «Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни единого экз.[емпляра], с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить. Это быстрое растечение твоих сочинений вперед заставит их прежде отпечатания скупать их гуртом на наличные деньги. При продаже нынешней я руководствовался формой, которая изобретена была Гнедичем, по случаю продажи Стихотворений Батюшкова и Жуковского. Вот она: 1) Покупщику, требующему менее 50 экз., нет уступки ни одного процента. 2) Кто берет на чистые деньги 50 экз., уступается ему 10 проц. 3) Кто 100 экз., уступается 15 проц. 4) Кто 300 экз., уступается 20 проц. 5) Кто 500 экз., уступается 25 проц. 6) Кто 1000 экз., уступается 30 проц.

К нашему благополучию книгопродавцы наши так еще бедны или нерасчетливы, что из последних двух статей ни один не явился, и все покупали по 4-ой статье»¹⁵.

Это письмо Плетнева важно не только для истории данной книги Пушкина, но и для характеристики общего состояния книжного дела в стране в те годы. В дополнение

стоит привести и следующий абзац из того же письма Плетнева. Он пишет: «На будущее время я отважусь предложить им одну общую статью: кто бы сколько ни брал, деньги должны вносить чистые и уступки больше 10 проц.[ентов] не получит. Меня затруднял способ сохранять отпечатанные книги до продажи всех, особенно при большом издании; но теперь и это препятствие уничтожено: следственно ничто меня не принудит сдаваться этим вандалам».

Такова история напечатания и продажи первого собрания стихотворений Пушкина 1826 года. Остается выяснить коммерческую сторону издания. Она совершенно очевидна из писем и счетов Плетнева, которые он считал долгом посылать Пушкину.

Так, например, 18 января 1827 года он пишет: «Из 1130 экз. Стихотворений А. Пушкина, поступивших в действительную продажу [всего, как нам уже известно, было напечатано 1 200 экземпляров], ни одного уже не осталось, и за них получены деньги сполна 8.040 рублей»¹⁶.

Зная валовую продажную стоимость издания, а также размер книгопродавческой скидки (20%), не трудно понять, что расходы на печать и бумагу обошлись Плетневу около тысячи рублей. Указанная Плетневым сумма 8 040 рублей была чистым гонораром Пушкина.

И Пушкин, и Плетнев явно переосторожничали с тиражом. «Стихотворения» 1826 года могли бы разойтись в количестве не 1 200 экземпляров, а вдвое и даже втрое больше. Но Пушкина не прельщал шум, поднимаемый вокруг этой книги и носящий явно политическую окраску. Он понимал всю шаткость своего положения и довольствовался малым.

Он отверг предложение книгопродавца Заикина купить второе издание этого сборника стихотворений, несмотря на выгодность условий и на свою крайнюю нужду в деньгах. Цензурное разрешение на книгу было дано в начале октября 1825 года, до декабрьских событий, и Пушкин совсем не был уверен, что после 14 декабря к его стихотворениям отнесутся с тем же либерализмом.

Не будь декабрьских событий, он, может быть, повел бы себя в вопросе переиздания сборника совершенно иначе. Поэт помнил письмо своего друга и издателя П. А. Плетнева, который, еще не приступая к печатанию «Стихотворений» 1826 года, сулил ему «золотые горы» от изданий его сочинений. В августе 1825 года Плетнев писал Пушкину: «Желаешь ли ты получить денег тысяч до пятидесяти в про-

должение пяти месяцев, или даже четырех с начала сентября до конца декабря?

Вот единственное и вернейшее средство: 1. Пришли мне (как только возможно тебе скорее) вторую и третью песни Онегина, чтобы я вместе напечатал их в одной книжке в продолжение сентября... 2. Велеть Льву в половине сентября непременно отдать мне Разные Стихотворения..., чтобы 1-го октября взял я их от цензора и снес в типографию. 3. Приготовь оригиналы, со всеми своими давними и новыми поправками, примечаниями и проч. всех пяти поэм: Руслана, Пленника, Фонтана, Разбойников и Цыганов — непременно к 15-му октября, чтобы я мог их к 1-му ноября взять от цензора и снести в типографию. Если это все ты в состоянии сделать, то я (отвечаю честию), не требуя от тебя ни копейки за бумагу и печатание, доставляю тебе к 1-му генваря 1826 года (как хочешь: в разные ли сроки, или вдруг к этому одному сроку) не менее 50.000 рублей; в этом

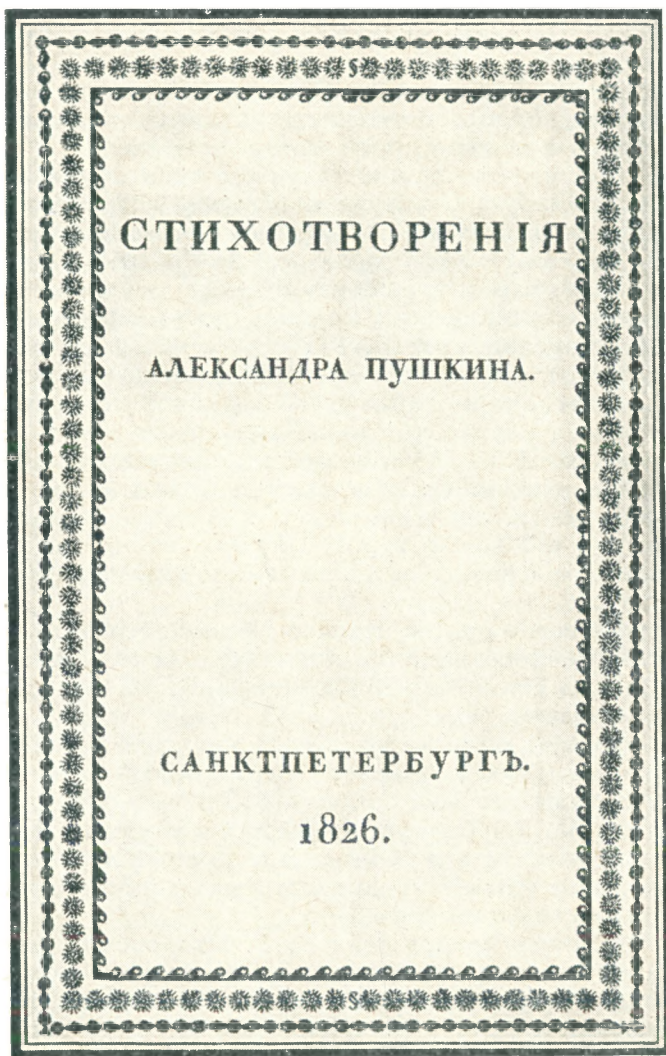
Меня мой разум уверяет,
Гласит мое мне сердце то»¹⁷.

Помимо приведенного двустихия из оды «Бог» Державина, Плетнев приложил к этому своему письму и подробный расчет предполагаемого издательского предприятия. Он писал: «Я надеюсь непременно после издания 2 и 3 песен Онегина продать вдруг 1-ой песни его [нераспроданной к этому времени] 850 экземпляров (за вычетом процентов книгопродавцу)

на	3.400 руб.
Потом: 2000 экземпляров 2 и 3 песен Онегина	
по 4 р. 50 к. [за экземпляр, на]	9.000 руб.
Далее: 2000 — Раз.[ных] Стих.[отворений] также	
по 4 р. 50 к. за экз.[емпляр], на	9.000 руб.
Наконец: 2000 — Поэм всех, считая хоть по	
13 руб. за экз.[емпляр]	26.000 руб.
Итого	47.400 руб.»

Далее Плетнев в письме говорит, что недостающая до пятидесяти тысяч рублей сумма будет выиграна от меньших уступок продавцам, и рисует другие, соблазнительные для поэта условия.

Но все эти планы, повторяю, составлялись Плетневым до декабрьских событий и осуществлены быть не могли, за исключением выпуска в свет сборника стихотворений 1826 года.

Лицевая сторона обложки.

Как повернется дело при новом царе, еще никто не знал. Положение Пушкина считалось угрожающим, и ему было не до изданий. Надо было ждать, только ждать.

В дальнейшем мы увидим, что поэт в своих издательских планах порой действовал много осторожнее и осмотрительнее Плетнева, а порой и много смелее.

Собрание стихотворений 1826 года, несмотря на тревожное время, было весьма благожелательно встречено критикой. Во многих статьях повторялось полностью предисловие «От издателей», в котором, между прочим, говорилось: «Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его [Пушкина] досугов в первое десятилетие авторской жизни».

Разумеется, что полной «истории досугов» Пушкина за все десятилетие в книге представлено быть не могло. И не потому, что в нее не входили большие его поэмы, изданные отдельно. Целый ряд откровенно революционных стихотворений, «ноэлей» и эпиграмм не мог вообще увидеть света.

Даже то, что вошло в этот сборник, во многих случаях было или сокращено, или исправлено и ради цензуры, и самой цензурой.

Здесь уместно напомнить, что Пушкин в Михайловском уделял особенное внимание политической сатире, продолжая создавать стихотворения и эпиграммы на Александра I и его приспешников.

О легальном выпуске их в свет не могло быть и речи, но Пушкин надеялся на другое. Верил поэт или не верил в успех готовящегося восстания (а о том, что оно готовится не зная он не мог), но убежденность в каких-то грядущих переменах жила в его сердце. Вот именно к этим долгожданным переменам Пушкин и готовил сборник своих политических стихотворений.

По мнению исследователя Т. Г. Цявловской, привлекавшей внимание к этому неосуществленному замыслу Пушкина, идею создания такого сборника поэту мог внушить приезжавший к нему в Михайловское И. И. Пущин¹⁸.

Мне известно, что далеко не все пушкиноведы безоговорочно приняли остроумную гипотезу Т. Г. Цявловской, но о том, что такой сборник эпиграмм был задуман Пушкиным, знал один из ближайших друзей поэта С. А. Соболевский. В письме его к библиографу М. Н. Лонгинову в 1856 году имеется об этом такое свидетельство: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие»¹⁹.

Речь шла об известном стихотворении поэта «О муза пламенной сатиры». Оно-то и должно было быть предисловием к этому сборнику. Подлинник стихотворения до нас не дошел, как не дошло подавляющее большинство сатир и эпиграмм, написанных Пушкиным для предполагаемого сборника. Немедленно после неудавшегося восстания декабристов поэт сжег его рукопись.

О силе политической направленности этого неосуществленного сборника можно судить по письму Пушкина к Бестужеву 24 марта 1825 года: «Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в Евг.[ении] Он.[егине]. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен...»²⁰.

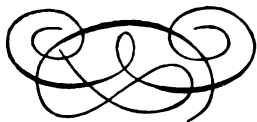
Возвращаясь к изданному в 1826 году первому «Собранию стихотворений Александра Пушкина», следует отметить, что книга, ставшая редкой еще при жизни автора, на позднейшем книжном рынке всегда причислялась к разряду библиографических редкостей, довольно высоко ценимых.

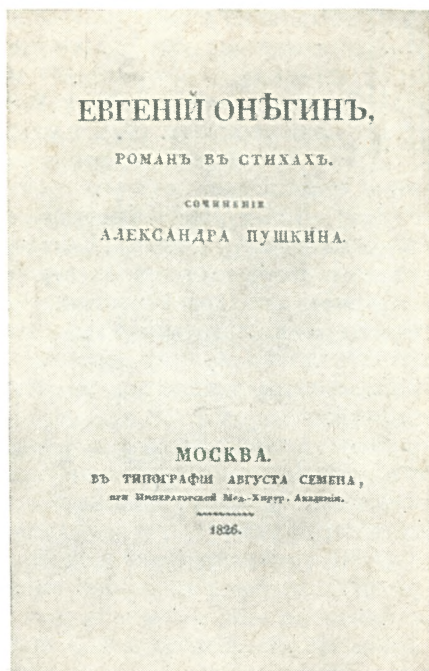
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 139. Объявление о купивших ранее билеты на подписку издания составлено Пушкиным. См. его письмо Вяземскому от 29 ноября 1824 г. (Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 124).
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 31.
3. Там же, стр. 46.
4. Там же, стр. 48.
5. Там же, стр. 84.
6. Там же, стр. 101.
7. Там же, стр. 152.
- 7а. Там же, стр. 153.
8. Там же, стр. 235.
9. Обе цитаты там же, стр. 154.
10. Там же, стр. 157.
11. Там же, стр. 248.
12. Записки И. И. Пущина о Пушкине. Спб., 1907, стр. 61.
13. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 256.
14. «Русский архив», 1870, столб. 1366.
15. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 263.
16. Там же, стр. 318.— См. также: Литературный архив. Материалы по истории лит. и обществ. движ. Изд. АН СССР. Т. 1. М.-Л., 1938, стр. 32.
17. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 217.
18. Цявловская, Т. Г. Муза пламенной сатиры.— В сб.: Пушкин на юге. Кишинев, 1961, стр. 147.

19. Там же. См. также: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. VIII, вып. 31—32, 1927, стр. 45.
20. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 155.

О Г Л А В Л Е Н И Е Собрания стихотворений 1826 года:
От Издателей.— ЭЛЕГИИ: Пробуждение. 1816.— Мечтателю. 1818.— («Увы, зачем она блистает...»). 1819.— («Мой друг, забыты мной следы...»). 1821.— Друзьям. 1816.— Выздоровление. 1818.— Война. 1821.— («Я пережил мои желанья...»). 1821.— («Умолкну скоро я...»). 1821.— Гроб юноши. 1821.— («Простишь ли мне ревнивые мечты...»). 1823.— («Ты вянешь и молчишь...»). Подражание Ан. Шенье. 1824.— («Погасло дневное светило...»). Подражание Байрону. 1820.— Сожженное письмо. 1825.— («Ненастный день потух...»). Отрывок. 1823.— Желанье славы. 1825.— Андрей Шенье. 1825.— РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ: К Овидию. 1821.— Русалка. Баллада. 1819.— Гроб Анакреона. 1815.— Черная шаль. Молдавская песня. 1820.— Торжество Вахка. 1817.— Фонтану Бахчисарайского дворца. 1820.— Песнь о вещем Олеге. 1822.— Певец. 1816.— Амур и Гименей. Сказка. 1816.— Разлука. 1817.— Адели. 1822.— Виноград. 1820.— Стансы Т-му. 1819.— Уединение. 1819.— Прозерпина. 1824.— Домовому. 1819.— Вакхическая песня. 1825.— В альбом. 1825.— Друзьям. 1822.— К морю. 1824.— Демон. 1823.— Подражание Турецкой песне. 1820.— Телега жизни. 1823.— Наполеон. 1821.— ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ: Приятелям.— («Охотник до журнальной драки...»).— («У Кларисы денег мало...»).— Добрый человек.— («Недавно я стихами как-то свистнул...»).— История стихотворца.— Уединение.— Лиле.— Роза.— Имянины.— К портрету Жуковского.— Надпись к портрету ***.— К А. Б.— Старик. Из Марота.— Веселый пир.— («Хоть впрочем он поэт изрядный...»).— Иностранке.— («Как брань тебе не надоела...»).— ***.— Приятелю.— Птичка.— ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ: Муза. 1821.— Дориде. 1820.— («Редет облаков летучая гряда...»). 1820.— Юноша. Сафо. 1825.— Нереида. 1820.— Дионея. 1821.— Дорида. 1820.— Дева. 1821.— Ночь. 1823.— Приметы. 1821.— Земля и море. Идиллия Мосха. 1821.— Красавица перед зеркалом. 1821.— ПОСЛАНИЯ: Лицинию. С латинского. 1815.— В — *** — му. 1819.— П — *** — ну. Отрывок. 1817.— Ш — *** — ву. 1816.— Дельвигу. 1817.— Кривцову. 1819.— Алексею. 1821.— К — *** — ну. 1821.— Козлову. По получении от него Чернеца. 1825.— Прелестнице. 1818—1819.— Ч — *** — ву. С морского берега Тавриды. 1820.— Гречанке. 1822.— Дочери Карагеоргия. 1820.— Жуковскому. На издание книжек его: Для немногих. 1818.— Ч — *** — ву. 1821.— ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ: («Клянусь четой и нечетой...»). 1824.— («О, жены чистые пророка...»). 1824.— («Смутясь нахмурился пророк...»). 1824.— («С тобою древле, о Всесильный...»). 1824.— («Земля недвижна...»). 1824.— («Недаром вы приснились мне...»). 1824.— («Встань, боязливый...»). 1824.— («Торгуя совестью пред бледной нищетою...»). 1824.— («И путник усталый на бога роптал...»). 1824.— ПРИМЕЧАНИЯ.

7. ВТОРАЯ ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1826 г.)

ЕВГЕНІЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Москва. В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-Хирург. Академии. 1826.

12°. (20 × 12,5 см., не обрез.) 42 стр., включая шмуцтитул, заглавный лист и второй шмуцтитул, на котором напечатано: «Глава вторая. Писано в 1823 году».

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Москва. В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-Хирург. Академии. 1826»; в середине обложки — типографская виньетка — бабочка; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка — лира.

Цензурное разрешение: 26 сентября 1826 года; цензор Иван Снегирев.

Дата выхода в свет — около 20 октября 1826 г.

Основание датировки — заметка в «Московских ведомостях» от того же числа, № 84. В заметке говорится: «...у книгопродавца Шириева продается на сих днях отпечатанная книга — Евгений Онегин. Роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. Глава вторая. Москва, 1826, в типографии Августа Семена. В цветной обертке 5 р. ассигн., с пересылкой 6 р.»¹.

ПОПУЛЯРНОСТЬ произведений Пушкина как напечатанных, так и распространенных в «потаенных» списках, ко времени декабрьского восстания была совершенно необычайной. Сын автора известных «Записок» А. Т. Болотова — П. А. Болотов — писал отцу о впечатлении, произведенном на него восстанием 14 декабря:

«...В числе сих возмутителей видим имена известного Рылеева, Бестужевых, Кюхельбекеров как модных журнальных стихотворцев, которые все дышали безбожною философиею согласно с модным их оракулом Пушкиным, которого стихотворения столь многие твердят наизусть и так сказать почти бредят ими»².

Близость Пушкина к декабристам не вызывает сомнений.

Поэт в Михайловском с минуты на минуту ждал ареста и, как предполагают, сжег свои «Записки», а также значительную часть политических стихотворений и острейших эпиграмм.

Узнав о казни пяти декабристов, Пушкин нарисовал на одной из своих рукописей виселицу с трупами повешенных и приписал: «И я бы мог, как тут...»³.

Но гроза прошла мимо Пушкина. Поэт уцелел, во-первых, потому, что был в это время далеко от Сенатской площади, в Михайловском. Во-вторых, его друзья-декабристы старались всячески выгораживать поэта на допросах. В свое время они же упорно не принимали его в члены своих организаций, считая, что Пушкин для них гораздо полезнее своими стихами, чем активным участием в заговоре. Был во всем этом еще элемент «чуда» или «везения», который так или иначе, но спас Пушкина от расправы.

Смерть Александра I и восшествие на престол нового, молодого царя вселяли некоторые надежды на перемены в положении Пушкина.

Поэт вновь обратился к друзьям с просьбой похлопотать за него, подчеркивая, что в деле декабристов он юридически оказался чистым.

В ответ Жуковский в апреле 1826 года написал ему: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством».

И тут же Жуковский сообщает: «Что могу тебе сказать насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу»⁴.

Но Михайловское настолько опостылело Пушкину, что он решает предпринять ряд шагов, могущих, по его мнению, помочь его освобождению.

В конце августа 1826 года Вяземский от имени матери поэта сочиняет послание в «Комиссию прошений на высочайшее имя приносимых». В прошении делается упор на то, что сын ее, Н. О. Пушкиной, «третий год живет в деревне, страдая аневризмом без всякой помощи»⁵.

Но не аневризм (расширение сосудов) Пушкина, не прошение матери его, не ходатайства друзей помогли поэту вырваться из деревенской неволи. Помогло, как уже сказано выше, то самое «чудо», которое, как и все «чудеса», легко объяснимо.

Новый царь — Николай I, — отпраздновавший в Москве 22 августа 1826 года свою коронацию, желал развеять гнетущее впечатление, произведенное на русское общество его расправой с декабристами. Царь вспомнил сосланного в деревню вольнодумца-поэта и решил проявить по отношению к нему «милость», освободить, «простить» его и этим актом как-то смягчить впечатление от кровавого начала своего царствования.

Одновременно царь имел тонкий и коварный расчет сломить волю поэта, поставить его на службу самодержавию, сделать из него своего одописца.

28 августа 1826 года последовала «высочайшая резолюция» о привозе Пушкина в Москву «под надзором фельдгегеря, не в виде арестанта».

Приезд в Михайловское фельдгегеря с таким приказом наделал переполох. Прискакал фельдгегерь ночью, и перепуганная няня Пушкина Арина Родионовна залилась слезами.

«Не плачь, мама, — сказал ей Пушкин, — царь хоть куда ни пошлет, а все хлеба даст»⁶.

Не очень уверенный, что его не увозят в Сибирь, поэт забирает с собой на всякий случай рукописи напечатанных своих произведений. Их много: несколько глав «Онегина», поэма «Цыганы», трагедия «Борис Годунов», «Граф Нулин», несколько стихотворений, среди которых — «Пророк», вызвавший потом немало толков.

Но поэта повезли не в Сибирь. 8 сентября 1826 года он был доставлен с фельдгегерем в Москву, прямо в Кремль, на «личную аудиенцию» к «самодержцу всей России».

В «Русской старине», со слов А. Г. Хомутовой, приводится, может быть, не очень достоверный, но весьма похожий на правду рассказ об этом якобы самого Пушкина:

«Фельдъегерь подхватил меня из моего насильственного уединения и на почтовых привез в Москву, прямо в Кремль, и всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: — Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?

Я отвечал как следовало. Государь долго говорил со мной, потом спросил:

— Пушкин, принял бы ты участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге?

— Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога!

— Довольно ты подурачился, — возразил император, — надеюсь теперь ты будешь рассудителен и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь: отныне я сам буду твоим цензором»⁷.

Поэт беседовал с царем с глазу на глаз, и свидетелей разговора не было.

Однако при сопоставлении нескольких рассказов современников и тех, которые слышали об этом разговоре от Пушкина, и тех, которые якобы слышали о нем от самого царя, многое в них совпадает.

Подтверждается, например, утвердительный ответ Пушкина на вопрос царя о том, принял ли бы поэт участие в событиях 14 декабря, если бы был в Петербурге.

Как бы в награду за откровенность и обещание Пушкина не выступать против «предначертаний» самодержавия, царь пожелал взять на себя обязанности цензора поэта.

Измученному придирками неумных цензоров, Пушкину на какое-то время это желание царя могло показаться «милостью».

Весьма скоро, однако, он убедился, что эта «милость» являлась для него только новой формой полицейского надзора.

Пушкин остановился в Москве у друга своего С. А. Соболевского. Сначала у него, а 12 октября у Веневитиновых поэт в присутствии ряда московских литераторов читает своего «Бориса Годунова». Восторг слушателей был столь велик, что слухи об этом чтении проникли в самые широкие круги московского общества.

Немедленно же поэт получает от Бенкендорфа первую строжайшую и унижительную нотацию и приказ, чтобы он впредь до представления царю всех своих произведений не смел не только их печатать, но даже и читать вслух, хотя бы ближайшим друзьям.

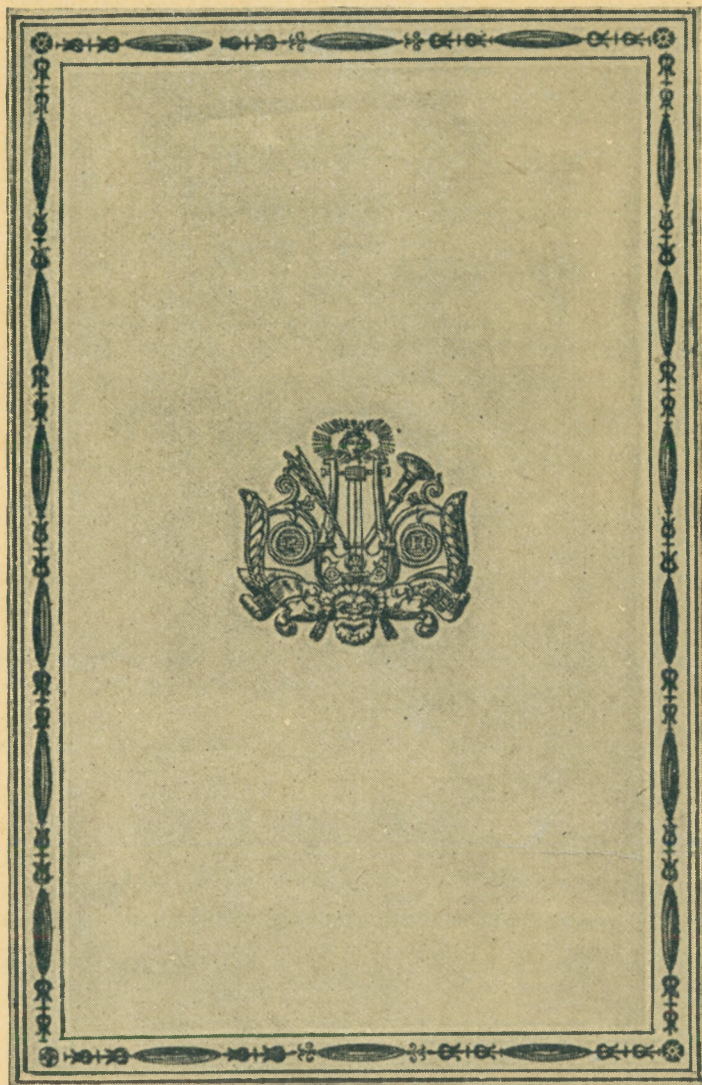
ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирур. Академіи.

1826.

Последняя страница обложки «Евгения Онегина». (Вторая глава).

Если у царя и был расчет «приручить» поэта, то делал он это настолько топорно и грубо, что все «обольщение» его личностью (если оно и могло возникнуть у поэта) продолжалось очень недолго.

Вскоре царь приказал Пушкину написать специальную «Записку о народном воспитании». Заказ этот был своеобразным способом прощупать подлинные политические настроения поэта.

Написанная Пушкиным «Записка» успеха у царя не имела, и Бенкендорф не без злораства сообщил 23 декабря 1826 года поэту: «...его величество при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению, неопытному, безнравственному и бесполезному»⁸.

Вряд ли после подобной отповеди Пушкин мог остаться в неведении относительно того, с кем он имеет дело. Никакой «договоренности» с монархом, предпочитающим «усердие и служение» делу просвещения, у поэта быть не могло.

И напрасно некоторые из дореволюционных (а были случаи, что и послереволюционных) исследователей пытались доказывать какое-то «перерождение» поэта после пресловутого свидания его и разговора с Николаем I.

Герцен писал, что после 14 декабря «только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений»⁹.

В 1827 году Пушкин в «Арионе» говорил о себе:

Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою...

О всей последующей своей жизни до последнего вздоха, о своем творчестве в целом Пушкин имел право сказать: «Я гимны прежние пою...»

С годами эти «прежние гимны» углублялись. Поэт мужал, и его политические взгляды становились значительно глубже и мудрее. И вольнолюбивая направленность новых «гимнов» оставалась у него все та же.

Можно ли не понять, что после длительного прозябания в деревенской глуши, поэт с наслаждением окунулся в море московских приемов, восторженного поклонения друзей, пиров, обедов и, конечно, картежной игры, бытовавшей тогда в кругу светской молодежи. С деньгами у Пушкина было плохо. Встала необходимость что-то делать, дабы расплатиться с долгами.

Это было одной из причин, заставившей поэта поручить другу своему С. А. Соболевскому издание в Москве некоторых своих книг, в частности, второй главы «Евгения Онегина».

Очень скоро из типографии Августа Семена вышла книжка, своим внешним видом и размером чуточку отличающаяся от первой и всех последующих глав «Онегина», печатавшихся ранее в Петербурге.

Каким-то обоснованием для установления тиража второй главы «Онегина» может служить письмо А. И. Тургенева брату Н. И. Тургеневу от 18 ноября 1826 года. В письме говорилось: «Пушкин печатает 2-ую главу Онегина, за 800 стихов просит 7000 рублей, дают 5, дадут и больше»¹⁰.

Новости, которые сообщал А. И. Тургенев брату, носили несколько запоздалый характер: вторая глава уже месяц была в продаже. Однако указанные в письме цифры весьма интересны. Исходя из обычного тиража в 1 200 экземпляров по цене пять рублей каждый, валовая стоимость издания была шесть тысяч. Учитывая книгопродавческую скидку, печать и бумагу, прибыль Пушкина можно определить в сумме, очень близкой к указанной Тургеневым, что-нибудь вроде четырех с половиной, пяти тысяч.

Таким образом, тираж книги 1 200 экземпляров почти достоверен. Печатать больше Пушкин, к стати сказать, и не рискнул бы. Мы знаем, что первая глава романа, напечатанная двойным тиражом в 2 400 экземпляров, в последней трети своего тиража расходилась довольно туго.

Имеется еще одно соображение, по которому можно судить, что тираж второй главы «Онегина» не был выше 1 200 экземпляров: и Соболевский, и его главный комиссионер — московский книгопродавец А. Ширяев не очень то ропились послать часть тиража книги для продажи в Петербург.

Этим они задерживали в Петербурге продажу остатка первой главы «Онегина» и всего тиража главы третьей, тоже уже напечатанной к этому времени Плетневым.

Пушкин выговаривал по этому поводу Соболевскому: «Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву, что ты не можешь прислать мне 2-ую главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты все обещал, обещал — благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-ой и 3-й гл[ав] остановилась. Покорно благодарю»¹¹.

До этого Пушкин сам получил такие же упреки от Плетнева: «Нуждаются только во второй главе Онегина, которая засела в Москве, а здесь ее все спрашивают. Итак, по получении сего письма, тотчас напиши в Москву, чтобы оттуда выслали все остальные экземпляры Онегина 2[-ой] главы в Петербург на имя Сленина»¹².

Подобную небрежность со стороны Соболевского и Шириева можно объяснить только тем, что однозаводный тираж второй главы «Онегина» бойко расходился в Москве, и судьба его не тревожила издателей. Будь тираж больше, он проявили бы и большую заботу о распространении книги. Из-за этого, очевидно, вторая глава «Онегина» и появилась с опозданием на книжных прилавках Петербурга.

Материальные дела Пушкина, разумеется, не поправились от издания только одной главы «Евгения Онегина». И Соболевский в Москве, и Плетнев в Петербурге продолжали свои хлопоты по изданию других книг поэта.

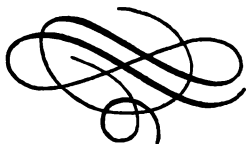
Правда, в Москве в это же время затевался журнал «Московский вестник» при участии Погодина и всего кружка Венивитинова. На журнал возлагались большие надежды, и Пушкин обещал принять в нем непосредственное участие. Ему сулили различные блага и значительные гонорары. Но по целому ряду причин все это оказалось нереальным. Вскоре Пушкин и вовсе отошел от журнала.

Издание новых собственных книг поэта было более верным источником его нового, «свободного» существования. Московское издание второй главы «Евгения Онегина» 1826 года открывало список этих изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 261.
2. Цявловский, М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Изд. АН СССР. Т. 1. М., 1951, стр. 674.
3. Пушкин, А. С. Собр. соч. Под ред. С. А. Венгеровой. Т. 2. Спб., 1908, на стр. 529—530 — говорится, что подпись Пушкина под этим рисунком читается: «И я бы мог, как шут на...», причем последние два слова зачеркнуты. Якушкин прочитал зачеркнутое слово, как «тут», а не «шут». Цявловский разъясняет («Рукою Пушкина», стр. 159), что выражение «висеть как шут» было общеупотребительным. Несмотря на это разъяснение, смысл фразы со словом «шут» менее ясен, чем со словом «тут». Вопрос не считается решенным.

4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 271.
5. Цявловский, М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Изд. АН СССР. Т. 1. М., 1951, стр. 724.
6. «Журнал министерства народного просвещения», 1859, т. 103, отд. 2, стр. 148.
7. «Русская старина», 1880, кн. 1, стр. 132.
8. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 315.
9. Герцен, А. И. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 7. М., 1956, стр. 214—215.
10. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Т. 1. М.-Л., 1936, стр. 200.
11. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 350.
12. Там же, стр. 344.

ЦЫГАНЫ.

(Писано въ 1824 году).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1827.

8. «ЦЫГАНЫ» В МОСКОВСКОМ ИЗДАНИИ (1827 г.)

ЦЫГАНЫ. (Писано в 1824 году). Москва. В типографии Августа Семена при Императорской Мед.-Хирург. Академии. 1827. [На заглавном листе виньетка: разбитые цепи, опрокинутая чаша, змея и кинжал].

12°. (19 × 11,5 см. не обрез.) 46 стр., включая заглавный лист. Страницы 12, 18, 28 и 44 — пустые.

Обложка: на лицевой стороне, в наборной рамке, напечатано «ЦЫГАНЫ»; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка — маска.

Цензурное разрешение: 10 декабря 1826 г.; цензор Павел Гаевский.

Дата выхода в свет — до 10 мая 1827 года. Основанием датировки служит письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 10 мая со словами: «На днях послал я вам через наше министерство и Цыганов...» («Остафьевский архив», т. 3, стр. 160). В «Русском инвалиде», 15 мая 1827 г., в № 119 имеется извещение: «Цыганы, новая прелестная безделка А. С. Пушкина, написанная в 1824 году, вышла из печати и продается в книжном магазине А. С. Смирдина у Синего моста, по 6 рублей экземпляра»¹.

ЫХОД в свет книг Пушкина, изданных при жизни его, в ряде случаев не совпадает с временем написания произведений, в них напечатанных. Очень часто отрывки из этих произведений появлялись в журналах и альманахах значительно ранее появления их в книгах поэта.

Пушкин учитывал это обстоятельство, и поэтому на титульных листах некоторых своих книг под заглавием произведения печатал: «писано в таком-то году». Так, на титуле второй главы «Евгения Онегина», вышедшей отдельным изданием в 1826 году, напечатано: «Писано в 1823 году». Далее мы увидим, что на титуле «Братьев разбойников», которые напечатаны отдельной брошюрой лишь в 1827 году, стоит помета: «Писано в 1822 году». Наконец, на отдельном издании поэмы «Цыганы», о которой сейчас идет речь, напечатано: «Писано в 1824 году».

Дата эта не вполне точная. Идея поэмы зародилась у Пушкина еще в Бессарабии. Начата поэма была в Одессе в декабре 1823 года, причем там же была уже готова большая часть ее. Закончены «Цыганы» в Михайловском 10 октября 1824 года. Именно в этот день Пушкин написал Вяземскому: «Кстати о стихах: сегодня закончил я поэму Цыгане. Не знаю что об ней сказать. Она покамест мне опротивела...»².

Кое-какие части поэмы дорабатывались Пушкиным позже. Замечательные строки эпилога, носящие автобиографический характер, были написаны Пушкиным уже на печатном экземпляре поэмы, подаренном Вяземскому:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Поэма стала известна задолго до ее появления в отдельном издании. Ее усердно читал брат поэта Лев Сергеевич во всех гостиных Петербурга, давая делать с нее списки. Кроме того, значительные отрывки из поэмы были напечатаны в «Полярной звезде» на 1825 год и в «Северных цветах» на 1826 год.

Еще тогда «Цыганы» были встречены восторженно Жуковским, Вяземским, Рылеевым и, в особенности, Бестуже-

вым. «Цыганы» завершают цикл романтических поэм Пушкина и являются одним из вольнолюбивых произведений поэта. В поэме этой, между прочим, Пушкин впервые пользуется драматургической формой повествования.

Яркое и резкое разрешение в поэме проблемы мятежа сильной личности против общества, пламенные тирады о «неволе душевных городов», о власти «денег да цепей» не позволяли во время ссылки Пушкина ставить вопроса об отдельном издании поэмы. Лишь в начале декабря 1826 года Пушкин через посредничество Дельвига представил поэму Бенкендорфу.

Жандармский рецензент, которому Бенкендорф поручил рассмотреть поэму (до этого ее просмотрел официальный цензор Павел Гаевский и «усумнился» в возможности ее разрешения), совершенно неожиданно дал такой отзыв:

«В «Цыганах», хоть и говорится о свободе и о вольности, или, лучше сказать, хотя в сей пьесе упоминаются эти слова, но это не стремление к воспламенению умов, не политическая свобода и вольность (так называемые), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Без всякого сомнения сколь не будут хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующих, никто не бросит своего и не променяет жизнь городскую на цыганскую. Это лучшее произведение Пушкина в литературном отношении в роде Байрона»³.

Разрешение было получено.

Поэма должна была печататься в Петербурге. Пушкина, который жил в это время в Москве, 2 января 1827 года П. А. Плетнев запрашивал: «Что прикажешь делать с Цыганами? Они пропущены. Здесь печатать или к тебе переслать?»⁴.

Издание хотел купить петербургский книгопродавец И. В. Сленин, но по каким-то причинам сделка расстроилась. Не спуская глаз с поэта жандармерия немедленно поставила в известность Бенкендорфа даже об этом. Дежурный генерал Потапов докладывал Дибичу 4 апреля 1826 года: «Поэма Пушкина Цыганы куплена книгопродавцем Иваном Слениным, и рукопись теперь отослана обратно к сочинителю для каких-то перемен. Печататься она будет нынешним летом в Типографии Министерства просвещения»⁵.

Однако рукопись «Цыган» от Пушкина обратно к Сленину не вернулась. Пушкин решил напечатать книгу в Москве с помощью С. А. Соболевского. Есть некоторые основания думать, что решение издавать «Цыган» в Москве было

принято потому, что поэма здесь казалась менее распространенной в списках и скорее могла быть распродана.

Увы! Этого как раз и не произошло. Книжка безнадежно застряла. Пушкин писал Соболевскому уже из Петербурга в Москву 15 июля 1827 года: «Цыганы мои не продаются вовсе»⁶. А 22 сентября того же года Плетнев о том же уведомляет Пушкина из Петербурга (Пушкин был в Опочке): «Короче тебе скажу: твоих Цыганов ни один книгопродавец не беретса купить; всякий отвечает, что у него их — дескать еще целая полка старых»⁷.

Одной из причин плохой продажи книги была непомерно высокая ее цена. За книжку в 46 страниц, напечатанную разгонистым шрифтом, с рядом страниц, оставленных необоснованно пустыми, явно только для того, чтобы книга казалась больше, назначить цену шесть рублей — это значило «перегнуть палку».

С. А. Соболевский, практически ведавший изданием, не остановил Пушкина, как это неоднократно удавалось сделать Плетневу.

Выход книги сопровождался инцидентом, вызванным напечатанной на заглавном листе виньеткой. Разбитые цепи, кинжал, змея и опрокинутая чаша, изображенные на виньетке, привлекли внимание Бенкендорфа. Ему, вероятно, припомнились строки из самого «крамольного» стихотворения Пушкина «Кинжал»:

Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...

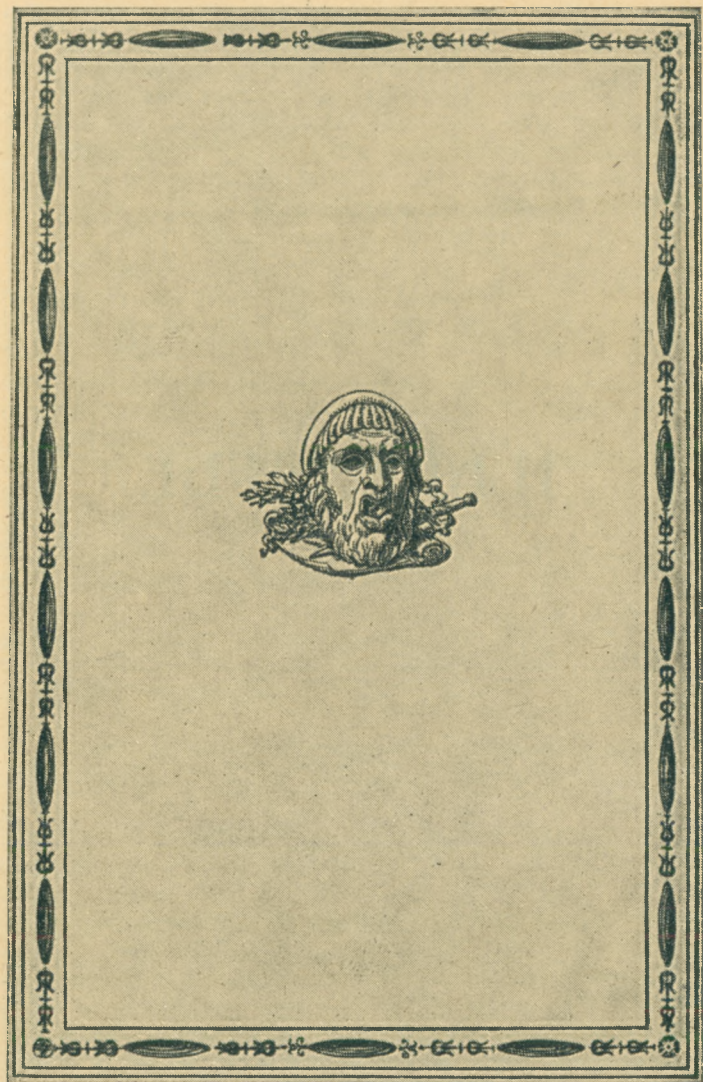
В конце июня 1827 года Бенкендорф послал в Москву запрос жандармскому генералу А. Волкову следующего содержания:

«Небольшая поэма Пушкина Цыганы, только что напечатанная в Москве, в типографии Августа Семена, заслуживает особенного внимания своей виньеткой, которая находится на обложке [неверно: виньетка напечатана на заглавном листе]. Потрудитесь внимательно посмотреть на нее, дорогой генерал, и вы легко убедитесь, что было бы очень важно узнать наверное, кому принадлежит ее выбор — автору или типографу, потому что трудно предположить, что она была взята случайно. Я очень прошу сообщить мне ваши наблюдения, а также и результаты ваших расследований по этому предмету»⁸.

Немедленно допрошенный типограф Август Семен заявил, что виньетка, в числе других, «купленных на пуд» за

ЦЫГ АНЫ.

Лицевая сторона обложки.

Последняя страница обложки поэмы «Цыганы».

границей, была в типографии и что он «имел счастье поднести его величеству отпечатанный с них альбом». В альбоме находилась и эта виньетка.

Генерал Волков отправил Бенкендорфу следующий ответ:

«Выбор виньетки достоверно принадлежит автору, который ее отметил в книге образцов типографских шрифтов, представленных ему г. Семеном; г. Пушкин нашел ее вполне подходящей к своей поэме. Впрочем, эта виньетка делалась не в Москве. Г. Семен получил ее из Парижа. Она имеется в Петербурге во многих типографиях и, вероятно, из того же источника. Г. Семен говорит, что употреблял эту виньетку два или три раза в заголовках трагедий»⁹.

Пушкина об этой переписке не уведомляли, тем более, что о самой поэме Бенкендорф ранее передал поэту весьма лестный отзыв. Но в III отделении выбор этой виньетки Пушкиным для своей книги несомненно запомнили.

В благодарность Соболевскому за издание книги, принимая во внимание его прославленное библиофиливство, Пушкин заказал отпечатать в подарок ему один экземпляр поэмы на пергаменте.

Спустя некоторое время, Соболевский подарил этот экземпляр князю Николаю Ивановичу Трубецкому по случаю приобретения последним собрания редких книг А. С. Норова.

Соболевский далее сообщил, что экземпляр этот впоследствии перешел вместе с библиотекой Норова к кн. Н. А. Орлову, женатому на дочери Трубецкого.

Затем следы этого уникального экземпляра «Цыган» теряются¹⁰.

Тираж книги был, по всей вероятности, 1 200 экземпляров, то есть «завод». Нет никаких оснований считать его меньшим или, наоборот, большим. Книга и при жизни Пушкина долго не сходилась с книжных прилавков, и уже на нашем антикварном рынке не считалась очень редкой.

Необходимо отметить, что имени Пушкина на этой книге нигде не выставлено. Это обстоятельство, кстати сказать, тоже не способствовавшее материальному успеху издания, не обратило на себя внимание исследователей.

А между тем, в годы жизни поэта вышла еще только одна книга без его имени: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (1831 г.), во-первых, на ней были напечатаны инициалы имени и фамилии Пушкина («повести, изданные А. П.»), а во-вторых, причина, побудившая автора это сделать, нам известна из переписки его с Плетневым.

Можно напомнить, что на титульном листе «Бориса Годунова» (1831 г.) также нет имени Пушкина, но оно напечатано на обложке и под посвящением трагедии. Только лишь под предисловием стоит имя Пушкина в «Истории пугачевского бунта» (1834 г.). Почему же именно «Цыганы» выпущены в свет вовсе без имени сочинителя — сведений не найдено.

Возможно, что это шло от уверенности Пушкина в такой популярности его поэмы, что она в опубликовании имени автора не нуждалась, но скорее всего идея анонимного выпуска книги принадлежала вовсе не ему, а издателю С. А. Соболевскому, с его своеобразным «библиофильским вкусом».

Внешность книжки скромна, но чрезвычайно изящна. Шрифт мелкий, но четкий и красивый. Обложка очаровательна.

* * *

Подозрение Бенкендорфа в злонамеренности выбора Пушкиным «крамольной» виньетки для своих «Цыган» было отнюдь не случайным и основывалось не только на обычном недоверии к «благонадежности» поэта.

1827 год был для Пушкина годом больших волнений. Велось начавшееся с середины января следствие по делу его стихотворения «Андрей Шенье».

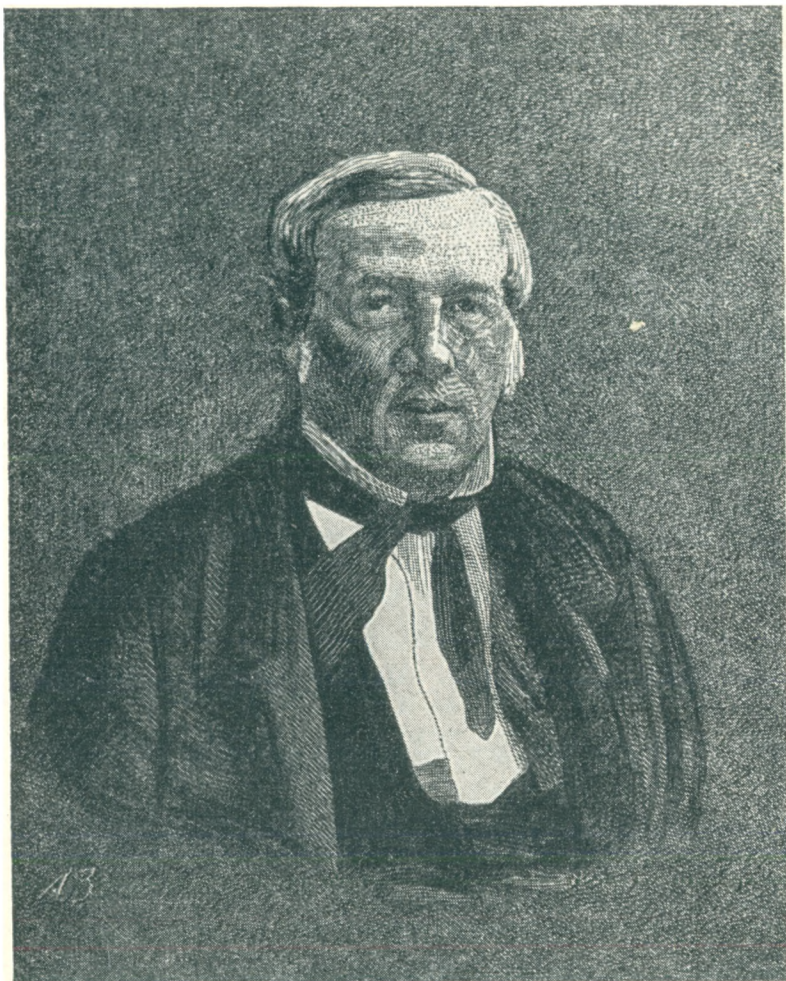
Вспомним кратко обстоятельства этого дела. Стихотворение «Андрей Шенье» было написано еще в Михайловском, примерно в июне 1825 года. В стихотворении о французском поэте-революционере можно угадать намек на судьбу автора, тоже изгнанника и тоже ждавшего «падения тирана», которого в те дни Пушкин видел в ненавистном ему Александре I.

Но цензура не разгадала внутреннего смысла стихотворения и пропустила его, правда, в значительно урезанном виде в «Собрании стихотворений Александра Пушкина» 1826 года.

Однако полные, без всяких сокращений, списки этого стихотворения, подобно спискам многих других «потаенных» произведений поэта, получили распространение.

Один из таких списков попал к некоему штабс-капитану А. Алексеву, тот передал его кандидату прав Московского университета Андрею Леопольдову, сделавшему над этим стихотворением надпись: «По поводу 14-го декабря 1825 года».

«Поправленный» Леопольдовым список этот попал в руки ярого ненавистника Пушкина, генерала И. Н. Скобе-

С. А. Соболевскій.

С. А. Соболевский. Гравюра с фотографии 1862 г.

лева (руководителя военной полиции во времена Аракчеева), который и возбудил дело, грозившее окончиться для поэта самым трагическим образом.

Пушкина несколько раз вызывали на следствие и допрашивали по этому делу. Насколько само по себе дело считалось серьезным, показывает хотя бы то, что главные обвиняемые подверглись жесточайшему наказанию. Штабс-капитан Алексеев первоначально был приговорен к смертной казни и лишь позже приговор этот был смягчен.

Пушкин защищался умно и мужественно. Он умело доказал, что стихи эти были им написаны значительно ранее событий 14 декабря, что в отрывке этом говорится о всех известных событиях во Франции: о взятии Бастилии, о торжественном провозглашении равенства и о прочем. Показание свое Пушкин закончил вопросом:

«Что ж тут общего с несчастным бунтом 14-го декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?»¹¹.

Виновность Пушкина не считалась доказанной, но дело это отнюдь не прошло для него бесследно. В специальном решении по «Делу о стихотворении Андрей Шенье» была, кстати, отмечена и непочтительность ответов Пушкина на допросах.

В решении говорилось: «По неприличному выражению его в ответах насчет происшествия 14-го декабря 1825 года и по духу самого сочинения... иметь за ним и на месте его жительства секретный надзор»¹².

Этот «секретный надзор», утвержденный Николаем I в конце июля 1828 года, уже не снимался с Пушкина до самой его смерти. Поэт так и умер «поднадзорным».

* * *

Все люди, помогавшие Пушкину издавать его книги, так или иначе обращали на себя пристальное внимание III отделения.

Пушкин знал это. Ранее уже говорилось о том, что он перестал привлекать П. А. Вяземского к своим издательским делам, знал, что П. А. Плетнев попал из-за него «под наблюдение», и не мог не предвидеть, что Соболевскому тоже не пройдут даром его издательские хлопоты.

И действительно, уже 23 августа того же 1827 года, один из агентов III отделения (подозревают, что это был Булгарин) доносил Бенкендорфу:

«Известный Соболевский (молодой человек из московской либеральной шайки) едет в деревню к поэту Пушкину

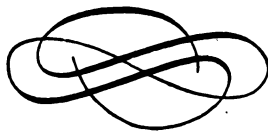
и хочет уговорить его ехать с ним за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь как дитя. Он поэт, живет воображением, и его легко увлечь. Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом. Атаманы — князь Вяземский и Полевой; приятели — Титов, Шевырев, Рожалин и другие москвичи»¹³.

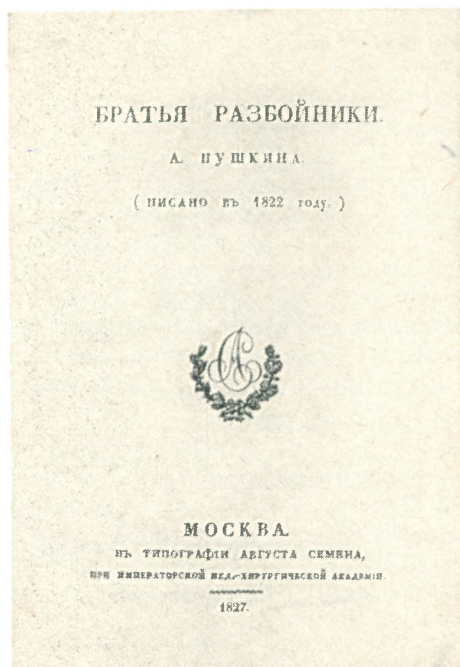
Поездка Соболевского в деревню к Пушкину не состоялась. За ним стали следить. Письма его перлюстрировались.

Пушкин продолжал дружить с Соболевским, встречаться с ним, но более уже не поручал ему своих издательских дел. Следующие далее два напечатанных подряд издания «Братьев разбойников» были последними, изданными Соболевским, книгами Пушкина, как равно и последними книгами поэта, напечатанными в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цвяловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 299.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 111.
3. Цитируется по статье Ю. Г. Оксмана в прилож. к газете «Известия», Одесса, 15 июля 1923, № 1084.
4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 316-317.
5. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 150.
6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 332.
7. Там же, стр. 355.
8. Дела III-го отделения о А. С. Пушкине. Изд. Балашова. Спб., 1906, стр. 260 (на франц. яз.).
9. Там же, стр. 261 (на франц. яз.).
10. Первое сообщение о подарке Пушкина — «Московский телеграф», 1827, ч. 14, стр. 235. См. также: «Русский архив», 1878, кн. 3, стр. 381. См. также «Книжные новости», 1936, № 11, стр. 22. «Заметки библиофила» Д. Дарского.
11. Подробно о процессе см.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества А. С. Пушкина. Л., 1931, стр. 95-126.
12. Там же.
13. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 263-264. Он же указывает другие источники.

9—10. ДВА ИЗДАНИЯ «БРАТЬЕВ РАЗБОЙНИКОВ» (1827 г.)

1. БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ А. Пушкина. (Писано в 1822 году). Москва. В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-Хирургической академии. 1827. [На заглавном листе монограмма типографии].

8°. (24 × 14 см. не обрез.) 15 стр., включая обложку и заглавный лист.

Обложка: вся брошюра — сложенный лист бумаги из 16 страниц, первая и последняя из которых служат обложками; на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Братья разбойники»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — «Цена 105 копеек».

Цензурное разрешение: 24 марта 1827 года; цензор Иван Снегирев.

2. БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ А. Пушкина. (Писано в 1822 году). Второе издание. Москва. В типографии Августа Семена при Императорской Мед.-Хирургической академии. 1827. [На заглавном листе монограмма типографии].

8°. (24 × 14 см. не обрез.) 14 стр., включая обложку и заглавный лист.

Обложка. такая же, как у первого издания, только на передней стороне добавлено «Второе издание», а на последней стр. — вместо «Цена 105 копеек» — напечатано: «Цена 42 копейки».

Цензурное разрешение: 9 июня 1827 года; цензор Иван Снегирев.

Общее примечание: оба издания одинаковы по оформлению и содержанию.

Набор второго издания явно новый. Он отличается от набора первого издания тем, что вся поэма кончается не на 15 странице, как в первом издании, а на 14 (переверстка). Кроме того, во втором издании имеются кое-какие поправки, преимущественно в знаках препинания.

Дата выхода первого издания — около 4 июня 1827 года. Основанием датировки служит публикация книгопродавца А. Ширяева в «Московских ведомостях» 1827 года от 4 июня в № 45, в котором говорится: «Отпечатанная на сих днях — Братья разбойники — А. Пушкина в типографии Августа Семена — цена 2 рубля».

Дата выхода второго издания — 22 июня 1827 года — определяется на основании объявления в «Московских ведомостях» в № 50 от того же числа. В объявлении говорится: «Братья разбойники, повесть в стихах А. Пушкина, печатается вторым изданием и поступит в продажу через несколько дней по 42 копейки за экземпляр». Есть основания полагать, что второе издание в продажу не поступало¹.

ФАКТЕ, послужившем поводом к написанию этой поэмы, рассказывает письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1823 года: «Вот тебе и Разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В [1]820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы. Некоторые стихи напоминают перевод Шиль[онского] Узн[ика]. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце [1]821 года»².

Беспокойство Пушкина по поводу сходства с переводом Жуковского поэмы Байрона «Шильонский узник», по существу, было напрасным. Сходство было весьма относительным и касалось всего лишь одного эпизода в его поэме.

Но вся поэма Пушкина до нас не дошла. То, что напечатано под названием «Братья разбойники», — это всего лишь часть, вернее отрывок большой романтической поэмы, которую поэт писал в 1821-1822 годах. По сохранившимся черновым планам этой поэмы можно увидеть, что основой ее были народные былины и песни о вольнолюбивом героере-разбойнике, мотив, который звучал потом в ряде произведений Пушкина. Поэма касалась Степана Разина, вождя казачьих восстаний XVII века. Сама тема оказалась Пушкину не только запретной, но и трудно поддающейся обработке, и летом (11 июня) 1823 года он писал А. А. Бесту-

жеву из Кишинева: «Разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского...»³.

Этот отрывок — все, что мы знаем из «Братьев разбойников», — впервые был напечатан в альманахе «Полярная звезда» на 1825 год, издававшемся декабристами А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым.

К поэме была приложена картинка, гравированная С. Галактионовым.

В месяцы, предшествующие восстанию, и самый альманах, и напечатанное в нем это произведение Пушкина имели огромный успех.

В 1827 году в Москве Пушкин решил напечатать «Братьев разбойников» отдельной брошюрой, поручив заняться этим другу своему С. А. Соболевскому. Самого Пушкина в Москве в те дни не было.

Поэма почти одновременно вышла в двух изданиях при весьма интересных обстоятельствах, заслуживающих, как мне кажется, подробного рассказа⁴.

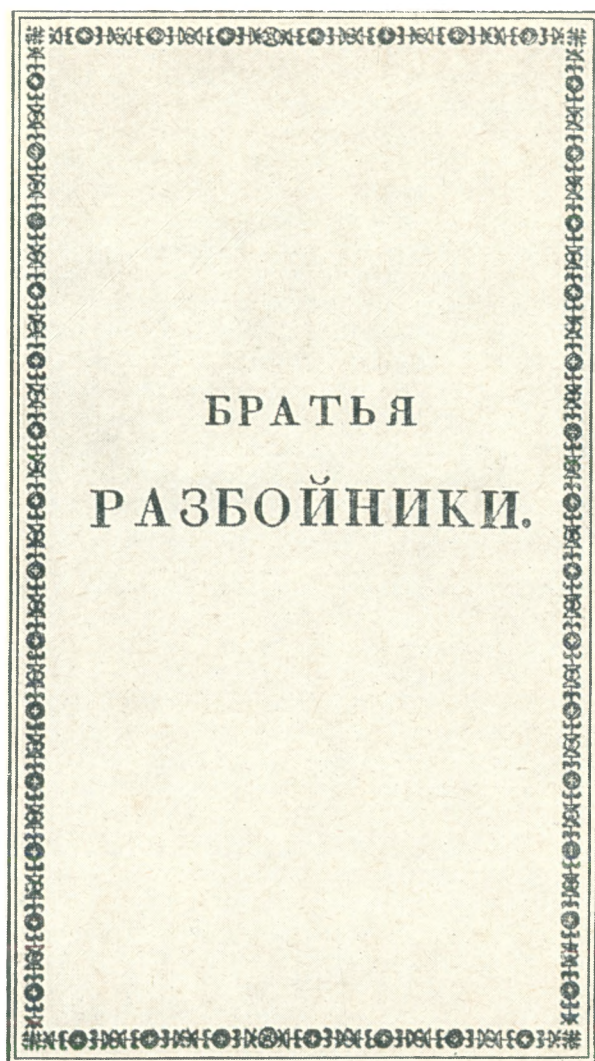
П. Анненков сообщает сумму гонорара, полученного Пушкиным за первое издание этой книги, — 1 500 рублей ассигнациями⁵. Из сопоставления этой цифры и объявленной цены на книжку можно заключить, что тираж первого издания «Братьев разбойников» был 2 400 экземпляров, т. е. два «завода».

Расчет простой: цену книги 105 копеек умножить на 2 400. Если вычесть из нее стоимость бумаги и печати, примерно рублей триста-четырееста, и полторы тысячи рублей гонорара Пушкина, должно остаться книгопродавцам рублей 500.

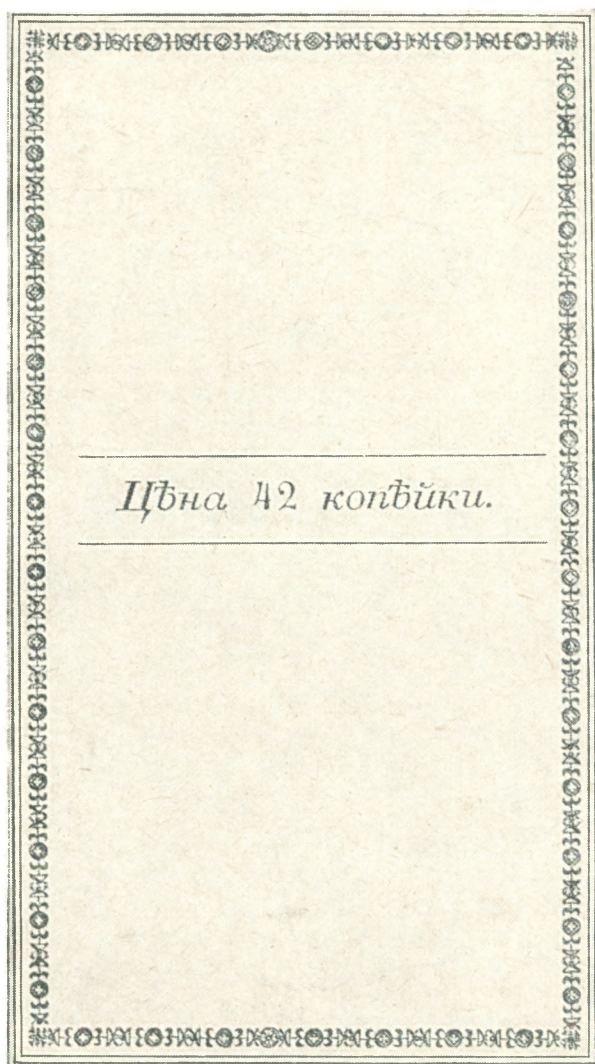
Однако книгопродавца А. Ширяева, которому С. А. Соболевский продал «на корню» тираж книги, эта сумма не могла удовлетворить, и он, по присущей, кстати сказать, ему манере, произвольно повысил цену до 2 рублей за экземпляр, о чем и известил в объявлении, текст которого приведен выше.

Такое произвольное повышение цены возмутило С. А. Соболевского (вероятно, и Пушкина), и он решил напечатать второе издание «Братьев разбойников», причем объявил цену, так сказать «в пику» Ширяеву, всего 42 копейки за экземпляр.

Это не смутило книгопродавца А. Ширяева, и в ответ он немедленно дал объявление в «Московских ведомостях» следующего содержания: «Братья разбойники, А. Пушкина. М., 1827, в тип. Семена; 2 рубля, по отпечата-нии ж 2-го издания продаваться будет по 21 копейке»⁶.

Лицевая сторона обложки

Последняя страница обложки 2-го изд. поэмы «Братья разбойники».

Такого рода «полемика» стала принимать скандальный характер. В «Северной пчеле» появилось подробное, не лишнее ядовитости описание этой истории. В описании говорилось: «Одно обстоятельство удерживало нас доселе объявлять о напечатании сей поэмы особой книжкой: нам обещали вместо одного издания два и мы не знали, которое из них будет подлинное, и тем более, что сам сочинитель поэмы, совершенно посторонний в деле издания оной, дивился и не мог разгадать, что это значит. Вот в коротких словах сие дело: московский книгопродавец, приобретший все издание сего стихотворения, вместо того, чтобы продавать оное по объявленной на обороте цене 105 копеек — публиковал оное по 2 рубля. Это вызвало издателя напечатать в «Московских ведомостях», что вскоре появится новое издание стихотворения «Братья разбойники» и будет продаваться по 42 копейки. Г. книгопродавец, объявляя снова в тех же ведомостях о продаже сего стихотворения по назначенной прежде им цене 2 рубля, прибавил, что по выходе в свет нового издания — сие будет у него продаваться по 21 копейке.

Конечно такие объявления смешат публику, но через них, в некотором отношении, страдает личность автора, как мы уже сказали, вовсе неприкосновенного к этому делу, и даже не бывшего тогда в Москве».

Заметка заканчивается словами: «Не видя, однако ж доселе обещанного нового издания «Братьев разбойников», мы решились объявить о сем, прежнем, но не решаемся выставлять цены, которая, как видно, представлена адлибиту»⁷.

Заметка в целом пересказывает уже все сообщенные выше факты, но одно в ней чрезвычайно важно — в день ее появления второго издания «Братьев разбойников» в книжных лавках действительно еще не было.

Не появилось оно и в августе 1827 года, когда Ширяев решил снизить цену на первое издание (оно плохо расхотилось) до 1 рубля, а к концу года даже до 80 копеек.

А, между тем, второе издание «Братьев разбойников» по цене 42 копейки, все же было напечатано, но в продажу не поступило, кроме, может быть, незначительного количества экземпляров.

Пушкин явно не хотел идти на открытую ссору с книгопродавцами, поступавшими с ним порой, как он сам говорил, «по-европейски». Он берег хорошие отношения с ними для будущих изданий. Тем более, что цена 42 копейки не могла дать никакого материального эффекта от второго из-

дания «Братьев разбойников», а первое издание поэмы отнюдь не «отрывалось с руками» у книгопродавцев.

Напечатанный тираж второго издания Пушкин и Соболевский законсервировали, и долгое время судьба его казалась загадочной. На букинистическом рынке весьма редко попадавшиеся экземпляры этого издания считались библиографической диковинкой и ценились чрезвычайно высоко.

И вдруг, примерно в 1915 году, на букинистический рынок хлынуло довольно значительное количество экземпляров второго издания этой поэмы. Букинисты долгое время скрывали источники его появления и пытались продавать появившиеся экземпляры как редкость. Но предложение явно превышало спрос, и вскоре цена на книжку катастрофически понизилась.

Что же произошло? Оказалось, что московский букинист Иван Михайлович Фадеев в поисках «товара» понаведаясь к Сергею Ивановичу Киреевскому, сыну известного славянофила Ивана Васильевича Киреевского, знакомого Пушкина и Соболевского⁸.

Сергей Иванович Киреевский к 1915 году был уже почтенным старцем лет 80 от роду и проживал в своем имении Гузеево, верстах в 60 от Москвы. Желая ликвидировать всяческий «хлам», накопившийся в кладовых, Сергей Иванович допустил «покопаться» в нем букиниста Фадеева, который и обнаружил связанные в пачки 900 экземпляров второго издания «Братьев разбойников», составлявших почти весь «завод» издания.

Очевидно, в свое время Соболевский и Пушкин, решив законсервировать издание и припрятать тираж его до «лучших времен», свезли его на склад отца Сергея Ивановича Киреевского — Ивана Васильевича. Эти «лучшие времена» для отпечатанного второго издания не наступили. Так оно и пролежало до 1915 года в неразвязанных пачках.

Букинисту Фадееву, напавшему на «золотую жилу», вероятно, не стоило больших усилий уговорить престарелого Киреевского-сына уступить ему эти пачки, и второе издание «Братьев разбойников» наконец-то действительно появилось на книжном рынке.

Продавать экземпляры издания как редкость удалось очень недолго. «Пенки» были сняты с первой сотни экземпляров. Далее экземпляры второго издания «Братьев разбойников» замелькали на всех книжных прилавках, и цена их резко упала.

Уже в наше время, в конце двадцатых годов, я, курьеза ради, приобрел в Ленинграде экземпляров тридцать по

А. И. Тургенев. Художник К. Брюлов.

полтиннику и долго тешил друзей, даря им «редкое прижизненное издание Пушкина».

Первое издание «Братьев разбойников» с ценой 105 копеек, считавшееся на букинистическом рынке не особенно редким, стало ныне весьма редким, а второе издание, слывшее ранее «библиографической диковинкой», сейчас особой ценности не представляет. Так, вероятно, будет еще лет десять-пятнадцать, после чего и оно, конечно, «подберется» любителями первых изданий поэта, и тогда каждый экземпляр станет тоже «диковинкой».

* * *

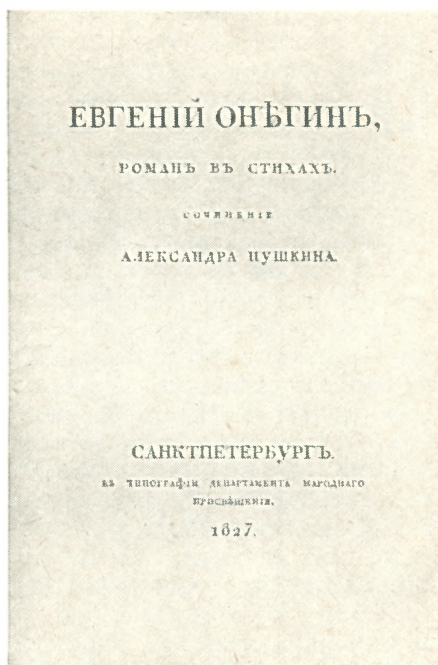
Современная выходу книги критика не оценила по достоинству «Братьев разбойников». В. Г. Белинскому поэма просто не понравилась, и он назвал ее «престранным явлением», «неразгаданной вещью».

Зато в декабристских кругах напечатанная впервые в «Полярной звезде» поэма была оценена чрезвычайно высоко. Декабрист В. И. Штейнгель в письме к Николаю I отмечал три произведения, которые, по его мнению, имели решающее значение в политическом воспитании заговорщиков: «Исповедь Наливайко» и «Войнаровский» Рылеева, а также «Братья разбойники» Пушкина. О последнем произведении он говорил, что оно «дышит свободой»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синяевский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е, М., 1938, №№ 302-303.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 74.
3. Там же, стр. 64.
4. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 6, 1908, стр. 133.
5. Модзалевский, Б. Л. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929, стр. 340.
6. «Московские ведомости», 1827, 15 июня, № 48.
7. «Северная пчела», 1827, 23 августа, № 101.
8. Краткое изложение истории этой находки см.: Пушкин и его современники. Т. VIII, вып. 31-32, 1927, стр. 147.
9. Гроссман, Л. Пушкин. М., 1960, стр. 231.

11. ТРЕТЬЯ ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1827 г.)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента Народного Просвещения. 1827.

12^о. (18 × 11 см. не обрез.) 51 стр., включая шмуцтитул, заглавный лист, лист с извещением от издателей, второй шмуцтитул. Текст начинается с 10 страницы.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Глава третья. Спб. 1827»; на последней стр., в такой же рамке, — виньетка (лира) и текст: «Продается в Спб-ге, во всех книжных лавках, по пяти рублей за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 80 копеек».

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 61) — дата разрешения 9 октября 1827 года.

Время выхода в свет — 10-11 октября 1827 года.

Определяется на основании цензурной даты и извещения о поступлении в продажу этой книги в «С.-Петербургских ведомостях», 11 октября, № 81¹.

ПОВЫШЕННЫЙ интерес в обществе к «Евгению Онегину», упреки журналов в том, что читателю слишком долго приходится ждать выхода каждой новой главы романа, вынудили Пушкина напечатать в начале третьей главы от имени издателей следующее объявление:

«Первая глава Евгения Онегина, написанная в 1823 году, появилась в 1825 г. Спустя два года, издана вторая. Эта медлительность произошла от посторонних обстоятельств. Отныне издание будет следовать в непрерывном порядке: одна глава тотчас за другой».

Плетнев все время напоминал Пушкину, что вернейший его капитал — это «Евгений Онегин». В письме от 22 сентября 1827 года он писал Пушкину: «Ни что так легко не даст денег, как Онегин, выходящий по частям, но регулярно через два или три месяца. Это уже доказано a posteriori [на опыте]. Он, по милости божией, весь написан. Только перебелить, да и пустить. А тут-то у тебя и хандра. Ты отвечаешь публике, в припадке каприза: вот вам Цыганы, покупайте их! А публика, на зло тебе, не хочет их покупать и ждет Онегина, да Онегина. Теперь посмотрим, кто из вас кого переспорит. Деньги-то ведь у публики: так пристойнее, кажется, чтоб ты ей покорился, по крайней мере до тех пор, пока не набьешь своих карманов»².

Плетнев, разумеется, неверно оценивал медлительность Пушкина.

Несмотря на крайнюю нужду в деньгах, поэт, однако, совершенно иначе понимал значение каждой своей новой, выходящей в свет книги.

В некоторых исследованиях о творческой и издательской деятельности поэта порой очень много восклицательных знаков вокруг сумм, получаемых им в виде гонорара, вокруг чрезвычайно высоких цен, назначаемых им за свои книги, и в то же время куда менее внимания уделено такому высказыванию Пушкина, какое, например, имеется в его письме к жене от 21 сентября 1835 года: «Писать книги для денег, видит бог, не могу»³.

А казалось бы именно Пушкину, с его каждодневно растущей славой, легче всего было бы направить своего Пегаса прямо к золотому мешку, как, по существу, и советовал ему ближайший его друг и помощник — простодушный Плетнев.

Однако Пушкин этого не делает, несмотря на то, что живет только от доходов своей единственной «дереvenьки на Парнасе».

Ближе всех к верной характеристике этой стороны жизни поэта подошел его недоброжелатель барон М. А. Корф, писавший уже много позднее в своих записках о Пушкине: «Было время, когда он от Смирдина получал по червонцу за стих; но эти червонцы скоро укатывались, а стихи, под которыми не стыдно было бы выставить славное его имя — единственная вещь, которою он дорожил в мире,— писались не всегда и не скоро. При всей наружной легкости этих прелестных произведений, или именно для такой легкости, он мучался над ними по часам, и в каждом стихе, почти в каждом слове было бесчисленное множество помарок»⁴.

Пушкин был великим тружеником. Действительно, достаточно посмотреть на его черновики, чтобы понять правоту Корфа: стихи писались не легко, и особенно не легко сочинялся «Евгений Онегин».

То, что казалось Плетневу давно готовым, таким, что только «перебелить, да пустить», самому Пушкину, взыскательному художнику, виделось незаконченным и несовершенным.

Позднее, в последней главе романа, Пушкин поведает об этом времени словами:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

Замысел романа у поэта был глубже, весомее, чем он казался по первым главам Плетневу и другим его друзьям. Пушкин медлил, еще только всматриваясь в ту даль, которая одному ему виделась «сквозь магический кристалл».

* * *

Третья глава «Онегина» печаталась Плетневым в Петербурге и, по всей вероятности, тиражом не более, чем обычный «завод» — 1 200 экземпляров.

Приостановившаяся вначале продажа книги из-за задержки Соболевским второй главы «Онегина» в Москве в дальнейшем наладилась, и третья глава романа расходилась хорошо. Критикой она почти единодушно была принята восторженно. Эпитеты «гениальный», «больше чем талантливый», — пестрят в рецензиях. Это было время всеобщего признания поэта. Потом, в последней главе «Онегина», Пушкин напишет:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,

Где нынче так меня бранят
И где такие мадригалы
Себе встречал я иногда,
E sempre bene *, господа.

Но последняя глава с этими стихами выйдет еще только в 1832 году, не так скоро. Пока же это были годы «матригалов» по адресу Пушкина.

Рецензент «Московского телеграфа» отмечал: «...за Пушкиным библиографическое известие едва успевает: его творения раскупают прежде, нежели медлительный библиограф запишет их в реестр современных произведений нашей литературы»⁵.

Третья глава «Евгения Онегина» примечательна еще тем, что на ней впервые, вместо обычной подписи цензора, стоит гриф: «С разрешения правительства». Это — следствие обещания Николая I быть цензором поэта.

Появлению такого «почетного» (а вместе с тем и весьма тягостного для поэта) грифа предшествовала особая переписка, не лишенная интереса для истории прижизненных изданий Пушкина.

П. А. Плетнев, получив от Бенкендорфа на имя Пушкина разрешение на напечатание ряда его новых произведений («Ангел», «Стансы», «Граф Нулин», «Фауст и Мефистофель», третья глава «Онегина»), уведомлял поэта 27 августа 1827 года, что он уже приступил к печатанию третьей главы «Онегина».

Однако дело это внезапно осложнилось вмешательством министра народного просвещения А. С. Шишкова. В начале сентября он написал Бенкендорфу:

«Надворный советник Плетнев представил в рукописи в типографию Департамента народного просвещения сочинение Александра Пушкина «Евгений Онегин, роман в стихах. Глава третья». — Как на сей рукописи не было одобрительной подписи Цензурного комитета, то типография не приняла оную для напечатания. После сего г. Плетнев доставил в типографию официальное письмо Вашего превосходительства к г. Пушкину от 22-го августа сего года за № 137, в коем сказано, что представленные от г. Пушкина новые его стихотворения государь император изволил прочесть с особым вниманием; почему ваше превосходительство, возвращая оные, изъяснили, какие дозволяется напечатать и какие нет. Вместе с сим г. Плетнев представил записку, писанную к нему, ...от действительного статского

* И отлично (латинск.)

В. Ф. Одоевский. Портрет работы неизвестного художника.

советника Фон-Фока, коею уведомляет его, что на известных ему, г. Плетневу, стихотворениях А. Пушкина можно напечатать «С дозволения правительства». Поелику же на самой рукописи романа «Евгений Онегин» никакой подписи не сделано, кроме того только что на первой странице карандашом написано «Позволено», то типография, не имея право на основании Устава о цензуре принять оную к напечатанию, испрашивает на то моего разрешения»⁶.

Далее Шишков просит «почтить его уведомлением», как в данном случае поступить с разрешением на напечатание третьей главы «Евгения Онегина».

Бенкендорф уверил обеспокоенного министра, что государь император «повелеть соизволил» печатать третью главу «Евгения Онегина» с грифом: «С разрешения правительства».

Казавшееся «почетной привилегией» право Пушкина представлять свои произведения лишь одной цензуре «самого государя императора», начиная с этой книги, стало особенно ясно раскрываться для него с новой тягостной стороны — неизбежности для него и общей цензуры.

Сколько беспокойств и душевных волнений вызвала у Пушкина эта «милость» Николая I к нему как к поэту!

Особенно было тяжело сознавать, что все это фальшивое и лицемерное отношение царя к нему окружающим казалось действительным «благоволением и покровительством» таланту поэта.

Еще раз вспомним слова Герцена: «Николай вернул Пушкина из ссылки через несколько дней после того, как были повешены герои 14-го декабря. Он хотел погубить его в общественном мнении своей милостью, покорить его своим расположением»⁷. До самой трагической смерти своей поэт боролся с этими коварными замыслами Николая I.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 307.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 344.
3. Там же, т. 16, 1949, стр. 48.
4. Майков, Л. Н. Пушкин в изображении М. А. Корфа. — «Русская старина», 1899, кн. 8, стр. 308—309.
5. «Московский телеграф», 1827, часть 17, № 19, стр. 219.
6. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 264.
7. Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. 6. Пг., 1917, стр. 358.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ Ф О Н Т А Н Ъ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Многіе, также какъ и я, посещали
сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ,
другіе странствуютъ далече.

САДИ.

Съ 4-мя гравированными картинками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

12—13—14. ПОКУПКА СМИРДИНЫМЪ ВТОРЫХЪ ИЗДАНИЙ ТРЕХЪ ПОЭМЪ ПУШКИНА («БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАНЪ» — 1827 г., «РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА» и «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИКЪ» — 1828 г.)

1. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН. Сочиненіе Александра Пушкина.

Многіе, такъ же какъ и я, посещали
сей фонтан; но иныхъ уже нѣтъ,
другіе странствуютъ далече.

САДИ.

С 4-мя гравированными картинками. Санктпетербургъ, в типографіи
департамента народнаго просвѣщенія. 1827.

160. (13 × 9,5 см. обрез.). Шмуцтитул + заглавный лист + XX стр.
(«Вместо предисловія. Разговор...») + 2 ненум. стр. + 52 стр. На стр.
40-52 выдержки изъ «Путешествія по Тавриде» И. М. Муравьева
(Апостола).

Иллюстраціи: 1. Гирей на тронѣ.— 2. У фонтана.— 3. Зарема
с кинжалом.— 4. Зарема у Маріи. Все четыре гравюры безъ подписи,
на отдельныхъ листахъ. Рисовалъ и гравировалъ С. Галактионовъ.

Илл. к «Бахчисарайскому фонтану». Гирей на троне. Рисовал и гравировал С. Галактионов.

Обложка: на лицевой стороне, в наборной рамке, напечатано: «Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. 1827»; на последней стр., в такой же наборной рамке,— типографская виньетка.

Цензурное разрешение: 20 октября 1827 года; цензор В. Семенов.

2. РУСЛАН И ЛЮДМИЛА. Поэма Александра Пушкина. Издание второе, исправленное и умноженное. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1828.

8^о. (20 × 12 см. обр.) XV стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 159 стр.

Иллюстрации: гравированный портрет А. Пушкина — «Писал О. Кипренский. 1827.— Грав. Н. Уткин». Сверху в правом углу: «II-ое тисн.».

Обложка: на передней странице, в наборной рамке, напечатано: «Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. Санктпетербург. 1828»; на задней, в такой же наборной рамке,— типографская виньетка.

Илл. к «Бахчисарайскому фонтану». У фонтана. Рисовал и гравировал С. Галактионов.

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 70) 22 марта 1828 года.

3. КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК. Повесть Александра Пушкина. Второе исправленное издание. Санктпетербург, в типографии департам. народного просвещения. 1828.

8^о. (19 × 12 см. обрез.) 60 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист. Сама поэма занимает страницы 13-54, остальное — посвящение и примечания.

Обложка: на передней странице, в наборной рамке, напечатано: «Кавказский пленник. Повесть Александра Пушкина. Спб. 1828»; на последней стр. — типографская виньетка — лира.

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 74) 2 мая 1828 года.

Время выхода второго издания «Бахчисарайского фонтана» — около 20 декабря 1827 г. Определяется на основании даты цензурного разрешения и следующих публикаций: в «Северной пчеле», 1827, 20 декабря,

в № 152, извещается о продаже этой книги по цене 5 рублей; в «Московских ведомостях» того же года, 21 декабря, в № 102 говорится о продаже книги по цене «в цветной обертке 7 рублей»¹.

Время выхода второго издания «Руслана и Людмилы» — 23-24 марта 1828 г. Определяется на основании даты цензурного разрешения и объявления в «Северной пчеле», 1828, 24 марта, № 36, где говорится: «Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. Издание второе, исправленное и умноженное. Продается в магазине А. Ф. Смирдина. Цена 10 руб., с портретом автора 12 руб., за пересылку прилагается рубль»².

Время выхода второго издания «Кавказского пленника» — 3-4 мая 1828 г. Определяется на основании даты цензурного разрешения. В «Московских ведомостях», 1828, 16 мая, в № 39, извещается о продаже книги с указанием цены 6 рублей. Цена эта «с пересылкой». В Петербурге книга продавалась по 5 рублей³.

БЩНОСТЬ условий, при которых появились вторые издания всех трех поэм Пушкина, позволила мне все сведения о них дать в едином рассказе, хотя это несколько и нарушает принятый хронологический порядок описания. Первым по времени появления должен идти «Бахчисарайский фонтан» 1827 года (он так и идет). Далее должны были бы следовать описания четвертой-пятой и отдельной шестой глав «Евгения Онегина». Только после них мог бы пойти рассказ о «Руслане и Людмиле», а затем — о «Кавказском пленнике».

Так как нарушение хронологического порядка выражается не в годах, а всего лишь в двух-трех месяцах, мне показалось это допустимым, тем более, что точные даты выхода каждой книги указываются.

* * *

В ночь с 19 на 20 мая 1827 года Пушкин впервые после ссылки уезжал из Москвы в Петербург. Его провожали друзья, среди которых был и польский поэт Адам Мицкевич.

Разрешение на въезд в столицу «прощенный» Пушкин получил далеко не сразу и со следующей «нотацией», посланной ему Бенкендорфом: «Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С[анкт]-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано»⁴.

Вряд ли подобное предупреждение способствовало хорошему настроению поэта. Это настроение к тому же только что достаточно долго портили в различных следственных комиссиях по делу о стихотворении «Андрей

Шенье». Еще не было даже известно, чем это следствие может кончиться.

Материальные дела тоже не радовали Пушкина. Московские издания «Цыган» и «Братьев разбойников» дали весьма немного. Журнальная работа в «Московском вестнике» обещанных «золотых гор» пока тоже не принесла.

Надо было предпринять что-то экстренное, что дало бы деньги единовременно.

Таким предприятием и явилась продажа издателю и книгопродавцу А. Ф. Смирдину вторых тиснений «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника».

Необходимость во вторых изданиях всех этих произведений назревала уже давно. Еще 19 августа 1823 года Пушкин писал Вяземскому из Одессы: «Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется — да сам не свой. Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание Русл[ана] и К[авказского] Пленника, но Timeo Danaos [боюсь данайцев], т. е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде»⁵.

Как именно поступил Гнедич с автором при первом издании этих поэм нам известно.

По-видимому, Вяземский посоветовал Пушкину наиболее дипломатично избавиться от предложения Гнедича и изъявил готовность сам заняться переизданием обеих поэм.

Это ясно из письма Пушкина от 14 декабря того же 1823 года. Пушкин писал: «По твоему совету, милый Асмодей, я дал знать Гнедичу, что поручаю тебе издание Русл[ана] и Плен[ника], следственно, дело сделано. Не помню, просил ли я тебя о вступлении, предисловии и т. под., но сердечно благодарю тебя за обещание. Твоя проза обеспечит судьбу моих стихов»⁶.

Переиздание это не состоялось, так как Вяземский тут же взялся за печатание новой пушкинской поэмы «Бахчисарайский фонтан», считая выпуск ее в свет делом более важным.

Мы уже знаем, что в середине июня 1824 года Пушкин поручал брату Льву Сергеевичу продать переиздание «Кавказского пленника» за 2 000 рублей, но продажа эта не состоялась.

Известно также, что 10 сентября 1824 года Дельвиг сделал такое предложение Пушкину: «Теперь дело о деньгах. Ежели ты хочешь продать второе издание Руслана, Пленника и, ежели можно, Бахчисарайского фонтана, то пришли мне доверенность. Об этом меня трое книгопродавцев про-

Илл. к «Бахчисарайскому фонтану». Зарема с кинжалом. Рисовал и гравировал С. Галактионов.

сят; ты видишь, что я могу произвести между ними торг и продать выгодно твое рукоделье. Издания же будут хороши. Ручаюсь»⁷.

Пушкин в то время жил еще в Михайловском и предложения Дельвига не принял, не будучи уверен, пройдут ли вторичную цензуру эти его произведения.

Самое серьезное предложение о переиздании всех трех поэм поступило 12 марта 1825 года через друга поэта И. И. Пущина от известного московского издателя и типографа С. Селивановского. Условия, предлагаемые С. Селивановским, были наиболее выгодными: двенадцать тысяч рублей за три поэмы.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1827.

Последняя страница обложки поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Илл. к «Бахчисарайскому фонтану». Зарема у Марии. Рисовал и гравировал С. Галактионов.

Против этого предложения резко восстал Плетнев, который, только что чрезвычайно удачно издав первую главу «Евгения Онегина», без труда доказал поэту явную выгоду от печатания своих произведений на собственный страх и риск.

Разразившиеся вскоре декабрьские события и последовавшие за ними перемены в жизни Пушкина отодвинули вообще вопрос о переиздании, и лишь к концу 1827 года, когда поэту, как мы знаем, уж очень понадобились деньги, он решил продать право второго тиснения «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы», а также «Кавказского пленника» А. Ф. Смирдину. Этот издатель и книгопродавец был уже известен Пушкину как инициатор покупки у Вяземского в 1824 году первого издания «Бах-

чисарайского фонтана» за нашуевшую в то время сумму 3 000 рублей.

Точно такую же сумму — три тысячи рублей — Смирдин предложил и за второе издание этой поэмы.

Подробности этой сделки не были известны до тех пор, пока уже в наше время профессору Ю. Г. Оксману не удалось найти письмо поэта к Смирдину:

«Милостивый государь мой, Александр Филиппович.

По желанию вашему позволяю вам напечатать вторично поэму мою Бахчисарайский фонтан числом тысячу экземпляров.

Ваш покорный слуга Александр Пушкин. 25-го октября 1827 г. Спб.»⁸.

Почти одновременно Смирдин покупает у Пушкина и право на второе издание «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» за 7 000 рублей⁹.

К сожалению, такого же документа, каким является приведенное выше письмо Пушкина по поводу «Бахчисарайского фонтана», в отношении последних двух поэм не известно: архив Смирдина дошел до нас лишь в очень небольшой своей части. Но так как сделка эта совершилась почти одновременно, то можно предположить, что подобное же письменное разрешение поэта Смирдин получил и на издание «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника». По всей вероятности, и тираж каждой из этих двух поэм был такой же — 1 000 экземпляров.

Зная сейчас цифры тиражей и продажную цену каждой книги, не трудно вычислить, из какого расчета Пушкин назначал сумму своего гонорара в 10.000 рублей. Расчет этот таков:

«Бахчисарайский фонтан» — 1 000 экземпляров по 5 р.	5.000.
«Руслан и Людмила» — 1000 экз. по 10 р. . . .	10.000.
«Кавказский пленник» — 1 000 экз. по 5 р. . . .	5.000.
Общая валовая стоимость	20.000.

Вот с этой именно суммы Пушкин и потребовал себе половину — 10 000 рублей, исходя, очевидно, из слов Плетнева, который, доказывая поэту невыгодность продажи права издания его сочинений кому бы то ни было, писал ему: «Продать издание какому-нибудь продавцу значит разделить с ним пополам свое имение»¹⁰.

В дальнейшем мы увидим, что Пушкин в тех случаях, когда не издавал книгу сам, требовал с издателей и книгопродавцев всегда именно половину валовой ее стоимости.

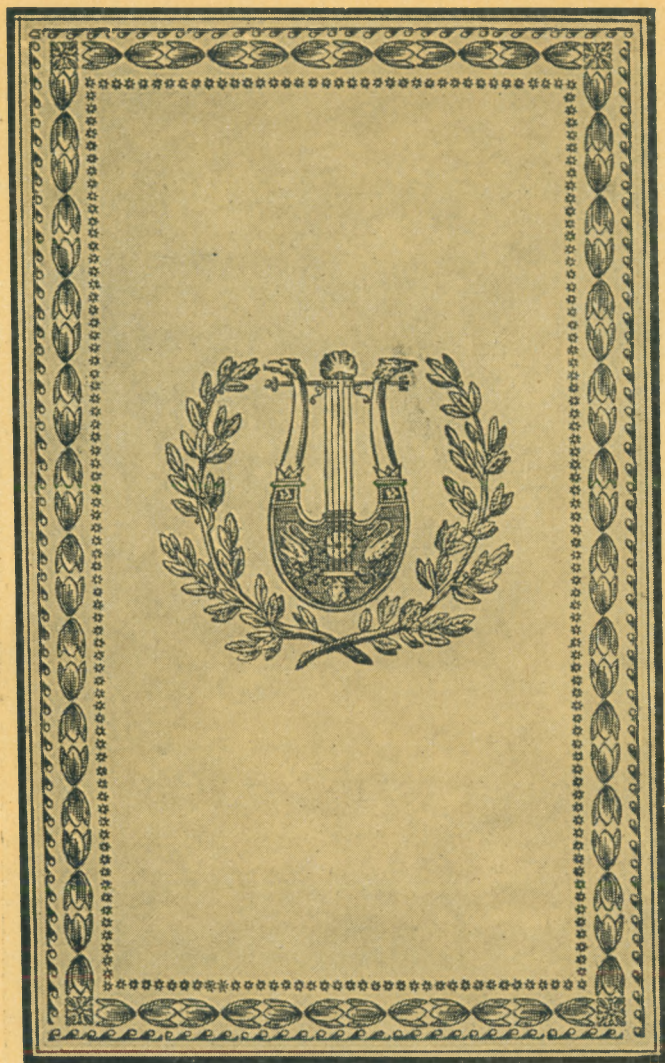
РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

Последняя страница обложки поэмы «Руслан и Людмила». 2-ое издание.

Этот принцип: при продаже права издания «делить с продавцом пополам свое имя» — позволяет иногда, если известна сумма гонорара, но неизвестен тираж книги, установить таковой и, наоборот, по известному тиражу и цене на книгу определить сумму гонорара.

Привлекает внимание то обстоятельство, что на всех трех купленных и изданных Смирдиным поэмах Пушкина не стоит торговой марки «Издание книгопродавца Смирдина», и напечатаны книги не в его типографии, а в типографии департамента народного просвещения, в которой обычно печатал все пушкинские книги П. А. Плетнев.

Напомню, что у Смирдина в это время была собственная типография, в которой ему печатать эти поэмы было бы несравненно выгоднее.

В чем же тут дело? В том, очевидно, что ограничивая тираж второго издания «Бахчисарайского фонтана» тысячей экземпляров, как это видно из найденного Ю. Г. Оксманом письма Пушкина Смирдину, автор пожелал еще и проконтролировать выполнение этого ограничения.

Необходимость контроля внушал Пушкину тот же Плетнев, который несколько позже (в конце апреля 1830 года) писал поэту: «...пуше всего решила меня на то боязнь контрфакции и разные плутни торгашей, которых [плутней] хоть я и не видал до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такие крошки, каких не трудно сделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен»¹¹.

И, вероятно, по такому же совету Плетнева, Пушкин мало того, что ограничивает в условиях со Смирдиным количество тиража одной тысячей экземпляров (ограничение это давало возможность скорее приступить к следующему изданию книги), но и обязывает издателя печатать книги только в той типографии, которую он укажет.

В данном случае такой типографией была типография департамента народного просвещения, где Плетнев не только состоял постоянным заказчиком, но, как служащий того же департамента, имел к ней близкое отношение. Возможность контроля у Плетнева была полная. А. Ф. Смирдин, преклонявшийся перед Пушкиным, идет на все эти условия: платит гонорар автору, берет на свой счет все расходы на печать и бумагу и получает из типографии напечатанную под контролем Плетнева точно обусловленную тысячу экземпляров каждой книги.

Все это он делает, но марки своей — «Издание книгопродавца Смирдина» — на всех этих книгах не ставит. Он не

поставит ее и на первом издании «Бориса Годунова» 1831 года, проданном ему Пушкиным на таких же ограничительных условиях. Впервые свое издательское имя он напечатает лишь на полном издании «Евгения Онегина» 1833 года, издании, где он являлся уже полным хозяином и печатал его в собственной типографии.

Все указанные подробности, может быть, не очень значительные, но весьма характерные, до сих пор не привлекали внимания. Считалось, что вот, мол, такие-то и такие-то книги Пушкина издал Смирдин — и все. Издавать-то он издавал, но, как видите, по-разному и на разных условиях.

И хотя в переизданиях трех поэм Пушкина, о которых сейчас идет речь, Смирдин был скорее покупателем тиража, чем издателем, однако, он сделал все, чтобы внешняя сторона издания была на высоте.

По его настоянию «Бахчисарайский фонтан» 1827 года напечатан в излюбленном «альманашном» формате, в шестнадцатую долю листа, причем печать, обложки продуманы и чрезвычайно изящны. Кроме того, к книжечке приложены четыре гравюры работы С. Галактионова, иллюстрирующие поэму. Гравюры эти, правда, появились сначала в «Невском альманахе» Егора Аладына на 1827 год, и Смирдин только перекупил у него уже использованные доски, но, тем не менее, картинки очень украсили издание. Нельзя забывать, что в прижизненных книгах поэта иллюстрация — гость редкий.

Второе издание «Бахчисарайского фонтана» 1827 года было довольно быстро раскуплено, и в 1830 году Пушкин имел возможность приступить к третьему изданию этой поэмы.

На позднейшем антикварном рынке издание «Бахчисарайского фонтана» 1827 года с гравюрами — одна из самых редких и высоко ценимых прижизненных книг поэта.

* * *

Второе издание «Руслана и Людмилы» 1828 года отличается от первого 1820 года большой полнотой. Сюда внесены дополнения, опоздавшие к моменту печатания первого издания, добавлен позже написанный «Пролог», а также обширное прозаическое предисловие — ответ критикам.

За отдельную плату в 2 рубля Смирдин прилагал ко второму изданию «Руслана и Людмилы» портрет Пушкина. Портрет этот был написан О. Кипренским и гравирован Н. Уткиным по заказу Дельвига для «Северных цветов» на

А. С. Пушкин. Гравюра Н. И. Уткина с портрета работы О. Кипренского.
1827 г.

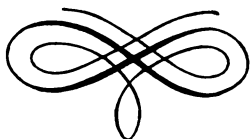
1828 год. Смирдин купил у него использованную доску и напечатал вторично с нее портрет для нового издания «Руслана». Вот почему на портрете имеется помета о втором его тиснении.

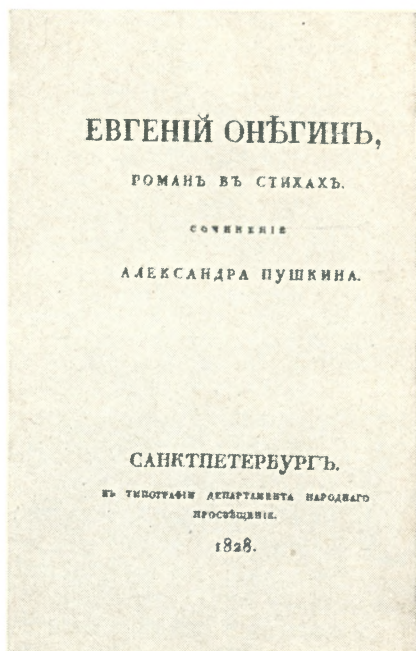
Второе издание «Кавказского пленника» (а если считать Ольдекоповское, то третье) ничем особенно не отличалось от первого. В нем напечатано небольшое предисловие, отсутствовавшее в первом издании, исправлены кое-какие ошибки и восстановлены незначительные цензурные пропуски, бывшие в первом тиснении. Ни портрета автора, ни иллюстраций ко второму изданию 1828 года приложено не было.

Не в пример «Бахчисарайскому фонтану» вторые издания «Руслана» и «Пленника» 1828 года расходились в продаже довольно медленно, и последующих отдельных их переизданий не потребовалось. Еще раз при жизни Пушкина они были напечатаны только в собрании «Поэм и повестей» 1835 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 312.
2. Там же, № 355.
3. Там же, № 359.
4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 329.
5. Там же, стр. 66.
6. Там же, стр. 68.
7. Там же, стр. 108.
8. «Литературное наследство», т. 16-18, стр. 542.
9. Пушкин, А. С. Сочинения. Т. 1. СПб., П. В. Анненков, 1855, стр. 192.
10. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 344.
11. Там же, т. 14, 1941, стр. 86.

15—16. ПРОДОЛЖЕНИЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» — (ГЛАВЫ IV-V и VI-ая 1828 г.)

1. ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург, в типографии департамента народного просвещения. 1828.

12^о. (18 × 11 см., не обрез.) 92 стр., включая шмуцтитул, заглавный лист, два листа с посвящением Плетневу, второй шмуцтитул + 1 нелит. стр.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин, глава IV и V. Спб. 1828»; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка (лира) и текст: «Продается в С.-Петербурге во всех книжных лавках, по десяти рублей за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 80 копеек».

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». Дата разрешения по книге «Дела III-го отделения» (стр. 64) 30 января 1828 года.

2. ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербург, в типографии департамента народного просвещения. 1828.

12^о. (18 × 11 см., не обрез.) 48 стр., включая шмуцтитул, заглавный лист, лист с эпиграфом.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Глава VI. Спб., 1828»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — типографская виньетка (лира) и текст: «Продается в С.-Петербурге во всех книжных лавках, по пяти рублей за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 80 копеек».

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». Дата по книге «Дела III-го отделения» (стр. 69) 21 марта 1828 года.

Время выхода в свет первой книги (объединенные 4 и 5 главы) — около 31 января или 1-2 февраля 1828 года — определяется на основании цензурной даты. Более точно — извещением в «Северной пчеле» от 4 февраля в № 15 того же года в объявлении о продаже книги по 10 рублей за экземпляр¹.

Время выхода в свет второй книги (шестая глава) — 23 марта 1828 года — определяется на основании цензурной даты и объявления в «Северной пчеле» от 24 марта того же года в № 36 о продаже шестой главы «Онегина» по пяти рублей за экземпляр².

ВАВЯЗАВ отношения со Смирдиным по переизданию своих трех первых поэм, Пушкин этим как бы разгружал своего верного друга и помощника П. А. Плетнева, занятого печатанием очередных глав «Евгения Онегина». Все главы романа Пушкин издавал исключительно на собственный страх и риск, не перуступая никому права издания.

Пообещав в предисловии к предыдущей третьей главе, что «одна глава будет тотчас следовать за другой», Пушкин, к великому удовольствию Плетнева, передал ему рукописи четвертой и пятой глав, разрешив их печатать не по отдельности, а вместе, в одной книге.

Это было ответом на заботливое письмо Плетнева от 22 сентября 1827 года, где говорилось: «В последний раз умаливаю тебя переписать 4-ю главу Онегина, а буде разохотишься и 5-ю, чтобы не с тоненькою тетрадкою идти к цензору. Если ты это сделаешь, то отвечаю тебе и за долги твои и за доходы на год; а если еще будешь отговариваться и софийствовать, то я предам тебя на произвол твоей враждующей судьбе».

Вспомни, что никогда не бывает столь обильной книжной жатвы, как накануне ро[ждества] и нового года. А ты обещал тогда прислать. Нет[оропись]... тебе пришлю и отпечат[анные] экз[емпляры] 3-й, 4-й и, может быть, 5-ой главы Онегина с целым возом ассигнаций.

Вообрази, что тебе надобно будет иметь уже капитал, когда ты и роман напишешь: иначе не на что будет его печатать. Это ведь не глава Онегина в два листика, где и в долг поверят бумагу, набор и печатание. У тебя и Годунов растет для печати. А из каких доходов мы его отпечатаем?

По всему видно, что для разных творений твоих, бесприютных и сирых, один предназначен судьбой кормилец: Евгений Онегин... Он [однако] не должен выводить из терпения публику своею ветренностью»³.

Письмо это рассказывает о тех условиях, при которых Пушкину приходилось издавать свои книги. Оно говорит и о материальных затруднениях поэта. В этом отношении примечательна фраза: «У тебя и Годунов растет для печати — а из каких доходов мы его напечатаем?»

Как мы теперь знаем, Пушкин не задержал рукописи и следующей, шестой главы «Онегина», передав ее Плетневу еще тогда, когда книга с четвертой и пятой главами только печаталась.

Разрыв в выходе в свет этих двух изданий очередных глав «Онегина» был всего около полутора месяцев.

Надежды Плетнева, что, может быть, Пушкин разрешит вдвоенное издание четвертой и пятой глав «Онегина» продавать несколько дешевле, чем «одиочные» главы романа, не оправдались. Пушкин за вдвоенные главы назначил и «сдвоенную» цену — 10 рублей за экземпляр, ссылаясь на то, очевидно, что тираж книги был тоже не двойной, всего 1 200 экземпляров. Терять что-нибудь на «Онегине» Пушкин никак не хотел. Он вообще не считал цену пять рублей за главу этого своего романа высокой.

Уже много позже, в 1833 году, когда друзья советовали ему писать продолжение романа, он как бы от их имени шуточно говорил:

С почтенной публики, меж тем,
Бери умеренную плату,—
За книжку по пяти рублей;
Неужто жаль их будет ей?

Читатель поругивался, но платил. Интерес к роману за все время его издания был огромен.

Появление четвертой-пятой глав «Онегина» вызвало придирчивую статью в журнале «Атеней», издававшемся профессором М. Г. Павловым. Глупая критика «Атенея» возмутила Пушкина, и он написал остроумный ответ, в котором возражал на замечания, как бы соглашаясь с ними. Ответа своего он не напечатал, но в сохранившихся его черновиках можно прочитать следующее:

«Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах неблагоприятных. По привычке полагали меня все еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится,

стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни Евгения Онегина. Разбор сих глав, напечатанный в *Атенее* [1828], удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика, например: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит* в стакане? *камин дымит*, вместо *пар идет из камина*? Не слишком ли смело *ревнивое подозрение? неверный лед*? Как думаете, что бы такое значило: *мальчишки*

Коньками звучно режут лед?

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед.

Критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках»⁴.

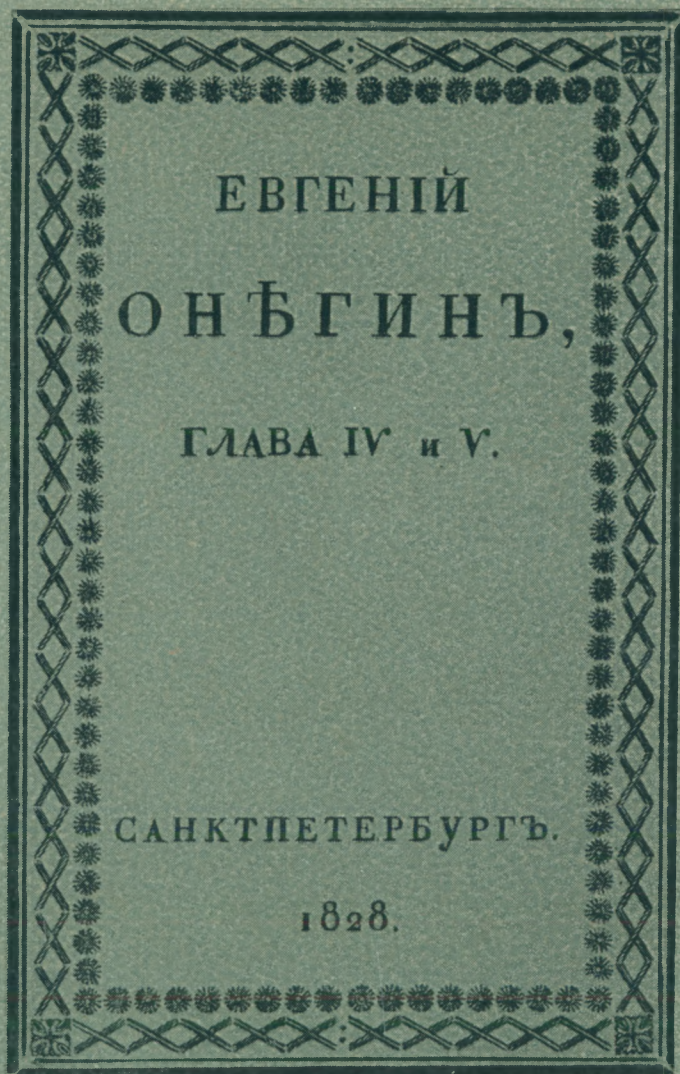
Статья в «Атенее» возмутила В. Ф. Одоевского. Он писал: «Что за пакость во 2-й книжке Атенея! — Как не стыдно Павлову!»⁵.

П. А. Вяземский жаловался И. И. Дмитриеву 24 марта 1828 года: «Критика Атенея на Пушкина во многом ребячески забавна. Критик не позволяет сказать: *бокал кипит, безумное страданье, сиянье розовых снегов*. После этого должно отказаться от всякой поэтической вольности в слоге и держаться одной голословной и буквальной положительности. Да и можно ли Пушкина школить как ученика из гимназии?»⁶

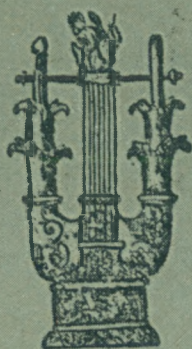
Большой и путаный разбор этих двух глав «Онегина» сделал и пресловутый Борис Федоров в своем журнале «Санктпетербургский зритель» за 1828 год в номере четвертом. Журнал на этом номере прекратил свое жалкое существование и не заслуживает более подробного упоминания.

Впрочем, по отношению к Пушкину даже Борис Федоров оказался умнее и тактичнее «Атенея».

Пушкин писал по поводу его статьи: «Б. Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу, заметил однако ж мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня

Лицевая сторона обложки.

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.

частицею *уж*, что и называл он *ужами*, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышен благородных и вероятно чиновных назвал *девчонками* (что конечно неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал *девою*:

В избушке распевая, дева
Прядет — »⁷.

Что только не приходилось терпеть Пушкину?

Однако далеко не все были поверхностными ценителями «Евгения Онегина» и оставались в неведении по поводу грандиозности замысла «романа в стихах». В этом отношении примечательно письмо Е. А. Баратынского, который в начале марта 1828 года сообщал Пушкину: «Вышли у нас еще две песни Онегина. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и разумеется не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами, *mais que le diable les emporte-et que Dieu les bénisse* [но пусть их черт возьмет и благословит бог]»⁸.

Баратынскому было видно в «Евгении Онегине» то, что оставалось неясным для многих друзей Пушкина, рассматривавших гениальное творение поэта всего лишь как романтическую историю любви Татьяны и Онегина.

Невдомек было и П. А. Плетневу, что он печатает «энциклопедию русской жизни», создание которой действительно «не терпело суеты».

Плетнев же всю задержку в поступлении отдельных последующих глав романа в печать приписывал лишь лени и хандре автора.

С особенным удовольствием Плетнев напечатал вслед за сдвоенной книжкой с четвертой и пятой главами отдельно главу шестую и, вероятно, был уверен, что Пушкин не задержится и со следующей — седьмой.

Увы! Седьмую главу Пушкин передаст ему для издания только через два года, а последнюю — через четыре.

Шестая глава напечатана была в той же типографии департамента народного просвещения и, по всей вероятности, в том же тираже 1 200 экземпляров, ставшим для Плетнева уже обычным.

Не вызвала шестая глава и каких-либо осложнений в «верховой цензуре». Бенкендорф 5 марта 1828 года уведомил поэта, что «Государь император изволил повелеть мне объявить Вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал Шестую главу Евгения Онегина»⁹.

Может быть, под влиянием этого «высочайшего» отзыва, тем или иным путем ставшего известным в журналистских кругах, на этот раз Пушкина оставили в покое и критики. Поэт сам говорил в своих записках: «Шестой песни не разбирали, даже не заметили в Вестнике Европы латинской опечатки».

Кстати, шестая глава кончается перечнем важнейших ошибок во всех первых шести главах романа и уведомлением, что здесь «конец первой части».

В первом же полном издании романа, вышедшем в 1833 году, этого деления на части уже не было, что подтверждает изменение первоначального плана романа в процессе работы над ним.

Роман сначала был задуман в двух частях, по шести глав в каждой. Затем Пушкин разбил его в плане на три части, по три главы. В черновых бумагах поэта сохранилась такая наметка плана «Евгения Онегина»:

«Часть первая. Предисловие.

I песнь — Хандра.

II » — Поэт.

III » — Барышня.

Часть вторая.

IV песнь — Деревня.

V » — Именины.

VI » — Поединок.

Часть третья.

VII песнь — Москва.

VIII » — Странствие.

IX » — Большой свет.

Примечания»¹⁰.

План этот, как мы знаем, не один раз переделывался и менялся. Восьмую и девятую главы Пушкин соединил в одну восьмую, последнюю.

* * *

Полученные Пушкиным десять тысяч за переиздание «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника», а также успешно выпущенные в это же время Плетневым четвертая, пятая и шестая главы «Евгения Онегина» несколько поправили материальные дела

поэта. Кое-что дала и журнальная работа. Нужда временно отступила.

Но отношения Пушкина с правительством по-прежнему оставались натянутыми. Следствие по делу о стихотворении «Андрей Шенье», благодаря умелой защите поэта, уже не грозило бедой непоправимой, но отнюдь не украсило «репутации» Пушкина в глазах царя и Бенкендорфа.

14 апреля 1828 года был опубликован манифест Николая I о войне с Турцией. Это дало Пушкину повод обратиться к Бенкендорфу с просьбой о зачислении его в действующую на Кавказе против турок армию.

20 апреля 1828 года Бенкендорф уведомляет поэта, что просьба его, о которой было доложено Николаю I, удовлетворена быть не может. На другой же день по получении этого уведомления Пушкин обращается к Бенкендорфу с новой просьбой разрешить ему поехать на шесть-семь месяцев в Париж. Надежды на разрешение у поэта быть не могло, и здесь, очевидно, действовало чисто русское: «а вдруг?»

3 или 4 мая Бенкендорф докладывает царю об этой просьбе Пушкина, но царь оставляет ее без ответа. Да он, собственно, и не требовался. Месяца через полтора, 28 июня, Николай I утверждает постановление Государственного совета об отдаче Пушкина под секретный надзор полиции. Ни о каком отъезде в Париж просто уже не могло быть и речи.

И, проводя лето 1828 года в Петербурге, поэт не находит ничего лучшего, как «закружиться в вихре петербургской жизни». Пушкин ухаживает за женщинами, много играет в карты. Вяземскому он пишет:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто
Гнули... их...
От пятидесяти
На сто
И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом

Поэт изнывает от тоски, но еще не знает, что над его головой собирается новая беда, грозящая окончиться для

него много хуже, чем дело о стихотворении «Андрей Шенье».

Еще в 1821-1822 годах Пушкин создал, по выражению Вяземского, «одну свою прекрасную шалость» — озорную поэму «Гавриилиаду». Поэма, разумеется, не предназначалась к печати, однако списки ее весьма скоро получили достаточно широкое распространение.

Со стороны Пушкина была проявлена несомненная неосторожность. В случае раскрытия его авторства, поэту грозили кары не только правительства, но и церковников — силы не менее грозной и беспощадной.

Поняв, какой опасности он подверг себя сочинением этой поэмы, Пушкин стал отрицать свое авторство. Даже в более поздние годы, он приходил в ярость при одном упоминании о «Гавриилиаде».

Но гроза все-таки разразилась.

В мае-июне 1828 года дворовые люди некоего штабс-капитана Митькова донесли петербургскому митрополиту Серафиму, что «господин их развращает их в понятиях ими исповедуемой христианской веры, прочитывая им из книги его рукописи некое развратное сочинение под заглавием Гавриилиады»¹¹.

Схваченный Митьков, то ли сам указал на Пушкина, то ли на рукописи стояло его имя, только 3-5 августа поэта привлекли к допросу, который следственная комиссия поручила произвести петербургскому военному генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову.

Это был мрачнейший из царских сатрапов, и по его фамилии, возможно, народ стал называть тюрьму «кутузкой»¹².

На прямой вопрос Голенищева-Кутузова Пушкину, им ли написана поэма под названием Гавриилиада, поэт дал отрицательный ответ.

При повторном вызове 19 августа Пушкин дал письменное показание, что поэма вообще ему знакома и что «рукопись ходила между офицерами гусарского полка, но от кого из них я достал оную, я никак не упомяну. Мой же список сжег я, вероятно, в 20-м году. Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже в тех, в коих я особенно раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией. Тем прискорбней для меня мнение, приписывающее мне произведение столь жалкое и постыдное»¹³.

Пушкин защищается и далее. Вяземскому (1 сентября) он пишет: «Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилиада; приписывают

ее мне: донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если князь Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами».

Перед этим абзацем письма — фраза Пушкина: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток»¹⁴.

Над этим письмом Пушкина стоит задуматься. Б. А. Модзалевский, публикуя его, сообщает, что в подлиннике письма между словами Пушкина «мне навязалась» и словами «на шею преглупая шутка» — что-то тщательно зачеркнуто автором. Какие же слова Пушкину надо было столь тщательно зачеркивать, чтобы скрыть их от Вяземского? Таких слов быть не могло, да и не от Вяземского они вычеркивались!

Все письмо написано было в расчете на то, что оно до Вяземского непременно попадет в руки III отделения, перлюстрировавшего всю переписку поэта. Вовсе не Вяземского пытается уверить в этом письме Пушкин, что автором «Гавриилиады» является покойный князь Дмитрий Петрович Горчаков. Кто-кто, а Вяземский доподлинно знал, что автором поэмы был Пушкин.

Письмо это — шахматный ход поэта, которым он одновременно пытался отвести подозрения от себя и дать сигнал Вяземскому, что именно надо говорить в случае вызова его к следователям.

Кандидатура князя Дмитрия Горчакова на роль возможного автора «Гавриилиады» была выбрана Пушкиным очень умно: князь славился подобными сочинениями и для него — одним больше или одним меньше — было уже безразлично: он умер за четыре года до следствия.

Вяземский понял сигнал Пушкина и не только пустил слух о Горчакове как авторе «Гавриилиады», но и сфабриковал (как говорят) кое-какие подделки, вроде рукописи «Святок» Горчакова, имевших в содержании некоторые аналогии с «Гавриилиадой» и, таким образом, как бы подтверждавших, что автор и того и другого — Горчаков.

Пушкину Вяземский писал 25 сентября: «Сердечно жалею о твоих хлопотах по поводу Гавриила, но надеюсь, что последствий худых не будет и что Фон-Фок скажет Музе твоей: Стихородица, дево радуйся, благословенна ты в женах и прочее»¹⁵.

Все это, равно как и категорическое отрицание Пушкиным причастности к сочинению «Гавриилиады», не поколебало подозрения Николая I в виновности поэта.

По его приказу Пушкина вызвал к себе председатель верховной комиссии, назначенной по этому делу, граф П. А. Толстой и объявил ему царскую волю: «Призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем»¹⁶.

Поэт понял, что сети ему расставлены со всех сторон и, подумав, спросил у престарелого сановника, может ли он написать письмо непосредственно царю?

Получив согласие, Пушкин тут же написал и запечатал письмо Николаю I. Так нераспечатанным оно было доставлено царю 7 октября, а 16 того же месяца Пушкин получил «высочайший ответ».

Содержание этой переписки до нас не дошло, хотя в более позднее время, уже по приказу последнего русского царя Николая II (подумать только — он оказался пушкинистом!) производились соответствующие розыски. Еще позже в печати появлялись сообщения о сенсационных «находках» этого пушкинского письма к царю, но они оказывались подделками.

Весьма вероятно, что в пушкинском письме заключалось признание поэта в авторстве «Гавриилиады». Это подтверждается прекращением для Пушкина следствия по этому делу и резолюцией Николая I, такого содержания: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено. 31-го декабря 1828 года»¹⁷.

«Рыцарское» великодушие царя было фальшивым и лицемерным. Николай I еще не терял надежды «приручить» поэта и, в данном случае, положил свою «августейшую десницу» прямо ему на горло. Отныне, чтобы Пушкину оказаться «во глубине сибирских руд», не надо было даже устраивать «высочайших следственных комиссий». В распоряжении царя находилось письменное признание поэта в тяжком преступлении: оскорблении церкви и религии.

Два года 1827—1828 были годами открытой войны Пушкина с правительством. Он начал 1827 год со стихотворного послания в Сибирь к декабристам, отправив его с женой сосланного А. Г. Муравьева, уезжавшей в ссылку к мужу. Стихотворение это кончалось словами:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Стихотворение в списках мгновенно становится известным. В октябре, по дороге из Михайловского в Петербург, Пушкин на почтовой станции встречает осужденного Кюхельбекера, переводимого из одной крепости в другую. Оттолкнув жандарма, поэт сердечно обнимает своего лицейского товарища и вступает с ним в беседу. Встреча эта также не осталась тайной для правительства.

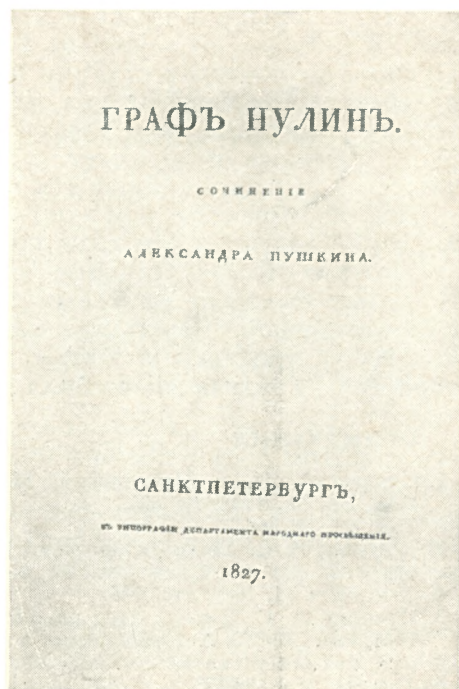
Два политических дела — об «Андрее Шенье» и «Гавриилиаде» — следуют в эти годы почти одно за другим.

Но это только главные события 1827—1828 годов. А сколько было еще «не главных»? Унизительная переписка с Бенкендорфом, тяжесть двух цензур («высочайшей» и обыкновенной), придирки, выговоры, слезка, положение «поднадзорного»... Трудная жизнь была у поэта!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 335.
2. Там же, № 354.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 345.
4. Там же, т. 11, 1949, стр. 145.
5. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 278-279. Автором статьи в «Атенее» об «Евгении Онегине» был, как это установлено проф. Ю. Г. Оксманом, М. А. Дмитриев.
6. Там же, стр. 278-279.
7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 149.
8. Там же, т. 14, 1941, стр. 6.
9. Там же, на той же странице.
10. Пушкин, А. С. Сочинения. Под ред. П. А. Ефремова. Т. 8. Спб., А. С. Суворин, 1905, стр. 471.
11. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 299.
12. В словаре В. Даля — «Кутузка» — одно из названий темной арестантской комнаты (уральское название).
13. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 300.
14. Пушкин, А. С. Полное собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 26.
15. Там же, стр. 28.
16. Свод источников по делу о «Гавриилиаде» приведен в книге: Пушкин, А. С. «Гавриилиада». Под ред. Б. В. Томашевского. Пг., 1922. Данная цитата на стр. 53.
17. Там же.

17. «ГРАФ НУЛИН» И «ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ» (1827-1828 гг.)

1. ГРАФ НУЛИН. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург, в типографии департамента народного просвещения. 1827.

12^о. (18 × 11 см. не обрез.) 48 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Граф Нулин. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. 1827»; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка (букет) и текст: «Продается в С. Петербурге во всех книжных лавках, по 2 рубля 50 коп. за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 50 копеек».

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 62) от 15 ноября 1827 года.

2. ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ. Спб. 1828. [Это напечатано только на передней стороне обложки, заключенной в обычную наборную рамку. На задней, в такой же наборной рамке, — типографская виньетка (лира) без всякого текста]. На шмуцтитуде напечатано: «Две повести в стихах». Далее следует заглавный лист:

БАЛ. Повесть, сочинение Евгения Баратынского. Санктпетербург, в типографии департам. народн. просвещ. 1828.

12°. 45 стр., включая упомянутый шмуцтитул и заглавный лист.

Цензурное разрешение: на обороте заглавного листа «Бала» Баратынского — 31 октября 1828 года; цензор К. Сербинович.

После текста «Бала» следует второй шмуцтитул, на котором напечатано: «Граф Нулин» и второй заглавный лист с текстом:

ГРАФ НУЛИН. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург, в типографии департамента народного просвещения. 1827.

[Размер, количество страниц и цензурное разрешение — см. выше, в отдельном описании этой книги. Это та же самая книга, но приброшюрованная к «Балу» Баратынского.]

Дата выхода книги «ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ» — 15 декабря 1828 года — определяется на основании извещения о ее продаже, напечатанного в «Северной пчеле» от того же числа за № 150. Цена книги объявлялась шесть рублей, с пересылкой в другие города на один рубль дороже. «Бал» Е. Баратынского и «Граф Нулин» А. Пушкина продавались также и отдельно. О дате выхода их в продажу — см. в описании. Указания, что это произошло только в 1832 году — ошибочны¹.

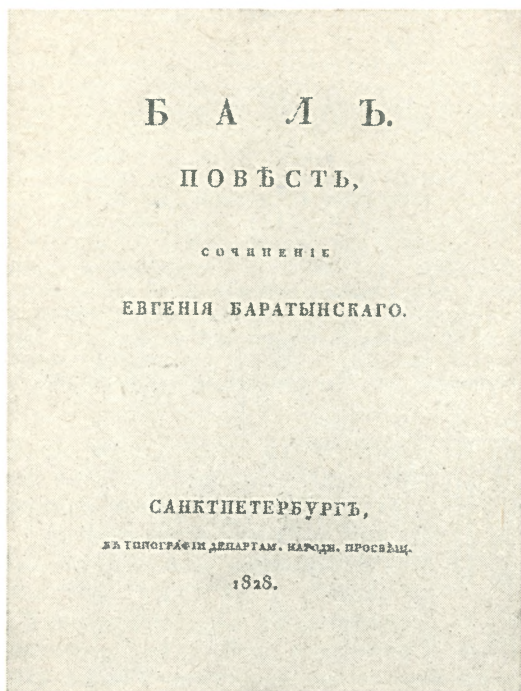
Появление отдельного издания «Графа Нулина» при жизни Пушкина было несколько необычным и породило невероятную путаницу в библиографических описаниях этой книги.

Нет необходимости перечислять ошибки, которых не избежали редакторы собраний сочинений поэта: П. В. Анненков, П. О. Морозов и С. А. Венгеров, а также П. А. Ефремов и другие, отмечавшие существование якобы двух отдельных изданий «Графа Нулина», вышедших при жизни автора.

С. Гессен, уже в 1930 году, правильно указав в своей брошюре «Книгоиздатель Пушкин», что поэма впервые полностью появилась в «Северных цветах» на 1828 год, сообщал далее:

«В 1828 году *Граф Нулин* был перепечатан в одной книжке с поэмой Баратынского *Бал*. Брошюрка продавалась по 3 рубля, несмотря на то, что издание имело полный материальный ущерб... Об успехе *Нулина* можно судить также по тому, что вскоре понадобилось выпустить в продажу еще и отдельные оттиски поэмы. Интересно, что, несмотря на отсутствие в оттисках произведения Баратынского, Пушкин не почел нужным уменьшить цену. Оттиски стоили те же 3 рубля»².

Здесь уже просто все неверно. Не говоря о том, что никаких «отдельных оттисков» из брошюры «Две повести в стихах» не было, стоила эта брошюра не три рубля, а шесть. Когда же «Граф Нулин» стал продаваться отдельно от «Бала» Баратынского, то цена ему была объявлена на обложке 2 рубля 50 копеек, а вовсе не «те же три рубля», которые он якобы стоил и вместе с «Балом».

Порядок появления на свет поэмы Пушкина «Граф Нулин» указан в примечаниях к шестнадцатитомному академическому собранию сочинений поэта. Порядок этот таков:

- а) «Северные цветы» на 1828 год.
- б) «Две повести в стихах». Спб. 1828.
- в) «Граф Нулин». Спб. 1827.

О последнем издании имеется в скобках примечание: «Вышло в 1832.— Оставшиеся экземпляры предыдущего издания»³.

Последнее примечание как раз не очень точно: «Граф Нулин» 1827 года — это не «оставшиеся экземпляры предыдущего издания», а самостоятельная книга, поступившая в продажу не в 1832 году, а в начале 1829, чему ниже будут приведены доказательства.

Следовало бы еще упомянуть о существовании нескольких, так называемых «авторских оттисков» поэмы, сделанных Дельвигом при печатании альманаха «Северные цветы» на 1828 год. Такие «авторские оттиски» делались с того же набора, с которого произведение печаталось в альманахе, причем в количестве, не превышающем 10-15 экземпляров.

Е. А. Баратынский. Гравюра Е. Скотникова с рисунка К. Б.

Были ли такие оттиски «Графа Нулина», сказать трудно. Библиографы о них упоминают, но видеть не видели, так как их пока не обнаружено ни в одном книгохранилище.

Как же появилось на свет отдельное прижизненное издание «Графа Нулина»? Попробуем разобраться в этом вопросе подробно.

Пушкин представил «Графа Нулина» на цензуру Бенкендорфу через Плетнева при сопроводительном письме от 20 июля 1827 года. Вместе с «Нулиным» были представлены и другие его произведения: «Ангел», «Стансы», третья глава «Онегина», «Фауст и Мефистофель» и «Песни о Стеньке Разине».

Все произведения, кроме «Песен о Стеньке Разине», были пропущены цензурой, о чем Бенкендорф уведомил поэта 22 августа 1827 года. В частности, о «Графе Нулине» в этом уведомлении говорилось: «*Графа Нулина* государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными; а именно следующие два стиха:

*«Порою с барином шалит» и
«Коснуться хочет одеяла»,*

впрочем прелестная пиеса сия позволяется напечатать»⁴.

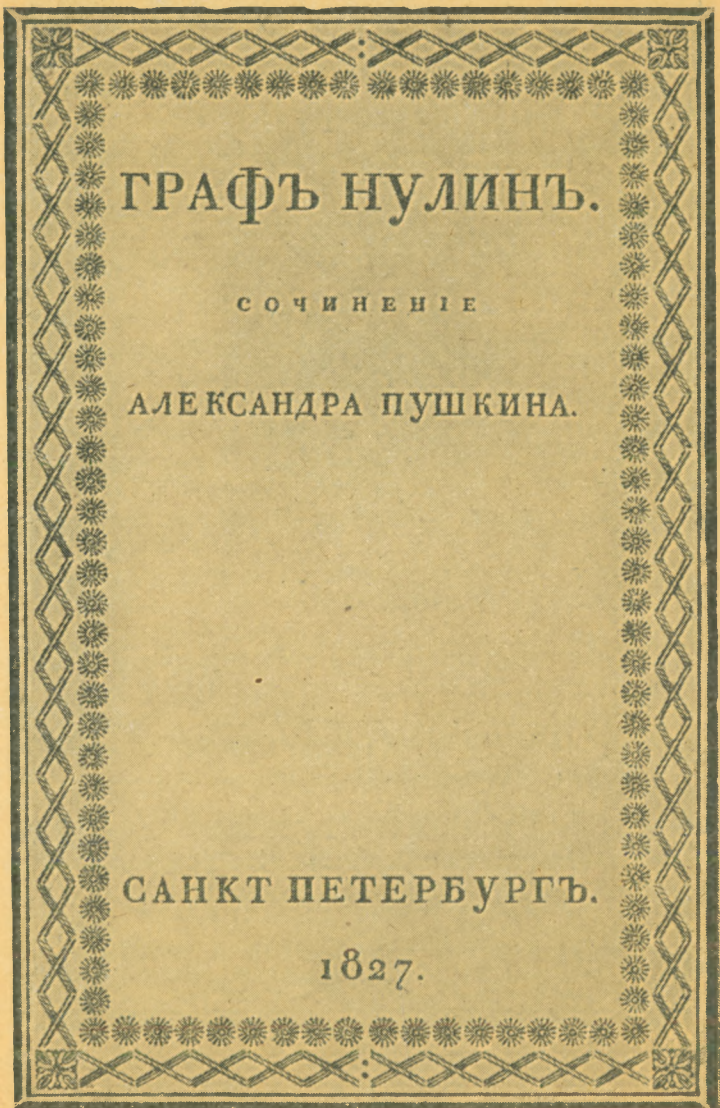
Несколькими днями позже, а именно 27 августа, П. А. Плетнев, с этого времени уже официальный доверенный Пушкина по его издательским делам, писал ему: «Я уже приступил к печатанию Онегина... ...Какое сделать употребление из Нулина, когда ты пришлешь новые два стиха, в замену непропущенных?»⁵.

Ответа Пушкина Плетневу на это письмо не сохранилось, но нет сомнения, что в нем он просил Плетнева напечатать «Графа Нулина» отдельной книжкой так же, как и третью главу «Онегина».

Доказательством служат даты билетов на выпуск из типографии (по книге «Дела III-го отделения», стр. 61-62) третьей главы «Онегина» от 9 октября 1827 года, а «Графа Нулина» — от 15 ноября 1827 года.

Следовательно, первое прижизненное полное и отдельное издание «Графа Нулина» (единственное!) появилось из типографии ранее, чем эта поэма была напечатана в «Северных цветах» на 1828 год, цензурное разрешение на которое было получено лишь в начале декабря 1827 года (в продажу они поступили 15 декабря).

Однако, несмотря на то, что отдельное издание «Графа Нулина» было напечатано явно ранее «Северных цветов»,

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ , по
2 рубля 50 коп. за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 50 копѣекъ.

Пушкин в продажу его не пустил, а «законсервировал», так как обещал эту поэму дать Дельвигу для поддержки его альманаха.

Очевидно, условие было такое: дать возможность «Северным цветам» распродать свой тираж (а у альманахов эта распродажа, как у товара «сезонного», должна была быть быстрой), а уже потом выпустить на рынок и отдельное, временно «законсервированное» издание «Графа Нулина».

Разумеется, продажа этого отдельного издания поэмы, после появления ее в «Северных цветах», была уже более трудной, поэтому друзья Дельвига и Пушкина стали искать какой-нибудь облегчающий выход.

Здесь следует напомнить, что в том же альманахе «Северные цветы» на 1828 год, впервые полностью познакомившем читателей с «Графом Нулиным», был также напечатан отрывок из повести Е. Баратынского «Бал», под названием «Бальный вечер».

Отрывок этот имел успех, и Дельвиг решил издать «Бал» полностью, отдельной книжкой, прошедшей цензуру 31 октября 1828 года.

Имеется письмо Дельвига к Пушкину с сообщением: «*Бал* отпечатан, в пятницу будет продаваться». Письмо это от 3 декабря 1828 года⁶.

Но ни в пятницу, ни в какой-либо другой ближайший день поэма Баратынского «Бал» в продажу не поступила. Она появилась на прилавках книжных магазинов лишь 15-го декабря, причем, объединенной с «Графом Нулиным» Пушкина одной обложкой, под общим названием «Две повести в стихах».

Технически это было сделать не сложно. Оба произведения печатались в одной типографии, в одном и том же формате, следовательно, их просто сброшюровали вместе, напечатали новую специальную обложку и шмуцтитул, и этот своеобразный конволют был готов. У каждого произведения сохранились и свой отдельный заглавный лист, и свое отдельное цензурное разрешение.

Тираж этого объединенного вида издания был, по всей вероятности, 600 экземпляров. Я исхожу из соображения, что обе книги порознь печатались обычным тиражом по 1 200 экземпляров каждая. Так вот, половину этого количества сброшюровали вместе и продавали как «Две повести в стихах», а вторую половину продавали каждой поэмой в отдельности.

Пустили в продажу эти отдельные виды «Бала» и «Графа Нулина» чуть позже, чем «Две повести в стихах»,

но вовсе не в 1832 году, как определили авторы книги «Пушкин в печати». Главным аргументом для такого определения они считали отсутствие «Бала» и «Графа Нулина» порознь в «Росписи» А. Ф. Смирдина, вышедшей в свет в конце 1828 года. Это абсолютно верно.

Но достаточно было заглянуть не в самую «Роспись», а в первое прибавление к ней, вышедшее в июне 1829 года, как тотчас же можно было обнаружить наличие в продаже и отдельного издания «Бала» (№ 10490), и отдельного издания «Графа Нулина» (№ 10494).

Это, кстати, подтверждает большой успех объединенного вида издания «Две повести в стихах», книги, ставшей редкой еще при жизни авторов. Она буквально разлетелась в три-четыре месяца. Этим мое соображение, что книги было заготовлено всего 600 экземпляров, также несколько подкрепляется.

Самый факт соединения произведений двух поэтов — Пушкина и Баратынского — в одной книге не вызвал в то время ни малейшего удивления.

Пушкин высоко ценил поэзию Баратынского и, в частности, о повести «Бал» имеется такой его отзыв:

«Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию»⁷.

Но отзывы общей прессы об этих произведениях были чрезвычайно разноречивы. Наряду с восторженными рецензиями о «Графе Нулине» в журналах «Бабочка» (1829, № 6) и «Сын отечества» (1829, № 5), признавшими повесть за «образец остроумия и утонченного вкуса», критик Н. И. Надеждин в «Вестнике Европы» обвинял автора «Графа Нулина» в безнравственности и, произведя общий суд над обеими поэтами, писал: «Кончим рассмотрение наше общим замечанием об обеих повестях, нас занимавших. Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрелы, но...»⁸.

Шаликов в «Дамском журнале», слегка задетый в «Бале» Баратынским, разразился следующей эпиграммой в адрес обоих поэтов:

Два друга, сообщась, две повести издали,
Точили балы в них и все нули писали;
Но слава добрая об авторах прошла,
И книжка вдруг раскуплена была.
Ах, часто вздор плетут известные нам лица,
И часто к их нулям мы ставим единицы⁹.

Не оставаясь в долгу, Пушкин отвечал язвительными эпиграммами на Надеждина, Каченовского, Шаликова, а в оставшихся после смерти поэта бумагах нашли и своеобразные его «антикритики» по поводу нападения «литературных староверов» на «Графа Нулина». В одной из таких «антикритик» Пушкин писал:

«Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным,— разумеется в журналах, в свете приняли его благосклонно — и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости?.. подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу. Верю стыдливости моих критиков; верю, что Граф Нулин точно им кажется предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутилых повестей: Ариост, Бокачио, Лафонтен, Касты, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить Душеньку в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать *модную жену*, сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа?»¹⁰.

Всю эту самозащиту Пушкина можно считать напрасной (не даром он ее не напечатал), поскольку ему лучше, чем многим другим, было известно подлинное количество «угрюмых дураков» и «несчастливых педантов» среди критиков его поэзии.

Значение «Графа Нулина» было оценено позднее, когда, вслед за В. Г. Белинским, было понято, что поэма эта — первая ласточка, предвещавшая гоголевские «Мертвые души», «натуральную школу» в русской литературе.

В тех же посмертных бумагах Пушкина найдена его заметка, рассказывающая историю написания «Графа Нулина» и передающая мысли, которые продиктовали ее содержание. Заметка эта такова:

«В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобно тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоторжском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр.[аф] Нулин писан 13 и 14 дек[абря].— Бывают странные сближения»¹¹.

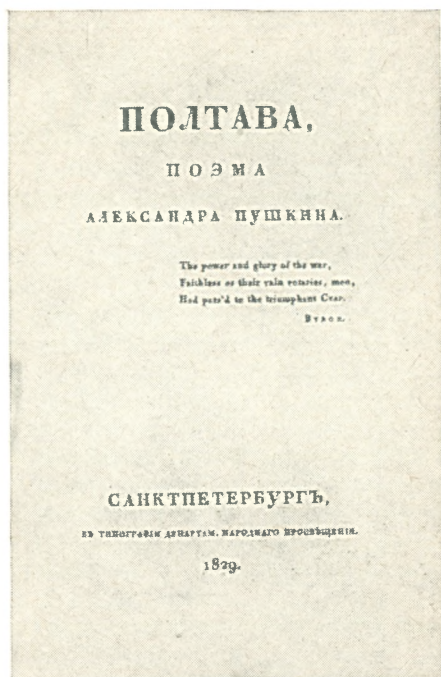
Эта заметка Пушкина, написанная в 1830 году, поразительна. Действительно, в тот самый день 14 декабря 1825 года, когда Пушкин заканчивал свою шуточную поэму, в которой «пародировал историю», на Сенатской площади в Петербурге разыгрывалась подлинная историческая трагедия — разгром восстания декабристов. Слова Пушкина «бывают странные сближения» звучат очень многозначительно.

Наиболее ранний черновик «Графа Нулина», поступивший в Пушкинский Дом из Онегинского собрания, датирован автором 13 декабря 1825 года (село Михайловское), и поэма носит заглавие «Новый Тарквиний».

На антикварном рынке «Две повести в стихах» и «Граф Нулин» отдельно встречались редко. В 1918 г. издательство М. и С. Сабашниковых выпустило точное фототипическое воспроизведение «Графа Нулина» 1827 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н., и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, №№ 388 и 908.
2. Гессен, С. Книгоиздатель Пушкин. Л., 1930, стр. 94-95.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 5. Л., 1948, стр. 509.
4. Там же, т. 13, 1937, стр. 335.
5. Там же, стр. 337.
6. Там же, т. 14, 1941, стр. 36.
7. Там же, т. 11, 1949, стр. 75.
8. Цитируется по кн.: Пушкин, А. С. Собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. Спб., 1908, стр. 387-392.
9. «Дамский журнал», 1829, № 4.
10. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 155-156.
11. Там же, стр. 188.

18. «ПОЛТАВА» (1829 г.)

ПОЛТАВА, поэма Александра Пушкина.

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.
Byron.

[Мощь и слава войны
Как и люди, их суетные поклонники,
Перешли на сторону торжествующего царя.
Байрон.]

Санктпетербург, в типографии департам. народного просвещения. 1829.
8°. (21 × 13,5 см., не обрез.) VII стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 5 ненум. стр. + 91 стр.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Полтава, поэма Александра Пушкина, Санктпетербург, 1829»; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка и текст: «Продается здесь, в С. Петербурге во всех книжных лавках по 10 р., а за пересылку в другие города прилагается 1 р.»

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 86) 26 марта 1829 года, одновременно со вторым изданием первой главы «Онегина».

Дата выхода в свет — 27-28 марта 1829 года определяется на основании извещения в «Северной пчеле» в № 39 того же года, от 30 марта. Цена по объявлению — 10 рублей, с пересылкой на 1 рубль дороже¹.

ВРЕМЯ написания «Полтавы» — тревожное для Пушкина время. Черновики этой поэмы перемежаются с черновиками его ответов следственной комиссии по делу «Гавриилиады», тогда еще не законченному. «Смятения душевные» настолько овладели поэтом, что он стал искать забвения в напряженном, вдохновенном труде. По воспоминаниям М. Юзефовича работа над «Полтавой» происходила таким образом:

«Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему даже грезились во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда; он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части. Я видел у него черновые листы, до того измаранные, что на них нельзя было ничего разобрать: под зачеркнутыми строками было по несколько рядов зачеркнутых же строк, так что на бумаге не оставалось уже ни одного чистого места. Несмотря, однако ж на такую работу, он кончил «Полтаву» помнится в три недели»².

По сохранившимся черновикам видно, что поэма начата 5 апреля 1828 года и писалась далее отрывками, с большими перерывами. К концу сентября написана большая часть первой песни; 3 октября закончена ее перебелка; к 9 октября перебелена вторая песнь; 16 закончена перебелка третьей песни, написанной между 9 и 16 октября. 27 октября написано «Посвящение». В ноябре — начале декабря переписана окончательная беловая рукопись.

Таким образом, слова самого Пушкина в его «Опровержениях на критики» о том, что: «Полтаву написал я в несколько дней; долее не мог бы ею заниматься и бросил бы все»³, равно как и указания исследователей, что поэма была написана «в рекордно короткий срок — в три недели», — верны лишь отчасти и касаются скорее «последних взмахов кисти мастера», чем точного количества дней, в действительности потраченных им на работу.

ПОЛТАВА,

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1829.

Лицевая сторона обложки.

Продается здѣсь въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 10 р.,
а за пересылку въ другіе города при-
лагается 1 р.

«Полтава» — это не только результат вдохновения поэта, но и итог тщательного изучения исторических событий.

Ни «Войнаровский» К. Ф. Рылеева, ни тем более «Мазепа» Байрона не похожи на пушкинскую «Полтаву». Пушкин создал свою поэму, по-своему трактуя образы центральных героев.

Трактовка образа Петра I как национального героя, а Мазепы как «честолюбца, закоренелого в злодеяниях и коварствах», как предателя своего народа, была у Пушкина значительно более верной, чем у многих историков.

Буржуазные идеологи рисуют и теперь Мазепу героем освобождения Украины от ига России. Но Мазепа не освобождал, а продавал Украину под иго самодержавия другого, иноземного, и народ Украины, разгадавший его коварный замысел, не пошел за Мазепой, а предпочел стать под знамена Петра.

«Полтава» Пушкина, при всей противоречивости отдельных ее деталей, — это гимн торжествующей России, а не восхваление самодержавия.

Чрезвычайно важно, что Пушкин посвятил свою поэму русской женщине, жене сосланного в Сибирь декабриста Марии Раевской-Волконской, последовавшей за мужем в «Сибири хладную пустыню». Посвящение это, написанное нежнейшими стихами, было тщательно зашифровано Пушкиным и раскрыто лишь в наше время историком П. Е. Щеголевым, убедительно доказавшим неверность всех других предположений и домыслов⁴.

Закончив «Полтаву», Пушкин сдал ее для печати П. А. Плетневу, попросив предварительно показать рукопись В. А. Жуковскому.

Отпечатанную «Полтаву» Пушкин увидел, находясь в Москве. П. А. Плетнев 29 марта 1829 года писал ему из Петербурга: «Посылаю тебе 10 экз[емпляров] Полтавы. По твоему распределению я *всем* экземпляры доставил, даже и Мицкевичу, хотя он еще в Москве»⁵.

Впрочем, книги в это время мало занимали поэта.

Влюбленный в молодую Наталью Николаевну Гончарову, он 1 мая сватается за нее. Мать Наталии Николаевны, рассчитывая найти для нее лучшего мужа, нежели Пушкин, не имевший состояния и находившийся под надзором полиции, отвечает, что дочь ее еще очень молода, что «надо подождать, посмотреть»... Получив такой ответ, Пушкин в ту же ночь, не спросив разрешения у Бенкендорфа, уезжает на Кавказ, где в действовавшей против турок армии служили его друзья-декабристы.

Эту страницу своей биографии позже расскажет сам Пушкин в «Путешествии в Арзрум». Им будет рассказано о посещении опального Ермолова, о переезде по Военно-грузинской дороге, о пребывании в Тифлисе, о собственной попытке «понюхать порох» в бою, о военных действиях Паскевича и о многом другом.

Гениально просто будет рассказано о встрече с телом убитого в Персии Грибоедова.

«Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали гроб. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда».

Так же просто поведаст Пушкин и о своем пребывании на границе, пересечь которую он страстно и безуспешно мечтал.

«Вот и Арпачай, — сказал мне казак. — Арпачай! наша граница! Это стоило Арабата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное... Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России».

Журналы с отзывами о «Полтаве» догнали Пушкина по дороге на Кавказ и искренне огорчили и удивили поэта. Почти все они бранили «Полтаву», а Каченовский в «Вестнике Европы» открыто и мелочно глумился над ней. В 1831 году в альманахе «Денница» Пушкин напечатает «Возражение критикам Полтавы», в черновике которого, более полном, говорится:

«Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей, та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное) — Полтава [которую Ж[уковский], Г[недич], Д[ельвиг], В[яземский] предпочитают всему, что я до сих пор ни написал, Полтава] не имела успеха. Может быть она его и не стоила, но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям»⁶.

Пушкин еще не знал, что именно с «Полтавы» начнется охлаждение к нему не только критики, но и читателей. Оно станет заметно по отношению к седьмой главе «Онегина», к «Борису Годунову» и, в особенности, к «Истории Пугачевского бунта».

В феврале-марте 1828 года Е. А. Баратынский, отмечая в письме к Пушкину менее восторженный прием читателями четвертой-пятой глав «Онегина», так объяснял это:

«Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящиеся в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большей обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие»⁷.

Пушкин не мог не согласиться с горькой, но правдивой мыслью Е. А. Баратынского, и позже в своих набросках статьи о творчестве самого Баратынского, может быть, и не замечая этого, повторил его мысль почти дословно.

«Понятия 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому молодому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их, и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете»⁸.

Талант Пушкина становится все более зрелым, мысли более глубокими, произведения более весомыми. Он шел впереди читателей, и многие из них переставали понимать своего поэта, думая, вероятно, что отстают он, а не они.

* * *

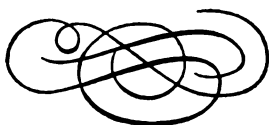
Тираж «Полтавы», напечатанной Плетневым, по всем данным, был обычным — 1 200 экземпляров. Книга расходилась туго, продавалась долго и даже на антикварном рынке не считалась особенной редкостью.

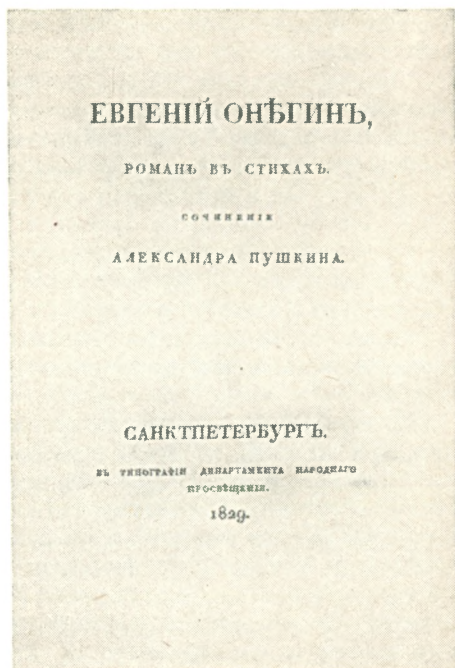
Мною не отмечают переводы пушкинских произведений на другие языки. Считаю, однако, нужным указать на перевод «Полтавы» на украинский язык, сделанный при жизни поэта Е. П. Гребенкой. Впервые отрывки из этого перевода появились в журналах и альманахах (например, в «Московском телеграфе», 1831, № 17), а в 1836 году перевод всей поэмы был издан отдельной книжкой. Она называлась:

«Полтава. Поэма А. С. Пушкина. Вольный перевод на мало-
российский язык Е. Гребенки». [Спб. В типографии И. Во-
робьева. 1836. 12°. 64 стр. Цена 3 рубля].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 439.
2. «Русский архив», 1880, кн. 3, стр. 441.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 160.
4. Щеголев, П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. ГИХЛ, 1931, стр. 232.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 41.
6. Там же, т. 11, 1949, стр. 158.
7. Там же, т. 14, 1941, стр. 6.
8. Там же, т. 11, 1949, стр. 185.

19. ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1829 г.)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1829.

12°. (18 × 11 см. не обрез.) XXII стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 2 ненум. + 59 стр.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Глава первая. Санктпетербург. 1829»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — типографская виньетка (лира).

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения (стр. 86) 26 марта 1829 года, одновременно с «Полтавой». Дата выхода в свет — 27-28 марта 1829 г. — определяется на основании цензурного разрешения¹.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ первой главы «Онегина» по своему внешнему виду и содержанию ничем не отличается от первого ее издания, вышедшего в 1825 году. Все так же — посвящение, предисловие, «Разговор книгопродавца с поэтом» и прочее. Набор абсолютно одинаков с первым изданием и, по беглому впечат-

лению, можно подумать, что набор один и тот же. Однако книга набрана заново. Имеются кое-какие поправки².

Одинаковая внешность первого и второго изданий этой главы «Онегина» была отмечена и в рецензии «Московского телеграфа», где говорилось: «Как на старого друга взглянули мы на первую главу Онегина, напечатанную, кажется, вторым изданием. Говорим: кажется, потому что кроме года, выставленного на заглавном листке, догадаться об этом не по чем: самая наружность сей первой главы точно такова же, как в издании 1825 года. Можно, правда, заметить еще исправление некоторых опечаток»³.

Цена на книгу, хотя и не была выставлена на обложке, но тоже оставалась прежней — пять рублей, с пересылкой — шесть.

Необходимо сказать о чрезвычайной редкости второго издания первой главы «Онегина» на антикварном рынке. Н. Синаевский и М. Цявловский в первом издании своей книги «Пушкин в печати» (М., 1914), писали по этому поводу: «Издания этого нет ни в Имп. публ. библ., ни в Имп. Академии Наук, ни в Румянцевском музее, а в Историч. музее — экземпляр дефектный (выдраны страницы). В библиотеке Моск. Университета — экземпляр лучшей сохранности, но некоторых страниц и в нем нет»⁴.

Во втором издании книги «Пушкин в печати» (1938 г.), такого примечания уже нет, так как возможно, что за первые годы революции второе издание первой главы «Онегина» уже было приобретено названными библиотеками.

Почти столь же редко второе издание и следующей, второй главы «Онегина», напечатанное в 1830 году. На второй главе попытка повторения поглавного издания «Евгения Онегина» закончилась.

Возникают сразу три вопроса. Первый — зачем понадобилось Пушкину повторное издание первых глав «Онегина» в то время, когда произведение это не было еще окончено даже в рукописи? Второй вопрос — почему это повторное издание прекратилось на второй главе, напечатанной в 1830 году? И, наконец, третий — чем объясняется столь исключительная редкость этих повторных изданий?

Ответить на первый вопрос не представляет большого труда. Со дня освобождения из михайловской ссылки Пушкин написал только одно новое произведение, которое можно было издать отдельной книгой, — это «Полтава» 1829 года. Из ненапечатанных прежних произведений был только один «Борис Годунов», пока застрявший в цензуре.

Оставался «кормильцем» один «Онегин», очередная, седьмая глава которого еще не была готова, а предыдущие уже проданы, и деньги прожиты. Своего рода «мобилизация внутренних ресурсов» в виде переиздания «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника» была уже произведена, и денег, полученных за них, тоже уже не было. «Граф Нулин» дал весьма немного, а потребность в деньгах росла.

Особенно она обострялась в связи с предполагаемой женитьбой поэта. Что-то надо было придумать и, конечно, повторное собрание дани с «Евгения Онегина» являлось делом наиболее реальным.

Частично мысль о переиздании первых глав «Онегина» могли внушить и требования книжного рынка: покупающие новые главы романа, порой спрашивали при этом старые, первые главы. Отсутствие этих первых глав в продаже отрицательно влияло на спрос глав новых. Вспомним, как из-за задержки Соболевским отправки в Петербург второй главы «Онегина», напечатанной в Москве в 1826 году, затормозилась в Петербурге продажа глав первой и третьей.

Словом, со всех точек зрения, начать повторное издание всех глав «Онегина» было делом вполне своевременным, и Пушкин поручил Плетневу в 1829 году напечатать второе издание первой, а в последующем 1830 году — второй глав романа, тиражом, по всей вероятности, обычным: по 1 200 экземпляров каждая.

Ответы на вопросы, почему на второй главе остановилось это повторное издание «Онегина» и чем объясняется исключительная редкость отпечатанных двух глав его на книжно-антикварном рынке, можно объединить.

Думается, что разгадка заключается в письме Плетнева к Пушкину 29 апреля 1830 года. Забегая (хронологически) несколько вперед, придется привести содержание этого письма именно здесь, поскольку оно касается не только повторных тиснений двух глав «Онегина», но еще и некоторых других книг поэта. Письмо намечает некий рубеж, разделяющий все прижизненные издания Пушкина на напечатанные до и после этого письма.

Письмо написано в то время, когда женитьба Пушкина на Н. Н. Гончаровой была окончательно решена и «доверенный» его Плетнев задумался, как организовать более эффективную денежную помощь поэту. Вот это письмо:

«Поздравляю тебя, душа моя. Теперь смотрю на тебя с спокойствием; потому что ты ступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя кроме рассудка твоего и совести:

а на них-то я всегда и надеялся в тебе более всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдуманно, ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому чтобы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел: так пеняй на себя, если я по причине поспешности не мог для тебя сделать чего-нибудь слишком выгодного.

Вот что я могу обещать тебе: в продолжении четырех лет (начиная с 1-го мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться все старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более... Теперь, по крайней мере, ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина, литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы-то собственно не в накладе: потерпят для него одни библиоманы... Поскорей ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение?»⁴

Пушкин 5 мая того же года ответил: «Заклучай условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо 4 лет 3 года — выторгуй хоть 6 месяцев»⁶.

Плетнев отвечал 21 мая: «Смирдин упорен был: я не выторговал ни месяца. Когда начать присылку твоего четырех-летнего пенсионна и как ее производить: помесечно или по третям?»⁷

Таким образом, было заключено чрезвычайно важное условие, по которому на склады Смирдина переехали все нераспроданные экземпляры книг Пушкина, напечатанные до 1 мая 1830 года и находившиеся до этого срока в распоряжении Пушкина и Плетнева. Права на получение денег с других книгопродавцев, у которых книги поэта могли быть на комиссии, также переходили к Смирдину. В течение четырех лет Пушкин переставал быть хозяином всего им изданного до 1 мая 1830 года.

В список этого изданного, разумеется, вошли и повторные тиснения первой и второй глав «Онегина» 1829—1830 года. Теперь совершенно ясно, почему именно на них остановилось это повторное издание: Пушкин на четыре года вперед продал свое право ими распоряжаться.

Сам же Смирдин во втором поглавном издании «Онегина» не нуждался. У него этих глав и в первом издании было еще достаточно. Пушкин вот-вот должен был закон-

Лицевая сторона обложки. 2-ое издание.

чить роман, и тогда неминуемо встанет вопрос о новом полном его издании, причем по цене значительно более дешевой, чем по пяти рублей за каждую главу. Что же тогда делать с нераспроданным остатком первого, поглавного издания? Ведь какого бы то ни было спроса на него уже не будет.

Далее мы увидим, что все так и произошло, как предвидел Смирдин. В 1833 году он приобрел у Пушкина право на издание первого полного «Евгения Онегина» и стал продавать его по 12 рублей за экземпляр, вместо 40 рублей, которые стоил этот же роман в поглавном издании.

Естественно, что весь нераспроданный остаток первого поглавного издания «Онегина» после этого застрял балластом на полках книжных лавок и, в конце концов, мог быть просто-напросто уничтожен издателем.

Такое уничтожение старых изданий при появлении повторных, новых, не было в то время чем-то исключительным. В письме к Пушкину от 29 марта 1829 года Плетнев, излагая поэту один из проектов нового издания собрания его сочинений, говорил, что при этом: «...сожжем все экземпляры прежде напечатанные; мелких стихотворений, Онегина, Полтавы и проч. и проч.»⁸

Если это собирался сделать даже Плетнев, то Смирдин, тем более, мог подобным же образом расчистить дорогу своему новому полному изданию «Евгения Онегина» 1833 года.

Не в этом ли лежит разгадка чрезвычайной редкости на позднейшем книжном рынке всего первого поглавного тиснения «Онегина», вообще, и напечатанных вторично в 1829—30 году двух первых глав его, в особенности?

По условию, заключенному Плетневым 1 мая 1830 года, главы эти поступили в распоряжение Смирдина почти полным тиражом, и вряд ли они успели разойтись в каком-нибудь более или менее значительном количестве. Весьма возможное уничтожение всего нераспроданного их остатка сделало уцелевшие экземпляры чрезвычайно редкими.

К другим подробностям подписанного Плетневым и Смирдиным условия мне придется еще вернуться при описании второй главы повторного издания «Онегина».

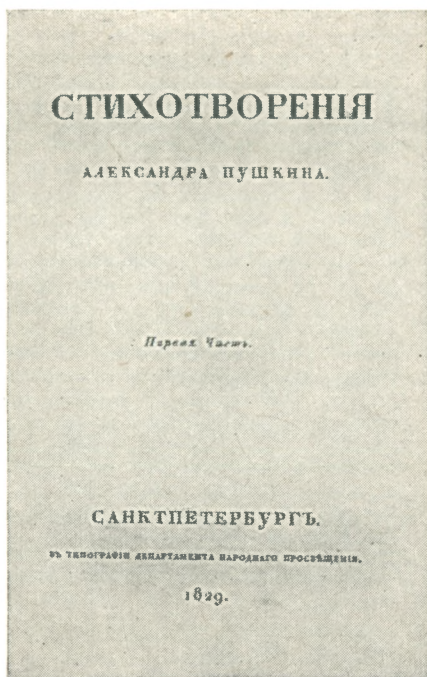
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 436.
2. Вот наиболее существенные различия и поправки: а) на стр. XI — третья строка сверху, вместо «И разгласить успела слава» — напечатано: «Уж разгласить успела слова»; б) на стр. XVIII — вторая стро-

ка сверху, вместо «Я содрагаюсь; сердцу больно» — напечатано: «Я так и вспыхну; сердцу больно»; в) на стр. XIX — третья и четвертая строки сверху, вместо «И что ж? Какое дело свету (Я все чужой), душа моя» — напечатано: «И что ж? Какое дело свету? Я всем чужой. Душа моя»; г) на стр. XXI — вторая и третья строки снизу, вместо «Я знаю ваше возраженье; Но тут не вижу я стыда» — напечатано: «Предвижу ваше возраженье; Но вас я знаю, господа». В первом издании на стр. 60-й эти строки напечатаны в виде «Поправки». Во втором издании эта «Поправка» перенесена в текст и стр. 60-я пустая. Вовсе исчезло примечание Пушкина, бывшее в первом издании на этой же 60-й странице: «Все пропуски в сем сочинении, означенные точками, сделаны самим автором»; д) со страницы 25-й второго издания выброшено подстрочное примечание, бывшее в первом издании на этой же странице: «Непростительный галлицизм. Соч.». Строки, к которым относится это примечание в первом издании: «И нынче иногда во сне Оне смущают сердце мне» — во втором издании изменены: «Я все их помню, и во сне Оне тревожат сердце мне»; е) на странице 59-й первого издания — подстрочное примечание: «Мы со временем надеемся издать полную его биографию» во втором издании внесено полностью в текст на той же странице.

3. «Московский телеграф», 1829, № 8, стр. 484.
4. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. М., 1914, № 420.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 86.
6. Там же, стр. 89.
7. Там же, стр. 93.
8. Там же, стр. 41.

20—21. ДВЕ ПЕРВЫЕ ЧАСТИ СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА (1829 г.)

1. СТИХОТВОРЕНИЯ Александра Пушкина. Первая часть. Санкт-петербург. В типографии департамента народного просвещения. 1829. 8°. (19 × 12,5 см. обрез.) 224 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Спб. 1829»; на последней стр., в такой же наборной рамке,— типографская виньетка (лира) и текст: «Первая часть стихотворений Александра Пушкина продается во всех книжных лавках по 10 руб. экзempl., а за пересылку прилагается 1 р.»

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 87) — 25 мая 1829 года.

2. СТИХОТВОРЕНИЯ Александра Пушкина. Вторая часть. Санкт-петербург. В типографии департамента народного просвещения. 1829. 8°. (19 × 12,5 см. обрез.) 176 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Стихотворения Александра Пушкина. Вторая часть. Спб. 1829»; на последней стр., в такой же наборной рамке,— типографская виньетка

(лира) и текст: «Вторая часть стихотворений Александра Пушкина продается во всех книжных лавках по 10 руб. экзempl., а за пересылку прилагается 1 р.»

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 89) — 25 июня 1829 года.

Дата выхода в свет первой части — 26-27 мая 1829 года — определяется на основании цензурного разрешения и сообщения о продаже книги в «Северной пчеле» 28 мая 1829, № 64.

Дата выхода в свет второй части — 26-27 июня 1829 года — определяется на основании цензурного разрешения и сообщения о продаже книги в «Северной пчеле», № 79, 2 июля того же года.

ПЕРВЫЙ СБОРНИК лирических стихотворений Пушкина вышел в 1826 году, вскоре после подавления восстания 14 декабря 1825 года. Весь тираж книги в количестве 1 200 экземпляров в кратчайший срок был раскуплен. С тех пор неоднократно вставал вопрос о переиздании этого сборника. Но Пушкин не торопился. Как мы знаем, он не был убежден в благополучном прохождении своих стихотворений через вторичную цензуру.

Но с годами политическая острота издания как прежних, так и новых лирических стихотворений Пушкина для цензуры несколько сгладилась, встал вопрос о переиздании собрания его стихотворений.

Все издание было задумано в четырех частях, но готовых стихотворений к этому времени хватило бы всего на две первые части, которые и вышли почти одна за другой к 1832 году, а последняя, четвертая, — к 1835.

Оставляя описание третьей и четвертой частей до своего времени, остановимся на первых двух, вышедших в мае и в июне 1829 года.

К сожалению, каких-либо материалов, относящихся непосредственно к изданию этих книг, не имеется, если не считать письма Плетнева Пушкину в Москву 29 марта 1829 года, где говорится об одном из предварительных проектов этого издания. Плетнев пишет: «Проект твой нового издания хорош, да только не выгоден ни для публики, ни для тебя: для публики потому, что ей нет никакой причины снова тратиться на первые два тома, которые она у себя уже имеет; а для тебя потому, что ты сбудешь один третий том»².

Из этих слов Плетнева видно, что проект Пушкина состоял в том, чтобы издать трехтомное собрание, причем в первых двух томах поместить все им уже напечатанные (некоторые уже дважды) отдельные поэмы, а в третьем томе — все мелкие стихотворения.

Плетнев был прав, отвергнув этот проект и убеждая Пушкина в том, что первые два тома с новым тиснением «Руслана», «Пленника», «Бахчисарайского фонтана» и других крупных произведений Пушкина сейчас покупателям не нужны; они могут заинтересоваться только третьим томом.

Но Пушкин не принял проект самого Плетнева, который предлагал следующее: «Если уж действительно надобно такое издание, то приготовить к тому времени или две новые трагедии, или две новые поэмы, или что-нибудь большое в двух частях. Тогда мы и напечатаем так: в I томе все тобой предполагаемое, да штуку новую, во II томе опять все прежнее, да новую штуку, в III — новостью будет Годунов. Таким образом мы по 15 рублей возьмем с публики за каждую новую штуку, а в знак признательности нашей и благодарности ей подарим все прежнее безденежно»³.

В результате этой переписки решено было остановиться на новом, в четырех частях, собрании одних лирических стихотворений. Две части вышли буквально молниеносно: через два месяца первая, а через три — вторая, сразу после письма Плетнева.

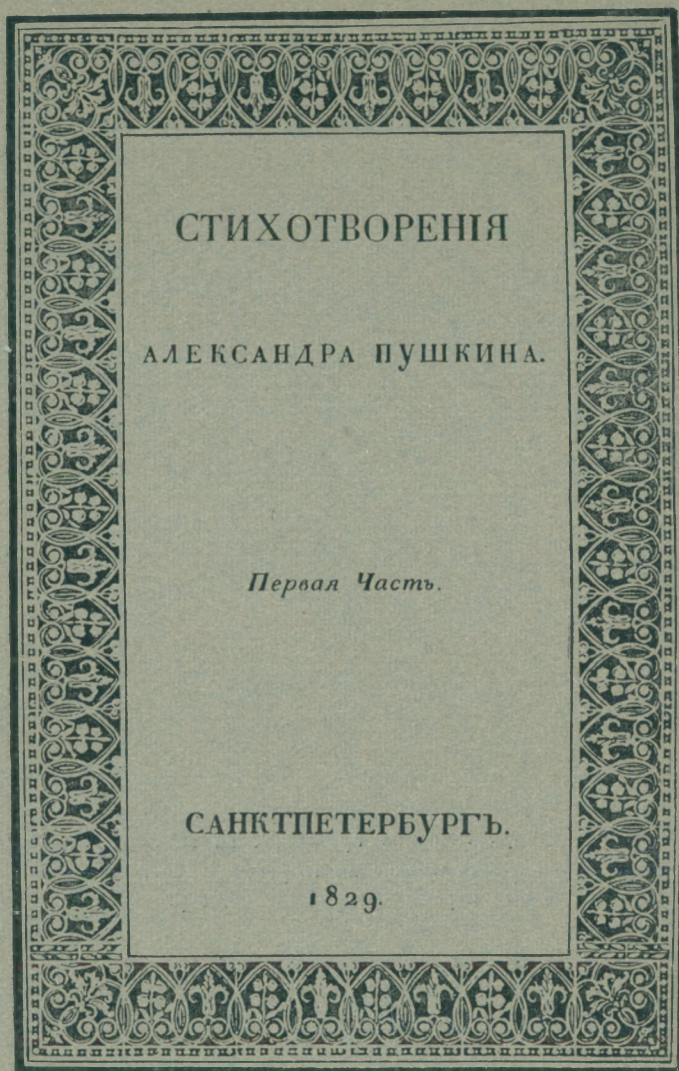
Печатал книги Плетнев за «страх и риск» Пушкина, хотя расходы на печать и бумагу двух довольно объемистых томов, напечатанных в количестве 1 200 экземпляров каждый, должны были быть значительными.

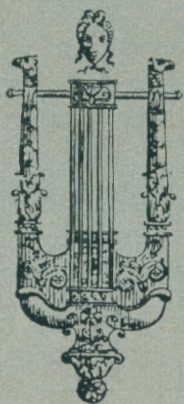
Продать это издание книгопродавцам за какую-то фиксированную цену Плетнев не успел, поскольку при заключении известного теперь нам условия со Смирдиным от 1 мая 1830 года («о «пенсии» в 600 рублей в месяц) две части стихотворений 1829 года значились в числе «товара, который лежал на руках его» и сдавались Смирдину в большей части своего тиража.

Это обстоятельство, кстати, уточняет вопрос о гонораре Пушкина, который он мог получить со Смирдина за издание стихотворений. Цифра, называемая до сего времени исследователями, мне кажется сомнительной.

В черновых заметках П. В. Анненкова, сообщающих о гонорарах поэта, говорится: «Все издание мелких стих[отворений] куплено за 12 т. р.»⁴.

Основываясь на этом сообщении, М. А. Цявловский, составляя «Хронологическую канву для биографии Пушкина» в известном «Путеводителе по Пушкину», несколько раз указывая даты выхода отдельных частей «Стихотворений» 1829—1835 годов, говорит: «Гонорар — 12.000 рублей за четыре книги»⁵.

Первая Часть Стихотворений Алек-
сандра Пушкина продается во всѣхъ
книжныхъ лавкахъ по 10 руб. экзempl.,
а за пересылку прилагается 1 р.

Это неверно как у Анненкова, так и у Цявловского. Неверно хотя бы по простому арифметическому подсчету. Общий тираж всех четырех частей «Стихотворений» 1829—1835 годов, по 1 200 экземпляров каждая часть, был 4 800 экземпляров. Умножив эту цифру на продажную цену каждого экземпляра — десять рублей, — получим в итоге валовую стоимость всего издания — 48 000 рублей.

Вспомним слова Плетнева, который, при своем самом пессимистическом отношении к продаже права издания, говорил Пушкину: «Продать издание какому-нибудь продавцу значит разделить с ним пополам свое имение»⁶.

Ниже этого «пополам» Пушкин в своих взаимоотношениях с книгопродавцами ни разу не опускался. Никак он не мог согласиться получить с сорока восьми тысяч на свою долю только двенадцать. Он потребовал бы, минимум, двадцать четыре тысячи.

Однако в данном случае весь этот расчет совершенно излишен. Выше я уже говорил, что большая часть тиража первых двух частей «Стихотворений», появившихся в 1829 году, была сдана Смирдину по условию 1 мая 1830 года без всякого отдельного гонорара.

Следовательно, запись П. В. Анненкова: «Все издание мелких стих[отворений] куплено за 12 тысяч рублей» могла относиться лишь к третьей и четвертой частям «Стихотворений», вышедшим в 1832—1835 годах. Эти две части, как мы увидим далее, действительно были «на корню» приобретены Смирдиным. Кстати, сумма гонорара, указываемая П. В. Анненковым, в этом случае вполне соответствует принципу «половины», которого держались во взаимоотношениях с книгопродавцами и Пушкин, и его доверенный Плетнев.

* * *

Выход двух первых частей собрания «Стихотворений Пушкина» в 1829 году приветствовался современной печатью. В «Северной пчеле», в те дни еще благоволившей к Пушкину, между прочим, говорилось: «Со временем мы конечно увидим, к удовольствию нашему, и еще несколько томов, расположенных в таком же порядке, т. е. по годам»⁷. «При таком расположении по годам, — писали далее рецензенты, — мы можем видеть постепенный ход таланта Пушкина».

Однако Пушкин лишь отчасти придерживался хронологического порядка в своих сборниках. Во всяком случае внутри года он располагал стихотворения строго обду-

манно, выдвигая на первое место те из них, которые имели общественно-политическое звучание.

Так, первая часть второго собрания открывается стихотворением «Лицинию», наиболее значительным из всех лицейских стихотворений Пушкина. Вторую часть собрания начинает стихотворение «Андрей Шенье» — программное произведение поэта в его творчестве до декабрьского восстания 1825 года.

Тонкую продуманность отбора стихотворений и расположения их в сборниках отмечает Н. В. Измайлов в своей работе «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов». В работе этой чрезвычайно много интересных подробностей⁸.

Выход двух первых частей «Стихотворений» 1829 года не застал Пушкина ни в Москве, ни в Петербурге. Как мы уже знаем, 1 мая этого года поэт, не спрашивая разрешения правительства, уехал на Кавказ, где и пробыл до осени. Пушкин весьма редко получал первые свои книги по выходе их из типографии.

На позднейшем антикварном рынке комплект из всех четырех частей «Стихотворений» 1829—1835 годов, в особенности в одинаковом виде, достать было почти невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, №№ 455 и 537.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 41.
3. Там же, то же письмо.
4. Модзалевский, Б. Л. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929, стр. 340.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Под ред. Д. Бедного и др. Т. 6. М.-Л., ГИЗ, 1931. «Путеводитель по Пушкину», стр. 15 и далее.
6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 344.
7. Эта и следующая цитаты по сборнику: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. 6, вып. XXIII, 1916, стр. 160.
8. Пушкин, А. С. Исследования и материалы. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1958, стр. 7-48.

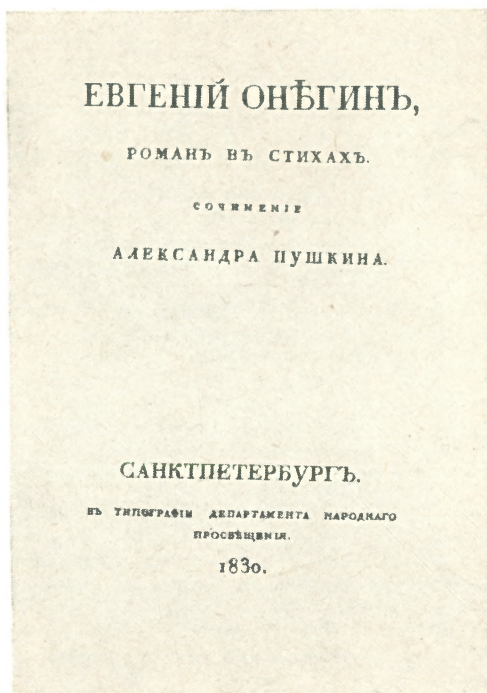
Содержание первой части (по оглавлению в книге):

1815: I. К. Лицинию. С латинского. — II. Гроб Анакреона. — 1816: I. Пробуждение. — II. Другам. — III. Певец. — IV. Амур и Гименей. — V. Ш...ву. — 1817: I. Торжество Вакха. — II. Разлука. — III. П...ну. Отрывок. — IV. Дельвигу. — 1818: I. Мечтателю. — II. Выздоровление. — III. Прелестнице. — IV. Жуковскому. На издание книжек его: Для немногих. — 1819: I. («Увы, зачем она блистает...»). — II. Русалка. — III. Стансы. Т...му. — IV. Уединение. — V. Домовому. — VI. В...му. — VII. Кривоцу. — VIII. N.N. — IX. Недоконченная картина. — X. Возрождение. — 1820: I. («Погасло дневное светило...»). Подражание Байрону. II. Черная шапка. Молдавская песня. — III. Фонтану Бахчисарайского дворца. — IV. Виноград. — V. («О дева — роза...»). Подражание турецкой

песне. VI. Дорида.— VII. («Редеет облаков летучая гряда...»).— VIII. Нереида.— IX. Дорида.— X. Ч...ву («С морского берега Тавриды...»).— XI. Дочери Карагеоргия.— 1821: I. («Мой друг, забыты мной следы...»).— II. Война.— III. («Я пережил свои желанья...»).— IV. («Умолкну скоро я...»).— V. Гроб юноши.— VI. К Овидию.— VII. Наполеон.— VIII. Муха.— IX. Дионея.— X. Дева.— XI. Приметы.— XII. Земля и море. Идиллия Москва.— XIII. Красавица перед зеркалом.— XIV. Алексееву.— XV. К...ну.— XVI. Ч...ву.— XVII. К***.— 1822: I. Песнь о вещем Олеге.— II. Адели.— III. Другьям.— IV. Гречанке.— V. («Свод неба мраком обложился...»).— VI. Баратынскому из Бессарабии.— VII. Ему же.— VIII. («Люблю ваш сумрак...»).— 1823: I. («Простишь ли мне ревнивые мечты...»).— II. («Ненастный день потух...»).— III. Демон.— IV. Телега жизни.— V. Ночь.— 1824: I. («Ты вянешь и молчишь...»). Подражание А. Шенье.— II. Прозерпина.— III. К морю.— IV. Коварность.— V. Д...ву. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма.— VI. («Ночной зефир...»). Испанский романс.— ПОДРАЖАНИЕ КОРАНУ: I. («Клянусь четой и нечетой...»).— II. («О, жены чистые пророка...»).— III. («Смутяся, нахмурился пророк...»).— IV. («С тобою древа, о Всесильный...»).— V. («Земля недвижна...»).— VI. («Недаром вы приснились мне...»).— VII. («Восстань, боязливый...»).— VIII. («Торгуя совестью...»).— IX. («И путник усталый...»).— Примечания.

Содержание второй части:

1825: I. Андрей Шенье.— II. Сожженное письмо.— III. Желанье славы.— IV. Вакхическая песня.— V. («Если жизнь тебя обманет...»). VI. Сафо.— VII. Козлову. По получении от него Чернеца.— VIII. К***.— IX. Прозаик и поэт.— X. Движение.— XI. Дружба.— XII. Соловей и кукушка.— XIII. Совет.— XIV. («Под небом голубым страны своей родной...»).— XV. 19 Октября.— XVI. Жених. Простонародная сказка.— XVII. («В крови горит огонь желанья...»).— XVIII. («Вертоград моей сестры...»).— XIX. П. А. О...— XX. Сцена из Фауста.— XXI. N.N. При послышке ей Невского альманаха.— XXII. Буря.— 1826: I. Пророк.— II. Зимняя дорога.— III. Ответ Ф. Т***.— IV. К Яз...— 1827: I. Стансы.— II. Талисман.— III. Ангел.— IV. Соловей.— V. Череп. Послание к Д...— VI. Поэт.— VII. («Близ мест, где царствует Венеция златая...»). Перевод неизданных стихов А. Шенье.— VIII. Княгине З. А. Волконской. При послышке ей поэмы Цыганы.— 1828: I. Чернь.— II. («Сто лет минуло как Тевтон...»). Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленродт».— III. Утопленник. Простонародная сказка.— IV. Ты и Вы.— V. («Кобылица молодая...»). Подражание Анакреону.— VI. Ответ Катенину.— VII. Наперсник.— VIII. И. В. С***.— IX. Воспоминание.— X. («Ворон к ворону летит...»). Шотландская песня.— XI. Предчувствие.— XII. Цветок.— XIII. («Город пышный, город бедный...»).— XIV. («Не пой, красавица, при мне...»).— XV. Ответ А. Н. Готовцевой.— XVI. («Зачем твой дивный карандаш...»).— 1829: Е. Н. У...вой. В альбом.— РАЗНЫХ ГОДОВ: I. Птичка.— II. Иностранке.— III. К портрету Жуковского.— IV. К. А. Б***.— V. Приятелям.— VI. Роза.— VII. Старик. Из Маро.— VIII. («Охотник до журнальной драки...»).— IX. Приятелю.— X. Лиле.— XI. К***.— XII. («У Кларисы денег мало...»).— XIII. Уединение.— XIV. Добрый человек.— XV. («Недавно я стихами как-то свистнул...»).— XVI. Имянины.— XVII. История стихотворца.— XVIII. К портрету***.— XIX. («Хоть впрочем он поэт изрядный...»).— XX. («Как брань тебе не надоела...»).— XXI. Веселый пир.— XXII. Любопытный.— XXIII. («Нет ни в чем вам благодати...»).— XXIV. К Б***.— XXV. Золото и булат.

22. СЕДЬМАЯ ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1830 г.)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1830.

8°. (18 × 11 см. не обрез.) 57 стр., включая шмуцтитул, заглавный лист и 2 ненум. стр.

О б л о ж к а: на передней странице, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Глава VII. Санктпетербург. 1830»; на последней стр., в такой же наборной рамке,— типографская виньетка (лира) и текст: «Продается в С.-Петербурге во всех книжных лавках, по пяти рублей за экземпляр.

За пересылку в другие города прилагается 80 копеек».

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 103) — 17 марта 1830 года.

Дата выхода в свет — 18-19 марта 1830 года — определяется на основании указанного цензурного разрешения и рецензии в «Северной пчеле», № 35, 22 марта того же года¹.

МЕЖДУ выходом в свет второй части «Стихотворений» 1829 года и седьмой главы «Евгения Онегина» прошло девять месяцев. В отсутствии поэта, уехавшего 1 мая 1829 года на Кавказ, дело издания его книг застопорилось, хотя, уезжая, он и просил Жуковского походатайствовать о разрешении напечатать «Бориса Годунова», запрещенного царем еще в 1826 году.хлопоты Жуковского не увенчались успехом.

С Кавказа Пушкин вернулся в Петербург в начале ноября 1829 года. По дороге в Петербург он заехал в Москву, побывал в доме у своей будущей невесты Н. Н. Гончаровой, но был так холодно встречен ею и, в особенности ее матерью, что почти бежал из Москвы, «со смертью в душе»².

Возвращался поэт в Петербург с явной неохотой, зная, что его ждет тяжелое объяснение с Бенкендорфом по поводу поездки на Кавказ.

Наконец, заехав по дороге в Малинники, Пушкин появился в столице.

Письмо Бенкендорфа от 14 октября 1829 года уже ожидало поэта. Оно было следующего содержания: «Государь император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзрум, высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли Вы сие путешествие»³.

Далее в письме высказываются и личные упреки Бенкендорфа Пушкину в том, что поэт не сдержал данного ему, Бенкендорфу, слова и отправился на Кавказ, не предупредив его о своем намерении.

Пушкин ответил извинительным письмом (10 ноября 1829 года), не приводя, в сущности, никаких уважительных доводов о причине своего отъезда.

Будучи позже вызван к Бенкендорфу, Пушкин делает вид, что «не имел счастья застать его превосходительство», и 7 января 1830 года пишет ему письмо, в котором, между прочим, имеются и такие строки: «...я приемлю смелость изложить вам письменную просьбу, с которой вы разрешили к вам обратиться. Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае, если же оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством»⁴.

Далее Пушкин напоминает Бенкендорфу о том, что ему до сих пор не разрешают напечатать «Бориса Годунова», вследствие чего он «лишается полутора десятков тысяч рублей».

«И было бы прискорбно,— заканчивает свое письмо Пушкин,— отказаться от напечатания сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее удовлетворен». Письмо это характерно тем, что носит не столько оборонительный, сколько наступательный характер со стороны Пушкина.

Поэт как бы спрашивает: выезжать куда бы то ни было ему не разрешают, содержания от государства не дают и печатать книги не позволяют, в чем же тогда состоит то «царское всемилостивейшее благоволение» к нему, о котором неустанно напоминает ему Бенкендорф?

По-видимому, даже в Третьем отделении письмо это вызвало некоторое смущение, поэтому в своем ответе от 18 января 1830 года Бенкендорф, отказывая, как и следовало ожидать, поэту в его просьбе о выезде во Францию, Италию или Китай, дает туманное обещание ускорить прохождение через цензуру «Бориса Годунова».

Почувствовав маленькую «перемену ветра», Пушкин тотчас же представляет в цензуру седьмую главу «Евгения Онегина», законченную им еще в ноябре 1828 года.

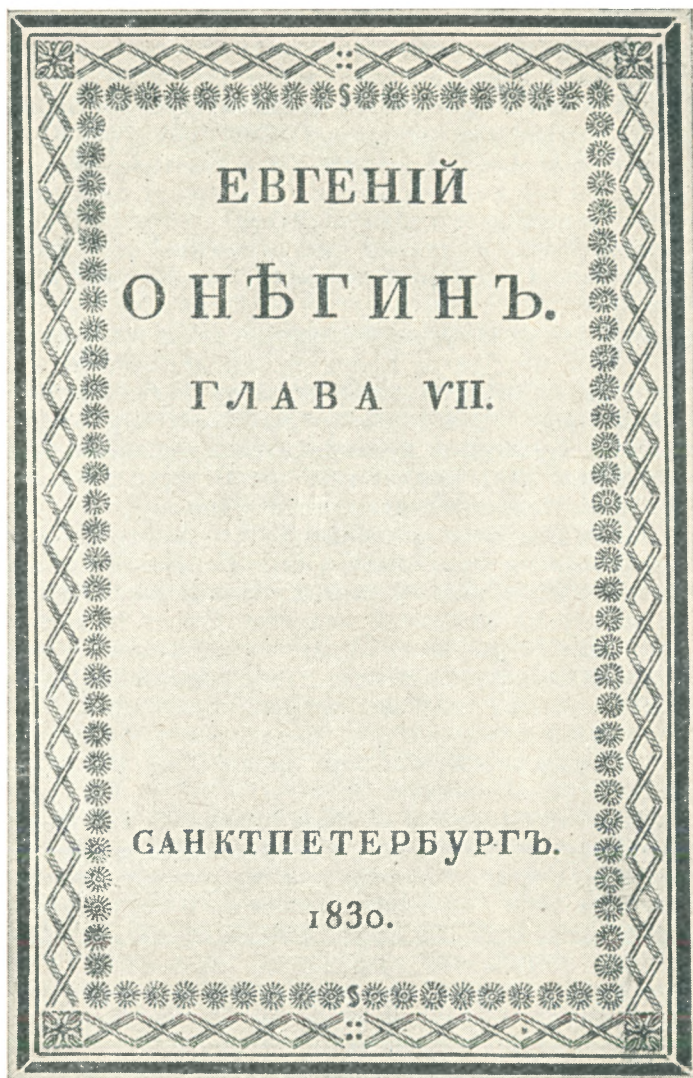
Разрешение было быстро получено, и Плетнев печатает и выдает ее в виде готовой книжки к середине марта 1830 года обычным тиражом 1 200 экземпляров.

Появление седьмой главы «Евгения Онегина» положило начало открытой войне Пушкина с Булгариным, вспыхнувшей на страницах «Литературной газеты», которую с 1 января 1830 года издавал друг Пушкина А. А. Дельвиг с помощью Ореста Сомова. В газете сотрудничали все писатели, группировавшиеся вокруг альманахов «Северные цветы», также издававшихся Дельвигом.

Пушкин, давно мечтавший о собственной газетно-журнальной трибуне, принял самое ближайшее участие в «Литературной газете». Начиная с третьего номера по номер двенадцатый (газета выходила раз в пять дней), Пушкин, ввиду отъезда Дельвига в Москву, даже сам редактировал газету.

По-видимому, быстро устав от этой сложной и тогда еще непривычной для него работы, Пушкин уже в конце января 1830 года писал в Москву Вяземскому: «Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилады на одно лицо»⁵.

Вернувшийся Дельвиг напечатал в № 14 газеты резкий критический отзыв о романе Булгарина «Дмитрий самозванец».

Лицевая сторона обложки.

Булгарин, по некоторым причинам (см. далее описание издания «Бориса Годунова» Пушкина) особенно болезненно относившийся к критике этого своего «детища», решил, что отзыв в «Литературной газете» написан Пушкиным, и ответил злобным пасквилем на поэта в «Северной пчеле».

Не удовольствовавшись этим, он в номерах 35 и 39 той же «Северной пчелы» разразился глумливой рецензией на только что вышедшую седьмую главу «Евгения Онегина».

Рецензия была настолько омерзительна, что возмутила даже Николая I, который написал Бенкендорфу такую записку:

«Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение: поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения и, если возможно, запретите его журнал»⁶.

При всяких других условиях после такого письма наступил бы конец и Булгарину и его «Северной пчеле». Но Бенкендорф и его клика крепко держались за своего агента и горой встали на защиту Булгарина. Ответ Бенкендорфа царю был едва ли не более подл, чем рецензия Булгарина, и фактически заключал в себе лукавое обвинение Пушкина.

Не знавший всех этих закулисных переговоров Пушкин обратился было с жалобой на Булгарина к Бенкендорфу, но не видя ожидаемой помощи, решил сам расправиться с Фаддеем Венедиктовичем.

В № 20 «Литературной газеты» появилась его известная заметка «О записках Видока», в которой совершенно недвусмысленно Булгарин именовался полицейским шпионом и провокатором. Заметка, закрепившая за Булгариным уничтожающее прозвище «Видок», произвела впечатление разорвавшейся бомбы. По выражению Дельвига Булгарин даже «поглупел» от нее⁷.

С этого момента длительная журнальная война Пушкина и его сторонников с Булгариным и его кликой особенно обострилась. На стороне Пушкина было остроумие, яд полемики и убийственная критика, а на стороне Булгарина — доносы, провокация и подлость.

К числу последних надо отнести заметку в «Северной пчеле» такого содержания: «В известии о новой книге: Евгений Онегин, Глава VII, мы, противу обыкновения, не выставили цены сего сочинения. Спешим поправить ошибку. VII Глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку прила-

гается 80 копеек. Все поныне вышедшие *семь* глав, составляющие в малую 12 долю 15 печатных листов, стоят, без пересылки, 35 рублей»⁸.

Цена на «Онегина» была уязвимым местом в издательской деятельности Пушкина, и упреки в якобы непомерно высокой дани, которую он собирает с читателей, всегда волновали поэта.

Клеветнические, попахивающие доносом, выпады Булгарина были тем чувствительнее для Пушкина, что по времени они совпали с начавшимся недоброжелательным отношением к нему некоторой части критики, увидевшей в «Полтаве» и «Борисе Годунове» (появившемся пока в отрывках) «закат гения».

Решительный отход Пушкина от романтического направления, его обращение к реализму не были поняты многими прежними поклонниками его поэзии.

Но Пушкин не складывал полемического оружия. По словам Ю. Г. Оксмана, борьба Пушкина и его друзей против Булгарина в это время «определилась не столько как литературная, сколько как общественно-политическая задача, особенно трудная в условиях цензурно-полицейского террора»⁹.

Разумеется, сама седьмая глава «Евгения Онегина» служила лишь чисто внешним поводом для этой борьбы.

Пушкин понимал, что Булгарин — опасный противник. Его «Северная пчела» оказывала давление на книжный рынок. Примерно 5 мая 1830 года Пушкин запрашивал Плетнева: «Скажи, имел ли влияние на расход Онегина отзыв Сев[ерной] Пчелы? Это для меня любопытно»¹⁰.

Речь в письме шла именно о седьмой главе романа.

Впрочем, как мы знаем, с 1 мая 1830 года Плетнев подпишет условие со Смирдиным на сдачу ему всех напечатанных до этого числа книг Пушкина. Вся нераспроданная часть тиража седьмой главы «Онегина» поступит по этому условию в распоряжение А. Ф. Смирдина.

У читателей Пушкина седьмая глава «Онегина» пользовалась таким же успехом, как и предыдущие. В письме Е. М. Хитрово к Пушкину от 18-21 марта 1830 года говорится: «...Вечером на репетиции карусели много говорили о вашей седьмой песни — она имела всеобщий успех»¹¹.

Позднее в своих «Опровержениях на критики» Пушкин так отозвался о выступлении «Северной пчелы» по поводу седьмой главы «Евгения Онегина»: «Критику 7-й песни в Сев[ерной] Пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хо-

рошо написанные стихи и довольно смешную шутку об жуке. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

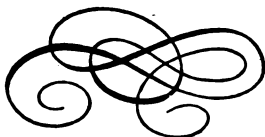
Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется впрочем ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо — право — мне было не до них.

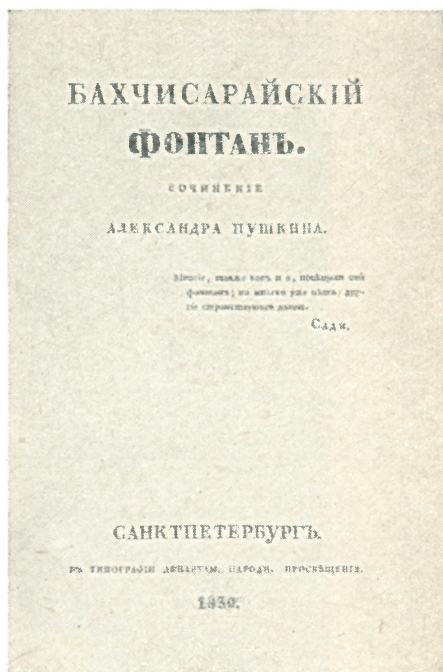
Н. В. Критику Сев[ерной] Пчелы напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из Ивана Выжигина, ибо г. Булгарин не ска- зывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа»¹².

Ирония Пушкина по адресу Булгарина в этой заметке — убийственна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 698.
2. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 345.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 49.
4. Там же, стр. 56 и 397.
5. Там же, стр. 61.
6. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М.-Л., 1928, стр. 399—400.
7. Тот же источник, что и в предыдущем примечании, стр. 400.
8. «Северная пчела», 1830, № 40.
9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Под ред. Д. Бедного и др. Т. 6. М.-Л., ГИЗ, 1931, «Путеводитель по Пушкину», стр. 70.
10. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 89.
11. Там же, стр. 70 и 402. «Карусель» — конное состязание, игра в подражание рыцарским турнирам.
12. Там же, т. 11, стр. 150.

23. ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ «БАХЧИСАРАЙСКОГО ФОНТАНА» (1830 г.)

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН. Сочинение Александра Пушкина.
Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет; другие странствуют далече.

Сади.

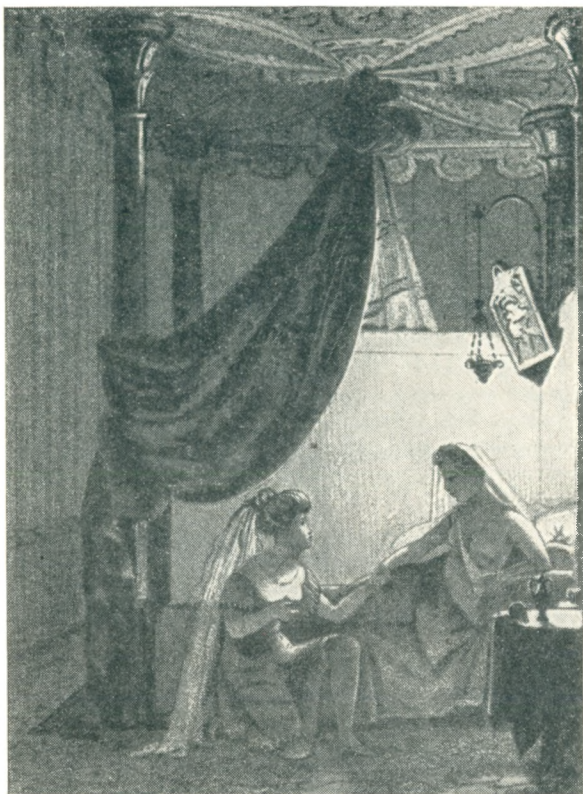
Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1830.

8°. (19 × 12 обрз.). Шмуцтитул + заглавный лист + 46 стр. Текст поэмы кончается на 31 странице. Далее, «От издателей» — выписка из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола и «Отрывок из письма автора к Д...»

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. 1830»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — типографская виньетка (лира).

Цензурное разрешение: «С. дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 106) — 31 марта 1830 года.

Время выхода в свет — 1-2 апреля 1830 года — основывается исключительно на цензурной дате, так как книготорговых объявлений о книге не найдено¹.

Илл. к изд. в Париже в 1826 г. переводу «Бахчисарайского фонтана» на франц. яз. Литография.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ этой поэмы, имевшей после «Евгения Онегина» наибольший успех среди прижизненных книг Пушкина, было осуществлено в 1824 году. В конце декабря 1827 года появилось второе тиснение поэмы, и вот уже через короткий промежуток стало возможным приступить к третьему ее изданию.

Любопытно, что и это третье издание разошлось тоже весьма быстро. В книготорговом реестре Смирдина 1841 года «Бахчисарайского фонтана» уже не значилось.

Печатал третье издание «Бахчисарайского фонтана» Плетнев в обычном, по-видимому, тираже 1 200 экземпляров. Впрочем, распределять тираж этой книги среди книго-

Илл. к изд. в Париже в 1826 г. переводу «Бахчисарайского фонтана» на франц. яз. Литография.

продавцев Плетневу уже не пришлось, так как через месяц после ее выхода в свет, 1 мая 1830 года, вступило в силу условие, заключенное им от имени Пушкина со Смирдиным, по которому, как мы уже знаем, все книги, напечатанные, но еще не распроданные Пушкиным до названного срока, поступали в полное распоряжение Смирдина.

«Бахчисарайский фонтан» в третьем издании — одна из тех книг, которые почти полным тиражом были перевезены на склад Смирдина.

Возможно, что книга эта печаталась в то время, когда Плетнев уже вел предварительные переговоры со Смирдиным, и поэтому ни цены на нее, ни указания места, где она продается, на обложке напечатано не было. По этой же

Илл. к изд. в Париже в 1826 г. переводу «Бахчисарайского фонтана» на франц. яз. Литография.

причине, вероятно, не найдено и книгопродавческих объявлений об издании. Смирдин, если у него не было к этому времени полностью распродано предыдущее издание поэмы, мог и «попридержать» это новое тиснение.

Цена на третье издание «Бахчисарайского фонтана» указана лишь во втором «Прибавлении к Росписи» Смирдина (Санктпетербург, 1832) — пять рублей, без пересылки.

Третье издание поэмы имеет следующие существенные отличия от первых двух: в нем не напечатано предисловие П. А. Вяземского «Разговор между издателем и классиком...», а к помещенным в конце выпискам из «Путешествия по Тавриде» Муравьева-Апостола добавлены «Отрывки из письма самого автора к Д...», то есть к Дельвигу.

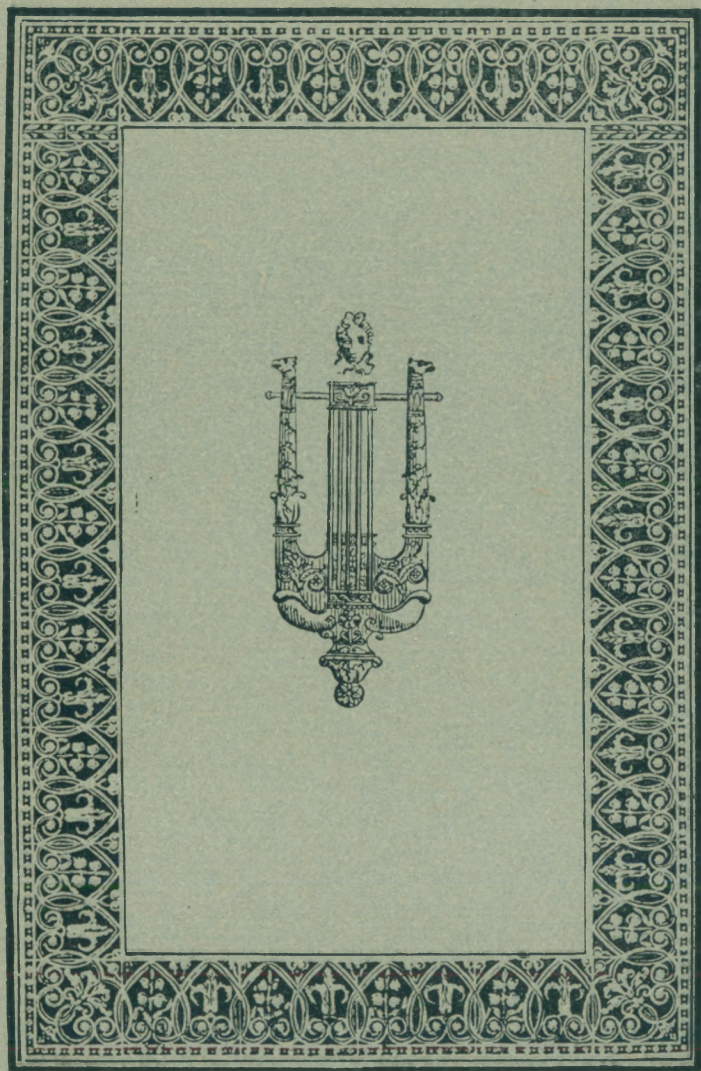
БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1830.

Последняя страница обложки «Бахчисарайского фонтана». (Изд. 1830 г.)

«Отрывки» эти были впервые напечатаны в «Северных цветах» на 1826 год. В них включено уже известное в то время стихотворение, обращенное к Чаадаеву — «К чему холодные сомнения».

Предисловие Вяземского не напечатано в третьем издании, по-видимому, вследствие некоторой его устарелости. Желая, однако, как-то отметить своего друга, Пушкин задумал посвятить третье тиснение поэмы Вяземскому. В черновиках поэта нашлось посвящение следующего содержания:

«Князю П. А. Вяземскому — в знак уважения к его характеру и любви к его таланту.

Посвящаю тебе стихотворение, некогда явившееся под твоим покровительством и которое тебе обязано было большей частью успеха. Да будет оно залогом нашей неизменной дружбы и скромным памятником моего уважения к благородному твоему характеру и любви к твоему прекрасному таланту. А. П.»².

Посвящение это не было напечатано. Пушкин в письме к Вяземскому 2 мая 1830 года спрашивал у него: «Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем изд[ании] Фонтана? Неужто мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и зачем?»³.

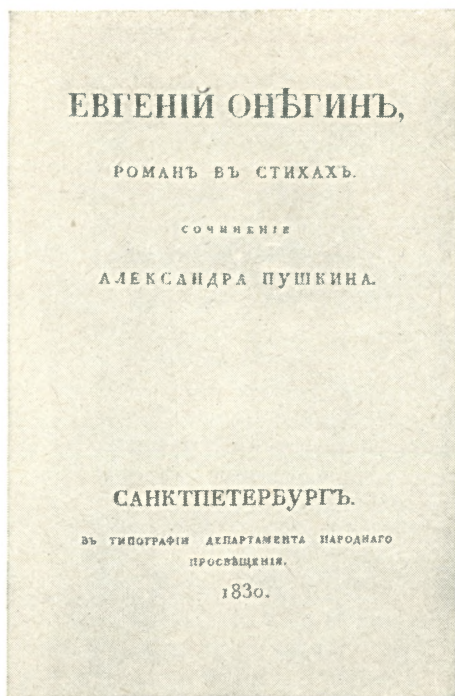
Ни ответа Вяземского, ни каких-либо других сведений об этом «посвящении» не найдено. Не трудно догадаться, однако, что не пропустил «посвящения» Николай I, который терпеть не мог и Пушкина, и Вяземского, а тут еще в «посвящении» говорилось о «покровительстве» последнего поэме. Что это за «покровительство»? В России могло быть только одно «покровительство» — покровительство «его величества»! И «посвящение» не увидело света.

Появление третьего издания «Бахчисарайского фонтана» прошло почти незамеченным в печати, и лишь в дельвиговской «Литературной газете» (№ 22 от 16 апреля 1830 г.) была напечатана небольшая, но очень благожелательная рецензия.

На позднейшем антикварном рынке 3-е издание «Бахчисарайского фонтана» считалось менее ценным, чем второе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 699.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 17 (добавочный). Л., 1959, стр. 39-40.
3. Там же, т. 14, 1941, стр. 87.

24. ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1830 г.)

ЕВГЕНІЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1830.

12°. (18 × 11 см. не обрез.) 42 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Евгений Онегин. Глава II. Санктпетербург. 1830»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — виньетка (лира) и текст: «Продается в С.-Петербурге во всех книжных лавках, по пяти рублей за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 80 копеек».

Цензурное разрешение:

«С дозволения правительства». По книге «Дела III-го отделения» (стр. 116) — 6 мая 1830 года.

Дата выхода — 7-8 мая — определяется исключительно на основании цензурного разрешения, так как никаких книгопродавческих объявлений о книге не найдено¹.

ОТЛИЧАЯСЬ по виду от первого издания этой же главы «Евгения Онегина», напечатанной в Москве в 1826 году, книжка внешне абсолютно одинакова со всеми другими главами романа, изданными в Петербурге. Текст перепечатан с первого издания из строки в строку с внесением некоторых незначительных поправок и изменений².

Выпуск книги из типографии по времени почти совпал с днем подписания Плетневым договора со Смирдиным на продажу ему всех книг Пушкина, изданных до 1 мая 1830 года. Договор этот, как известно, остановил дальнейшее повторное издание «Евгения Онегина» отдельными главами.

Письмо Плетнева Пушкину с изложением всех условий этого договора приведено ранее при описании второго издания первой главы романа (см. № 19), но вот из этого письма строчки, дающие представление о том, какие же именно книги поэта поступали по договору в распоряжение Смирдина. Плетнев писал, что «...сбыт всех уже напечатанных 7 глав Онегина, 2 томов Стихотворений, Полтавы, Цыганов и Фонтана, не мешает тебе ежегодно увеличивать свой доход печатанием или новых глав Онегина, или новых томов Стихотворений, или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением Руслана и Пленника о коих сам ты сделал условия)»³.

Напомню, что, оценивая эту сделку со Смирдиным, Плетнев писал Пушкину в этом же письме: «Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих».

Крайне интересно установить более точно, что же это за «товар» передавался Смирдину по договору с 1 мая и почему сумма «пенсии», уплачиваемого Пушкину в течение четырех лет, была определена именно в 600 рублей — не больше не меньше? Какие-то основания для этого без сомнения были.

Шестьсот рублей в месяц — это в год 7 200 рублей, а за четыре года действия договора — 28 800 рублей, хотя и ассигнациями. Деньги по тому времени немалые.

Документов, уточняющих условия этого соглашения, нет, и можно попытаться лишь приблизительно составить список того «товара», который являлся объектом договора.

Вот какие книги Пушкина вышли до 1 мая 1830 года и в каком, примерно, остатке они могли поступить к Смирдину:

1. Руслан и Людмила 1-го изд. 1820 г.— было распродано.
2. Кавказский пленник 1-го изд. 1822 г.— было распродано.
3. Бахчисарайский фонтан 1-го изд. 1824 г.— было распродано.
4. Кавказский пленник 1824 г. на двух языках — издание не принадлежало Пушкину.
5. Евгений Онегин в главах 1825—1828 гг., шесть первых глав, напечатанных общим тиражом (2 400 первая и по 1 200 экз. остальные) — всего 8 400 по 5 рублей — 42 000 р. Не распродано (предположительно) 25%, следовательно, сдано Смирдину на Р. 10 500.
6. Седьмая глава «Онегина» 1830 г., вышедшая до условия, — 1 200 экз. по 5 рублей — 6 000 р. Поступила к Смирдину в количестве 75% тиража на Р. 4 500.
7. Вторые издания первых двух глав «Онегина» 1829—1830 гг. — из того же расчета, на Р. 9 000.
8. Стихотворения 1826 г. — было распродано.
9. Цыганы 1827 г. (издание шло плохо), осталось не менее половины — 600 экз. по 5 рублей — поступило к Смирдину на Р. 3 000.
10. Братья-разбойники 1827 г. по 105 копеек были куплены А. Ширяевым.
11. Братья разбойники, 2-е изд. в продажу не поступало.
12. Бахчисарайский фонтан, 2-е изд. 1827 г. было ранее куплено Смирдиным.
13. Руслан и Людмила, 2-е изд. 1828 г. — тоже
14. Кавказский пленник, 2-е изд. 1828 г. — тоже.
15. Две повести в стихах 1828 г. — не было остатка.
16. Граф Нулин 1828 г., отдельно — тираж 600 экз. по 2 р. 50 к. — весь поступил к Смирдину на Р. 1 500.
17. Полтава 1829 г. — тираж 1 200 экз. по 10 р. — не менее 50% поступил к Смирдину на Р. 6 000.

18. Стихотворения 1829 г. — 2 тома. Общий тираж 1 200 экз. по 20 рублей — 24 000 — Поступило к Смирдину не менее 75 % на	P. 18 000.
19. Бахчисарайский фонтан, 3 изд. 1830 г., 1 200 экз. по 5 рублей — поступило к Смирдину полностью на	P. 6 000.

Итого P. 58 500.

При всей неточности этих цифр они дают возможность предполагать, что те 28 800 рублей, которые обязался выплатить Пушкину Смирдин за четыре года, составляют примерно половину стоимости всех книг.

Мы уже знаем непоколебимое убеждение Плетнева, внушенное им и Пушкину, что, упуская из собственных рук издание своих сочинений, поэт должен согласиться «делить «пополам» стал и для Плетнева и для Пушкина той принципиальной основой, на которой устанавливались суммы гонораров поэта при заключении договоров с издателями и книгопродавцами.

Вне всякого сомнения, что и в данном случае сумма ежемесячного «пенсiona» Пушкина в 600 рублей определена, исходя из того же принципа: 28 800 рублей — это половина валовой стоимости всего «товара», полученного Смирдиным. Очевидно, что при заключении договора Плетнев и Смирдин сделали такую же предварительную «прикидку», которую здесь сделал и я. Разумеется, цифры у них были более точными.

Смирдин не потерпел убытка от этой операции, хотя деньги, уплаченные им за повторное издание двух первых глав «Онегина», может быть, и не были выручены. Прибыль не всегда считалась главным стимулом в книготорговых операциях Смирдина. По словам Белинского, Смирдину «не столько было важно нажиться через книги, сколько слить свое имя с русскою литературою, внести его в ее летописи»⁴.

Кто же, как не Пушкин мог помочь ему в этом?

Преклонение Смирдина перед гением Пушкина было не только искренним, но и, отнюдь, не убыточным.

Поэтому особенно отвратительной кажется книжонка «Петербургские очерки» (1842 г.) некоего Пельца, книготорговца-немца, приехавшего в Россию в начале сороковых годов с целью «преобразовать русскую книготорговлю». Никаких «преобразований» сделать ему, конечно, не уда-

лось, но пасквильную книжонку свою он успел выпустить. В ней содержатся необоснованные нападки на Смирдина и клеветнические уверения, что «Пушкин, беспощадно забирая огромные суммы денег у Смирдина, наиболее содействовал его разорению»⁵.

Клевета эта явно инспирирована врагами Пушкина — Булгариным, Гречем и Сенковским, подлинными разорителями Смирдина. Любопытно, что все эти лживые сведения, почерпнутые из книжонки Пельца, подхватил Модест Корф, автор таких же клеветнических «Записок» о Пушкине. «Материалы», доставленные Пельцем, он цитирует как нечто документальное.

Достойную отповедь М. А. Корфу дал Л. Н. Майков в «Русской старине». Он писал: «В сущности, Смирдин был издателем лишь очень немногих новых произведений Пушкина, преимущественно помещенных последним в его журнале *Библиотека для чтения*; кроме того, весной 1830 года П. А. Плетнев, заведывавший печатанием сочинений поэта, устроил продажу Смирдину имевшихся в складе экземпляров «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов», «Полтавы», семи глав «Онегина» и двух томов мелких «Стихотворений», причем Смирдин обязался выплачивать автору по 600 руб. в месяц в течение четырех лет. Таким образом Пушкин должен был получить 28 800 руб. ассигн., сумму, конечно, значительную, но нет сомнения, что книгопродавец, при всем том, успел вернуть свои затраты, и с большою выгодой. ...Очевидно, разорение Смирдина пошло не от неудачных будто бы сделок его с автором «Онегина»⁶.

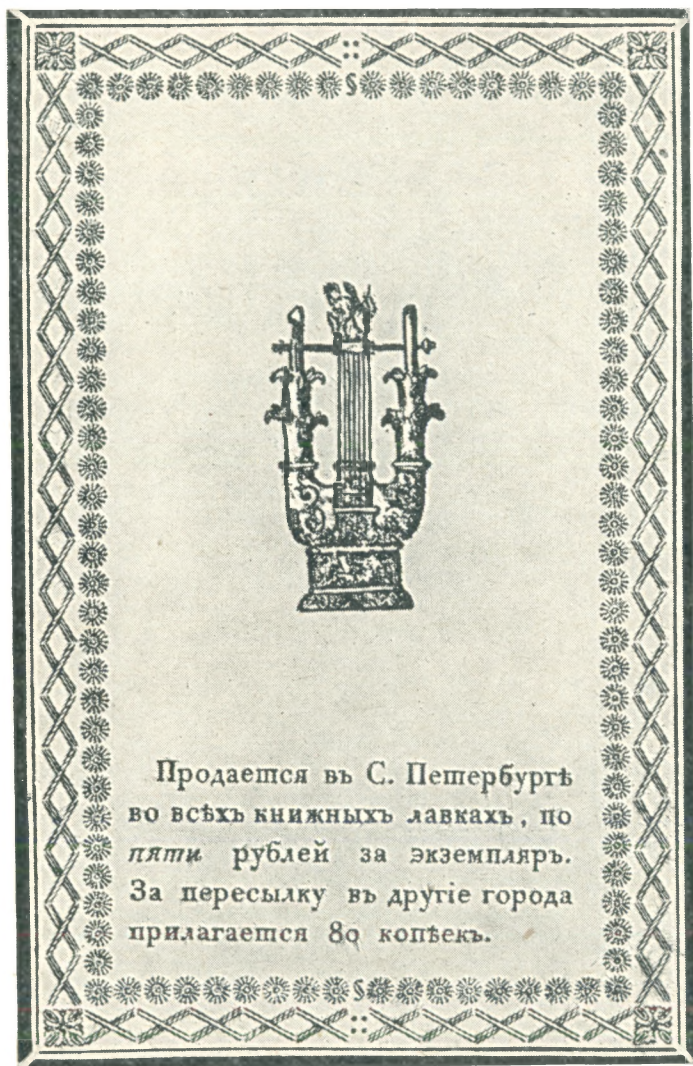
Л. Н. Майков не перечислил и половины книг Пушкина, в издании которых Смирдин принимал самое ближайшее участие. Поэтому доказательства его, что Смирдин не мог потерпеть убытка от Пушкина только по той причине, что «был издателем лишь очень немногих его произведений», в корне неверны. Смирдин был издателем (или покупателем) многих произведений поэта и все-таки не потерпел на них никакого убытка. Некоторое, весьма незначительное количество книг Пушкина, продававшихся плохо и действительно изданных в убыток, было напечатано самим Пушкиным. Книгопродавцы никогда не теряли на издании его сочинений ни одной копейки.

* * *

У вторых изданий как первой, так и второй глав «Онегина» судьба распространения совершенно тождественна, и на антикварном рынке они равно ненаходимы.

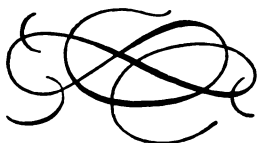
Лицевая сторона обложки.

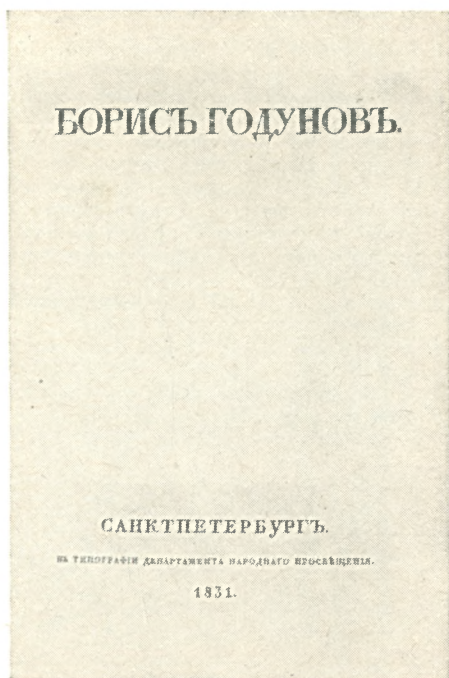

Последняя страница обложки «Евгения Онегина». (Глава II, изд. 1830 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 106.
2. Вот наиболее существенные изменения во втором издании: А) Отброшено указание «Писано в 1823 году», напечатанное в первом издании. Б) К латинскому эпиграфу «O rus! Hor.» (т. е. «О деревня! Гораций») добавлено на русском языке «О Русь!». В) На странице 13 вместо «И чудеса воображал» напечатано «И чудеса подозревал». Г) На странице 17, вторая строка сверху, вместо «Еще был менее умен» напечатано «Гораздо меньше был умен». Д) На странице 35 вместо «Как Простакова управлять» напечатано «Единовластно управлять».
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 861.
4. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 9. М., 1955, стр. 241.
5. «Русская старина», 1899, кн. IX, стр. 524.
6. Там же, стр. 524.

25. ТРАГЕДИЯ ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» (1831 г.)

БОРИС ГОДУНОВ. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1831.

8°. (19 × 13 см. Экземпляр в печатном издательском картонном из обложке). Шмуцтитул + заглавный лист + лист посвящения + 142 стр.

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. 1831»; посредине виньетка — шлем, меч, бубен; на последней стр., в такой же наборной рамке, — с несколько иной виньеткой напечатано: «Продается: В С.-Петербурге. В книжном магазине Александра Смирдина у Синего моста в доме г-жи Гавриловой под № 164. — В Москве. В Университетской книжной лавке у Александра Ширяева. — В Одессе. В книжной лавке Н. А. Клочкова. — В Туле. В книжной лавке С. А. Титова. — Цена 10 руб., с пересылкою 11 руб.»

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». В книге «Дела III-го отделения» (стр. 117), в специальном письме министра народного просвещения князя Ливена к Бенкендорфу, указывается, что по «высочайшей воле» сочинение Пушкина напечатано и выпущено из типографии 24 декабря 1830 года.

Дата выхода в свет — 22-23 декабря — определяется на основании объявления в «Северной пчеле» 23 декабря 1830 года, в № 153, в котором говорится: «Поступила в продажу в книжном магазине А. Ф. Смирдина трагедия Борис Годунов...». Вероятно, упоминаемое выше уведомление кн. Ливена Бенкендорфу было послано днем-двумя позднее выпуска книги из типографии¹.

ОРИС ГОДУНОВ» написан Пушкиным в селе Михайловском и окончен 7 ноября 1825 года. Первоначальное заглавие было: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве — летопись о многих мятежах и пр.— Писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 в городе Вороничи».

В день окончания трагедии Пушкин написал Вяземскому письмо с таким извещением об этом событии: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона — Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!»².

Богатый фактический материал для своей трагедии Пушкин почерпнул в «Истории государства Российского» Карамзина. Ознакомление с использованными Карамзиным первоисточниками — русскими летописями — дало Пушкину возможность, как писал он в набросках предисловия к трагедии, угадать «образ мыслей и язык тогдашнего времени». Опираясь на драматургический опыт Шекспира, Пушкин создал глубоко самостоятельное произведение — первую подлинно национальную русскую трагедию. Отбросив монархическое освещение событий «смутного времени», присущее Карамзину, Пушкин дал им свое социально-историческое толкование. Главный двигатель исторических событий в его трагедии — народ. В этом ее коренное отличие от исторических хроник Шекспира.

Неприятие самовласти, глубокое сочувствие угнетенному народу пронизывают трагедию Пушкина. В картинах мятежной Руси, развернутых в «Борисе Годунове», Пушкиным отражены политические настроения кануна восстания декабристов. В трагедии можно обнаружить ряд прямых аналогий с современностью. Годунов, пришедший к власти через убийство царевича Дмитрия, напоминал о ненавистном Пушкину Александре I, участвовавшем в заговоре против своего отца Павла I, убийство которого и стало для него ступенью к престолу. Призыв «Народ! Народ! В Кремль, в царские палаты!..» в канун декабрьского восстания звучал необычайно остро. Слова Бориса Годунова «Противен мне

род Пушкиных мятежный», несомненно, имели и другой, важный для самого поэта смысл.

Пушкин понимал, что его аналогия старины с сегодняшним днем легко могла быть раскрыта, и из осторожности, несмотря на просьбы друзей, долгое время не посылал им текста трагедии. В письме Вяземскому, в котором он уведомлял его об окончании работы, он писал: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не могу упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»³.

Незнакомый с трагедией, Жуковский искренне был убежден, что Пушкин написал нечто «верноподданническое», что в положении высланного Пушкина казалось старому царедворцу-поэту вполне естественным. Жуковский даже запросил у Пушкина через Плетнева текст трагедии в качестве материала для лекций, которые он читал тогда великой княгине Елене Павловне.

Пушкин отвечал на это Плетневу около 7 марта 1826 года: «Какого вам Бориса, и на какие лекции? В моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу»⁴.

Лишь после известного «прощения» его Николаем I Пушкин, пребывая в Москве, послал Бенкендорфу рукопись трагедии и одновременно дал напечатать отрывок из нее в журнале «Московский вестник».

Отрывок цензуру прошел, но сама трагедия была возвращена Пушкину 14 декабря 1826 года со следующей резолюцией царя: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с *нужным очищением* переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие *Вальтер Скота*»⁵.

На эту издевательскую резолюцию Пушкин ответил 3 января 1827 года почтительно, но с полным достоинством: «Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное»⁶.

Таким образом, трагедия была запрещена. Пушкину осталось неизвестным, что произведение его Николай I сам не читал, а поручил Бенкендорфу найти «какого-нибудь верного человека», который бы изучил трагедию, сделал соответствующие замечания и выводы и представил бы их на просмотр «его величеству».

Как вполне убедительно установлено Г. О. Винокуром, таким «верным человеком» оказался Фаддей Булгарин, ко-

торый, дав царю неблагоприятный отзыв о трагедии, однако, сам соблазнился темой, использованной Пушкиным, и, ничуть не стесняясь, сфабриковал роман под названием «Дмитрий Самозванец»⁷.

Ничего этого не подозревавший Пушкин, уезжая на Кавказ, решил еще раз попытать счастья и отдал рукопись своей трагедии Жуковскому с тем, чтобы тот, руководствуясь замечаниями якобы самого царя, исправил «Бориса» и опять представил его на рассмотрение Бенкендорфу.

Жуковский вместе с Плетневым выполнили просьбу поэта, и в июле 1829 года исправленная трагедия вновь лежала на столе Бенкендорфа.

Никаких мотивов для ее запрещения в это время у Бенкендорфа уже не было, но он и, в особенности его фактум и правая рука Фон-Фок, оба ненавидевшие Пушкина, решили «попридержать» «Бориса Годунова» с тем, чтобы дать дорогу рукоделию своего агента Булгарина⁸.

Булгарин надеялся, что если его «Дмитрий самозванец» появится в печати ранее «Бориса Годунова», то он будет иметь основания обвинить Пушкина в заимствовании.

Однако оправдываться в плагиате пришлось самому Булгарину. Еще до выхода в свет «Бориса Годунова» распространились слухи, что Булгарин обокрал Пушкина. В середине февраля 1830 года автор «Дмитрия Самозванца» написал поэту такое письмо: «С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я *ограбил* вашу трагедию *Борис Годунов*, переложил *ваши стихи* в прозу и взял из *вашей трагедии* сцены для моего *романа*! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! Можно ли вводить на меня такие небылицы? Я не читал вашей трагедии...»⁹.

Цитировать письмо дальше не имеет смысла, поскольку последнее заявление его автора было ложью: Булгарин не только читал трагедию, но, как мы уже знаем, написал секретный разбор ее для Николая I.

Началась известная нам журнально-газетная война между Пушкиным, его друзьями и Булгариным.

Рассвирепевший «Видок» — Булгарин — пробовал все дозволенные и недозволенные способы нападения. В частности, он придумал форму неких якобы «китайских анекдотов», в которых иносказательно, но весьма прозрачно для читателей, обливал грязью поэта и его друзей.

Пушкин не оставался в долгу. В своем, ненапечатанном при его жизни «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений», поэт написал пародию на один такой бул-

гаринский «китайский анекдот». В этом анекдоте-пародии он очень прозрачно рассказал всю историю кражи Булгариным темы его трагедии. Анекдот этот таков:

«Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что гов[орят] за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось), [и] склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман»¹⁰.

Из этого «китайского анекдота» видно, что для Пушкина не было секретом отношение «мандаринов» к доверенным им рукописям: они не старались скрыть их от глаз плагиаторов.

Зато с разрешением трагедии к печати «мандарины» никак не торопились. Рукопись «Бориса Годунова» продолжала лежать в Третьем отделении, и Пушкин по-прежнему получал оттуда либо туманные обещания, либо такие уведомления Бенкендорфа: «Возвращая при сем два рукописных экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, м[илостивый] г[осударь], переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение государю императору»¹¹.

Наконец, незадолго до свадьбы Пушкина П. А. Вяземский написал поэту: «Мне кажется, что тебе в твоём положении и в твоих отношениях с царем необходимо просить у него позволения жениться. Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твоё благосостояние. Может быть, царь и вздумает дать приданое невесте твоей»¹².

Дельный этот совет либо несколько опоздал (он был написан 26 апреля 1830 года), либо Пушкин ранее уже слышал его от самого Жуковского, только еще 16 апреля поэт обратился к Бенкендорфу с подробным письмом, в котором, уведомляя его о своей предстоящей женитьбе, говорит о «ложном и сомнительном» своём положении в обществе, а, главное, просит разрешить напечатать «Бориса Годунова».

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

ПРОДАЕТСЯ:

Въ С. Петербургъ. Въ книжномъ магазинѣ Александра Смирдина у Синяго моста въ домѣ Г-жи Гавриловой подъ № 164.

Въ Москвѣ. Въ Университетской книжной лавкѣ у Александра Ширяева.

Въ Одессѣ. Въ книжной лавкѣ Н. А. Ключкова.

Въ Тулѣ. Въ книжной лавкѣ С. А. Типова.

Цена 10 руб. съ пересылкою 11 руб.

Напомнив, что еще в 1826 году трагедия его была представлена на рассмотрение государю и что в то время государю «внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние,— писал Пушкин,— перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на *дух*, в каком задумано все сочинение, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным»¹³.

Это смелое письмо поэта, своего рода «урок царям», посланное через Бенкендорфа Николаю I, возымело успех, и глава Третьего отделения вынужден был сообщить в своем ответе, между прочим, и следующее: «Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью»¹⁴.

Так кончилась пятилетняя борьба Пушкина за «Бориса Годунова».

В первых числах мая 1830 года Пушкин из Москвы пишет Плетневу: «Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте»¹⁵.

В письме Н. М. Языкова А. М. Языкову имеется любопытное сообщение: «Пушкин ускакал в Питер печатать «Годунова»¹⁶.

Печатал трагедию, конечно, Плетнев. Этому имеется доказательство в письме министра народного просвещения князя Ливена Бенкендорфу от 24 декабря 1830 года, в котором говорится, что «...типография департамента народного просвещения, отпечатав драму г. Пушкина, выпустила экземпляры по его поручению г. Плетневу»¹⁷.

Однако иметь дело с книгопродавцами, давать им экземпляры на комиссию и ждать денег у Пушкина, действительно, не было возможности: предстоящая женитьба требовала средств.

И вот, несмотря на то, что «Борис Годунов» был первой книгой, которая уже не подлежала действию известного нам условия, заключенного со Смирдиным, Пушкин предпочитает продать ему тираж и этого издания.

В том же письме, где поэт сообщает Плетневу о полученном разрешении царя печатать «Бориса Годунова», он спрашивает его: «Не продать ли Смирдину и трагедию?»

Смирдин оплатил все расходы по напечатанию книги и принял готовый тираж за десять тысяч рублей гонорара автору.

Имеется документальное подтверждение этой суммы в письме Плетнева от 25 июля 1831 года, где он, отчитываясь перед Пушкиным, сообщает ему:

«Деньги за Бориса (всего 10 000) употреблены следующим образом: 5 000 отдано долгу Дельвигу, 4 000 переслано тебе в Москву (в два срока по 2 000) и 1 000 отдано баронессе за твой портрет»¹⁸.

Баронесса — это жена Дельвига, а портрет, о котором идет речь, — известный портрет работы Ореста Кипренского 1827 года, сделанный по заказу Дельвига.

В процессе печатания «Бориса Годунова» возник вопрос о предисловии и посвящении трагедии. По первому вопросу Пушкин спрашивал у Плетнева:

«Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал[ександру] Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши»¹⁹.

Плетнев отвечал категорически, что «не стоит тебе являться с ним в этом месте», и Пушкин послушался: предисловие к трагедии напечатано не было, хотя в черновиках поэта найдены наброски разных его вариантов.

Что касается посвящения трагедии, то Пушкин, находясь во время ее печатания в Болдине, писал оттуда Плетневу:

«Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе:

Драгоценной для Россиян
памяти

Николая Михайловича
Карамзина

Сей труд, Гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностью посвящает
А. Пушкин»²⁰.

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІЯНЪ
ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА
КАРАМЗИНА
СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНИЕМЪ ЕГО ВОДХНОВЕННЫЙ,
СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ ПОСВЯЩАЕТЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

Лист с посвящением «Бориса Годунова» памяти Н. М. Карамзина.

Письмо это написано было всего за два месяца до выхода трагедии из типографии, но Плетнев успел напечатать указанное посвящение на отдельном, следующем за заглавным, листе книги.

Имя Пушкина в книге напечатано только под этим посвящением и на обложке, на заглавном листе его нет.

Издатель Смирдин, несмотря на то, что оплачивал все расходы по печатанию и платил вперед гонорар автору, своей издательской марки на книге не поставил. Выше я уже говорил, что он всегда поступал так, когда являлся только покупателем тиража книги, а не ее непосредственным издателем.

На обложке «Бориса Годунова» напечатано только объявление, что книга продается в магазинах Смирдина и его

московских и иногородних контрагентов. В эти годы Смирдин расширял свою торговлю путем отправки книжного товара в провинцию.

Пушкин очень интересовался всеми мелочами, касающимися издания «Бориса Годунова».

В начале сентября он писал Плетневу: «Что моя трагедия? Я написал эллигическое маленькое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни, однако ж, что ты обещал мне свое: дельное, длинное. А цена трагедии? 10 или 12?»²¹.

Предисловия, как уже говорилось, не было напечатано ни пушкинского, ни плетневского, а цена установлена не 12, а 10 рублей за экземпляр.

По цене не трудно догадаться о тираже «Бориса Годунова». Обычный тираж в 1 200 экземпляров по десять рублей при валовой стоимости в 12 000 рублей не дал бы Смирдину возможности уплатить Пушкину гонорар в десять тысяч. Ясно, что тираж был минимум 2 000 экземпляров. Вот из двадцати тысяч рублей всей стоимости издания, как это уже несколько раз отмечалось, Пушкин и на этот раз потребовал себе половину. Остальная половина должна была покрыть расходы и дать законную книгопродавческую прибыль Смирдину.

Надо думать, что сверх обусловленного и сдаваемого Смирдину тиража, Плетнев напечатал сотню-другую экземпляров для Пушкина и его друзей. Уже в январе 1831 года Пушкин писал из Москвы Плетневу: «Пришли мне, мой милый, эк[земпляров] 20 Бориса для московских прощальг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева»²².

Сам Смирдин на этот раз не остался в накладе: торговый успех «Бориса Годунова» оказался необычайным. В первое же утро по выходе книги было распродано более 400 экземпляров.

Об этом весьма ярко рассказал Гоголь в ненапечатанной при его жизни статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина»:

«Книжный магазин блестел в бельэтаже *** ой улицы; лампы отбивали теплый свет на высоко взгроможденные стены из книг, живо и резко озаряя заглавия голубых, красных, в золотом обресе, и запыленных, и погребенных, означенных силою и бессилием человеческих творений. Толпа густилась и росла. Гром мостовой и экипажей с улицы отзывался дребезжанием в цельных окнах, и, казалось, лампы, книги, люди — все окидывалось легким трепетом, удваившим пестроту картины. Сидельцы суетились. «Славная вещь! Отличная вещь!» — отдавалось со всех сторон.

«Что, батюшка, читали Бориса Годунова, нет? Ну ничего же вы не читали хорошего», — бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигуре.

«Каков Пушкин?» — сказал, быстро поворотившись, но-воиспеченный гусарский корнет своему соседу, нетерпеливо разрезывавшему последние листы. — «Да, есть места удивительные!» — «Ну вот, наконец дождались и Годунова!» — «Как, Борис Годунов вышел?» — «Скажите, что это такое Борис Годунов? Как вам кажется новое сочинение?» — «Единственно! Единственно! Еще бы некоторой картины... О, Пушкин далеко шагнул!» — «Мастерство-то, главное — мастерство; посмотрите, посмотрите, как он искусно того...» — трещал толстенький кубик с веселыми глазками, поворачивая перед глазами своими руку с пригнутыми немного пальцами, как будто бы в ней лежало спелое прозрачное яблоко.

«Да, с большим, с большим достоинством! — твердил сухощавый знаток, отправляя разом пол-унции табаку в свое римское табакохранилище. — Конечно, есть места, которых строгая критика... Ну, знаете... еще молодость... Впрочем, произведение едва ли не первоклассное!»

«Насчет этого позвольте-с доложить, что за прочность, — присовокупил с довольным видом книгопродавец, — ручается успешная-с выручка денег...»

«А самое то сочинение действительно ли чувствительно написано?» — с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик.

«И, конечно, чувствительно!» — подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель, — «если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!»

Между тем лица беспрестанно менялись, выходя с довольною миною и книжкою в руках»²³.

Статья была посвящена П. А. Плетневу, и далее в ней следовали философские рассуждения Гоголя о величии пушкинского творения. Приведенный отрывок особенно любопытен тем, что дает нам живую картину знаменитой книжной лавки Смирдина в день выхода в свет «Бориса Годунова».

Крайне разноречивые отзывы о трагедии не помешали ее успеху, который явился несколько неожиданным для Пушкина.

В начале января 1831 года он писал Плетневу:

«Пишут мне, что Борис мой имеет большой успех. Странная, непонятная вещь! по крайней мере я того никак

не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальт[ер] Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было — я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? Здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание Кромвелю Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и не благоразумно — и тому подобные критич[еские] замечания»²⁴.

В письме этом чувствуется глубокая горечь. Поэт видел, что политический смысл его трагедии, где главным героем показан русский народ, не был понят ни критиками, бранившими ее, ни теми, кто расточал ей похвалы.

Молодой В. Г. Белинский, рецензируя некую пасквильную брошюрку о «Борисе Годунове», выпущенную в 1831 году, дал точную картину того, что произошло с трагедией Пушкина после ее запоздалого выхода в свет. Он писал:

«Странная участь Бориса Годунова! Еще в то время, когда он неизвестен был публике вполне, когда из этого сочинения был напечатан один только отрывок, он произвел величайшее волнение в нашем литературном мире. Люди, выдающие себя за романтиков, кричали, что эта трагедия затмит славу Шекспира и Шиллера; так называемые классики, в грозном таинственном молчании двусмысленно улыбались и пожимали плечами; люди умеренные, не принадлежащие ни к которой из вышеупомянутых партий, надеялись от этого сочинения многого от нашей литературы. Наконец «Годунов» вышел, все ожидали шума, толков, споров — и что же?»²⁵.

Далее Белинский отмечает появление всего лишь нескольких путаных и маловразумительных отзывов, в частности, Н. Полевого, Н. Надеждина, кое-кого еще и, наконец, рецензируемую пасквильную брошюрку злопыхательского характера²⁶.

Опоздав на пять лет, «Борис Годунов» потерял для современников свою остроту, и гениальное творение Пушкина не очень хорошо поняли даже такие близкие друзья поэта, как В. К. Кюхельбекер или П. А. Катенин.

Пушкина это очень раздражало, и в черновиках его сохранилось несколько попыток написать объяснение своего замысла и своего взгляда на русскую трагедию вообще.

Подлинное понимание и верная оценка «Бориса Годунова» пришли значительно позже.

Успех первого издания трагедии Пушкина, столь ярко выраженный в дни появления книги, стал постепенно падать, и в сороковых годах она замелькала в книготорговых реестрах Смирдина даже со скидкой против номинала.

Позже, в семидесятые годы, в связи с появлением оперы Мусоргского «Борис Годунов» первые прижизненные издания трагедии Пушкина подобрались любителями, и на антикварном рынке книга эта стала одной из редчайших среди книг, напечатанных при жизни поэта.

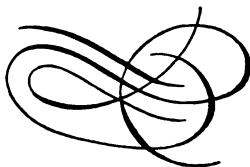
«Борис Годунов» встречался в годы моего собирательства либо в обыкновенных переплетах без сохранения печатных обложек, либо (гораздо реже) в издательском картоне, с обложками, наклеенными на крышке книги. Экземпляры просто в печатных обложках я видел всего дважды, и оба с автографом Пушкина. Очевидно, они из той сотни экземпляров, которые Плетнев напечатал специально для Пушкина, дарившего их своим друзьям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цвяловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 731.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 239.
3. Там же. То же письмо.
4. Там же, стр. 266.
5. Там же, стр. 313.
6. Там же, стр. 317.
7. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Т. 1. М.-Л., 1936, стр. 203, статья Г. О. Винокура «Кто был цензором «Бориса Годунова?»»
8. Смирнов-Сокольский, Н. Рассказы о книгах.— Рассказ «Истинный друг человечества».
9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 67.
10. Там же, т. 11, 1949, стр. 169.
11. Там же, т. 14, 1941, стр. 59.
12. Там же, стр. 80.
13. Там же, стр. 78 и 406.
14. Там же, стр. 82 и 409.
15. Там же, стр. 89.
16. Вересаев, В. Пушкин в жизни. Т. 3, стр. 22.
17. Дела III-го отделения о А. С. Пушкине. Спб., Изд. Балашова, 1906, стр. 117.
18. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 199.
19. Там же, стр. 89.
20. Там же, стр. 118.
21. Там же, стр. 113.
22. Там же, стр. 143.
23. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 8. М., 1952, стр. 148. Статья — один из первых критических опытов Гоголя.

Впервые была опубликована И. С. Аксаковым в газете «Русь» (1881, № 12). По-видимому, Гоголь по художественным соображениям не указывает точно лавку Смирдина и дает только условное ее описание. В то время лавка Смирдина (бывш. Плавильщикова) помещалась у Синего моста в более скромном помещении. Переезд лавки в роскошное помещение на Невском проспекте состоялся позднее.

24. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 142.
25. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. I. М., 1953, стр. 18.
26. Речь идет о весьма редкой ныне брошюре «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина, разговор». (Москва, 1831). По определению П. А. Вяземского, автор ее — поэт В. Филимонов. Проф. Ю. Г. Оксман категорически отрицает это.

26. «НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ» В. ЖУКОВСКОГО и А. ПУШКИНА (1831 г.)

НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. Санктпетербург. Печатано в военной типографии. 1831.

8'. (25,5 × 16 см. не обрез.) 16 нenum. стр. Первая страница служит заглавным листом, последняя — пустая. На стр. 3-6 — стихотворение В. А. Жуковского «Старая песня на новый лад». На стр. 7-9 — стихи А. Пушкина «Клеветникам России». На стр. 11-15 — его же, «Бородинская годовщина».

Обложки не было — брошюра продавалась в т. н. «немой», цветной бумажной обертке.

Цензурное разрешение: 7 сентября 1831 года; цензор А. Гаевский.

Дата выхода в свет — 11-13 сентября 1831 года — определяется на основании заметки в «Северной пчеле» от 14 сентября того же года, в № 206: «В книжном магазине А. Ф. Смирдина поступила в продажу книжка: На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. Цена 2 руб.».

В библиотеке Ленинградского университета имеется экземпляр брошюры «На взятие Варшавы» с цензурным билетом на выпуск из типографии от 10 сентября¹.

МЗВЕШНО, что дело с женитьбой Пушкина на Н. Н. Гончаровой долго не ладилось. Лишь 6 мая 1830 года состоялась официальная помолвка, и Пушкин стал готовиться к свадьбе. В первых числах сентября поэт уехал в Болдино, Нижегородской губернии, с целью вступить во владение маленькой деревенькой Кистеневка, отданной ему С. А. Пушкиным по случаю женитьбы поэта.

В Болдине Пушкин оказался отрезанным от Москвы и Петербурга холерными карантинами и вынужден был прожить там без малого три осенних месяца.

Эта легендарная «болдинская осень» стала для Пушкина порой вдохновения и на редкость плодотворного творческого труда. О том, что было создано им в эту «болдинскую осень», рассказывается далее.

Наконец, 18 февраля 1831 года в Москве, в церкви «Большое вознесение», состоялось венчание Пушкина и Н. Н. Гончаровой.

Первый год супружеской жизни поэта — едва ли не единственный счастливый год его жизни. В середине мая Пушкин с женой уехал из Москвы в Петербург, а на лето поселился в Царском селе, в скромном домике вдовы придворного камердинера Анны Китаевой.

В июле в Царское село, убоявшись холеры в Петербурге, переезжает царский двор, а с ним и друг Пушкина — В. А. Жуковский. Встреча обрадовала обоих поэтов. Они не расстаются друг с другом и устраивают своеобразное состязание в написании русских народных сказок. Так зарождается пушкинская «Сказка о царе Салтане», законченная в августе-сентябре этого года. Тогда же Пушкиным была написана «Сказка о попе и работнике его Балде», не увидевшая света при жизни автора.

Пребывание Пушкина с красавицей женой в Царском селе не могло остаться незамеченным.

Наталию Николаевну представили императрице, и та была «от нее в восхищении». Чета Пушкиных получила приглашение ко двору².

Никогда не забывавший о своем намерении «приручить Пушкина», Николай I не замедлил «осыпать милостями» поэта. Пушкин писал по этому поводу Плетневу 22 июля 1831 года: «Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу — но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал...»³.

Очень скоро Пушкин убедился, что эта «милость» оказалась отнюдь не царской по щедрости.

Но как бы то ни было поэта зачислили на службу по министерству иностранных дел, что открыло ему доступ в архивы. Это ему было необходимо в работе над задуманной им историей Петра I.

Пушкин в то время был убежден, что ему разрешат и собственную газету, об издании которой он обращался с просьбой к Бенкендорфу.

Собственной газеты, как мы увидим дальше, у Пушкина так и не получилось, а все «царские милости» оказались лишь цепями, еще более опутывающими поэта.

Но все это обнаружится позже, пока же Пушкин имел все основания пребывать в благодушнейшем настроении.

Однако политические события того времени никак не гармонировали с этим настроением поэта. Атмосфера Европы была насыщена революционными грозами. В июле 1830 года началась революция во Франции, закончившаяся низложением Бурбонов. В Бельгии шла борьба за независимость страны от Нидерландов и, наконец, в самой России свирепствовали холерные бунты и бушевало польское восстание 1830—1831 годов.

В январе 1831 года польский сейм провозгласил независимость Польши. Николай I и его семья объявлялись лишеными прав на польский престол. Это послужило поводом для военных действий Николая I против Польши. Вспыхнула настоящая война, грозившая перейти в войну европейскую.

Глубоко переживавший эти события Пушкин опасался иностранного вмешательства. В письмах к Е. М. Хитрово (дочери М. И. Кутузова), П. А. Вяземскому, М. П. Погодину и другим Пушкин высказывает именно такое понимание им польских событий 1830—1831 годов ⁴.

Так, в письме к Вяземскому 14 августа 1831 года поэт пишет: «Варшава окружена, Крженецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, невзначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Крженецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно они хотят сражения; следственно они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает... Если заварится общая, европейская война, то право буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока» ⁵.

Пушкин в эти дни, благодаря близости к Жуковскому и переписке с Е. М. Хитрово, был осведомленнее многих.

Он знал о враждебных демонстрациях у русского посольства в Париже и об антирусских выступлениях в палате депутатов.

Вот почему Пушкин совместно с Жуковским (а тогда, как писал позже П. В. Анненков, «они все делали сообща»), при известии о военных действиях выпустили брошюру «На взятие Варшавы», в которой было два стихотворения Пушкина («Клеветникам России» и «Бородинская годовщина») и одно стихотворение В. А. Жуковского («Старая песня на новый лад»).

В. А. Жуковский писал по поводу этой брошюры А. И. Тургеневу 7 сентября 1831 года: «Скоро пришлю свои стихи, напечатанные вместе со стихами Пушкина, чудесными. Нас разом прорвало, и есть от чего»⁶.

Кроме двух указанных стихотворений, помещенных в брошюре, Пушкин написал еще одно, относящееся к тем же событиям. Стихотворение это называется «К тени полководца» («Перед гробницею святой»). Оно обращено к Кутузову и посвящено дочери фельдмаршала — Е. М. Хитрово. Печатать это стихотворение Пушкин в то время считал неудобным, и оно появилось только в 1836 году в журнале «Современник».

Брошюра «На взятие Варшавы» представляет собой сложенный лист бумаги из шестнадцати страниц, первая из которых служит заглавным листом. По словам А. О. Смирновой, брошюра была заключена в «немую» зеленую обертку, на внутренней стороне которой Пушкин сделал ей дарственную надпись⁷.

Напечатана брошюра в военной типографии по личному распоряжению Николая I, причем напечатана молниеносно: 5 сентября все три стихотворения были представлены царю, 7 подписано официальное разрешение, а 14-го она уже продавалась в лавке Смирдина. Выход этой брошюры был воспринят многими современниками как примирение Пушкина с правительством.

Даже ближайший друг поэта П. А. Вяземский называл стихи, напечатанные в брошюре «На взятие Варшавы», «шинельными стихами», недостойными настоящей поэзии. «Да у кого мы ее (Варшаву) взяли, — вопрошал он, — что за взятие, что за слова без мысли?»⁸.

Были недоброжелатели Пушкина, которые открыто называли всю брошюру «На взятие Варшавы» «огромным пятном на его поэтической славе»⁹.

В печати враги Пушкина, разумеется, вынуждены были официально расхвалить брошюру (даже Надеждин в «Те-

лескопе» в № 16 за 1831 год написал, что стихи Пушкина «отличаются силой мысли, достойной русского духа»), но в письмах друг к другу, не стесняясь, говорили иное.

Так, Н. А. Мельгунов писал С. П. Шевыреву: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за его последние вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту. Ибо одно с другим неразлучно. Я не говорю о Пушкине, творце «Годунова» и пр., — то был другой Пушкин, то был поэт, подававший великие надежды и старавшийся оправдать их. Теперешний же Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща, и который, вместо того, чтобы смотреть прямо в лицо Аполлону, оглядывается по сторонам и ищет других божеств для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и, признаюсь, мне весьма жаль этого. О, честолюбие и златолюбие»¹⁰.

Это было несправедливо и содержало злобные обывательские намеки на близость Пушкина ко двору и на те «милости», которыми его якобы осыпали. Мы знаем, что «милостей» по существу не было никаких.

Пушкин был честен и искренен в своем патриотизме. Вся его «польская трилогия» ударила только по иностранцам-интервентам, собиравшимся, как думал поэт, под видом помощи Польше, залить кровью Россию. Стихи Пушкина были отнюдь не враждебны польскому народу.

10 ноября 1836 года Пушкин получил перевод стихотворения «На взятие Варшавы» на французский язык, сделанный кн. Н. Б. Голицыным, писал ему: «Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода... но ни один не стоит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время, я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов»¹¹.

Точный адрес произведений Пушкина в брошюре «На взятие Варшавы», направленной исключительно против иностранных держав, жаждавших повторить 1812 год в России, очень скоро перестал устраивать и Николая I. Брошюра лишилась его «высочайшего покровительства».

Причины понятны: после подавления польского восстания царь совсем не хотел обострять отношения с западными державами, а для собственных подданных в брошюре Пушкина и Жуковского было мало восхвалений «мудрости его величества» и вовсе отсутствовало «шельмование дерзких мятежников».

И вот брошюра, которая в нашем понимании являлась типичной «агиткой» и должна была бы получить массовое распространение как в России, так и в переводах за рубежом, по словам П. Е. Щеголева: «была напечатана в военной типографии только по-русски и в ничтожном сравнительно количестве»¹².

В каком же, однако, «ничтожном количестве» экземпляров была напечатана брошюра «На взятие Варшавы»? Стоила она в продаже всего два рубля, и думать, что брошюру напечатали только одним «заводом», то есть 1 200 экземпляров, было бы нелогично.

Все-таки, это не какая-нибудь ода, печатавшаяся обычно в десятке экземпляров «не для продажи». Брошюра «На взятие Варшавы» фигурировала в книгопродавческих объявлениях Смирдина и, следовательно, у издания был определенный торговый расчет, который при тираже в 1 200 экземпляров, при цене в 2 рубля и наличии двух авторов, оказался бы буквально грошовым.

Думается, что тираж должен был быть, по крайней мере, в два «завода», то есть 2 400 экземпляров. От предположения, что тираж был количественно еще выше, удерживает чрезвычайная редкость брошюры.

Соображения некоторых книжников, что эта редкость брошюры указывает на то, что судьба ее на каком-то этапе могла быть вообще неблагополучной (то есть она подверглась конфискации или уничтожению), мне не кажутся верными, поскольку в известном книгопродавческом реестре А. Смирдина 1841 года она еще объявлялась в продаже и даже ценилась вдвое дешевле номинала.

Вероятнее всего, что редкость брошюры «На взятие Варшавы» следует приписать только тому, что она по виду и характеру своего содержания принадлежит к так называемым «летучим изданиям», собирателей которых среди книголюбов было немного.

Примером может служить подобная же брошюра В. А. Жуковского, выпущенная А. Смирдиным в том же 1831 году, на ту же примерно тему, под названием «Русская слава». Брошюрка эта не могла вызвать даже малейших сомнений в своем праве благополучно пребывать на полках книжных магазинов, но и она впоследствии сделалась столь же редкой, как и «На взятие Варшавы». Брошюра «Русская слава» также принадлежит к «летучим изданиям», и этим (только этим!) объясняется ее ненаходимость на книжном рынке.

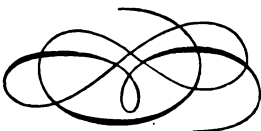
* * *

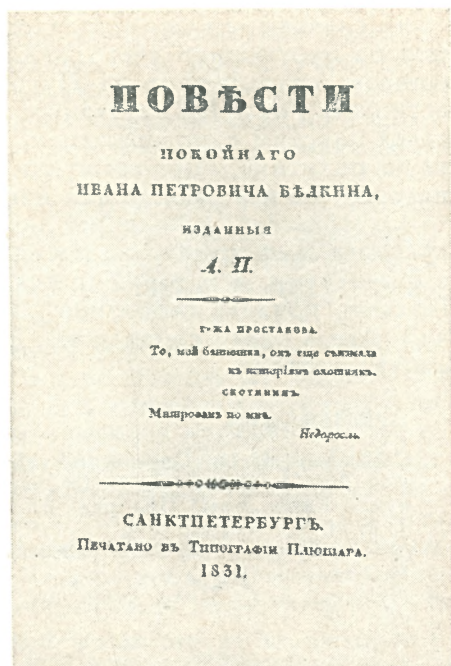
«Польский вопрос» оставался острейшим вопросом истории на протяжении всего XIX века. «Спор славян между собою», о котором писал Пушкин в стихотворении «Клеветникам России», неустанно провоцировался и запутывался царским самодержавием, проводившим колонизаторскую политику, выражавшуюся не только в порабощении народов, но и в разжигании национальной вражды.

Октябрьская революция освободила Польшу от оков русского самодержавия, а победа советского народа в войне с фашистами, в которой приняли участие и лучшие сыны Польши, привела свободное польское государство в могучий лагерь стран социализма, стоящих на страже мира и справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 814.— См. еще «Звенья». Сб. материалов и док. по ист. л-ры. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 242.
2. Леонид Гроссман. Пушкин. («Жизнь замечательных людей»). Изд. 3-е. М. 1960, стр. 415.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 198.
4. Подробности об отношении Пушкина к польским событиям см. в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Л., 1927.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 208. Выражение «взять жену в торока» обозначает взять с собой в поход. Отсюда же «приторочить к седлу».
6. См. источник, указанный в примечании 4, стр. 287.
7. Пушкин, А. С. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 3. М.-Л., 1935, стр. 409.
8. См. источник, указанный в примечании 4, стр. 292. «Шинельные стихи» — поздравительные стихи, написанные нищими стихотворцами, ходившими по домам в поисках подачек. Они одеты были в шинели из фриза — дешевого сорта сукна.
9. «Русский архив», 1893, кн. 2, стр. 581.
10. См. источник, указанный в примечании 4, стр. 296.
11. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 184 и 394.
12. Щеголев, П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. ГИХЛ., 1931, стр. 352. Автор высказывает интересные соображения о переводе «Клеветникам России», сделанном С. С. Уваровым. В перевод Уваров внес строки, угодные царю, которых не было у Пушкина.

27. «ПОВЕСТИ ПОКОЙНОГО БЕЛКИНА, ИЗДАННЫЕ А. П.» (1831 г.)

ПОВЕСТИ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА,
изданные А. П.

Г-жа Простакова.
То, мой батюшка, он еще сызмала
к исторiям охотник.
Скотинин.
Митрофан по мне.

Недоросль.

Санктпетербург. Печатано в типографии Плюшара. 1831.
12°. (17 × 10,5 см. обрез.) XIX стр., включая шмуцитул и заглав-
ный лист + 3 нenum. + 187 + 5 нenum. стр.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано:
«Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. Санкт-
петербург. 1831». (Посредине типографская виньетка — птица, дерево,
камни); на последней стр., в такой же рамке, — текст: «Продается в
книжном магазине Смирдина. Цена 5 руб. с пересылкою 6 руб.»

Ц е н з у р н о е р а з р е ш е н и е: 1 сентября 1831 года; цензор Ни-
кита Бутырский.

С о д е р ж а н и е: От издателя [подпись А. П.].— Выстрел.— Ме-
тель.— Гробовщик.— Станционный смотритель.— Барышня крестьянка.

Дата выхода в свет — 24-27 сентября 1831 года — определяется на основании письма Пушкина к Нащокину, где поэт говорит: «Повести мои напечатаны; на днях получишь». (22 октября 1831 г. — Сочинения. Изд. АН СССР, т. 14, стр. 237). Книгопродавческое извещение Смирдина напечатано в «С.-Петербургских ведомостях», № 256, от 31 октября [Прибавление]. Цена книги объявлена в «Московских ведомостях» 4 ноября — 5 р. 45 к., в переплете — 6 р. 45 к. В Петербурге книга стоила 5 рублей. В экземпляре библиотеки Ленинградского университета сохранился «билет на выпуск книги из типографии» от 24 сентября 1831 года¹.

НИГА ЭТА — первый плод вдохновенной «болдинской осени» Пушкина 1830 года. Еще перед отъездом в Болдино Пушкин 31 августа 1830 года писал Плетневу: «Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает...»².

Вернувшись из Болдина в Москву, Пушкин в первые же дни (9 декабря 1830 г.) сообщает тому же Плетневу:

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопите [анонимно]. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: *Скупой Рыцарь*, *Моцарт и Сальери*, *Пир во время чумы* и *Д[он] Жуан*. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все: (Весьма секретное). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Анопите. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает»³.

Упомянутая в письме повесть «писанная октавами» — это «Домик в Коломне», произведение увидевшее свет лишь в 1834 году в альманахе Смирдина «Новоселье». Повесть эта примечательна тем, что она является своего рода полемическим ответом Пушкина на требования журналов, и главным образом «Северной пчелы», перейти к «воспеванию успехов русских войск». От Пушкина ждут, что он будет воспитывать читателей в духе, угодном правительству. Отстаивая свою независимость в выборе тем, свое нежелание заниматься казенным морализированием в поэзии, поэт пишет свои шуточные октавы. Развертывая перед читателями картины из жизни мирных мещанских героев, он иронически говорит:

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,

Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

В указанном выше письме к Плетневу Пушкин перечислял далеко не все, что было им создано осенью 1830 года. Так, например, он не упомянул (да и не мог упомянуть!), что им была написана десятая глава «Евгения Онегина», в которой он рассказал о декабристах и полностью рассчитался с Александром I. Мы уже знаем, что главу эту Пушкин сжег там же в Болдине, оставив лишь некоторые, тщательно зашифрованные отрывки.

Не сообщил Пушкин также и о том, что в Болдине он начал писать «Историю села Горюхина», в форме пародии на «Историю государства Российского» Карамзина и «Историю русского народа» Полевого.

Но само по себе пародирование вовсе не являлось целью этого произведения. Замысел Пушкина был острее и глубже.

В «Истории села Горюхина» поэт развернул потрясающе реалистическую картину нищей деревенской России николаевской эпохи.

«Страна по имени столицы своей Горюхиным называемая занимает на земном шаре более 240 десятин. Число жителей простирается до 63 душ», — писал Пушкин, не сомневаясь, что читатели поймут о какой столице и о какой стране идет речь. Описание нищеты крепостных крестьян, страдающих под игом помещиков, сделано Пушкиным под непосредственным впечатлением от той живой картины, которая предстала перед ним в Болдине и окружающих Болдино деревнях.

«История села Горюхина» возвращает Пушкина как бы к временам его юности, когда он в 1819 году написал одно из самых вольнолюбивых своих стихотворений «Деревня», также выражающее протест против крепостного рабства.

«История села Горюхина» не была закончена Пушкиным и не увидела свет при его жизни. Лишь в седьмом, посмертном томе «Современника», в 1837 году, она была напечатана в «умягченном» и сокращенном виде. Даже название села «Горюхино» было переделано в более невинное «Горохино».

Белинский назвал «Историю села Горюхина» перлом среди творений Пушкина.

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

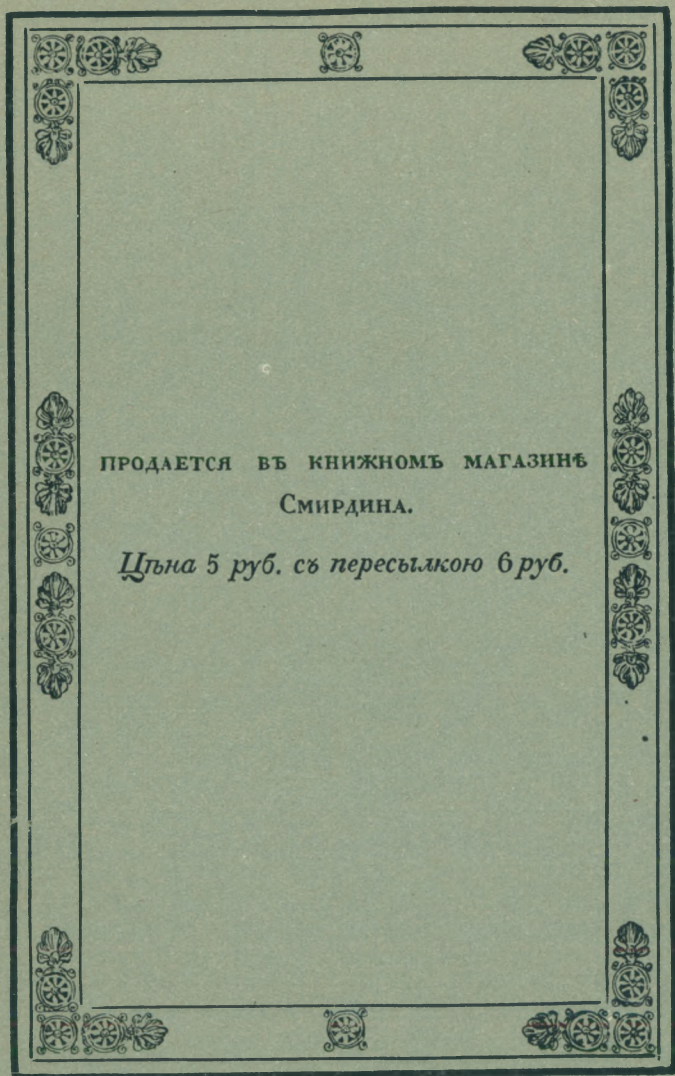
ИЗДАННЫЯ

А. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

Трудно сказать, начал ли Пушкин «Историю села Горюхина» сразу как самостоятельное произведение или лишь как предисловие к «Повестям Белкина». Во всяком случае, самого Ивана Петровича Белкина, главного героя и якобы автора «Истории села Горюхина», Пушкин произвел в авторы повестей «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка». В предисловии к книге «Повести покойного Белкина», подписанном «А. П.», Пушкин приводит из «Истории села Горюхина» только жизнеописание Белкина, да и то рассказанное уже не им самим, а якобы его «другом-помещиком». Это «предисловие» составляет в книге «Повести Белкина» своего рода самостоятельную шестую новеллу.

Внимание Пушкина к прозе именно в это время вполне закономерно. Он уже ранее писал, что «просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения»⁴.

Отвечая на запрос времени, Пушкин закладывает в 1830-х годах основы русской реалистической художественной прозы. Он обращается в своем творчестве к прозаической повести, которая становится, по словам Белинского, «формой времени».

Новые герои Пушкина — крестьянская и городская беднота — появились уже в «Домике в Коломне» и в написанном в Болдине же стихотворении «Румяный критик мой».

«Повести Белкина» знаменуют приход этих героев в художественную прозу.

Бедные армейские офицеры, мелкопоместные дворяне, горемыки-чиновники, городские ремесленники и мещане, угнетенные крепостные, все рядовые «маленькие люди», завладевшие воображением Пушкина, — все это свидетельствует о демократизации его мировоззрения.

Очень скоро после «Повестей Белкина» Пушкин приступит к созданию «Медного всадника», где главным героем опять явится бедный чиновник. В его образе мы заметим уже не только забитость и покорность судьбе, но и протест, пусть пока еще бессильный.

«Ужо тебе!» — погрозит Евгений скачущему властелину — «Медному всаднику».

«Повести Белкина» — это пролог и к «Медному всаднику», и к «Капитанской дочке», и к «Истории Пугачева».

Недооцененные современной критикой, «Повести Белкина» оказали огромное влияние на развитие русской художественной прозы XIX века.

Много позже, в 1876 году, Достоевский, первая повесть которого называлась «Бедные люди», говорил в своем «Дневнике писателя»: «У нас все идет от Пушкина. Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности, до того был беспримерен и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь, если не чудом, то необычайною величию гения»⁵.

Достоевский, несомненно, имел в виду и «Домик в Коломне», и «Историю села Горюхина», а из «Повестей Белкина», в особенности «Станционного смотрителя», — повесть, которую он чрезвычайно высоко ценил.

Следует напомнить, что Пушкин и сам придавал немалое значение книге, которую он выпустил под названием «Повести Белкина». В воспоминаниях П. А. Миллера описывается, например, такой факт:

«Вскоре по выходе повестей Белкина я на минуту зашел к Александру Сергеевичу: они лежали у него на столе. Я и не подозревал, что автор их он сам. Какие это повести? И кто это Белкин? — спросил я, заглядывая в книгу. «Кто бы он там ни был, — отвечал Пушкин, — а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно»⁶.

По переписке Пушкина с Плетневым можно подробно проследить весь процесс издания «Повестей Белкина».

Сообщив Плетневу еще из Москвы, что им написано 5 повестей, Пушкин уже из Царского села 3 июля 1831 года спрашивал у него: «Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т. е. сочинения покойного Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать? Печатать ли нам самим или сторговаться со Смирдиным?»⁷.

Сношения Царского села с Петербургом были затруднены карантином (из-за холеры), возможно поэтому ответ Плетнева не дошел до Пушкина. Примерно 11 июля того же года Пушкин пишет ему новое письмо, в котором, беспокоясь о его здоровье, сообщает:

«На днях отправил я тебе через Эслинга [Н. Н. Геслинг — знакомый Пушкина] повести покойного Белкина, моего приятеля. Получил ли ты их? Предисловие доставлю после. Отдай их в цензуру земскую, не удельную, — да и снюхаемся с Смирдиным; я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10 000, и вот каким образом:

2000 экземпляров по 6 р.—	12 000.
1000 (рублей) за печать	
1000 (рублей) процентов	
Итого	10 000» ⁸ .

Рисунок А. С. Пушкина на заглавном листе рукописи
«История села Горюхино».

Упомянутый в письме Эслинг до Петербурга не доехал, и 19 июля Плетнев сообщает Пушкину: «Эслинга (бог знает, что это за существо! Ты воображаешь, что я знаком со всем светом) я не принимал еще у себя и о повестях никакого известия не имею. Рад буду их издать; только по возвращении в город, т. е. по прекращении холеры; а теперь я удалил от себя всякое земное помышление и от того ни о чем не думаю и неспособен ничего делать»⁹.

Рукопись «Повестей Белкина» вернулась обратно к Пушкину, и уже 15 августа он пишет Плетневу такое письмо:

«Посылаю тебе с Гоголем [перед этим совсем недавно, у Плетнева, состоялось первое знакомство Пушкина с Гоголем] сказки моего друга Ив. П. Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

- 1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.
- 2) На странице помещать не более 18-ти строк.
- 3) Имена печатать *полные*, напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. Ив-в. Тоже и об городах и деревнях.
- 4) Числа (кроме годов) печатать буквами.
- 5) В сказке *Смотритель* назвать гусара *Минским*, и сим именем заменить везде ***

6) Смирдину шепнуть мое имя с тем, чтоб он перешепнул покупателям.

7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей, вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантины.

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры...

Р. С. Эпиграфы печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особенном листе (ради ширины)...»¹⁰.

Письмо это крайне любопытно для характеристики издательских приемов Пушкина вообще. Написанное в шутивно-дружеском тоне, оно содержит в себе ряд указаний поэта, проявлявшего заботу о том, чтобы книга выглядела солиднее, полнее и более соответствовала той высокой цене, которую намеревался назначить автор.

Как всегда Плетнев несколько охлаждает издательские порывы Пушкина и пишет ему 5 сентября 1831 года:

«Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не последовало по милости Никиты Ивановича Бутырского [цензор, просматривавший «Повести Белкина». В предыдущих письмах было видно, что Пушкин особо настаивал, чтобы книга эта прошла цензуру обыкновенную, а не царскую. По-видимому, он не желал по их поводу иметь объяснений с Бенкендорфом]. Чтобы приступить к печатанию, надобно от тебя через день же получить ответ, в котором бы ты разрешил меня в следующем:

1. Сколько экземпляров печатать: не довольно ли 1200?

2. Чтобы по 18 строк выходило на странице в 12-ю долю листа, то разрядка строк будет одинакова с Евг. Онегиным: аппробуешь ли ее? а иначе (т. е. в один шпон, а не в два) выйдет по 22 строчки на странице.

3. Я взял эпиграф к Выстрелу из романа в 7 письмах... Сoglасен ли ты его принять?..

4. Не удержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпиграфа?

5. Не подать ли нам благого примера в прозе молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Нас это не разорит, а добрый пример глубоко пустит корни»¹¹.

Пушкин внял советам Плетнева, и книга вышла с ценой 5 рублей. По всему видно, что и тираж был не выше 1 200 экземпляров. Заработок поэта вместо предполагаемых десяти тысяч оказался, очевидно, вдвое меньшим. Времена наступали действительно тяжелые.

Книга сдана была на комиссию Смирдину и, по-видимому, имела торговый успех, так как в 1834 году Пушкин затеял второе ее дополненное издание.

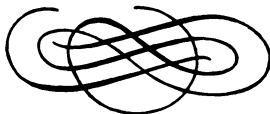
Обращает внимание перемена Плетневым типографии. Вместо обычной для него типографии департамента народного просвещения книга напечатана в типографии Плюшара. Очевидно, ввиду отъезда Плетнева из Петербурга на время холеры как-то был нарушен ритм отношений Плетнева с прежней типографией. Впрочем, это могло быть и потому, что типография департамента народного просвещения уже печатала почти в это же самое время последнюю главу «Онегина» и готовилась к печатанию третьей части собрания стихотворений Пушкина.

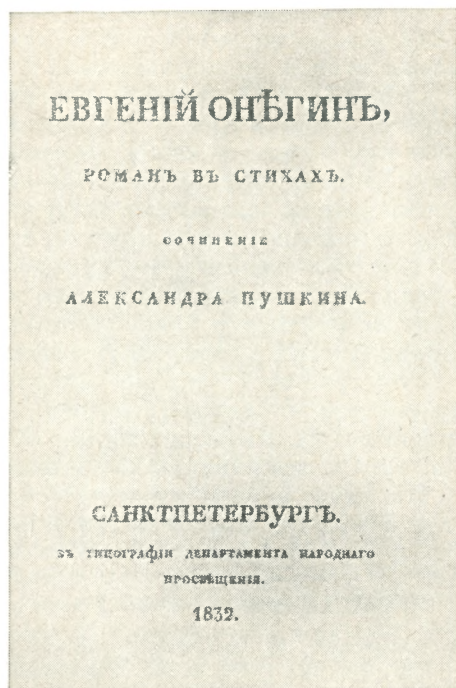
Типография Плюшара оказалась никак не хуже, а, пожалуй, что и лучше типографии департамента народного просвещения. Книжка набрана и отпечатана так же просто и вместе с тем изящно, как и все книги поэта.

На антикварном рынке «Повести покойного Белкина», если и попадались, то почти всегда в переплетах и совсем уже редко в обложках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синяевский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати, 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 817. Упомянутое письмо Пушкина к Нащокину — см.: Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 237. Об экземпляре с «билетом на выпуск» — см.: «Звенья». Сб. материалов. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 242.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 110.
3. Там же, стр. 133.
4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 34.
5. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. 1876. Февраль. Стр. 37.
6. «Русский архив», 1902, т. 3, стр. 234.
7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 186.
8. Там же, стр. 189.
9. Там же, стр. 195.
10. Там же, стр. 209.
11. Там же, стр. 221.

28. ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1832 г.)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1832.

12°. (18 × 11 см. не обрез.) 8 нenum. стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 51 стр.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Последняя глава Евгения Онегина. Санктпетербург. 1832»; на последней стр. в такой же наборной рамке, — виньетка (лира) и текст: «Продается в С.-Петербурге, во всех книжных лавках, по пяти рублей за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 80 копеек».

Цензурное разрешение: 16 ноября 1831 года; цензор Н. Бутырский.

Дата выпуска в свет — до 22 января 1832 года — определяется на основании рецензии в «Московском телеграфе», в № 1 того же года (цензурное разрешение 22 января). Книгопродавец А. Ширяев опубликовал в «Московских ведомостях», № 9 от 30 января объявление о продаже последней главы «Онегина» по 550 копеек¹.

ИЗВЕСТНОМ письме Пушкина Плетневу (оно цитировалось ранее), где перечисляются произведения, написанные поэтом в «болдинскую осень», говорится, что им закончены восьмая и девятая, последние главы «Евгения Онегина» «уже совсем готовые в печать».

Однако, вместо восьмой и девятой глав романа, в печати появилась только одна восьмая глава, которая и стала последней, заключительной.

Очевидно, по цензурным соображениям Пушкин решил изъять восьмую главу, содержанием которой являлось «Путешествие Онегина по России», и, таким образом, бывшая девятая глава стала восьмой и действительно последней.

Но, не желая оставлять своих читателей в неведении по поводу пропуска целой главы романа, Пушкин к напечатанной последней главе делает такое предисловие:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означать сию выпущенную главу точками или цифрой; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, восьмой над последней главой Евгения Онегина и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти Каменам,

и проч.».

Не могло у читателя не возникнуть вопроса: а почему? Не ради же собственного каприза автор выбрасывает из романа целую главу «Путешествие Онегина по России», само название которой говорит о том, что глава эта, отнюдь, не только продолжение рассказа о любви Татьяны и Онегина? И читатель понимал, что сокращения были вызваны цензурными условиями.

Позже, в первом полном издании романа, вышедшем в 1833 году, Пушкин напечатает в виде приложения «Отрывки из Путешествия Онегина», нарочито оборвав их на неоконченной фразе:

Итак, я жил тогда в Одессе...

И опять читатель Пушкина понимал, как много мог бы автор рассказать о своей жизни в Одессе и не рассказывает. Однако каждым своим многоточием он дает ответ, почему не рассказывает, а в некоторых случаях и намекает, что именно не рассказывает.

Эта форма «разговора с читателем» путем многоточий, пропущенных мест и даже пропущенной целой главы в какой-то мере напоминает наши предреволюционные газеты, в которых белые «плеши», оставлявшиеся редакциями на месте запрещенных цензурой статей и сообщений, говорили порой больше, чем сказали бы самые статьи и сообщения.

Именно таким приемом действовал Пушкин, создавая «Евгения Онегина».

Восемь лет прошло от начертания первой строки романа в стихах до заключительных строф главы, которую Пушкин сделал «последней». Вспомните:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

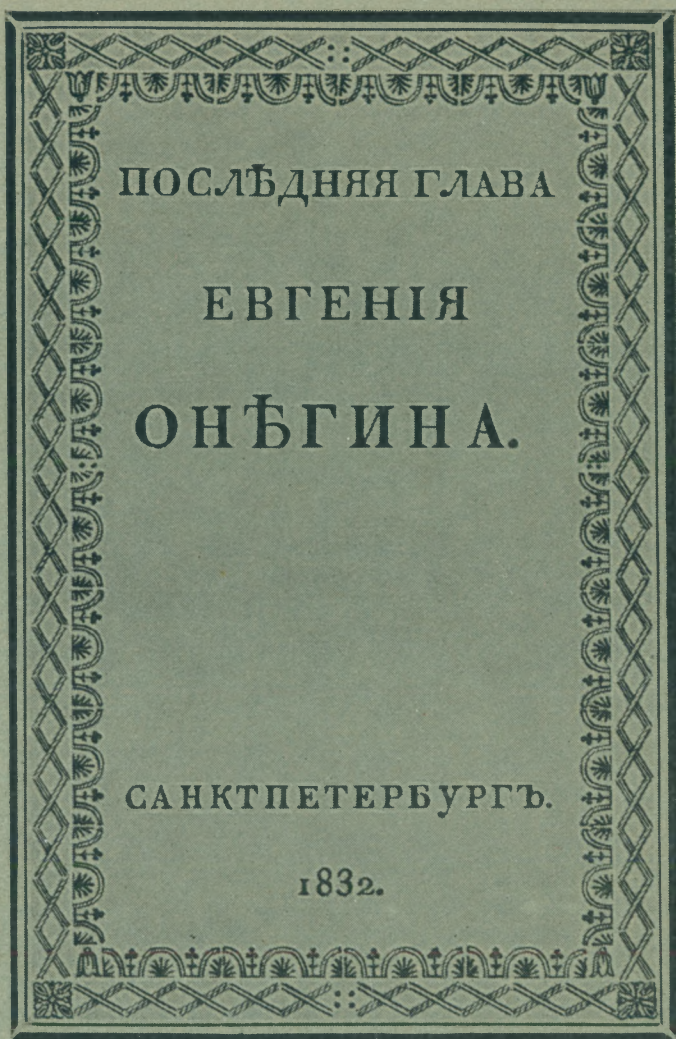
Пушкин сумел гениально «расстаться с Онегиным».

О всей его поэзии А. И. Герцен говорил, что она «...продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдалённому будущему»².

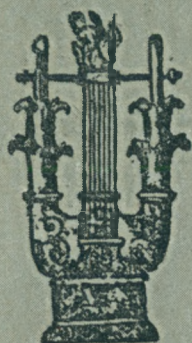
Мы можем только предполагать, что подлинное окончание романа было в написанной там же, в Болдине, десятой главе. Этой десятой главы не значилось в сохранившихся планах Пушкина, о существовании ее он даже не намекает в цитируемом предисловии к роману. Да главы этой уже и нет: она сожжена автором.

Из оставшихся нескольких отрывков, которые принято считать за уцелевшие остатки сожженной Пушкиным десятой главы «Евгения Онегина» (отрывки эти тщательно зашифрованы автором от глаз жандармов), нам известны и такие строки:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Лицевая сторона обложки.

Продается въ С. Пешербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.

Эта убийственная характеристика Александра I и другие строки рукописи дают основание предполагать, что в десятой главе речь шла о событиях 14 декабря 1825 года.

То, что Пушкин хотел поставить точку в романе вовсе не там, где он был вынужден ее поставить, поэт никогда не скрывал. В воспоминаниях адъютанта Николая Раевского М. В. Юзефовича, относящихся к лету 1829 года, говорится: «...он объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»³.

Юзефович не совсем точен в своих воспоминаниях. По-видимому, Пушкина надо понимать так, что Онегин должен был попасть в число декабристов, а затем уже, будучи, как и многие другие декабристы, сослан на Кавказ — погибнуть.

Несколько лет выжидал Пушкин возможности написать эту действительно последнюю главу своей «энциклопедии русской жизни» и, убедившись, что поведать ее свету все равно не удастся, поставил точку значительно ранее, постаравшись, однако, всеми способами намекнуть читателям, что точка эта вынужденная. Роман так и не коснулся политических событий. Время не позволяло.

Плетнев и другие друзья поэта советовали ему вернуться к «Онегину» и продолжить роман. Пушкин отвечал им:

Вы за Онегина советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги;
Вы говорите мне: Он жив и не женат —
Итак, еще роман не кончен: это клад!
В его свободную вместительную раму
Ты вставишь ряд картин, откроешь диораму,
Прихлынет публика, платя тебе за вход,
Что даст тебе и славу и доход.
Пожалуй, я бы рад...

Пушкин обрывает и не договаривает, почему он не продолжает романа. Но разве непонятно было — почему?

* * *

Последнюю, восьмую главу «Евгения Онегина» печатал, как и все предыдущие (кроме первого издания второй главы — московской) П. А. Плетнев и, по всей вероятности, обычным тиражом в 1200 экземпляров.

Пушкин во время ее печатания был в Петербурге, поэтому переписки с Плетневым никакой не велось, и этот,

едва ли не единственный источник документальных сведений об изданиях книг поэта, в данном случае отсутствует вовсе.

Следует отметить, что цензурное разрешение на последней главе не «удельное», а «земское», что, по терминологии самого Пушкина, значило — не бенкендорфовское, дающее гриф «С разрешения правительства», а обыкновенное, существовавшее для всех писателей. Пушкин давно уже убедился, что «высочайшая милость», обещанная ему царем («Я сам буду твоим цензором»), была куда тяжелее, чем простая, «земская» цензура.

Разрешение такой «земской цензуры» появилось сначала на книге 1831 года «На взятие Варшавы» (вероятно потому, что автором ее был не один Пушкин, а еще и Жуковский), затем на «Повестях Белкина» (возможно потому, что они изданы были без фамилии Пушкина) и вот сейчас — на последней главе «Онегина».

Из описания следующей книги будет видно, что дальнейшие попытки Пушкина уклониться от «высочайшей» цензуры немедленно вызвали грозный запрос Бенкендорфа по этому поводу. Попытки поэта уклониться от «опеки» Бенкендорфа ни к чему не привели, и Пушкин вынужден был подвергать свои произведения двойной цензуре — обычной и бенкендорфской.

* * *

На восьмой, последней главе «Евгения Онегина», напечатанной Плетневым в 1832 году, закончилось первое издание романа отдельными главами.

Критика встретила последнюю главу благожелательно, выражая сожаления по поводу окончания «Евгения Онегина».

Благожелательность высказали даже те критики, которые встречали некоторые отдельные главы романа бранью, а порой и глумлением.

Значительность созданного Пушкиным произведения чувствовалась даже врагами, и это обезоруживало самых злейших из них.

Успех «Евгения Онегина» у современных читателей был вообще чрезвычайен, и выход каждой новой главы романа рассматривался как событие.

В. Я. Брюсов в своих воспоминаниях пишет, что ему запомнились рассказы его деда А. Я. Бакулина, «писателя-самоучки», который был «фанатическим поклонником» Пушкина, и в тридцатых годах однажды увидел его в книжной лавке Смирдина.

«Ярко помню его рассказ, — пишет Брюсов, — о том, как нетерпеливо ожидалось, в свое время, появление новой главы «Евгения Онегина». Нам, привыкшим видеть в «Онегине» законченное целое, трудно представить как где-то в провинции, на вечеринке юношей, увлеченных литературой, подымались споры, что будет с Онегиным: женится ли он на Татьяне? доведет ли автор своего героя до кончины? и от чего умрет Онегин?

Также голос далекого прошлого звучал в словах деда, когда он начинал жаловаться на слишком дорогую цену отдельных глав «Онегина»⁴.

На антикварном рынке полный комплект всех глав «Евгения Онегина» в первом издании всегда рассматривался как большая библиографическая редкость.

Особенно ценились главы переплетенные, в печатных обложках, — это было уже чисто библиофильское требование.

В связи с этим уместно привести примечание известного библиофила Д. В. Ульянинского из его трехтомного описания собственной библиотеки: «Евгений Онегин» в отдельных главах, вышедших при жизни поэта, представляет самое редкое и ценное первое издание из всей Puschkiniana. Я собрал за все время только 5 глав, и до сих пор не могу найти в подбор к своему экземпляру, также в обложках: главы I—1-го издания... (у него было издание второе, 1829 года, более редкое, чем первое), главы II—2-го издания, главы III, главы VII и главы VIII.

В отдельности главы эти продаются при случае недорого — около 3—5 р.; экземпляр из нескольких (но не всех) глав ценится тоже не особенно дорого; полный же комплект их сразу вырастает в цене: так Шибанов переплетенный экз. продавал до 100 р., а не переплетенный, в отдельных главах, ценит до 200 р.»⁵.

Цены эти указаны в рублях 1914 года. В какой-то мере такая же разница в оценке существует и сегодня. Комплект всех глав, не переплетенный, в обложках, — первоклассная библиографическая редкость. Особенно редки вторые издания глав первой и второй «Евгения Онегина».

В моем собрании хранится полный комплект всех глав в обложках, принадлежавший ранее известному собирателю-пушкинисту Рейнботу. У него не было второй главы второго издания, ради наличия которой я вынужден был приобрести второй комплект всех глав в обложках, но уже переплетенный.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цвяловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 847.
2. Герцен, А. И. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. 6. Пг., 1917, стр. 365.
3. «Русский архив», 1880, кн. 3, стр. 443. Проф. Ю. Г. Оксман в личной беседе со мною поделился интересным соображением по поводу того, что считать т. н. «Десятую главу» подлинным окончанием «Евгения Онегина» по существу нет оснований. В сохранившихся зашифрованных фрагментах ни звуком не упоминается ни об Онегине, ни о Татьяне. По мнению Ю. Г. Оксмана, самое название «Десятая глава» может быть условным обозначением особой политической поэмы Пушкина, написанной им «онегинской строфой».
4. Брюсов, В. Я. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М., 1955, стр. 518.
5. Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание. Т. 3. М., 1915, стр. 1636.

МОЦАРТЪ и САЛЬЕРИ.

С Ц Е Н А I.

(Комната.)

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: имѣть правды не вѣдѣть.
Но правды имѣть — я вѣдоу. Для меня
Такъ ясно ясно, какъ прозрачны слезы.
Родился я съ любовью къ искусству;
Ребенокъ будучи, когда высоко
Звучала органъ въ спиритной церкви нашей.
Я слушалъ и заслушивался — слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвертъ я рано придалъмъ забавы;
Искусъ, чуждымъ мнѣ, были
Посылалъ мнѣ; упрямъ и надменно
Снѣзъ мнѣ отвѣтъ я и предѣлъ
Одной мнѣ. Трудно въ первый шить
И служилъ первый мнѣ. Преодолахъ
Я ранивъ невзгоды. Ремесло
Посылалъ я подпоишь искусство;
Я сдѣлалъ ремесленникъ: перстень
Придалъ послушную, сухую быглость
И вѣрность уху. Звучи умеренникъ,

29. СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ
«СЕВЕРНЫХЪ ЦВЕТОВЪ»
1832 года

СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА. (Из Северных цветов 1832 года). Санктпетербург. В типографии департамента внешней торговли. 1832.

8^о. (22 × 16 см. не обрез.). Без заглавного листа (его заменяет обложка). 23 стр. + 1 нум. без текста.

Обложка: из желтой плотной бумаги, с обычной для пушкинских изданий наборной рамкой; на последней стр. обложки напечатано: «Оглавление: Моцарт и Сальери.— Анфологические эпиграммы.— Дорожные жалобы.— Эхо.— Делибаш.— Анчар, древо яда.— Бесы».

Цензурное разрешение (напечатано в конце 23 страницы): 7 января 1832 года; цензор Семенов.

Дата выхода в свет — после 13 февраля 1832 года — определяется на основании «билета на выпуск книги», подписанного цензором В. Семеновым 13 февраля 1832 г. (Экземпляр Библиотеки Ленинградского университета)¹.

НИГА представляет собой сборник пушкинских стихотворений, напечатанных в альманахе «Северные цветы» на 1832 год. Альманах этот был издан Пушкиным в пользу семьи покойного А. А. Дельвига. Однако «Стихотворения А. Пушкина из Северных цветов 1832 года» не являются отдельным оттиском из этого альманаха. Оттиски обычно печатались тем же набором и в той же верстке, что и в альманахе. Такие оттиски делались в десяти-пятнадцати экземплярах и давались автору для его личного пользования. Это же самое практикуется у нас и сейчас. Иногда такие «оттиски» заключаются в специально для них напечатанные обложки.

В данном случае «Стихотворения А. С. Пушкина из Северных цветов 1832 года» представляют собой отдельную, особо изданную книжку, набранную заново и сверстанную отлично от верстки альманаха. На книге имеется свое, отдельное цензурное разрешение.

Таким образом, перед нами — одно из самостоятельных прижизненных изданий Пушкина, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Но в том-то и дело, что «последствий» таких, присущих любой прижизненной книге Пушкина, на этот раз не было вовсе. Книга в продажу не поступала, цены на ней нет, каких-либо книгопродавческих объявлений или заметок в современных Пушкину газетах и журналах об этой книге не существует. В переписке поэта появление этого издания не отражено.

Едва ли не впервые о ней упоминает П. В. Анненков в 1855 году в собрании сочинений Пушкина, и то он говорит об «особой брошюре, в которой находились все стихотворения Пушкина, помещенные в Северных цветах на 1832 г., которых он был редактором на этот раз. Брошюра принадлежит к так называемым авторским экземплярам и в каталогах не упоминается»².

Сообщение это неточно. Мы уже знаем, что брошюра, о которой идет речь, отнюдь не принадлежит к так называемым «авторским экземплярам», а является особым отдельным изданием стихотворений Пушкина.

Более позднее и более точное указание на существование этой книги сделал Н. В. Измайлов. В виде примечания к своей статье о пушкинском стихотворении «Анчар, древо яда» он сообщил: «Брошюра эта [т. е. «Стихотворения из Северных цветов 1832 года»] представляет величайшую библиографическую редкость, и даже составители книги «Пушкин в печати» (М., 1914) не имели ее в руках. Брошюра имеется в библиотеке Пушкинского Дома»³.

Действительно, М. Цявловский и Н. Синявский, составители книги «Пушкин в печати», в первом издании своего труда (М., 1914) упоминали о брошюре лишь со слов П. В. Анненкова, но во втором издании книги (М., 1938) подробно описали брошюру, воспользовавшись указанием Л. Б. Модзалевского, нашедшего еще один экземпляр ее с цензурным «билетом на выпуск» в библиотеке Ленинградского университета⁴.

Всего, следовательно, сегодня известно два экземпляра книги «Стихотворения Пушкина из Северных цветов 1832 года». Такое положение для любого прижизненного пушкинского издания не совсем нормально. Правда, существует еще издание «Романов и повестей» 1837 года (см. здесь же № 37), известное всего лишь в одном экземпляре, тоже находящемся в библиотеке Ленинградского университета и тоже с цензурным «билетом на выпуск». Однако это издание в свет не выходило и было полностью уничтожено опекой после смерти Пушкина. Исключительная редкость, вернее уникальность «Романов и повестей» 1837 года как издания, вообще не увидевшего света, вполне понятна.

Но что же случилось с книгой «Стихотворения из Северных цветов 1832 года»? Почему брошюра эта по редкости почти равна уникальному экземпляру «Романов и повестей»?

Сказать, что причина только в том, что брошюра эта, возможно, напечатана в незначительном количестве экземпляров, нельзя. Не для двух-трех и даже не для десяти или двадцати экземпляров Пушкин вторично отдавал свои стихотворения в цензуру, заказывал новый набор и печатал брошюру объемом в полтора печатных листа.

Подобную расточительность у Пушкина предположить трудно.

История этой брошюры мне кажется весьма загадочной. Предположить, что Пушкин напечатал ее лишь для предподношения друзьям — трудно. Около 25-26 января 1832 г. П. А. Вяземский писал Пушкину: «...Между тем ты мне должен Северные цветы, потому что мои ты надписал Дмитриеву. Пришли две книжки, одну мне, другую жене». И. И. Дмитриев пишет Пушкину 1 февраля того же года: «Всем сердцем благодарю вас за альманах...» Существует так же экземпляр «Северных цветов» с надписью Пушкина: «Плетневу от Пушкина в память Дельвига 15 февр. 1832. СПб»⁵. Имеются и другие экземпляры с дарственной надписью поэта.

Следовательно, друзьям своим Пушкин дарил экземпляры альманаха «Северные цветы» 1832 года, а не брошюру со стихами из этого же альманаха, напечатанную отдельно.

Зачем же Пушкин напечатал эту брошюру и почему она исчезла и не упоминается в переписке Пушкина. Попробуем разобраться в этих вопросах.

Ключ к догадкам лежит, как мне кажется, в письме Пушкина к Бенкендорфу следующего содержания:

«Милостивый государь Александр Христофорович, ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое, *Древо яда*, было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответить на запрос вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая милость, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и права, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно, и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совестясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился к вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в вас более снисходительности, нежели в ней.

Имея необходимость объяснить лично вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить вас назначить час, когда мне можно будет явиться»⁶.

Пушкин датирует это письмо (очень важное обстоятельство — прошу запомнить!) 7 января 1832 года.

В бумагах Пушкина после его смерти нашелся запрос III-го отделения (писанный рукой А. Н. Мордвинова, без подписи), ответом на который было приведенное выше письмо Пушкина. Содержание запроса такое: «Генерал-адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием *Северные цветы* некоторые стихотворения его, и между прочим *Анчар*, *древо яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения»⁷.

Это письмо датировано (вновь прошу обратить внимание) 7 февраля 1832 года.

Если сравнить приведенные даты обоих писем, получается, как теперь любят говорить, — «телега поставлена впереди лошади»: на письмо от 7 февраля ответ написан 7 января.

Совершенно ясно, что кто-то ошибся в месяце — либо Пушкин, либо Мордвинов. И от разрешения вопроса, кто именно ошибся, зависит, как мы увидим дальше, весьма многое.

Первым обратил внимание на путаницу в датах этих писем В. Я. Брюсов. В «Русском архиве» 1906 года он попытался разгадать этот вопрос и пришел к выводу, что ошибся в дате Пушкин. Именно он, видите ли, сделал в письме опisku и вместо 7 февраля написал 7 января⁸.

С В. Я. Брюсовым немедленно согласился Н. Лернер, хотя и не преминул напомнить, что «Пушкин был, как известно, очень точен и внимателен»⁹.

Утверждение двух маститых пушкинистов было канонизировано, и даже в нашем академическом шестнадцатитомном собрании сочинений Пушкина письмо его Бенкендорфу, собственноручно датированное поэтом «7 января 1832 года», напечатано под датой «7-го февраля», а у текста Пушкина с числом «7-ое января» поставлена звездочка, указывающая на сноску, которая гласит: «Описка, вместо февраля». В примечаниях говорится: «Дата в подлиннике ошибочна» и указывается источник — В. Я. Брюсов, «Русский архив» и т. д. Ввиду того, что на сохранившемся этом письме Пушкина к Бенкендорфу имеется помета рукой А. Н. Мордвинова: «В среду в 11 часов к генералу», эта среда, падающая на 10 февраля 1832 года, занесена Н. Лернером в его «Труды и дни Пушкина» как дата посещения Пушкиным Бенкендорфа. А так как число его совпадает с днями запрещения журнала «Европеец» за статью Ив. Киреевского «XIX век», то всю эту историю связали вместе и, что называется, «пошла писать губерния»¹⁰.

Принятое за истину утверждение В. Я. Брюсова об ошибке Пушкина в датировке письма обрастало «сопоставлениями» и «фактами» буквально, как снежный ком.

Между тем, само по себе утверждение В. Я. Брюсова об описке Пушкина, принятое всеми за факт без кавычек, по моему мнению, более чем что-либо другое, этих кавычек заслуживало.

Суть догадок В. Я. Брюсова заключается всего-навсего в следующем: «Мы полагаем, что опisku сделал Пушкин, — писал он, — 7-ое января 1832 года приходилось в четверг, 7-ое февраля — в воскресенье. Между тем на письме Пуш-

кина есть надпись «В среду, в 11 часов к генералу». Вряд ли Бенкендорф, получив от Пушкина в четверг или в пятницу просьбу принять его, назначил бы самый прием почти неделю спустя. Напротив, получив такую просьбу в понедельник, он естественно пригласил к себе Пушкина через день, в среду».

Позволительно спросить: почему, собственно, нельзя допустить, что получив просьбу Пушкина в пятницу, его не могли пригласить к генералу в среду, через четыре-пять дней? Что ж, у Бенкендорфа не было никаких других дел, кроме бесед с Пушкиным? И какая же могла быть экстренность в беседе, если речь шла об альманахе, вышедшем в свет в конце декабря предыдущего года? Мне кажется, что все высказывания В. Я. Брюсова на эту тему не очень доказательны.

Еще менее доказательным кажется мне и последующее его «обоснование». Он пишет: «Можно поставить вопрос, почему официальное письмо было написано писарем в праздник, в воскресенье. Но очень вероятно, что Бенкендорф распорядился послать его еще в субботу, а писарь ввиду того, что подписи генерала не требовалось, отложил работу до утра...»

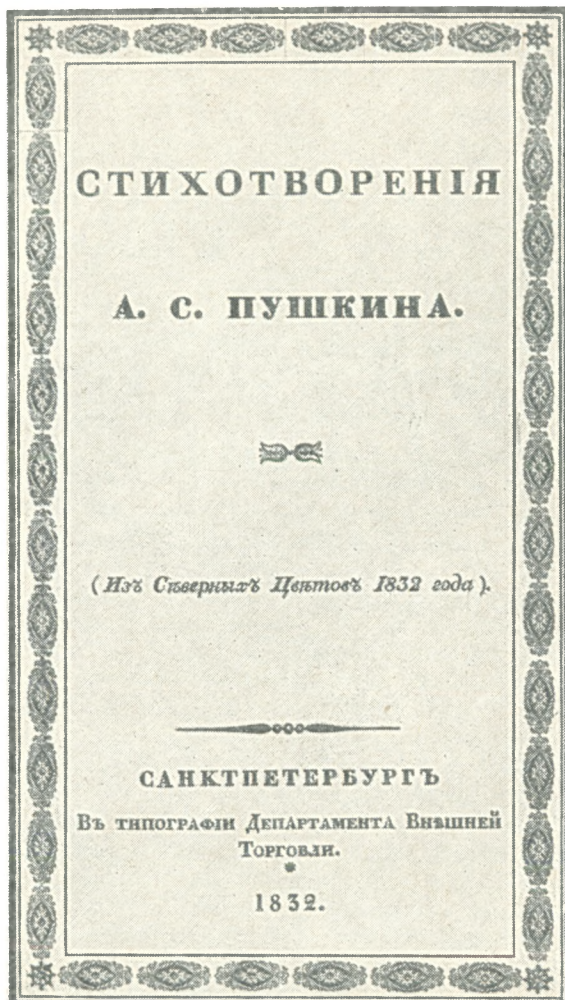
Но прежде всего никакого «писаря», о котором здесь говорит В. Я. Брюсов, не существовало в природе. Письмо, как это совершенно точно известно, написано рукой А. Н. Мордвинова, только что занявшего пост скончавшегося М. Я. Фон-Фока, помощника и заместителя Бенкендорфа.

Следовательно, гипотеза о том, что «писарь, ввиду того, что подписи генерала не требовалось, отложил работу до утра», причем до утра праздничного дня воскресенья, не выдерживает никакой критики. А. Н. Мордвинову не было надобности проводить праздничный воскресный день в канцелярии, как не было необходимости и Пушкину в воскресенье же отвечать Бенкендорфу. В воскресенье в III отделении, кроме дежурного и часовых, никого не было.

Приводить третий и последний довод В. Я. Брюсова, что люди, датируя свои письма, будто бы чаще ошибаются на месяц назад, чем на месяц вперед, уж просто не стоит.

Довод этот относится к области мнемотехники и к переписке поэта с Бенкендорфом отношения не имеет.

Возьмем на себя труд подойти к вопросу с другого конца: допустим, что ошибся в дате письма не Пушкин, а Мордвинов. Что мы здесь выигрываем и что проигрываем?

Лицевая сторона обложки.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Моцартъ и Сальери	1.
Анѣлогическія Эпиграммы	13.
Дорожныя жалобы	15.
Эхо	17.
Делибашъ	18.
Анчаръ, древо яда	19.
Бѣсы	21.

Последняя страница обложки.

Прежде всего, если пойти по линии только догадок, как это сделал В. Я. Брюсов, то мне кажется, что значительно легче предположить, что ошибся именно Мордвинов. Для него, только что вступившего в новую должность и заваленного кучей обрушившихся на него обязанностей, посылка письма-повестки Пушкину не было делом исключительной важности. Он имел право на ошибку. Наоборот, для Пушкина каждое письмо к Бенкендорфу являлось событием, и событием значительным и неприятным. К каждому такому письму он готовился, набрасывал сначала черновики и лишь после поправок и переделок писал письмо набело. При таких условиях ошибка у Пушкина гораздо менее возможна. Он, конечно, иногда ошибался тоже, но ошибался в письмах к друзьям, а отнюдь не в Третье отделение.

Предположив, что ошибся не Пушкин, а Мордвинов, мы избавляем себя от очень большой натяжки — необходимости признать, что обмен письмами между Мордвиновым и Пушкиным произошел в воскресный день, на который приходилось в 1832 году 7 февраля.

Наоборот, день 7 января падает на обыкновенную пятницу, и вот здесь Мордвинов, получив ответ Пушкина к вечеру того же дня, мог, действительно, не увидеть генерала, ни в субботу, ни в воскресенье, а встретившись с Бенкендорфом в понедельник, согласовал с ним визит поэта в III отделение на 11 часов утра в среду будущей недели, т. е. 12 января. Это гораздо более похоже на правду.

Но дело не только в этом. Попробуем рассмотреть самое событие, из-за которого загорелся весь сыр-бор.

В письме Мордвинова выдвинут на первый план упрек Пушкину в напечатании его стихотворения «Анчар, дерево яда» без предварительного «испрошения высочайшего дозволения».

История этого стихотворения хорошо известна, но сейчас необходимо вкратце ее напомнить.

Названное произведение сохранилось в двух автографах и в авторизованной копии, с которой печаталась третья часть «Стихотворений» Пушкина 1832 года.

В двух автографах «Анчара», помеченных 1829 годом, первые две строки последнего четверостишия читаются так:

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы...

В 1832 году Пушкин печатает это стихотворение трижды: в «Северных цветах» на 1832 год, в сборнике «Сти-

хотворения из Северных цветов 1832 года» и в третьей части своего собрания стихотворений, вышедшей также в 1832 году.

В первых двух книгах Пушкин, желая усилить политическое звучание «Анчара», заменяет слово «князь» словом «царь». Указанные строчки в печатном виде читаются:

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы...

В авторизованной копии, заготовленной для печатания третьей части собрания стихотворений написано тоже слово «царь», но оно чьей-то рукой (спорят: то ли Жуковского, то ли цензора, то ли Плетнева) зачеркнуто и надписано «князь». Так со словом «князь» произведение это и напечатано в вышедшей в том же году третьей части собрания пушкинских стихотворений.

Посмотрим теперь даты цензурного разрешения и выхода в свет всех этих трех книжек, появившихся с небольшими интервалами:

а) «Северные цветы» на 1832 год разрешены цензором В. Семеновым 9 октября 1831 года. Известие о выходе их в свет появилось 24 декабря 1832 года.

б) «Стихотворения из Северных цветов 1832 года» разрешены тем же цензором В. Семеновым 7 января 1832 года (обратите внимание на эту дату). Билет на выпуск книги из типографии выдан 13 февраля того же года.

в) Третья часть стихотворений Пушкина разрешена тем же В. Семеновым 20 января 1832 года. Сборник поступил в продажу, согласно книгопродавческим объявлениям, 31 марта 1832 года.

Сейчас, имея на руках все эти данные, попробуем восстановить события, так как они, возможно, протекали.

Издававший в пользу семьи покойного А. Дельвига последнюю книжку «Северных цветов» на 1832 год Пушкин посылает ее в ноябре 1831 года в цензуру. Пользуясь тем, что цензуровать книжку будет В. Семенов, его младший товарищ по Лицею, Пушкин рискует усилить политическое звучание «Анчара», заменяя слово «князь» словом «царь». Цензор В. Семенов 9 октября 1831 года подписывает книгу, и в самые последние дни декабря того же года она поступает в продажу. Ровно через неделю (а не через пять недель как это вышло бы по В. Я. Брюсову, и это, кстати сказать, немаловажный аргумент против его догадок: III отделение не медлило!) Мордвинов, 7 января, в пятницу, посылает приведенный выше запрос Пушкину об «Анчаре».

А. А. Дельвиг. Литография по рисунку В. П. Лангера.

В тот же день, в ту же пятницу 7 января, Пушкин пишет ответ Бенкендорфу, просит свидания с ним, и в тот же день спешит к цензору В. Семенову и берет у него (в тот же день) разрешение на напечатание всех своих стихотворений из «Северных цветов» 1832 года отдельной книжкой.

И не только берет разрешение, но тут же заказывает типографии срочно отпечатать брошюру.

Зачем Пушкин все это делает? Материалов на этот счет у нас нет никаких, но можно предположить, что брошюра должна была сыграть роль некоего громоотвода для спасения уже выпущенного в продажу альманаха «Северные цветы».

Поэт думал, что если при предстоящем свидании 7 января Бенкендорф уж очень «разъярится» и потребует категорического запрещения стихотворений, ему можно будет подсунуть в качестве «жертвы» новую, уже печатающуюся брошюру, которая и отвлечет гнев от альманаха.

В условиях, когда Пушкину приходилось с трудом протаскивать через цензуру (да еще не одну!) свои произведения, он мог решиться и на подобный шаг.

Состоявшаяся беседа с Бенкендорфом происходила, очевидно, не в очень обостренных тонах и касалась всего лишь одного слова «царь» в стихотворении «Анчар». Пушкину удалось, не показывая разрешения на новую брошюру, успокоить Бенкендорфа обещанием переменить слово «царь» на слово «князь» в готовящейся в эти дни к печати третьей части его собрания стихотворений. Часть эта была представлена в цензуру через неделю после беседы, состоявшейся, по-моему, 12 января. В рукописи этой книги, как мы уже знаем, слово «царь» было действительно заменено словом «князь». С этим изменением книга и вышла в свет.

Но заказанная типографии и разрешенная цензором В. Семеновым отдельная брошюра «Стихотворения из Северных цветов 1832 года» в это время уже печаталась, причем печаталась со словом «царь».

Каким-то образом слухи о брошюре (а может быть и сама брошюра) дошли до Бенкендорфа. Последовал новый грозный запрос Пушкину. Текст запроса не сохранился, но ответ на него поэта нам известен. Главное в этом ответе — следующее: «По приказанию вашего превосходительства препровождаю к вам одно стихотворение, данное мною в альманах и пропущенное уже цензурою. Я остановил печатание оного до разрешения вашего превосходительства»¹¹.

Ответ этот датирован 24 февраля 1832 года, но черновик ответа (также сохранившийся) имеет дату 18 февраля, число весьма близкое к выходу из типографии «Стихотворений из Северных цветов 1832 года», получивших билет на выпуск 13 февраля.

Никаких других стихотворений и альманахов, которые Пушкин мог бы «приостановить печатанием» в эти дни, не известно, поэтому логичнее всего предположить, что речь шла именно об интересующей нас брошюре.

И это тем более вероятно, что в упомянутом черновике пушкинского ответа, написанном пространнее, чем беловое письмо, и содержащем новые жалобы Пушкина на двойную для него цензуру, легко усмотреть, что причиной и темой разговора являлся опять-таки «Анчар». Пушкин пишет: «...обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будет разуметь конституцию, а под словом *стрела* — самодержавие»¹².

Этих строк Пушкин Бенкендорфу не посылал, но наличие их в черновике говорит о том, что спор об «Анчаре» еще продолжался, и продолжение этого спора было вызвано, по-видимому, вышедшей как раз именно в эти дни из типографии брошюрой «Стихотворения из Северных цветов 1832 года».

«Остановить печатанием» книжку Пушкин уже не мог, так как билет на выпуск книги дается тогда, когда она готова, но поэт, очевидно, был вынужден уничтожить весь тираж брошюры.

Только этим и можно объяснить ее совершенно исключительную редкость: всего два дошедших до нас экземпляра.

* * *

Изложив эту историю, я заранее соглашаюсь с тем, что документальных данных, ее подтверждающих, в сущности совсем немного. Однако их значительно больше, чем было у В. Я. Брюсова, уверявшего, что ошибся в дате письма Пушкин.

Есть же еще и логика: вся переписка поэта с Бенкендорфом, происходи она действительно, как предположил В. Я. Брюсов, в феврале, была бы просто бессмысленной. Названное стихотворение к этому времени уже дважды появлялось в печати со словом «царь», было процenzуровано и печаталось в третий раз уже со словом «князь».

Наоборот, 7 января вопрос об этом стихотворении стоял по времени необычайно остро, и запрос Мордвинова и Бен-

кендорфа возник немедленно вслед за первым появлением «Анчара» в альманахе «Северные цветы».

Некоторые исследователи «Анчара» почти не уделяют внимания вопросу, почему Пушкин, дважды печатая это стихотворение, переменял написанное им в автографе слово «князь» на слово «царь». Зато обратная замена слова, сделанная Пушкиным при третьем печатании «Анчара», вызвала целую гору статей, утверждавших, что это произошло отнюдь не под давлением цензуры, а исключительно благодаря заботам поэта о чистоте «ямайского фольклора».

Этим затушевывалась политическая сущность одного из самых смелых и вольнолюбивых стихотворений Пушкина, и работы о нем сводились к вопросам «чистого искусства». Верное отражение «ямайского фольклора» ставилось выше политического звучания «Анчара».

Подобный «этнографизм» не свойствен Пушкину, и мне кажется, что профессор Д. Благой в своей книге «Литература и действительность» весьма убедительно доказывает несомненное участие цензуры в изменениях, которым подверглось это произведение поэта¹³.

В третьем томе академического собрания сочинений Пушкина стихотворение «Анчар» явно ошибочно напечатано со словом «князь». Составители семнадцатого дополнительного тома Т. Г. Цявловская и С. М. Бонди внесли соответствующую поправку, указав, что вместо слова «князь» должно быть слово «царь»; обратная перестановка этих слов сделана Пушкиным под давлением цензуры.

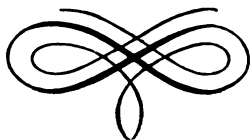
Задача академического собрания сочинений Пушкина — давать тексты поэта в неискаженном цензурой виде — в отношении стихотворения «Анчар» выполнена.

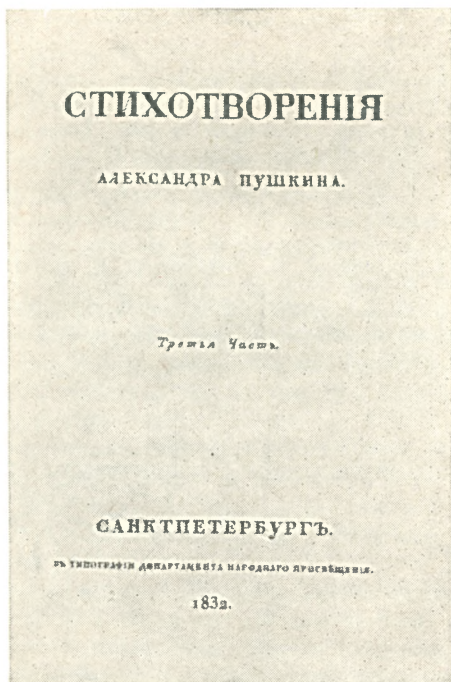
Думается, что и некоторые мои предположения, высказанные выше по поводу брошюры Пушкина «Стихотворения из Северных цветов 1832 года» получают при этом соответствующую поддержку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Снявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 853.
2. Пушкин, А. С. Сочинения. Изд. П. В. Анненкова. Т. 4. Спб., стр. 460.
3. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. 8, вып. 31-32, 1927, стр. 5.
4. Звенья. Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 243.
5. Письмо Вяземского — см. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 7. — Письмо Дмитриева — там же, стр. 8; об альманахе с автографом — см.: «Лит. наследство». Т. 16-18, стр. 595.

6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 10.
7. Там же, стр. 10. На стр. 238 — указано «рукой Мордвинова».
8. «Русский архив», 1906. Т. I, стр. 328.
9. Там же, кн. 3, стр. 636.
10. Лернер, Н. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб., 1910, стр. 262. Упоминаемые исправления в датах писем — см. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 11 и 238.
11. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 14.
12. Там же, стр. 13-14 и 117.
13. Благой, Д. Д. Литература и действительность. М., 1959, стр. 335. Статья «Анчар, древо яда». Автор дает свод всех источников по исследованию этого стихотворения.
14. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, том «Справочный», стр. 25.

30. ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА (1832 г.)

СТИХОТВОРЕНИЯ Александра Пушкина. Третья часть. Санкт-петербург. Типография департамента народного просвещения. 1832.

80. (19 × 12 см. обрез.) 208 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 1 ненум. стр.

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть. Санктпетербург. 1832»; на последней стр., в такой же наборной рамке, — виньетка (лира) и текст: «Третья часть стихотворений Александра Пушкина продается во всех книжных лавках по 10 р. экз., а за пересылку прилагается 1 р.»

Ц е н з у р н о е р а з р е ш е н и е: 20 января 1832 г.; цензор И. Семенов.

С о д е р ж а н и е: см. примечания к этому рассказу.

Дата выхода в свет — не позднее 29 марта 1832 г. Основанием этой датировки служит сообщение в «Северной пчеле» от 31 марта 1832 года, № 75, где говорится, что «В книжном магазине А. Ф. Смирдина поступила в продажу книга: Стихотворения А. С. Пушкина, часть третья. Цена 10 р., с пересылкой 11 р.» В «Московских ведомостях», 1832, 6 апреля, в № 28 объявляется о продаже третьей части стихотворений Пушкина, «полученных с последней почтой из Спб»¹.

ЕШИВ издать третью часть своего «Собрания стихотворений» (первые две части вышли в 1829 году), Пушкин в середине октября 1831 года обратился к Бенкендорфу со следующим письмом: «Осмеливаюсь беспокоить ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой о дозволении издать особою книгой стихотворения мои, напечатанные уже в течение трех последних лет. В 1829 году ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что государю императору угодно было впредь положиться на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, а после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению его императорского величества»².

Письмом этим Пушкин напоминал, что разрешение печатать «Бориса Годунова» дано ему было царем в 1829 году «под его личную ответственность» и что, как ему кажется, под этой «личной ответственностью» он имеет право печатать и все остальные свои сочинения.

Бенкендорф поспешил развеять (и не без злорадства) заблуждения поэта, поставив его в известность, что: «Упомянутое в письме вашем сообщение мое к вам 1829 года относилось к одной трагедии вашей под названием Годунов, а потому вам надлежит по-прежнему испрашивать всякий раз высочайшее его величества соизволение на напечатание ваших сочинений»³.

Единственно ценным разъяснением для Пушкина в этом письме оказалось следующее: «...имею честь уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особой книгой тех стихотворений ваших, которые были уже однажды напечатаны».

Следуя этому разъяснению, Пушкин часто нарочно стремился к тому, чтобы сделать свои произведения «единожды напечатанными» до того, как он соберет их в отдельную книгу. Он торопился напечатать свои стихи в журнале или в альманахе, зная, что органы эти не подлежат специальному контролю Бенкендорфа, а цензуруются в общем порядке.

Иной раз это удавалось, а иной раз нет.

Из предыдущего рассказа о брошюре «Стихотворения из Северных цветов 1832 года» мы знаем, что уже напечатанные в альманахе «Северные цветы» произведения Пушкина вызвали запрос Бенкендорфа — на каком основании они напечатаны без предварительного рассмотрения их царем.

Совершенно ясно, что Бенкендорф считал те сочинения Пушкина уже «единожды напечатанными», которые до этого были просмотрены в Третьем отделении. Пушкин же полагал (вернее делал вид, что полагает), что раз сочинения его уже появились где-либо в печати, то вторично их цензурировать не надо.

Пушкин видел, что, по существу, он подлежит двум цензурам — и царской, и общей, — и всеми силами боролся против этого.

Сохранился черновик его письма Бенкендорфу, где поэт пробовал просто, по-человечески, объяснить генералу трудность своего положения. Он писал:

«Ныне ваше высокопревосходительство... изволили приказать мне обращаться к вашему высокопревосходительству с теми моими стихотворениями, которые я или журналисты пожелают напечатать. Позвольте доложить вашему высокопревосходительству, что сие представляет разные неудобства. Ваше высокопревосходительство не всегда изволите пребывать в Петербурге, а книжная *торговля*, как и всякая, имеет свои сроки, свои ярмонки; так что от этого, что книга будет напечатана в марте, а не в январе, сочинитель может потерять несколько тысяч рублей, а журналист несколько сот подписчиков»⁴.

Далее Пушкин излагает некоторые другие неудобства, связанные с его особым, якобы «привилегированным» положением, и заканчивает это письмо словами: «Осмелюсь просить об одной милости: впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре».

Письма этого Пушкин даже не послал, по-видимому, понимая всю тщетность попытки в чем-нибудь убедить Бенкендорфа. Война поэта с двойной цензурой не сулила ему победы.

В результате вся третья часть стихотворений 1832 года подверглась двойной цензуре — и бенкендорфской, и обыкновенной, — хотя из «ненапечатанных ранее» произведений Пушкина в книге было всего три стихотворения: «Узник», «Каков я прежде был...» и «Сказка о царе Салтане».

О последней, между прочим, имеются сведения, что она тоже была напечатана ранее вместе со сказками В. А. Жуковского в особой брошюре, изданной в ничтожном количестве экземпляров исключительно для придворных кругов.

Брошюры этой никто не видел, и самый факт ее существования не достоверен. О ней первым сообщил П. А. Ефремов в примечаниях к собранию сочинений поэта в изда-

нии Анненкова (1882 г.), но он же в вышедшем под его редакцией более позднем суворинском издании уже не упоминает об этой брошюре⁵.

Печатал третью часть «Стихотворений 1832 года» П. А. Плетнев и, по-видимому, тиражом в 1 200 экземпляров. Это, кстати, подтверждается тем обстоятельством, что следующая четвертая часть, вышедшая в 1835 году, напечатана таким же тиражом, что на этот раз установлено документально.

Весь тираж третьей части «Стихотворений» 1832 года (равно как и будущей четвертой, 1835 года) куплен А. Ф. Смирдиным по шести тысяч рублей за каждую часть, причем он же взял на себя и все расходы по печатанию. Сумма гонорара указана П. В. Анненковым. При описании первых двух частей данного «Собрания стихотворений» я уже имел случай рассказать некоторые подробности этой покупки.

В книге «Рукою Пушкина», в разделе «Планы изданий» приводятся несколько сохранившихся в бумагах поэта черновых его проектов расположения стихотворений в этом собрании. Планы эти показывают, какую огромную редакторскую работу проделывал Пушкин над каждой книгой собрания своих стихотворений⁶.

Появление третьей части «Стихотворений» печать встретила почти равнодушно. В этом отношении любопытно начало статьи в журнале «Телескоп»:

«Третья Часть стихотворений Пушкина, обогащенная обширною сказкою в новом роде, которого гений его еще не испытывал, скромно, почти инкогнито, прокрадывается в газетных объявлениях, наряду с мелкой рухлядью цехового рифмоплетного рукоделья; и — (о верх унижения!) — между журнальными насекомыми, Северная пчела, ползавшая некогда пред любимым поэтом, чтобы поживиться от него хотя росинкой сладкого меду, теперь осмеливается жужжать ему в приветствие, что в последних стихотворениях своих — Пушкин отжил!!!»⁷.

Страшно подумать, что это говорилось о книге, в которой было напечатано: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «К вельможе», «Пир во время чумы», «Бесы», «Моцарт и Сальери», «Зимний вечер», «Анчар» и многое, многое другое, не говоря уже о «Сказке о царе Салтане», о которой те же рецензенты писали, что она «по объему своему могла бы составить особую книжку».

* * *

Хочется указать на одну, не замеченную в этой книге опечатку. Цензурное разрешение третьей части «Стихотворений» подписано: «Цензор И. Семенов». Никакого «И. Семенова» не было. Книгу цензуровал Василий Николаевич Семенов, знакомый Пушкина по Лицею.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 854.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 234.
3. Там же.
4. Там же, т. 15, 1948, стр. 13.
5. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 845.
6. Рукою Пушкина. Несобр. и неопubl. тексты. Подг. к печати М. А. Цявловский и др. М.-Л., 1935, стр. 225 и след.
7. «Телескоп», 1832, ч. IX, № 9, стр. 105.

Оглавление третьей части «Стихотворений» 1832 года:

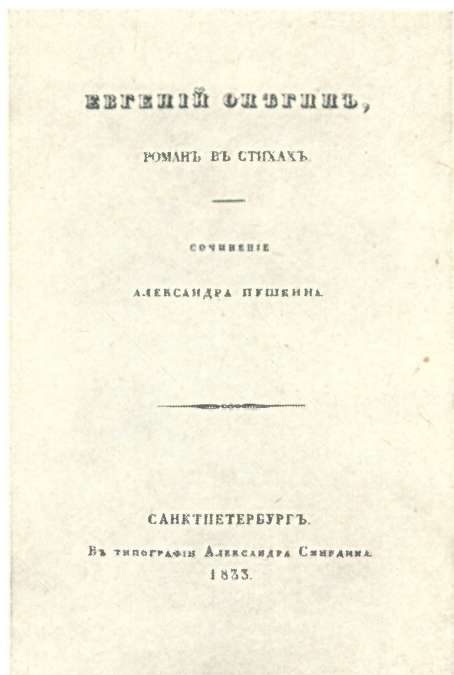
- 1829: 1. Кавказ. 2. Обвал. 3. Монастырь на Казбеке. 4. Делибаш. 5. («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»). Отрывок. 6. («Не пленяйся бранной славой...»). Из Гафиза. 7. Дон. 8. Олегов щит. 9. («По-едем, я готов...»). Элегический отрывок. 10. («Когда твои молодые лета...»). 11. («Я вас любил...»). 12. («Зима. Что делать нам в деревне...»). 13. Зимнее утро. 14. («Счастлив ты в прелестных...»). 15. Литературное известие. 16. («Как сатирой безымянной...»). Эпиграмма. 17. Дорожные жалобы. 18. Калмычке. 19. («Что в имени тебе моем...»). В альбом. 20. («Кто на снегах возрастил...»). Загадка. 21. («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Стансы.

- 1830: 1. («В часы забав иль праздной скуки...»). Стансы. 2. К вельможе. 3. Поэту. Сонет. 4. Ответ анониму. 5. («Пью за здравие Мери...»). Песня. 6. Пир во время чумы. Из Вильсоновой трагедии. 7. Сонет. 8. Бесы. 9. Царскосельская статуя. 10. Отрок. 11. Рифма. 12. На перевод Илиады. 13. Труд. 14. Моцарт и Сальери. 15. Новоселье. 16. Цыганы. С английского. 17. Ответ. 18. Мадонна. Сонет.

- 1831: 1. Эхо. 2. Клеветникам России. 3. Бородинская годовщина. 4. Сказка о царе Салтане.

Разных годов: 1. Узник. 2. К Языкову. Отрывок из послания. 3. Зимний вечер. 4. 19 октября 1827. 5. («Дар напрасный...»). 6. («Каков я прежде был...»). Отрывок из А. Шенье. 7. Анчар. 8. («Подъезжая под Ижоры...»). 9. Сборник насекомых. 10. Приметы.

31. ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1833 г.)

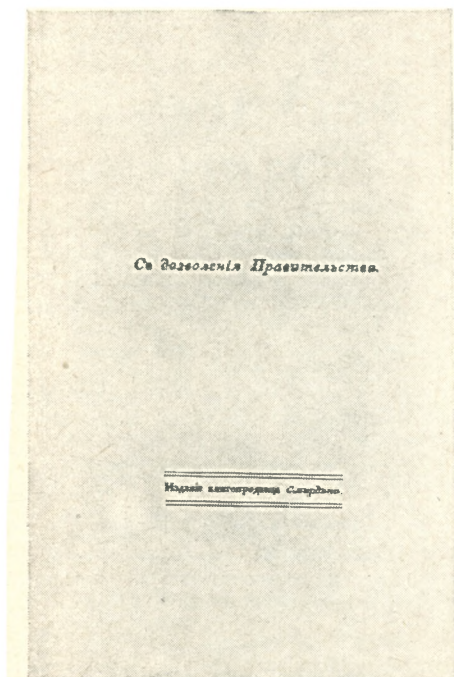
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Александра Смирдина. 1833. (На обороте: «Издание книгопродавца Смирдина»).

8°. (20,5 × 12,5 см. обрез.) Шмуцтитул + заглавный лист + 2 нум. + 287 стр.

Обложка: без всякой наборной рамки или украшений. На передней стороне напечатано крупно: «Евгений Онегин»; на последней стр. (тоже без рамки и украшений) — текст: «Продается в книжном магазине А. Смирдина. Цена 12 рублей».

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства». [Дата не указана]. В книге «Дела III-го отделения» документов об этом издании нет.

Дата выхода в свет — около 23 марта 1833 года — определяется на основании извещения в «Северной пчеле» от того же числа, № 66, где указано о продаже полного «Евгения Онегина» в книжном магазине А. Смирдина по 12 рублей. В «Московских ведомостях» — такое же извещение в № 24 от 25 марта 1833 года¹.

Оборотная сторона
титального листа.

КОНЦА 1831 до первых месяцев 1833 года Пушкин жил в Петербурге, лишь изредка по тем или иным делам наезжая в Москву. В ноябре 1831 года состоялось обещанное ему еще в Царском селе зачисление его на государственную службу в Коллегию иностранных дел. Оклад, положенный поэту, был всего 5 000 рублей ассигнациями в год. Это было немного, но зато служба давала возможность заниматься в государственных архивах, подбирая материалы для задуманных исторических работ.

Поэту разрешили также ознакомиться с библиотекой Вольтера, приобретенной в свое время Екатериной II и, кстати, до Пушкина не показанной ни одному русскому писателю или ученому.

Пушкин много работает. Он пишет «Русалку», «Песни западных славян», делает наброски «Пиковой дамы», «Дубровского» и других произведений. В январе 1831 года начинает писать «Капитанскую дочку».

Имея теперь возможность получать некоторые архивные документы для работы на дому и, в частности, близко ознакомившись с материалами крестьянского восстания при Екатерине II, именовавшегося «Пугачевским бунтом», Пушкин начинает писать его историю.

Но все это, однако, может быть реализовано только в будущем, а пока же материальные дела поэта далеко не блестящи. Книг его за это время вышло немного, а жизнь с женой в Петербурге требовала очень больших расходов. Ни «государева жалования», ни «пенсiona» Смирдина не хватало. Надо было что-то предпринимать, чтобы не жить только займами, векселями и закладами.

Не исключено, что тот же Смирдин подсказал поэту возможность поправить материальные дела изданием первого полного «Евгения Онегина». Хотя главы этого романа, напечатанные отдельными книжками, и были еще не распроданы и находились в распоряжении Смирдина, но остальные их немного, стоили они дорого, к тому же не всегда имелись в полном комплекте. Смирдин был явно заинтересован в новом и полном издании «Евгения Онегина».

Первоначально, однако, Пушкин решил напечатать полное издание романа сам, с помощью Плетнева. В книге «Рукою Пушкина» приводится интереснейший черновой листок с расчетами поэта по предполагаемому изданию. Расчеты эти были сделаны еще в Болдине, примерно в сентябре 1830 года². На листке выписаны даты окончания работы над каждой отдельной главой «Евгения Онегина» и сделан общий подсчет времени, потраченного на его создание. По расчетам Пушкина вышло «7 лет, 4 месяца, 17 дней».

После этого подсчета на листке стоит цифра «45», комментируемая составителями книги «Рукою Пушкина» как общая цена всех девяти глав романа (тогда Пушкин еще не собирался объединять восьмую и девятую главы в одну), 9 глав по 5 рублей = 45 рублей.

Далее на том же расчете стоит цифра «15», по мнению комментаторов, это — предполагаемая автором новая цена полного «Онегина» (мне тоже кажется это верным), и затем следует умножение этой цены на проектируемую цифру тиража в 2400 экземпляров, что давало общую стоимость издания в 36 000 рублей.

Еще далее рукою Пушкина на том же расчете поставлена цифра «25», обведенная кружком. Эту цифру авторы комментариев склонны рассматривать как новую цену, намечаемую автором за полного «Онегина», то есть вместо пятнадцати — двадцать пять рублей за экземпляр.

С этим я позволю себе не согласиться. Мне кажется, что если из суммы стоимости издания в 36 000 рублей вычесть книгопродавческую скидку и расходы на печать и бумагу, то цифра 25, поставленная Пушкиным, будет обозначать ту чистую прибыль от издания, которую вправе был ожидать автор.

Вероятнее всего, что на таких основаниях это издание и состоялось бы, но Пушкин во-время вспомнил, что право переиздания всех глав «Онегина» (кроме главы последней, восьмой) ему не принадлежит в силу известного нам условия, заключенного им 1 мая 1830 года со Смирдиным. По этому условию Пушкин в течение четырех лет имел возможность издавать любые новые книги, но «не касаться того, что было напечатано до начала условия». Семь глав «Онегина» входили именно в число последних.

До окончания срока условия Пушкину оставалось ждать еще более года, а нужда в деньгах была большая и поэтому, хотел того автор «Онегина» или не хотел, ему пришлось договариваться о новом полном издании романа со Смирдиным.

Вместо проектируемой Пушкиным прибыли от издания в сумме 25 000 рублей, Смирдин предложил гонорар 12 000, то есть ту самую обычную «половину», которая несколько раз уже упоминалась в предыдущих рассказах. При этом, конечно, все расходы по изданию брал на себя Смирдин.

Цена на полного «Онегина» была назначена не 15 рублей, как хотел Пушкин, а двенадцать; что же касается тиража, то он остался таким, каким проектировал его автор: две или две тысячи четыреста экземпляров. С одного «завода» в 1200 экземпляров Смирдин не смог бы уплатить автору двенадцать тысяч гонорара.

Впрочем, контроль за тиражом издания на этот раз не принадлежал ни Пушкину, ни Плетневу. По условию, Смирдин являлся издателем полного «Евгения Онегина», а не покупателем готового тиража его. Именно поэтому Смирдин впервые на книге Пушкина поставил свою торговую марку — «Издание книгопродавца Смирдина» — и напечатал книгу в собственной типографии.

Издal «Евгения Онегина» Смирдин весьма изящно, хотя и просто. По-видимому, большую часть тиража он выпустил в издательских переплетах, так как крайне редко встречаются экземпляры в печатных обложках, причем последние выполнены грубо, без обычной наборной рамки и украшений. На передней стороне оттиснуто только «Евгений Онегин», а на задней — «Продается в книжном магазине

**ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.**

Лицевая сторона обложки

ПРОДАЕТСЯ:
Во книжномъ магазинѣ А. Смирдина.
Цена 12 рублей.

Последняя страница обложки «Евгения Онегина» (1833 г.).

А. Смирдина. Цена 12 рублей». В какой-то мере такая обложка почти равна «немой» цветной обертке, в которой в то время выходили некоторые книги.

Роман напечатан без посвящений, предисловия и без «Разговора книгопродавца с поэтом». В конце, после «Примечаний», напечатаны «Отрывки из путешествия Онегина».

Выход полного издания романа приветствовался такими словами «Московского телеграфа»:

«До сих пор Онегин продавался ценою малослыханною в летописях книжной торговли: за восемь тетрадок надо было платить 40 рублей! Много ли тут было лишнего сбора можно судить потому, что теперь Онегин с дополнениями и примечаниями продается по 12 рублей. Хвала поэту, который сжался над тощими карманами читающих людей! Веселие Руси, в которой богатые покупают книги так мало, а небогатым покупать Онегина было так неудобно!..»³.

При всей внешней доброжелательности статьи в ней звучит ядовитый намек на чрезмерную дороговизну отдельных глав «Евгения Онегина».

Я уже говорил, что вопрос этот чрезвычайно раздражал Пушкина. В его «Опровержениях на критики» сохранился такой не напечатанный при жизни автора ответ на эти обвинения:

«Между прочими литературными обвинениями, укоряли меня слишком дорогою ценою Евгения Онегина, и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели Северной пчелы? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляра, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам мещанам писателям очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 коп. или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (*le plus national et le*

plus populaire) самого национального и самого популярного, не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их?»⁴.

В этом, довольно горьком объяснении, не трудно угадать, что под книгопродавцами, продающими книги по той цене, по какой они хотят сами, вне зависимости от воли автора, подразумевается история с «Братьями разбойниками», попавшими в лапы книгопродавца Александра Ширяева, человека беспринципного по отношению к писателям.

Что же касается мысли об ограниченном количестве читателей, интересующихся поэзией, то Пушкин мог, конечно, иметь основания для обиды: бездарный роман Булгарина, расцененный по 15 рублей за четыре части, шел на расхват, а его книги, продававшиеся не на много дороже, печатались тиражами куда меньшими и расходились отнюдь не всегда столь же молниеносно.

Пушкин, конечно, не мог не знать, что успех булгаринской стряпни был беспричинен. Это великолепно объяснил И. Киреевский в альманахе «Денница» на 1830 год. В своем «Обзрении русской словесности» он написал о романе Булгарина: «Пустота, безвкусие, бездушность; нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток — вот качества сего сочинения, которые составляют его достоинства».

Именно эти «достоинства», по мнению И. Киреевского, делали сочинения Булгарина «по плечу многим людям, которые от азбуки и катехизиса еще только переходили к чтению повестей и «нравоописательных романов».

Истинных ценителей пушкинской поэзии насчитывалось тогда, разумеется, гораздо меньше, и сетования поэта были небезосновательны, хотя и чуточку сгущены.

Цена на книгу, несомненно, тоже играла большую роль, и кому, как не самому Пушкину, было известно, что сочинения его (в частности «Евгений Онегин») в громадном количестве экземпляров распространялись в рукописном виде. Стихи переписывали для себя люди, любящие поэзию, но не имеющие денег.

Однако и обвинять Пушкина в какой-то исключительной дороговизне его книг было бы несправедливо.

Упреки, которые делались ему в печати по этому поводу, были тем более неосновательны, что они появлялись уже в то время, когда слова о якобы баснословных пушкин-

А. Ф. Смирдин. Гравюра на стали М. Леммеля.

ских гонорарах и о непомерных ценах на его книги стали уделом прошлого.

В годы выхода первого полного издания «Евгения Онегина» цены на книги стояли примерно такие:

Стихотворения Жуковского в 3-х частях (3-е изд.)	—	25 р.
Собрание сочинений М. Муравьева в 3-х т.	—	30 р.
«Чернец». Повесть в стихах И. Козлова, изд. 3-е	—	5 р.
«Душенька» Богдановича	—	5 р.
Стихотворения Баратынского	—	10 р.
Поэма «Эда и Пиры» — его же	—	5 р.
«Три повести» П. Ф. Павлова	—	8 р.
«Миргород» Н. Гоголя	—	12 р.

Альманахи «Северные цветы» стоили 12 рублей. «Невский альманах» — 10 рублей, и так далее.

Цены на все эти книги были никак не ниже стоимости книг Пушкина, хотя многие были и куда менее ходовыми. То же самое можно сказать и о гонорарах поэта. Они также перестали быть «удивительными».

Вяземский, например, писал Тургеневу 6 февраля 1833 года: «Смирдин дал ему [А. А. Перовскому] 9000 рублей за «Монастырку» в двух маленьких частях. Конечно это не парижская, не лондонская плата, но по нашей малочисленной и исключительно русской публике должно удивиться развитию книжной промышленности у нас. Давно ли Карамзин продавал все сочинения свои тысяч за десять не с большим. Батюшков все свои — за две тысячи рублей? А теперь Смирдин за второе издание их предлагает семь или восемь тысяч рублей. Стало, Русь начинает книжки читать, и грамота и у нас на что-нибудь да годится. Можно головою прокормить брюхо...»⁵.

Этому вот последнему, в то время на Руси удивительному явлению, — возможности «головою прокормить брюхо» — именно Пушкин положил начало. Пушкин и Смирдин. И упрекать их в чем-либо со стороны журналистов того времени было явным лицемерием. И когда Пушкин спрашивал в своем, цитируемом выше ответе: «Как могли повторять то же милое обвинение издателя «Северной пчелы?» — он был прав во всех точек зрения.

И еще более правым оказался один из старых книготорговцев пушкинского времени, сказавший: «Порадуемся не дороговизне стихов Пушкина, но тому, что он пишет хорошо: экономические расчеты следствие этого»⁶.

Впрочем, именно книготорговцы — все, начиная со Смирдина, уважали и ценили Пушкина куда больше, чем многие его критики. Эти простые, не очень грамотные люди, зарабатывая порой на книгах великого поэта много меньше, чем на разного рода «Выжигиных», каким-то чутьем угадывали в нем гения и всячески старались высказать это.

В газете «Крымский вестник» за 1900 год приводится такой анекдот:

«Пушкин, бродя по Новочеркасску, зашел в книжную лавочку Жиркова.

— А есть у вас сочинения Пушкина? — спросил поэт.

— Есть.

— Сколько стоит книжка?

Торговец заломил неимоверно высокую цену, в 4—5 раз превышавшую номинальную.

— Почему так дорого? — улыбаясь спросил Пушкин.

— А уж очень уж приятная книжка. Случалось ли вам пить чай без сахара? — вдруг спросил торговец.

— Да ведь это очень неприятно.

— Ну, так вот пойдите домой, возьмите эту книжку и велите налить себе чаю без сахара. Пейте чай и читайте эту книжку — будет так же сладко, как и с сахаром»⁷.

Разумеется, дело здесь вовсе не в том, достоверен ли этот анекдот или не достоверен. Самый факт возникновения его в изустных преданиях характерен для популярности Пушкина и для отношения к нему книгопродавцев.

Что касается «экономических расчетов» от продажи книг для самого Пушкина, то поэт писал Соболевскому еще в середине ноября 1829 года: «Здесь в Петербурге дают мне (буквально) по 10 рублей за стих, а у вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу [речь идет о «Московском вестнике»]. Да еще говорят: Он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистой, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича»⁸.

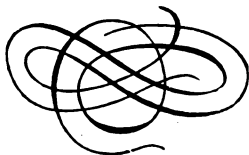
Однако истинные размеры «богатства», приносимого Пушкину его «единственной деревенькой на Парнасе», никак и никогда не заслуживали столь пышного названия.

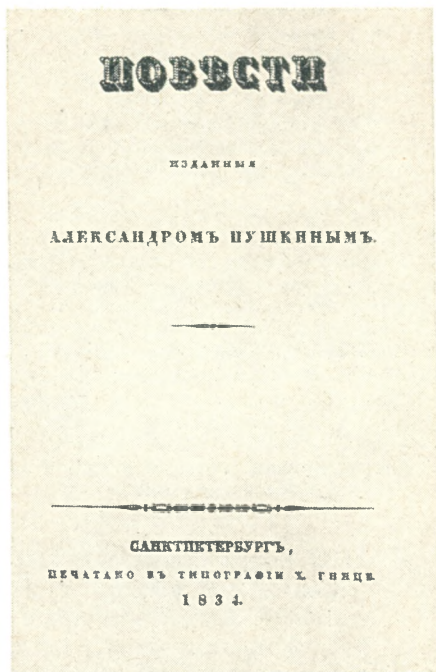
* * *

«Евгений Онегин» в издании А. Смирдина 1833 года на антикварном рынке не представлял какой-либо особенной редкости. Сейчас, конечно, экземпляры его «подобрались», но тоже не считаются ненаходимыми. Большая редкость лишь экземпляры в печатных обложках.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 936.
2. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубл. тексты. Подг. к печати М. А. Цявловский и др. М.-Л., 1935, стр. 248.
3. «Московский телеграф», 1833, № 6.
4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 154.
5. «Остафьевский архив», т. 3, Спб., 1908, стр. 221.
6. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 6, стр. 154.
7. «Крымский вестник», Севастополь, 1900, № 57.
8. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1937, стр. 349.

32. ПОВЕСТИ, ИЗДАННЫЕ АЛЕКСАНДРОМ ПУШКИНЫМ (1834 г.)

ПОВЕСТИ, изданные Александром Пушкиным. Санктпетербург, печатано в типографии Х. Гинце. 1834.

8^о. (20,5 × 13 см. обрез.). Заглавный лист + XIII стр., включая «Оглавление» и «От издателя» + 3 нenum. + 15—246 + 1 нenum. стр.

Обложка: на лицевой стороне обложки, без всякой рамки, напечатано: «Повести, изданные Пушкиным»; на второй стр. обложки — текст: «Изданные сочинения в стихах и прозе Александра Сергеевича Пушкина продаются по следующим ценам:

I. Повести	6 р.
II. Стихотворения в трех томах, каждый по 10 р.	30 р.
III. Руслан и Людмила, с портретом автора	12 р.
IV. Кавказский пленник	5 р.
V. Бахчисарайский фонтан	5 р.
VI. Полтава	10 р.

На третьей странице обложки — продолжение:

VII. Борис Годунов	10 р.
VIII. Граф Нулин	3 р.
IX. Цыганы	5 р.

- X. Братья разбойники 1 р.
XI. Евгений Онегин (полный) 12 р.
XII. История пугачевского бунта, в двух томах — 20, с пересылкою — 22. За прочие звания за пересылку в города прилагается особо по 1 рублю».

На последней странице обложки, без всякой рамки, напечатано: «Продаются в С.-Петербурге в книжной лавке под № 25 Андрея Глазунова. Иногородние адресуются на имя управляющего лавкой Ивана Лисенкова».

Цензурное разрешение: 19 июля 1834 года; цензор В. Семенов.

Содержание: Повести Ивана Петровича Белкина: От издателя.— Выстрел.— Метель.— Гробовщик.— Станционный смотритель.— Барышня-крестьянка.— Две главы из исторического романа: 1. Ассамблея при Петре I.— 2. Обед у русского боярина.— Пиковая дама.

Дата выхода в свет — не позднее 26 августа 1834 года — определяется на основании рецензии на эту книгу в «Северной пчеле» того же года, № 192 от 27 августа. Рецензия начинается словами: «Это не новость, а второе издание повестей покойного Белкина, с прибавлением двух отрывков из Исторического романа и Пиковой дамы, которую мы недавно читали в одной из книжек Библиотеки для чтения...»¹ Указывается цена книги — 6 рублей¹.

КНИГА эта появилась только через восемнадцать месяцев после выхода в свет полного «Евгения Онегина» 1833 года. Перерыв довольно значительный, который не мог не отразиться на материальных делах Пушкина. Правда, в работе у него, как я уже говорил, был целый ряд новых произведений, еще не законченных, но готовившихся к печати.

Намечался к изданию и капитальный труд «История Пугачева».

Именно ради последней работы Пушкин испрашивает у Бенкендорфа 7 июля 1833 года разрешение на поездку в Оренбург, Симбирск, через Москву и Нижний-Новгород. Поэт хотел осмотреть места, в которых происходили пугачевские события.

В этой поездке, продолжавшейся три месяца, Пушкин заканчивает сбор материалов не только для «Истории Пугачева», но и для «Капитанской дочки», и на обратном пути 1 октября того же года останавливается у себя в Болдине, где почти целых полтора месяца не отрывается от письменного стола.

Это была вторая «болдинская осень», менее значительная по результатам, чем первая, но тоже весьма плодотворная. Здесь он заканчивает «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», пишет «Анджело», вступление, первую и вторую части «Медного всадника» и окончательно завершает «Историю Пугачева».

Все это Пушкин везет в Петербург, где главной его заботой становится издание этой двухтомной «Истории». Денег у поэта на издание нет, и он решает обратиться к царю с просьбой о займе.

В дальнейшем мы увидим, что царь просьбу о займе удовлетворил, но, как всегда, когда он оказывал то или иное «одолжение» поэту, считал необходимым дать ему почувствовать «твердость царской руки».

На этот раз объектом «твердости руки» была поданная ему поэтом рукопись «Медного всадника». Она была возвращена автору в таком виде, что издание поэмы показалось Пушкину невозможным.

В дневнике, который был начат Пушкиным в 1833 году, имеется такая запись от 14 декабря:

«Мне возвращен Медный всадник с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.—

вымараны. На многих местах поставлен (?) — все это делает мне большую разницу. Я принужден переменить условия со Смирдиным».

1 января 1834 года Пушкин делает в дневнике другую запись, не относящуюся к изданию его сочинений, но заслуживающую напоминания: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично по моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталия Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Данжо»².

Горькая и очень характерная дневниковая запись поэта, рисующая его настроения в эти годы.

Остановим внимание на фразе в дневнике: «Я принужден переменить условия со Смирдиным». Что это были за условия, о которых говорит Пушкин?

Брат одноклассника поэта по лицей, В. Д. Комовский, писал 10 декабря 1833 года А. М. Языкову о том, что Пушкин привез с собой из Болдина, по слухам, три новых поэмы, имеются в виду «Медный всадник», «Анджело» и «Родословная моего героя». «Смирдин, возвратившись при мне от него в свою лавку, с прискорбием жаловался на него: за эти три пьески, в которых де не более трех печатных листов будет требует Александр Сергеевич 15.000 руб!»³.

Сам Пушкин в середине декабря 1833 года сообщал Нащокину: «Здесь имел я неприятности денежные; я сговорился было со Смирдиным, и принужден был уничтожить договор, потому что Медного всадника цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят Истории Пуг[ачев]а, то мне придется ехать в деревню. Все это очень неприятно»⁴.

Письмо подчеркивает затруднительное материальное положение поэта, обострившееся к 1834 году. Не забудем, что известный нам «пенсион» Смирдина, выплачивавшийся Пушкину в течение четырех лет по 600 рублей в месяц, кончился 1 мая этого же года.

Едва ли не единственной возможностью для поэта какого-то нового притока денег явился затеянный в это время Смирдиным литературный журнал «Библиотека для чтения».

Пушкину было чуждо беспринципное направление этого журнала, чужды люди, им ведавшие, но с закрытием «Литературной газеты» Дельвига поэт лишился собственной периодической печатной трибуны, и он принял ближайшее участие в смирдинском журнале, помещая в нем исключительно художественные произведения.

Все это имеет лишь косвенное отношение к рассказу о книге «Повести, изданные А. Пушкиным» 1834 года, но мне думается, что именно здесь уместно подробно остановиться на анализе всех вообще литературных заработков поэта и, в особенности, на его деловых взаимоотношениях с А. Ф. Смирдиным, издателем, время деятельности которого В. Г. Белинский полушутя-полусерьезно называл «смирдинским периодом» в русской литературе.

Итак, прошу прощения за некоторое отступление от рассказа.

* * *

Пушкин был частым гостем в петербургских книжных лавках. Многие из них представляли собой нечто вроде профессионально-литературных клубов, где почти ежедневно встречались литераторы.

Одно время Пушкин посещал лавку Ивана Сленина. Об этом старый книгопродавец И. Т. Лисенков рассказывает так: «К Ивану Васильевичу Сленину по Невскому проспекту заходили мимоходом во время прогулок литераторы, так как в его магазине принимались подписки на получение газеты «Русский инвалид», и он был комиссионером редакции... Поэт барон Дельвиг, издатель «Литературной га-

ПОВѢСТИ

ИЗДАНЫ

ПУШКИНЫМЪ.

Лицевая сторона обложки.

**Продаются въ С. Петербургѣ въ книжной
лавкѣ подъ № 25
Андрея Глазунова,
Иногородныя адресуются на имя управля-
ющаго лавкою
Ивана Лисенкова.**

зеты», бывший у него часто на чае, приводил с собой всех своих литературных тружеников на перепутье по Невскому к Сленину, где и отличались один перед другим разными остротами и сарказмами на все им знакомое. Сленин, как понимал франц. их разговор и любитель шуток, это его весьма интересовало. Поэты Воейков, Розен, Пушкин и прежние литераторы и журналисты тянулись побеседовать вкуче с Слениным о прежнем и новом житье бытие русской литературы. Торговля была Ив. Вас. умеренная и спокойная, и он мало заботился о ней»⁵.

Ниже будет рассказано о посещениях Пушкиным книжной лавки самого И. Т. Лисенкова, а дальше, при описании последнего издания «Евгения Онегина» 1837 года, — книжной лавки Ильи Глазунова. Но, разумеется, центральным «литературным салоном» считалась книжная лавка А. Ф. Смирдина, в особенности, с момента перевода ее на Невский проспект.

Сам А. Ф. Смирдин появился в Петербурге в 1817 году в должности главного приказчика книжной торговли и библиотеки для чтения Василия Плавильщикова, брата известного русского актера и драматурга Петра Плавильщикова.

Смирдин настолько крепко вошел в дело Плавильщикова, что тот в 1823 году, умирая, оставил ему и свою книжную лавку, и библиотеку для чтения на более чем льготных условиях⁶.

Несомненно талантливый, обладавший природной смелкой, Смирдин в короткий срок развернул книгопродавческое и издательское дело до небывало крупного в России масштаба. Он бросает помещение лавки Плавильщикова и переезжает на Невский проспект.

Этот переезд был ознаменован устройством торжественного обеда (или новоселья), на который Смирдин, буквально заболевший идеей объединения всех русских писателей, пригласил представителей как реакционного, так и прогрессивного направлений в литературе.

Он усадил за один стол Пушкина и Булгарина, Жуковского и Греча, Гоголя и Воейкова, Вяземского и Хвостова, Одоевского и Языкова, Крылова и Сенковского, словом, — весь неравноценный цвет литературы того времени.

Но то, что могло считаться терпимым за обеденным столом, не могло быть допущено в литературе. Самая идея объединения необъединимого была порочной. Настоячиво проводимая Смирдиным во всей его издательской деятельности, идея эта в конце концов послужила одной из главных причин его разорения.

Изданныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ
АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА
продаются по слѣдующимъ цѣнамъ :

I.

ПОВѢСТИ..... 6 р.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, въ трехъ томахъ
каждый по 10 р..... 30.

III.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА, съ портре-
томъ Автора..... 12

IV.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ..... 5.

V.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ..... 5.

VI.

ПОЛТАВА..... 10.

VII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ..... 10 р.

VIII.

ГРАФЪ НУЛИНЪ..... 3.

IX.

ЦЫГАНЫ..... 5.

X.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ..... 1.

XI.

ЕВГЕНІЙ ОНЕГИНЪ. (Полный)..... 12.

XII.

ИСТОРИЯ ПУГАЧОВСКАГО БУНТА.

Въ двухъ томахъ..... 20.

съ пересылкою .. 22.

**За прочіе званія за пересылку въ города
прилагается особо по 1 рублю.**

О книжной лавке Смирдина написано немало и, пожалуй, для характеристики ее достаточно вспомнить удивительно меткую эпиграмму, в сочинении которой участвовал и Пушкин:

К Смирдину как ни зайдешь,
Ничего не купишь.
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь⁷.

«Найти Сенковского» или «наступить в Булгарина», к сожалению, можно было и почти во всех печатных органах, издаваемых Смирдиным. В частности, два тома сборников «Новоселье», выпущенных Смирдиным по случаю переезда его книжной лавки, могут считаться образцом беспринципности их составителя. Черное в них чередовалось с белым, белое — с черным.

В первый том этого сборника Пушкин дал безвозмездно свою «повесть, писанную октавами», — «Домик в Коломне», во второй, уже за деньги, — «Анджело».

Смирдин приложил немало старания, чтобы завязать с Пушкиным близкие отношения. Как мы знаем, он являлся главным покупателем тиражей пушкинских книг, в некоторых случаях был прямым издателем их, причем платил автору, не торгуясь, и всегда самой высокой ценой. Напомню, что Смирдин, как и Пушкин, считается зачинателем профессионализации труда русских писателей.

Поэт имел громадное влияние на Смирдина, и когда, например, барону М. Корфу что-то потребовалось от этого издателя, он писал Пушкину (в июле 1833 года): «Твое слово — для Смирдина закон»⁸.

К такому же посредничеству Пушкина в делах со Смирдиным прибегали М. Погодин, Е. Баратынский, П. Катенин и другие.

Не удивительно, что с первого же номера нового смирдинского журнала «Библиотека для чтения» Пушкин начал регулярно помещать в нем свои произведения.

В первом номере был напечатан его «Гусар», причем сумма гонорара, уплаченная автору Смирдиным, опять удивила всех: тысяча рублей, или червонец за строчку!

В воспоминаниях А. Головачевой-Панаевой приводится по этому поводу такой, впрочем не вполне достоверный, рассказ:

«Панаеву понадобилась какая-то старая книга, и мы зашли в магазин Смирдина. Хозяин пил чай в комнате за магазином, пригласил нас туда и, пока приказчики отыски-

вали книгу, угощал чаем; разговор зашел о жене Пушкина, которую мы только что встретили при входе в магазин.

— Характерная-с, должно быть, дама-с,— сказал Смирдин.— Мне раз случилось говорить с ней... Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота, не желала брать других денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: «Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», и повел меня; постучались в дверь; она ответила «входите». Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюмо, опершись одной коленой на табуретку, а горничная шнурует ей атласный корсет.

— Входите, я тороплюсь одеваться,— сказала она.— Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...

Все это она-с проговорила скоро, не поворачивая головы ко мне, а смотрелась в зеркало и поправляла свои локоны, такие длинные на обеих щеках. Я поклонился, пошел в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой подпирал голову-с, и они сказали-с мне:

— Что? с женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь.

— Что же, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме! — отвечал Смирдин»⁹.

При всей занятости этого достаточно известного рассказа в нем особенно вызывает сомнение сообщение о размере гонорара, уплачивавшегося Смирдиным Пушкину «золотом». Пушкинист Н. О. Лернер утверждал, что сообщение это относится к стихотворению Пушкина «Гусар», напечатанному в «Библиотеке для чтения». Но тогда оно тем более не соответствует истине.

Дело в том, что многие почему-то забыли, что 1.000 рублей золотом в то время — это более чем 3.500 рублей в ас-

сигнациях. Мог ли Смирдин, только что заплативший Пушкину за всего «Евгения Онегина» двенадцать тысяч ассигнациями, платить ему же за одно стихотворение, в котором немногим более ста строк, около четырех тысяч? Совершенно ясно, что речь идет о 1 000 рублей ассигнациями, цифре, которую раньше других сообщил П. В. Анненков¹⁰.

Так вот и возник тот самый, отнюдь не золотой «червонец за стих», который фигурирует во всех биографиях поэта. Кстати, подлинная стоимость подтверждается и еще одним обстоятельством. Известно, что наряду с «Гусаром» в первом томе «Библиотеки для чтения», в смирдинском же сборнике «Новоселье» (том второй) было напечатано стихотворение Пушкина «Анджело».

О гонораре Пушкина за это произведение писал А. В. Никитенко в своих записках: «...к нему дошел его «Анджело» с несколькими урезанными министром стихами. Он взбесился: Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на месте исключенных стихов были поставлены точки, с тем однакож, чтобы Смирдин все-таки заплатил ему деньги и за точки»¹¹.

Эта, совсем недружелюбная (чему имелись основания), запись А. В. Никитенко сейчас интересна лишь как подтверждение гонорара Пушкина за «Анджело» — «червонец за строчку».

В «Анджело» около 500 строк, следовательно, гонорар Пушкина за него был 5000 рублей. Предположить, что сумма эта в золоте, значит допустить, что Смирдин уплатил Пушкину, примерно, 18000 рублей ассигнациями — гонорар просто уже невероятный.

Значит, еще раз: «червонец за строчку» — это бумажный червонец, или десять рублей ассигнациями. Называли их «червонцем» лишь по старой привычке.

Исходя из известной теперь нам точной расценки, не трудно подсчитать, сколько всего уплатил Пушкину Смирдин за произведения, появившиеся в его периодических изданиях в годы 1834—1835. В конце 1835 года всякое участие Пушкина в смирдинских изданиях прекратилось, как прекратились и другие взаимоотношения поэта с этим издателем.

Основной причиной разрыва явилось предпринятое Пушкиным издание собственного журнала «Современник», а также все обострявшаяся вражда поэта с главными деятелями «Библиотеки для чтения» — Сенковским, Булгариным и Гречем.

Пушкин напечатал у Смирдина в «Новоселье» (во второй части) и в «Библиотеке для чтения» следующие произведения: «Анджело» (около 500 строк), «Гусар» (116 строк), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (около 500 строк), «Будрыс и его сыновья» (около 50 строк), «Воевода» (70 строк), «Красавица» (16 строк), «Подражания древним» (около 20 строк), «Безумных лет угасшее веселье» (14 строк), «На берегу пустынных волн» (90 строк), «Песни западных славян» (около 850 строк), «Сказка о золотом петушке» (около 230 строк), «Сказка о рыбаке и рыбке» (около 210 строк) — всего 2666 строк. Считая по 10 рублей за строку, вся сумма гонорара Пушкина за названные стихи — 26 666 рублей.

Трудно с уверенностью сказать, сколько заплатил Смирдин за прозаические произведения Пушкина, напечатанные в «Библиотеке для чтения» в тот же период. Однако, учитывая общую гонорарную систему смирдинского журнала, можно предположить, что за «Пиковую даму» (имевшую, кстати сказать, шумный успех) издатель заплатил автору не менее 5000 рублей, а за все остальное («Кирджали» и «Два любопытных документа о Пугачеве») — примерно 2000 рублей, а всего, следовательно, за двухлетнюю журнальную работу Пушкина — около 34000 рублей, разумеется, ассигнациями.

До разрыва отношений со Смирдиным Пушкин еще дважды пользовался его услугами как издателя: в 1835 году Смирдин купил тираж четвертой части «Стихотворений» и издал двухтомное собрание «Поэм и повестей». Издания эти будут отдельно описаны в своем месте, а сейчас, когда нам известны все более или менее точные цифры гонораров Пушкина, мы имеем полную возможность суммировать весь литературный заработок поэта за всю его творческую жизнь.

Кстати, это поможет выявить ту огромную роль, которую играл Смирдин в распространении прижизненных изданий Пушкина.

Со смирдинских гонораров мы этот подсчет и начнем. Итак, Смирдин уплатил Пушкину:

1. За «Бахчисарайский фонтан» 1824 г. . . .	Р. 3000.
2. » «Бахчисарайский фонтан» 1827 г. (2-е изд.)	Р. 3000.
3. » «Руслана» и «Пленника» 1828 г. (2-е изд.)	Р. 7000.
4. » «Бориса Годунова» 1831 г.	Р. 10000.

5. За «Стихотворения» 3—4 части 1832—1835 гг.	Р. 12000.
6. » «Евгения Онегина» полн. изд. 1833 г.	Р. 12000.
7. » «Поэмы и повести» в 2-х ч. 1835 г.	Р. 12000.
8. » журнальную работу, указанную выше	Р. 34000.
9. Общая сумма «пенсии», который платил Смирдин за купленные им издания книг Пушкина — по 600 рублей в месяц в течение 4-х лет	Р. 28800.
а всего уплачено Пушкину Смирдиным:	<u>Р. 121800.</u>

Теперь попробуем произвести подсчет всех остальных сумм, полученных Пушкиным как от других издателей его сочинений, так и вырученных от книг, издававшихся им самим с помощью Плетнева.

Напомню, что при описании второго издания второй главы «Евгения Онегина» 1830 года я попытался дать приблизительную картину того, что было сдано Смирдину по условию, заключенному 1 мая 1830 года. Сейчас в этом новом подсчете будут фигурировать только книги и части тиражей тех книг, которые были проданы самим Пушкиным или до заключения этого условия, или после окончания срока его действия.

Впрочем, вся эта нехитрая «бухгалтерия» станет понятной из самого подсчета. Вот он:

1. За «Руслана и Людмилу» 1-го изд. 1820 г.	Р. 1000.
получено от Жуковского	Р. 500.
от Гнедича	
Всего	<u>Р. 1500.</u>
2. За «Кавказского пленника» 1-го изд. 1822 г. получено от Гнедича	Р. 500.
3. За шесть первых глав «Евгения Онегина» (первая глава, тираж 2400 экз., остальные по 1200 экз. — всего 8400 экз. по 5 рублей. Общая валовая стоимость 42 000 рублей. Ушло к Смирдину, по моему предположению, только 25% общего количества, на сумму 10 500. — Продано самим Пушкиным на 31 500. Из этой суммы надо вычесть 20% книгопродавческой скидки — Р. 6300 и 15% со всей валовой суммы в 42 000 рублей — за печать и бумагу Р. 6300) — Осталось Пушкину	<u>Р. 18900.</u>

4. За седьмую главу «Евгения Онегина» 1830 г. Тираж 1200 экз. по 5 р.— валовая стоимость 6000.— Поступило по условию к Смирдину 75%, на сумму 4500 р. Из оставшихся 1500 руб. необходимо снять книгопродавческую скидку 20% за печать и бумагу 15% (300 р. и 900 р.) — осталось Пушкину Р. 300.
5. За вторые издания 1 и 2 глав «Онегина». Общий тираж 2400 экз. по 5 руб.— валовая стоимость 12 000 рублей. Ушло к Смирдину по условию 75% — на 9000 р. Из оставшейся суммы в 3000 — снять 20% книгопродавческой скидки и 15% (с валовой суммы) за печать и бумагу — 600 и 1800 рублей — осталось Пушкину . . Р. 600.
6. За «Стихотворения» 1826 года. Осталось Пушкину по отчету Плетнева Р. 8040.
7. За «Цыганы» 1827 года. Тираж 1200 экз. по 5 р.— Валовая стоимость 6000. Сдано по условию Смирдину 50% — на 3000.— Из оставшейся суммы — снять 20% скидки и 15% за печать и бумагу (600 и 900). Осталось Пушкину Р. 1500.
8. За «Братьев разбойников» 1827 г. уплатил А. Ширяев 1500 рублей, с его расходами на печать и бумагу. Из этой суммы необходимо вычесть убыток за печать и бумагу 2-го изд., не пошедшего в продажу — 300 рублей. Осталось Пушкину Р. 1200.
9. За «Две повести в стихах» 1828 г. Тираж 600 экз. по 6 рублей — 3600. Вычесть 20% скидки и 15% — печать и бумага (720 и 540 р.) — осталось авторам 2340 рублей [пополам с Баратынским]. Осталось Пушкину Р. 1170.
10. За «Полтаву» 1829 г. Тираж 1200 экз. по 10 р.— валовая стоимость 12 000. Половина ушла по условию к Смирдину. Из оставшихся 6000 — вычесть 20% скидки и 15% за печать и бумагу (1200 и 1800). Осталось Пушкину Р. 3000.
11. За две первые части «Стихотворений» 1829 года. Тираж 1200 экз. по 20 руб., валовая стоимость 24000 рублей. Сдано по

условию Смирдину 75%, на сумму 18 000 рублей. Из оставшихся 6000 рублей вычесть 20% скидки (1200) и 15% со всей суммы за печать и бумагу — 3600 рублей. Осталось Пушкину	P. 1200.
12. «На взятие Варшавы». Тираж 2400 экз. по 2 рубля — валовая стоимость 4800 р., снять 20% скидки и 10% за печать и бумагу — остается 3360 рублей пополам с Жуковским. Пушкину осталось	P. 1680.
13. За «Повести Белкина» 1831 г. Тираж 1200 экз. по 5 руб. — валовая стоимость 6000 рублей. Вычесть 20% скидки и 15% за печать и бумагу (1800 и 900). Осталось Пушкину	P. 3900.
14. За последнюю главу «Евгения Онегина» 1832 г. Тираж 1200 экз. по 5 руб. — валовая стоимость 6000, вычесть 20% скидки (1200) и 15% за печать и бумагу (900). Осталось Пушкину	P. 3900.
15. Последнее издание «Евгения Онегина» 1837 г. Получено с И. Глазунова	P. 10000.
Всего Руб.	57380.

Я не учитываю второго издания «Повестей» 1834 года, «Истории пугачевского бунта», журнала «Современник», а также «Стихотворений из Северных цветов 1832 года» — издания, давшие, как известно, Пушкину убыток. Можно позволить себе не считать убытков, достаточно знать, что не было прибыли.

Остаются еще неучтенными журнальные гонорары Пушкина, кроме тех, которые уплатил Смирдин за 1834—1835 годы. Чтобы как-то восполнить общую картину, назовем приблизительную цифру, ну скажем, в полтора раза большую, чем та, которую уплатил за журнальную работу Смирдин. Это будет 50000 рублей — сумма, как мне кажется, взятая с «допуском», отнюдь, не преувеличенным.

Можно не забыть и «государева жалования», которое поэт получал с ноября 1831 года по конец жизни. Пушкин писал об этом: «Он дал мне жалование, открыл мне архивы с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал»¹². Согласимся считать это «государево жалование» тоже литературным заработком Пушкина. Кстати, это будет всего около 25 000 рублей.

Теперь, когда у нас на руках все, хотя и приблизительные цифровые данные, попробуем сложить их вместе. Итак:

Получено Пушкиным от Смирдина	P. 122 800.
Получено от других издателей и от собственных изданий	P. 57 380.
Предполагаемая сумма, полученная за журнальную работу (кроме Смирдина)	P. 50 000.
«Государево жалование»	P. 25 000.
Всего рублей	255 180.

Это с 1820 года (1-е издание «Руслана и Людмилы») до конца жизни поэта — за семнадцать лет.

Прежде всего для нашей работы чрезвычайно важно отметить, что ровно половина общей суммы уплачена Пушкину издателем А. Ф. Смирдиным. Вряд ли можно представить более яркую иллюстрацию тесных взаимоотношений этого издателя с великим поэтом. Уместно вспомнить слова В. Г. Белинского: «Нужно ли говорить, какое великое влияние на успехи литературы может иногда иметь книгопродавец-издатель?» Убедительным ответом на вопрос критика является роль А. Ф. Смирдина в жизни Пушкина.

Вернемся к литературному заработку поэта. Всю указанную сумму в 255 180 разделим на 17 лет его литературной деятельности, начиная с 1820 года. Получим результат в круглом счете — 15 000 рублей в год, или 1250 рублей в месяц. Принимая во внимание, что этот расчет произведен на ассигнации, которые стоили почти в три с половиной раза дешевле золотых рублей, получим месячный заработок поэта в расчете на золото — 358 рублей. Я согласен даже округлить эту цифру до 400 рублей в месяц, лишь бы не получить упрека в заведомом желании снизить литературный заработок Пушкина.

Триста пятьдесят — чтыреста рублей золотом в месяц были деньги немалые, но они, отнюдь, не указывали на «богатство» и никак не заслуживали того огромного количества восклицательных знаков, которое расставлено иными исследователями вокруг «сказочных гонораров» Пушкина.

«Червонец за стих!» — этим упрекали поэта его современники. В какой-то мере это же продолжает удивлять многих и сегодня. А дело-то все шло о четырехстах рублях в месяц. Повторяю, сами по себе это немалые деньги, но если учесть, что за последнюю свою квартиру в Петербурге поэт платил в год по контракту 4300 рублей ассигнациями,

или около 125 рублей золотом в месяц (а до этого еще дороже), то вряд ли то, что оставалось Пушкину, заслуживало какого-либо восклицательного знака.

Барону Брамбеусу (О. Сенковскому) Смирдин платил 15 000 рублей ассигнациями в год только за одно редактирование «Библиотеки для чтения». Крупные чиновники (не говоря уже о министрах и губернаторах) получали значительно больше, причем обеспечивались квартирой.

Нельзя, разумеется, не напомнить, что в это же самое время труд «маленьких людей» оценивался вообще в копейки. Гоголевский Акакий Акакиевич получал 400 рублей в год или «около того», как писал автор «Шинели».

Труд рабочего расценивался и того дешевле, а крепостные крестьяне гнули спину от зари до зари за черствый кусок хлеба. Это и было одним из самых нетерпимых противоречий крепостнического государства.

Но и литературный заработок Пушкина, не подкреплённый доходами от родовых имений, «высочайше пожалованными» арендами и «пенсиями», в условиях петербургской жизни с семьей, с необходимостью по долгу службы появляться при дворе, давал возможность вести лишь весьма среднее существование, никак не соответствующее положению первого поэта России.

К тому же заработок Пушкина не был регулярным. Деньги приходили к поэту по пословице «Когда густо, когда пусто, когда нет ничего». Да и сам поэт лишен был всякой расчетливости и какого бы то ни было «умения жить». В воспоминаниях А. П. Араповой можно найти по этому поводу такие строки:

«Считать он [Пушкин] не умел. Появление денег связывалось у него с представлением неиссякаемого Пактола, и, быстро пропустив их сквозь пальцы, он с детской наивностью недоумевал перед совершившимся исчезновением... Часто вспоминала Наталия Николаевна крайности, испытанные ею с первых шагов супружеской жизни. Бывали дни, после редкого выигрыша или крупной литературной полочки, когда мгновенно являлось в доме изобилие во всем, деньги тратились без удержки и расчета,— точно всякий стремился наверстать скорее испытанное лишение. Муж старался не только исполнить, но предугадать ее желания. Минуты эти были скоротечны и быстро сменялись полным безденежьем, когда не только речи быть не могло о какой-нибудь прихоти, но требовалось все напряжение ума, чтобы извернуться и достать самое необходимое для ежедневного существования.

Некоторые из друзей Пушкина, посвященные в его денежные затруднения, ставили в упрек Наталии Николаевне ее увлечение светской жизнью и изысканность нарядов. Первое она не отрицала... но всегда упорно отвергала обвинение в личных тратах. Все ее выездные туалеты, все, что у нее было роскошного и ценного, оказывалось подарками Екатерины Ивановны [Загряжской, фрейлины, тетки Наталии Николаевны]. Она гордилась красотой племянницы; ее придворное положение способствовало той благосклонности, которой удостаивала Наталию Николаевну царская чета, а старушку тешило, при ее значительных средствах, что ее племянница могла поспорить изяществом с первыми щеголихами»¹³.

Пушкин безмерно тяготился своим петербургским существованием и мечтал уехать в деревню, отдаться творчеству, которому мешала суета светской жизни. Именно в 1834 году поэт пишет замечательное стихотворение:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

Под влиянием этих настроений Пушкин делает попытку порвать с Петербургом и подает «в отставку» с тем, впрочем, условием, что ему и впредь будет разрешено работать в архивах, в которых поэт видит огромное количество материалов для своих будущих работ.

Царь лицемерно согласился на «отставку», предупредив, однако, поэта, что она неминуемо повлечет за собой запрещение заниматься в архивах. Пушкин вынужден был с извинениями взять просьбу об «отставке» обратно.

И опять завертелась карусель светской жизни. Не очень дальновидный Плетнев писал в 1833 году Жуковскому: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной»¹⁴.

Но что знал Плетнев о душевных переживаниях поэта? И меньше всего Пушкина можно упрекнуть в ничегонеделании.

Но заботы о содержании семьи отрывали поэта от письменного стола. В конце сентября 1835 года, находясь в Михайловском, Пушкин пишет жене в Петербург:

«А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставил мне имения; он его уже вполтину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000»¹⁵.

Последняя сумма указана Пушкиным в ассигнациях и она ровно вдвое больше рассчитанного нами его годового литературного заработка. Отсюда и все долги Пушкина.

Письмо это, кстати, отвечает на обычные вопросы, которые возникают у людей, знакомящихся с биографией поэта: А как же принадлежащие семье Пушкина имения Михайловское, Болдино? Наконец, что-то принадлежало и жене Пушкина, происходившей из богатейшей семьи помещиков Гончаровых? Где же это все?

Все это было в прошлом. Имения эти, как и писал Пушкин, были промотаны дедами и отцами, заложены и перезаложены. Поступающие доходы от рабского труда крепостных (тоже заложённых) шли на уплату процентов по злогам и на поддержание ничего не умеющих делать, но «мотающих» последние крохи родичей.

У Пушкина был такой же, не желавший ничего делать брат, висел на шее невыплаченный долг за приданое сестры...

Поэта и его семью кормило только его перо, его единственная, много раз упоминаемая нами, «деревенька на Парнасе». Она бы и помогла ему выкрутиться из всех долгов, которые он не успел уплатить перед гибелью. Одно полное собрание его сочинений, явись оно не посмертным, смогло бы уже в какой-то степени выровнять бюджет поэта.

Пушкин был человеком труда, жившим исключительно за счет собственного литературного творчества, и ради лишнего доказательства этой незыблемой и очень важной истины я и привел здесь некоторые бытовые, отнюдь не поэтические подробности его жизни.

* * *

Думается, что мне можно простить это довольно длинное отступление, несомненно помешавшее рассказу о книге «Повести, изданные Александром Пушкиным» в 1834 году. Дело в том, что самое появление на свет этой книги связано с возникшим у поэта очень затруднительным мате-

риальным положением, о котором, собственно, и шла речь в отступлении.

В этот год и далее у Пушкина совсем было плохо с деньгами. В ход пошли векселя, заклады. Пушкин буквально метался по Петербургу в поисках денег.

На обложке «Повестей Александра Пушкина» 1834 года напечатано важное для рассказа об этой книге указание: «Продается в С. Петербурге в книжной лавке под № 25 Андрея Глазунова, иногородние адресуются на имя управляющего лавкой Ивана Лисенкова».

Кто же такой Андрей Глазунов и Иван Лисенков, впервые появляющиеся в рассказах о прижизненных изданиях Пушкина?

Об Андрее Глазунове сведения не столь существенны, поскольку роль его сводится к тому, что он, будучи родственником известных книгопродавцев-издателей Глазуновых, в основном торговал в Москве, а в Петербурге имел отделение, которым управлял его старший приказчик Иван Тимофеевич Лисенков, личность весьма примечательная.

Предоставим ему самому рассказать о себе (между прочим, он говорит о себе в третьем лице):

«Лисенков прибыл в Петербург к своему посту [заведывать отделением Матвея Глазунова в Петербурге в 1826 г.] и старательно выполнял все поручения по торговле десять лет, а в 1836 году открыл собственную свою торговлю в доме Пажеского корпуса, где и занимал магазин 37-мь лет. Литераторы во все это время делали свои посещения: И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. Ф. Воейков, А. С. Пушкин, В. И. Соколовский, журналисты и другие.

...Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал «Современник»; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале; иногда ему приходила охота острить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями, взявши книгу в руки в прозе, быстро пробежал ее, читая гласно одно лишь предисловие и по окончании приговаривал, что он имеет об ней полное понятие; стихотворные же книги он просматривал еще быстрее и забавнее, и Лисенков иногда невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался, читая только одни кончики слова рифм и закрывая книги произносил иногда: «а! бедныя!», а заглавия их выписывал дома из газет своих. Но как литераторы не все были достаточны, то Лисенков одолжал их без процентов на короткое время, но время это проходило иногда до конца их жизни; так за А. С. Пушкина, по смерти его, Лисенков получил в уплату по акту

5 тысяч рублей от попечителя семейства Пушкина графа Строганова, по сборам за отпечатанные его сочинения...

В последний раз А. С. Пушкин посетил Лисенкова за три дня до своей смерти... При Лисенкове Л. В. Дубельт с другими лицами со стола переложили покойника в гроб и живописец начал тотчас писать с лежащего покойника во гробе голову его на подушке! ¹⁶.

В этих любопытных воспоминаниях старого книжника сейчас наиболее интересен факт, что Пушкин вынужден был в это время занимать деньги под векселя даже у книгопродавцев.

Не могу не вспомнить, что мой друг, старейший ленинградский книжник-антиквар А. С. Молчанов рассказывал мне, что он был знаком с сыном И. Т. Лисенкова, который уже много позже продавал антикварной фирме Н. В. Соловьева, магазином которой заведывал А. С. Молчанов, остатки склада и архив своего отца. Архив этот Соловьевым был перепродан Петру Картавову, и дальнейшие его следы затерялись.

Сын И. Т. Лисенкова рассказывал моему другу, что у них на складе в Гостином дворе долгое время хранилась заложённая шинель Пушкина. Поэт заложил ее И. Т. Лисенкову незадолго до дуэли с Дантесом, а опека, учрежденная после смерти Пушкина, выкупить шинель не пожелала. Так она и погибла в подвале Гостиного двора от моли и крыс ¹⁷.

Гоголевская шинель Акакия Акакиевича, раз уже упомянутая мною, вновь приходит на ум. Заложённая шинель великого поэта и шинель Акакия Акакиевича по-разному, но обе свидетельствуют отнюдь не о богатстве их обладателей.

Как известно, после смерти Пушкина опека разослала за подписью В. А. Жуковского циркулярное письмо с целью выяснения долгов поэта.

Один из приказчиков Глазуновых, Лев Жебелев прислал в опеку объяснение по поводу книги «Повести, изданные А. Пушкиным» 1834 года:

«В книжную лавку Андрея Глазунова получено было от Александра Сергеевича Пушкина в комиссию для продажи... Повести изд. А. Пушкиным тысячу двести девяносто четыре экземпляра, цена им была назначена продавать за каждый экземпляр по шести руб., а платить ему по продаже по 4 р. 80 к.» ¹⁸.

Документ свидетельствует, во-первых, что книга, о которой ведется рассказ, всем тиражом была сдана книжной

лавке И. Т. Лисенкова, а во-вторых, что за вычетом обычной книгопродавческой скидки в 20% Пушкину за нее причиталось 5731 рубль.

Возникает вопрос, почему Пушкин не обратился с предложением этой книги к главному своему покупателю — Смирдину?

В какой-то мере ответом служит письмо Пушкина к Погодину, написанное еще ранее, 11 июля 1832 года: «Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому подобное и ни к каким условиям не приступает»¹⁹.

Кроме того можно предположить, что Смирдин и не очень стремился приобрести это издание. В нем, помимо «Повестей Белкина», уже имевшихся у него в продаже, были напечатаны в качестве «новостей» только «Две главы из исторического романа» и «Пиковая дама».

Но «Пиковая дама» только что в этом же году была напечатана в журнале Смирдина «Библиотека для чтения», и платить за нее вторично, может быть, Смирдин и не захотел.

Но дело не только в этом. Дело в векселях поэта, выданных им именно И. Т. Лисенкову.

В делах опеки сохранились сведения, что в первый раз Пушкин выдал Лисенкову вексель на три тысячи рублей, сроком на шесть месяцев от 12 июля 1833 года.

Ровно через шесть месяцев — 12 января 1834 года — Пушкин сумел уплатить по этому векселю только одну тысячу рублей, о чем на векселе есть соответствующая надпись. Две тысячи остались за Пушкиным.

26 мая 1834 года Пушкин посылает в Третье отделение А. Н. Мордвинову такое письмо: «Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорной просьбой о позволении мне перепечатать в одну книгу сочинения мои в прозе, доныне изданные»²⁰.

Речь в письме идет о книге «Повести, изданные Пушкиным» 1834 года.

И не знаю, совпадение это или нет, но только в тот же день 26 мая Пушкин подписывает новый вексель Лисенкову на 4 тысячи рублей, сроком на три месяца.

Через три месяца, причем точно в день выхода «Повестей» из типографии, Пушкин гасит старый вексель на две тысячи и делает на новом, четырехтысячном векселе такую надпись: «По сему векселю уплачено две тысячи триста сорок три рубля; за сим остается уплатить тысячу шесть сот пятьдесят семь рублей. Александр Пушкин»²¹.

Не трудно догадаться, что и по старому векселю, и по новому, Пушкин уплатил Лисенкову тиражом отпечатанной книги «Повести, изданные А. Пушкиным» 1834 года, причем 75% тиража Лисенков принял как наличные деньги, а 25% оставил у себя как некое обеспечение в случае, если книга задержится в продаже.

Увы! Книга действительно «задержалась в продаже», причем настолько, что ее решили сделать в конце 1836 года второй частью нового издания «Романы и повести» 1837 года. Из-за смерти автора затея эта не осуществилась, и опека предпочла сжечь и отпечатанную первую часть («Капитанская дочка») и часть вторую, которую составляли «Повести, изданные Пушкиным» 1834 года.

Между прочим, о векселе в 5000 рублей, о котором говорит в своих воспоминаниях И. Т. Лисенков, в делах опеки сведений не имеется и, по всей вероятности, такого векселя и не было. Автор воспоминаний просто спутал по старости события и цифры. Известный нам вексель с остатком долга Пушкина в 1657 рублей Лисенков продал некоему И. И. Татаринову, который и получил эти деньги с опеки.

Книга «Повести, изданные Пушкиным» 1834 года «просочилась» в продажу до своего уничтожения в количестве не более полутора-двух сотен экземпляров и, естественно, стала одной из редчайших прижизненных книг Пушкина.

О факте уничтожения этой книги подробно рассказывается далее при описании «Романов и повестей» 1837 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

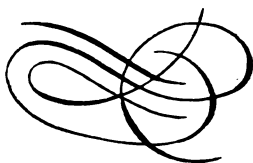
1. Синявский, Н. и Цявловский, М., Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 1006.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 12. Л., 1949, стр. 317-318.— Данжо Филипп де Курсильон, маркиз (1638—1720), придворный Людовика XIV, оставивший дневник, в котором с 1684 по 1720 год день за днем записывал все, что происходило при дворе и в семействе короля.
3. «Исторический вестник», 1883, т. 14, стр. 538.
4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15, Л., 1948, стр. 59.
5. Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879, стр. 61-62.
6. Подробнее о Смирдине — см. мою книгу «Книжная лавка А. Ф. Смирдина». М., 1957.
7. Эпиграмма приводится в наиболее распространенной редакции. В академическом собр. соч. Пушкина (т. 3/1, стр. 489) эта же эпиграмма дается по записи В. А. Соллогуба:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,

Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

Соллогуб сообщает, что вся эпиграмма написана им и что Пушкину принадлежит лишь последняя строчка. Автографа эпigramмы не найдено, и вопрос о ней не решен документально. Соллогубовская редакция эпigramмы мне кажется менее удачной.

8. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 67.
9. Панаева, А. Воспоминания. Л., 1927, стр. 299.
10. П. В. Анненков дважды сообщает об этом гонораре Пушкина: в I томе изданного им собрания сочинений поэта он называет цифру 2000 рублей, а в черновых записях, опубликованных Б. Л. Модзалевским («Пушкин». Изд. «Прибой», 1929.) — 1000 р. В обоих случаях речь идет о расчете на ассигнации. Цифра 1000 рублей подтверждалась другими исследователями.
11. Никитенко, А. В. Дневник. Запись от 11 апреля 1834 г.
12. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 14. Л., 1941, стр. 197-198. Письмо это уже цитировалось.
13. «Новое время», 1907, № 11413, иллюстрированное приложение, стр. 5. См. также: Вересаев, В. Пушкин в жизни. Ч. 2, стр. 100.— «Неиссякаемый Пактол». Пактол — река в Лидии. По древним сказаниям в ней выкупался царь Мидас, обращавший в золото все, к чему он прикасался; с тех пор река эта несла в своих водах золото.
14. Плетнев, П. А. Соч. и переписка. Т. 3, стр. 524.
15. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 48.
16. Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879, стр. 66-68.
17. Альманах библиофила. Л., 1929, стр. 349.
18. Звенья. Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 250.
19. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 27.
20. Там же, стр. 151.
21. Рукою Пушкина. Несобр. и неопубл. тексты. Подготовили к печати М. А. Цявловский и др. М.-Л., 1935, стр. 805.

33. ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА (1834 г.)

1. ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА. Часть первая. Санктпетербург. 1834. (На обороте: В типографии II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии).

8^о. (2,5 × 16,5 см. обрез.). Шмуцтитул + заглавный лист + 2 нenum. + + 168 + 10 стр. отдельной пагинации + 2 нenum. + 5 + 7 нenum. стр.

Иллюстрации: 1. Гравированный портрет Пугачева (без подписи). 2. Карта губерний на складном листе. 3. Лист с изображением печати Пугачева. 4. Четыре листа с образцами почерка Пугачева и других лиц.

Обложка: на передней стороне, без всяких рамок и украшений, напечатано: «История пугачевского бунта»; на последней стр. ничего не напечатано. Цвет бумаги темно-серый.

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства»; по книге «Дела III-го отделения» (стр. 146) — разрешение Бенкендорфа на выпуск из типографии от 23 декабря 1834 года.

Содержание: Предисловие. (Подписано: А. Пушкин. 2 ноября 1833. Село Болдино).— Оглавление.— История. Главы первая — восьмая.— Примечания к истории пугачевского бунта.— Указатель к истории пугачевского бунта.— Карта и снимки к истории пугачевского бунта.

2. ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА. Часть вторая. Санкт-петербург. [На обороте указана та же типография, что и на первой части].

8^о. (25,5 × 16,5 см. обрез.) шмуцтитул + заглавный лист + 3 + 2 не- нум. + 336 стр.

Обложка: такая же, как и у части первой.

Цензурное разрешение: «С дозволения правительства» от того же числа, что и на первой части.

Содержание: Манифесты, указы и рескрипты, относящиеся к пугачевскому бунту.— Рапорт графа Румянцева в военную коллегию и письма Нурали-Хана, Бибикова, графа Панина и Державина.— Сказания современников.— Прибавления.— Оглавление.

Время выхода в свет — около 28 декабря 1834 года. Основанием датировки служит рецензия в «Северной пчеле» в № 295 от 28 декабря того же года, в которой сообщается: «Поспешаем известить наших читателей, что это новое сочинение Александра Сергеевича Пушкина продается в книжной лавке А. В. Глазунова под № 25 у Лисенкова. Цена 20 рублей, с пересылкой 22 рубля»¹.

 ИСТОРИЯ пугачевского бунта» — великий политический и творческий подвиг поэта. К созданию этого произведения Пушкин шел сложным и трудным путем. Находясь в оппозиции к дворянской правящей верхушке, Пушкин ищет нового героя для своих произведений в образе «дворянина-разбойника».

Неоконченный «Дубровский», внимание к рассказам о подпоручике Шванвиче, родовитом дворянине-офицере, перешедшем на сторону Пугачева (мотив, использованный поэтом в «Капитанской дочке»), — все это показывает заинтересованность поэта именно данной темой.

Но особенно волновал Пушкина образ «разбойника из народа», вставшего на защиту обездоленных и угнетенных. В зародыше эта тема возникла у поэта еще в 1822 году при создании «Братьев разбойников» и в планах повести «Кирджали». Позже, в 1827 году, Пушкин представил на цензуру Бенкендорфу несколько «Песен о Стеньке Разине». Ответ, данный Бенкендорфом от имени царя был такой: «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева»².

И Пушкин, для которого Степан Разин — «единственное поэтическое лицо русской истории», понимает, что коснуться вождей народных восстаний, все равно будь то Разин или Пугачев, в поэзии ему не дадут. Есть два возможных пути: либо путь серьезного исторического романа, либо путь «исторического сухого известия», то есть путь «историографа».

Пушкин решает испробовать оба эти пути. Получив в конце 1831 года доступ в государственные архивы для работы над историей Петра I (именно для этой «благой цели» и было дано разрешение), Пушкин пускает слух о якобы возникшем у него намерении написать историю полководца А. В. Суворова, принимавшего участие в подавлении пугачевщины.

Это обмануло не только современников Пушкина, но и многих позднейших исследователей его творчества, долгие годы поддерживавших легенду о «случайности» обращения поэта к истории Пугачевского бунта.

Не сразу и далеко не полностью Пушкину были представлены документы по делу Пугачева, не сразу образ «мужицкого царя» лег в основу его нового исторического труда.

Советские исследователи (в частности Г. П. Блок) совершенно правильно отмечают, что занятие историей Пугачева — вовсе не отход Пушкина от современности. Работа эта в то время могла считаться более чем злободневной.

Надо было иметь огромное мужество, чтобы в эпоху Николая I, когда волнения среди крестьян не только не утихали, а наоборот, стали столь частым явлением, что в обществе поговаривали о «второй пугачевщине», выступить с книгой, посвященной крестьянской войне при Екатерине II, событию для тех дней совсем недавнего прошлого.

Соблюдая все внешние цензурные предосторожности, Пушкин совершенно гениально, иногда только путем подбора цитат из показаний очевидцев или людей, близких по времени к событиям, а также официальных документов, в виде манифестов и указов, добытых из архивов, сумел развернуть подлинную картину, а главное, показать подлинные масштабы «пугачевщины».

При этом, по словам проф Д. Д. Благого, «образ Пугачева дан Пушкиным без тени какой бы то ни было фальшивой идеализации, во всей его суровой, больше того — жестокой реальности»³.

Вместе с тем Пушкин изображает Пугачева с явным сочувствием, отнюдь не как «злодея и изверга», а как выразителя народных чаяний, вождя угнетенных масс, отличающегося вольным и мятежным духом, героическим хладнокровием и удачью.

Одновременно Пушкин осуждает и высмеивает претензию Пугачева выдать себя за царя Петра III.

**ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.**

Лицевая сторона обложки.

Так, искусно и осторожно поворачивая своего героя то светлой, то теневой сторонами, Пушкин проводит смелую мысль о том, что «не Пугачев важен, важно общее негодование», породившее пугачевщину. Негодование народа против угнетения, столь грозно выраженное при Екатерине II, не уменьшилось и при Николае I.

Эта идея заложена и в «Истории пугачевского бунта», и в романе «Капитанская дочка», которые он писал почти одновременно. Роман этот — одно из самых значительных творений Пушкина. Белинский назвал его «Евгением Онегиным в прозе».

Не довольствуясь одними официальными документами, добытыми в архивах, Пушкин искал материалы для обоих произведений в беседах с И. А. Крыловым, И. И. Дмитриевым и другими людьми, более или менее близкими по возрасту к событиям. Кроме того, поэт предпринял длительную поездку по местам, в которых эти события протекали.

В сопровождении В. И. Даля Пушкин объехал и осмотрел всю оренбургскую линию крепостей, неутомимо собирая рассказы и предания о Пугачеве. Работа Пушкина — образец писательской добросовестности.

Среди многих источников, привлеченных Пушкиным для создания своей «Истории пугачевского бунта», проф. Ю. Г. Оксман выдвигает еще один, по его мнению, самый главный: книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Известно, что эта запретная и редчайшая книга имелась в библиотеке Пушкина в первом издании 1790 года. Экземпляр этот сохранился. Он в красном сафьяновом переплете, с пометами, принадлежащими, как говорят, самой Екатерине II. На книге собственноручная надпись Пушкина: «Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии, заплачено двести рублей. А. Пушкин».

Появление этой книги в руках поэта Ю. Г. Оксман весьма доказательно связывает с началом его работы над «Историей пугачевского бунта».

Ю. Г. Оксман пишет: «Не рискнув сослаться на книгу Радищева ни в тексте «Истории Пугачева», ни в предисловии и примечаниях к ней, Пушкин попытался в особой статье, якобы не связанной с основным его трудом, ввести в широкий научный и литературный оборот показания и рассуждения Радищева о тех противоречиях русской крепостнической действительности, которые в 1773—1774 гг. привели к крестьянской войне, но не утратили актуального значения и 60 лет спустя»⁴.

Статья Пушкина, о которой упоминает Ю. Г. Оксман, не имела названия. П. В. Анненков условно озаглавил ее «Мысли в дороге», а позднее С. М. Бонди — «Путешествие из Москвы в Петербург». Она была начата Пушкиным в декабре 1833 года. В этой статье, как равно и в другой, написанной для «Современника» в 1836 году и названной уже самим Пушкиным «Александр Радищев», поэт под видом полемики с Радищевым пытался в какой-то мере пропагандировать его общественно-политические взгляды. Несмотря на то, что статьи эти написаны почти эзоповским языком, с рядом мест, сделанных явно с оглядкой на цензуру, они увидели свет лишь спустя несколько лет после смерти автора.

Таким образом, книга А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» помогла Пушкину, особенно в период доработки «Истории Пугачева», точно определить свою позицию как историка крестьянской революции.

Отнюдь не сравнивая точки зрения Радищева и Пушкина, во многом весьма различные, надо сказать, что в «Истории пугачевского бунта» они достигли наибольшего сближения.

Чем смелее, тем опаснее для автора была эта работа.

В октябре 1833 года Пушкин, на обратном пути из поездки по пугачевским местам, останавливается в Болдине, где пишет несколько новых произведений, но, главное, приводит в порядок рукопись «Истории пугачевщины», как он первоначально хотел назвать свой труд, и который потом переименовал в «Историю Пугачева».

Однако и этому названию, как мы увидим далее, не суждено было появиться на заглавном листе книги.

Вернувшись в Петербург, поэт, представляя царю свою рукопись, писал Бенкендорфу (6 декабря 1833 года):

«Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал Историю Пугачевщины. Осмеливаюсь просить через ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных»⁵.

Так очень осторожно, называя свой труд всего-навсего «историческим отрывком», Пушкин подал «Историю Пугачева» царю, не питая особых надежд на ее разрешение.

Гравированный портрет Е. И. Пугачева в книге «История пугачевского бунта».

Однако ни Николай I, ни его приближенные не поняли скрытого смысла нового труда Пушкина. Их обманула нарочитая сухость изложения, учёный тон беспристрастного историка, которыми Пушкин мастерски прикрыл истинную сущность истории пугачевщины. Царя, видимо, устраивало, что приводимые Пушкиным официальные документы, а они-то только и занимали его внимание, подтверждают якобы, что пугачевщина была чисто местным явлением, бунтом, отнюдь не носившим характера какого-то «народного волнения», «крестьянской революции», как об этом писали за границей.

Сделав несколько не очень существенных замечаний в рукописи, царь позаботился в первую очередь изменить название: вместо «Истории Пугачева» он начертил «Историю пугачевского бунта».

По-видимому, Николай I вообще придавал немалое значение именно названиям. Известно, что оперу Глинки «Иван Сусанин» он «изволил собственноручно» переписать в «Жизнь за царя». Под таким названием это гениальное творение Глинки существовало вплоть до Октябрьской революции.

Во всем остальном Николай I пошел навстречу Пушкину и даже выдал ему беспроцентную ссуду в 20000 рублей на печатание «Истории пугачевского бунта».

Очевидно, царь еще не терял надежды, что Пушкин в будущем станет его собственным историографом. Ни царь, ни Бенкендорф не обратили внимания на то, что будущий «историограф» Пушкин начал свои труды с истории «разбойника» Пугачева.

Не смутило царя и то обстоятельство, что автор «Истории пугачевского бунта» просил разрешения напечатать свой труд в той же типографии, в таком же формате и на такой же бумаге, как печаталось «Полное собрание законов Российской империи», полный экземпляр которого совсем недавно «его величество изволило» (в феврале 1832 года) передать в дар поэту.

Подарок с материальной точки зрения был довольно ценным, но имел явно символическое значение, оскорбительно напоминая Пушкину о законах империи, нарушать которые именно ему не рекомендовалось.

Проглотив обиду, Пушкин выждал время и своеобразно дополнил «Полное собрание законов Российской империи» своими двумя томами «Истории Пугачева», напоминая, что крестьянское восстание, руководимое «вором и разбойником» из народа, потрясло империю.

Далеко не все остались в блаженном неведении относительно сущности этого исторического труда Пушкина. Поэт сам записывает у себя в «Дневнике»: «Уваров [министр народного просвещения] большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении»⁶.

Уваров, конечно, был подлецом — это вне сомнения. Но что он был умнее Николая I и со своей крепостнической позиции сумел разглядеть подлинную тенденцию «Истории пугачевского бунта» — тоже вне всякого сомнения. Счастье Пушкина, что Николай I считал себя непререкаемым авторитетом во всех вопросах и руководствовался только собственным мнением, ни чьим больше.

Остается добавить, что огромное количество материалов, собранных Пушкиным по делу Пугачева, далеко не полностью вошло в напечатанные в 1834 году два тома «Истории». Кое-что сверх этого Пушкин представил царю в рукописи «для личного сведения его величества».

Полная публикация всех собранных им материалов состоялась только в наше время в 9 томе академического собрания сочинений поэта.

Количество этих материалов показывает, что Пушкин, написавший «Историю Пугачева», совершил не только политический подвиг, но проделал титаническую работу.

Даже то, что было им напечатано в двух томах В. Г. Белинский оценил чрезвычайно высоко, определив «Историю Пугачева» Пушкина как «пером Тацита писанную на меди и мраморе»⁷.

* * *

Выше уже упоминалось о советском литературоведе Г. П. Блоке, написавшем в 1949 году книгу «Пушкин в работе над историческими источниками». Внимание исследователя привлекли, главным образом, иностранные материалы (а тогда, преимущественно, только такие и могли быть) о Пугачеве, которыми пользовался поэт в своей работе.

Таких материалов было очень немного, и среди них Г. П. Блок называет одну, переведенную на русский язык книгу, заслуживающую, как мне кажется, отдельного о себе рассказа.

Эта книга по существу первая на русском языке книга о Пугачеве, опередившая пушкинскую историю «мужичьего царя» почти на целых двадцать пять лет.

Книга эта полулубочного характера в двух частях, с таким названием:

«Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева». Напечатана книга в Москве в 1809 году в «вольной типографии Федора Любия». В обеих частях 585 страниц. К книге приложен портрет Пугачева, явно фантастический.

У Пушкина были три экземпляра этой, ныне весьма редкой книги. По описанию его библиотеки, сделанному Б. Л. Модзалевским, в ней находились — один экземпляр «сильно потрепанный, в двух кожаных переплетах, другой — в кожаном переплете, совсем свежий, без заметок»⁸. Но был еще и третий экземпляр, который Пушкин расшил на листы. Некоторые официальные материалы, указы, манифесты, совпадающие по содержанию с подлинниками, — поэт не переписывал, а брал из этой книги и наклеивал на страницы своей рукописи.

Свое отношение к этой книге Пушкин выразил собственноручной пометой на «Записках А. И. Бибикова», так же находившихся в его библиотеке. Против сообщения Бибикова о том, что Пугачев был якобы старшим сыном Ивана Измайлова, убитого в турецкой войне при Анне Иоанновне, Пушкин написал: «Вздор, взятый из глупого романа *Ложный Петр III*»⁹.

Г. П. Блок в своем исследовании «Пушкин в работе над историческими источниками» приводит эти слова Пушкина и сам несколько раз тоже называет книгу «Ложный Петр III» «глупым романом».

Раздражение, с которым Пушкин отозвался об этой книге, Блок объясняет незаслуженным успехом, выпавшим на ее долю, и влиянием, оказанным ею на всю допушкинскую литературу о Пугачеве. «При других условиях, — пишет Блок, — он просто обошел бы ее молчанием».

У меня эта книга имеется, и я решил проверить, в чем собственно ее «глупость»? Спорить по этому поводу я не собираюсь, но если в библиотеке Пушкина мы видим один экземпляр этого «глупого романа» — явно рабочего вида, другой — библиофильский, чистенький, а третий пущен поэтом на вырезки для вклейки в собственную рукопись, то можно в конце концов предположить, что в романе этом не все уж так глупо.

Прежде всего, как возникла книга «Ложный Петр III»? Пугачев был казнен в январе 1775 года. К концу этого же года в Лондоне (библиограф В. Сопиков утверждает, что в Голландии, — это сейчас не важно) эта книга появилась на французском языке¹⁰. Издана она была как перевод с русского, причем даже указаны фантастические инициалы

русского автора. Все это чистейшая мистификация, и вне всякого сомнения, автор книги иностранец. У него множество ошибок типа «развесистой клюквы». Азов он считает городом в Крыму, Богдана Хмельницкого — действовавшим во времена Иоанна Грозного, и так далее. Ни один русский подобных ошибок не сделал бы.

Источником для написания этого романа служили иностранные газетные сообщения того времени о Пугачевском восстании. Не трудно даже найти буквальные совпадения текстов в романе и в газетах.

Естественно, что в зарубежных газетных сообщениях о России было немало «развесистой клюквы». Ее, кстати, можно в достаточном количестве увидеть и сегодня, во второй половине XX столетия.

Эту «клюкву» повторил автор книги «Ложный Петр III» и не потрудился исправить русский переводчик. Книга полна того «вздора», который правильно отмечал Пушкин.

Но в каждой исторической работе есть два момента: подбор фактов и тенденция этого подбора. Мне вспоминается книга М. Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (М., 1867). Подбор фактов и документов в книге М. Н. Логинова сделан великолепно. Фактические данные ее о замечательном просветителе XVIII века Николае Ивановиче Новикове не утратили своего значения и сегодня. Однако тенденция в подборе этих фактов, как и все направление книги М. Н. Лонгинова, явно реакционны. Они извращают облик одного из первых русских сатириков-публицистов.

Позволю себе сказать, что в книге «Ложный Петр III» мы видим, если можно так выразиться, обратное явление: подбор фактов никуда не годный (иногда даже «глупый»), а тенденция всей книги — прогрессивная и для своего времени более чем смелая.

Для доказательства этого положения возьмем рецензию на книгу «Ложный Петр III», появившуюся в журнале «Цветник» в том же 1809 году, в номере третьем. Вспомним, что журнал этот издавали «поэты-радищевцы», так что самый факт появления рецензии на эту книгу именно в их журнале — факт, заслуживающий внимания.

Теперь прочтем рецензию, не забывая о том, что тогда существовала цензура и господствовал официальный взгляд на Пугачева как на «злодея и бунтовщика, проклинаемого церковью». Читаем:

«Ложный Петр III» — преглупый и несвязный роман, в котором неизвестный автор *старается всячески сделать*

поступки известного злодея извинительными, оправдывает его во многих случаях, придает характеру изверга нечто геройское. Рассказывает о нем небылицы, бранит духовенство и правление...» (Подчеркнуто мною.— Н. С.-С.).

Русский переводчик романа торопится сделать оговорку и на странице 326 пишет в сноске: «Особенность, что господин автор почитает себя более знающим своего героя [т. е. Пугачева], нежели самый Российский Двор, который в Манифесте говорит совсем противное словам автора».

Разумеется, тут важно не то, что манифест говорит противное словам автора, а что автор говорит противное словам манифеста.

А автор отнюдь не стесняется говорить действительно «противное». На странице 81 части второй он пишет: «Пугачев выслушал ужасное сие определение [о казни]. Но никогда не казался он более великим, более достойным лучшей участи и добродетелей...» (Подчеркнуто мною.— Н. С.-С.).

Не могу я, извините, считать эту книгу «глупым романом». Не показалась эта книга глупой и царскому правительству, которое с некоторым, правда, опозданием изъяло ее из продажи и предало сожжению.

Г. П. Блок в своей работе пишет, что, как ни странно, «Ложный Петр» имел огромный успех и стал библиографической редкостью, чему немало способствовало запрещение в 1811 году продавать эту книгу¹¹.

Должен сознаться, что мне успех этой книги не казался «странным» сразу, как я ее прочитал.

Далее Г. П. Блок пишет: «Эти сведения [о запрещении продажи книги.— Н. С.-С.], извлеченные из еще неопубликованного цензурного дела, сообщила мне В. Д. Измайльская»¹².

Я не знаю, какое «неопубликованное цензурное дело» имела в виду В. Д. Измайльская, но есть одно подлинное «цензурное дело» об этой книге, которое опубликовано в 1900 году в «Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина» (выпуск седьмой). Сборник этот, правда, весьма редкий, он напечатан всего в 200 экземплярах, но «дело» в нем все-таки опубликовано.

Оно настолько любопытно, что стоит привести здесь некоторую его часть.

«Дело» начинается с официального письма министра народного просвещения А. К. Разумовского на имя попечителя Московского университета П. И. Голенищева-Кутузова:

«Милостивый государь, Павел Иванович!

Государю императору благоугодно было высочайше повелеть запретить продажу напечатанной в Москве книги «Ложный Петр III». Вследствие сего прошу Ваше превосходительство, по сношении с местными гражданскими начальствами, во всех книжных лавках Московского учебного округа, все экземпляры означенной книги отобрать и Цензурному комитету предпишете, дабы отнюдь вновь не давал позволения к печати оной, буде бы кто сего требовал».

Далее идет строжайшее предупреждение министра, чтобы «впредь быть осторожным с разрешением подобных сочинений».

Последовало соответствующее предписание обер-полицеймейстеру Москвы Ивашкину, который донес, что книга срочно отобрана у всех московских книгопродавцев, но (увы!) всего в количестве 39 с половиной экземпляров.

Ретивый полицеймейстер на этом не остановился и вызвал к себе типографщика «иностранца Федора Любия», который показал следующее: «Книгу Ложный Петр III печатал я с дозволения Московского цензурного комитета на счет московских купцов, книгопродавцев Петра Инихова и Алексея Базунова всего в 2 частях 1800 книг и для оных печатания получил я письменный экземпляр от означенных купцов. Цена же книгам по каталогу в 2-х частях — 6 рублей».

Этого полицеймейстеру Ивашкину показалось недостаточным, и он вызвал на допрос всех книгопродавцев, «из коих московский купец Инихов пояснил, что в прошлом 1808 году обще с товарищем его книгопродавцем-купцом Базуновым куплен был у мещанина Сергиевского посада Сергея Федорова Переплетчикова ценою за 300 рублей рукописный манускрипт сея книги, пропущенный уже цензурным комитетом, и по напечатании в вольной типографии Любии 1800 экземпляров в 2-х томах, по объявлении в Московских ведомостях 1809 года — пущен в продажу».

Далее следует отдельная переписка об изъятии этой пропущенной опростоволосившейся цензурой рукописи и отсылки ее Голенищеву-Кутузову.

Все дело начато было властями слишком поздно. Напечатано книги было 1800 экземпляров, отобрали ее в Москве неполных 40, ну, можно считать, что в Петербурге экземпляров сто, а более полутора тысяч разошлось по рукам. Если принять во внимание, что книга издана как лубочная, что покупателем таких книг являлся народ, то это усугубляло «вредоносность» этого «глупого» романа.

Иностранец — автор романа — остался неизвестен, но русским переводчиком книги, пожалуй, можно считать мещанина Сергиевского посада Сергея Федоровича Переплетчикова, который, как-то заполучив французский подлинник книги, перевел ее и не побоялся представить в цензуру.

Свою работу, уже процензурованную, он отдал книгопродавцам всего за 300 рублей. Книгопродавцы, продавшие примерно 1600 экземпляров по шесть рублей, получили, если учесть их расходы на печать и бумагу, тысяч семь-восемь. Небольшую корысть имел переводчик, рисковавший весьма многим. Да кто еще знает, что сделал с ним ретивый полицеймейстер Ивашкин?

Гениальная работа Пушкина, давшего нам «Историю пугачевского бунта», не идет, разумеется, ни в какое сравнение с ремесленной, кустарной работой автора и переводчика книги «Ложный Петр III».

Но если работу Пушкина надо считать политическим подвигом поэта, то перевод иностранной книги, хотя бы похожего содержания, в то время нельзя не отметить как поступок в достаточной мере смелый. Пусть имя мещанина Сергиевского посада Сергея Федоровича Переплетчикова не останется навсегда забытым¹³.

* * *

Возвращаясь к пушкинской «Истории пугачевского бунта», необходимо теперь рассказать лишь о чисто издательской стороне этой двухтомной работы поэта.

Сделать это не трудно, так как сохранилось немало официальных документов, дающих полную картину выхода ее из печати в 1834 году.

Получив разрешение на издание «Истории пугачевского бунта», Пушкин обратился к Бенкендорфу со следующим посланием: «Не имея ныне способа независимо от книгопродавцев приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшей моей просьбою о выдаче мне из казны заимообразно, за установленные проценты, 20000 рублей, с тем, чтобы я оные выплатил в два года по срокам, которые угодно будет назначить начальству»¹⁴.

Нет нужды приводить всю переписку по данному вопросу. Известно, что просьба Пушкина была удовлетворена, и он получил 21 марта 1834 года уведомление от государственного казначейства, что «дано предписание о выдаче всемилостивейше пожалованных вам на напечатание Истории пугачевского бунта 20000 рублей в ссуду на два

Печать Е. И. Пугачева в книге
«История пугачевского бунта».

Карта Оренбургской,
Казанской, Нижегородской
и Астраханской губерний
в книге
«История пугачевского бунта».

года без процентов и без вычета в пользу увечных, со взятием от вас надлежащего обязательства, в исправном возврате сей ссуды»¹⁵.

У царя хватило такта не брать процентов. Сама ссуда обрадовала поэта, которому деньги были нужны не только на напечатание своего труда (на это не надо было столько), но и на возможность «перевернуться» в крайне тяжелых материальных обстоятельствах.

Следует напомнить, что было удовлетворено и другое желание поэта — напечатать его «Историю пугачевского бунта» непременно в той типографии, в том же формате и на той же самой бумаге, на которой печатался «Свод законов Российской империи».

Директором этой типографии (2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии) в то время был друг Пушкина и однокашник его по лицу — Михаил Лукьянович Яковлев, который доносил своему начальству в середине июля 1834 года: «Камер-юнкер Пушкин желает: 1-е чтобы сочинение его напечатано было в 8-ую долю листа такового же формата как Свод Законов, и на таковой же бумаге; 2-е число экземпляров полагает он 3000, из коих на 1200 просит заготовить бумагу на счет казны, а потребное количество для остальных 1800 экземпляров, имеет доставить сам, и 3-е что касается до шрифта и вообще до издания книги, то он во всем полагается на его г. Директора типографии»¹⁶.

М. Л. Яковлев, по существу, почти дословно передал содержание официального письма-заказа Пушкина, посланного ему, директору типографии 3 июля 1834 года.

Можно опустить дальнейшую переписку по согласованию этого вопроса в различных инстанциях, так как вся она только подтверждает, что указанные желания Пушкина на этот раз полностью удовлетворялись.

В результате обе части «Истории пугачевского бунта» были напечатаны в типографии «2 Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии» — без цензуры, как сочинение уже «удостоенное высочайшего прочтения», и Пушкину представили счет от типографии такого содержания:

«СЧЕТ

Во что обошлось напечатание Истории Пугачевского Бунта (41½ листа), в числе 3000 экземпляров.

За набор и печать 41½ листа, в
числе 3000 экземпляров, полагая
по 40 рублей с листа 1660

Числ пер. в Рубли

Полковник + вана
Конт-паша + вана
Бошняк

В. С.

Великий Род арс + вана
+ вана . Всероссийского

Снимки с подписей кн. П. Голицына, И. Бошняка и самозванца в книге
«История пугачевского бунта».

За 108 ³ / ₄ стоп бумаги, употреблен- ной на напечатание 1200 экзем- пляров, по 15 руб. за стопу . . .	1631.25
Итого	3 291.25

[Подп.] Фактор типографии И. Граффа.
3 Декабря 1834 г.»¹⁷.

Трудно установить, уплатил ли эти деньги сам Пушкин, или указанную сумму с него вычли при выдаче ему 20000 рублей ссуды, или казна вообще сочла возможным не требовать с него этих денег. Во многих официальных отношениях, сохранившихся по поводу дела о печатании этого труда поэта, часто встречается указание «отпечатать за казенный счет», что, однако, не подтверждает неуплаты Пушкиным тем или иным способом следуемых с него денег.

Во всяком случае за бумагу, потребную для печати 1800 экземпляров, сверх тех 1200, которые фигурируют в приведенном выше счете, Пушкин уплатил наличными. В книге «Литературный архив» напечатана расписка директора типографии М. Яковлева на имя Пушкина такого содержания:

«В уплату Кайдановской фабрики за поставленную бумагу получил сто полуимпериалов. Коллежский советник М. Яковлев. 31 декабря 1831 года»¹⁸.

Автор примечания к этой публикации недоумевает, почему за бумагу, необходимую для напечатания 1200 экземпляров взяли с Пушкина 1631 рубль (эта сумма указана в счете), а за бумагу на остальные 1800 экземпляров Пушкин дал всего 750 рублей (полуимпериал — это 7 рублей 50 копеек).

Автор комментария даже выражает сомнение — не часть ли это той суммы, которая причиталась с Пушкина?

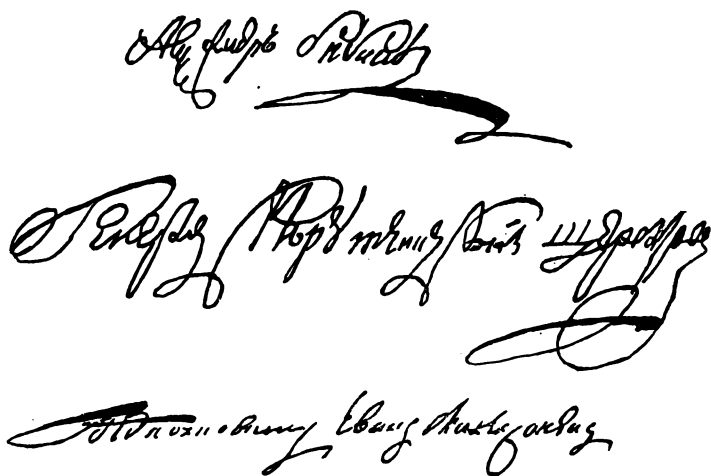
Все это объясняется весьма просто. Автор комментария забыл, что общий счет велся на ассигнации, и за бумагу Пушкин внес сто полуимпериалов. В ассигнациях ни империалов, ни полуимпериалов не было. Существовали только золотые, которые ценились, примерно, в три с половиной раза дороже в перерасчете на ассигнации. Таким образом, Пушкин внес за недостающую бумагу не 750 рублей, как думал автор комментария, а около 2500 рублей в счете на ассигнации.

Не трудно сообразить, что если на первые 1200 экземпляров пошло 108 стоп бумаги по 15 рублей стопа (всего по счету на 1631 рубль с копейками), то на 1800 экземпляров должно пойти бумаги на целую треть больше, то есть 1631 плюс, примерно, 550 рублей — всего 2200 рублей. Пушкин внес, выходит, несколько больше, но это потому, что я оперирую круглыми и приблизительными цифрами, а курс золотого рубля колебался от 3 р. 50 к. до 3 р. 74 к. ассигнациями.

Во всяком случае за добавочную бумагу Пушкин уплатил полностью, и вопросы автора указанного комментария основаны на недоразумении.

По-видимому, трехтысячный тираж «Истории пугачевского бунта» печатался отнюдь не сразу, а какими-то частями, или «заводами».

Это подтверждается интереснейшим письмом директора типографии М. Л. Яковлева, который 5 сентября 1835 года, то есть через восемь месяцев после поступления первых экземпляров «Истории» в продажу, писал поэту:

Снимки с подписей А. И. Биби́кова, Ф. Ф. Щербатова, И. И. Михельсона
в книге «История пугачевского бунта».

«Посылаю тебе Пугачева. Нанял я за пять рублей две подводы, но всего не могли на них взвалить и для того на помощь дана казенная лошадь. Мужикам прошу отдать за провоз. Прилагаю при сем наставление для переплетчика, которому ты будешь отдавать экземпляры в листах. Перепечатки лежат в особой кипе. Нужно чтоб переплетающий имел для проверки исправный [правленный] экземпляр»¹⁹.

Обратим внимание сначала на вторую половину письма. Что это за «перепечатки», которые «лежат в особой кипе»?

Дело в том, что Пушкин продолжал вносить в свою работу поправки даже после того, как первая часть тиража поступила в продажу. Поправки эти не очень значительны, так как Пушкин опасался вторичной цензуры.

Но во всяком случае существуют неправоленные автором экземпляры (незначительная часть) и правленные, которых было неизмеримо больше. Вот несколько исправлений, внесенных Пушкиным в первую книгу «Истории Пугачева»: на странице 44, девятая строка снизу — вместо «отданных на поругание разбойникам», исправлено — «отданных на поругание разбойникам». Смысл, конечно, меняется: отданных не кому, а кем.

Далее, на странице 59, пятая строка снизу — вместо фамилии «Шигаев» — исправлено «Торнов». На странице 74, вторая строка снизу — вместо «Атаман Ибраимов» — исправлено «Атаман Ефремов». На странице 156, вторая

Гравированный портрет в книге «Ложный Петр III...».

строка снизу — вместо «Киренск» — исправлено «Керенск».

Имеются и еще кое-какие исправления. Для внесения их в книгу необходимо было перепечатывать некоторые листы, и именно о них и идет речь в цитируемом выше письме Яковлева.

Весьма любопытна и первая половина этого письма, где говорится об отправке тиража «Пугачева» на двух нанятых

ЛОЖНЫЙ
ПЕТРЪ III,

ИЛИ

ЖИЗНЬ, ХАРАКТЕРЪ И ЗЛОДѢЯНІЯ
БУНТОВЩИКА,
Емельки Пугачева.

Часть I.

МОСКВА, 1859.

Въ вольной Типографіи,
Оддѣла Любля.

Титульный лист.

подводах и одной «казенной лошади». Это подчеркивает примитивность всего «самоиздата» Пушкина и удостоверяет, что склад издания был прямо на квартире у автора.

Кстати сказать, на квартире у автора после его смерти обнаружено около 1750 экземпляров непроданной «Истории пугачевского бунта», которая явно не имела успеха на книжном рынке.

Сам Пушкин был уверен, что издание принесет ему значительные доходы. В книге «Рукою Пушкина» приводятся его черновые наметки, по которым видно, что поэт ожидал от издания не менее 40 000 рублей прибыли²⁰.

Между прочим, в этих расчетах Пушкин пользовался примерно такой же системой вычисления, какой пользовался я при учете всего литературного заработка поэта: он снимал с валовой суммы стоимости издания — 20% книгопродавческой скидки и 15% за печать и бумагу. Таким образом, мои расчеты получают некоторое документальное подтверждение.

Неуспех издания признавал и сам Пушкин. Отвечая на критику некоего Броневского, критику глупую и бездар-

ную, Пушкин писал: «История пугачевского бунта, не имев в публике никакого успеха, вероятно не будет иметь и нового издания»²¹.

Нового издания при жизни поэта действительно не потребовалось. Продав только 1250 экземпляров, примерно по 13 рублей каждый (за вычетом книгопродавческой скидки и расходов), Пушкин успел собрать всего около 17 000 рублей, сумму, которая не дала ему возможности даже вернуть полученную на издание ссуду.

Говоря о расходах Пушкина, связанных с выпуском «Истории пугачевского бунта», следует, конечно, помнить, что учитывается не только стоимость бумаги и типографских расходов, но и деньги, потраченные на поездку по «пугачевским местам». В то время это не могло стоить дешево. Можно привести еще один расход Пушкина на издание его «Истории». Это счет на изготовление портрета самого Пугачева, приложенного к изданию. Оригинал портрета предоставил Пушкину Д. Н. Бантыш-Каменский из собрания известного П. Бекетова, а расходы по его изготовлению были таковы:

«Должен господин А. Пушкин Ф. Беллизару и К^о.

Гравирование портрета Пугачева	
франков	300
Печатание и бумага 3000 экземпляров на обыкновенной бумаге	
10 фр. 50 сант. за сотню	315
Тоже 200 экз. на китайской бумаге	
по 20 франков за сотню	40
франков	655
Комиссия и расходы, уплаченные в Париже 10%	65.50
Итого:	720.50
Фр. 720.50 по курсу 110. Рублей	655
Расходы по пересылке, страхованию, вывозные пошлины, сборы за провоз через проливы, отправка писем и проч., составляющие 13% суммы	85.50
Наша комиссия по приемке . . .	10
Итого	750.50

Спб. 18 июля 1835 г.»²².

Яковъ Брантъ

Яковъ Рейнсдорпъ

Генералъ-майоръ
Василій Каръ

Снимки с подписей Я. Бранта, Рейнсдорта, генерал-майора Кари в книге
«История пугачевского бунта».

Боюсь утверждать, но мне думается, что эта сумма указана в золотых рублях (курс на иностранную валюту не мог быть иным), а поэтому на ассигнации портрет Пугачева обошелся Пушкину около 3000 рублей.

При плохой распродаже издания сумма эта тоже камнем легла на бюджет Пушкина.

Настроение великого поэта в эти годы было и без того довольно мрачным. Еще до выхода из печати «Пугачева» он писал Погодину (7 апреля 1834 года):

«Вы спрашиваете у меня о Медном всаднике, о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев выйдет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег, охота являться перед публикой, которая вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок»²³.

Рынок, на котором задавали тон булгарины, гречи и сенковские, а в травле великого поэта принимали участие еще и многие «доброхоты со стороны», пожалуй, и не заслуживал другого названия.

«История пугачевского бунта» 1834 года в двух частях на антикварном рынке и даже в наше время не считалась редкостью. По книготорговому реестру Смирдина 1841 года оба тома «Истории» продавались со скидкой 75% против номинала.

Очень редки неправоленные Пушкиным экземпляры, а также особые, подносные. Об их существовании известно из письма поэта Нащокину от 20 января 1835 года, где говорится:

«Ты видел, вероятно, Пугачева и надеюсь, что его не купил. Я храню для тебя особый экземпляр»²⁴.

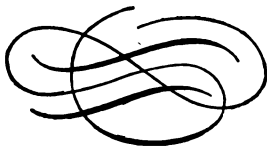
Эти «особые» экземпляры переплетены были в роскошные золототисненные марокены, с муаровой подбивкой, с золотым обрезом и портретом Пугачева на китайской бумаге.

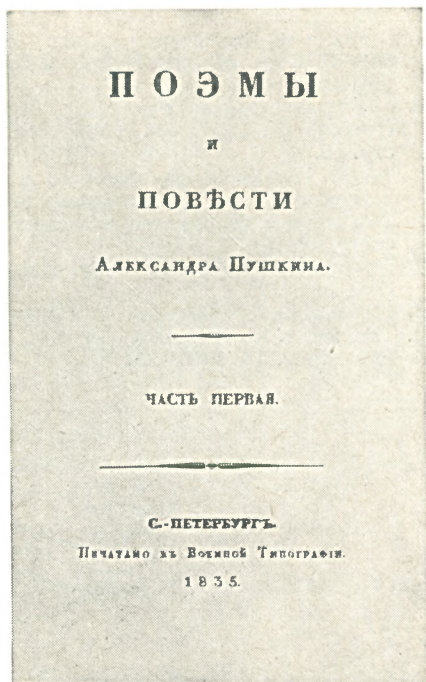
Было таких экземпляров, конечно, очень немного, и как раз один из них попал ко мне из собрания П. Рейнбота.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цвяловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, №№ 1020-1021.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13, Л., 1937, стр. 336.
3. Благой, Д. Д. А. С. Пушкин. М., 1949, стр. 79—90.
4. Оксман, Ю. Г. От «Капитанской дочки» Пушкина к «Запискам охотника» Тургенева. Саратов, 1959, стр. 115. Дальнейшие ссылки на Ю. Г. Оксмана — по этой его книге.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 98.
6. Там же, т. 12, 1949, стр. 337.
7. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 5. М., 1954, стр. 274.
8. Модзалевский, Б. Л. Библиотека Пушкина. — В сб.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. III. Вып. 9—10, 1909, стр. 59.
9. Там же. В таком же духе Пушкин отзывался о романе в известном своем ответе на рецензию Броневского, стр. 9.
10. Французское заглавие подлинника: «Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemelian Pugatschew. D'après l'Original Russe de Mr.F.S.P.W.D.B. Londres. MDCCLXXV». Подробная библиография напечатана — см. W. Gunzerodt. «Der erste Roman über Emelijan Pugatschew». («Zeitschrift für Slavistik», Berlin, 1958, стр. 711).
11. Блок, Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л., 1949, стр. 83.
12. Там же.
13. Рассказ о книге «Ложный Петр III» был мною напечатан в «Комсомольской правде» от 13 марта 1960 г. Некоторые подробности о цензурной истории книги — см. «Описание дел архива Министерства народн. просвещ.». Т. 2. Пг., 1921, стр. 135.
14. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 112.

15. Там же, стр. 119.
16. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. IV, вып. 16, 1910, стр. 83. Там же и другие подробности.
17. Там же, стр. 86.
18. «Литературный архив». Изд. АН СССР. Т. 1. М.-Л., 1938, стр. 33.
19. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 46.
20. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати М. А. Цявловский и др. М.-Л., 1956, стр. 376—381. Там же и о количестве оставшихся экземпляров «Истории пугачевского бунта».
21. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 9. (Ч. I), Л., 1950, стр. 379.
22. Там же, т. 16, 1949, стр. 44 и 374.
23. Там же, т. 15, 1948, стр. 124.
24. Там же, т. 16, 1949, стр. 6.

34. «ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ» В ДВУХ ЧАСТЯХ (1835 г.)

1. ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ Александра Пушкина. Часть первая. С.-Петербург. Печатано в Военной Типографии. 1835. [На обороте листа оглавления напечатано: «Издание книгопродавца А. Смирдина»]. 8°. (20,5 × 12,5 см. обрез.). Шмуцитул + заглавный лист + 4 нум. + 232 стр.

Иллюстрации: Портрет А. Пушкина, рисовал О. Кипренский, гравировал Н. Уткин. «II тисн.».

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть первая. С.-Петербург. Печатано в военной типографии. 1835»; на последней стр., в такой же рамке, — типографская виньетка (звездочка) и текст: «Продается в книжном магазине А. Смирдина, по 20 руб. экземпляр».

Цензурное разрешение: 12 января 1835 года; цензор А. Никитенко.

Содержание: I. Руслан и Людмила. II. Кавказский пленник. III. Бахчисарайский фонтан.

2. ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ Александра Пушкина. Часть вторая. С.-Петербург. Печатано в военной типографии. 1835. [На обороте листа оглавления напечатано: «Издание книгопродавца А. Смирдина»].

8°. (20,5 × 12,5 см. обрез). Шмуцтитул + заглавный лист + 4 нум. + 221 стр.

Обложка: точно такая же, как и на части первой, с пометой на передней стороне: «часть вторая».

Цензурное разрешение: 29 апреля 1835 года; цензор А. Никитенко.

Содержание: I. Братья разбойники. II. Цыганы.— III. Граф Нулин.— IV. Полтава.— V. Домик в Коломне.— VI. Анджело.

Дата выхода первой части — 10 апреля 1835 года — определяется на основании извещения в «Библиотеке для чтения» того же года, т. 10, поместившего первую часть «Поэм и повестей» в числе книг, вышедших в апреле.

Дата выхода второй части — 27 августа 1835 года — определяется на основании рецензии в «Северной пчеле» от того же числа в № 191. В рецензии говорится именно о выходе второй части¹.

В библиотеке Ленинградского университета имеются экземпляры обеих частей с цензурными билетами «на выпуск». Первая часть от 10 апреля, вторая — от 25 июля 1835 года. Где-то около этих чисел — даты поступления книг в продажу².

Любопытно, что московский книгопродавец А. Ширяев объявлял о продаже обеих частей по цене 25 рублей экземпляр, вместо 22 рублей с пересылкой.

НИКАКИХ сведений по поводу издания этого пушкинского двухтомника, к сожалению, не сохранилось. Пушкин в это время жил в Петербурге и сам руководил изданием своих книг. Переписка его с Плетневым, столь драгоценная для нашей работы, не велась: друзья часто встречались. Архив издателя А. Смирдина до нас не дошел.

Почти все произведения Пушкина, вошедшие в этот двухтомник, предварительно были напечатаны отдельными книгами. Вот порядок их выхода, число изданий и цены, по которым они продавались: 1) «Руслан и Людмила» — поэма издавалась дважды. Цена последнего издания с портретом — 12 рублей. 2) «Кавказский пленник» — два раза (с Ольдекопским — три), цена 5 рублей. 3) «Бахчисарайский фонтан» — три раза. Цена последнего издания 5 рублей. 4) «Братья разбойники» — два раза. Цена 1 рубль. 5) «Цыганы» — одно издание, цена 5 рублей. 6) «Граф Нулин» — дважды. Цена отдельному изданию 2 р. 50 к. (книгопродавцы продавали по три рубля). 7) «Полтава» — издана один раз, цена 10 рублей. 8-9) «Домик в Коломне» и «Анджело» — отдельно изданы не были, но напечатаны немного ранее выхода двухтомника в альманахах Смирдина.

На обложке книги «Повести, изданные А. Пушкиным» напечатано объявление о наличии в продаже всех перечисленных отдельных книг поэта. Следовательно, особенной

нужды в новом их издании не было. Но если подсчитать общую стоимость этих книг поэта, то она составляла более сорока рублей.

Новый двухтомник 1835 года давал возможность читателям приобрести все эти сочинения за 20 рублей, вдвое дешевле, не считая еще того, что «Домик в Коломне» и «Анджело» давались как бы в качестве премии.

Все эти обстоятельства поспешила отметить современная изданию пресса. Так «Северная пчела» писала: «Издание этих *«Поэм и повестей»* было необходимо; почитатели поэта уже его ожидали, потому что не в состоянии были приобрести по одиночке эти *disjecta membra* его фантазии. А. Ф. Смирдин удовлетворил их ожиданию, издав собрание поэм А. С. Пушкина, которое, как и все издания, отличается красотой и вместе умеренностью цены. Хотя, конечно, нельзя назвать дешевым издание двух томов посредственной величины, продающихся по двадцати рублей, но в сравнении с прежней непомерной ценой брошюр, его составляющих, эта цена очень умеренна»³.

Примерно о том же писала и «Библиотека для чтения»: «Изданию *«Поэм и повестей»* А. С. Пушкина мы предсказываем большой успех. Оно отличается особенною изящностью и весьма умеренною ценою. Творения знаменитого нашего поэта, до сих пор рассеянные по брошюрам, были нетерпимо дороги для собирателей. Теперь они представляются в целом и доступны всякому»⁴.

Терял на этом издании только А. Ф. Смирдин, которому оно могло помешать в продаже оставшихся у него отдельных изданий тех же сочинений Пушкина.

Но Смирдин не был стяжателем. В. Г. Белинский считал, что «делом жизни» этого книгопродавца было издание русских классиков и сочинений современных писателей «по цене, доступной для небогатых людей». Именно этим, по мнению великого критика, Смирдин «произвел решительный переворот в русской книжной торговле и, вследствие этого, в русской литературе»⁵.

Но если даже отбросить эту идейную сторону вопроса, то что, собственно, оставалось делать Смирдину, если сроки обусловленные при приобретении им отдельных изданий сочинений Пушкина, истекли, и поэт имел право предпринять следующее их тиснение у любого другого издателя?

Смирдин поспешил приобрести это право сам, так как оно давало ему возможность маневрировать в продаже и новых и старых изданий книг Пушкина по своему усмотрению.

Материальные же дела самого поэта, как мы знаем, были в эти годы таковы, что он стремился любым способом получить оброк со своей «единственной деревеньки на Парнасе».

По моим соображениям, А. Ф. Смирдин уплатил Пушкину за право издания двухтомника «Поэм и повестей» 1835 года 12000 рублей. Расчет мой простой: обычный тираж 1200 экземпляров по 20 рублей каждый, давал общую стоимость издания в 24000 рублей. Судя по прежним, документально доказанным примерам, Пушкин всегда при продаже или права издания, или тиража своих книг, претендовал на половину этой стоимости, в данном случае составляющую 14.000 рублей.

Такую же цену Смирдин заплатил и за две части «Стихотворений» Пушкина (1832 и 1835 годов), по объему и формату изданий точно таких же как двухтомник «Поэмы и повести».

Разница состояла только в том, что обе части «Стихотворений» Смирдин покупал в виде уже готового, напечатанного Плетневым тиража, а «Поэмы и повести» издавал сам.

Именно поэтому на двухтомнике стоит марка «Издание книгопродавца А. Смирдина». Это второй и последний случай, когда Смирдин выставил на книгах Пушкина свою издательскую марку (первый раз на «Евгении Онегине» издания 1833 г.).

Думается, что если при этом и допускалось какое-либо различие или в количестве тиража, или в сумме гонорара, то весьма незначительное. Скорее всего это различие было чисто принципиальным. Пушкин и, в особенности, его «доверенный» Плетнев с крайней неохотой выпускали из своих рук право контроля за тиражом.

При всем несомненном уважении Пушкина к Смирдину, нельзя не вспомнить его шутивную эпиграмму, написанную примерно в 1836 году.

Смирдин меня в беду поверг;
У торгаша сего семь пятниц на неделе:
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг⁶.

Денежные дела всегда остаются денежными делами, и в них обе стороны так или иначе соблюдают свои интересы.

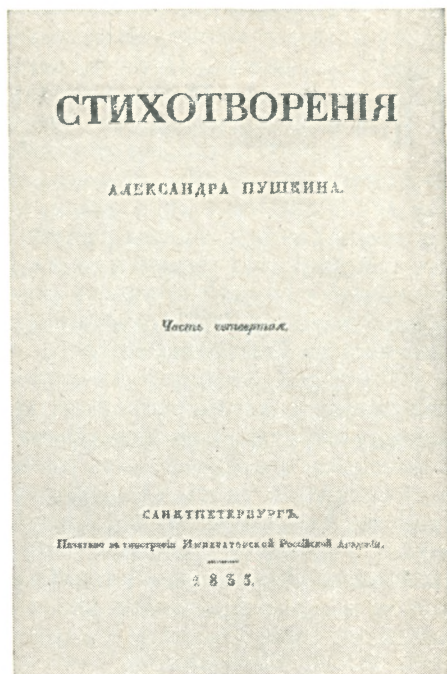
Внешне оба томика «Поэм и повестей» 1835 года изданы великолепно. Приложенный к первой части портрет автора тот же самый, что прилагался Смирдиным и ко второму

изданию «Руслана и Людмилы» 1828 года. Только тогда он прилагался за отдельную плату (2 рубля) и не был обязательной принадлежностью издания. По-видимому, и в «Поэмах и повестях» портрет тоже не был обязательным приложением; экземпляры с портретом совершенно ненужны. Вообще «Поэмы и повести» 1835 года — одно из редчайших прижизненных изданий поэта. Мне думается, это объясняется тем, что эти два тома, в которых собраны почти все наиболее популярные произведения поэта, были «зачитаны», то есть обветшали, истрепались от многократного чтения. Таково, кстати, пояснение часто встречающееся в букинистических и антикварных каталогах определения — «редкое, зачитанное издание».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цвяловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938. №№ 1043 и 1072.
2. Звенья. Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 243.
3. Цитируется по книге В. Зелинского «Русская критическая литература о Пушкине». М., 1902, ч. 4, стр. 24.
4. Цитируется по источнику, указанному в предыдущем примечании, стр. та же.
5. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 9. М., 1955, стр. 242.
6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 3. (Ч. 1). Л., 1948, стр. 439.

35. ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ЧАСТЬ «СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА» (1835 г.)

СТИХОТВОРЕНИЯ Александра Пушкина. Часть четвертая. Санкт-петербург. Печатано в типографии Императорской Российской Академии. 1835.

8°. (20 × 13 см. обрез.). Шмуцтитул + заглавный лист + 189 стр. + 1 нenum. стр. (оглавление).

О б л о ж к а: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Стихотворения Александра Пушкина. Четвертая часть. Санктпетербург. 1835»; на последней стр.— одна наборная рамка, без текста.

Цензурное разрешение: 29 апреля 1835 года; цензор А. Никитенко.

Дата выхода — около 14 сентября 1835 года. Основанием датировки служит «Обозрение новых книг, вышедших в сентябре 1835 года», напечатанное в «Библиотеке для чтения», т. XII за тот же год; указывается цена книги — 10 рублей.

В библиотеке Ленинградского университета хранится экземпляр с цензурным билетом на выпуск из типографии, датированным 12 сентября 1835 года¹.

А ЭТОЙ книге заканчивается начатое еще в 1829 году издание «Собрания стихотворений» Пушкина в четырех частях. Первые две части вышли в 1829 году, третья — в 1832 и эта, последняя часть, четвертая — в 1835 году. Судя по материалам П. В. Анненкова, покупателем тиража третьей и четвертой частей «Стихотворений» был А. Ф. Смирдин, заплативший Пушкину гонорар 12000 рублей за обе части. У Анненкова сказано об этом не очень ясно, и можно понять (некоторые так и поняли), что гонорар этот уплачен не за две, а за четыре части. Выше я уже имел случай привести доказательства того, что это неверно: гонорар 12000 рублей уплачен лишь за две последние части «Стихотворений».

Приобрел Смирдин не право издания, а именно тираж как третьей, так и четвертой частей «Стихотворений». По известному уже нам его обычаю ни на той, ни на другой книгах нет его издательской марки.

Четвертая часть «Стихотворений» печаталась в типографии Академии наук. Рассказ об издании этой книги можно начать с письма поэта Бенкендорфу 23 ноября 1834 года. Пушкин писал: «Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова, по предписанному пред сим порядку»².

Уже 4 декабря того же года последовало разрешение Бенкендорфа на печатание книги, что, однако, не освободило Пушкина и от обыкновенной цензуры. На книге нет визы «С разрешения правительства», а стоит подпись цензора А. Никитенко.

Подчинение Пушкина двум цензурам в это время было, очевидно, уже узаконено.

Весьма ценны для истории издания прижизненных книг Пушкина сохранившиеся документы, связанные с напечатанием четвертой части «Стихотворений». В числе этих документов имеется «Выписка из журнала Императорской Российской Академии в субботу 28 сентября 1835 года», в которой говорится:

«Непременный секретарь представил рапорт типографии об отпечатании стихотворений Александра Пушкина, часть IV, составившая набором 12¹/₄ листов и что на выпуск оной получен билет цензурного комитета за № 1232.

Справка: Книга сия печаталась на счет книгопродавца Смирдина, и следовавшие деньги, считая по 30 рублей за

лист, 367 р. 50 к. получены от него г. казначеем и записаны в приход по типографской книге под № 9.

Определено: напечатанные экземпляры отпустить г. Смирдину, исполнение сего предоставить непременно секретарю.

Подписано: Непременный секретарь Д. Языков.

Присутствовавшие на заседании члены Академии»³.

По цене, указанной за печать — 30 рублей за лист, — можно точно установить тираж книги: один «завод», или 1200 экземпляров (за два «завода» брали 50 рублей).

Цитируемый документ подтверждает ранее высказанные догадки о таком же тираже первых трех частей собрания стихотворений, а также то обстоятельство, что, покупая тиражи книг Пушкина за определенные гонорары, Смирдин расходы по печатанию брал на себя. В приведенном расчете отсутствует цена бумаги, так как, по-видимому, Смирдин сам ее завез в типографию из своих запасов.

Примечательно, что вся четвертая часть этого собрания состоит из произведений Пушкина, которые до этого были в 1834—1835 годах напечатаны в журнале Смирдина «Библиотека для чтения». Таким образом, на протяжении одного года Смирдин дважды уплатил Пушкину гонорар за одни и те же произведения.

Исключение составляет только «Разговор книгопродавца с поэтом», ранее напечатанный в первом издании первой главы «Евгения Онегина» в 1825 году в виде своеобразного предисловия к роману. На этот раз, в четвертой части «Стихотворений» Пушкин напечатал его как послесловие ко всем четырем частям.

Следует напомнить, что из первого полного издания «Евгения Онегина» 1833 года этот «Разговор книгопродавца с поэтом» был исключен автором. Не будет «Разговора» и в последнем издании романа 1837 года.

Выход в свет четвертой части «Стихотворений» был холодно принят современной критикой, рассуждавшей о том, что талант Пушкина как лирического поэта «кончился». Между тем, именно в эти годы гений Пушкина достиг вершины зрелости и глубины мысли.

Обращение к русским народным сказкам, к славянскому фольклору, к «Слову о полку Игореве» и, наконец, к творчеству Александра Радищева — все это подчеркивало глубокий интерес Пушкина к судьбам порабожденного родного народа, к борьбе его за свободу. Ярким доказательством этого является написанная им история крестьянского восстания, руководимого Емельяном Пугачевым.

Давно уже кабинет «служителя Муз и Аполлона» был превращен в библиотеку-лабораторию мыслителя и ученого. Книги на четырех языках стали верными помощниками Пушкина. 1836 год, год «Капитанской дочки», «Современника», был и годом создания многих замечательнейших его лирических стихотворений. Некоторые из них он успел напечатать в «Современнике», многие остались ненапечатанными. Разговоры об «упадке» лирического гения Пушкина в эти годы — это толки недоросших до понимания его поэзии критиков.

В 1836 году Пушкин пишет свой замечательный «Памятник». Строки беловой рукописи этого стихотворения:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу... —

после смерти автора исправляет Жуковский, вынужденный представить Пушкина потомству, как «верноподданного и христианина». Долгие годы на постаменте бронзового изваяния поэта в Москве было вычеканено:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен...

В столетие со дня смерти Пушкина эти строки, изуродованные Жуковским, были исправлены, и они появились на памятнике в своем, якобы «первоначальном» виде, с третьей строкой беловой рукописи автора:

Что в мой жестокий век восславил я свободу...

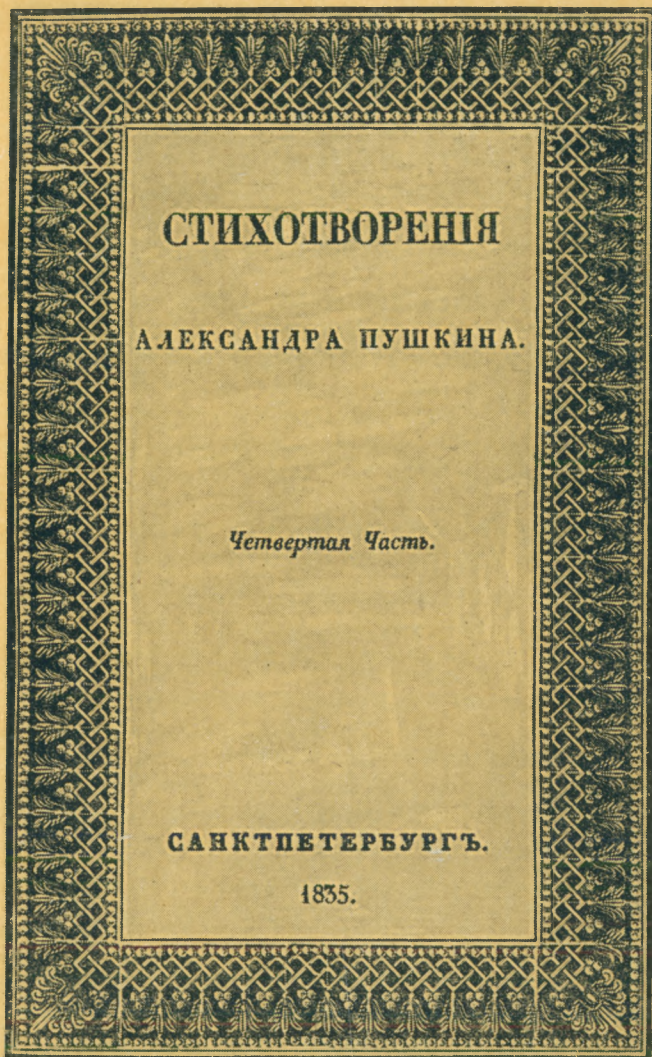
Однако всем известно, что в первоначальном наброске «Памятника», строка эта написана рукой поэта иначе, а именно:

Что вслед Радищеву восславил я свободу...

Нет нужды продолжать спор о том, какую из этих двух строк надо считать «канонической»: строку белогого автографа или строку черновика⁴.

Мы исправляем строки, изуродованные цензурой, и далеко не всегда исправляем строки, изуродованные самим автором, ограниченным в своей воле той же цензурой.

Согласимся только, что «восславить свободу вслед Радищеву» и восславить ее вообще, хотя бы даже и «в мой жестокий век» — это два разных «восславления», и надо сознаться, что восславление второе, то есть абстрактное, неизвестно чьей и какой свободы, можно найти у весьма

Лицевая сторона обложки.

Последняя страница обложки «Стихотворений Александра Пушкина». Часть IV.

многих поэтов того времени, а вот свободу «вслед Радищеву» восславил один лишь Пушкин.

Возможно, что когда-нибудь на его памятнике в Москве восстановят эту огненную строку замечательного стихотворения, напоминающую к тому же имя первого русского писателя-революционера Александра Радищева.

Интерес к Радищеву у Пушкина был безмерен. Еще в июне 1823 года он писал Бестужеву: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?»

С годами увлечение поэта Радищевым росло. Годы 1833—1836 отмечены в творчестве Пушкина постоянным общением с книгами первого русского писателя-революционера. Пушкин не во всем соглашался с Радищевым, но по-настоящему советовался только с ним.

«Радищев — рабства враг...» — вот главное, за что любил Пушкин автора многострадальной книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

Следует вспомнить, что другое замечательное и вольнолюбивое стихотворение Пушкина «Деревня» в рукописи содержит строки:

Увижу ль я народ неугнетенный
И рабство падшее по манию царя...

Строки эти имеют все основания считаться «каноническими», авторскими строками.

В 1930 году литературовед Н. Ф. Бельчиков обнаружил в архиве П. А. Вяземского список этого стихотворения, сделанный незнакомым нам почерком. В этом списке указанные строки стихотворения «Деревня» звучат так:

Увижу ль я народ неугнетенный
И рабство падшее и падшего царя...

Рукою П. А. Вяземского на этой строке сделано исправление и написано уже известное нам — «по манию царя»⁶.

Можно не доказывать, что звучание всего стихотворения существенно меняется от этой поправки. Мне довелось самому видеть три или четыре подобных же списка, в которых вместо «по манию царя» — было написано «и падшего царя».

Следовательно, список «Деревни» с таким изменением последней фразы, находившийся у П. А. Вяземского, был не случайным и не единичным явлением. Наличие списка именно в архиве П. А. Вяземского усугубляет его значение.

В черновиках поэта нет такой фразы. Фразу эту написали за него другие. Написали его читатели.

Кажется, Валерий Брюсов сказал: «У каждого из нас свой Пушкин». Книга Брюсова о творчестве великого поэта так и называется — «Мой Пушкин».

У обладателей указанных списков «Деревни» был, по-видимому, тоже «свой Пушкин», и они переделывали и читали его мысли так, как им хотелось читать их. По содержанию фразы «и падшего царя» можно судить, что читатели эти не принадлежали к числу приверженцев «власти его императорского величества».

* * *

Четвертая часть «Стихотворений» 1835 года — последнее прижизненное издание Пушкина, в котором А. Ф. Смирдин принимал также ближайшее участие. В 1836 году поэт начал издавать собственный журнал «Современник», и главным образом это нарушило взаимоотношения поэта с издателем.

В январе 1836 года Пушкин писал Нащокину: «Денежные мои обстоятельства плохи — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю как это пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15000, чтоб я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его Библиотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура — что с ними связываться невозможно»⁷.

Но «дурой» Смирдин не был. Он сам уже тяготился в это время циничной и беспринципной кликой Сенковского-Булгарина-Греча, все более и более опутывавшей его предприятие.

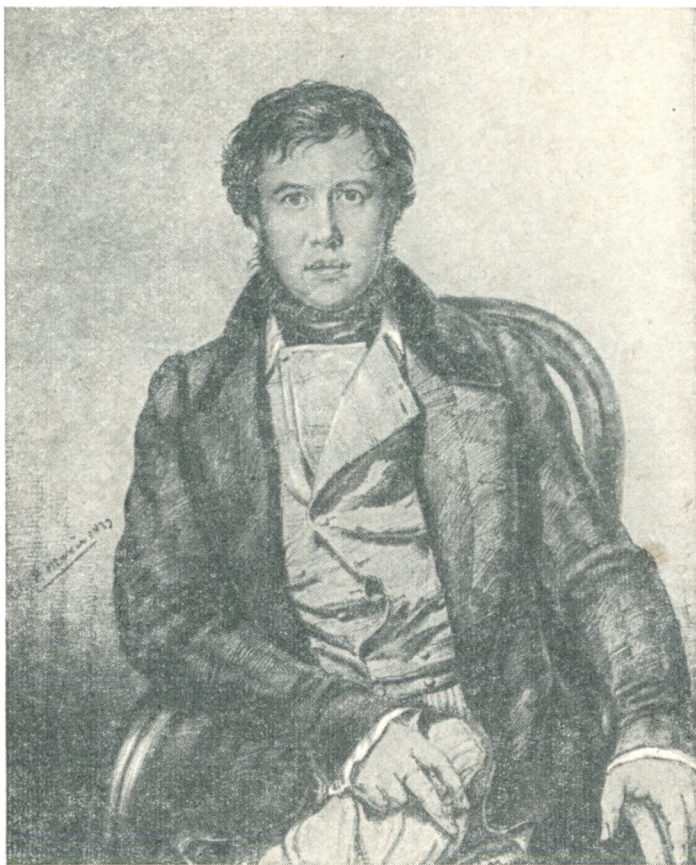
В Пушкине видел Смирдин спасение своего журнала, и кто знает, как повернулось бы дело, войди поэт в него полным хозяином и победителем «журнального триумвирата».

Но Пушкин на это не пошел, а Смирдин был слабохарактерен и все еще не отказывался от идеи «объединения всех российских литераторов».

Что же общего могло быть у Пушкина с «бестиями» вроде Сенковского или Булгарина?

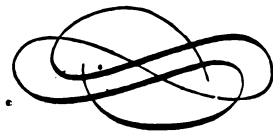
ПРИМЕЧАНИЯ

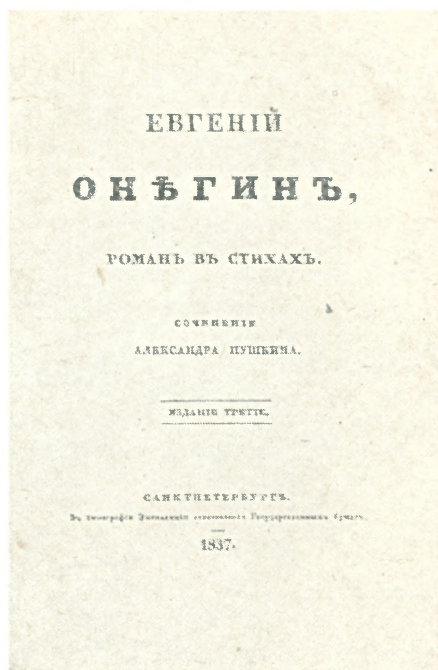
1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 1079. См. также «Звенья». Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 244.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 201.

П. В. Нащокин. Портрет работы неизвестного художника.

3. Звенья. Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 244-246.
4. Сакулин, Н. П. «Памятник нерукотворный» — статья в сборн. «Пушкин», под ред. Н. К. Пиксанова. Вып. 1.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 64.
6. Бельчиков, Н. Ф. «Новое о Пушкине» — статья в сборнике «Пушкин», под ред. Н. К. Пиксанова. Вып. 2. ГИЗ. 1930.
7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 73.

36. ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЖИЗНЕННОЕ ИЗДАНИЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1837 г.)

ЕВГЕНІЙ ОНЕГИН, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. Санктпетербург. В типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг. 1837.

64^о. (10,5 × 6,5 см. обрез.). Шмуцитул + заглавный лист + 2 не- нум. стр. + 310 стр.

Обложка: литографированная — белым по синему (были и по коричневому), в кружевной рамке, на передней стороне напечатано: «Ев- геній Онегин»; на последней стр., в такой же кружевной рамке, — текст: «Издание Ильи Глазунова».

Цензурное разрешение: 27 ноября 1836 г.; цензор П. Кор- саков.

Дата выхода — не позднее 19 января 1837 года — определяется на основании объявления в «С.-Петербургских ведомостях» от того же числа, № 14, где говорится: «В книжном магазине Лисенкова, в доме Пажеского корпуса продается новая книга Евгений Онегин, соч. А. Пушкина. 1837. Цена 5 рублей»¹.

Из текста рассказа будет видно, что книга вышла в свет значи- тельно раньше, чем здесь указано.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ дела Пушкина к 1836 году оказались в полном расстройстве. Издание журнала «Современник», не возвращая затраченных на него денег, требовало новых и больших расходов. Опять пошли в ход заклады, займы, векселя.

Поэт вспомнил, что договор с А. Ф. Смирдиным на право издания в 1833 году полного текста «Евгения Онегина» был заключен сроком на три года. В текущем 1836 году срок этот истекал, и открывалась возможность опять прибегнуть к помощи своего «извечного кормильца» — «Онегина», выпустив его новым изданием.

Журнал поэта «Современник» печатался в типографии, именуемой «Гутенберговой», содержанием которой был Б. А. Врасский, родственник В. Ф. Одоевского, одного из помощников Пушкина по изданию журнала.

Обстоятельства складывались таким образом, что Пушкин был вынужден обещать Врасскому передать ему право нового издания «Евгения Онегина». Сохранилось такое письмо Врасского Пушкину:

«Посылаю вам, милостивый государь Александр Сергеевич, счет за все три книжки Современника и как вы мне предлагали вместо уплаты напечатать Евгения Онегина, то потрудитесь уведомить меня, могу ли я теперь приступить к печатанию его, у меня для этого все готово; если же почему-нибудь переменили ваше намерение, то сделайте одолжение пришлите с посланным следуемые мне по счету деньги...»².

Совершенно ясно, почему издание «Онегина» Врасским не устраивало Пушкина — гонорар пошел бы в уплату типографского долга, а издателю «Современника» до зареза нужна была «живая копейка». И поэт решил поискать других издателей. Он не обращается к Смирдину, так как с ним еще не были «обрублены хвосты» старым долгам, да и «Евгений Онегин» издания 1833 года еще не был распродан.

К тому же дела у самого Смирдина в это время были уже не столь блестящи.

В очень ныне редком «Кратком обзоре книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782—1882 гг.» (первое издание Спб., 1883 — сто экземпляров, второе Спб., 1903, — пятьсот экземпляров; оба в продажу не поступали) есть рассказ, который почему-то никогда не фигурирует в известных биографиях поэта. Главное для нас в этом рассказе следующее: «Особенно хорошо торговал у Ильи Ивановича Глазунова приказчик Василий

И. Ф. Лисенков. Гравюра.

Петрович Поляков, заведующий его книжной лавкой в Гостином дворе, по Суконной линии № 9.

Василий Петрович был человек чрезвычайно бойкий и нравился большинству покупателей своей услужливостью».

Следуют подробности о чрезвычайной, анекдотической забывчивости Полякова. Он постоянно забывал, что обещал одному покупателю, что другому. Путал эти обещания; выполнял одному то, что обещал другому и так далее. Несмотря на это: «Поляков всегда старался иметь у себя все вновь выходящие книги, и не только покупатели не отставали от лавки, но ее посещала и большая часть тогдашних литераторов. Александр Сергеевич Пушкин, заходя почти каждый день, просиживал иногда по несколько часов и надрывался от смеха, смотря на сцены укоризны, кото-

рые расточались покупателями Полякову за неисполнение того или другого неоднократного обещания.

Убедившись, однако, в смывленности Полякова, он не раз толковал с ним о том, в каком виде ему лучше издавать свои сочинения, не находя красивым первое издание в тетрадках своего Онегина.

Поляков подал ему, между прочим, мысль издать серию его сочинений в миниатюрном формате, на манер миниатюрных английских изданий Шекспира, и начать издание с Онегина. Пушкин согласился на это предложение, в виде пробы, и уступил хозяину Полякова Илье Ивановичу Глазунову право на издание Онегина за 3000 руб., в числе 5000 экз. в миниатюрном формате. Когда заключали условие и делали пробы печати и бумаги для издания, то Пушкин до того увлекся рассмотрением разных мелочей и подробностей, ему чрезвычайно в этом издании понравившихся, что детски стал слушаться Полякова...»³.

Такова история издания миниатюрного «Онегина», из которой мы узнаем не только имя издателя, но и цифры тиража и размер авторского гонорара Пушкина.

Далее следуют подробности:

«Издание «Онегина» напечатано было самым мелким шрифтом, в красивой оберточке; похоже было скорее на миниатюрный кипсек, чем на солидное издание, и составляло новость в тогдашних русских изданиях, хотя из-за мелкого шрифта для чтения было не совсем удобно. Оно исполнено было так тщательно, как не издавались ни прежде, ни после того сочинения Пушкина. Корректурных ошибок не осталось ни одной; последнюю корректуру самым тщательным образом просматривал сам Пушкин».

Описание вполне соответствует сохранившимся экземплярам и, в частности, одному из них, который сейчас находится перед моими глазами. Это изящная книжечка размером 11×7 сантиметров, в литографированной (синее с белым) обложке, на которой в кружевной рамке на передней стороне стоит заглавие «Евгений Онегин», на последней — «Издание Ильи Глазунова».

В рассказе автора цитируемого «Краткого обзора деятельности Глазуновых» несколько удивляет, что о миниатюрном формате «Онегина» он говорит, как о чем-то новом, чуть ли не впервые появляющемся в России. Это неверно. Еще в 1835 году, за два года до издания миниатюрного «Онегина», Смирдин выпустил в таком же виде и формате «Басни» И. А. Крылова. Книжка была отпечатана в той же типографии «Экспедиции заготовления государственных

бумаг», тем же самым шрифтом и в обложках точь-в-точь такого же рисунка, как и обложки «Онегина». По-видимому, восторг автора «Краткого обзора деятельности Глазуновых» идет от некоторой юбилейной приподнятости тона этого издания.

Гораздо важнее остановить внимание на сообщаемых цифрах тиража «Онегина» — 5000 экземпляров с продажной ценой их по пяти рублей — и на гонораре Пушкина, полученном от Ильи Глазунова в размере трех тысяч рублей. Цифры эти подтверждаются и другими источниками, и сами по себе не вызывают сомнения. Однако не в характере писателя-профессионала Пушкина (это можно проследить по истории издания почти всех его прижизненных книг) давать издателю возможность эксплуатировать перо поэта в таких пропорциях. Считать Пушкин умел — пять тысяч экземпляров по пяти рублей — это двадцать пять тысяч. Даже если учесть так называемую книгопродавческую скидку и расходы на печать и бумагу, составляющие по грубому подсчету тысяч пять-шесть, то из оставшихся книгопродавцу двадцати тысяч удовольствоваться получением только трех Пушкин не мог. Возникает вопрос: какова же в действительности цифра авторского гонорара за последнее прижизненное издание «Онегина»?

Просматривая книготорговый реестр фирмы А. Ф. Смирдина 1841 года, я увидел множество книг с обозначением очень странной цены — один рубль сорок три копейки.

В предисловии к этому реестру сказано: «Цена книгам назначена на серебро, полагая серебряный рубль в 3 р. 50 к. ассигнациями»⁴.

Нетрудно догадаться, что цена в этом реестре — один рубль сорок три копейки серебром — это, если можно так выразиться, «бывшие пять рублей» ассигнациями.

Вопрос о гонораре Пушкина за миниатюрное издание «Онегина» стал ясен. Денежная реформа была осуществлена в России (так называемый «серебряный монометализм») в 1839 году. Но и до этого, в годы 1823—1839, курс бумажного рубля более или менее стабилизировался. Цена серебряного рубля колебалась от 3 рублей 50 копеек до 3 рублей 74 копеек ассигнациями. Все расчеты производились либо в серебре, либо в ассигнациях, с соответствующим переводом курса и с указанием: столько-то «серебром», или столько-то «ассигнациями».

Такого указания не сделал автор цитируемого «Обзора», тогда как совершенно очевидно, что цена миниатюрного «Онегина» при выходе его в свет была назначена «пять руб-

лей ассигнациями», а гонорар Пушкина был «три тысячи рублей серебром». В переводе на ассигнации эти три тысячи составляли примерно десять-одиннадцать тысяч рублей — сумма, никакого удивления не вызывающая и почти равная гонорару Пушкина, полученному им от А. Смирдина за предыдущее издание «Онегина» в 1833 году.

* * *

На заглавном листе всего тиража нового миниатюрного издания «Евгения Онегина» стоит дата выпуска книги в свет — 1837 год. Цензурное разрешение, поставленное на обороте шмуцтитла (очень важное обстоятельство, к которому мне придется вернуться) от 27 ноября 1836 года, подписано цензором П. Корсаковым.

Дата поступления книги в продажу определена М. Цявловским и Н. Синявским — 19 января 1837 года. Основанием датировки служит книгопродавческое объявление о книге в газете «С. Петербургские ведомости» от того же числа, № 14. К этому можно добавить, что несколькими днями позже, а именно 21 января 1837 года, в «Северной пчеле», № 16 появилась такая заметка о новом «Евгении Онегине»: «Два слова об издании. Оно прекрасно: напечатано в уютном формате, мелким, но очень четким и красивым шрифтом на белой бумаге. «Онегин» этого издания уместится и в работном мешочке дамы и в кармане (не секретарском) мужчины. Публика обязана этой прекрасной книжкой книгопродавцу Илье Ивановичу Глазунову».

Более ранних книгопродавческих объявлений или рецензий на это издание не найдено. Поэтому и полагали, что миниатюрный «Онегин» появился на свет за десять дней до трагической смерти его автора.

Оказалось, однако, что это не верно. В 1949 году нашлся экземпляр «Онегина» 1837 года с дарственной надписью Пушкина: «Милостивой государыне Людмиле Алексеевне Шишкиной от автора. 1-го января 1837 года»⁵.

Не так важно, кто такая Шишкина (предполагают, что она дочь одного из кредиторов Пушкина), как важно то, что уже 1 января 1837 года поэт имел возможность дарить экземпляры нового издания своего «Онегина». Однако и этот факт еще не дает оснований для установления точной даты выхода в свет «Онегина».

Если вернуться к упоминаемому «Краткому обзору деятельности Глазуновых», то там можно найти и такую подробность: «Когда это издание Онегина, составляющее теперь библиографическую редкость, было отпечатано и

вышло в свет, оно Пушкину до того понравилось, что он каждый день заводил кого-либо из своих знакомых в книжную лавку, к приказчику Полякову, показывал это издание и располагал поручить И. И. Глазунову издать таким же образом и некоторые другие свои произведения. Это было осенью 1836 года.

Подчеркнутая мною последняя фраза дает повод для догадок о том, что миниатюрный «Онегин» появился на свет значительно ранее наступления нового 1837 года. И дата цензурного разрешения на книге «27 ноября 1836 года» не опровергает эти догадки, а, наоборот, подтверждает их.

Цензурное разрешение в те годы давалось не на отпечатанную книгу, а предварительно, перед отправкой рукописи в набор. И, если даже принять во внимание только неоспоримые даты: цензурную — 27 ноября 1836 года и дату автографа Пушкина на маленьком «Онегине» — 1 января 1837 года, то все равно, за один месяц — декабрь, стоящий между этими двумя датами, нельзя было набрать и отпечатать пять тысяч экземпляров книги. Этого не могла сделать даже такая типография, как типография «Экспедиции заготовления государственных бумаг».

Что-то здесь другое. Но что?

Решив обследовать все сохранившиеся экземпляры «Онегина» 1837 года (во время собирательства мною уже пересмотрено их немало), я отправился в Библиотеку имени В. И. Ленина. В этом богатейшем государственном книгохранилище я обнаружил экземпляр «Евгения Онегина» внешне такого же вида и формата, как уже знакомые мне, но с датой выхода на титульном листе не 1837, а годом ранее — 1836!

Экземпляр этот прелюбопытный. Он принадлежал журналисту М. А. Осоргину (на крышке переплета имеется надпись — «М. А. Осоргину на добрую память от Л. О. — 1921 г.») и представляет собой, по-видимому, последнюю типографскую «сверку», которую обычно дают автору перед самым началом печатания книги.

Выходной лист, кроме другой даты (вместо 1837—1836), не имеет других отличий от известных экземпляров, только в наборе названия типографии несколько букв заменено т. н. «башками». Есть кое-какие различия в верстке, например, перепутаны полосы на 307-309 страницах — их надо поменять местами. Две последних строки со страницы 292 этого экземпляра — в экземплярах обычных перенесены на страницу 293 и, наконец, пустая страница 294 в обычных

экземплярах входит в общий счет страниц, а в этом — нет. Отсюда, обычные экземпляры «Онегина» кончаются на 310 странице, а этот, «сверочный», — на 309. Есть кое-какие и другие неряшества в наборе этого «сверочного» экземпляра, потом исправленные.

Об остальном, повторяю, можно только догадываться. Вероятнее всего Глазунов и его приказчик Поляков приступили к печатанию маленького «Онегина» значительно ранее, чем, скажем, было написано цитируемое выше письмо Врасского от 29 октября 1836 года с предложением Пушкину издать его произведение. Весьма возможно, что самый факт печатания книги Глазуновым помог Пушкину более дипломатично отказаться от услуг Врасского.

Одно несомненно: книгу начали печатать ранее представления ее в цензуру. Пушкин, по-видимому, решил, что грифа «С дозволения правительства» на предыдущем издании «Онегина» 1833 года достаточно, и при новом тиснении его можно обойтись вообще без цензуры.

Однако получилось так, что когда книга уже была отпечатана с годом издания 1836, ее все-таки пришлось представить в цензуру.

По счастью, цензор П. Корсаков не внес никаких исправлений и, вероятно, пришлось перепечатать только заглавный лист (уже обозначив год издания 1837) и припечатать новое цензурное разрешение: 27 ноября 1836 года. Последнее, по техническим причинам оказалось возможным поместить не на обороте заглавного листа, как полагалось по правилам, а на обороте шмуцтитула, на что в цензуре решили уже просто не обращать внимания.

Вся эта операция могла занять в типографии два-три дня, и «Онегин» с новой цензурной датой и 1837 годом на заглавном листе в первых числах декабря мог уже появиться на прилавках книжных магазинов.

Остается рассказать, как продавалось это издание, для чего придется еще, уже в последний раз, вернуться к «Краткому обзору деятельности Глазуновых». Там сказано следующее:

«Издание покупалось публикой довольно хорошо, так что можно было рассчитывать, что в течение года разойдутся все пять тысяч экземпляров, но когда случилась несчастная катастрофа с Пушкиным в январе 1837 года, публика с такой жадностью бросилась покупать миниатюрное издание Онегина, что в одну неделю оно все было распродано».

«Жадность публики» к сочинениям Пушкина после его трагической гибели была проявлена не только именно

Лицевая сторона обложки.

Последняя страница обложки «Евгения Онегина».

к этому изданию «Онегина», а вообще ко всем книгам великого поэта.

А. И. Тургенев в письме к А. Н. Нефедьевой 1 февраля 1837 года сообщал: «Смирдин сказывал, что он продал, после дуэли П.[ушкина] на 40 т[ысяч] его сочинений, особливо Онегина»⁶.

Так русские люди отдавали последнюю дань великому национальному поэту, погибшему в расцвете своего гения.

* * *

Упомянутый не только здесь, но и в некоторых предыдущих рассказах, ставший ныне редчайшим книготорговый реестр фирмы А. Смирдина 1841 года заслуживает более подробного рассмотрения.

В нем фигурируют не только новые, переведенные на серебро цены на книги, но и отражено фактическое положение всех прижизненных изданий Пушкина на книжном рынке начала сороковых годов прошлого века.

Из реестра можно узнать, какие из этих изданий были к данному времени распроданы и по какой цене они продавались. Все это имеет значение для истории прижизненных изданий произведений великого поэта.

С конца тридцатых и начала сороковых годов Россия вступила в полосу давно уже назревавшего экономического кризиса. Крестьянские, рабочие и солдатские волнения подтачивали крепостнические устои империи.

Общий экономический кризис сказался и на книжном рынке. Дела крупнейшего издателя и книгопродавца А. Ф. Смирдина пошатнулись, и фирма его начала свой стремительный путь к разорению.

Это также в какой-то степени отражено в его книготорговом реестре 1841 года.

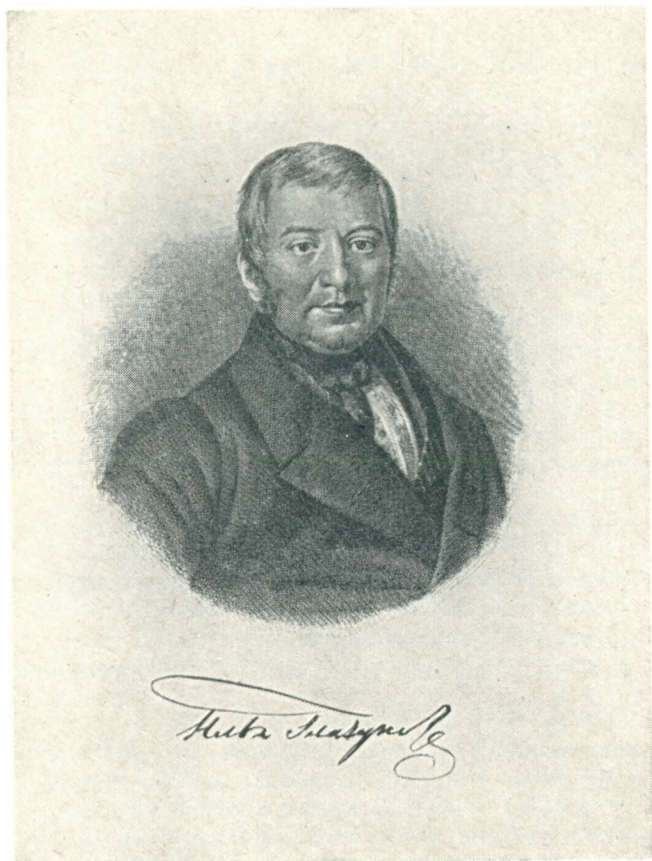
Так как нас интересуют, главным образом, книги А. С. Пушкина, изданные при его жизни, то вот их список в алфавитном порядке, составленный с помощью этого реестра. Цены указаны серебром. Серебряный рубль равен 3 р. 50 к. ассигнациями.

1. «Бахчисарайский фонтан» — в продаже его уже не было ни в одном прижизненном издании.

2. «Борис Годунов» 1831 г. — Цена 10 р. ассигнациями. На серебро должен был бы стоить 2 р. 85 к. — Новая цена в реестре — 1 р. 43 к., то есть вдвое дешевле номинала.

3. «Братья разбойники» 1827 г. 1 изд. Цена 105 к. ассигнациями. Расценены в реестре 10 к. серебром, примерно втрое дешевле номинала.

4. «Братья разбойники» 1827 г.— 2-е изд. в продаже не было вообще.
5. «Граф Нулин» 1827 г. (отдельно) — Цена 2 р. 50 к. ассигнациями. Расценен в реестре 30 к. серебром, в два с половиной раза (примерно) дешевле номинала.
6. «Две повести в стихах» 1828 г.— в продаже их уже не было.
7. «Евгений Онегин» — восемь глав. Спб. 1829—1833 г. Как и остаток поглавного издания, так равно и первое полное издание 1833 года, стоившее ассигнациями 12 рублей, расценены в реестре 2 р. 85 к., то есть более чем вдвое дешевле номинала.
8. «Евгений Онегин» — в 64 долю листа 1837 года, стоивший 5 рублей ассигнациями, расценен на серебро 2 р. 85 копеек, то есть вдвое дороже номинала. Издание к этому времени уже расценивалось как редкость.
9. «История пугачевского бунта» 1834 г.— 2 тома, цена на ассигнации была 20 р., расценены в реестре на серебро 1 р. 50 к. за оба тома — почти в 4 раза дешевле номинала.
10. «Кавказский пленник» — его уже не было в продаже ни в одном прижизненном издании.
11. «На взятие Варшавы» 1831 г. Цена ассигнациями была 2 р., расценена в реестре 30 к. серебром, почти вдвое дешевле номинала.
12. «Повести Белкина» 1831 г. Цена ассигнациями 5 р. 45 к., расценены в реестре 1 р. серебром, примерно на треть дешевле номинала.
13. «Повести, изданные А. Пушкиным» 1834 г.— в продаже их уже не было.
14. «Полтава» 1829 г. Цена ассигнациями 10 р., расценена в реестре 60 к. серебром — вчетверо дешевле номинала.
15. «Поэмы и повести» 1835 г. в 2-х т. с портретами. Цена ассигнациями 20 р. за оба тома. Расценены в реестре на серебро 2 р. 85 к.— вдвое дешевле номинала.
16. «Руслан и Людмила» в 1-м изд. 1820 г.— в продаже уже не было.
17. «Руслан и Людмила» 2-е изд. 1828 г. Цена ассигнациями 10 р. Расценено на серебро 1 р. 43 к.— вдвое дешевле номинала.
18. «Стихотворения» 1826 г.— их уже в продаже не было.
19. «Стихотворения» 4 ч. 1829—1835 гг. Цена ассигнациями 40 р. Расценены на серебро — 5 р. за все части — вдвое дешевле номинала.
20. «Цыганы» 1827 г. Цена ассигнациями 5 р. Расценены

И. И. Глазунов. Гравюра.

в реестре на серебро — 50 к. — почти вдвое дешевле номинала.

21. «Современник» 1836 г. (а также 1837-39-40 гг.) — ценился за год (четыре тома) — 25 р. ассигнациями без пересылки. Новая цена в реестре на серебро — 7 р. 15 к. за год. — Номинальная цена, без какой-либо скидки.

Из приведенного списка ясно, что такие книги Пушкина, как «Руслан и Людмила» в издании 1820 г., три издания «Бахчисарайского фонтана», «Стихотворения» 1826 года, «Две повести в стихах» («Бал» Е. Баратынского и «Граф Нулин» А. Пушкина), два издания «Кавказского пленника» к 1841 году были полностью распроданы.

По иным, уже известным причинам, о которых рассказано ранее, не было в книжных магазинах второго издания «Братьев разбойников» 1827 года и «Повестей, изданных А. Пушкиным» 1834 года.

Нераспроданные отдельные первопечатные главы «Онегина» были с выходом первого полного издания романа уравнены с ним в цене. И то и другое продавалось по данному реестру более чем вдвое дешевле номинала. Зато маленький «Онегин» стал библиографической редкостью и ценился вдвое дороже.

Показанное в этом реестре снижение цен, разумеется, касалось не только книг Пушкина.

Даже такой «расхожий товар», как басни И. А. Крылова, например, в издании 1834 года, с рисунками А. Сапожникова, в двух томах, ценившихся по номиналу на ассигнации 25 рублей, в этом реестре А. Смирдина 1841 года, расценен на серебро — всего 5 рублей, то есть на 30—35% дешевле номинала.

Дело тут заключается вовсе не в имени того или иного автора, а в глубоких политико-экономических причинах. Подавляющее большинство населения нищей николаевской России было неграмотно вообще, а людей приобретавших книги насчитывалось очень немного.

Кроме того, цены на книги для них были слишком высокими.

Можно еще раз вспомнить слова рецензента «Московского телеграфа», который, жалуясь на дороговизну главного издания «Онегина», писал в 1833 году: «Веселие Руси, в которой богатые покупают книги так мало, а небогатым покупать Онегина было так неудобно!»⁷.

Должно было пройти немало десятилетий, чтобы книги Пушкина пробили себе дорогу к самым широким народным массам и стали неременной принадлежностью каждого дома, каждой семьи нашего необъятного советского государства.

Полностью распроданное в год смерти поэта миниатюрное издание «Евгения Онегина» 1837 года, считавшееся редкостью в начале сороковых годов, позже довольно часто стало встречаться в продаже.

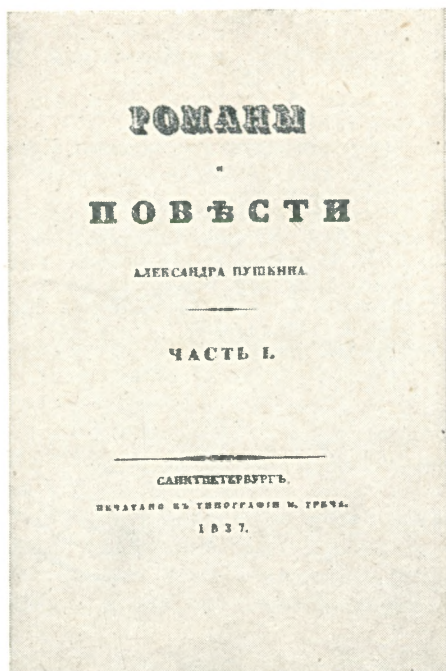
Это можно объяснить тиражом — пять тысяч экземпляров (самый большой тираж среди всех прижизненных изданий поэта).

Как любимое и, следовательно, «зачитанное» издание, оно очень редко попадает в безукоризненно-хорошем виде и совсем ненаходимо в печатных обложках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Синявский, Н. и Цявловский, М. Пушкин в печати. 1814-1837. Изд. 2-е. М., 1938, № 1183.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 178-179.
3. Эта и последующие цитаты: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782—1882. СПб., 1903, стр. 67-69.
4. Реестр русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Смирдина. СПб., 1841. 444 стр.
5. А. С. Пушкин. Исследования и материалы. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1958, стр. 404.
6. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 6, 1908, стр. 67.
7. Там же, стр. 152.

37. СОЖЖЕННОЕ ИЗДАНИЕ «РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ» (1837 г.)

1. РОМАНЫ И ПОВЕСТИ Александра Пушкина. Часть I. Санкт-петербург. Печатано в типографии Н. Греча. 1837.

8°. Шмуцтитул + заглавный лист + 116 стр. («Капитанская дочка». Главы I-VII).

2. РОМАНЫ И ПОВЕСТИ Александра Пушкина. Часть II. Санкт-петербург. Печатано в типографии Х. Гинце. 1837.

8°. Шмуцтитул + заглавный лист + 111 стр. («Капитанская дочка». Главы VIII-XIV).

Обложка: обе части (вернее — получасти), напечатанные в разных типографиях, сброшюрованы вместе и имеют простую серую обертку, без какого-либо текста.

Цензурное разрешение: на обороте заглавных листов обеих частей: 8 января 1837 года; цензор П. Корсаков.

3. РОМАНЫ И ПОВЕСТИ Александра Пушкина. Часть II. Санкт-петербург. Печатано в типографии Х. Гинце. 1837.

8°. Заглавный лист + шмуцтитул («Повести покойного Ивана Петровича Белкина» с эпиграфом из «Недоросля») + V-XIII стр. («От издателя») + 2 ненум. стр. («Оглавление») + 15-246 стр. + 1 ненум. стр. («Заключение»).

Обложка: такая же серая бумажная, как и у первых двух частей, без всякого текста.

Цензурное разрешение: то же, что и на обороте заглавного листа части (вернее — получасты) второй, описанной выше.

ЕДИНСТВЕННЫЙ уцелевший экземпляр этого, неувидевшего света издания, был обнаружен Л. Б. Модзалевским в 1933 году в библиотеке Ленинградского университета. Тогда же появилась и публикация о его находке в сборнике «Звенья»¹.

Необычная судьба издания и полное отсутствие о нем сведений до находки Л. Б. Модзалевского делают это открытие чрезвычайно важным для изучения биографии великого поэта.

Внешне — это два одинаковых томика размером в восьмерку, в так называемых «немых» обложках. В первом томике напечатана «Капитанская дочка», разделенная на 2 части (вернее — получасты), имеющая каждая отдельный заглавный лист.

Второй томик не является вновь напечатанной книгой. Это — знакомые нам, напечатанные еще в 1834 году «Повести, изданные Александром Пушкиным». Книга была напечатана тогда в той же типографии Х. Гинце в Петербурге.

С этой книги сорвали старый заглавный лист и вместо него подклеили новый, с вышеприведенным новым названием: «Романы и повести Александра Пушкина. Часть вторая. Спб. Печатано в типографии Х. Гинце. 1837».

Прием этот в книготорговле того времени был очень распространен и непонятно, почему именно это удивило Л. Б. Модзалевского.

«Задумка» всей этой затеи вообще чрезвычайно проста. Решено было выпустить новое издание под названием «Романы и повести». В качестве первого томика его отпечатали заново «Капитанскую дочку». В качестве второго томика решили пустить оставшееся почти полностью нераспроданным издание «Повестей А. Пушкина» 1834 года. Для этой книги надо было напечатать только новый заглавный лист с новым заглавием и новым годом выхода.

Именно для этого (а не только для быстроты) «Капитанскую дочку» отдали печатать сразу в две типографии — Н. Греча и Х. Гинце. Последняя, как мы знаем, печатала в 1834 году и «Повести». Печатали «Капитанскую дочку» якобы как части первую и вторую «Романов и повестей». Только таким образом и можно было создать новый заглавный лист, необходимый для наклейки на книгу 1834 года.

Этим, кстати сказать, «обходили» и надобность вторично цензурировать старую книгу.

Предложил эту комбинацию Пушкину книгопродавец Лев Иванович Жебелев, служивший приказчиком у Андрея Глазунова.

Все это подтверждается документом, хранившимся в собрании А. Ф. Онегина и ныне поступившим в Пушкинский Дом. В документе этом рукой Л. И. Жебелева написано:

«Для успешного сбыта находящихся непроданными в большом количестве экземпляров «Повестей» я предложил покойному Александру Сергеевичу, чтобы к оным «Повестям» припечатать отдельно помещенную им в «Современнике» повесть «Капитанская дочка» и издать в двух частях под названием «Романы и повести», на что он и изъявил свое согласие, с тем чтобы я печатал на свой счет оную повесть для него, а израсходованную сумму на доверенное издание получил бы из вырученных денег за проданные экземпляры и по его же желанию, для скорого отпечатания отдав в две типографии Греча и Гинце, где уже и оканчивается печатанием. Лев Жебелев»².

Записка эта дана Жебелевым в ответ на требование В. А. Жуковского сообщить, не остался ли должным кому-либо Пушкин после своей смерти. Опека оплачивала все долги поэта.

Вот, собственно, все обстоятельства дела. «Капитанская дочка» Пушкина впервые появилась в журнале «Современник», в четвертом номере. О том, что поэт стремился ее напечатать еще и отдельной книгой имеется свидетельство в записках И. П. Сахарова, в которых говорится: «Как теперь помню, сколько было хлопот с «Капитанской дочкой»: Пушкин настаивал, чтобы отдельно была напечатана повесть, а Краевский и Врасский, хозяин типографии Гутенберговой [где печатался «Современник»], не соглашались и, кажется, поставили на своем»³.

Но «поставил на своем», как мы теперь видим, Пушкин и напечатал «Капитанскую дочку» как первую часть задуманного издания «Романы и повести» 1837 года. Второй частью должна была служить напечатанная, но нераспроданная его же книга «Повести» 1834 года.

Однако вся эта издательская операция опоздала, и «билет на выпуск» был выдан на «Романы и повести» лишь 5 мая 1837 года, когда поэта уже не было в живых.

Да и вообще издание не увидело света. Опека, учрежденная над имуществом Пушкина, приступив к изданию полного собрания сочинений поэта в одиннадцати томах,

предпочла выкупить и уничтожить все экземпляры «Романов и повестей». Издание это могло только помешать распространению первого посмертного собрания сочинений, которое уже печаталось.

Разумеется, вместе с первой частью «Капитанской дочки» была уничтожена и часть вторая, представляющая издание «Повестей» 1834 года, с новым выходным листом.

До нас дошел, как я уже сказал, всего только один экземпляр двух частей «Романов и повестей» 1837 года, найденный Л. Б. Модзалевским.

Но так как «Повести А. Пушкина» в своем первоначальном виде существовали в продаже около двух лет и какое-то незначительное количество экземпляров было распродано, то книга эта, хотя и чрезвычайно редка, но все-таки находима ⁴.

Вся эта история еще раз говорит о тяжелом материальном положении, в котором находился Пушкин с середины 1836 года.

В Пушкинском Доме имеется фотокопия письма поэта (подлинник хранится в Пенсильванском историческом обществе) к издателю Плюшару. Письмо это следующего содержания:

«Милостивый государь, я совершенно согласен на все условия, которые Вы были добры мне предложить относительно издания тома моих стихотворений (в вашем письме от 23 декабря 1836 года). Итак, решено, что Вы распорядитесь отпечатать его в 2500 экземплярах, на бумаге, которую сами выберете, что Вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15% скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, так же и 1500 рублей ассигнациями, которые Вы любезно выдали мне вперед. Благоволите принять, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении. А. Пушкин. 29-го декабря 1836 г.» ⁵.

К подготовке этого издания Пушкин приступил, о чем свидетельствуют находящиеся в его библиотеке III и IV части уже изданных им стихотворений 1832—1835 гг., с новым разрешением цензора П. Корсакова от 2 декабря 1836 года. Имеются и другие материалы, подтверждающие подготовку этого издания ⁶.

Но издание осуществлено не было, и Плюшар после смерти поэта получил от опеки выданные им Пушкину 1500 рублей.

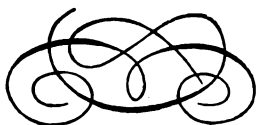
Рассказывая об этом неосуществленном издании, правильный вывод сделал Л. Б. Модзалевский:

«Одним из наиболее тяжелых для Пушкина условий, выставленных Плюшаром, являлось его требование, чтобы весь доход с первых проданных экземпляров пошел в погашение сделанных Плюшаром расходов и выданного аванса. Таким образом, кроме полученного аванса, Пушкин не мог впредь рассчитывать на получение каких-либо денежных сумм до тех пор, пока все издание не разойдется и не будет произведен полный расчет с Плюшаром. Находившемуся в тяжелых материальных тисках поэту пришлось согласиться на эти кабальные условия»⁷.

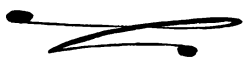
Уникальный экземпляр сожженного издания «Романы и повести» 1837 года — яркий документ, свидетельствующий о тяжком и запутанном материальном положении поэта накануне его роковой дуэли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Звенья. Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 2. М.-Л., 1933, стр. 246.
2. Там же, стр. 250.
3. «Русский архив», 1873, кн. 2, стр. 974.
4. См. в этой же моей книге рассказ 32-ой.
5. Пушкин. Исследования и материалы. Изд. АН СССР. Т. II, 1958, стр. 224.
6. Там же, стр. 44, статья Н. В. Измайлова. См. также: Временник Пушкинской комиссии. Изд. АН СССР. Т. 3: Л., 1937, стр. 18.
7. «Книжные новости», 1936, № 7, стр. 19.

КНИГИ РАЗНЫХ АВТОРОВ,
ИЗДАННЫЕ ПУШКИНЫМ
Журнал «СОВРЕМЕННОСТЬ»
ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Расположены в хронологическом
порядке по году издания. Примечания
даны в конце каждого рассказа.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ

НА
1832 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1831.

38. «СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ» НА 1832 ГОД, ИЗДАННЫЕ ПУШКИНЫМ

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ на 1832 год. Санктпетербург. В типографии департамента внешней торговли. 1831.

16°. (13 × 10 см. обрез.). Заглавный лист + VII стр. (оглавл.) + 3 нелум. + 304 стр. + 198 стр.

Иллюстрации: гравированный заглавный лист (в венке из цветов — лира) и текст: «Северные цветы 1832. Рис. В. Лангер. Грав. И. Ческий».

Обложка: на передней стороне, в наборной рамке, напечатано: «Северные цветы. 1832»; на последней стр., в такой же рамке, — «Цена 12 руб., с пересылкой 13 р.».

Цензурное разрешение: 9 октября 1831 г.; цензор В. Семенов.

Авторы (проза): Батюшков К. Н., Бичурин Н., Глинка Ф. Н., Лажечников И. И., Максимович М. А., Никитенко А. В., Ъ. Ѣ. й [В. Ф. Одоевский], Погодин М. П., Сомов О. М., Трилунный; (поэзия): Баратынский Е. А., Волконская З. А., Вяземский П. А., Глинка Ф. Н., Деларю М. Д., Дельвиг А. А., Дмитриев И. И., Жуковский В. А., Комарова А. А., Мещерский А. В., Пушкин А. С., Розен Е. Ф., Ставелов Н., Станкевич Н., Теплова Н. С., Т-ая С. С., Тепляков В. Г., Ти-шева Е., Трилунный [Д. Ю. Струйский], Шаховской А. А., Ш-б-в Н. И. [Н. И.

Шибает], Щастный В. Н., Языков Н. М., Якубович Л. А., —.....ч [Н. Я. Прокопович] и два стихотворения без подписи.

Напечатаны стихотворения Пушкина: «Моцарт и Сальери», «Анфологические эпиграммы», «Дорожные жалобы», «Эхо», «Делибаш», «Анчар, древо яда», «Бесы».

 РЕЗИРАЯ так называемые «коммерческие» альманахи и их издателей-«альманашиков», Пушкин воздавал должное тем альманахам, которые, по его собственным словам, «сделались представителями нашей словесности»¹. К таким именно альманахам Пушкин относил «Полярную звезду» декабристов А. Бестужева и К. Рылеева и «Северные цветы» А. Дельвига.

Ближайшим помощником Дельвига по редакционным и издательским делам как «Литературной газеты», так и «Северных цветов» был О. Сомов.

В январе 1831 года Дельвиг умер. У друзей его возникла мысль выпустить альманах «Северные цветы» на 1832 год в пользу семьи покойного. Инициатива принадлежала П. А. Плетневу, но все расходы, собирание материала и хлопоты по изданию принял на себя Пушкин, взяв в помощники того же О. Сомова.

«Бедный Дельвиг! — писал Пушкин 31 января 1831 года П. А. Плетневу. — Помянем его Северными цветами; но мне жаль, если это будет в ущерб Сомову; он был искренне к нему привязан, и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелее: чувства души слабеют и меняются, нужды жизненные не дремлют»².

Трогательная забота об интересах Ореста Сомова, проявленная Пушкиным, была, как мы увидим дальше, напрасной. Сомов безбожно подвел поэта.

Забота об издании «Северных цветов» почти весь год занимала Пушкина. 3 августа 1831 года он опять пишет Плетневу: «Что же Цветы? ей-богу, не знаю, что мне делать, — Яковлев пишет, что покамест нельзя за них приняться. Почему же? Разве типография остановилась? Разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания?»³.

Князю П. А. Вяземскому Пушкин напоминает (в конце августа): «(Между нами) у Дельвига осталось два брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим Сев[ерные] цветы в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы...»⁴.

Пушкин отдал в «Северные цветы» новые свои стихотворения и получил ряд произведений от Вяземского, Ба-

Лицевая сторона обложки.

ратынского, Жуковского, Плетнева и других. Альманах получился великолепным. В него не вошли только биографические и мемуарные материалы о Дельвиге, хотя они и намечались к печатанию. Мы не знаем, что именно, но что-то помешало этому.

Как уже было сказано, хозяйственные заботы по изданию лежали на Сомове, который после смерти своего «патрона» Дельвига оказался вовсе не столь деловым человеком, каким его себе представляли. По-видимому, покойный Дельвиг умел его держать в руках, что Пушкину было вообще не свойственно.

По бесхозяйственности Сомова из напечатанных 1200 экземпляров альманаха к концу года было продано только 640. Около 500 экземпляров оставалось еще у переплетчика. Для книжки, выпущенной «на данный год», это было совершенно недопустимо.

Сомов к тому же заболел, что-то кому-то не заплатил, чем-то воспользовался сам (не отрицая, впрочем, что должен) и всем этим не только подвел Пушкина, но и погубил идею помощи семье Дельвига. Помощь эта в конце концов выразилась в сумме около четырех тысяч, собранных уже потом со всякими рассрочками.

В сентябре 1832 года Н. Греч писал Ф. Булгарину: «Сомов совершенно отринут Пушкиным и никакого участия ни в чем с ним не имеет»⁵.

В «Литературном наследстве» опубликованы любопытные документы о расходах Пушкина по изданию альманаха «Северные цветы» на 1832 год.

Вот два таких документа:

1.

«Счет

Александру Сергеевичу Пушкину, из Типографии Департамента Внешней Торговли.

За печатание для Вас Альманаха Северные Цветы, 16^{1/2} листов, каждого листа по 1200 экземпляров, по 40 рублей с листа, следует Типографии 660 руб.

К Альманаху 1200 оберток и особо от Альманаха, 3-х статей:

1) Opere del Cavaliere	40 экз.	}	40 руб.
2) О жизни растений	20 »		
3) Мирра. Поэма	10 »		

Всего 700 руб.

24 декабря 1831.

Смотритель Типографии Зотов.

Триста рублей получил Зотов. 24 декабря 1831 года».

Заглавный лист. Рисовал В. Лангер. Гравировал И. Ческий.

2. «Счет

изданию Северных Цветов, на 1832-й год. Руб. Коп.
Печатание (набор и оттиск) книжки, 16^{1/2} листов, с двумя перепечатками стихов Жуковского и Дмитриева и листка к статье Кн. Одоевского, с особыми отпечатками статей:

К. Одоевского, Максимовича и Деларю, с составом и оттиском обертки и пр., по 40 р. за лист	700	—
Бумаги Петергофской 50 стоп, по 25 р. за стопу	1250	—
Бумаги для обертки ¹ / ₂ стопы, по 20 р.	10	—
Гравирование виньетки	150	—
За бумагу для виньетки, 100 листов, по 75 р. стопа	16	—
За оттиск виньетки, 1200 экземпляров	36	—
За переплет 6-ти цензурных экземпляров . .	6	—
За бумагу цветную для нарядных экземпляров		
1) 10 листов, по 2 р. за лист 20	45	—
2) 10 листов, по 1 р. 50 к. за лист . . . 15		
3) 10 листов, по 1 р. за лист 10		
За отправление на почту экземпляров: Языкову, Киреевскому, Максимовичу, Тепловым и припечаток для Максимов[ича?]	6	—
За отправление на почту нарядных экземпляров: Глинке, Лажечникову и С. Баратынской	3	—
Печатнику эстампов г-ну Сыченкову, за отпечатание 1200 экземпляров виньетки	48» ⁶ .	

Документы эти представляют интерес не только по вопросу издания именно этого альманаха, но знакомят и с общими условиями печатания в то время.

Указанные в счете № 2 — «бумага цветная для нарядных экземпляров», а далее «отправление нарядных экземпляров» — все это касается особых «подносных» экземпляров альманаха, непременно печатаемых при издании отдельно в незначительном количестве для подарков от издателей авторам, друзьям и высокопоставленным лицам. Такие экземпляры печатались на особенной бумаге, иногда переплетались в кожу с золотым обрезом, вкладывались в футляры и так далее. Попадаются экземпляры в цветных обложках, текст на которых, равно как и украшения (виньетка,

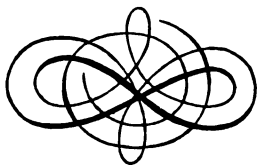
рамка), не напечатаны, а вытеснены специальным штампом как барельеф.

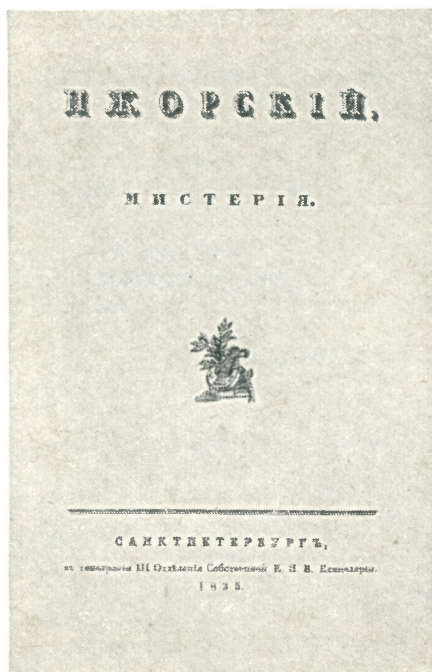
Хочу напомнить, что с альманахом «Северные цветы» на 1832 год, изданным Пушкиным, связаны рассказы о цензурной истории третьей части «Стихотворений» и отдельной книжки поэта, носящей название «Стихотворения из Северных цветов 1832 года» (см. рассказы 29 и 30).

Общие сведения о «Северных цветах», выходивших ежегодно с 1825 года, даны в третьем разделе настоящей работы. Там же высказаны соображения о стоимости этих альманахов на антикварном рынке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 11. Л., 1949, стр. 48.
2. Там же, т. 14, 1941, стр. 148.
3. Там же, стр. 206.
4. Там же, стр. 216.
5. «Лит. наследство», т. 16-18, стр. 596. Там же приводятся другие материалы и по истории издания этого альманаха.
6. Там же, стр. 589-590.

39. МИСТЕРИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ИЖОРСКИЙ»

ИЖОРСКИЙ, мистерия. Спб. В тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1835.

8°. (23 × 14 см. не обрез.) X стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 151 + 3 нenum. стр.

Обложка: без всяких рамок и виньеток на серой бумаге; на лицевой стороне напечатано: «Ижорский. Мистерия. Спб. 1835».

Цензурное разрешение: 10 июня 1833 г.; цензор В. Семенов.

КНИГА эта, вышедшая анонимно, написана поэтом-декабристом В. К. Кюхельбекером и издана А. С. Пушкиным. Лицейский товарищ великого поэта В. К. Кюхельбекер был весьма своеобразным, очень эрудированным, очень искренним и честным человеком, но не очень талантливым литератором. После восстания 14 декабря 1825 года, в котором В. К. Кюхельбекер принял самое непосредственное участие, он бежал, но был

пойман и приговорен к 15 годам каторги, замененной одиночным заключением в крепости. В конце 1835 года одиночное заключение было заменено ссылкой в Сибирь, где он в 1846 году и умер.

Пушкин, как мог, помогал своему товарищу. В частности, он напечатал две его книги: «Ижорский» и описываемый мною далее «Русский декамерон».

Помощь, оказанная сосланному декабристу Пушкиным, свидетельствует о мужестве поэта. Сохранилась копия письма Пушкина к Бенкендорфу, следующего содержания:

«Девиза Кюхельбекер просила узнать у меня, не могу ли я взять на себя издание нескольких рукописных трагедий ее брата, которые он ей оставил и которые у нее находятся. Я чрезвычайно желал бы быть ей полезным, но подумал, что на это необходимо разрешение Вашего превосходительства, а дозволения цензуры недостаточно. Надеюсь, что разрешение, о котором я ходатайствую, не повредит мне во мнении его величества. Я был школьным товарищем Кюхельбекера, и естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому. (27-го мая 1832 г.)»¹.

Вряд ли даже такое обращение не повредило бы Пушкину во мнении «его величества», если бы не некая негласная помощь великого князя Михаила Павловича.

Трудно сказать, почему именно Михаил Павлович благосклонно относился к поэту-декабристу В. К. Кюхельбекеру. Существует версия, что декабрист приходился ему «молочным братом» (т. е. мать Кюхельбекера была кормилицей Михаила Павловича), но мне кажется, что великий князь, участвовавший в следствии по делу декабристов, кокетничал тем, что покровительствовал участнику восстания, который, как известно, в этот роковой день покушался на его жизнь. Помощь великого князя Кюхельбекеру была незначительной, но все-таки реальной.

То, что Пушкин являлся фактическим издателем «Ижорского» Кюхельбекера, подтверждается письмом цензора В. Семенова следующего содержания: «Милостивый государь, Александр Сергеевич! Имею честь препроводить к Вам просмотренные и приготовленные для печати 2 первые части Ижорского; я сделал в них три или 4 бездельные перемыны... (15-го июня 1833 г.)»².

Значительно позже, в 1845 году, сам Кюхельбекер писал графу А. Ф. Орлову: «Не излишним считаю довести до сведения вашего, что в 1835 году, когда я находился еще в Свеаборгской крепости, по ходатайству покойного

А. С. Пушкина, государю императору угодно было дозволить напечатать две части моей мистерии «Ижорский», найденной нашим великим поэтом в моих старых бумагах»³.

Имеются некоторые документальные подтверждения, что Пушкин издавал эту книгу с помощью П. А. Плетнева, хотя на вопрос П. И. Бартенева, обращенный к последнему в 1852 году, кто именно издавал «Ижорского», постоянный помощник и друг Пушкина ответил: «Кто занимался изданием оной — неизвестно»⁴.

Было бы наивно думать, что П. А. Плетнев мог тогда ответить иначе: автором книги был осужденный и сосланный декабрист, а Николай I еще здравствовал.

Типография III отделения, выбранная Пушкиным и Плетневым для печатания «Ижорского», — явление, как мне кажется, не случайное. Пушкин богат не был, и не помог ли ему хотя бы типографскими расходами великий князь Михаил Павлович? Да и принадлежность типографии III отделению тоже как-то легализовала издание.

В книге напечатаны всего две первые части мистерии Кюхельбекера.

Третья часть появилась в печати много позже, уже после смерти автора.

«Ижорский» В. К. Кюхельбекера, напечатанный Пушкиным, вряд ли мог иметь успех. В. Г. Белинский встретил книгу неблагоприятно. О содержании мистерии он писал: «Автор представляет какого-то Ижорского, *разочарованного* человека, тысячу первую пародию на Чайльд-Гарольда». И далее: «Для того, чтобы быть поэтом, мало ума: нужно чувство и фантазия. *Делать* поэмы может каждый, *творить* — один поэт. Работа всегда остается работою, как бы ни высока была ее цель»⁵.

Рецензия написана в 1835 году. Белинский несомненно знал и автора, и издателя. Однако ничто не могло повлиять на его оценку, всегда высоко принципиальную.

На позднейшем антикварном рынке книга «Ижорский» встречалась редко, да и охотников на нее было немного. То, что книга эта — издание Пушкина, знали далеко не все книгопродавцы, и она не пользовалась должным вниманием.

Сведений о тираже книги не найдено. Он мог быть или 600, или 1200 экземпляров, не больше. В реестре Смирдина 1841 года цена книги была объявлена в один рубль серебром, причем это уже с некоторой скидкой с номинала. Надо думать, что номинальная цена книги при ее выходе была пять рублей ассигнациями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 219.
2. Там же, стр. 63.
3. «Русская старина», 1902, № 4, стр. III.— См. так же: Литературный архив. Изд. АН СССР. М.-Л., 1938, т. I, стр. 10.
4. «Русский архив», 1910, кн 2, стр. 47.
5. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 1. М., 1953, стр. 232.

ВАСТОЛА.

ИЛИ

ЖЕЛАНИЯ.

ПОВЕСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧ. ВИЛАНДА.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗД. А. ПУШКИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

40. ПЕРЕВОД «ВАСТОЛЫ»

ВАСТОЛА, или желания. Повесть в стихах, соч. Виланда. В трех частях. Изд. А. Пушкиным. Санктпетербург, 1836. (На обороте заглавного листа: Печатано в типографии Департамента внешней торговли).

8°. (20 × 13 см. обрез.). Шмуцитул + 96 стр., включ. загл. лист.

Обложка: Литографированная в две краски; в затейливых рамках с росчерками на лицевой стороне напечатано: «Вастола или желания, повесть в стихах. Сочинение Виланда. Издал А. Пушкин. Спб., 1836. Литография Ив. Селезнева в Доме Петропавл. Лют. церкви»; на последней стр., столь же затейливо литографированной, с изображением лиры, напечатано: «Продается во всех книжн. лавках. По 6 рублей ассигн.».

Цензурное разрешение: 12 марта 1835 г.; цензор П. Гавевский.

СТОРИЮ этой книги следует начать с того, что примерно за год до ее выхода в свет, к Пушкину обратился шестидесятилетний писатель, бывший когда-то одним из служащих Царскосельского лицея, Ефим Петрович Люценко. Обратился он с просьбой напечатать в журнале «Современник» сделанный им перевод поэмы немецкого писателя Виланда «Вастола».

Люценко был весьма трудолюбивым, но мало талантливым писателем и переводчиком. Работы его печатались в журналах «Дело от безделья» (1792), «Прохладные часы» (1783), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794—1798) и в некоторых других.

Слог у писателя Люценко был тяжелым, типичным для XVIII века, и именно таким слогом он перевел «Вастолу» Виланда, принадлежащую к тому же не к числу лучших произведений немецкого поэта.

О напечатании перевода в «Современнике» не могло быть и речи. Но Пушкин был отзывчивым и добрым человеком. Стоит напомнить его письмо брату 4 декабря 1824 года из Михайловского. Тогда только что произошло наводнение в Петербурге, причинившее неисчислимые бедствия народу. Пушкин писал брату Льву: «Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного»¹.

Если учесть, что у Пушкина тогда только и были «онегинские» деньги, — письмо это заслуживает внимания.

Вот и теперь, желая как-то помочь престарелому переводчику, поэт познакомил его со Смирдиным, надеясь, что тот издаст «Вастолу» отдельной книжкой.

У Смирдина дела шли неважно, и он предложил Люценко самому оплатить расходы по изданию. Денег у Люценко не было, и он вновь обратился к Пушкину.

Сохранилось письмо поэта к переводчику такого содержания: «Смирдин не сдержал своего слова; полагаю, в самом деле обстоятельства его запутаны. Печатание вашей поэмы не может стоить 1500 рублей; он ошибается. Отъезд мой в деревню мешает мне взяться самому за это дело. Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста. Надеюсь, что с своей стороны сделает он все возможное»².

Очевидно, барон Корф ничем не мог помочь Люценко, и Пушкину в конце концов пришлось самому взяться за эту тяжкую комиссию.

Нашлись книгопродавцы, согласившиеся купить весь тираж книги, при неперменном условии, что на ней будет напечатано «Издан А. Пушкин».

Не подумав о последствиях, Пушкин согласился, и книга вышла в свет без имени переводчика, но с именем Пушкина, как издателя. В те годы понятия «издатель» и «сочинитель» или «переводчик» были понятиями недостаточно точно различимыми. Весьма часто слова «издатель» и «автор» значили одно и то же. Пушкин забыл, что он сам только что выпустил написанные им «Повести» 1834 года как «Повести, изданные Александром Пушкиным»³.

Эта путаница понятий и причинила Пушкину много огорчений, связанных с выходом «Востолы» в свет.

Еще в январской книжке «Библиотеки для чтения» появилось следующее сообщение от редакции: «Важное событие! А. С. Пушкин издал новую поэму под названием «Востола, или желания сердца» Виланда. Мы ее еще не читали и не могли достать, но говорят, что стих ее удивителен. Кто не порадуется новой поэме Пушкина? Истекший год заключился общим восклицанием: «Пушкин воскрес!»

Появление книги с виршами Люценко, по стилю мало чем отличавшимися от сочинений Тредиаковского (именно так оценил их В. Г. Белинский), было со злорадством встречено врагами Пушкина.

Особенно неистовствовал Сенковский, видевший в Пушкине, издателе «Современника», своего конкурента, конкурента «Библиотеки для чтения». Написанные им статьи по поводу «Востолы» дышали ядом и были явно издевательскими. Он нагло приписывал переведенную «Востолу» перу Пушкина. «Трудно поверить, — писал Сенковский, — чтобы Пушкин, вельможа русской словесности, сделался книгопродавцем и «и з да в а л» книжки для спекуляции... Я читал «Востолу». Читал и вовсе не сомневаюсь, что это стихи Пушкина».

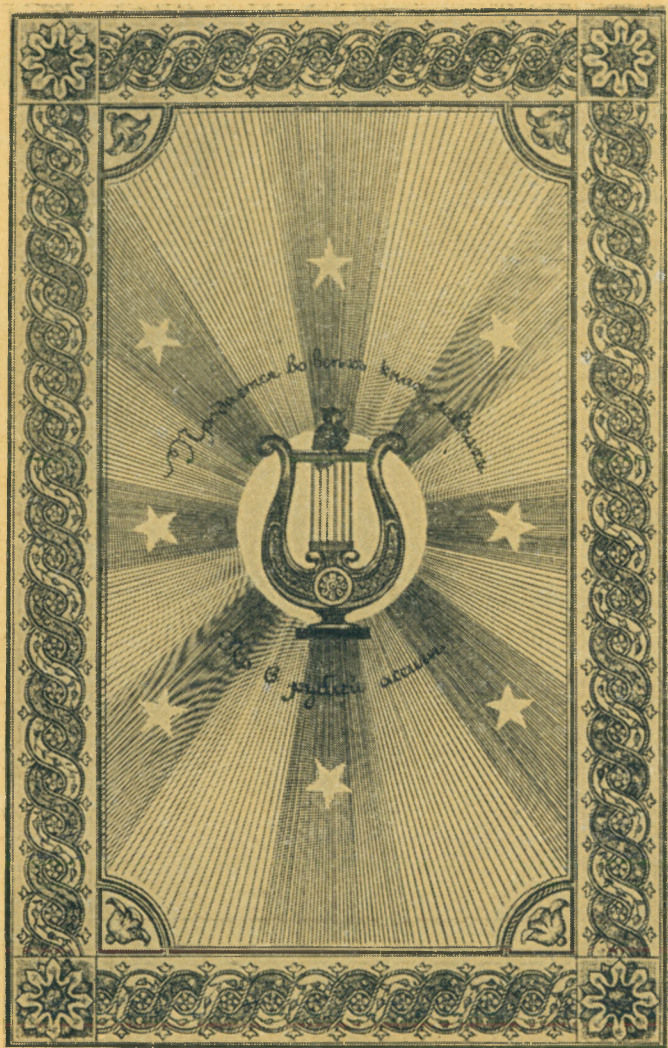
Далее следовал ряд «доказательств», что «Востола» — это «мы уверены, действительно его творение. Это его стихи. Удивительные стихи!»⁴.

Бешенство попавшего впросак Пушкина было неописуемым. Личные дела его и так в этот год были невеселыми, а тут еще эта дикая травля.

В апрельской книжке «Современника» 1836 года Пушкин попытался следующим образом внести ясность в вопрос о «Востоле». Он писал: «В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель Востолы хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на

Лицевая сторона обложки.

Последняя страница обложки «Востолы».

книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*, слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано. В том же журнале сказано было, что «Вастола переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему напрокат свое имя и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек не богатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милости от кого бы то ни было.

После такового объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным⁵.

Это заявление лишь частично помогло Пушкину. Благородство поэта не дало ему возможности опубликовать имени подлинного переводчика «Вастолы». Имя его, по словам Б. А. Модзалевского, вообще стало известно лишь в 1886 году. И только собственное «письмо в редакцию» подлинного переводчика могло бы тогда полностью успокоить бурю. Но Пушкин не дал Люценко на растерзание.

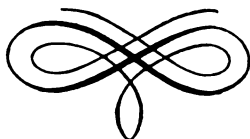
Поэт не мог не понимать, что какая-то доля вины во всем этом деле несомненно лежит и на нем самом. Ставя свое имя на книге «Вастола», Пушкин пусть необдуманно, пусть совершенно бескорыстно, руководствуясь только благими целями, невольно вводил читателей в заблуждение.

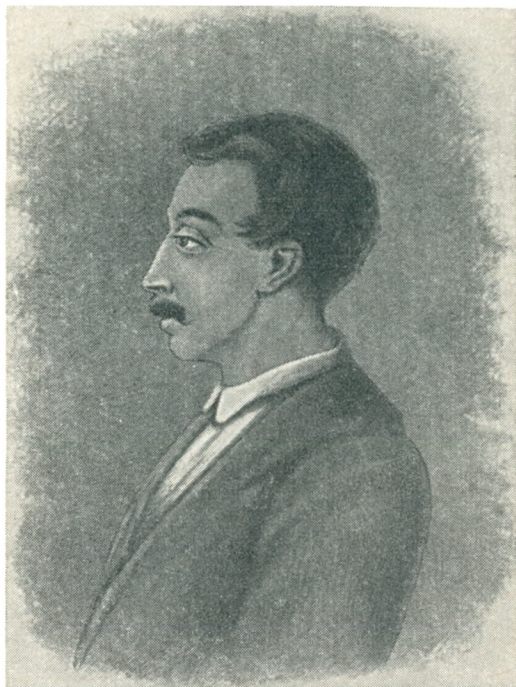
Как мне кажется, понимание этого обстоятельства особенно раздражало Пушкина. Все дело, вообще, едва не кончилось трагически. Как-то знакомый Пушкина С. С. Хлюстин завел разговор о злополучной «Востоле». Хлюстин хотел даже посочувствовать поэту. Однако одно имя Сенковского привело Пушкина в ярость, и он наговорил Хлюстину таких дерзостей, что тот вызвал его на дуэль. К счастью, она не состоялась: «врагов» удалось помирить.

Из-за всех этих перипетий «Вастола» продавалась довольно бойко. В книготорговом реестре А. Смирдина 1841 года книжка эта, хотя и значилась еще бывшей в продаже, но ценилась по номиналу, почти без всякой скидки, не в пример многим другим книгам, в том числе и самого Пушкина. На современном антикварном рынке «Вастола» тоже довольно редкий гость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 13. Л., 1937, стр. 127.
2. Там же, т. 16, 1949, стр. 45.
3. О словах «Автор» и «Издатель» — см.: Словарь языка Пушкина, т. II. М., 1957, стр. 195.
4. Цитируется по статье Б. Л. Модзалевского в «Русской старине», 1898, кн. 4, стр. 74.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 12. Л., 1949, стр. 26.

В. К. Кюхельбекер.
Гравюра И. Матюшина.

41. «РУССКИЙ ДЕКАМЕРОН» КЮХЕЛЬБЕКЕРА

РУССКИЙ ДЕКАМЕРОН 1831 года, изд. И. Ивановым. Спб. 1836.
[На обороте заглавного листа: «В Гутенберговой типографии»].

8°. (21 × 14 см. обрез.). Шмуцтитул + заглавный лист + 81 стр. +
+ 1 нenum. стр.

Обложка: на лицевой стороне без рамок и украшений напечатано: «Русский декамерон 1831 года, изд. И. Ивановым. Спб. 1836»; последняя стр. обложки — «немая», без всяких украшений и текста.

Цензурное разрешение: 10 октября 1836 года; цензор Петр Корсаков.

«СОВРЕМЕННОМ» А. С. Пушкина, в томе четвертом за 1836 год, в разделе «Новые книги, вышедшие с октября месяца 1836 года», имеется следующая заметка: «Русский Декамерон, соч. Иванова в 1832 г. Спб.». В заметке два несоответствия с подлинником: выставлен год 1832, когда на книге он — 1831, и напечатано «соч.» (сочинение) вместо «изд.» (издание), как значится на книге.

Следует заметить, что определения «соч.» и «изд.» в то время, как уже было сказано, имели двойное значение и одинаково могли быть применены к понятиям — «автор, выпускающий в свет свои произведения» и «лицо, занимающееся издательской деятельностью».

Так как доподлинно известно, что автором «Русского Декамерона» является В. Кюхельбекер, а более чем вероятным издателем книги — А. С. Пушкин, то следует верить не заметке в «Современнике», а главному листу книги, на котором значится — «Изд. И. Ивановым». Следовательно «И. Иванов» не псевдоним автора — В. Кюхельбекера, а псевдоним издателя — А. Пушкина. Так, по крайней мере, толкует И. Ф. Масанов в «Словаре псевдонимов»¹.

Однако документальных данных по этому поводу не имеется, и не исключена возможность, что «И. Иванов» — просто какое-нибудь подставное лицо, действовавшее как фактический издатель книги. Против этого говорит лишь то обстоятельство, что вряд ли кто-нибудь, кроме самого Пушкина, взялся бы действовать и хлопотать по делам осужденного декабриста В. Кюхельбекера.

Во всяком случае, кроме «И. Иванова», других имен на книге не выставлено, и лишь хранящийся в Пушкинском Доме беловой автограф поэмы В. Кюхельбекера «Зоровавель», составляющий главнейшую часть содержания «Русского Декамерона», неоспоримо указывает его автора.

Поэма эта перепечатана Ю. Тыняновым в 1939 году в двухтомнике В. Кюхельбекера, изданном в большой серии «Библиотека поэта». В предисловии Ю. Тынянов говорит, что о существовании книги «Русский Декамерон» и о ее авторе ему сообщил профессор В. А. Десницкий.

Но Ю. Тынянов перепечатал только самую поэму «Зоровавель», а в книге «Русский Декамерон» она окружена прозаическими рассуждениями, кстати, весьма интересными.

Начинается книга именно с такого прозаического введения, в котором говорится, что подобно тому, как в «Декамероне» Боккаччо компания дам и кавалеров укрылась в замке от чумы и забавляла друг друга новеллами, составившими впоследствии «Декамерон», так и у нас, в холерное время 1830 года, компания молодых людей была отрезана карантинами в какой-то усадьбе и тоже занимала друг друга литературными чтениями и разговорами.

За основу молодые люди взяли чтение вслух длиннейшей поэмы «Зоровавель» ее автором, который в книге носит фамилию «Чинарский». Чтение поэмы прерывалось про-

заическими рассуждениями и разговорами не только о самой поэме, но и о литературе вообще. Несколько раз в разговорах упоминается имя Пушкина — «лучшего нашего поэта». В этих прозаических отступлениях не трудно угадать стиль и мысли В. К. Кюхельбекера, автора всей книжки.

Самая поэма написана на основе библейской легенды о Зоровавеле, потомке царя Давида, который, при содействии царя древнего Ирана, дал возможность иудеям вернуться из изгнания на родную землю.

Поэма начинается и кончается картинами войны России с Персией в 1829 году. В фантастических сопоставлениях современности с древностью можно угадать мечты автора — В. К. Кюхельбекера — о будущем возвращении декабристов из ссылки.

Рукопись «Русского Декамерона» была доставлена Пушкину. В дневнике Кюхельбекера об этом имеется такая запись: «Зоровавель мой в руках Пушкина. Хотелось бы мне, чтоб его напечатали». Запись датирована 21 июля 1832 года².

Причастность Пушкина к изданию книги Кюхельбекера подчеркивается еще и тем, что напечатана она в «Типографии Гутенберговой», которая печатала пушкинский «Современник», и тем, что в самом «Современнике» о «Русском Декамероне» было помещено известие еще до его выхода.

Книжка чрезвычайно редкая. Когда-то я приобрел ее в одном из ленинградских книжных магазинов. Позднее я подарил «Русский Декамерон» Демьяну Бедному.

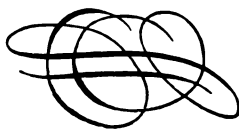
Ныне эта книжка находится в Литературном музее в составе его библиотеки.

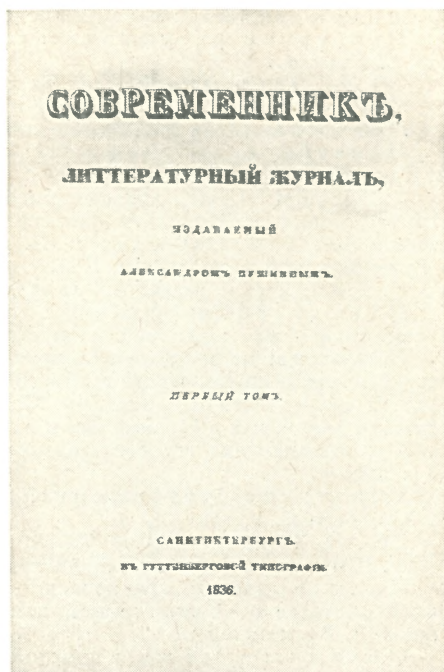
Совсем недавно одному московскому книголюбу удалось где-то приобрести чудеснейший экземпляр кюхельбекеровского «Декамерона». Книга переплетена в начале сороковых годов в марокен, причем в книгу вплетены портрет А. С. Пушкина (из одиннадцатитомного издания 1838 года), образец его почерка и так далее. Все это непосредственного отношения к самой книге не имеет, но подтверждает, что издание ее связано с именем Пушкина и что об этом было в то время хорошо известно.

О тираже книги сведений нет. Вероятно, он был обычным — 1 200 экземпляров, хотя судя по редкости книги, можно предположить, что он мог быть и меньшим. В одном из книготорговых реестров Смирдина (цензурное разрешение 31 января 1837 года) современная цена книги объявлена 3 р. 75 коп. ассигнациями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. 1. М., 1956, стр. 427.
2. См. Тынянов, Ю. Предисловие к 1-му тому соч. В. К. Кюхельбекера в серии «Библиотека поэта», 1939, стр. IV.

42/43. ЖУРНАЛ ПУШКИНА «СОВРЕМЕНИК» (1836-1837 гг.)

1. СОВРЕМЕНИК, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Первый том. Санктпетербург. В Гутенберговой типографии 1836.

8°. (26 × 15,5 см. не обрез.). Шмуцитул + заглавный лист + 319 + 1 нenum. стр.

Обложка: на передней стороне, без всяких украшений, напечатано: «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Том первый. Спб. 1836»; на последней стр.— только текст: «Подписка принимается во всех книжных лавках. За годовое издание Современника, состоящее из 4-х томов, платится 25 р. асс., а с пересылкою 30 р.»

Цензурное разрешение: 31 марта 1836 г.; цензор А. Крылов.

ТО ЖЕ. Второй том. [Спб. Та же типография]. 1836.

8°. 318 стр., включая шмуцитул и заглавный лист + 1 нenum. стр.

Обложка: такая же, как и предыдущая, с пометой «Второй том».

Цензурное разрешение: 30 июня 1836 г.; цензор

А. Крылов.

ТО ЖЕ. Том третий. [Спб. Та же типография]. 1836.

8°. 332 стр., включая шмуцитул и заглавный лист + 2 нenum. стр.

Обложка: такая же, как и предыдущая, с пометой «Том третий». Цензурное разрешение: сентябрь (без числа) 1836 г.; цензор А. Крылов.

ТО ЖЕ. Том четвертый. [Спб. Та же типография]. 1836.

8°. 307 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 1 нenum. стр.

Обложка: такая же, с пометой «Том четвертый».

Цензурное разрешение: 11 ноября 1836 г.; цензор А. Крылов.

2. СОВРЕМЕННОК, литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его Кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, Кн. В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. Том пятый. Спб. в Гутенберговой типографии, 1837.

8°. Шмуцтитул + заглавный лист + XVIII + 342 + 2 нenum. стр.

Иллюстрации: факсимиле стихотворения Пушкина «Отцы пустыньки и жены непорочны» и его рисунок.

Обложка: на передней стороне, без всяких украшений, повторяется содержание заглавного листа, без указания типографии; на последней стр.— текст: «Подписка на Современник принимается во всех книжных лавках как в Москве, так и в С.-Петербурге; цена за все четыре тома, составляющих годовое издание, 25 руб. асс., с пересылкою 30 р. асс.»

Цензурное разрешение: 11 ноября 1836 г.; цензоры А. Крылов и С. Куторга.

ТО ЖЕ. Том шестой. [Спб. Та же типография]. 1837.

8°. Шмуцтитул + заглавный лист + 457 + 1 нenum. стр.

Иллюстрации: гравированное изображение снимков с рукописей к статье о «Божественной комедии» Данте в 5 томе журнала (автор А. Волконский).

Обложка: такая же, с пометой «Том шестой».

Цензурное разрешение: 2 мая 1837 г.; цензоры А. Крылов и С. Куторга.

ТО ЖЕ. Том седьмой. [Спб. Та же типография]. 1837.

8°. 376 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 2 нenum. стр.

Иллюстрации: гравированный чертеж паровой машины.

Обложка: такая же, с пометой «Том седьмой».

Цензурное разрешение: 2 мая 1837 г.; цензоры А. Крылов и С. Куторга.

ТО ЖЕ. Том осьмой. [Спб. Та же типография]. 1837.

8°. 332 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист.

Обложка: такая же, с пометой «Том осьмой».

Цензурное разрешение: 3 ноября 1837 г.; цензоры А. Крылов и С. Куторга.

Содержание всех восьми томов — см. в конце примечаний к этому рассказу.

ОБШЕСТВЕННЫЙ журнал Пушкина «Современник» просуществовал всего только один 1836 год. Все четыре обещанные подписчикам части были выпущены в свет. Пятый том, или первая часть следующего 1837 года, вышла уже после гибели редактора-издателя журнала.

Можно предположить, что большая часть литературного материала этого пятого тома была заготовлена еще самим Пушкиным. Дата цензурного разрешения на этом томе та

же, что и на четвертом, вышедшем при жизни поэта: 11 ноября 1836 года.

Весть о гибели Пушкина заставила его друзей и соратников по журналу — П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. А. Краевского, В. Ф. Одоевского и П. А. Плетнева — просить разрешение на продолжение журнала «в пользу семейства покойного».

Выходной заглавный лист пятого тома журнала извещал читателей, что отныне издание это именуется: «Современник, литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его...», и следовал приведенный выше перечень фамилий друзей покойного поэта.

Книголюбы, собирающие «прижизненную пушкиниану», всегда ставят рядом на полку комплекты «Современника» 1836 и 1837 годов.

* * *

Пушкина давно привлекала мысль об издании собственного печатного периодического органа, который явился бы независимой трибуной для него и его литературных соратников.

Такая трибуна стала необходима ввиду прекращения в 1831 году «Литературной газеты» Дельвига и обострившейся полемики с болгаринской «Северной пчелой».

Пушкин считал, что уже один факт появления такого печатного органа лишит Булгарина и Греча той монополии, которой они пользовались как издатели «Северной пчелы», единственной в те годы частной газеты. Кроме того, Пушкин надеялся, что издание своего журнала или газеты может создать ему прочную материальную базу, что для него в то время было чрезвычайно важно.

Летом 1831 года Пушкин начал хлопоты о разрешении издавать политическую и литературную газету.

В своих письмах к Бенкендорфу и в официальной записке, представленной в Третье отделение, он выражал готовность подчиниться указаниям высшей цензуры «направление политических статей» в своей газете.

Хлопоты, в которых Пушкину помогали В. А. Жуковский и старый «арзамасец» Д. Н. Блудов, бывший тогда министром народного просвещения, затянулись. Только осенью 1832 года поэт получил согласие Бенкендорфа на издание газеты.

Но ни денежных средств, необходимых на издание, ни соответствующего опыта для ведения газеты у Пушкина не было. Это заставило его обратиться к Н. И. Гречу, как

опытному редактору, с предложением быть его соиздателем, с тем, конечно, чтобы он оставил болгаринскую «Северную пчелу». Поэт хотел, как говорится, «убить двух зайцев сразу» — получить делового помощника и внести раскол во враждебный лагерь.

Этот план Пушкину не удался. Греч, сообщивший Булгарину о своих переговорах с поэтом, от участия в газете отказался. Тогда Пушкин обратился к Н. И. Тарасенко-Отрешкову. Литератор, автор статей по экономическим вопросам, делец-предприниматель, близкий к Третьему отделению (о чем Пушкин, конечно, не знал), Тарасенко-Отрешков, обладавший небольшим капиталом, охотно согласился организовать издание газеты и взять на себя всю редакционную работу.

В сентябре 1832 года Пушкин выдал Тарасенко-Отрешкову полную доверенность на редактирование газеты, устройство типографии, закупку бумаги и проч. Было придумано для газеты название: «Дневник. Политическая и литературная газета», и, как образец, отпечатан пробный номер — всего одна страница, набранная неряшливо, заполненная отрывками, взятыми из современных газет. Образец этот сохранился до наших дней в единственном экземпляре¹.

Но к этому времени Пушкин стал крайне пессимистически смотреть на свою будущую газету. На вопрос М. П. Погодина о программе и направлении газеты поэт не без раздражения ответил ему (в середине сентября 1832 года):

«Какую программу хотите Вы видеть? Часть политическая — официально ничтожная; часть литературная — существенно ничтожная; известие о курсе, о приезжающих: вот вам и вся программа. Я хотел уничтожить монополию [Греча и Булгарина] и успел. Остальное мало меня интересует. Газета моя будет немного похуже Сев[ерной] пчелы. Угодить публике, я не намерен; браниться с журналами хорошо раз в 5 лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза — мякина»².

Очень верно угадала затруднения и настроения Пушкина его сестра Ольга Сергеевна Павлищева, которая еще весной 1832 года писала своему мужу:

«Мой бедный брат готов осквернить свой поэтический гений и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущным материальным потребностям; но судя по тому, что он мне рассказывал, описывая свое ненадеж-

СОВРЕМЕННОКЪ,
ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Лицевая сторона обложки.

ное положение, Александр иначе и поступить не может. Но куда ему, с его высокой, созерцательной, идеальной душой окунуться в самую обыденную прозу, возиться с будничным вздором, прочитывать всякий день полицейские известия, кто приехал, кто уехал, кто на улице невзначай разбил себе нос, кого потащили за уличные беспорядки в часть, сколько публики было в театрах, какая актриса или актер восторгался [возбуждал восторг], болтать всякий день о дожде и солнце, а, что всего хуже, печатать да разбирать бесчисленные побасенки иностранных лгунов, претендующих на политические сведения, черт с ними! Гораздо лучше предоставить все эти пошлости Булгарину и Гречу»³.

Хлопоты Тарасенко-Отрешкова были, по ряду причин, неторопливы, а Пушкин с каждым днем все более охлаждал к задуманной газете. Ему стало ясно, что в условиях цензурного гнета, усилившегося после июльской революции и польского восстания, он, как редактор «Дневника», обязанный высказывать мысли только угодные правительству, ничем в сущности не должен отличаться от Булгарина. Газете не будет предоставлено и тени независимости. А нужна ли Пушкину такая газета?

Зимой 1832 года П. А. Плетнев извещал В. А. Жуковского, находившегося в то время в Швейцарии: «Издание газеты, о которой так хлопотал Пушкин еще при вас, едва ли приведется в исполнение, хотя ему и дано на это право»⁴.

Гоголь в письме к И. И. Дмитриеву 30 ноября 1832 года сообщал о Пушкине: «Газеты он не будет издавать, — и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком»⁵.

За две недели до этого Греч со злорадством, но не без чувства облегчения, писал своему компаньону Булгарину: «Все обстоит благополучно. Пушкин образумился и ни журнала, ни газеты издавать не будет»⁶.

От газеты Пушкин действительно отказался.

Другие мысли в это время завладели поэтом. В письме Плетнева Жуковскому есть такие строки: «Он более роется теперь по своему главному труду, т. е. по истории, да кажется в его голове и роман копошится».

Только весной 1835 года Пушкин решил возобновить хлопоты о собственном периодическом органе. Сохранился черновик его письма Бенкендорфу такого содержания:

«В 1832 году его величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях, но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря его величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я веду, вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные, ставят меня в необходимость либо оставить исторические труды, которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он меня уже осыпал.

Газета мне дает возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с «Северной пчелой»; что же касается статей чисто литературных (как то: прозаических критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских *Rewiews* [обозрений])»⁷.

Но черновик этот так и остался черновиком. Беловое письмо Бенкендорфу, посланное 1 июня 1835 года, уже не поднимало вопроса об издании газеты и журнала: Пушкин ходатайствовал лишь о предоставлении ему на три-четыре года отпуска в деревню для творческой работы. Как известно, это ему разрешено не было.

Но Пушкин не оставлял мысли об издании, если не газеты, то хотя бы журнала, проект которого уже намечался в приведенном выше черновике письма Бенкендорфу.

Пушкин решил начать собирать материал для задуманного издания. Форма его еще не была окончательно выработана, поэтому весьма любопытно письмо поэта к Плетневу, написанное около 11 октября 1835 года:

«Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней альманах далеко может уехать; но мое мнение: даром Коляски не брать; а установить ей цену; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плюш, как на квартире Алекс[андра] Ив[ановича] в комедии Гоголя. Это будет очень натурально... Начнем альманах с Путешествия, присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов. Кто будет наш цензор?»⁸

Из письма этого совершенно ясно, что Пушкин не прочь был весь собираемый им (с помощью Плетнева) литературный материал напечатать, в крайнем случае, в виде единого альманаха с «не имеющим смысла» названием «Арион» или «Орион». Упомянутое в письме «Путешествие» — это собственная работа Пушкина «Путешествие в Арзрум», тогда еще ненапечатанная.

Однако в конце декабря 1835 года Пушкин решил обратиться к Бенкендорфу еще раз с просьбой о разрешении издавать журнал. Он написал:

«Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею просьбою. Я желал бы в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений ес.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; наподобие английских трехмесячных *Rewiews* [обозрений]. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой *Rewiew* доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые»⁹.

Просьба эта имела успех, и в Петербургский цензурный комитет было послано предписание министра просвещения Уварова, сообщающее о плане Пушкина издавать журнал, и о том, что «Его императорское величество на таковую просьбу господина Пушкина изволил изъявить высочайшее свое соизволение, с тем чтобы означенное периодическое сочинение переходило по установленному порядку через цензуру»¹⁰.

Так была оставлена мысль (кстати сказать принадлежавшая Плетневу) об издании альманаха «Орион» или «Арион», и родился журнал Пушкина «Современник».

Собственно журналом назвать «Современник» трудно (четыре книжки в год, да и разрешение было дано только на один год). Все это приближало журнал к типу альманаха, но Пушкин надеялся, что все препятствия ему удастся преодолеть, и издание его станет журналом. Не пугало Пушкина и то обстоятельство, что условия разрешения «Современника» как издания чисто литературного исключали возможность помещения в нем статей общественно-политического характера. Пушкин надеялся, что сможет проводить их под видом разбора памятников политической публицистики прошлого и под видом критики книг политического и экономического содержания.

В этом отношении весьма показательна помещенная в первом томе «Современника» статья Б. П. Козловского

«Разбор парижского математического ежегодника», в которой проводилась, между прочим, мысль о том, что «наука должна быть достоянием не только высших, но и низших слоев населения. Только тогда возможно процветание науки».

Статья самого Пушкина в третьем томе журнала о записках Джона Теннера об Америке касалась узаконенного в ней рабства негров и индейцев. Пушкин писал: «Уважение к сему народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве».

Пушкин заканчивал эту статью такими словами: «Записки Джона Теннера»... будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества...»

Таких примеров из «Современника» Пушкина можно привести немало. Пушкин, в обход цензуры, стремился освещать в своем журнале социально-политические вопросы.

Стоявшая на страже цензура, особенно бдительно следившая за «Современником», чинила всяческие препятствия поэту. А. В. Никитенко записал у себя в дневнике (17 января 1836 года): «Цензором нового журнала попечитель назначил А. Л. Крылова, самого трусливого, и следовательно, самого строгого из нашей братии. Хотели меня назначить, но я убедительно просил уволить меня от этого: с Пушкиным слишком тяжело иметь дело».

В апреле того же года Никитенко записывает: «Пушкина жестоко жмет цензура. Он жаловался на Крылова и просил себе другого цензора, в подмогу первому. Ему назначили Гаевского. Пушкин раскаивается, но поздно. Гаевский до того напуган гауптвахтой, на которой просидел восемь дней, что теперь сомневается, можно ли пропустить в печать известие, вроде того, что такой-то король скончался»¹¹.

Привлеченный Пушкиным к сотрудничеству в журнале поэт-партизан Денис Давыдов весьма своеобразно отвечал ему по поводу своей статьи, изуродованной цензурой: «...эскадрон мой, как ты говоришь, опрокинутый, разстрелянный и изрубленный саблею цензуры, прошу тебя привести в порядок: — убитых похоронить, раненых отдать в лазарет, а с остальным числом всадников — ура! и снова в атаку на военно-ценсурный Комитет. Так я делявал в настоящих битвах, — унывать грешно солдату — унывать

грешно солдату — надо или лопнуть или врубиться в паршивую колонну [Цензуры]»¹².

И Пушкин «врубался». Во время «битвы» с цензурой он потерял «убитыми» собственную статью о Радищеве, «Записку о древней и новой России» Карамзина, «Два демона» Тютчева и переводную статью о «Применении системы Галля и Лафатера к изображениям пяти участников покушения на жизнь Луи-Филиппа».

«Израненными и изрубленными» он вывел на страницы журнала «Хронику русского» А. И. Тургенева и «Прогулку по Москве» М. Погодина, «Взятие Дрездена» и «О партизанской войне» Дениса Давыдова, «Не то, что мните вы при рода» Тютчева.

Были, разумеется, у поэта и победы в этих «боях». Почти без единой царапины он провел свои произведения: «Капитанскую дочку», «Пир Петра первого», «Путешествие в Арзрум», «Скупого рыцаря», «Полководца» и многое другое. С почетом привел к победе гоголевские «Коляску», «Нос», «Утро делового человека». Кроме старых своих соратников — Вяземского, Жуковского, Давыдова, Языкова, Баратынского — Пушкин позвал на помощь молодых поэтов Тютчева и Кольцова, впервые по-настоящему познакомив с ними читателей. Привлек и героя войны 1812 года — Надежду Дурову.

Главными «неприятельскими силами», стоявшими против Пушкина, были министр народного просвещения Уваров, ненавидевший поэта за то только что напечатанную на него сатиру «На выздоровление Лукулла», и «правая рука» министра по цензурному ведомству — Дондуков-Корсаков — тот самый «князь Дундук», заседавший по пушкинской эпиграмме «в академии наук» отнюдь не по научным своим заслугам. Кроме них существовали еще и Бенкендорф, все Третье отделение, и, наконец, сам Николай I.

Пушкин был опытным бойцом и стратегом, но и ему пришлось туго. Он писал Денису Давыдову: «Тяжело, нечего сказать. И с одною ценсурой напляшешься: каково же зависеть от целых четырех? Не знаю чем провинились русские писатели... Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче...»¹³.

Кроме цензурного фронта у Пушкина были еще и другие «фронты», на которых приходилось вести жаркие битвы. Прежде всего «журнальный триумвират» в лице Сенковского, Булгарина, Греча. Журнальное предприятие Пушкина стояло у них поперек горла. Они боялись Пушкина. Мы знаем, что Смирдин, издатель журнала «Библиотека для

СОВРЕМЕНИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

*Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краев-
скимъ, Кн. В. О. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.*

ТОМЪ ПЯТЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1837.

Титульный лист.

Подписка на Современникъ принимается во всѣхъ кни-
жныхъ лавкахъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ С. Петербургѣ;
цѣна за всѣ *четыре* тома, составляющіе годовое изданіе,
25 р. ас., съ пересылкою 30 р. ас.

Последняя страница обложки пятого тома «Современника».

чтения», предлагал поэту пятнадцать тысяч отступного, чтобы он отказался от «Современника». Пушкин не согласился.

Первый бой пришлось дать из-за статьи Гоголя, напечатанной в первом же номере «Современника» под названием «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.»

Гоголь принял самое ближайшее участие в составлении первого номера журнала, взяв на себя даже типографские и редакционные хлопоты.

Статья его, носящая программный характер, была по булгаринской клике и по Сенковскому и его «Библиотеке для чтения», в особенности.

Статья Гоголя была напечатана без подписи. Нет имени Гоголя и в оглавлении журнала.

Однако в 1954 году литературоведу В. Г. Березиной удалось обнаружить в Ленинградской библиотеке им. Салтыкова-Щедрина уникальный экземпляр первого тома «Современника», в котором последние 24 страницы набраны и сверстаны иначе, чем во всех известных, обыкновенных экземплярах. В этом уникальном экземпляре отсутствует очень важная заметка, заключающая раздел «Новые книги», а в оглавлении тома полностью указано имя Гоголя как автора статьи «О движении журнальной литературы»¹⁴.

«Современник» должен был появиться на свет почти накануне премьеры гоголевского «Ревизора», и Пушкин понимал, что может сделать с Гоголем за эту статью Сенковский, да еще при поддержке Булгарина. Для Пушкина это было тем более ясно, что прослышавший о статье в «Современнике» Сенковский, убежденный, что автором ее является Пушкин, уже объявил войну еще не вышедшему журналу на страницах «Библиотеки для чтения».

И Пушкин решил этот удар целиком принять на себя. Он задерживает выпуск журнала, перепечатывает последнее его 24 страницы с двойкой целью: ему нужно вставить в конец раздела «Новые книги» принципиально важную для него заметку и изъять имя Гоголя из оглавления.

Это было сделано, и все «громы и молнии» обрушились на голову поэта. Не желая, однако, дальнейшей войны с «Библиотекой для чтения», Пушкин в третьем томе «Современника» помещает «Письмо к издателю» за подписью «А. Б.», в примечании к которому отмежевывается от авторства статьи «О движении журнальной литературы» (не выдавая, разумеется, Гоголя) и говорит, что она «не есть и не могла быть программой Современника».

Не понявший всех этих «шахматных ходов» Пушкина Гоголь обиделся на поэта, прекратив свое ближайшее участие в «Современнике».

Пушкин понимал, что для издания «Современника» помощи верных его друзей — Жуковского, Плетнева, Вяземского, Дениса Давыдова — недостаточно. Он понимал также, что выбранное им направление журнала, по существу продолжавшего «Литературную газету» Дельвига, рассчитанное на ограниченный круг образованных читателей, никогда не завоеует ему широкие круги подписчиков, какие имеет «Библиотека для чтения».

И Пушкин решает пригласить для ближайшего сотрудничества в «Современнике» молодого В. Г. Белинского¹⁵. Это приглашение могло бы состояться во время последней поездки Пушкина в Москву, но, по ряду причин, встречи поэта с критиком не произошло. Пушкин вернулся в Петербург, не повидав Белинского.

Поэт писал 27 мая 1836 года своему другу П. В. Нащокину: «Я оставил у тебя два порожних экз[емпляра] Современника. Один отдай кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей N В) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться»¹⁶.

В конце октября или в начале ноября Нащокин сообщил Пушкину из Москвы: «Белинский получал от Надеждина, чей журнал уже запрещен, 3 тысячи. Наблюдатель предлагал ему 5. Греч тоже его звал. Теперь, коли хочешь, он к твоим услугам, я его не видал, но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать. Ты мне отпиши — и я его к тебе пришлю»¹⁷.

Вот, собственно, все документальные данные по этому вопросу. К ним можно добавить, что Пушкин у себя в «Современнике» (в книге третьей) написал о Белинском: «Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного». Эта характеристика была дана очень молодому Белинскому.

Намерение пригласить Белинского в свой журнал Пушкин осуществить не успел. Почти одновременно с письмом Нащокина, сообщающего о согласии Белинского участвовать в «Современнике», поэту на стол положили подлое анонимное послание, в котором говорилось: «Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего ордена

Н. В. Гоголь. Рисовал Ф. Моллер. Гравировал Ф. Иордан.

рогоносцев, собравшись в великий капитул под председательством высокопочтенного магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена».

Так начался последний акт жизненной трагедии великого русского национального поэта. Ровно через три месяца пуля Дантеса поразит Пушкина.

* * *

Год «Современника» 1836 и год, ему предшествовавший — 1835, в материальном отношении были особенно тяжелыми годами для Пушкина. Последние его издания — «История пугачевского бунта» и «Повести, изданные Пушкиным» 1834 года, как мы уже знаем, шли плохо и не давали возможности поэту хотя бы вернуть ссуду, взятую у правительства.

Быстро были истрачены деньги, полученные Пушкиным за последнее третье издание «Онегина», за произведения, напечатанные в «Библиотеке для чтения», и прочие немногочисленные гонорары и авансы. Поэт все более запутывался в долгах.

Очень «прожорливым» оказался «Современник». Пушкину впервые пришлось самому платить гонорар другим участникам журнала. По самому грубому подсчету оплатить нужно было свыше шестидесяти печатных листов, примерно по 300 рублей за каждый, всего около 20 000 рублей ассигнациями.

Необходимо принять во внимание, что значительное количество своих произведений, помещаемых в журнале, Пушкин мог бы продать другим издателям и получить деньги. А он печатал эти произведения в «Современнике», надеясь только на будущие прибыли.

Сохранились счета типографии Б. А. Врасского, из которых видно, что первой книги «Современника» было напечатано 2400 экземпляров и типографии следовало за работу 1200 рублей; второй книги напечатано тоже 2400 экземпляров, и счет типографии был на сумму 1100 рублей; третьей книги напечатано уже только 1200 экземпляров — счет был на 870 рублей.

На четвертую книгу типографского счета не сохранилось, но имеется счет за брошюровку, из которого видно, что тираж последнего тома «Современника» был уже только 900 экземпляров, следовательно типографии причиталось около 700 рублей¹⁸.

Сохранился также счет бумажной фабрики Кайдановой на бумагу, отпущенную для «Современника», по-видимому, на все четыре номера, на сумму около 3000 рублей¹⁹.

Не трудно подсчитать, что общий расход Пушкина на издание журнала, считая и суммы выплаченного им гонорара, был около 25 000 рублей.

После смерти поэта опека учла нераспроданный остаток полных комплектов «Современника» в количестве 109. Нераспроданные же экземпляры первых двух номеров, оставшиеся сверх этого количества, опека постановила сжечь²⁰.

Следовательно (если из 900 вычесть 109), фактический расход «Современника» был в среднем 800 экземпляров. Для сравнения скажем, что «Библиотека для чтения» имела тираж 5000 экземпляров, «Северная пчела» — 3 000 и только «Сын отечества», «Московский наблюдатель» и «Телескоп», еще менее, чем «Современник», — всего 400—600 экземпляров.

Подписная цена на «Современник» была 25 рублей (без пересылки), за вычетом книгопродавческой скидки — 20 рублей, а всего за проданные 800 комплектов — 16 000 рублей. Даже, если прибавить цену оставшихся после смерти поэта 109 комплектов — еще 2000 рублей, — то, при всей приблизительности моего подсчета, видно, что Пушкин на журнале терпел убыток.

Долги типографии, бумажной фабрике, как и многие другие долги Пушкина, остались неуплаченными и рассчитывалась по ним опека уже после смерти поэта.

* * *

Как уже было сказано, начиная с очередной пятой книги «Современника» (или первой за новый 1837 год), журнал стали выпускать друзья покойного поэта — Вяземский, Жуковский, Плетнев, Одоевский, а также Краевский.

Редактирование журнала взяли на себя по очереди: первый том Плетнев, второй — Краевский, третий — Одоевский и четвертый — Вяземский.

Журнал этого года уже не имел какого-либо направления и превратился в своеобразный «музей Пушкина», печатая еще неопубликованные произведения поэта. Многие из них, кстати, сильно «причесывались» В. А. Жуковским.

Издателям пришлось ходатайствовать о новом разрешении на журнал, так как сам Пушкин получил таковое только на один год. Разрешение друзьям поэта было дано, но опять только на год.

Через год Плетнев задумал продолжать журнал «Современник» уже просто как собственный журнал, не имеющий отношения к наследникам Пушкина.

«Современник», редактируемый Плетневым, выходил с 1838 по 1846 год включительно, превратившись в сухой, малоинтересный журнал. Только продолжавшаяся публикация неизданных произведений Пушкина отличала его от других, таких же бесцветных журналов.

Прибыли от журнала Плетнев не имел никакой. Вяземский в одном из своих писем А. И. Тургеневу по этому поводу писал: «Не забывай и не обижай Современника, хотя ради памяти Пушкина и бескорыстия Плетнева, который выдает его в убыток»²¹.

В конце 1846 года П. А. Плетнев продал право издания журнала «Современник» поэту Н. А. Некрасову и его компаньону И. И. Панаеву.

Во время переговоров Плетнева с Некрасовым опека над детьми Пушкина обратилась к Плетневу с требованием возратить право на издание журнала наследникам умершего поэта, заявляя, что оңа обязана «сохранять выгоды малолетних».

Плетнев в своем ответе указал на полную неосновательность предъявленных к нему требований. Тогда опека обратилась за разъяснениями в Главное управление цензуры. В декабре 1846 года опека получила официальное разъяснение, что Пушкину было дано право издавать журнал только один год и что существует закон, по которому «право на издание журнала или газеты дается только лично издателям и не составляет литературной собственности, неотъемлемой и переходящей наследственно»²².

С момента перехода журнала в руки Некрасова для ближайшего в нем участия был привлечен Белинский.

Несмотря на недолгую свою работу в журнале (Белинский умер в 1848 году и в четвертом номере журнала за этот год была напечатана его последняя статья), он помог Некрасову превратить «Современник» в самый выдающийся и самый авторитетный прогрессивный русский журнал своего времени.

Именно таким и мечтал видеть «Современник» его великий основатель — Пушкин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробно об этом — см.: Н. К. Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832). В сб.: Пушкин и его современники. Т. II, вып. 5, 1908, стр. 30—74.
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948,

- стр. 29. «Феофилакт Косичкин» — псевдоним Пушкина, которым он подписывал статьи, напечатанные в «Телескопе» 1831 г.
3. Указанная в примечании 1 статья Н. К. Пиксанова, стр. 50.
 4. Плетнев, П. А. Соч. и переписка, т. 3, стр. 521.
 5. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 10, М., 1940, стр. 247.
 6. Указанная в примечании 1 статья Н. К. Пиксанова, стр. 64.
 7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 29 и 370.
 8. Там же, стр. 55-56.
 9. Там же, стр. 69-70.
 10. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. IV, вып. 13, стр. 178.
 11. Никитенко, А. В. Дневник. Т. 1. М., 1955, стр. 181-182.
 12. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 118.
 13. Там же, стр. 160.
 14. Н. В. Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954, стр. 70-85.
 15. Березина, В. Г. Из истории «Современника» Пушкина. — В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Изд. АН СССР. Т. 1. М.-Л., 1956, стр. 278. См. также: Оксман, Ю. Г. Переписка Белинского. «Лит. наследство», т. 56, стр. 233-235. — Его же. Примечания к письму Краевского и Одоевского — Пушкину в «Лит. наследстве», т. 58, стр. 290-295.
 16. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 121. «Потихоньку от наблюдателей», то есть от литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Московский наблюдатель».
 17. Там же, стр. 181.
 18. Литературный архив. Материалы по истории лит-ры и общественного движения. Изд. АН СССР. М.-Л., 1938, т. I, стр. 24. См. также: «Лит. наследство», т. 58, стр. 294; Пушкин в письмах Карамзиных. М.-Л., 1960, стр. 366.
 19. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. IV, вып. 13, 1913, стр. 118.
 20. «Лит. наследство», т. 58, стр. 294, примеч. Ю. Г. Оксмана.
 21. Там же, стр. 152.
 22. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 6, 1908, стр. 24—25.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОГО ТОМА. Стихотворения: — Пир Петра Первого. — Ночной смор. Жуковского. — Скупой рыцарь. — Из. А. Шенье. — Роза и Кипарис. Кн. Вяземского.

Проза: — Императрица Мария. — Путешествие в Арзрум. А. Пушкина. — Разбор сочинений Георгия Конисского. — О рифме. Бар. Розена. — Долина Ажитугай. Султана Казы-Гирей. — Коляска. Н. Гоголя. — О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг. — Утро делового человека. Н. Гоголя. — Разбор парижского математического ежегодника. Кн. Козловского. — Париж. (Хроника русского). — Новые книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА. Стихотворения: — Урожай. А. Кольцова. — Иоанн III и Аристотель. Бар. Розена. — Драматическая сказка об Иване царевиче, Жар-птице и о сером волке. Н. Языкова. —

Проза: Российская Академия. — Французская Академия — Записки Н. А. Дуровой. — Персидский анекдот. Султана Казы-Гирей. Предисловие к «Битве при Тивериаде». — Мифология вотяков и черемис. А. Емичева. — О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе. — Разбор книги «Статистическое описание Нахичеванской Провинции». В. Золотницкого. — Наполеон и Юлий Цезарь. — Новая поэма Э. Ки-

не.— Разбор комедии г. Гоголя «Ревизор».— Уведомление.— От редакции.— Новые русские книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА. Стихотворения: Стихотворения, присланные из Германии Ф. Т. [Пятнадцать стихотворений Ф. И. Тютчева, частично без заглавий — по №№].— Челобитная. Дениса Давыдова.— Знаешь ли ты страну? К. В.— Ответ.— Эпиграммы и пр.— Родословная моего героя.— Полководец.— Подражания испанским сегидильям.— Сапожник. Притча.— 3 июля 1836 года. Семена Строжилова.

Проза: О надежде. Кн. Козловского.— Как пишутся у нас романы. Ф. С.— Нос. Повесть Н. Гоголя.— О «Мнении М. А. Лобанова». Об «Истории пугачевского бунта» А. П.— О партизанской войне. Д. Давыдова.— Вольтер.— Фракийские элегии.— Анекдоты.— Отрывок из неизвестных записок дамы. С франц.— Джон Теннер.— Прогулка по Москве.— Государственная внешняя торговля 1835 года.— Новые книги.— Письмо к издателю.— От редакции.

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА. Стихотворения: Стихотворения, присланные из Германии. Ф. Т. (продолжение стих. Ф. И. Тютчева от № XVI до № XXIII включ.).— К князю П. А. Вяземскому. Е. Баратынского.— Молитва об Ольге Прекрасной.— Предназначение. Л. Якубовича.— Урал и Кавказ. Его же.— Подражания Саади. Его же.

Проза: Занятие Дрездена.— Капитанская дочка.— Вечер в Царском селе.— Париж.— Прогулка за Балканом.— Объяснение.— От редакции.— Новые книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЯТОГО ТОМА. Стихотворения: Медный всадник, петербургская повесть. А. Пушкина.— Драматическая сказка об Иване царевиче, Жар-птице и о сером волке (продолжение). Н. Языкова.— Цветок. Жуковского.— Одиночество (из поэмы Елена), Бернета.— Эльбрус и я. Г. Е. Р.— Герой. А. Пушкина.— Могила матери. Губерта.— Три свидания. Губерта.— Чистый понедельник. А. Лаголова.— Горы. В. Бенедиктова.— Песнь о Марке Висконри. И. Козлова.— Осень. Е. Баратынского.— Петербург с Адмиралтейской башни. В. Романовского.— Вопросы и ответы. В. Соколовского.— Д. В. Давыдову. А. Пушкина.— На память. Кн. Вяземского.— Последние три стихотворения А. Пушкина: I. Лицейская годовщина. 1836.— II. Молитва.— III. Отрывок.

Проза: Последние минуты Пушкина. В. Жуковского.— Хроника русского.— Глава VIII. Из биографических и литературных записок о Д. И. Фон-Визине. Кн. Вяземского.— Отрывок из рукописи Карамзина.— Последний из родственников Иоанны д'Арк. А. Пушкина.— О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая». А. Пушкина.— Сильфида. Кн. В. Одоевского.— Сцены из рыцарских времен. А. Пушкина.— О «Божественной комедии» Данте Алигиери. Кн. Александра Волконского.— Смерть царя Бориса Федоровича Годунова. Погодина.— Отрывок из записной книжки путешественника. Александра Тургенева.— Новые книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОГО ТОМА. Стихотворения: Русалка. А. Пушкина.— Кто он? П. Ершова.— Недуг. Е. Гребенки.— Александру Сергеевичу Пушкину.— К И. И. Дмитриеву. Кн. Шаликова.— Ангелухранителю. М. Деларю.— Бородино. М. Лермонтова.— А. Б...ву и Т. Т...му. Э. Губерта.— Отрывки из «Фауста». Э. Губерта.— Три явления из поэмы «Альма». Вл. Соколовского.— А. С. Пушкину. Н. Языкова.— Из трагедии «Михаил Тверской».— Стихотворения, присланные из Германии. Ф. Т. [Продолжение стихов Ф. И. Тютчева от № XXIV до XXVII включ.].

Проза: Отрывок. И. Б-на.— Арап Петра Великого. (первые главы неоконченного романа) А. Пушкина.— Три жениха, С. В.-Прокопий

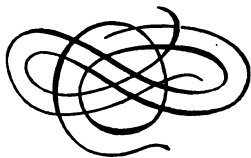
Дяпунов, или времена междоусобицы (отрывок).— Записки бригадира Моро-де-Бразе о походе 1711 года, с предисловием и примечаниями А. С. Пушкина.— О Киеве. П. Пищевича.— Железная маска. А. Пушкина.— Петербургские записки 1836 года — Новые книги.

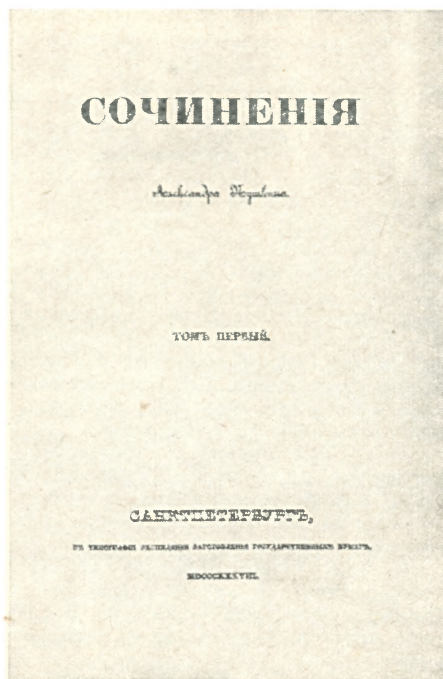
ОГЛАВЛЕНИЕ СЕДЬМОГО ТОМА. Стихотворения: Галуб. А. Пушкина.— Местъ. Г. Е. Р.— Переезд через Яйлу на южном берегу Тавриды. А. Подолинского.— Юность души. А. Лаголова.— Улей. Д. Струйского.— Надежда-Ангел. Шевырева.— Элегия. В. Туманского.— Элегия. А. Лаголова.— Орган. Авдотьи Глинки.— Ангел. Федора Глинки.— Самоубийца. Д. Струйского.— Сцены из трагедии «Князь Шуйские». П. Ободовского.— Имя милое России. В. Туманского.— Молитва. Е. Гребенки.— Грусть. М. Деларю.— Буря. Деларю.— К. Языкову.— Баллада.— Зеленый цвет. П. Ершова.— Кольцо с бирюзой. П. Ершова.— Подражание Шенье. И. Бека.— Элегия. И. Бека.— Две слезы. Ив. Панаева.— Прощание с Москвой. Рахманного.

Проза: Граф Калиостро. М. Загоскина.— Краткое начертание теории паровых машин. Кн. Козловского.— Солдатский портрет. В. Луганского.— Светский человек, дипломат, литератор, воин. Т. Космокротова.— Летопись села Горохино. А. Пушкина.— Воспоминания о Бессарабии.— Три письма о тамбовской выставке. Я. Карманского.— Общественное образование Тульской губернии. И. Сахарова.— Разбор книги: Статистические сведения о С. Петербурге.— Новые книги.— Объяснения. Кн. Вяземского.— От редакции.— О продолжении Современника.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВОСЬМОГО ТОМА. Стихотворения: В. И. Туманского.— Мысль о севере.— Дуб и роза.— Отроковице.— Размолвка.— Примирение.— Звено.— Дом на Босфоре.— Стансы.— Дидона, с латинского перевод М. Деларю.— Сцена из Фауста. Э. Губерта.— Большая дорога.

Проза: А. С. Пушкина — Египетские ночи.— Анекдоты и замечания. (Числом тридцать четыре).— Неоконченные повести: I.—II.— Восточная жизнь. Тита Космокротова. (Псевдоним).— Драматические очерки, перевод с англ. А. О. Ишимовой.— Несколько слов о современной поэзии, В. Есеницкого. (Псевдоним). Письма совоспитанниц.— Известие о книге Кенига.— Об издании Современника в 1838 году.— О новых книгах, вышедших в продолжении сентября, октября и ноября сего года: I. Новые сочинения. II. Новые переводы. III. Новые издания.

44. ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. Том первый. Спб. В тип. экспедиции заготовления государственных бумаг, MDCCCXXXVIII [1838].

8°. (25,5 × 17 см. не обрез.). Шмуцтитул + заглавный лист + 4 ненум. + 439 + 1 ненум. стр.

Иллюстрации: Портрет Пушкина. Рисовал Кипренский, гравировал Н. Уткин.

Обложка: на передней стороне в художественной наборной рамке повторяется содержание заглавного листа без указания типографии; на задней, в такой же наборной рамке, — типографская виньетка — лира, маски и проч.

Цензурное разрешение: 3 апреля 1837 г.; цензор Никитенко.

Краткое содержание тома. Евгений Онегин. — Борис Годунов. — Драматические сцены: Сцена из Фауста. — Пир во время чумы. — Моцарт и Сальери. — Скупой рыцарь.

ТО ЖЕ. Том второй. [Спб. Та же типография. Год тот же].

8°. Шмуцтитул + заглавный лист + 4 ненум. + 376 + 1 ненум. стр.

Обложка: такая же, как и у первого тома.

Цензурное разрешение: То же, от того же числа.
Краткое содержание тома: Руслан и Людмила.— Кавказский пленник.— Бахчисарайский фонтан.— Братья разбойники.— Цыганы.— Граф Нулин.— Поллава.— Домик в Коломне.— Анджело.

То же. Том третий. [Спб. Та же типография. Тот же год].

8°. 242 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 5 нenum. стр.
Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: Лирические стихотворения.— Песни, стансы и сонеты.— Послания.— Элегии.— Эпиграммы.

ТО ЖЕ. Том четвертый. [Спб. Та же типография. Тот же год].

8°. 328 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 4 нenum. стр.
Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: Баллады.— Простонародные сказки.— Песни западных славян.— Антологические стихотворения.— Разные стихотворения.

ТО ЖЕ. Том пятый. [Спб. Та же типография. Тот же год].

8°. VIII стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 247 + 2 нenum. стр.

Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: История пугачевского бунта. (Главы — первая — осьмая).— Примечания.

ТО ЖЕ. Том шестой. [Спб. Та же типография. Тот же год].

8°. 310 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 2 нenum. стр.
Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: Приложения к Истории пугачевского бунта.

ТО ЖЕ. Том седьмой. [Спб. Та же типография. Тот же год].

8°. 257 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 1 нenum. стр.
Обложка: Такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: Пиковая дама.— Капитанская дочка.— Кирджали.

ТО ЖЕ. Том восьмой. [Спб. Та же типография. Тот же год].

8°. 324 стр., включая шмуцтитул и заглавный лист + 1 нenum. стр.
Иллюстрации: 2 страницы факсимиле поэта.

Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: Повести Белкина.— Смесь.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТОМА

СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. Том девятый. Изданием Ильи Глазунова, Матвея Заикина и К°. Спб. В тип. И. Глазунова и К°. MDCCCXLI. [1841].

8°. Шмуцтитул + заглавный лист + IV + 480 стр.

Обложка: наборная рамка такая же, как и в первых восьми томах, но воспроизведенная литографским способом; текст набран; он повторяет заглавный лист, без указания типографии; на задней стороне таким же способом воспроизведена рамка, в ней типографская виньетка — лира, свирель (иная, чем в основных томах) и текст: «Продаются в Спб-ге в книжных лавках издателя: Комиссионера Императорской Академии Наук и Департамента народного просвещения почетн. гражданина Ильи Ив. Глазунова».

Цензурное разрешение: 29 апреля 1840 года, цензор Никитенко.

Краткое содержание тома: Стихотворения. (Медный всадник.— Каменный гость.— Русалка.— Галуб).— Мелкие стихотворения.— Антологические стихотворения.— Последние три стихотворения А. С. Пушкина.— Лицейские стихотворения.— Стихотворения, пропущенные в последнем полном издании.

ТО ЖЕ. Том десятый. Спб. В тип. И. Глазунова и К^о. [Тот же год. (1841)].

8°. Шмуцитул + заглавный лист + 2 ненум. + 308 стр.

Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: от того же числа, что и тома девятого. Тот же цензор.

Краткое содержание тома: Арап Петра великого.— Летопись села Горо[!]хина.— Дубровский.— Египетские ночи.— Сцены из рыцарских времен.

ТО ЖЕ. Том одиннадцатый. Спб. В тип. И. Глазунова и К^о. [Тот же год (1841)].

8°. Шмуцитул + заглавный лист + 2 ненум. + 353 стр.

Обложка: такая же.

Цензурное разрешение: то же, от того же числа.

Краткое содержание тома: Смесь: Шоссе.— Москва.— Ломоносов.— О цензуре.— Русская изба.— О Мильтоне.— Лорд Байрон.— Последний из родственников Иоанны д'Арк.— Рославлев.— Неоконченные повести.— Анекдоты.— Отрывки.— Записки бригадира Море-де-Бразе.

КНИГЕ Михаила Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.» (Спб., 1909) последняя глава биографии Пушкина носит название: «Доконали...» Доконали — хорошее, русское, удивительно меткое слово, — в данном случае, едва ли не единственно-подходящее. Даль в своем словаре так объясняет его значение: «Доконать — довести до крайности, дойти, доехать, донять, уходить, порешить, покончить, погубить тем или другим способом».

Все это именно и сделали с Пушкиным.

Сделали те, кого после убийства поэта немедленно и точно назвал молодой Лермонтов:

...Надменные потомки

Известной подлостью прославленных отцов,

Пятою рабскою поправшие обломки

Игрою счастья обиженных родов!

.....

Вы, жадною толпой стоящие у трона,

Свободы, Гения и Славы палачи...

И если Лермонтов не причислил к ним и главного убийцу, стоящего не у трона, а восседавшего на нем, то вовсе не потому, что не знал его. Знал, но назвать его имя не рискнул.

Сам по себе Жорж Дантес, убивший Пушкина, — фигура ничтожная. И уж, конечно, он не заслуживает того внимания, которое ему уделяется. Совершенно ненужными кажутся мне какие-то разговоры (в них повторяют слова, приписываемые покойному В. Вересаеву) о том, что Дантес якобы вышел на дуэль в особом панцире и что пуля Пушкина только поэтому его не убила.

Рассказывают, что какой-то уральский инженер недавно проводил специальные опыты, одев чучело в мундир с пуговицами и стреляя в него из пистолета пушкинских времен пулями, подобными тем, которыми стрелял Пушкин. Этим он доказывал, что от пуговиц рикошета быть не могло и что, следовательно, Дантес сплутовал на дуэли...¹

Как будто нам и без этих домыслов неизвестно, что Дантес чужеземец-авантюрист, приехавший в Россию «на ловлю счастья и чинов». И разве свое только личное мнение о нем высказал Владимир Маяковский словами:

Сукин сын Дантес!

Великосветский шкода.

Мы б его спросили:

— А ваши кто родители?

Чем вы занимались до 17-го года?

Только этого Дантеса бы и видели.

Как и разговоры о пресловутом «панцире Дантеса», столь же ненужными кажутся соображения некоторых исследователей, что раненого Пушкина лечили неправильно, а присланный царем лейб-медик Арендт будто бы даже нарочно неправильно.

Думается, что достаточно привести мнение историка русской хирургии А. М. Заблудовского. «В наши дни, — писал он, — операция и переливание крови могут в таких случаях привести к спасению, хотя и в настоящее время рана, подобная пушкинской, весьма тяжела и нередко приводит к смерти»².

Формальная сторона дуэли не должна занимать наше внимание. Правила дуэльного кодекса были соблюдены. И невольно вспоминаются слова Пушкина о секунданте Ленского — Зарецком:

В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства.

Пушкин был великолепным стрелком. Но он стрелял вторым, стрелял уже смертельно раненный, и только это спасло Дантеса от гибели: он был ранен легко.

Но для Пушкина эта дуэль не решала дело. Нужно помнить слова сраженного на поединке поэта:

«Как только мы поправимся, снова начнем...»³

И они бы начали снова. Может быть, струсил бы Дантес. Но Пушкин и дрался не с ним. Он дрался с царем. Дрался со всей придворной челядью, травившей его как поэта и человека. Поединок был завершением длительной борьбы, которую гениальный поэт вел с реакционными силами за свою честь и творческую независимость, за судьбы всей русской литературы.

Убийство Пушкина — это преднамеренное, политическое убийство.

Несчастную дуэль легко можно было предотвратить. Заколебавшийся было Николай I приказал сделать это Бенкендорфу. Бенкендорф решил посоветоваться со своими единомышленниками по интриге, затеянной против Пушкина, в частности, с княгиней Белосельской.

— «Что делать мне теперь?» — спросил он у нее.

— «А вы пошлите жандармов в другую сторону», — ответила эта почтенная особа, ненавидевшая Пушкина⁴.

Библиограф П. А. Ефремов считал фактическими убийцами поэта именно ее, Бенкендорфа и министра Уварова. На какой-то из ранних пушкинских выставок он даже пробовал вывесить портреты этих трех деятелей на одной стене, символически подчеркивая их виновность в смерти поэта. Ведавший выставочным комитетом В. П. Гаевский запретил ему это сделать⁵.

В данном случае В. П. Гаевского можно считать поступившим правильно, так как галерея убийц Пушкина, предложенная Ефремовым, была далеко не полной. Для портретов всех их одной стены на выставке не хватило бы, не говоря уже о том, что в центре надо было непременно поместить портрет и самого «в бозе почившего» Николая I.

Версию о том, что гибель Пушкина произошла исключительно из-за личной семейной драмы, усердно распространяли друзья поэта В. А. Жуковский и П. А. Вяземский. Они-то знали все точно! Но желание помочь вдове и детям покойного поэта, который оставил им в наследство только одни долги, частично руководило их действиями.

Жуковский и не скрывал этого. Упрекавшим его за то, что он утверждал, например, будто бы Пушкин на смертном одре сказал по адресу царя: «Если б я остался жив, я

весь был бы его», когда на самом деле таких слов никто от поэта не слышал, — Жуковский отвечал: «Я заботился о судьбе вдовы Пушкина и детей»⁶.

Но не только судьба вдовы и детей поэта заботила Жуковского и Вяземского. Разукрашивая облик покойного самими «верноподданическими» красками, защищая его от обвинений в «вольнодумстве», они этим самым защищали и себя, считавшихся друзьями Пушкина и его единомышленниками.

Весьма характерно письмо П. А. Плетнева Я. К. Гроту, написанное через десять лет после смерти Пушкина 3 декабря 1847 года:

«Ты, кажется, не все выразишь, что я думал, говоря об истории. Мне сердце сжала мысль как неверно то, чем занимаемся мы с увлечением. Не от того дело портится, что много плохих историков, а от того, что это самое дело превышает естественные способы наши к его неукоризненному исполнению. Подобная мысль сжимает мое сердце уже во второй раз в жизни. В первый раз это было, когда я прочитал известную прекрасную статью Жуковского под названием «Последние минуты Пушкина». Я был свидетелем этих последних минут поэта. Несколько дней они были в порядке и ясности у меня на сердце. *Когда я прочитал Жуковского, я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа; тогда-то я подумал в первый раз: так вот, что значит наша история...* Я тогда же мог бы хоть для себя сделать перемены в этой статье. Но время ушло. У меня самого потемнело и сбилось в голове все, казавшееся окрепшим навеки»⁷.

Но то, что «потемнело в голове» у Плетнева и не стало понятным многим позднейшим исследователям, было ясно народу, пришедшему в заключительном акте трагедии поклониться гробу поэта. Из многочисленных свидетельств современников, не заботившихся вынужденно, как Жуковский, о фальсификации истории, достаточно привести хотя бы письмо С. Н. Карамзиной из Петербурга в Париж Андрею Карамзину 2 февраля 1837 года:

«Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день, говорят, там перебивало более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы, все в благоговейном молчании, с умилением, особенно отрядным для его друзей... среди молодежи этого второго общества подымается даже волна возмущения против его убийцы, раздаются угрозы и крики негодования... В понедельник, в день похорон, т. е. отпевания, собралась несмет-

ная толпа, желавшая на нем присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться, все члены Академии, художники, студенты университета, все русские актеры...»⁸

Петербург того времени не был городом с миллионным населением. Толпа состояла не только из студентов, чиновников, литераторов и актеров. Это пришел народ, настроенный, отнюдь, не благодушно. Народ чутьем догадывался, что совершенно преступление. Это перепугало и царя, и Бенкендорфа. Мертвого Пушкина решили украсть у народа. Ночью гроб зашили в рогожу и в сопровождении верного дядьки поэта Никиты Козлова, одного из друзей Пушкина А. И. Тургенева и, конечно, жандарма отправили для погребения в Святогорский монастырь под Псковом.

А. И. Тургенев писал Нефедьевой: «3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди одного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дорогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы»⁹.

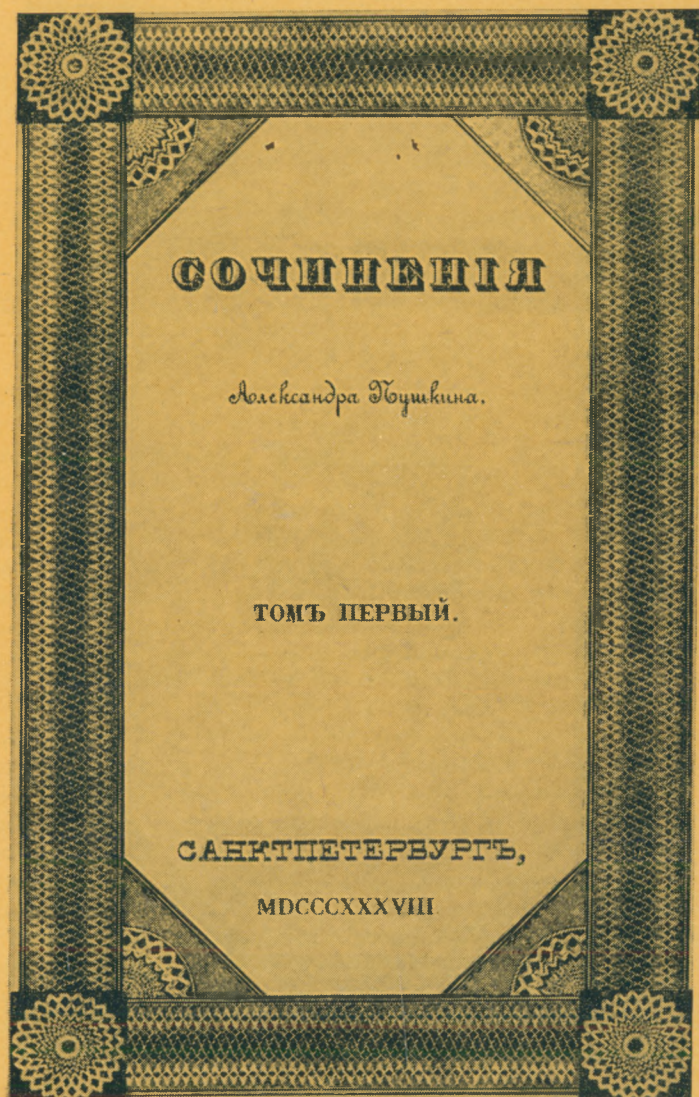
А. В. Никитенко записал в своем «Дневнике»: «Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи — как собаку»¹⁰.

Кибитку с гробом обогнал курьер с предписанием псковскому губернатору. В предписании говорилось: «...имею честь сообщить волю государя императора, чтобы вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом всякую церемонию... К сему не излишним считаю [присовокупить], что отпевание тела уже совершено»¹¹.

Далее следует привести страницу из дневника А. И. Тургенева: «6-го февраля, в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнав-

Лицевая сторона обложки.

Последняя страница обложки «Сочинений Александра Пушкина». (Том I).

шие, что гроб прибыл туда; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу...»¹².

И, наконец, письмо того же А. И. Тургенева Вяземскому и Жуковскому.

«7-го февраля 1837 г. 5-ый час утра,
Псков.

«Мы предали земле земное вчера на рассвете. Я провел около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренне оплакивают поэта и человека в Пушкине. Милая дочь хозяйки показала мне домик и сад поэта...»

Везу вам сырой земли, сухих ветвей — и только...»¹³

* * *

Обычная фраза из некролога — «умер на посту» — обладает одним неоспоримым достоинством — она точно определяет обстоятельства смерти.

Как нельзя более были бы уместны эти слова и в некрологе великого Пушкина. Гибель настигла поэта действительно на посту.

В день дуэли, ровно в восемь часов утра, Пушкин сидел за письменным столом у себя в кабинете, занимаясь делами «Современника». Внешне никакого волнения он не проявлял, никаких преддуэльных «прощальных писем» не писал. Последнее его письмо в это утро было написано молодой писательнице А. О. Ишимовой. В письме говорилось:

«Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Бари Корнуоля. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать»¹⁴.

Так был дан последний заказ для журнала «Современник» — сделать перевод из пьес английского драматурга Корнуоля. «История в рассказах», о которой идет речь — это «История России в рассказах для детей», написанная А. О. Ишимовой.

Это письмо и книгу Корнуоля Пушкин запечатывает в пакет из толстой сероватой бумаги, надписывает адрес и отправляет по назначению.

Ровно в полдень поэт принял Федора Фроловича Цветаева, главного помощника А. Ф. Смирдина.

Ф. Ф. Цветаев начал свою службу у Плавильщикова еще мальчиком и был «унаследован» Смирдиным вместе со

всем предприятием Плавильщикова. Угадав в Цветаеве недожинные способности, Смирдин с момента перехода дела Плавильщикова в его руки делает Федора Фроловича главным приказчиком и заведующим библиотекой, своей «правой рукой».

Обладающий феноменальной памятью, влюбленный в книги, Цветаев становится «живым каталогом» как по отделу изящной литературы, так и по всем другим отраслям знаний. Он мог не задумываясь указать не только любую книгу от времен Ломоносова до вышедшей буквально вчера, но и критические отзывы о ней, когда-либо появившиеся в печати.

Угрюмого, как и сам Смирдин, малообщительного Федора Фроловича знал весь литературный Петербург. Все дружески улыбались ему, беседовали с ним, навели у него справки. Его очень любил и уважал Пушкин.

Именно Цветаева послал Смирдин к поэту договариваться о новом издании его сочинений. Отношения у Смирдина с Пушкиным из-за «Современника» были несколько испорчены, и Цветаев мирил поэта с его старым издателем¹⁵.

Пушкин весело встретил посланца Смирдина, шутил, смеялся, обсуждал проект нового издания своих сочинений. Вечером Цветаев, узнав, что он был у поэта за несколько часов до смертельного поединка, развел руками: обыкновенный человек проявить такого самообладания не смог бы.

Но Пушкин и не был обыкновенным.

Проводив Цветаева, поэт переоделся и уехал из дома. По дороге он встретил своего лицейского товарища Данзаса, которому сообщил о предстоящей дуэли и просил его быть секундантом. Данзас согласился, и Пушкин отвез его в здание французского посольства к секунданту Дантеса — виконту д'Аршиаку, чтобы они вдвоем выработали условия поединка.

Новая встреча с Данзасом была назначена Пушкиным в 4 часа дня в кондитерской на Невском. На место дуэли они прибыли в половине пятого, а часа через два смертельно раненного Пушкина привезли домой и положили на диван в кабинете.

Пришли врачи, друзья. Пушкин лежал окруженный книгами. Полки с книгами были высокие, почти до потолка. Кругом книги.

Книги он любил больше всего на свете. Книги редкие, старинные, новые, рукописи, архивные документы. Они были его спутниками, друзьями. Он жил всегда в окруже-

нии книг. Он их собирал, читал, изучал и, наконец, создавал сам. Свои книги, книги Пушкина...

Забота о личной библиотеке являлась одной из первых жизненных забот поэта. Жене он писал: «Книги из Парижа приехали и библиотека растет и теснится». Побывав в имении тещи, он опять пишет жене: «Я нашел в доме старую библиотеку и Наталия Ивановна позволила мне выбрать нужные книги... Таким образом набег мой на Ярополец был совсем не напрасен»¹⁶.

Он тратил порой последние деньги на книги, говоря при этом, что «походит на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов».

И сейчас он лежал среди этих алмазов и умирал. Угасающий взор его был прикован к книгам. Умирал почти двое суток, в полном сознании, в великих муках, с нечеловеческим мужеством.

Совсем незадолго до конца врач спросил его, не желает ли он видеть кого-либо из друзей? Пушкин обратил свой взор к книгам и промолвил: «Прощайте, друзья...»

У постели больного сидел Владимир Даль. Пушкин держал его за руку и шептал в забытии:

— Ну подымай же меня, пойдём, да выше, выше, — ну пойдём!

Очнувшись на мгновение он сказал Далю:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась.

Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать руку Даля, и потянув ее, сказал:

— Ну, пойдём же, пожалуйста, да вместе¹⁷.

Опять сжал Далю руку и умер. Вернее, ушел в бессмертие.

Было 2 часа 45 минут пополудни. У дома Пушкина на Мойке стояла толпа. Поэт умер, окруженный народом и книгами...

Трагедия Пушкина «Борис Годунов» кончается ремаркой: «Народ безмолвствует». Нет ничего на свете более грозного, чем такое безмолвие народа.

* * *

Друг Пушкина Вяземский писал в Париж знакомым в марте 1837 года: «Наши журналы и друзья Пушкина не смеют ничего про него печатать, с ним точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению»¹⁸.

Это «предать забвению» никогда не удавалось ни одному правительству. Не удалось «предать забвению» имя Пугачева (и этому первый помог Пушкин!), не удалось за-

ставить забыть имя Радищева, и невозможно было предать забвению имя Пушкина.

Однако такие попытки все-таки делались. «В литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» появился некролог, написанный В. Ф. Одоевским. В черной рамке было напечатано:

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава! Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина? К этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января, 2 ч. 45 м. пополудни».

На другой же день редактор этого издания А. А. Краевский был вызван к председателю цензурного комитета Дондукову-Корсакову, который сказал редактору о крайнем недовольстве министра Уварова.

«К чему эта публикация о Пушкине? — вопил Дондуков-Корсаков. — Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека нечиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что это за выражения! «Солнце поэзии!» — Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в середине своего *великого поприща!*» — Какое это такое поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить *великое поприще!*»¹⁹.

Андрей Карамзин, сын историка, с негодованием писал из Парижа своей матери:

«Поздравьте от меня петербургское общество, маменька, оно сработало славное дело. Пошлыми сплетнями, низкой завистью к гению и красоте, оно довело драму, им сочиненную к развязке, поздравьте его, оно стоит того... То, что сестра мне пишет о суждениях хорошего общества, высшего круга, гостиной аристократии (чорт знает, как эту сволочь назвать!), меня нимало не удивило: оно выдержало свой характер»²⁰.

Андрей Карамзин напрасно призывал на помощь черта. Он сам нашел название и этому «высшему обществу», и его министрам, и звездоносным чиновникам, и самой «особе его императорского величества». Хорошее, крепкое название, примененное удивительно к месту.

Великолепно знавший тщеславный характер державного «повелителя», Жуковский решил помочь и семье поэта, и сохранению его памяти.

Вместе с жандармами он взялся и за разбор бумаг поэта, и за «причесывание» некоторых его оставшихся неопубликованными произведений. Жуковский имел все основания полагать, что кто-нибудь другой на его месте сделал бы все это хуже, грубее и во всяком случае менее дружелюбно.

И вот, играя на знакомых ему струнках тщеславия Николая I, Жуковский почтительнейше сумел доказать «самодержцу», что сейчас гораздо мудрее показать не суровость, а «милость» к покойному поэту и его семье.

И на свет появился документ, в котором подробно перечисляются все «благodeяния», которыми царь решил осыпать семью покойного. На клочке бумаги он «начертал»:

- «1. Заплатить долги.
2. Заложенное имение отца очистить от долга.
3. Вдове пенсион и дочери [дочерям] по замужество.
4. Сыновей в пажи и по 1 500 р. на воспитание каждого по вступление на службу.
5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей.
6. Единовременно 10 т.»²¹

Общая стоимость всех этих «благodeяний» составляла примерно тысячу шестьдесят (золотом). Для казны это были копейки. Иному сановнику, всю свою жизнь не ударившему палец о палец, при уходе на покой назначали «пенсии», «аренды», а то и просто одаривали деньгами, именьями или крепостными крестьянами. Родственникам царской фамилии, фаворитам и фавориткам великих князей и княгинь сыпали золото без счета.

А здесь, вокруг имени «первого поэта России», за пятьдесят-шестьдесят тысяч целковых, брошенных семье покойного, услужливые «трубадуры» разнесли весть «о великой щедрости», «великодушии» и «милосердии», якобы проявленными государем-императором.

* * *

Выполняя, как тогда говорили, «высочайшую волю», В. А. Жуковский подал царю проект объявления об издании первого посмертного собрания сочинений поэта.

«Представляя всеподданейше по повелению Вашего Императорского Величества проект публикации об издании сочинений Пушкина, осмеливаюсь просить разрешения Ва-

шего на ее напечатание. Само по себе разумеется, что из оставшихся сочинений Пушкина будет сделан выбор строгий. Все, что найдется в его бумагах касательно Истории Петра Великого, будет мною приведено в порядок и представлено на рассмотрение Вашего Императорского Величества. Я желал бы немедленно сделать публикацию дабы иметь более подписчиков. Зимние месяцы для этого самые удобные»²².

К письму был приложен текст объявления, в котором говорилось, что «сие издание будет состоять из 7 томов, в 8-ю долю листа. В первых шести поместятся все сочинения, уже известные публике; в седьмом все неизвестные, найденные в бумагах Пушкина после его смерти».

Далее сообщалось, что «при первом томе будут помещены портрет, биографические известия о Пушкине и снимки с его почерка». Еще далее, объявлялась цена.

«На лучшей веленовой бумаге . . .	40 рублей
с пересылкой	60 рублей
На простой бумаге	25 рублей
с пересылкой	35 рублей»

В конце было сказано, что «надзор за изданием будут иметь В. А. Жуковский, кн. П. А. Вяземский и П. А. Плетнев. Все издание должно кончиться к исходу 1837 года».

На этом объявлении написана собственноручная резолюция царя: «Согласен, но с условием выпустить все, что неприлично из читанного мною в Борисе Годунове и строжайшего разбора еще неизвестных сочинений».

В мае 1837 года министр внутренних дел Д. Н. Блудов разослал всем губернаторам России пышнословное оповещение о том, что опека, учрежденная над малолетними детьми умершего Пушкина, «приступила с соизволения его императорского величества к изданию нового полного собрания всех доселе напечатанных сочинений его».

Далее министр писал, что он вменяет себе «в приятную обязанность покорнейше просить» каждого начальника губернии «принять участие в раздачах билетов на собрание сочинений Пушкина всем любителям литературы, всем ревнителям просвещения»²³.

К циркуляру прилагалось объявление, текст которого Жуковский дал на визу самому царю. Однако в печатных экземплярах этого объявления стояло количество томов уже не семь, как было в рукописи Жуковского, а шесть. Исчез том седьмой, равно как и сообщение о том, что в нем будут напечатаны «все неизвестные, найденные в бумагах

Пушкина после его смерти» сочинения. Вне всякого сомнения, что сокращение это шло от цензуры, решившей быть более осторожной. Стоимость подписки была прежней.

Издание по мере выхода в свет рассылалось подписчикам по два тома, а после рассылки первых двух томов от министра внутренних дел последовало извещение, в котором говорилось, что «хотя продажа билетов ограничена до 1 октября 1837 года, но как остальные томы выйдут только в конце будущего Сентября», то чтоб губернаторы продлили подписку до 1 ноября 1838 года. Самое же главное, при этом указывалось, что «производимое ныне издание сочинений Пушкина, вместо обещанных шести томов, будет состоять из восьми томов, которые раздадутся подписчикам без всякого увеличения подписной платы». Таким образом была устранена какая-то явная заминка с указанием точного количества томов издания²⁴.

В декабре 1838 года опека извещала о том же количестве томов и при этом разъясняла, что биографические «известия не могли быть изданы ныне опекою, по несобранию полных сведений о литературном поприще А. С. Пушкина, тем более, что опека приступает вслед за сим к изданию найденных по смерти А. С. Пушкина ненапечатанных сочинений его»²⁵...

Речь идет о трех дополнительных (к основным восьми) томах, вышедших в 1841 году. О них будет рассказано ниже. Сейчас закончим рассказ об основных восьми томах. Имеются сведения, что тираж их был 10 000 экземпляров. По крайней мере Жуковский еще в апреле 1837 года сообщал отцу Пушкина: «На напечатание сочинений он (царь) пожаловал 50 000. Мы хотим напечатать 10 000 экземпляров и уже объявили о подписке на них. Цена 25 рублей весьма умеренная...»²⁶

В делах опеки сохранилась и смета, составленная управляющим типографией Экспедиции заготовления государственных бумаг Я. Я. Рейхелом на 10 000 экземпляров, из которых одна тысяча на веленовой бумаге. Смета, правда, не на 8 томов, а на семь, и общая сумма расходов показана 51 299 рублей.

По отчету опеки видно, что сумма, полученная по подписке на все 8 томов собрания сочинений, составляла на 1 января 1841 года 262 075 рублей ассигнациями и 532 рубля серебром. Сумма эта, деленная на 10 000 экземпляров, тоже как будто подтверждает десяти тысячный тираж издания.

Но, очевидно, в этой общей сумме играла значительную роль тысяча веленовых экземпляров (разошедшихся в пер-

вую очередь), цена которых была не 25, а 40 рублей. Поэтому заслуживают доверия сведения, что указанная сумма получена опекой всего лишь за 7 000 экземпляров. Эти же сведения говорят, что и общий тираж был не 10 тысяч, а 13 тысяч экземпляров²⁷.

Некоторое подтверждение этому можно найти в письме А. А. Краевского, который экстренно сообщал В. Ф. Одоевскому в январе 1840 года:

«Отыщите где-нибудь и как-нибудь Жуковского или Велиогорского нынче-же (ибо дорога минута) и объявите им, что некто богатый и образованный человек Киреев, из благоговения к памяти Пушкина, решается пожертвовать большею частию своего капитала на покупку и самое роскошное и исправное издание всех его сочинений, на лучшей бумаге, со всем типографским изяществом, даст может быть более чем сколько дают купцы, просит прислать ему (через меня) требования опеки, а с своей стороны предлагает одно условие — позволить ему сделать издание полное, то есть перепечатать под одну масть и напечатанные уже 8 томов Пушкина. Само-собою разумеется, что он заплатит деньги и за оставшиеся 5 000 экземпляров прежнего издания, хотя с ущербом для себя и не пустит их в продажу, а просто оставит у себя или подарит их опеке с условием истребить их, ибо это издание он не считает достойным Пушкина»²⁸.

Предложение это успеха у опеки не имело. Письмо же Краевского для нас интересно еще и тем, что констатирует наличие на январь 1840 года пяти тысяч нераспроданных экземпляров первого восьмитомного издания сочинений поэта.

Сопоставляя все известные нам цифры, надо согласиться, что тираж издания был именно тринадцать тысяч экземпляров.

Продать право изданий трех дополнительных томов собрания сочинений Пушкина опека предпочла «купцам» — Илье Глазунову и Матвею Заикину, которые и напечатали их в собственной типографии Глазунова в количестве 5 000 экземпляров.

По этому поводу Плетнев писал Гроту: «...явились Заикин и Глазунов, купившие издание 9, 10 и 11 томов сочинений А. Пушкина. Просят, чтобы я не отказался быть опекуном печатания. Как я ни отбивался, а должен был согласиться, хоть мельком взглядывать на их работу»²⁹.

Цена была назначена за три тома на веленовой бумаге 30, на простой — 25 рублей ассигнациями. Так как подписка

на них уже не поддерживалась правительством, а цена была непомерно высока, то издатели потерпели убыток.

Вообще же все одиннадцать томов были изданием, не соответствующим памяти Пушкина. Надо полностью согласиться с Н. Полевым, который тогда же писал: «...почтенные издатели не вполне оправдали ожидание соотечественников. Не говоря уже о том, что безмерно дорогою ценою лишили они многих возможности иметь полные сочинения Пушкина, ни о том, что они томили нас, издавая пять лет, но и самое издание не соответствует участию и благоговению, какие храним мы к памяти поэта. Начать с того, что издание книги некрасиво и небрежно напечатано, даже с ошибками и непростительными опечатками. Далее: для чего было издавать сначала восемь, а потом еще три тома? От этого пьесы перемешались, проза и стихи перепутались, не представляя никакой системы в своем расположении... Почтенные издатели не приложили даже никакого предисловия, никаких пояснений, они лишили нас даже некоторых, напечатанных прежде заметок и примечаний Пушкина...»³⁰.

И многие другие рецензенты отзывались примерно так же. Действительно, редакционная часть издания оставляла желать много лучшего. Что касается опечаток, то их было более чем достаточно. Одна из них стала анекдотичной: в четвертом томе, в колоннитуле, слово «предисловие» было исковеркано. В части тиража эту опечатку исправили.

Белинский, резко отозвавшись о первых восьми томах, писал, что «последние три тома сделаны компаниею издателей-книгопродавцев, которые, что могли сделать, как издатели, сделали хорошо, т. е. издали эти три тома красиво и опрятно»³¹.

В какой-то мере этот отзыв был продиктован желанием защитить издателей трех томов от нападок Булгарина, не нашедшего ничего лучшего, как, прочитав в объявлении Глазунова и Заикина об издаваемых ими трех дополнительных томах слова о том, что «имя поэта принадлежит к числу тех немногих имен, которые всякий русский произносит с гордостью и чувством глубокой благодарности», тут же напечатать в своей «Северной пчеле», что подобное мнение страдает преувеличением и говорить так можно лишь о людях, «которые способствовали трудами своими и усердною службой к преуспеянию великих предначертаний мудрых царей русских»³².

Меры холуйству Булгарина не было!

Издание в целом не принесло опеке тех выгод, на которые она рассчитывала. Побочная дочь графа Строганова, Идалия Полетика, ненавидевшая Пушкина, со злорадством писала: «Прекрасное рвение к распространению произведений покойного ужасно замедлилось; вместо того, чтобы принести пятьсот тысяч рублей, они не принесут и двухсот тысяч»³³.

В 1845 году в газетах было напечатано: «Продаются по весьма уменьшенной цене сочинения Александра Пушкина. Одиннадцать томов в большую восьмую долю листа в С.-Петербурге 1838—1841 гг., вместо прежних 65 рублей ассигнациями за 11 томов на веленовой бумаге они продаются теперь 10 рублей серебром, а вместо 50 рублей ассигнациями за экземпляр на простой бумаге — 8 рублей серебром. Весовых прилагается 15 фунтов. Отдельно 3 части 9, 10 и 11 — на веленовой бумаге, продававшиеся за 30 рублей, ныне продаются за 5 рублей, на простой, вместо 25 рублей ассигнациями, за 4 рубля серебром, весовых 5 фунтов»³⁴.

В это время каждые 10 рублей ассигнациями стоили 2 рубля 85 копеек серебром. Нетрудно высчитать, что цена на издание была снижена почти вдвое. Впрочем, подобное снижение в те годы коснулось всего книжного товара.

Лет через десять положение это изменилось, и когда П. В. Анненков договорился с вдовой Пушкина (по второму мужу Ланской) о новом издании сочинений поэта, брат его писал ему: «В Петербурге и 50 экземпляров нет старого издания, в Москве ни одного. Теперь он стоит 25 рублей серебром. Желающих иметь Пушкина много»³⁵.

Достоевский в 1846 году в «Бедных людях» упоминает о дороговизне этого же собрания сочинений Пушкина.

«Тотчас я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать что стоит весь Пушкин. Беда! Цена всех одиннадцати книг, присовокупив сюда издержки на переплет, была по крайней мере рублей шестьдесят. Где взять денег?... Я знала, что у букинистов в Гостином Дворе можно купить книгу иногда в полцены дешевле, если только поторговаться, часто мало подержанную и почти совершенно новую. Я положила непременно отправиться в Гостиный Двор... К моему счастью, я нашла весьма скоро Пушкина и в весьма красивом переплете. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чем в лавках; но потом, впрочем не без труда, уходя несколько раз, я довела купца до того, что он сбавил цену и ограничил свои требования только десятью рублями серебром».

Вышедшее в 1855 году новое шеститомное (седьмой том, дополнительный, в 1857 году) издание П. В. Анненкова явилось для своего времени первым научным изданием сочинений Пушкина, обнародовавшим много новых, ненапечатанных ранее его произведений, и давшим, кроме того, впервые материалы для биографии поэта.

Расценено оно было в 25 рублей (без седьмого дополнительного тома) и имело для своего времени весьма значительный успех. Это издание и следовавшие за ним другие вовсе уничтожили спрос на первое посмертное издание 1838—1841 гг., сохранив за ним лишь антикварное, любительское значение.

На антикварном рынке оно уже не было ни очень редким, ни ценным (в 1915 году Д. В. Ульянинский в описании своей библиотеки оценил его в 15 рублей). Выше ценились разве только «особые» экземпляры на веленовой бумаге, или экземпляры в печатных обложках. Такие встречались чрезвычайно редко.

* * *

Высокая цена изданий как Анненкова, так и других, следующих, стояла непреодолимой стеной между сочинениями Пушкина и народом. Издатели не могли назначать цены дешевле, так как действовал закон авторского права, по которому наследникам надо было платить значительные суммы. Срок права наследования определялся (по цензурному уставу 1828 года) в двадцать пять лет со дня смерти автора. В законе существовало, кроме того, дополнение, гласившее, что если за пять лет до истечения срока наследники сделают новое издание, то право их продолжается еще на десять лет.

Все эти сроки показались Наталье Николаевне Пушкиной-Ланской недостаточными. В ноябре 1856 года она писала министру народного просвещения А. С. Норову:

«В будущем 1862 году кончается срок у детей моих Пушкиных на право пользования сочинениями покойного мужа моего, а их отца Александра Сергеевича Пушкина. Из заботливости о участии двух сыновей его и незамужней дочери, я не могу равнодушно видеть приближение срока, зная, что сочинения Пушкина еще далеко не у всех русских читателей в руках, и что, с увеличением последних, постоянные люди воспользуются огромными выгодами от предстоящих еще народных его изданий, и труды поэта будут таким образом потеряны для его потомства, обогатив более или менеемышленных спекуляторов»³⁶.

Наталья Николаевна просила в этом письме закрепить за ней и за двумя сыновьями поэта пожизненное право пользоваться доходами с изданий. Одному сыну Пушкина в это время было 23 года, другому 21 — оба были офицерами. Дочь Мария тоже не была малолетней и тоже могла считаться достаточно обеспеченной.

Министр Норов не согласился закрепить за семьей пожизненное право на издание, но частично пошел навстречу просьбе Натальи Николаевны. Он провел через законодательные органы постановление об увеличении срока наследования вдвое, т. е. до 50 лет со дня смерти Пушкина.

С чувством горечи и досады читаешь об этих семейных, коммерческих заботах. Ходатайство вдовы поэта о продлении срока права наследования задержало встречу Пушкина с широким кругом читателей еще на 25 лет.

Продленный пятидесятилетний срок кончился 29 января 1887 года. К этому дню уже было напечатано несколько дешевых изданий сочинений Пушкина. Лучшие из них — Павленкова в 8 томиках и Суворина в 10. Оба по цене полтора рубля за все собрание.

Вот что писали о дне 29 января 1887 года в газетах:

«Такого дня не было никогда. Книжный магазин подвергся решительной осаде. Несмотря на то, что приняты были меры, усилен состав приказчиков, экземпляры запакованы были заранее, толпа сказала в этом случае как хорошими своими, так и дурными сторонами. Еще до открытия магазина стояла толпа, с минуты на минуту она увеличивалась. Магазин был битком набит, была давка и смятение. Приказчики и артельщики сбились с ног; некоторые из публики влезали на столы, забирались за прилавки, сами хватали сдачу. К 11 часам магазин представлял картину разрушения — в углах за прилавками, были беспорядочно нагромождены груды разорванных, запачканных, истоптанных ногами различных книг, которых не успели во время убрать с прилавка, разломана мебель и повержена на пол, конторка с кассой опрокинута, конторские книги измяты и растоптаны... С помощью полиции магазин был закрыт и публику стали пускать частями, в очередь. Покупатели входили уже с заранее сжатыми в кулаке деньгами. Их прямо совали в карманы артельщикам, брали что нужно и уходили, пробираясь через толпу... В двенадцатом часу дня, все 600 экземпляров, приготовленные на этот день были проданы... «Сочинения Пушкина» в издании Суворина печатались в количестве 15 000 экземпляров... В Петербурге и других местах в один день продано одного только изда-

В. Г. Белинский. Акварель К. Ф. Горбунова (1836 г.).

ния до 10 000 экземпляров. Такого факта не было еще никогда с самого начала русской книжной торговли»³⁷.

Один журналист писал, что «открытие памятников Пушкину в Москве, Петербурге и Одессе, со всеми речами, произносившимися по этому случаю и корреспонденциями, оповестившими об этих событиях всю Россию,— все это не способствовало столько прославлению великого поэта и распространению в обществе его художественных творений, как один день 29-го января 1887 года, когда публика ломилась в книжные магазины, имея возможность за полтора рубля приобрести все сочинения Пушкина»³⁸.

Однако при царизме великое наследие Пушкина по-настоящему не стало (и не могло стать) подлинным достоянием народа.

Это произошло только через восемьдесят лет после смерти поэта — в октябре 1917 года.

* * *

В этой книге я старался точно указывать тиражи прижизненных и первых дореволюционных изданий Пушкина. Возможно, что кое-кому цифры эти могут показаться излишними. Для меня же, старого книжника, цифры эти — поющие цифры!

Скромные тиражи сочинений Пушкина 1 200 экземпляров, 2 400 или «два завода», наконец, 5 000 и даже 15 000 — цифра, о которой «в доброе старое время», как о небывалой, кричали газеты, тиражи эти после Октября 1917 года стремительно возрастали, приближаясь к миллионным.

За годы Советской власти книги Пушкина были напечатаны в количестве двух миллионов сорока трех тысяч названий, общим тиражом около девяноста шести миллионов экземпляров на 84 языках народов, населяющих Страну Советов³⁹.

Вспоминаются строчки:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Пушкин был прозорлив. Многое видел он «сквозь магический кристалл» поэта.

К указанным здесь цифрам надо прибавить количество «книговыдач» многих и многих наших библиотек, число постановок произведений Пушкина на сцене, исполнения их с эстрады, по радио и телевидению.

Удивительно верно писал Константин Федин:

«После пролетарской революции, рожденный ею и выросший до десятков миллионов, советский читатель свободно наслаждается гением Пушкина. С каждым годом все больше новых, молодых и старых рук тянется из всех концов великого Союза народов за книгой с этим прекрасным, по слову Александра Блока — веселым именем.

Мы горды тем,— продолжает Константин Федин,— что Пушкин принадлежит народу. Эти слова теперь наполнены правдой, потому что революция явилась живой водой для народа и вместе с грамотой дала ему все сокровища истории. Глядя в свое прошлое, без всяких повязок на глазах, счастливые, что в нем возвышается такая вершина, как Пушкин, мы видим также всех виновников его трагического конца»⁴⁰.

Враги Пушкина — это исконные враги народа.

И не только о себе, а о многих и многих советских людях писал в первые годы революции поэт Эдуард Багрицкий:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос,
И сердце колотилось безотчетно,
В глазах светлело, ветер налетал,
И в плеске пуль, сквозь голос пулеметный,
Я вдохновенно Пушкина читал.

И писал он еще:

Мне прохожему доньше любви:
Студеных волн ямбический поход,
И негритянские большие губы
И скулы, выдвинутые вперед...

Я не снесу трагического груза.
Чернила высохли и рифмы нет,
Поддай же мне, классическая муза,
Уроненный когда-то пистолет...

И как бы в противовес всему этому можно привести глупые слова поэта-эмигранта Владислава Ходасевича, некогда вещавшего из эмигрантского болота: «Исторический разрыв с предыдущей пушкинской эпохой навсегда отодвинет Пушкина в глубину истории. Та близость к Пушкину, в которой выросли мы, уже не повторится никогда»⁴¹.

Русские эмигранты, как в свое время французские, тоже ничего не поняли и ничему не научились. Им невдомек, что

только тогда, когда народ становится хозяином своей страны, своей жизни, своего счастья, он может по-настоящему и любить, и ценить поэзию.

О таком дне мечтал всю свою короткую жизнь великий Пушкин. После его убийства Алексей Кольцов, поэт из народа, написал:

«Прострелено солнце!»

Сегодня это простреленное, но вечно живое солнце светит всему народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сведения об этом в книге: Рахилло, И. Московские встречи. М., 1961, стр. 109.
2. «Новый хирургический архив», 1937, т. 34, кн. 1, стр. 19-20. Статья А. М. Заблудовского.
3. Из письма П. А. Вяземского вел. кн. Михаилу Павловичу. — Пушкин и его современники, вып. 25-27, стр. 139—154 (франц.).
4. Суворин, А. С. Дневник. Пг., 1923, стр. 205.
5. Там же. Виктор Павлович Гаевский — передовой общественный деятель. Сын цензора П. И. Гаевского.
6. Подробно об этих словах Пушкина и ответе Жуковского см.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. 25-27, стр. 17 и далее.
7. Там же, стр. 6.
8. Пушкин в письмах Карамзиных. М.-Л., 1960, стр. 171.
9. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 6, 1908, стр. 71.
10. Никитенко, А. В. Дневник. Запись от 12 февраля 1837 г.
11. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 6, 1908, стр. 110.
12. Там же. вып. 25-27, стр. 338. Дополнено по письму его к Нефедьевой. Там же, вып. 6, стр. 73.
13. «Остафьевский архив», т. 4, стр. 1.
14. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 16. Л., 1949, стр. 226.
15. О Пушкине и Цветаеве — см. «Лит. наследство», т. 58, стр. 138.
16. Первая цитата: Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 153, вторая — там же, стр. 74.
17. Пушкин и его современники, вып. 25-27, стр. 68-69. Из записок В. Даля.
18. Цитируется по книге: Гроссман, Л. Пушкин. М., 1960, стр. 504.
19. «Русская старина», 1880, т. 28, стр. 536.
20. Гроссман, Л. Пушкин. М., 1960, стр. 504-505.
21. Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. 25-27, стр. 88.
22. Там же, стр. 89.
23. «Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 82.
24. «Русский архив», 1893, № 9, стр. 124.
25. «Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 83.
26. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. II, вып. 8, 1908, стр. 70.
27. Пушкин в письмах Карамзиных. М.-Л., 1960, стр. 393.
28. «Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 86.
29. Переписка Грота с Плетневым. Т. 1. Спб., 1896, стр. 99.

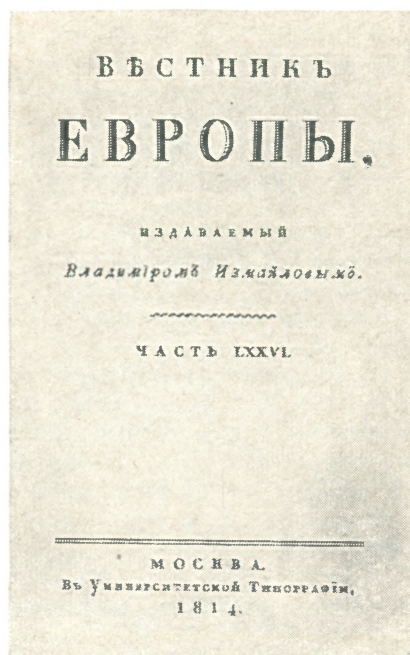
30. «Русский вестник», 1842, т. 5, стр. 39.
31. «Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 85.
32. Там же.
33. Звенья. Сб. материалов. Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. Изд. АН СССР. Т. 9. М.-Л., 1951, стр. 180.
34. Гессен, С. Книгоиздатель А. Пушкин, Л., 1930, стр. 146.
35. Модзалевский, Б. Л. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929, стр. 388.
36. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. III, вып. 11, 1909, стр. 55.
37. Русская книга. Т. 2, Гиз, 1923, стр. 474.
38. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. III, вып. 11, 1909, стр. 63.
39. По данным Всесоюзной книжной палаты.
40. Федин, К. Писатель, искусство, время. М., 1957, стр. 9-10.
41. «Литературный современник», 1937, № 1, стр. 7.

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ,
АЛЬМАНАХИ, СБОРНИКИ,
ХРЕСТОМАТИИ И ПЕСЕННИКИ,
В КОТОРЫХ НАПЕЧАТАНЫ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУШКИНА
ПРИ ЕГО ЖИЗНИ

Расположены в хронологическом
порядке по году первого появления
в изданиях произведения поэта. Если
издания продолжались, или выходили
повторно, описания их даются подряд.
Ссылки на источники помещены
в тексте описаний в скобках.

45. ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ. Литературный журнал, издаваемый в Москве. 1802—1830. (Выходил дважды в месяц. Всего вышло 696 номеров, или 174 части).

 О СЛОВАМ А. Н. Неустроева, инициатива издания журнала принадлежала одному из арендаторов Московской университетской типографии книгопродавцу Ивану Васильевичу Попову, который «упросил Карамзина, жившего в то время в Москве, составить программу совершенно нового, по европейскому образцу журнала и принять на себя редакцию его» (А. Н. Неустроев. Историческое розыскание о русских повременных изданиях. Спб., 1874, стр. 855).

Н. М. Карамзин редактировал журнал два года (1802—1803) и привлек к нему внимание общественности как своим именем, так и интересным содержанием журнала. Количество подписчиков достигло 1200 — числа весьма зна-

чительного для того времени. Сотрудничали в журнале Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев, В. А. Пушкин и другие.

В 1804 году вместо Карамзина редактором журнала становится вернувшийся из ссылки поэт Панкратий Сумароков, последователь Карамзина, фактический редактор первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (Тобольск, 1789—1791).

В 1805—1807 гг. «Вестник Европы» попадает в руки профессора М. Т. Каченовского, с именем которого связана не только почти вся остальная жизнь этого журнала, но и постепенное превращение его в реакционный «охранительный» орган.

В 1808—1809 году первую роль в журнале еще удавалось играть В. А. Жуковскому (наиболее замечательный в литературном отношении период существования журнала), но уже в 1809—1810 гг. «бразды правления» в нем забирает М. Т. Каченовский, который с 1811 года остается единоличным хозяином на все последующие годы существования «Вестника Европы».

Лишь в 1814 году, во время длительной болезни Каченовского, редактирование журнала переходит в руки одного из сотрудников — Владимира Васильевича Измайлова. Дебют Пушкина в «Вестнике Европы» в 1814 году обессмертил этот журнал.

Ярый поклонник и подражатель Карамзина, В. В. Измайлов привлек к участию в журнале не только Пушкина, но и целую плеяду молодежи: А. А. Дельвига, А. Д. Илличевского, А. С. Грибоедова, выступившего со статьями по военным вопросам, и других. Вся эта молодежь после ухода В. В. Измайлова из «Вестника Европы» перешла в организованный им новый литературный журнал «Российский музей».

Дальнейшее существование «Вестника Европы», по сути дела, малоинтересно. Как уже сказано выше, журнал все более и более тяготел к консервативному лагерю, и сам М. Т. Каченовский занял враждебную позицию по отношению к передовым литературным группировкам. В 1820 году Каченовский резко выступил против первой книги Пушкина «Руслан и Людмила»: «...позвольте спросить, — писал об этой поэме Каченовский, — если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородой, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом — Здорово ребята! — неужели стали бы таким проказником любоваться?»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ другу стихотворцу.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Пар-
насса!

Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И състрогой критикой вступиашь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо,
Забудь ручьи, дѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слѣбѣшь съ горы, скорѣе внизъ
ступай!

Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечаталъ — и цѣлой свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалась
И съ слупой музою навѣкъ соединись,
Подъ сѣнью мирною Минервиной аиды (*)
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ поэтамъ справедлива

дань;
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Спрашися безславя! — Что, естъли Аполлоу
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,

(*) Т. е. въ школѣ.

Сколько здесь пренебрежения к молодому поэту, обратившемуся в первом же своем крупном произведении к народному эпосу.

Пушкин не остался в долгу и заклеил Каченовского рядом эпиграмм. Вот одна из них:

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

Или:

Как! жив еще Курилка журналист?
Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой непотребный лист
И старый вздор, и вздорную новинку.
Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

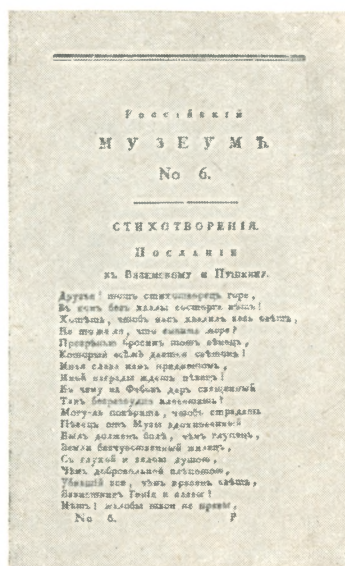
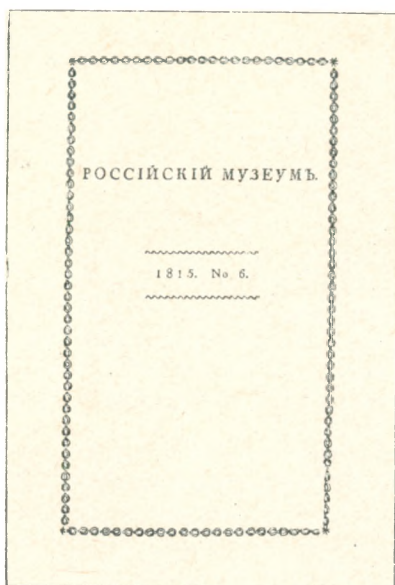
Из стихотворений Пушкина в «Вестнике Европы» напечатаны: в № 13 за 1814 год — «К другу стихотворцу» (подпись: Александр Н. к. ш. п.), в № 14 — «Кольна» («Источник быстрой Каломоны...») (подпись: Александр Н. к. ш. п.), в № 18 — «Вот зеркало мое — прими его Киприда!..» (подпись: — П.—), в № 19 — «Опытность» («Кто с минуту переможет...») (подпись: 1...14—16), в № 20 «Блаженство» («В роще сумрачной, тенистой...») (подпись та же).

Любопытно, что в № 8 журнала «Вестник Европы» за 1814 год на странице 324 было напечатано следующее извещение:

«Просим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом: не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло право издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики».

Для первого выступления Пушкина в печати — извещение это весьма характерно.

Все перечисленные здесь произведения Пушкина напечатаны в этом журнале впервые.

Лицевая сторона обложки и страница журнала
«Российский Музеум».

46. РОССИЙСКИЙ МУЗЕУМ

РОССИЙСКИЙ МУЗЕУМ, или журнал европейских новостей, издаваемый В. Измайловым. Москва. 1815. (Вышло 12 номеров, или 4 части).

ИЗДАВАЛ журнал Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830), знакомый нам по журналу «Вестник Европы», в котором Измайлов в 1814 году впервые напечатал стихи А. С. Пушкина. Ранее этого, в 1804 году, он издавал журнал «Патриот», а позже — альманах «Литературный музеум» (1827). Как писатель В. В. Измайлов не блистал дарованием и скромно подражал Карамзину. Его повести, в частности «Невидимка, или Таинственная женщина», выдержаны в сентиментальном духе. В журналах своих В. В. Измайлов уделял внимание философским вопросам, а также литературной критике. Как редактор и журналист В. В. Измайлов всячески старался обойти острые вопросы, пропагандируя политику «мирного процветания» в быту, литературе и критике.

Сумев привлечь талантливую молодежь в 1814 году к участию в журнале «Вестник Европы», он на следующий год увлек ее в свой собственный журнал «Российский музей», не дав, впрочем, ей возможности сыграть сколько-нибудь заметной роли в направлении журнала.

Кроме Пушкина в журнале печатались: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, Н. Д. Иванчин-Писарев, В. Л. Пушкин и другие. Критический отдел вел сам В. В. Измайлов.

Пушкин относился к В. В. Измайлову с уважением. В «Российском музее» он напечатал 16 стихотворений. Участвовал он также и в альманахе Измайлова «Литературный музей», а в год смерти издателя (1830) способствовал появлению в «Литературной газете» Дельвига обширного и задушевного некролога.

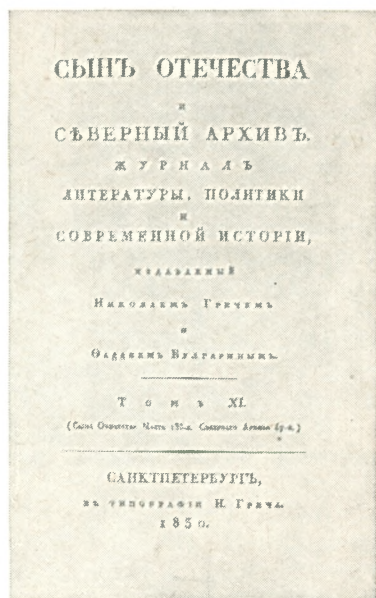
Из стихотворений Пушкина в «Литературном музее» напечатаны: «К Б[атюшк]ову» («Философ резвый и пиит...»), «Эпиграммы»: (1. «Арист нам обещал трагедию такую...» 2. «Супругою твоей я так пленился...»), «К Н. Г. Л[омонос]—ову» («И ты, любезный друг оставил...»), «Козак» («Раз полунощной порою...»), «Воспоминания в Царском селе» («Навис покров угрюмой ноши...»), «К Лицинию» («Лициний! Зришь ли ты? На быстрой колеснице...»), «Старик» («Уж я не тот философ страстный...»), «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»), «Вода и вино» («Люблю я в полдень воспаленной...»), «Эпиграмма» («Бывало прежних лет герой...»), «Городок» («Прости мне, милой друг...»), «К П... [ущи]ну» («Любезный имянинник...»), «К Г...[али]чу» («Пускай угрюмый рифмотор...»), «Мечтатель» («По небу крадется луна...»), «Послание к Г...чу» («Где ты, ленивец мой...»), «Моя эпитафия» («Здесь П—н погребен, он с музой молодою...»), «Измены» («Все миновалось...»). Под стихотворением «Воспоминания в Царском селе» впервые появилась подпись: Александр Пушкин.

Все перечисленные здесь произведения напечатаны впервые.

47. СЫН ОТЕЧЕСТВА

СЫН ОТЕЧЕСТВА. Исторический и политический журнал. Спб. 1812—1844.

Выходил и позднее, сначала еженедельно, потом два раза в месяц и ежемесячно. С 1829 года стал называться «Сын отечества и северный архив».

Титульные листы.

ОЗНИК журнал в годы Отечественной войны по инициативе С. С. Уварова, И. О. Тимковского и А. Н. Оленина. Выходил в первые годы под редакцией Н. И. Греча, сохранявшего единоличное руководство журналом до 1824 года. Лишь в 1821 году, вследствие отъезда Греча за границу, журнал редактировал А. Ф. Воейков, один из ближайших сотрудников журнала.

После восстания декабристов, в конце 1825 года, соредактором «Сына отечества» становится Фаддей Булгарин. «Сын отечества» соединяется с журналом Булгарина «Северный архив» и носит объединенное название «Сын отечества и Северный архив».

Таким он существовал несколько лет, после чего разъединялся, соединялся вновь, переходил в руки А. Ф. Смирдина. Редакторами его побывали О. И. Сенковский, Н. Полевой, но все это — уже позднейшая история журнала, не имеющая отношения к нашей работе.

Первые два года своего существования (1812—1813) журнал являлся органом, целиком посвященным событиям войны с Наполеоном. В нем были напечатаны басни

И. А. Крылова «Волк на псарне», «Ворона и курица» и ряд статей о героизме русского народа.

С 1814 года «Сын отечества» становится «историческим, политическим и литературным журналом». Идеейные позиции умеренного крыла будущих декабристов определяют его направление.

В 1817 году «Сын отечества» делается одним из органов «Вольного общества любителей российской словесности», тесно связанным с будущими декабристами. Один список сотрудников журнала, в числе которых В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев, Н. И. Гнедич, В. К. Кюхельбекер, А. О. Корнилович, Ф. Н. Глинка, А. П. Куницын, О. М. Сомов и многие другие, сам по себе говорит о прогрессивном направлении «Сына отечества» в этот период.

Журнал вел полемику с «Вестником Европы» по поводу появившегося там отрицательного отзыва о «Руслане и Людмиле», активно защищая Пушкина.

А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, П. А. Вяземский, да и сам Н. И. Греч, тогда еще умеренный либерал, — все они стремились сделать «Сына отечества» передовым журналом.

Позиция его резко изменилась после событий 14 декабря 1825 года. Перепуганный Н. И. Греч поспешил объединиться с Фаддеем Булгариным, и «Сын отечества» с этого времени не только теряет почти всех своих прежних сотрудников, но и становится пособником пресловутой «Северной пчелы».

Как все ренегаты, Греч и Булгарин, открещиваясь от бывшего либерализма, спешили проявить себя «большими роялистами, чем сам король». Эта черта была самой мерзкой во всей их последующей журнально-газетной деятельности.

Таким образом, «Сын отечества» до декабрьских событий — передовой и прогрессивный орган, а после — один из мракобеснейших журналов «охранительного» направления.

Из произведений Пушкина в «Сыне отечества» были напечатаны: в 1815 г. — «Наполеон на Эльбе» («Вечерняя заря в пучине догорала...»); в 1818 г. — «К мечтателю» («Ты в страсти горестной находишь наслаждение...»); в 1820 г. — «Отрывок из третьей песни поэмы «Людмила и Руслан» (от слов «Уж утро холодное сияло», кончая — «А как наеду — не спущу»), «Отрывок из третьей песни поэмы «Людмила и Руслан» (от слов «Тогда, от ярости немея», кончая —

О. И. Сенковский.

«Твою пощечину забуду»), «Прибавления к поэме «Руслан и Людмила» (от слов «Не только свет луны двурогой», кончая — «Беда! Возстали печенеги»), то же (от слов «И пал без чувств он на колени», кончая — «Руслан летит к Людмиле спящей»), «Эпilog» («Так мира житель равнодушный»), «Элегия» («Погасло дневное светило...»); в 1821 г. — «Письмо к В. Л. Пушкину» («Тебе, о Нестор Арзамаса...»),

«Черная шаль», «Муза» («В младенчестве моем она меня любил...»), «К Ч—[аадае]ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), «К Ж***[уковскому]. По прочтении изданных им книжек: Для немногих» («Когда младым воображеньем...»); в 1824 г. — «Письмо к издателю С. О.» («В течение последних четырех лет...»).

В журнале «Сын отечества и северный архив»: в 1830 г. — «Эпиграмма» («Не то беда, что ты поляк...»). Напечатана Булгариным нарочно, с иронической припиской:

«Желая угодить нашим противникам и читателям... печатаем...»

Все перечисленные произведения напечатаны здесь впервые.

48. СОБРАНИЕ ОБРАЗЦОВЫХ РУССКИХ СОЧИНЕНИЙ

СОБРАНИЕ ОБРАЗЦОВЫХ русских сочинений и переводов в стихах и прозе. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Спб., 1815—1817. — Части первая-шестая — стихи, и части первая-шестая — проза. Всего 12 частей.

ТО ЖЕ. Издание второе, исправленное, умноженное и содержащее историю словесности древних и новых народов, правила словесности вообще и каждого рода красноречия и поэзии в особенности. Спб., 1821—1824. — Количество частей то же.

 ЕРИЮ этих «Собраний» начал В. А. Жуковский, издавший в 1810—1811 годах пять частей «Собрания русских стихотворений». К ним прилагалась часть шестая, изданная в 1815 году уже не Жуковским, а Д. А. Кавелиным.

Следом за этим появилось описываемое здесь издание (1815—1817 гг.), которое осуществили В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, А. И. Тургенев и М. Д. Костогоров за счет Общества любителей отечественной словесности.

Издателем второго тиснения этих двенадцати томов, значительно улучшенного и более полного, принято считать одного А. Ф. Воейкова, напечатавшего его в типографии Ивана Глазунова в 1821—1824 гг.

Однако в «Кратком очерке столетней деятельности типографии Глазуновых», составленном Н. М. Лисовским (Спб., 1903, стр. 41—42), можно прочитать следующее:

«...это издание Глазунова, причем год заключения условия — 1823 — указывает, что право приобретено Глазуновым уже во время печатания, т. е. Глазунов явился продолжателем издания, начатого Обществом любителей отечественной словесности. Что касается А. Ф. Воейкова, который так же показан в качестве издателя, то он, вместе с В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, М. Д. Костогоровым и др. входил в состав кружка, работавшего над подбором для издания статей и отрывков из лучших русских писателей.

Воейков считался, вероятно, в кружке товарищей главным редактором общей работы, почему и обозначено, что он ее издал (слово «редактор» было тогда еще внове)».

К этому второму изданию было выпущено два дополнения — 1816—1821 и 1821—1826 гг. Эти дополнения далее описаны отдельно.

В. Г. Белинский так отзывался об этих сборниках: «...тогдашнее время было очень невзыскательно и неразборчиво. Оно издало двенадцать томов «Образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе»... Большая часть этих «образцовых» сочинений весьма легко могли бы почесться образчиками бездарности и безвкусыя» (Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. Т. 11. Пг., 1917, стр. 349).

Но надо признать, что для своего времени издателями была проделана большая и небесполезная работа. Эта своеобразная художественная хрестоматия дает известное представление о состоянии литературы тех лет.

Из произведений Пушкина здесь напечатаны:

В четвертой части первого издания (1816 г.): «К Лицинию» («Лициний! Зришь ли ты?...»).

В пятой части первого издания (1816): «Наполеон на Эльбе» («Вечерняя заря в пучине догорала...»).

В шестой части первого издания (1817): «Воспоминания в Царском селе» («Навис покров угрюмой ночи...»).

В четвертой части второго издания (1822): «К Лицинию» («Лициний! Зришь ли ты?...»).

В пятой части второго издания (1822): «Наполеон на Эльбе».

В шестой части второго издания (1822): «Воспоминания в Царском селе», «Мечта воина» («Война!.. Разбиты накопец...»)

Все помещенные здесь произведения перепечатаны из других изданий.

49. НОВОЕ СОБРАНИЕ ОБРАЗЦОВЫХ РУССКИХ СОЧИНЕНИЙ

НОВОЕ СОБРАНИЕ ОБРАЗЦОВЫХ русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Части первая — вторая. Спб. В тип. Н. Греча и в тип. Главн. Штаба. 1821—1822.

ЫШЛО всего четыре части. Две части — стихи и две — проза. Издал А. Ф. Воейков. Он же издал «Собрание новых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, вышедших в свет с 1821 по 1826 год» (см. далее). Все они вместе представляют собой дополнение к «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе» (12 частей: 6 — стихи, 6 — проза), изданных в 1815—1817 гг.

В 1821 году это издание вышло вторично.

В описываемом издании напечатаны следующие стихотворения Пушкина: во второй части: «Элегия» («Погасло дневное светило...»), «Отрывок из поэмы «Руслан и Людмила» (от слов «На склоне темных берегов», кончая — «Невольной грустью оживляет...»), «Черная шаль» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»), «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»). Все эти произведения перепечатаны из других изданий.

50. СОБРАНИЕ НОВЫХ РУССКИХ СОЧИНЕНИЙ

СОБРАНИЕ НОВЫХ РУССКИХ СОЧИНЕНИЙ и переводов в стихах и прозе, вышедших в свет с 1821 по 1826 год. Издал А. Воейков. Спб. Тип. Рос. Академии Наук. 1824—1826. Четыре части: две — стихи, две — проза.

АСТОЯЩЕЕ издание является продолжением предыдущего. В «Собрании новых русских сочинений» помещены следующие произведения Пушкина.

В первой части: «Отрывки из «Кавказского пленника» (1. «Первое свидание черкешенки с пленником». 2. «Посещение черкешенки». 3. «Описание Кавказа». 4. «Описание образа жизни горцев». 5. «Признание черкешенки»), «Греchanке» («Ты рождена воспламенять...»).

Во второй части: «Отрывки из поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1. От слов «Недавно юная Мария», кончая — «И снова сон его объемлет». 2. От слов «Как милы темные

красы», кончая — «Родной улыбкою зовут»), «Элегия» («Я пережил свои желанья...»).

Все произведения, помещенные здесь, перепечатаны из других изданий.

51. ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ТРУДЫ ОБЩЕСТВА любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Москва.

Выходили неперiodически: в 1812 г. вышло две части, следующая часть — в 1816 г.; далее до 1826 г. по 2, а иногда по 4 части в год. Всего вышло 25 частей.

ИЮНЕ 1811 года был утвержден устав общества. С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях писал: «Это общество имело значение и влияние. Московская публика приняла живое участие в его заседаниях... Года с 1818 по 1826 год можно назвать самым цветущим периодом Московского общества любителей российской словесности, которое с 1834 года, без всякой видимой причины, перестало собираться. А. А. Прокопович-Антонский был постоянным председателем общества, в его блистательное время... Мерзляков и Каченовский были главными его помощниками».

В числе членов общества, читавших в нем свои произведения, были В. Л. Пушкин и многие другие тогдашние литераторы.

Общество предприняло ряд изданий и, в частности, «Труды», о которых идет речь.

В «Трудах» печатались, кроме стихотворений, прозаические сочинения, преимущественно критические разборы, статьи по вопросам языкознания и т. д.

Произведения членов общества А. Мерзлякова, В. Востокова, П. Калайдовича, Ф. Глинки, А. Глаголева и других перемежались с произведениями литераторов, не состоявших в обществе. В частности, были напечатаны стихотворения молодого А. С. Пушкина. Сделано это было дядей поэта — В. Л. Пушкиным, гордившимся талантом своего племянника.

Избрание А. С. Пушкина в члены общества произошло, однако, лишь в конце 1829 года. П. А. Вяземский тогда же написал А. С. Пушкину: «Сделай милость, откажись от постыдного членства общества любителей русского слова.

Мне и то было досадно, то есть не мне, потому что я на заседание не поехал, но жене моей менее благопристойной и ездившей на святошные игрища литературы, что тебя и Баратынского выбрали вместе с Верстовским, а вчерашние «Московские ведомости» довершили мою досаду: тут увидишь: *Предложение об избрании в члены общества Корифеев Словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и композитора музыки А. Н. Верстовского*. (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 14, стр. 54).

Отказа от членства в обществе Пушкин не посылал, но никакого участия в нем принимать не стал. Позже, в 1834 году, когда секретарем общества был избран М. Погодин, Пушкин, в ответ на его предложение поддержать общество, ответил:

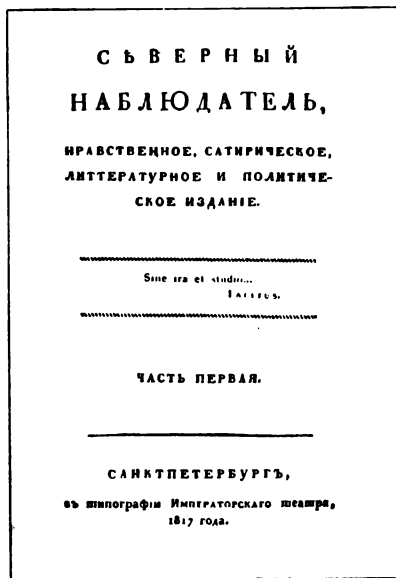
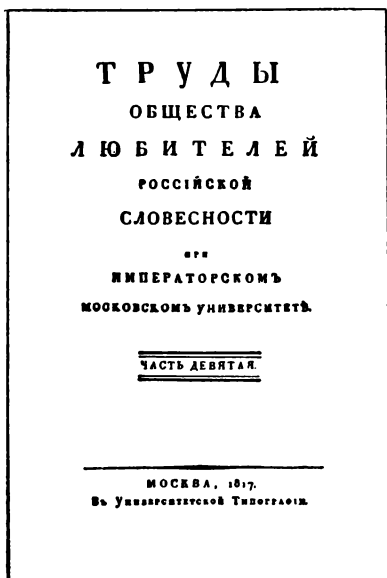
«Радуюсь случаю поговорить с вами откровенно. Общество любителей поступило со мной так, что никоим образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забалатирован в Английском клубе (N. В. в петербургском), как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая вправе была удивляться моему долготерпению, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова: *Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc.* Воля ваша: это пощечина. Верю, что общество в этом случае поступило как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня:

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов — но уж иметь сношения с обществом любителей, я не в состоянии». (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 15, стр. 123).

Так вот и получилось, что в «Трудах общества любителей российской словесности» за все время их существования были печатаны лишь следующие стихотворения Пушкина:

в 1817 г. (в части девятой): «На возвращение государя императора из Парижа» («Утихла брань племен...»), а в 1818 г. (в части десятой) — «Безверие» («О вы, которые

Титульные листы.

с язвительным упреком...»), «Гробница Анакреона» («Все в таинственном молчаньи...»).

Как уже сказано выше, стихотворения эти напечатаны Василием Львовичем Пушкиным, вероятнее всего без ведома автора. Стихотворения появились здесь в печати впервые.

52. СЕВЕРНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

СЕВЕРНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ, нравственное, сатирическое, литературное и политическое издание. Часть первая — вторая. Спб. 1817.

 О ЭТОГО, в том же 1817 году, журнал издавался под названием «Русский пустынный». На 26 номере издатель П. А. Корсаков решил преобразовать его в журнал «Северный наблюдатель». В 1817 году вышло 26 номеров этого журнала.

Оба журнала достаточно бесцветны и не сыграли какой-либо роли в истории журналистики.

Издатель Петр Александрович Корсаков — брат лицейского товарища Пушкина Николая Александровича Корса-

кова (рано умершего) и пресловутого князя Дондукова-Корсакова.

В журнале, кроме Пушкина, можно встретить фамилии А. Илличевского, А. Волкова, И. Крылова, С. Висковатого, И. Долгорукова и др. Но все это редкие гости журнала, в котором преобладали сочинения самого издателя.

Позже П. А. Корсаков вместе с Бурачком издавал реакционнейший журнал «Маяк».

Корсаков-издатель был знаком с Пушкиным как брат его товарища по лицу, а впоследствии как цензор, ставший, в меру сил, не вредить поэту.

В журнале «Северный наблюдатель» напечатаны следующие произведения Пушкина: «Певец» («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...»), «Эпиграмма на смерть стихотворца» («Покойник Клит в раю не будет...»), «К ней» («Эльвина, милый друг! Приди, подай мне руку...»), «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»), «Пробуждение» («Мечты, мечты...»).

Все перечисленные здесь произведения напечатаны впервые.

53. БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ

БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ. Журнал, издаваемый А. Измайловым. Спб. 1818—1826.

Выходил ежемесячно, в 1826 году — два раза в месяц, а в 1822 и 1825 годах — еженедельно.

ЗДАТЕЛЬ журнала — Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) — поэт, баснописец и журналист, пользовавшийся довольно большой известностью. В 18 лет он был уже автором романа «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества». В романе определились основные черты его творчества — «поэта грубой действительности», «русского Теньера», «писателя не для дам». Лучшее в его творчестве — басни. По словам Белинского, Измайлов «создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ярофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина, место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своей тривиальностью, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какой-то мужиковатой оригинальностью». (В. Г. Белинский. Собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. 5, стр. 263). Современники называли Измайлова-баснописца «подгулявшим Крыловым».

Вел свой журнал А. Е. Измайлов «по-семейному». Состраждатели в нем в большей части второстепенные авторы, и «Благонамеренный», как и сам издатель, служил мишенью для многих анекдотов. Опаздывая иногда с выпуском журнала, Измайлов оповещал о причинах этого своих подписчиков, говоря, что он:

Как русский человек на праздниках гулял.
Забыл жену, детей — не только что журнал...

В 1826—27 гг. Измайлов издавал альманах «Календарь муз». Все его литературные мероприятия не создали ему обеспеченного положения, и он умер в бедности.

В «Благонамеренном» были напечатаны следующие произведения Пушкина: в 1818 г. — «Надпись к портрету В. А. Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»), в 1821 г. — «Молдавская песня» («Гляжу как безумный на черную шаль...»), а в 1822 г. — «Воинские упражнения и игры черкесов» — из «Кавказского пленника» («На европейца все вниманье...»). Впервые здесь напечатано только одно стихотворение «Надпись к портрету Жуковского», остальные перепечатаны из других изданий.

54. СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ И БЛАГОТВОРЕНИЯ

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ И БЛАГОТВОРЕНИЯ. [Так печаталось на обложке, а на титульном листе значилось]: Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. Спб. 1818—1825.

Выходил ежемесячно. Всего вышло 32 части.

 ДНОЙ из просветительных организаций «Союза Благоденствия», игравшего значительную роль в подготовке декабрьского восстания 1825 года, было «Вольное общество любителей российской словесности» (не смешивать с обществом, носившим название «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств»).

С 1819 года руководителем общества становится Федор Николаевич Глинка, принадлежавший к его умеренному крылу. Эта «умеренность» руководителя сказывалась и на журнале, крайне осторожно печатавшем публицистические и художественные произведения, содержавшие критику существующего строя. Однако близкое участие поэтов и писателей из числа будущих активных декабристов, таких

как К. Ф. Рылеев, братья Н. А. и А. А. Бестужевы, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Тургенев, А. О. Корнилович и другие, часто побеждало эту осторожность, и журнал выдвинулся на одно из первых мест в прогрессивной русской журналистике.

В журнале печатались произведения и не членов общества, в частности И. А. Крылова (поместившего здесь такую смелую басню, как «Рыбы пляски»), Н. И. Гнедича, О. М. Сомова (публиковавшего критические статьи), В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и, наконец, А. С. Пушкина.

Журнал был связан с обществом не только идейно, но и организационно. Все произведения предварительно прочитывались на собраниях членов общества. Члены общества гонорара не получали, и доход должен был обращаться на благотворительные цели. Впрочем, дохода почти не было, так как тираж журнала, судя по количеству подписчиков, не превышал 300—400 экземпляров.

Из произведений Пушкина в журнале напечатаны: в 1819 г.— «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны» («На лире скромной, благородной...»), в 1821 г.— «Эпиграмма» («Марают он единым духом...»), в 1825 г.— «Я говорил и пр.» («Я говорил тебе, страшился деви милый...»), «Мила и пр.» («Мила красавица, когда свое чело...»), «Желание славы» («Когда любовь и негой упоенный...»).

Все названные произведения напечатаны впервые.

55. НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ

НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ. Ежемесячное издание. Спб. 1820—1821.

Вышло всего шесть частей: четыре в 1820 и две в 1821 г.

 ДИН из интереснейших журналов 1820-х годов. По своим идейным позициям близко примыкал к «Соревнователю просвещения и благотворения». Официальными издателями журнала были И. М. Сниткин, Г. П. Кругликов, Н. А. Рашков и М. А. Яковлев. Активнейшее участие в «Невском зрителе» принимали К. Ф. Рылеев и В. К. Кюхельбекер, которые и задавали тон журналу, сумев привлечь к сотрудничеству в нем братьев А. А. и Н. А. Бестужевых, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина и других.

Титульные листы.

Передовые и смелые взгляды К. Ф. Рылеева расходились с умеренными убеждениями главного редактора И. М. Сниткина, боявшегося свободолюбивых идей, как «ниспровергающих религию, престол и нравственность», и искавшего выход «в соединении взаимного блага правительства и народа».

Первоначально он уступал влиянию группы К. Ф. Рылеева и В. К. Кюхельбекера, и все шло к тому, что с 1821 года они должны были бы стать редакторами журнала. Но в конечном итоге победил И. М. Сниткин. Вся группа писателей — будущих декабристов — отошла от журнала.

Журнал стал хиреть, и в июне 1821 года И. М. Сниткин подал заявление в Цензурный комитет, что он «не в состоянии продолжать издание журнала». «Невский зритель» прекратил существование, и подписчикам вернули деньги.

В первый год издания журнала в нем была напечатана нашумевшая сатира К. Ф. Рылеева «К временщику», направленная против Аракчеева. В журнале уделялось большое внимание вопросам воспитания, экономики, промышленности. В «Невском зрителе» начал печатать свои «Европейские письма» В. К. Кюхельбекер. В этих письмах он дал

резкую сатиру на современный ему государственный строй. С уходом из «Невского зрителя» Кюхельбекер печатал продолжение своих «Европейских писем» в «Соревнователе».

Заслуживают внимания «Замечания на поэму Руслан и Людмила» Пушкина, помещенные в № 7 «Невского зрителя» за 1820 год.

Из произведений Пушкина в «Невском зрителе» в 1820 г. напечатаны: «Дорида» («Я верю, я любим...»), «Дорида» («В Дориде нравятся и локоны златые...»), «Отрывок из первой песни поэмы Руслан и Людмила (от слов «Руслан на мягкий мох ложится», кончая — «Природа, мудрость и покой»), «Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»), «Мадригал М...ой» («О, вы, которые любовью не горели...»), «К прелестнице» («К чему нескромным сим убором...»).

Все эти произведения напечатаны впервые.

56. УЧЕБНАЯ КНИГА РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

УЧЕБНАЯ КНИГА РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением правил риторики, пиитики и истории российской словесности. Части первая — четвертая. СПб. 1819—1822.

ТО ЖЕ. Второе издание. СПб. 1830.

ТО ЖЕ. Издание третье. СПб. 1844.

 ПЕРВОНАЧАЛЬНО этот труд Н. И. Греча именовался «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. Изданы Николаем Гречем, старшим учителем русского языка в Главном немецком училище св. Петра» СПб., 1812.

В свое время эта книга Н. И. Греча имела громадный успех. Преобразованная, получившая новое название: «Учебная книга российской словесности» — эта книга рассматривалась современниками как ценный вклад в изучение русской литературы. По выражению В. Г. Белинского, обе работы Н. И. Греча были как бы «послужным списком русских литераторов». Необходимо учесть, что время первых изданий этой книги — время, когда Н. И. Греч, редактор «Сына отечества», имел некоторые права на звание прогрессивного писателя, утраченные им после 14 декабря 1825 года.

Н. И. Греч.

Из произведений Пушкина в «Учебной книге» напечатаны: в третьей части первого издания (1820) «Из поэмы «Людмила и Руслан» (от слов «Уж утро хладное сияло...», кончая «Твою пощечину забуду...»), в третьей части второго издания (1830) «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»), «К портрету» («Судьба свои дары явить желала в нем...»), «История стихотворца» («Внимает он привычным ухом...»), «К А. Б.» («Что можем наскоро стихами молвить ей...»), «Из 3-й песни «Руслана

и Людмилы» (от слов «Свершив с Рогдаем бой жестокий...», кончая «Твою пощечину забуду...»), «Из Кавказского пленника» (от слов «Европейца все вниманье...», кончая «И в радости младенцы плещут»), «Из «Цыган» (от слов «Цыганы шумною толпою...», кончая «Убогий ужин старика» и эпиграф — «Волшебной силой песнопенья»), «Смерть Олега» («Как ныне собирается вещий Олег...»).

Все произведения, помещенные в книге, перепечатаны из других изданий.

57. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемые А. Ф. Воейковым и В. И. Козловым. Спб. 1822—1826.

Выходили еженедельно, а с 1825 — ежемесячно, причем с этого же года редактор-издатель один — А. Ф. Воейков.

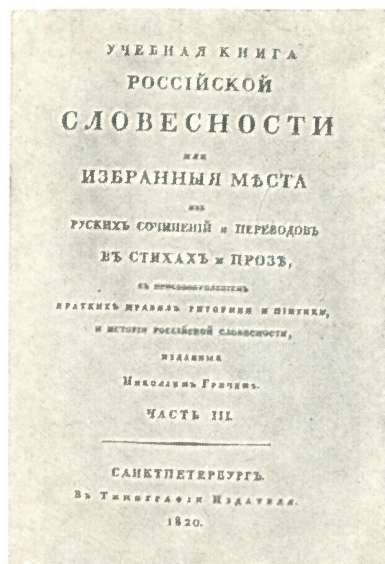
1822 ГОДА военную газету «Русский инвалид» взял в аренду Александр Федорович Воейков (1778—1839), журналист, переводчик, автор известных сатир на литераторов того времени — «Дом сумасшедших» и «Парнасский адрес-календарь».

К «Русскому инвалиду», газете, не имевшей литературного отдела, А. Ф. Воейков стал давать литературные приложения, сначала под названием «Новости литературы» (1822—1825), затем журнал «Славянин» (1827—1830) и далее — «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» (1831—1839).

Карьера А. Ф. Воейкова началась с женитьбы его на племяннице В. А. Жуковского А. А. Протасовой («Светлане»), чудесной, поэтической девушке, неисповедимыми путями покорившейся уродливому и малопорядочному человеку, каким по справедливости считался Воейков. Дядя «Светланы» В. А. Жуковский, сам безответно влюбленный в племянницу, был вынужден всячески покровительствовать А. Ф. Воейкову. Он ввел его в «Арзамас», устроил его со-редактором «Сына отечества» (1821 г.) и, наконец, помог взять в аренду «Русский инвалид».

Через В. А. Жуковского Воейков был близко знаком с Пушкиным и его друзьями. В своих печатных органах Воейков неизменно выступал сторонником Жуковского и Пушкина.

Журналы А. Ф. Воейкова не имели определенного направления. Они были столь же беспринципны, как и сам их редактор. Существовал в то время особый термин «воей-

Титульные листы.

ковствовать», или «воейковщина», что обозначало литературное делячество, бесцеремонное отношение к труду авторов и т. п. Воейкова не любили, но побаивались, причем более всего — его «Дома сумасшедших» и «Парнасского адрес-календаря». Оба эти, кстати сказать не без блеска написанные произведения, напечатаны не были, но ходили по рукам в бесчисленных списках. Меткие и беспощадные воейковские характеристики жалили весьма чувствительно. Вот для примера строчки, относящиеся к поэту-графоману Хвостову:

Ты ль Хвостов, — к нему вошедши,
Вскликнул я, — тебе ль здесь быть?
Ты — дурак, не сумасшедший,
Не с чего тебе сходить!

В такой, приблизительно, манере выдержаны и остальные характеристики.

Пушкин про злейшего врага своего Булгарина говорил: «Булгарин хуже Воейкова». Он относился к последнему юмористически, но не отказывался публиковать свои произведения в журналах Воейкова.

В журнале «Новости литературы» печатались произведения К. Н. Батюшкова, И. П. Бороздны, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, В. И. Туманского, Н. М. Языкова и других. Много печаталось переводов.

Из произведений Пушкина в «Новостях литературы» напечатаны: в 1822 г. — «Черкесская песня» («В реке бежит гремучий вал...»), в 1823 г. — «Элегия» («Увы! Зачем она блистает...»), «Дориде» («Я верю; я любим...»), «Элегия» («Я пережил свои желанья...»), в 1824 г. — «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), в 1825 г. — «Море и земля» («Когда по синеве морей...»), «К***» («Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»), «Антологический отрывок» («Подруга милая! Я знаю отчего...»), в 1826 г. — «Русалка» («Над озером, в глухих дубровах...»).

Стихотворения «Море и земля», «Элегия» («Я пережил свои желанья»), «К***» и «Антологический отрывок» напечатаны здесь впервые. Остальное — перепечатка.

58. ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности. На 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Спб. В тип. Греча. 1823. 16°. 391 стр.

ТО ЖЕ. На 1824 год. Спб. В Военной тип. 1824. 16°. 322 стр.

ТО ЖЕ. На 1825 год. Спб. В Военной тип. 1825. 16°. 376 стр.

МЫСЛЬ об издании «Полярной звезды» зародилась на литературных вечерах, которые устраивал у себя молодой, только что начавший приобретать известность поэт Кондратий Федорович Рылеев. Среди литераторов, посещавших эти вечера, ближе других сошелся с хозяином дома Александр Александрович Бестужев. Сам он впоследствии так писал об этой дружбе: «Мы мечтали вместе и он пылким своим воображением увлекал меня еще более». («Восстание декабристов». Т. 1. М.-Л., 1925, стр. 433).

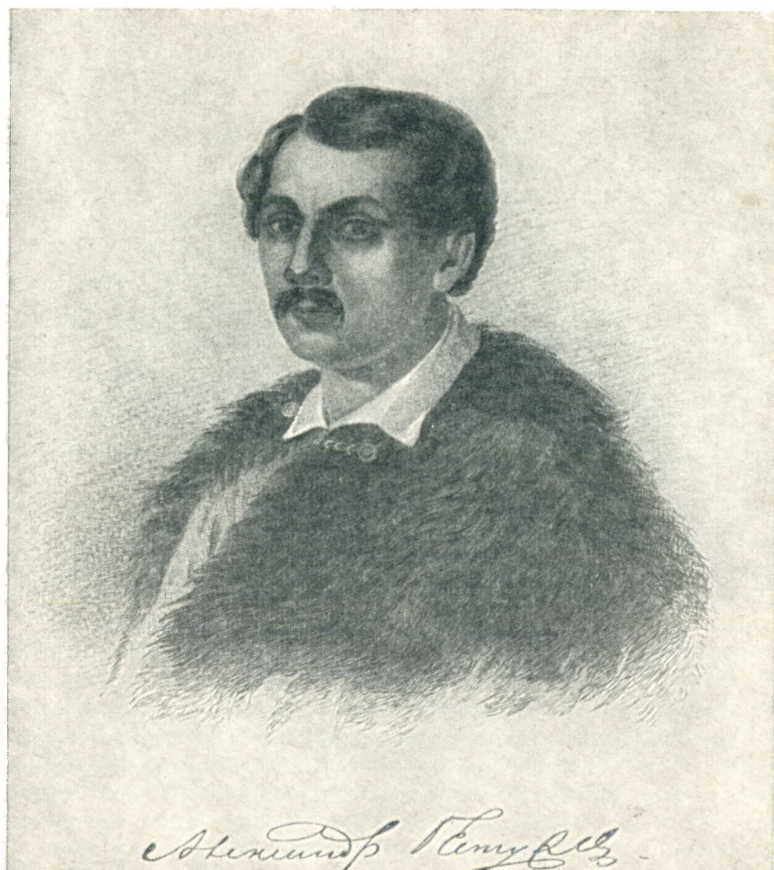
Вместе они издавали «Полярную звезду», лучший русский альманах, положивший начало «альманачному периоду русской словесности». Было издано три книжки: на 1823, 1824 и 1825 годы. На следующий 1826 год начал печататься альманах «Звездочка», не вышедший в свет из-за де-

Фронтиспис.

К. Ф. Рылев.

А. А. Бестужев.

кабрьских событий, виднейшими участниками которых явились оба издателя. После подавления восстания Рылеев был казнен, а Бестужев сослан на Кавказ рядовым в армию, где в 1837 году погиб в стычке с горцами.

Техническую сторону издания «Полярной звезды» взял на себя книгопродавец Сленин, который платил издателям, но ничего не платил авторам. Рылеев и Бестужев решили сломать эти «альманажные традиции». После выхода второго альманаха издатели «Полярной звезды» отказались от услуг Сленина и третью книжку напечатали сами, введя оплату за работы авторов. Едва ли не этим было положено начало профессионализации труда писателей, впоследствии более решительно поддержанное и развитое А. С. Пушкиным и А. Ф. Смирдиным.

Появление «Полярной звезды» было крупнейшим событием в литературной жизни, и все три выпуска альманаха восторженно встречались читателями и критикой.

С. А. Венгеров (Критико-биографический словарь, т. III) так объясняет успех альманаха: «Интерес публики будет вполне понятен, если обратиться к содержанию книжек «Полярной звезды». Весь цвет литературы 20-х годов поддержал приятелей, все дали отборные вещи своего портфеля: тут имеются Пушкин, Баратынский, Воейков, Вяземский, Гнедич, Дельвиг, Давыдов, Измайлов, Крылов, Дмитриев, Плетнев, Туманский, Глинка, Жуковский, Сенковский, наконец, Греч и Булгарин, тогда еще завзятые «либералы» и закадычные приятели Бестужева. Всем этим громким именам «Полярная звезда» обязана, однако же, только частью своего успеха, наибольший же шум из всех пьес альманаха возбудили статьи самого Бестужева «Взгляд на русскую словесность» сначала в 1823, а потом в 1824 году. То был задорный манифест нарождающейся французско-романтической школы, в котором давалось генеральное сражение доживающему свои последние дни классицизму».

Однако С. А. Венгеров не указал главной причины успеха «Полярной звезды». Из всех изданий, пропагандировавших идеологию декабристов, эти альманахи были наиболее смелыми и умно составленными. Их революционный характер был великолепно понят современниками, и именно это обеспечило небывалый успех «Полярной звезде».

Пророчески прозвучали напечатанные в альманахе стихи Рылеева:

Известно мне: гибель ждет
Того, кто первый восстает

Фронтисписы.

На утеснителей народа,—
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода.
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...

Мотивы гражданской свободы и любви к родине прозвучали и в прозе А. Бестужева и во многих других произведениях, напечатанных в книжках «Полярной звезды».

Позже это название дал своему альманаху А. И. Герцен, поместивший на обложках портреты (профили) казненных декабристов и сияющей полярной звезды над ними. В предисловии к первой книжке своей «Полярной звезды» А. И. Герцен писал: «Полярная звезда» скрылась за тучами николаевского царствования. Николай прошел, и Полярная звезда является снова...»

Тираж первой книжки «Полярной звезды» А. Бестужева и К. Рылеева был всего 600 экземпляров, которые раскупились мгновенно.

На следующий год «Полярная звезда» вышла тиражом 1500 экземпляров, также мгновенно раскупленных. Надо

думать, что третья, последняя книжка альманаха, изданная уже самими составителями, была напечатана не менее 2 400 экземпляров.

Из произведений Пушкина напечатаны в «Полярной звезде»: в книжке на 1823 год: «Овидию» («Овидий! Я живу близ тихих берегов...»), «Гречанке» («Ты рождена воспламенять...»), «Элегия» («Увы, зачем она блистает...»), «Мечта война» («Война! Разбиты наконец...»). В книжке на 1824 год: Из «Кавказского пленника» (от слов «...Все в ночной тиши», кончая «Живи! И путник оживает». К стихам приложена гравюра), «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), «Нереида» («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»), «В альбом малютке» («Играй, Адель...»), «К Морфею» («Морфей, до утра дай отраду...»), «Элегия» («Редает облаков летучая гряда...»), «Отрывок из послания В. Л. П[ушки]ну» («Что восхитительней, живей...»), «Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты...»), «Домовому» («Поместья мирного незримый покровитель...»), «Надпись к портрету» («Судьба свои дары явить желала в нем...»). В книжке на 1825 год: «Цыгане» (от слов «Цыгане шумною толпой...», кончая «Как песнь рабов однообразной»), «Послание к А.» («Мой милый, как несправедливы...»), «Братья разбойники» (от слов «Не стая воронов слеталась...», кончая «За старца брат меня молил»).

Кроме строк из «Кавказского пленника» в книжке на 1824 год, все остальное напечатано в «Полярной звезде» впервые.

В книжке на 1825 год также есть гравюра к «Братьям разбойникам». Комплект из трех книжек «Полярной звезды» — большая библиографическая редкость. В 1960 году Издательством Академии наук, в серии «Литературные памятники», сделана полная перепечатка всех книжек «Полярной звезды», а также «Звездочки».

59 .«ЗВЕЗДОЧКА»

«ЗВЕЗДОЧКА» на 1826 год. Издание А. А. Бестужева и К. Рылеева. Спб.

Декабрь 1825 года. 16°. 80 стр.

РАТ ИЗДАТЕЛЯ А. А. Бестужева — Михаил, рассказывает («Русская старина», 1881, т. 32, стр. 630): «Полярная звезда» на 1826 год предполагалась с начала года быть изданной в составе, объеме и виде предшествую-

щих годов. Когда же впоследствии, а в особенности около декабря 1825 года, дела Тайного общества усложнились сношениями с Южным обществом, когда остающееся от служебных обязанностей время было посвящено другой деятельности,— брат Александр и Рылеев решились издать уже собранные материалы в небольшом альманахе под названием «Звездочка», печатание которой к 14 декабря уже довольно подвинулось.

Было, однако, напечатано всего лишь 80 страниц. Все экземпляры напечатанных листов вместе с прочими бумагами Бестужева и Рылеева были изъяты при аресте. Листы свалили в кладовые типографии Генерального штаба, где они и пролежали до 1861 года. В этом году, при очистке кладовых, листы «Звездочки» сожгли. Уцелело два экземпляра — один, более полный (80 страниц), — у библиографа П. А. Ефремова (ныне в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград), и другой (54 страницы) — у издателя «Русской старины» М. Семевского (этот экземпляр теперь находится в библиотеке Пушкинского Дома). В 1882 году Н. Ф. Дубровин нашел весь сохранившийся в рукописи текст альманаха, который и был впервые полностью перепечатан в «Русской старине», в № 3 за 1883 год.

На страницах 37—39 «Звездочки» напечатан «Отрывок из III-ей главы «Евгения Онегина». Ночной разговор Татьяны с няней» (от строки «Не спится, няня...», кончая «При вдохновительной луне...»).

Отрывок из романа Пушкина напечатан здесь впервые, но так как книга в свет не вышла, первая публикация этого отрывка показана в «Северных цветах» на 1827 год. Недопечатанная «Звездочка» — одна из величайших редкостей.

ЗВЕЗДОЧКА.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ.

Рассказъ.

*Въ послѣдній походъ Гвардіи, будучи на
аголтѣ за Нарвою, набрѣлъ я по берегу моря
на старинный каменный крестъ, далѣе въ
остаткахъ алмаза увидѣлъ иероглифъ, со-
ставлявшій изъ надгробнаго камня съ Ричардсону
гробомъ... и наконецъ надъ свѣтлымъ рукомъ
ромашки замка. Все это поостыгло мое
любопытство, и я обратился съ вопросомъ
къ одному изъ каменщиковъ Калитановъ, извѣ-
стную экспедицію до историческаго быдла и ста-
ринки небылъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать
подробно объ этомъ замкѣ отъ Пастора, и
когда насъ собрались телѣжикъ лѣтоси, то
отъ него интересовалъ все, что узналъ, какъ
скажутъ ниже.*

А. Бестужевъ.

*Этому ужъ очень давно, сполза здѣсь
завѣсь по имени Эзеньтъ т. е. желѣзной*

Первая страница
альманаха «Звездочка».

60. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ, журнал нравов и словесности, издаваемый Ф. Булгариным. Спб. 1823—1824.

Два номера в месяц. В 1823 году вышло всего лишь пять номеров, в 1824 — все 24 номера.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ» издавались в качестве приложения к булгаринскому «Северному архиву». Необходимо напомнить, что издатель этих органов Фаддей Булгарин (1789—1859) имеет «двойную» биографию. Булгарин до событий 14 декабря 1825 года — это способный журналист, в изданиях которого охотно принимали участие будущие декабристы Ф. Н. Глинка, А. О. Корнилович и другие. Он был близко знаком, даже дружил, с К. Ф. Рылеевым, А. А. Бестужевым, А. С. Грибоедовым, братьями Тургеневыми и другими передовыми писателями. Произведения Фаддея Булгарина печатались в «Полярной звезде», «Северных цветах» и других лучших альманахах и журналах.

«Волшебное изменение» лица Булгарина произошло в день разгрома восстания декабристов. Насмерть перепуганный, он не только поспешил отмежеваться от своих друзей-декабристов, но и начал подлеишим образом доказывать собственную «благонадежность». Он добровольно предложил свои услуги Третьему отделению, деятельным агентом которого остался до конца жизни. Первым позорным шагом Булгарина было составление «словесного портрета» скрывшегося декабриста Кюхельбекера. Приметы его были даны им столь «умно и метко», что по ним быстро нашли и арестовали беглеца.

Вся дальнейшая жизнь Булгарина — это жизнь доносчика, шантажиста, непримиримого врага всего передового. Булгарин — гнуснейшая личность в русской журналистике.

Вместе с Гречем, биография которого похожа на биографию Булгарина, он издавал газету «Северная пчела», своего рода «полицейский официоз» того времени. Пушкин заклеил его в целом ряде острых и злых эпиграмм. Прозрительная кличка «Фиглярин», данная ему Пушкиным, стала нарицательным именем Булгарина.

В «Литературной газете» Дельвига в 1830 году Пушкин напечатал заметку якобы о записках парижского сыщика Видока. В заметке говорилось: «Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр [Булгарин дей-

Фаддей Булгарин.
Статуэтка-кариатура.

ствительно женился на бывшей проститутке], отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека...»

Заметка была мгновенно разгадана читателями и имела сенсационный успех. Книгопродавец И. Т. Лисенков, друживший с Пушкиным, выпустил портрет Булгарина, на котором вместо подписи художника стояла подпись «Видок». Портрет буквально рвали из рук. Кличка «Видок» стала вторым нарицательным именем Булгарина. Годом позже Пушкин за подписью «Феофилакт Косичкин» поместил

в журнале «Телескоп» остроумнейшее сравнение романов Булгарина с романами лубочного писателя А. Орлова, нарочито отдавая предпочтение последнему.

Все это бесило Булгарина, и он несколько лет подряд обливал грязью имя поэта. Позже, под влиянием Н. Греча (человека куда более разумного, чем Булгарин), сумевшего доказать своему компаньону всю невыгодность его борьбы с Пушкиным, Булгарин прекратил травлю поэта и стал подчеркнуто-восторженно отзываться о его сочинениях.

В журнале «Литературные листки», издававшемся, напоминаю, до событий 14 декабря 1825 года, печатались произведения К. Ф. Рыльева, А. О. Корниловича, В. Н. Олина, В. И. Туманского, Ф. Н. Глинки и других. Разумеется, печатался и сам Булгарин.

Из произведений Пушкина в «Литературных листках» напечатаны: в 1823 г. — «На выпуск птички» («В чужбине свято соблюдаю...»), в 1824 г. — «Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты...») и «Нереида» («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»).

Стихотворение «На выпуск птички» напечатано здесь впервые, второе и третье помещены по просьбе Пушкина, так как ранее в «Полярной звезде» на 1824 год они были напечатаны с ошибками.

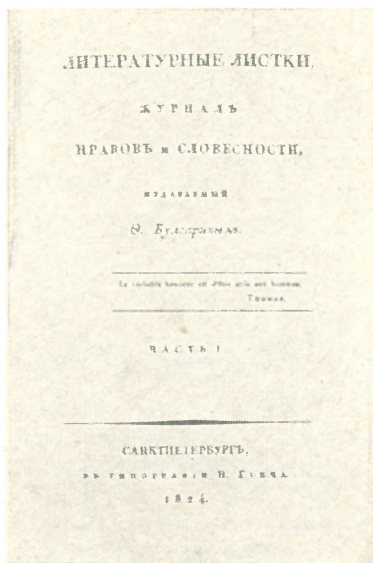
61. ДАМСКИЙ ЖУРНАЛ

ДАМСКИЙ ЖУРНАЛ, издаваемый князем Шаликовым. Москва, 1823—1833.— До 1829 г. выходил два раза в месяц, далее — еженедельно.

НАПРАВЛЕНИЕ журнала было сентиментально-карамзинское, если, конечно, учесть разницу в талантах между «отцом русского сентиментализма» Н. Карамзиным и его анекдотическим подражателем — князем П. Шаликовым. С 1825 года активным сотрудником журнала стал М. Н. Макаров. Здесь печатались П. А. Вяземский, В. А. Пушкин, Д. Хвостов и др. Однако главное место занимали переводы всякого рода «чувствительных повестей» Жанлис, Бульи и т. д.

Сам Шаликов в течение двадцати пяти лет занимал место редактора газеты «Московские ведомости». Что это был за редактор, весьма живописно говорит донесение М. Я. Фон-Фока в 1826 году Дибичу: «Князь Шаликов с давнего времени служит предметом насмешек для всех занимающихся литературой. В пятьдесят лет он молодится,

Титульные листы.

пишет любовные стихи, влюбляется и принимает эпиграммы за похвалы. Место редактора «Московских ведомостей» получил он по протекции Ив. Ив. Дмитриева, которому он служит предметом насмешек под веселый час. Этот князь Шаликов не имеет никаких сведений для издавания политической газеты и даже лишен природной сметливости». («Русский биографический словарь». Том Чаадаев — Швитков, стр. 495).

Пушкин относился к Шаликову насмешливо, хотя и беззлобно. Вместе с Баратынским он написал о нем следующее шутовское стихотворение:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал,
«Вот, вот с кого пример берите, дуры! —
Он дочерям в восторге закричал. —
Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах, что слезой твой осребрило взор?»
А тот ему в ответ: «Мне хочется на двор!»

Из стихов Пушкина в «Дамском журнале» 1823 года напечатана «Черкесская песня» («В реке бежит гремучий вал...»). К стихам приложены ноты — музыка Геништы.

Стихотворение это перепечатано без согласия автора.

62. НОВЫЕ АОНИДЫ

НОВЫЕ АОНИДЫ. На 1823 год. Москва. В тип. А. Семена. 1823. 136 стр.

 АРСУКОВ рассказывает о М. П. Погодине: «Еще в 1822 году Погодин вел переговоры с Раичем об учреждении Литературного общества. Наконец эта мысль осуществилась, и он 15 марта 1823 года писал кн. Голицыной: «У нас составилось общество друзей. Собираемся два раза в неделю. Читаем свои сочинения и переводы». Центром этого Общества был С. Е. Раич, а членами С. Шевырев, А. Муравьев, В. Титов, Д. Ознобишин, В. Оболенский, В. Андросов, П. Калошин, Н. Путята, А. Томашевский, В. Одоевский и др. Деятельность Общества в это время проявилась изданием книжечки под названием «Новые Аониды» на 1823 год». (Н. Барсуков. «Жизнь и труды Погодина», т. 1, стр. 212).

Такова вкратце история издания этого альманаха и история возникновения «кружка Раича», кстати сказать, не игравшего сколько-нибудь заметной роли в литературе.

Позднее Раич издал еще один альманах «Северная лира» (1827) и выпускал журнал «Галатея» (1829—1840).

В альманахе «Новые Аониды» участвовали: Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, Денис Давыдов, В. А. Жуковский, А. И. Писарев, И. И. Дмитриев, Н. И. Гнедич, Ф. И. Тютчев и другие писатели. По содержанию альманах интересен, но издан более чем скромно.

С. Е. Раич служил преподавателем русской словесности в Университетском пансионе. Среди его учеников были поэт Ф. И. Тютчев, А. Н. Муравьев и др. Литературные труды его (главным образом переводы) малоталантливый. Плод его долголетнего труда — перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо — не принес переводчику славы. Славу, но, увы, анекдотическую, принес лишь один стих из этого перевода. Тассовскую строку «Готфрид Бульонский в гнев отправился в храм» Раич перевел следующим образом:

«Вскипел Бульон, течет во храм...»

Этот «вскипевший бульон» дорого обошелся незадачливому переводчику. В частной жизни Раич был незлобивым и высокопарно влюбленным в поэзию человеком. Пушкин относился к нему насмешливо («Вот Раич — мелкая букашка»), а попытки Раича выступать в роли критика считал неумными. Впрочем, враждебных отношений между ними не было.

В альманахе «Новые Аониды» напечатаны следующие произведения Пушкина:

«Отрывки из Кавказского пленника». 1. «Свидание черкешенки с пленником» (начинающая со слов «Уж меркнет солнце за горами», кончая «Слезами очи наполнялись»).

2. «Посещение черкешенки»

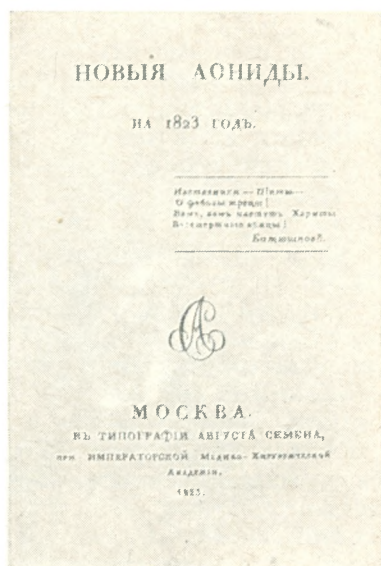
(от слов «За днями дни прошли как тень», кончая «Боялся он воспоминать»). 3. «Описание Кавказа» (от слов «Казалось — пленник безнадежный», кончая «С какой-то радостью внимал»). 4. «Описание образа жизни горцев» (от слов «Меж горцев, пленник наблюдал», кончая «И жены робкие трепещут»). 5. «Признание черкешенки» (от слов «Ты узнала, дева гор», кончая «Они в безмолвии расстались»). 6. «Черкесская песня» («В реке бежит гремучий вал»). 7. «Свобода пленника». (От слов «Мечтает русский о побеге», кончая «Струистый исчезает круг»). «Муза» («В младенчестве моем она меня любила»).

Все эти произведения перепечатаны из других изданий.

63. МНЕМОЗИНА

МНЕМОЗИНА, собрание сочинений в стихах и прозе. Издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Москва. В тип. А. Похорского. Части первая — четвертая. 1824—1825.

Ч. 1. 1824. 184 стр.; Ч. 2. 1824. 185 стр.; Ч. 3. 1824. 199 стр.; Ч. 4. 1825. 214 стр.

Титульный лист.

О ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМУ значению альманаха этот может быть приравнен к «Полярной звезде» А. Бестужева и К. Рылеева. Прогрессивная идеология декабристов, по-разному выраженная в «Полярной звезде» и «Мнемозине», оставила заметный след в последующей журналистике.

Впечатление, произведенное появлением «Мнемозины», было огромное. Яростные нападки на нее «литературных и ученых староверов» доходили порой до непристойной брани. Об этом позже, в тридцатых годах, В. Ф. Одоевский вспоминал так: «Я и мои товарищи были в совершенном заблуждении. Мы воображали себя на тонких философских диспутах портика или академии, или по крайней мере в гостиной. В самом же деле мы были в райке: вокруг пахнет салом и дегтем, говорят о ценах на севрюгу, бранятся, поглаживают нечистую бороду и засучивают рукава. А мы выдумываем вежливые насмешки, остроумные намеки, диалектические тонкости, ищем в Гомере или Вергилии самую жестокую эпиграмму против врагов наших, боимся расшевелить их деликатность... Легко было угадать следствие такого неравного боя». (Русский биографический словарь. Том Обезьянинов-Очкин, стр. 134).

Подписчиков на первую часть альманаха было всего 157, но уже перед выпуском второй части решено было печатать ее 1 200 экземпляров и допечатать первой 600.

Значительный интерес представляла статья В. Кюхельбекера «О направлении в нашей поэзии», в которой автор рекомендовал «всего лучше иметь поэзию народную, к ней обращаться, как к вернейшему и чистейшему источнику для нашей словесности».

Кроме художественных произведений, в «Мнемозине» напечатаны статьи философско-эстетические, научные и критические, главным образом и послужившие темой развернувшейся полемики.

«Мнемозина» боролась за национальную самобытность литературы и ее высокое гражданское значение.

Помимо В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского, в альманахе печатались П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, А. С. Пушкин, С. Е. Раич, Н. Ф. Павлов, А. А. Шаховской, Денис Давыдов. Особенно близкое участие принял А. С. Грибоедов, который помог издателям материально. Его программным стихотворением «Давид» открылась первая книжка «Мнемозины».

Не лишены интереса картинки, приложенные к томикам «Мнемозины». На одной из картинок изображен че-

Фронтиспис.

ловека, смеющийся на собственное отражение в зеркале. В. Б. Шкловский предполагает, что эта картинка могла послужить источником для эпиграфа к «Ревизору» Гоголя. (См. его статью в «Новом мире», 1959, № 10, стр. 267).

Из произведений Пушкина здесь напечатаны: в части второй — «Вечер» («Я люблю вечерний пир...»), в части третьей — «Мой Демон» («Когда еще мне были новы...»), «Татарская песня» («Дарует небо человеку...»), с приложением нот, музыка В. Одоевского, в части четвертой — «Слеза» («Вчера за чашей пуншевою...»), с приложением нот, музыка М. Яковлева, и стихотворение «К морю» («Прощай, свободная стихия...»).

Кроме «Татарской песни», все остальное напечатано здесь впервые. Комплект «Мнемозины» — большая редкость.

64. МАЙСКИЙ ЛИСТОК

МАЙСКИЙ ЛИСТОК. 1824. Весенний подарок для любительниц и любителей отечественной поэзии. Спб., в тип. Ген. Штаба, 1824. 16°. 48 стр.

ЗДАТЕЛЬ этого альманаха Михаил Алексеевич Бестужев-Рюмин (1800—1832) — поэт, несомненно способный журналист и издатель, стяжавший печальную славу пьяницы и беспринципного человека. Кроме «Майского листка» он издал еще альманахи «Сириус» (1826) и «Северная звезда» (1829), а также выпускал литературную газету «Северный Меркурий» (1830—1832) и журнал «Гирлянда» (1830—1832).

При описании альманаха «Северная звезда» я привожу некоторые подробности о взаимоотношениях Бестужева-Рюмина с Пушкиным, против которого этот «альманашик» бесстыдно выступал во всех своих изданиях. Одновременно он нападал на А. А. Дельвига, П. А. Вяземского, на весь круг друзей Пушкина, соперничая в этом отношении с Булгариным. Разбравив, например, «Северные цветы» Дельвига, Бестужев-Рюмин делает намек на «крещенские морозы», после которых альманахи Дельвига якобы «потеряли свой былой аромат». Под «крещенскими морозами» подразумевались события 14 декабря, которые, дескать, «укротили компанию Дельвига».

С произведениями Пушкина «альманашик» обращался как с своими собственными. В «Майском листке» он напе-

Илл. к поэме «Разбойники» в альманахе «Полярная звезда».
Гравюра С. Галактионова.

чалат без разрешения поэта, ходившее по рукам его стихотворение «Деревня», поместив его (от слов «Приветствую тебя, пустынный уголок...», кончая «И не завидовать счастливейшей судьбе»), в виде эпиграфа к собственному бездарному стихотворению «Элегия», поставив под эпиграфом букву «П».

В известной степени это попахивало доносом: смотрите, мол, вот кто автор вольнодумного стихотворения!

О самом альманахе «Майский листок» рецензент «Московского телеграфа» (ч. 6 за 1825 г., стр. 400) высказался весьма кратко, но очень определенно: «книжечка сия существует, но читать ее предоставляем на собственное произволение каждого».

Указанные строки из стихотворения «Деревня», хотя и без разрешения автора, но напечатаны здесь впервые. Альманах сделался очень редким.

Кстати, в Brockhausовском издании сочинений Пушкина (т. 1, стр. 532), в примечаниях к стихотворению «Деревня» ошибочно говорится, что отрывок из этого стихотворения впервые напечатан Бестужевым-Рюминым в альманахе «Сириус» в 1826 году. В «Сириусе» Бестужев-Рюмин действительно повторно напечатал отрывок, но «Майский листок» вышел на два года ранее «Сириуса».

65. СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА

СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА. Газета политическая и литературная. СПб. 1825—1864.

До 1831 года выходила три раза в неделю, с 1831 — ежедневно.

СНОВАНА Фаддеем Булгариным, который был единоличным редактором до 1831 года. С 1831 года его компаньоном и соредактором стал Н. И. Греч. Всего только один год — 1825 — с января по декабрь, т. е. до разгрома декабристов, газета была, если и не очень принципиальной, то, во всяком случае, она не возбуждала того отвращения, которое стала вызывать позднее, превратившись в махрово-монархическую, «охранительную».

Рассчитанная, главным образом, на чиновничество и городское мещанство газета Булгарина в 20-ые и 30-ые годы была очень популярна, как единственная частная газета в России, имевшая право давать политическую информацию, хотя и в сильно урезанном виде. Велась газета Булгариным и Гречем умело, с учетом невзыскательных инте-

Первая страница газеты.

ресов ее читателей, которым и давала занимательное «чтиво». Сам Булгарин весьма цинично определял программу газеты: «лучше писать, что немецкий сапожник расквасил себе рыло, чем догадки и рассуждения о судьбах царств».

Булгарин наполнял свою газету беззастенчивой рекламой, прибегал к шантажу и прямым доносам, с лакейским усердием выполняя указания Бенкендорфа. Столь же верно он служил и его преемникам.

В газете охаивалось все живое и прогрессивное, наиболее передовые люди, в частности Пушкин (некоторое время), Гоголь, позднее Белинский. Все это делалось в отвратительной, вульгарной форме, смущавшей порой даже руководителей III отделения и самого царя, не раз дававшего Бенкендорфу приказ «унять Булгарина». В какой-то мере сдерживал все это Н. Греч, без которого Булгарин распоясался бы еще больше, хотя представить себе такое «больше» почти невозможно.

Из стихотворений Пушкина в «Северной пчеле» были напечатаны: в 1825 г. — «К Ч[аадаеву]» («К чему холодные сомненья...»), в 1828 г. — «Москва. Из Евгения Онегина» (от слов «...Пред ним уж белокаменной Москвы», кончая «Туда, где он явился ей»), «Послание к В., сочинителю сатиры на игроков» («Так элегическую лиру...»), в 1836 г. — «Полководец» («У русского царя в чертогах...»).

Кроче отрывка из «Онегина» («Москва»), остальное напечатано здесь впервые. Стихотворение «Полководец» появилось одновременно с выходом третьей части «Современника» (где оно напечатано тоже) 15 октября 1836 г. (Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-ое. М., 1938, стр. 138).

66. МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ, журнал литературы, критики, наук и художества. Москва, 1825—1834.

Выходил дважды в месяц. Всего вышло около 200 номеров или 56 частей.

ЗДАВАЛ журнал Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), при ближайшем участии своего брата Ксенофонта Полевого. Талантливый журналист Николай Полевой, происходивший из купеческого звания, видел будущее России в гибели феодально-крепостнического

Илл. к поэме «Кавказский пленник» в альманахе «Полярная звезда».
Рис. М. Иванова, гравюра С. Галактионова.

строю и в развитии капитализма, в расширении прав и влияния промышленной буржуазии. По словам А. И. Герцена, «Полевой начал демократизировать русскую литературу; он заставил ее спуститься с аристократических высот и сделал ее более народной, или по крайней мере более буржуазной». (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 7, стр. 216).

Этими словами Герцен отмечал демократизм «Московского телеграфа» и буржуазную ограниченность этого демократизма.

В первые четыре года журнал Полевого был тесно связан с передовой группой либеральных дворянских писателей во главе с П. А. Вяземским, который фактически руководил «Московским телеграфом». Среди сотрудников журнала этого периода значились С. Д. Полторацкий, А. И. Тургенев, Е. А. Баратынский, С. А. Соболевский, В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский и др. В этот период в журнале появились и стихи Пушкина.

В 1829 году Полевой выступил в своем журнале со статьей, в которой подверг резкой критике «Историю государства Российского», доказывая, что Карамзин написал историю царей, а не историю народа.

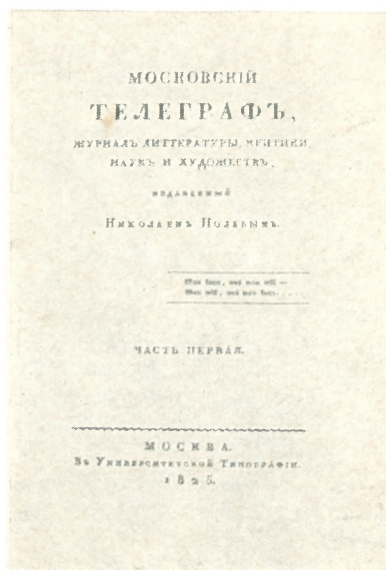
Такого «посягательства» на авторитет Карамзина Вяземский и его группа допустить не могли, и Полевой остался один. Он вынужден был набрать новых сотрудников-единомышленников.

С этого времени Полевой повел ожесточенную борьбу с так называемой «литературной аристократией». Пушкин, которого он считал главой этой группировки, стал подвергаться резким нападкам.

Общее идейное направление «Московского телеграфа» (на страницах его было, между прочим, высказано сочувственное отношение к французской буржуазной революции 1830 года) вызвало недовольство цензуры, начавшей искать повод к закрытию журнала.

В 1834 году в мартовской книжке «Московского телеграфа» Полевой напечатал рецензию на ура-патриотическую пьесу Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». В рецензии, хотя и осторожно, но высказывались критические замечания о пьесе, понравившейся самому царю, наградившему ее автора Кукольника орденом.

На этой рецензии «Московский телеграф» закончил свое существование: он был закрыт по распоряжению Николая I. Ходила эпиграмма, которая так отмечала это событие:

Фронтиспис и титульный лист.

Рука всевышнего три дела совершила:
Отечество спасла,
Поэту крест дала
И Полевого задушила...

Реакционная болгаринская группа открыто радовалась гибели «Московского телеграфа».

Вся эта история донельзя испугала Полевого. С ним произошло почти то же, что с Гречем и Булгариным после разгрома декабристов. В страхе он поспешил перейти в лагерь писателей-консерваторов и сам стал сочинять пьесы, мало чем отличающиеся от кукольниковской «Руки всевышнего». Конец Полевого был весьма печальным.

«Московский телеграф» сыграл большую роль в развитии русской журналистики. Н. А. Полевой писал о значении «Московского телеграфа» так: «Когда начал я издавать журнал — была ли тогда эпоха журналов? Не думаю: в Москве сиротел тогда «Вестник Европы», совершая уже двадцать третий год существования; в Петербурге тринадцать лет издавался «Сын отечества», а за ним шли только в Москве «Дамский журнал», да в Петербурге «Благонамеренный», по своим особенным колеям. «Отечественные

записки» покойного П. П. Свинына и «Русский вестник» Ф. Н. Глинки едва ли могли назваться журналами, хотя и имели свое достоинство, а равно и журнал А. Ф. Воейкова... Мне казалось, что надобно было оживить, разогреть журналистику русскую, как лучшее средство расшевелить нашу литературу. Не знаю, успел ли я, но, по крайней мере, толпой явились после того Атеней, Московские Вестники, Галатея, Московские наблюдатели, С.-Петербургские обозрения, Северные Минервы, и почти все брали форму и манер с моего журнала, которая перешла потом и в самую «Библиотеку для чтения», и нынешние «Отечественные записки»; важнейшие вопросы современные были преданы критике, объем журналистики раздвинулся, самая полемика острила, горячила умы и по крайней мере — в истории русских журналов я не шел за другими» («Сын отечества», 1839, т. 8).

Нельзя не признать, что свою роль Н. А. Полевой охарактеризовал довольно объективно и в достаточной мере скромно.

В первые годы, когда «Московским телеграфом», как сказано было выше, руководил Вяземский, в журнале принимал участие Пушкин. Но в дальнейшем он стал совершенно равнодушен к «Московскому телеграфу», а в «Литературной газете» подверг суровой критике «Историю русского народа», написанную Полевым.

Из произведений Пушкина в журнале напечатаны: в 1825 г. — «Телега жизни» («Хоть тяжело подчас в ней бремя...»), «Журнальным приятелям» («Враги мои! Покамест я ни слова...»), «О г-же Сталь и о г. А. М—ве» («Из всех сочинений г-жи Сталь...»), «Ex ungue leonem» («Недавно я стихами как-то свистнул...»), «Стихи в альбом» («Если жизнь тебя обманет...»), «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж...»), с приложением нот; в 1826 г. — «Элегия» («Люблю ваш сумрак неизвестной...»); в 1829 г. — «Эпиграмма» («Журналами обиженный жестоко...»), «Эпиграмма» («Там, где древний Кочерговский...»), «Эпиграмма» («Как сатирой безымянной...»).

Все названные произведения напечатаны здесь впервые.

67. СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ на 1825 год, собранные Бароном Дельвигом. Изданы Иваном Слениным. Спб. В тип. Департ. Нар. просв. 1825. 16°. 359 стр.

Фронтиспис.

ТО ЖЕ. На 1826 год. Тот же издатель, та же типография. [1826]. 16°. 296, 131 стр.

ТО ЖЕ. На 1827 год. Изданы Бароном Дельвигом. Та же типография. [1827]. 16°. 348 стр.

ТО ЖЕ. На 1828 год. Имени издателя нет. Та же типография. [1827]. 16°. 314, 107 стр.

ТО ЖЕ. На 1829 год. Та же типография. 1828. 16°. 256, 207 стр.

ТО ЖЕ. На 1830 год. Та же типография. 1829. 16°. 276, 131 стр.

ТО ЖЕ. На 1831 год. Та же типография. 1830. 16°. 282, 124 стр.

ТО ЖЕ. На 1832 год. Та же типография. 1831. 16°. 304, 198 стр.

 ОСЛЕ «Полярной звезды» — это лучший и наиболее поэтический русский альманах. Появление «Северных цветов» связано с отказом издателей «Полярной звезды» от услуг книгопродавца И. В. Сленина. Они сами стали издавать последующие книжки своего альманаха. Сленин, «не желая терять выгод, которыми он уже два года пользовался, уговорил барона Дельвига собрать статьи для альманаха и предоставить его издание ему, Сленину за 4.000 рублей ассигнациями.

Дельвиг согласился, и вследствие сего вышел новый альманах под названием «Северные цветы». («Русский архив», 1873, стр. ХСVIII).

Но не только издательская ловкость Сленина помогла возникновению «Северных цветов». Его предложение совпало с разногласиями, которые в это время обнаружились между издателями «Полярной звезды» А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым и группой Дельвиг — Плетнев — Воейков.

Оба альманаха — и «Полярная звезда», и «Северные цветы» — были близки к «Вольному обществу любителей российской словесности» и представляли две группировки его: левую — альманах Бестужева и Рылеева, и правую — альманах Дельвига и Плетнева.

Булгарин, в то время примыкавший к первой группе, а Воейков — ко второй, используя принципиальную идеологическую борьбу двух группировок, внесли в их отношения элементы интриги и склоки и едва-едва не привели оба лагеря к открытой вражде.

Характерно сообщение, которое появилось на страницах «Сына отечества» (1825, № 1): «Северные цветы», из-

Фронтисписы.

дание книгопродавца Сленина вступает в непосредственное соперничество с «Полярной звездой».

Предоставляя «Северным цветам» благоприятнейшее время выхода в свет, желаем ему еще благоприятнейшего успеха».

Ядовитая ирония этого сообщения заключалась в том, что из-за наводнения в Петербурге издатели «Полярной звезды» были вынуждены перепечатывать ряд подмокших листов этого альманаха и потому он задержался выходом на четыре месяца, а «Северные цветы», хотя тоже «подмокли в луковницах», вышли во время. Сообщение «Сына отечества» намекало на то, что весь успех «Северных цветов» следует приписать не литературным достоинствам альманаха, а исключительно «предоставлением ему благоприятнейшего выхода в свет».

Оба альманаха развернули борьбу за привлечение на свою сторону Пушкина.

Восстание 14 декабря положило конец «Полярной звезде», альманах же Дельвига «Северные цветы» уцелел и выходил ежегодно в течение восьми лет.

Сленин пользовался правом издания альманаха только первые два года. Начиная с 1827 года, Дельвиг с ним рас-

стался и издавал альманах сам, с помощью О. М. Сомова. Последняя книжка на 1832 год после смерти Дельвига была издана Пушкиным в пользу его семейства.

Каково же содержание «Северных цветов» и кто участники этого альманаха? В 1836 году Гоголь в «Современнике» так вспоминал о «Северных цветах»: «Когда-то Дельвиг издавал благоуханный свой альманах. В нем цвели имена Жуковского, князя Вяземского, Баратынского, Языкова, Плетнева, Туманского, Козлова...»

Гоголь не добавил к этому букету имени издателя «Современника» Пушкина, для которого как для поэта, так и для журналиста «Северные цветы» и «Литературная газета» Дельвига были наиболее значительной трибуной. Пушкин писал в 1827 году, что «альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах». Говоря это, Пушкин имел в виду в первую очередь «Полярную звезду» Рылеева и Бестужева, «Мнемозину» Кюхельбекера и Одоевского и «Северные цветы» Дельвига.

Существенно отличаясь друг от друга и уступая несомненное первенство «Полярной звезде», все три альманаха были объединены едиными прогрессивными целями, давая действительную возможность «судить о движении и успехах» русской литературы своего времени.

«Северные цветы» по внешнему оформлению, по приложенным к ним гравюрам, — одно из наиболее изящных изданий пушкинской поры.

Некоторые статьи из «Северных цветов» печатались в крайне ограниченном количестве отдельными оттисками для авторов.

Комплект «Северных цветов» в полном и хорошем виде со всеми гравюрами — большая библиографическая редкость.

Особенно редки экземпляры в печатных обложках. Реже всех других книжек встречается альманах на 1828 год с портретом Пушкина работы О. Кипренского, гравированным Н. Уткиным.

Известны комплекты «Северных цветов» на особой бумаге, в нарядных обложках или в переплетах с золотым обрезом, в футлярах. Такие подносные экземпляры изготовлялись в считанном количестве.

В 1881 году издатель журнала «Русский архив» П. И. Бартенев задумал перепечатать все книжки «Северных цветов» вторым изданием (без гравюр). К сожалению, затея эта кончилась на перепечатке первых двух книжек.

Фронтиспис и лицевая сторона обложки.

Из произведений Пушкина в «Северных цветах» напечатаны:

На 1825 год: «Песнь о вещем Олеге» («Как ныне собирается вещий Олег...»), «Демон» («В те дни, когда мне были новы...»), «Отрывки из «Евгения Онегина» (Глава 2, строфы VII—X. 1. От слов «От хладного разврата света», кончая «Еще пленяли юный ум». 2. От слов «Он верил, что душа родная», кончая «Что есть избранные судьбами». 3. От слов «Негодование, сожаленье», кончая «И прелесть важной простоты». 4. От слов «Он пел любовь, любви послушный», кончая «Лились его живые слезы»), «Прозерпина» («Плещут волны Флегетона...»).

На 1826 год: «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д...» (От слов «Из Азии переехали мы в Европу», кончая — «...и им очаровано все, что подвластно ему»), «К чему холодные сомненья», «Подражание Корану» («С тобою древле, о всесильный...»), «Баратынскому. Из Бессарабии» («Сия пустынная страна...»), «Ему же» («Я жду обещанной тетради...»), «Отрывки из второй песни Евгения Онегина, поэмы А. Пушкина» (1. От слов «Ее сестра звалась Татьяна», кончая «Дремал до утра под подушкой». 2. От слов «Своим пенатам возвращенный», кончая «Потреплет

лавры старика»), «Отрывок из поэмы Цыганы» (от слов «Ты любишь нас, хоть и рожден», кончая «Цыгана дикого рассказ»).

На 1827 год: «Письмо Татьяны» (от слов «Я к вам пишу — чего же боле», кончая «И слепо ей себя вверяю»), «Отрывок из III главы Евгения Онегина. Ночной разговор Татьяны с няней» (от слов «Не спится, няня, здесь так душно», кончая «При вдохновительной луне»), «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»).

На 1828 год: «Отрывки из писем, мысли и замечания» [26 отрывков], «Не знаю где, но не у нас...» (Вставлено в указанные «Отрывки»), «Граф Нулин» («Пора, пора! рога трубят»), «Отрывок из Бориса Годунова» (от слов «Вот, вот она! Вот русская граница!», кончая «Вперед! И горе Годунову»), «Элегия» («Под небом голубым страны своей родной...»), «Ангел» («В дверях Эдема ангел нежный...»), «Череп» («Прими сей череп Д* он...»).

На 1829 год: «IV глава из исторического романа» (от слов «День был праздничный», кончая «не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль»), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Ты и вы» («Пустое вы сердечным ты...»), «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), «Любопытный» («Что ж нового — ей богу, ничего...»), «Зачем твой дивный карандаш...», «Подражание Анакреону» («Кобылица молодая...»), «Ответ Катенину» («Напрасно пламенный поэт...»), «К И. В. С[ленину]» («Я не люблю альбомов модных...»), «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»), «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «Город пышный» («Город пышный, город бедный...»), «Не пой, красавица, при мне...», «Ответ» («И недоверчиво, и жадно...»), «К Я[зыкову]» («К тебе сбирался я давно...»), «Портрет» («С своей пылающей душой...»), «В альбом П. А. О.» («Быть может, уж не долго мне...»).

В этой же книге помещена повесть «Уединенный домик на Васильевском» за подписью «Тит Космократов» (псевдоним В. П. Титова). Повесть эта была записана Титовым со слов Пушкина, вследствие чего некоторые исследователи считают ее принадлежащей Пушкину. Однако основания, приводимые ими в доказательство этого, малоубедительны и спорны. (Н. Синавский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-ое, М., 1938, стр. 57).

На 1830 год: «Отрывок из литературных летописей» («Распря между двумя известными журналистами наде-

лала шуму...»), «Отрывок из VII главы Евгения Онегина» (от слов «Гонимы вешними лучами», кончая «Тянитесь из застав градских»), «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), «Эпиграмма» («Мальчишка Фебу гимн поднес...»), «Олегов щит» («Когда ко граду Константина...»), «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», «К**» («Подъезжая под Ижоры...»), «Эпиграмма» («Седой Свистов! Ты царствовал со славой...»), «26 мая 1828» («Дар напрасный, дар случайный...»), «Я вас любил...» («Я вас любил; любовь еще, быть может...»), «Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат», «K N. N.» («Счастлив ты в прелестных дурах...»).

На 1831 год: «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...»), «Ответ Анониму» («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье...»), «Монастырь на Казбеке» («Высоко над семьею гор...»), «Отрывок» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»), «Обвал» («Дробясь о мрачные скалы...»).

На 1832 год: «Моцарт и Сальери», «Анфологические эпиграммы» (1. «Царскосельская статуя». 2. «Отрок». 3. «Рифма». 4. «Труд»), «Дорожные жалобы» («Долго ль мне гулять на свете...»), «Эхо» («Ревет ли зверь в лесу глухом...»), «Делибаш» («Перестрелка за холмами...»), «Анчар, древо яда» («В пустыне чахлой и скупой...»), «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»).

Кроме стихотворения «Демон» в книжке на 1825 год, а в книжке на 1826 год стихотворений «К чему холодные сомненья» и «Подражание Корану», все остальные произведения Пушкина напечатаны здесь впервые.

68. ИЗБРАННЫЙ НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК

ИЗБРАННЫЙ НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК, содержащий в себе: собрание отборных употребительных и новейших всякого рода песен, разделенные на военные, нежные, любовные, театральные, простонародные и плясовые. С присовокуплением новых произведений сего рода лучших российских литераторов, с объяснением голоса и содержанием каждой песни. Часть первая [— вторая]. Москва. В тип. Августа Семена. 1822. 12°. 138 стр. в каждой части.

АИБОЛЕЕ ранний лубочный песенник, напечатавший стихотворение Пушкина. Такие издания можно разделить на два вида. Первый вид — чисто лубочные издания, которые и по внешности и по цене рассчитывались на продажу в деревнях и среди так называвшегося тогда «простолюдовья» в городах. В подавляющем большинстве

такие песенники заполнялись всякого рода народными песнями, часто подлинными. К ним присоединялись городские и мещанские песни, давно уже утерявшие своих авторов.

Второй вид таких изданий (я называю их «полупесенниками-полуальманахами») включали произведения «лучших русских авторов», то есть стихотворения поэтов, иногда даже и не предназначавших их для пения. Издатели старались придать таким «полупесенникам» даже внешность, похожую на модную тогда форму альманаха: давалось какое-нибудь звонкое название («Жасмин и роза», «Весенние цветы» и т. д.), прилагались картинки. Часто делался подзаголовок «подарок на такой-то год».

Такие сборники «модных романсов и песен» составлялись крайне неряшливо, стихотворения брались без согласия авторов, заглавия давались произвольные, и весьма часто произведения одних авторов приписывались другим.

Все это дополнялось и некоторыми подлинно народными песнями, но взятыми наугад, случайно.

Расчет издателей таких «полупесенников-полуальманхов» был на городского мещанского покупателя.

Как лубочные песенники, так и «полупесенники-полуальманахи» несомненно играли некоторую прогрессивную роль, так как по своей доступности способствовали проникновению в народ многих очень хороших произведений. Помещение в таких изданиях (как первого, так и второго вида) стихотворений Пушкина свидетельствует о широкой популярности поэта.

Однако к самой подписи «Пушкин» в таких изданиях надо относиться с величайшей осторожностью. Здесь уместно вспомнить слова П. А. Ефремова, сказанные по этому поводу: «Что касается до песенников, газет и журналов, то в них была целая вакханалия с именем Пушкина: кому хотелось напечатать это имя под каким-нибудь, даже уже напечатанным с другим именем стихотворением, тот не стеснялся ничем и печатал». (П. Ефремов. «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях». СПб., 1903, стр. 7).

Описываемый «Избранный новейший песенник» принадлежит к числу лубочных изданий первого вида, то есть «чистых песенников». Из произведений Пушкина в нем напечатана «Черная шаль. Молдавская песня». («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»).

Все песенники принадлежат к «зачитанным» изданиям, а потому редки. В дальнейших описаниях песенников это уже не отмечается, равно как и то, что весь материал в них перепечатан из других изданий.

Лицевая сторона обложки.

Фронтиспис.

69. НЕВСКИЙ АЛМАНАХ

НЕВСКИЙ АЛМАНАХ на 1825 год, изданный Е. Аладьиным. Спб. В тип. Департамента нар. просвещения. 1825. 16°. 230 стр.

ТО ЖЕ. На 1826. 16°. 330 стр.

ТО ЖЕ. На 1827. С 4 гравюрами к «Бахчисарайскому фонтану». 16°. 300 стр.

ТО ЖЕ. На 1828. 16°. 350 стр.

ТО ЖЕ. На 1829. 16°. 412 стр. С 6 гравюрами к «Онегину».

ТО ЖЕ. На 1830. 16°. 486 стр., 2 стр. с нот.

ТО ЖЕ. На 1831. 16°. 242 стр.

ТО ЖЕ. На 1832. 16°. 354 стр.

ТО ЖЕ. На 1833. 16°. 124 стр.

ДАЛЕЕ — 1846 — 1848 гг. — две книги. 8°. 280 и 314 стр.

ДИН из наиболее долговечных русских альманахов. Издавал его Егор Васильевич Аладьин (1796—1860), сначала военный, а затем чиновник в Петербурге. Литературой он начал заниматься примерно с 1820 года. Написал несколько посредственных повестей и стихотво-

рений. Мысль об издании альманаха возникла у него под влиянием успеха «Полярной звезды» и «Северных цветов». Материальной базой для изданий послужили две тысячи рублей награды, полученные им за раскрытие контрабанды на купеческих кораблях.

Малоталантливый писатель, он оказался чрезвычайно умелым издателем-«альманашником». Ловко подлаживаясь к литературным знаменитостям, он умел выпрашивать у них материалы для «Невского альманаха». Пушкин, несмотря на недовольство Аладьиным, участвовал в его альманахе. Многие другие известные писатели пошли вслед за Пушкиным. Наряду с ними в «Невском альманахе» печатались и весьма посредственные литераторы. Внешне издаваемые блестяще, иллюстрированные прекрасными гравюрами, книжки «Невского альманаха» имели успех у читателей, но не получили одобрения в прессе. Коммерческий душок чувствовался во всех книжках «Невского альманаха», правильно названного рецензентами «Вестника Европы» «мелкотравчатым представителем нашей современной словесности».

Однако, как бы то ни было, девять первых книг «Невского альманаха» заняли в истории литературы заметное место. Пушкинские стихи были в нем иллюстрированы четырьмя гравюрами С. Галактионова к «Бахчисарайскому фонтану», гравюрой того же мастера к «Борису Годунову» и шестью рисунками художника А. Нотбека (гравировали Ческий, Гейтман, Галактионов, Збруев, М. Иванов) к «Евгению Онегину».

Эти единственные прижизненные иллюстрации «Онегина» были довольно слабы, и Пушкин отзывался о них насмешливыми эпиграммами.

В 1846 году Аладьин вздумал было возобновить «Невский альманах», но он уже не имел успеха.

Весьма любопытен инцидент, происшедший у Аладьина с цензурой. В поисках бесплатного материала Аладьин попросил у Сомова, якобы для прочтения, его повесть «Гайдамак», напечатанную в сожженной декабристской «Звездочке». Без разрешения Сомова он тиснул эту повесть в «Невском альманахе» на 1827 год. Подобным же образом он поступил и с повестью Бестужева «Кровь за кровь» («Замок Эйзен»), взятой тоже из «Звездочки» и тоже без разрешения.

Последовал донос (вероятно Булгарина) Бенкендорфу, что в «Невском альманахе» печатаются материалы декабристов из запрещенной «Звездочки».

*Еще одно, последнее сказанье.
Жизнь моя окончена моя,*

Илл. к «Борису Годунову» в «Невском альманахе».
Рисовал и гравировал С. Галактионов.

Илл. к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе».
Рисовал А. Нотбек. Гравировал Е. Гейтман.

И заповѣдаю сна [Бога мой.]
 Приди въ чернотѣ но днѣ злѣнны.

Илл. к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе».
 Рисовал А. Нотбек. Гравировал С. Галактионов.

Илл. к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе».
Рисовал А. Нотбек. Гравировал А. Збруев.

Илл. к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе».
Рисовал А. Нотбек. Гравировал М. Иванов.

Илл. к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе».
Рисовал А. Нотбек. Гравировал И. Ческий.

Илл. к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе».
Рисовал А. Нотбек. Гравировал И. Ческий.

Хотя материалы эти дважды проходили цензуру, Аладыну изрядно пришлось «попариться» в Третьем отделении, давая показания, каким образом они к нему попали.

Из произведений Пушкина в «Невском альманахе» напечатаны: в альманахе на 1826 год — «NN, при посылке ей Невского альманаха» («Примите Невский альманах...»); на 1827 год — «Отрывки из Бахчисарайского фонтана»: 1. «Гирей сидел потупя взор». 2. «Беспечно ожидая хана». 3. «Они поют, но где Зарема». 4. «Все жены спят. Не спит одна». 5. «И тайный страх в нее проник». 6. «Пред ней покоилась княжна». 7. «Увы, Зарема, что с тобой». 8. «Он мой. Он ослеплен тобою». (Все эти отрывки помещены как пояснения к четырем картинкам, иллюстрирующим поэму), «Нравоучительные четверостишия»: 1. «Равновесие». 2. «Удел гения». 3. «Верное предсказание». 4. «Справедливость пословицы». 5. «Мстительность». 6. «Непоколебимость». 7. «Сила и слабость». 8. «Лебедь и гусь». 9. «Мартышка», принадлежность этих четверостиший А. С. Пушкину, в соавторстве с Н. М. Языковым, доказывается Н. О. Лернером (см. «Северные записки», 1913, № 4. Четверостишие «Удел гения» Н. Лернер приписывает одному Языкову); на 1828 год — «Сцена из трагедии Борис Годунов. (Сочинение А. С. Пушкина)» (от слов «Еще одно последнее сказанье», кончая «И три раза мне снился тот же сон! Не чудно ли?»), «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье», («Близ мест, где царствует Венеция златая...»), «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...»), «Нравоучительные четверостишия»: 1. «Общая судьба». 2. «Безвредная ссора». 3. «Закон природы» (совместно с Н. М. Языковым — см. предыдущий год); на 1829 год — «Отрывки из «Евгения Онегина»: 1. «Все было тихо; лишь ночное...» 2. «Богат, хорош собою, Ленский». 3. «Татьяна то вздохнет, то охнет». 4. «Настанет вечер деревенский». 5. «Морозна ночь; все небо ясно». 6. «И горожанка молодая». Все эти отрывки из «Онегина» иллюстрированы 6 картинками художника А. Нотбека.

Кроме отрывков из «Бахчисарайского фонтана» (в книжке на 1827 год), «Бориса Годунова» (на 1828 год) и «Евгения Онегина» (на 1829 год), все остальное напечатано впервые.

Комплект «Невского альманаха» — большая редкость, в собственности со всеми гравюрами. Были также особые подносные экземпляры с золотым обрезом в издательских переплетах, в футлярах. Таких экземпляров было крайне ограниченное количество.

70. УРАНИЯ

УРАНИЯ, карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности. Изданная М. Погодиным. Москва. В тип. С. Селивановского. 16°. 303 стр.

 ОБЛАЗНЕННЫЙ успехом «Полярной звезды», Михаил Петрович Погодин, будущий издатель «Москвитянина», главного органа славянофилов, решил «выдать в свет» этот альманах и обратился к П. А. Вяземскому с просьбой походатайствовать перед Пушкиным, чтобы тот дал в «Уранию» что-либо из своих стихов.

Вяземский написал Пушкину: «Здесь есть Погодин университетский и, по-видимому, хороших правил. Он издает альманах в Москве на будущий год и просит у тебя Христарди. Дай ему что-нибудь из Онегина, или что-нибудь из мелочей».

Пушкин не замедлил ответом Вяземскому: «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт его побери). Вот тебе несколько эпиграмм. У меня их пропасть, избираю невиннейших» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 13, стр. 239, 245).

В издании альманаха «Урания» ближайшее участие принял С. Шевырев. В альманахе напечатаны произведения Пушкина, Д. В. Веневитинова, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. Ф. Мерзлякова, А. И. Полежаева, Ф. И. Тютчева, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и других. Альманах получился хорошим.

Дельвиг писал Погодину: «Урания меня обрадовала одна в этом году, прочие соперники наши лучше бы сделали, если бы не родились».

Как известно, сам Дельвиг в этом же году издавал «Северные цветы».

Погодинский кружок, одобренный успехом «Урании», задумал в следующем году издать новый альманах «Гермес». Не без влияния Пушкина, в это время отрицательно относившегося к альманахам, Погодин и его друзья вместо альманаха затеяли журнал «Московский вестник». Когда еще через год, уже параллельно с «Московским вестником», Погодин опять вернулся к мысли об издании новой книжки «Урании», Пушкин писал ему: «Вы издатель Европейского журнала в Азиатской Москве, Вы честный литератор между лавочниками литературы, Вы!.. Нет, Вы не захотите марать себе рук альманашной грязью...» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 13, стр. 340).

Так второй «Урании» и не появилось на свет.

В «Урании» на 1826 год из произведений Пушкина напечатаны: «Мадригал» («Нет ни в чем вам благодати...»), «Движение» («Движенья нет, сказал мудрец брадатый...»), «Совет» («Поверь, когда и мух и комаров...»), «Соловей и кукушка» («В лесах, во мраке ночи праздной...»), «Дружба» («Что дружба? Легкий пыл похмелья...»).

Все произведения напечатаны здесь впервые.

71. СИРИУС

СИРИУС. Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе. Издано М. А. Бестужевым-Рюминым. Книжка первая. Спб. В тип. Медицин. Департ. Минист. Внутр. дел. 1826. 16°. 200 стр.

 ЕКОТОРЫЕ подробности об издателе этого альманаха М. А. Бестужеве-Рюмине уже рассказаны при описании первого его альманаха «Майский листок» (1824). Здесь, в «Сириусе», Бестужев-Рюмин только повторил трюк, уже использованный им в «Майском листке»: он напечатал отрывок из «Деревни» Пушкина в виде эпиграфа к слабому своему стихотворению под названием «Возвращение на родину». Эпиграф напечатан тем же шрифтом, что и стихотворение, поэтому трудно догадаться, что стихи Бестужева-Рюмина не являются продолжением «Деревни» Пушкина. Это было явной и бесстыдной спекуляцией «альманашника» на популярном стихотворении Пушкина и его имени.

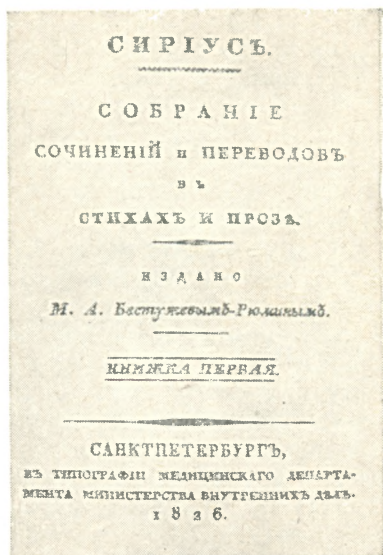
Сам по себе альманах «Сириус» не лишен интереса. В нем помещены произведения Е. А. Баратынского, Д. И. Глебова, А. Д. Илличевского, Д. В. Давыдова и др. Любопытна статья «Следствие комедии Горе от ума», в которой дан пересказ комедии, тогда еще не опубликованной целиком. Как, однако, это делалось издателем, можно судить по рецензии («Московский телеграф», 1827, ч. 13, стр. 153), в которой говорится: «Хуже всего, что комедии в печати еще нет, а следствия уже тут, как тут... не советую никому из нечитавших комедии Горе от ума, судить о ней по ее следствиям».

В этих «следствиях» Бестужев-Рюмин счел нужным привести даже пушкинское четверостишие из его «Послания к Чаадаеву», ходившего по рукам, но тоже неопубликованного.

Сенсации ради Бестужев-Рюмин стремился (правда осторожно) опубликовать (чаще пересказать) в своем «Си-

Лицевая сторона обложки.

Титульный лист.

риусе» некоторые запрещенные произведения поэтов-декабристов.

Все это делалось совсем не в силу каких-либо политических убеждений составителя, а исключительно для «скандальности» и рекламы. Ловкость спекулянта не останавливалась ни перед чем.

Альманах «Сириус» вышел с пометой «книжка первая». Рецензент «Московского телеграфа» (1828, ч. 19, 20 и 24) оповещал читателей, что второй книги «Сириуса» не будет, а вместо нее издатель затевает новый альманах «Северная звезда».

Из пушкинских произведений в «Сириусе» напечатаны отрывок из стихотворения «Деревня» и четверостишие (искаженное) из «Послания к Чаадаеву». Последнее опубликовано здесь, хотя и без разрешения автора, но впервые.

72. МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК. Журнал, издаваемый М. Погодиным. Москва. 1827—1829. Выходил дважды в месяц.

 АРОЖДЕНИЕ журнала совпало с возвращением Пушкина из ссылки в Москву в 1826 году. В начале октября Пушкин в доме Веневитиновых читал своего «Бориса Годунова». Здесь было принято решение издавать журнал и пригласить в него главным участником Пушкина. Инициатива принадлежала литературному кружку из бывших «любомудров», группировавшихся вокруг поэта Д. В. Веневитинова.

В кружок входили М. П. Погодин, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, В. Ф. Одоевский, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, А. И. Кошелев, С. А. Соболевский и другие. Пушкин принял предложение участвовать в новом журнале, надеясь найти в нем трибуну для своих выступлений. Материальная сторона участия Пушкина была обусловлена договором, по которому организаторы журнала обязались «платить с проданных тысячи двухсот экземпляров десять тысяч А. С. Пушкину». Низкая подписка на журнал не дала этих материальных благ поэту.

Взглядов «любомудров», с их отказом от обсуждения общественно-политических вопросов и уходом в область идеалистической философии, в область «чистого искусства», Пушкин не разделял, но надеялся в будущем постепенно подчинить журнал собственному влиянию и взглядам.

В членах кружка Д. В. Веневитинова поэт видел способных людей, могущих противостоять влиянию реакционной болгаринской клики и влиянию журналов Н. А. Полевого и Н. И. Надеждина, взгляды которых также были чужды Пушкину.

Другу своему А. А. Дельвигу, удивленному «союзом» Пушкина с «любомудрами», поэт писал в марте 1827 года: «Ты пеняешь мне за Московский Вестник и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... — Московский вестник сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая?... А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают...» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 13, стр. 320).

Так, используя слова «веревка вещь какая?» из известной басни И. И. Хемницера «Метафизик», Пушкин давал

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сцена изъ Трагедіи *Борисъ Годуновъ*.

1603 годъ.

Ночь. Келья въ Чудовъ Монастырь.

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ лижетъ передъ лампадой.

Еще озяло, послѣднее сказанье, —
И альпопись окончена моя;
Исполненъ долгъ завѣданный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ альтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставлялъ,
И книжному искусству вразумилъ.
Когда янбудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безмяннй,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду, —
И пылъ вновьъ отъ хартій оспраивуъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ, —
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной живущую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминающихъ
За ихъ труды, за славу, за добро, —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смирненно умоляютъ.

А 2

понять Дельвигу о совершенно чуждых ему взглядах «любомудров», перебороть которых ему так и не удалось.

Скоропостижная смерть главы литературного кружка Д. В. Веневитинова способствовала увяданию журнала. Кружок постепенно стал распадаться, и «Московский вестник» с 1829 года сделался журналом одного М. П. Погодина, а вскоре и закрылся совсем. Не помогло даже то, что Пушкин до конца издания журнала не жалел для него своих стихотворений. Периодический журнал — не альманах и на одних стихах, даже пушкинских, существовать не смог. Сам Пушкин все свое внимание перенес на «Литературную газету», которую с 1830 года начал издавать Дельвиг.

Нельзя сказать, чтобы «Московский вестник» был совершенно чужд каким-либо прогрессивным стремлениям. В тех весьма редких случаях, когда голос сотрудников журнала пытался звучать громче, чем это было «предначертано», в дела журнала немедленно вмешивалась цензура, с которой «Московскому вестнику», несмотря на крайнюю умеренность своей программы, пришлось вытерпеть огромное количество неприятностей.

Из произведений Пушкина в журнале были напечатаны: в 1827 г. — «Сцена из трагедии Борис Годунов» («Еще одно последнее сказанье...»), «К***» («Зачем безвременную скуку...»), «Буря» («Ты видел деву на скале...»), «Золото и булат» («Все мое, сказало злато...»), «Отрывок из повести Граф Нулин» (от слов «Пора, пора — рога трубят», кончая «Опустошительный набег»), «Прозаик и поэт» («О чем, прозаик, ты хлопчешь...»), «Одесса» (от слов «Я жил тогда в Одессе пыльной», кончая «Итак, я жил тогда в Одессе»), «Эпиграмма (Из антологии)» («Лук звенит, стрела трепещет...»), «Испанский романс» («Ночной зефир...»), «К Яз[ыкову]...» («Яз., кто тебе внушил...»), «Княгине З. А. Волконской, посылая ей поэму: Цыганы» («Среди рассеянной Москвы...»), «Жених. Простонародная сказка» («Три дня купеческая дочь...»), «Отрывок из неконченной поэмы» (от слов «Свод неба мраком обложился», кончая «И рассвело...»), «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина» (от слов «В начале жизни мною правил», кончая «И чувств глубоких и страстей!»), «Поэт» («Пока не требует поэта...»); в 1828 г. — «Стансы» («В надежде славы и добра...»), «Москва. (Из Евгения Онегина)» (от слов «...Перед ними уж белокаменной Москвы», кончая «Туда, где он явился ей»), «Альбомы (из IV главы Евгения Онегина)» (от слов «Поедет он домой — и дома», кончая «А мадригалы

им пиши»), «Пророк» («Духовной жаждою томим...»), «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы...»), «Коварность» («Когда твой друг на глас твоих речей...»), «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем» («Мне скучно, бес...»), «Недоконченная картина» («Чья мысль восторгом угадала...»), «К К[аверину] 1817» («Забудь, любезный мой К...ин»); в 1829 г. — «Подражания»: 1. «В крови горит огонь желанья...». 2. «Вертоград моей сестры...», «Утопленник» («Прибежали в избу дети...»), «Д..ву, на приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма» («Нельзя, мой толстый Аристип...»), «К...» («Стих каждой повести твоей...»), «Отрывок из поэмы Мицкевича Конрад Валленрод» («Сто лет минуло, как Тевтон...»), «Чернь» («Поэт — по лире вдохновенной...»); в 1830 г. — «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»), «Элегический отрывок» («Поэдем, я готов...»).

Кроме «Испанского романа» («Ночной зефир...»), — все остальное напечатано здесь впервые.

73. СЛАВЯНИН

СЛАВЯНИН. Военно-литературный журнал, издаваемый А. Ф. Воейковым. Спб. 1827—1830.

Сначала выходил еженедельно, в 1830 году — два раза в месяц.

 ДНО из журнальных предприятий А. Ф. Воейкова, взявшего в аренду с 1822 года газету «Русский инвалид», к которой он давал приложения «Новости литературы» и «Литературные прибавления». Таким же приложением являлся и «Славянин».

«Славянин» делился на два раздела: военный и литературный. В военном разделе проводились те же «охранительные» тенденции, которые отличали и газету «Русский инвалид», хотя кое-что среди помещенного материала было не лишено интереса. Можно отметить «Письма генералиссимуса Суворова к Багратиону», описание Бородинской битвы и т. д.

В литературном отделе печатались В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, Н. М. Языков и А. С. Пушкин. Но преобладала переводная беллетристика.

Отдел критики вел сам А. Ф. Воейков, задиристо и полемично. В своих сатирических фельетонах под названием «Хамелеонистика» нападал на Булгарина и Греча, высмеивая их рептильность и беспринципность.

СЛАВЯНИНЪ,
Военно-Литтературный журналъ,
ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Воейковъ изд.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

1828.

№ XXVII.

~~~~~

Да помянишь Славянитъ,
Что оны материнскъ славы,
Что оны величавъ предковъ сныи,
Которыя мечи вронаны
И древле были кровяныи сърахи!
Друзья! ошцы предъ нами:
На нѣтъ же мы цѣпимъ поляхъ,
Подъ нѣтъ же небесахъ,
Гдѣ чада славы разцѣли!
Предъ нами та же дорога,
По коей дѣды ирошдали
За Русь, Царя и Бога.

Жуковскій.

~~~~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Печатано въ Типографіи Императорской Россійской
Академіи.

Титульный лист.

Из произведений Пушкина в «Славянине» напечатаны: в 1827 г.— «Отрывок из стихотворения Цыганы» (от слов «Алеко спит. В его уме», кончая «Убийца страшен был лицом»), «Братья разбойники. (Отрывок)» (от слов «Ах, юность, юность удалая», кончая «И стража отвела в острог»); в 1828 г.— «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье» («Близ мест, где царствует Венеция златая...»); в 1830 г.— «Послание к Н. Б. Ю.*** [Н. Б. Юсупову]» («От северных оков освобождая мир...»), «К товарищам молодости» («Бог в помощь вам, друзья мои...»).

Впервые напечатано одно только последнее стихотворение.

74. ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК

ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК. Газета политическая и литературная. Одесса. 1827—1893.

Выходила по распоряжению генерал-губернатора М. С. Воронцова, как официальное издание. Находилась в его ведении. В 1827 году газета печаталась на двух языках — русском и французском, далее — только на русском. Первоначально выходила два раза в неделю, а с 1828 г.— ежедневно. За время существования газеты редакторы неоднократно менялись.

 ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Пушкина было напечатано в 1827 году всего одно — «Одесса. Из VII главы Евгения Онегина» (от слов «Я жил тогда в Одессе пыльной», кончая «Итак, я жил тогда в Одессе»).

Отрывок этот перепечатан из других изданий.

75. ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕУМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕУМ на 1827 год, Владимира Измайлова. Издание Александра Ширяева. Москва. Тип. С. Селивановского. 1827. 16°. 320 стр.

 ОСТАВИТЕЛЬ альманаха — Владимир Васильевич Измайлов, о котором уже говорилось при описании «Вестника Европы» и журнала «Российский музеум». Издание этого альманаха он предпринял на склоне лет, за три года до своей смерти. Все понимали, что «Литературный музеум» — это своеобразное прощание В. В. Измайлова с литературой, своего рода «лебединая песня» старого литератора.

Первый редактор, напечатавший стихи молодого Пушкина, Измайлов считал себя дальним родственником поэту (по дядям Василию и Николаю Львовичам).

Задумав издать этот альманах, В. В. Измайлов обратился с письмом к Пушкину, на которое поэт ответил следующее: «Радуюсь, что могу чем-нибудь угодить первому почтенному покровителю моей музыки.— Я непременно доставлю Василию Львовичу стихи для Вашего альманаха». (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 13, стр. 199).

Кроме Пушкина, на просьбу В. В. Измайлова откликнулись П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич и другие. Альманах получился очень хорошим. М. Погодин в «Московском вестнике» (1827, № 11) отозвался на его выход сочувственной рецензией. Хорошо отозвался об альманахе и «Московский телеграф» (1827. ч. XV. № 12, стр. 335).

Из стихотворений Пушкина в альманахе напечатаны: «Соловей» («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...»), «Испанская песня («Ночной зефир...»), положена на музыку А. Верстовским; ноты приложены к альманаху.

Оба стихотворения напечатаны здесь впервые.

76. ПАМЯТНИК ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЗ

ПАМЯТНИК ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЗ. Изданный на 1827 год Борисом Федоровым. Спб. В тип. А. Смирдина. 1827. 16°. 120, 263 стр.

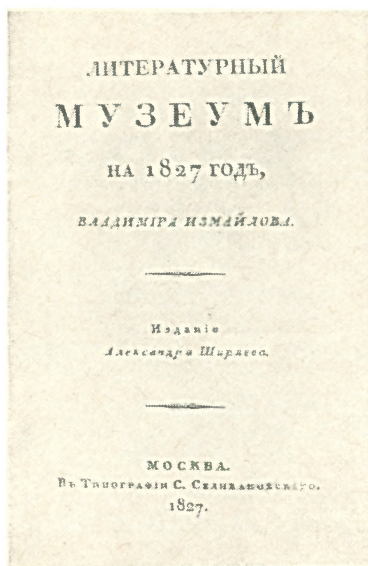
ТО ЖЕ. На 1828 год. Спб. В тип. Департ. Внешн. торг. 1827.

ЕЗДАРНЫЙ беллетрист и стихотворец, Борис Федоров был ловким издателем. Он выпустил в свет большое количество различных альманахов, журналов, детских книжек, в равной степени серых по содержанию. О нем ходила эпиграмма С. А. Соболевского:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки...

В предисловии к первой книге «Памятника отечественных муз» Б. Федоров писал, что «соединив в сем альманахе неизданные старые и новые произведения писателей знаме-

Титульный лист.

Лицевая сторона обложки.

нитых и опыты юных дарований в классическом и романтическом роде, тех коих потерю уже оплакивали музы, и тех, которые еще начинают жертвовать Музам в области прекрасного, — я желал представить любителям чтения *Памятник отечественных Муз*».

«Старые и знаменитые» писатели представлены, главным образом, их письмами, за получение которых издатель благодарит А. И. Тургенева, Е. А. Карамзину, Д. А. Державину и других.

Издатель сообщает также, что «Пушкин позволил поместить в сем альманахе некоторые из первых произведений своей Музы». Но это была неправда: Пушкин печатать эти стихи не хотел и разрешения Федорову не давал.

В «Северных цветах» на 1829 год (стр. 35—36) Орест Сомов по этому поводу сообщал: «В памятнике Муз на 1827 год напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина *Фавн и пастушка*, стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой».

Пушкин и некоторое время спустя продолжал отказываться от этого своего стихотворения.

Он писал:

«...г-н Федоров напечатал под моим именем однажды какую-то (?) идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на Панаева». (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 11, стр. 82).

По мнению академика В. В. Виноградова, все это не соответствует истине. Отказ от авторства этого стихотворения — прием самозащиты Пушкина. Летом 1828 года началось дело о «Гавриилиаде», в котором ставились в вину Пушкину не только «атеизм поэмы», но и ее «безнравственность». Вот почему Пушкин спешил отречься от фривольной юношеской идиллии «Фавн и пастушка». (В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, стр. 170).

Как бы то ни было, но факт печатания Б. Федоровым произведений Пушкина без его разрешения остается фактом.

Это вполне соответствовало нравам многих «альманашиков», среди которых Борис Федоров занимал не последнее место.

Альманах в общем получился небезынтересным. О ловкости и умении Федорова как издателя уже говорилось. Вяземский похвалил альманах в целом, упрекнув издателя, что он, наряду с именами «имеющими постоянное право на внимание наше, поместил имена темные и малозначительные». Это уже относилось к вкусу издателя, которым Борис Федоров похвастать никогда не мог. Вторая книжка «Памятника» вышла слабее первой, и в ней уже не было стихов Пушкина.

Из произведений Пушкина в первой книжке «Памятника» напечатаны: «Романс» («Под вечер осени ненастной...»), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»), «Отрывки из стихотворения: Фавн и Пастушка»: 1. От слов «С пятнадцатой весною», кончая «И шепчет: о, Филон!». 2. От слов «Здесь розы наклонились», кончая «В ущельях диких гор». 3. От слов «Одна, поутру, Лила», кончая «Нет! — Лила спасена». 4. От слов «Эроты златокрылы», кончая «За облаком луна». 5. От слов «Поникнув головою», кончая «Амур уже забыт». 6. От слов «О Лила! Вянут розы», кончая «Что было, то прошло», «Заздравный кубок» («Кубок янтарный...»), «К живописцу» («Дитя Харит, воображенья...»), «Сон (из Вадима)» (от слов «Проходит ночь; огонь погас», кончая «Кто мог? И слышит голос: ты!»).

Все произведения Пушкина напечатаны в этом альманахе впервые.

77. СОБРАНИЕ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОБРАНИЕ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ. В пользу юношества, воспитываемого в Учебном округе Виленского Университета. Вильно. Изданием Ф. Моритца. Тип. Б. Неймана. 1827. 8°. 24, 404 стр.

 БОРНИК-хрестоматия. Разделы: Духовные стихотворения. Переложения. — Подражания. — Оригинальные стихотворения. Нравственные стихотворения. — Аллегии. Среди авторов — Ломоносов, Сумароков, Державин, Жуковский и т. д.

Из стихотворений Пушкина напечатаны: «Безверие» («О вы, которые с язвительным упреком...»), «Телега жизни» («Хоть тяжело подчас в ней бремя...»).

Оба стихотворения перепечатаны из других изданий.

78. НОВЕЙШИЙ ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК

НОВЕЙШИЙ ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК, заключающий в себе собрание лучших, отборных, употребительных и новейших всякого рода песен, как то: военных, нежных, любовных, печальных, театральных, пастушеских, простонародных и плясовых. С прибавлением новейших и еще ни в котором песеннике не напечатанных произведений сего рода, с объяснением содержания каждой песни, а равно и с показанием голоса. Москва. В тип. имп. Московского театра, у содержателя А. Похорского. 1827. Часть первая — вторая.

ТО ЖЕ. Издание второе. Печатано с издания 1827 года без исправления. Москва. 1830.

 БЫЧНОЕ лубочное издание, с преобладанием народных песен. Принадлежит к разряду «чистых песенников». Из стихотворений Пушкина напечатана (в первой части) «Черная шаль. Молдавская песня» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»).

79. СОБРАНИЕ РОМАНСОВ И ПЕСЕН ДЛЯ ПРЕКРАСНОГО ПОЛА

СОБРАНИЕ РОМАНСОВ И ПЕСЕН ДЛЯ ПРЕКРАСНОГО ПОЛА. Часть первая — вторая. Москва, в Университетской тип. 1827. Ч. I. 90 стр.; Ч. II. 91 стр.

БЫЧНОЕ лубочное издание с преобладанием «модных» стихотворений. Из стихотворений Пушкина напечатаны: в первой части — «Я пережил свои желанья...», «В реке бежит гремучий вал...»; в части второй — «Гляжу я безмолвно на черную шаль».

80. АЛЬБОМ СЕВЕРНЫХ МУЗ

АЛЬБОМ СЕВЕРНЫХ МУЗ. Альманах на 1828 год. Изданный А. И. Спб. Тип. А. Смирдина. 1828. 16°. 328 стр. + гравированный фронтиспис и портрет Н. М. Карамзина.

ДИН из хороших альманахов пушкинского времени. В нем напечатаны произведения А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, С. П. Шевырева, Ф. Н. Глинки и других. Тут же, однако, и «творения» Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского.

По-видимому, составитель дружил со всеми. Он опубликовал (без подписей) стихи А. А. Бестужева и В. К. Кюхельбекера. В альманахе напечатаны два исторических очерка: один за подписью А. И., другой — «Старожилов».

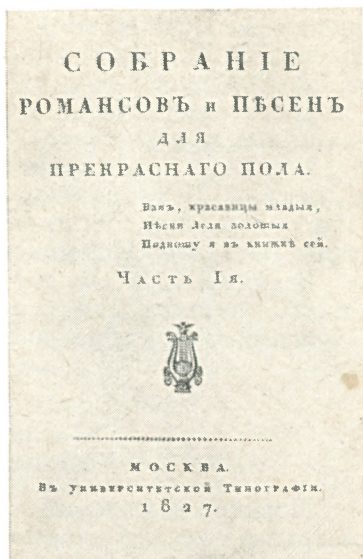
За этими инициалами и псевдонимом «Старожилов» скрывался небезызвестный Андрей Иванович Ивановский, чиновник, любитель литературы, писавший и сам (весьма средне). Служил он в канцелярии военного министерства по судебной части. В декабре 1825 года был прикомандирован в качестве делопроизводителя в следственную комиссию по делу декабристов. Далее служил секретным следователем в Третьем отделении, выполняя поручения самого Бенкендорфа.

Склонность его к литературе, благоговейное отношение к Пушкину, Грибоедову и другим позволили ему (в меру возможностей, конечно) оказать писателям-декабристам некоторые услуги во время следствия. Есть основания считать, что в благополучном исходе дела для Грибоедова Ивановский сыграл немалую роль.

В «Русской старине» (1889 г.) опубликованы письма из архива Ивановского, доказывающие дружескую его близость с К. Ф. Рылеевым, А. О. Корниловичем и другими. Оставленные им воспоминания о Пушкине («Русская старина», № 2, стр. 392), хотя и проникнуты глубочайшим уважением к поэту, но вряд ли достоверны. Известно, что Пушкин подарил Ивановскому экземпляр «Цыган» со своим автографом.

Титульный лист.

Лицевая сторона обложки.

«Альбом северных муз» составлен Ивановским довольно интересно, хорошо издан. Он редок только с портретом Карамзина.

Рецензент «Московского телеграфа» (ч. 20, стр. 234) очень благожелательно отозвался об альманахе.

Из произведений Пушкина напечатано здесь впервые стихотворение «Талисман» («Там, где море вечно плещет...»).

81. ОПЫТ РУССКОЙ АНФОЛОГИИ

ОПЫТ РУССКОЙ АНФОЛОГИИ, или избранные эпиграммы, мадригалы, эпиграфии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения. Собрано Михаилом Яковлевым. Издано Иваном Слениным. Спб. В тип. Департ. нар. просв. 1828. 16°. 215 стр.

АЛМАНАХ заполнен короткими стихотворениями разных авторов. Стихотворения перепечатаны из других изданий, но наряду с ними помещены и новые, нигде еще не появлявшиеся. В предисловии составитель пишет: «В обязанность себе вменяю принести мою благодар-

ность А. С. Пушкину, А. А. Дельвигу, А. Д. Илличевскому, О. М. Сомову, Б. М. Федорову, П. Г. Ободовскому, А. Д. Вердеревскому, В. С. Филимонову и В. И. Карлгофу за доставление мне для сей книжки новых, нигде не напечатанных пьес».

Михаил Лукьянович Яковлев — лицейский товарищ Пушкина. В тридцатых годах он заведовал типографией II-го отделения собств. е. и. в. канцелярии и помогал Пушкину печатать «Историю Пугачевского бунта».

В лице Яковлев считался большим весельчаком. Он сочинял романсы, хорошо пел. В «Пирующих студентах» Пушкин писал, обращаясь к Яковлеву:

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь!
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь!

Позднее Яковлев был хранителем лицейских традиций, устраивал всякие празднества бывших воспитанников, хранил архив первого лицейского курса. Квартиру его при типографии называли «лицейским подворьем».

Выпущенная им книжечка — своеобразна и интересна. Она украшена гравированным фронтисписом.

Нельзя, однако, не остановить внимания на следующем письме к издателю, напечатанном в «Московском телеграфе» (1828, ч. XX, стр. 536): «Поместив в сей книжке телеграфа присланное нам известие, мы показали, что не принадлежим к числу осуждающих издание Опыта Русской Анфологии; но беспристрастие требует от нас также довести до сведения г-на Собирателя оной следующие замечания.

Его Высокопревосходительство И. И. Дмитриев препоручил нам заметить, что в числе стихотворений, означенных его именем, помещены шесть пьес совсем ему не принадлежащих.

Другие литераторы препоручили нам заметить, что не худо б было г-ну Собирателю:

1-ое, предварительно попросить каждого литератора о позволении помещать в свое собрание те или другие сочинения и переводы.

2-ое, если же он и рассудил печатать без позволения авторов, то, по крайней мере, мог печатать только такие пьесы, которые уже были ими прежде напечатаны, ибо не все, что пишется для альбомов и для малого круга друзей, каждый литератор захочет предать тиснению.

3-е, что напечатанные прежде пьесы должно было печатать по последним исправленным изданиям, а не так, как пьесы являлись в журналах в первый раз, и часто с ошибками».

Все вышесказанное здесь редакцией «Московского телеграфа» касается отнюдь не только одного этого альманаха пушкинской поры, почему мне и показалось не лишним перепечатать это письмо.

В «Опыте русской анфологии» напечатаны следующие стихи Пушкина: «Мадригал М...ой» («О вы, которые любовью не горели...»), «Друзьям» («Богами вам еще даны...»), «Лиле» («Лила, Лила, я страдаю...»), «Дориде» («Я верю; я любим...»), «Веселый пир» («Я люблю вечерний пир...»), «К Морфею» («Морфей, до утра дай отраду...»), «Подражание Корану» («С тобою древле, о всесильный...»), «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...»), «На смерть стихотворца» («Покойный Клит в раю не будет...»), «Добрый человек» («Ты прав: несносен Фирс ученый...»), «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени...»), «Дружба» («Что дружба? Легкий пыл похмелья...»), «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»), «Надпись к портрету***» («Судьба свои дары явить желала в нем...»), «История стихотворца» («Внимает он привычным ухом...»), «Дионея» («Хромид в тебя влюблен...»), «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»), «В альбом» («Если жизнь тебя обманет...»), «Эпиграмма» («У Кларисы денег мало...»), «Старик. (Из Марота)» («Уж я не тот любовник страстный...»), «Нереида» («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»), «Русскому Геснеру» («Куда ты холоден и сух...»), «К А. Б.» («Что можем наскоро стихами молвить ей...»).

Только предпоследнее стихотворение («Русскому Геснеру») напечатано здесь впервые.

82. ЭВТЕРПА

ЭВТЕРПА. Подарок любительницам и любителям пения на 1828 год. Собрание новейших романсов и песен. Москва. Тип. А. Семена. 1828. 16°. 143 стр.

ЭВТЕРПА или собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов. Москва. В тип. Лазаревых, Института восточн. языков. 1831. 16°. 185 стр.

ЭВТЕРПА. Подарок любительницам и любителям пения. Собрание новейших романсов и песен. Издание второе. Москва. В тип. Пономарева. 1836.

СЫЧНЫЙ полуальманах-полупесенник, с явным преобладанием стихотворений вовсе не песенного характера. Внешний вид издания — «под альманах». Отсюда и «на такой-то год», и приложенные гравюры. По содержанию «Эвтерпа» 1828 года значительно отличается от «Эвтерпы» 1831 года, в то время как «Эвтерпа» 1836 года весьма схожа с «Эвтерпой», изданной в 1828 г. Следует считать книжку 1836 года не вторым изданием сборника 1831 года, а вторым изданием «Эвтерпы» 1828 года. Судя по повторяющимся гравюрам, издатель всех трех книжек был один и тот же.

Титульный лист.

Рецензент «Московского телеграфа» — (1828 г., ч. 19, стр. 246) писал: «Издатель Эвтерпы собрал в сей книжке 68 новейших песен. Это и много и мало. Много — потому что попались пьесы не стоившие перепечатанья (подле пьесы Дельвига, встречаете пьесу Нечаева, подле Пушкина — Домантовича), мало, потому, что еще сотню песен мог бы он набрать отличного достоинства».

Из стихотворений Пушкина напечатаны в книжке 1828 г.: «Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...», «Под вечер осени ненастной...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Ночной зефир...», «Дарует небо человеку...», «Вчера за чашей пуншевою...», «Кубок янтарный...», «Девуцы, красавицы...», «Мечты, мечты...».

В книжке 1831 г.: «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), «Из поэмы Полтава» («Кто при звездах и при луне...»), «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), «Я пережил свои желанья...», «Усы» («Глаза скосив на ус кудрявый...»), «Снова тучи надо мною...», «Не пой, красавица, при мне...», «Черкесская песня», «Цветок засохший, безуханный», «К морю» («Погасло дневное светило...»), «Увы! За чем она блистает...».

Кроме того, за подписью Пушкина напечатаны стихотворения, ему не принадлежащие: «Я пал пред алтарем прекрасной...» и «Не невеста с женихом...».

В книжке 1836 г.: «Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...», «Под вечер осени ненастной...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Ночной зефир...», «Дарует небо человеку...», «Вчера за чашей пуншевою...», «Кубок янтарный...», «Девицы, красавицы...», «Мечты, мечты...».

В книжке 1831 г. впервые напечатано стихотворение «Усы» («Глаза скосив на ус кудрявый...»), но за подписью «Д. Давыдов».

83. РУССКИЙ ИНВАЛИД

РУССКИЙ ИНВАЛИД, или Военные ведомости. Спб. 1813—1917.

ОЕННАЯ газета царской России, просуществовавшая с 1813 до 1917 года, т. е. более ста лет. Начал ее издавать в 1813 г. П. П. Пезаровиус с целью оказания помощи инвалидам Отечественной войны 1812 года. Газета сразу же стала пользоваться успехом, так как ей дали возможность первой помещать корреспонденции с театра военных действий. После войны газета продолжалась на правах своеобразного военного официоза, хотя издание ее сдавалось в частную аренду.

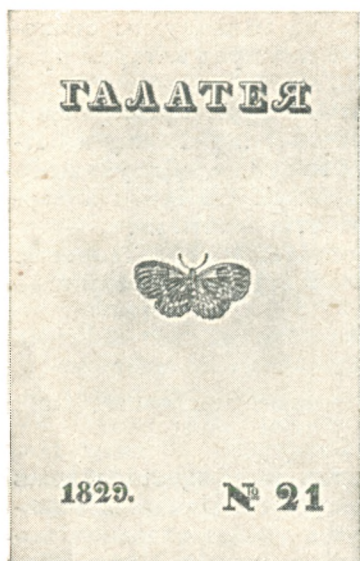
В 1822 г. В. А. Жуковский, покровительствовавший А. Ф. Воейкову, дал ему возможность взять эту аренду. Воейков издавал газету до самой своей смерти, т. е. до 1840 года.

Направление газеты было «охранительное». С целью оживления издания А. Ф. Воейков стал давать к газете различные литературные приложения: «Новости литературы», «Славянин» и «Литературные прибавления». (Подробнее об этих приложениях — см. в их описании).

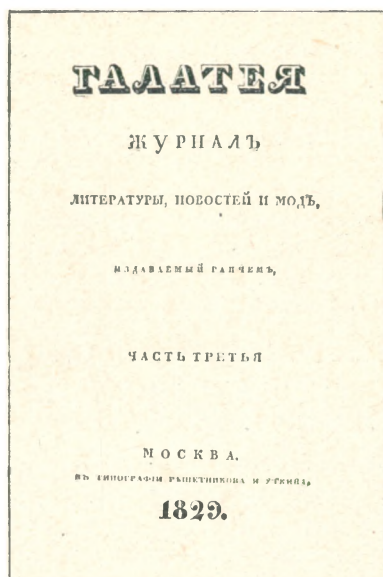
При жизни Пушкина в «Русском инвалиде» появилось только одно его стихотворение (1829, № 87) — «Полтавское сражение» (от слов «Горит восток зарею новой», кончая «Заздравный кубок поднимает»). Помещено в газете в качестве отрывка из только что вышедшей книги Пушкина «Полтава», с соответствующей об этом заметкой.

84. ГАЛАТЕЯ

ГАЛАТЕЯ, журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Раичем. Москва, 1829—1830, 1839—1840. Еженедельно.

Лицевая сторона обложки.

Титульный лист.

ИЗДАВАЛ С. Е. Раич, подробнее о котором рассказано при описании его альманаха «Новые Аониды». Глава литературного кружка, не игравшего существенной роли в литературной жизни, он издавал и журнал ничем не примечательный. Сам издатель во вступительной статье писал: «Галатея — бабочка, как дать ей направление?»

Страницы журнала заполнялись прозой, преимущественно переводной, и критическими статьями самого редактора, уделявшего внимание полемике с «Московским телеграфом», Булгариным и Гречем. Однажды появилась статья, критикующая Пушкина.

В журнале печатались стихотворения Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. И. Полежаева, Ф. И. Тютчева, С. П. Шевырева и других.

Сотрудничество этих писателей, за исключением некоторых, являвшихся членами «кружка Раича», носило случайный характер. Ни сам Раич, ни его журнал не пользовались авторитетом. П. А. Вяземский по поводу полемики «Галатеи» с «Московским телеграфом» писал И. И. Дмитриеву:

«Может ли что быть неприличнее печатной переписки издателей Телеграфа и Галатеи? Покойный Львов расска-

зывал, что, зашедши однажды в лубочную комедию на масленнице, занял он одно из первых мест в ожидании представления. Подходит к нему полицейский офицер и говорит: «Не извольте, ваше превосходительство, садиться так близко: случится беда». А почему так? «Да когда паяц очень расшутится, так начнет он плевать в народ». Читая Галатею Раича мне все сдается, что он спился. Трезвому невозможно таким образом и так скоро опошлиться». (Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. 2, стр. 329).

Пушкин относился к Раичу насмешливо, однако иногда разрешал ему печатать свои стихотворения.

В «Галатее» напечатаны следующие произведения Пушкина: в 1829 г. — «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...»), «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), «В альбом Е. Н. У[шако]вой» («Вы избалованы природой...»).

Стихотворение «Два ворона», положенное на музыку А. Верстовским, напечатано в особом приложении к журналу с нотами. Кроме этого стихотворения, остальные два напечатаны в журнале впервые. Первая часть журнала была издана дважды.

85. СОБИРАТЕЛЬ

СОБИРАТЕЛЬ. Первый год. 1829. [Без указания места печати, типографии и без цензурного разрешения]. №№ 1—2. 8°. В № 1—19 стр.; в № 2 — 30 стр.

КОНЦЕ 1817 года поэт В. А. Жуковский был приглашен в качестве преподавателя русского языка к принцессе Шарлотте, немке, будущей жене Николая I, получившей русское имя Александры Федоровны. Жуковский придавал немалое значение этой своей «придворной» деятельности, искренне думая, что он выполняет «священный долг» поэта.

В качестве пособия Жуковский выпустил альманах «Для немногих», напечатанный в крайне ограниченном количестве экземпляров, исключительно для царской семьи.

В дальнейшем Жуковский был назначен воспитателем сына Николая I, наследника престола. Именно для него Жуковский начал издавать полужурнал-полуальманах «Собиратель» (1829 г.), а позднее (в 1831 г.) «Муравейник». И тот и другой печатались тоже в ограниченном количестве экземпляров, только «для двора».

Особенно малое количество экземпляров напечатано «Собирателя», что-то около 10 или 15. Неудивительно, что все эти альманахи («Собиратель» в особенности) стали большой библиографической редкостью. Литературная их ценность обуславливается лишь тем, что в большинстве своем они содержат первые публикации некоторых произведений В. А. Жуковского.

Во втором номере «Собирателя» Жуковский поместил большой отрывок из пушкинской «Полтавы», думая, вероятно, что этим он оказывает высокую честь и громадную услугу своему любимцу — Пушкину. Отрывок носит заглавие «Полтавский бой» (от слов «О, ты, любовник бранной славы», кончая «Чуть могут следовать за ним»). В книге «Пушкин в печати» ошибочно указано, что отрывок этот помещен не во втором номере, а в первом.

86. ПОДСНЕЖНИК

ПОДСНЕЖНИК. Спб. Тип. Департамента внешней торговли. 1829. 16°. 251 стр., гравир. фронтиспис и портрет Пушкина.

ТО ЖЕ. На 1830 год. Спб. [В той же типографии]. 1830. 16°. 177 стр.

 ПЕРВАЯ книжка «Подснежника» 1829 года издана А. А. Дельвигом и О. М. Сомовым, издававшими «Северные цветы». Книжка на 1830 год издана Е. Аладьиным. Любопытно возникновение первого выпуска «Подснежника». По каким-то причинам, в очередную книжку «Северных цветов» на 1829 год Дельвиг не мог поместить присланные ему П. А. Вяземским стихотворение «Станция» и некоторые другие. Вероятно, боясь, что Вяземский обидится, Дельвиг решил «сколотить» новый альманах под названием «Подснежник», куда и вошли упомянутые произведения.

Чтобы удовлетворить литераторов, принесших дань этому «внеочередному» альманаху, Дельвиг решил весь доход с издания истратить на званый обед петербургским и московским сотрудникам «Подснежника». Об этом свидетельствует письмо С. П. Шевырева М. П. Погодину (25 февраля 1829 г.): «К святой неделе выйдет Дельвига «Подснежник»: на барыш делается обед для всех петербургских литераторов и выпишут, может быть, московских...» («Лит. наследство», т. 16-18, стр. 703). О предстоящем обеде по поводу «Подснежника» уведомлял и Сомов Н. М. Языкова.

Гравированный фронтиспис.

Титульный лист.

Вторая книжка «Подснежника» на следующий 1830 год, как уже говорилось, издана Е. Аладыным. Дельвиг хорошо к нему относился и иногда делился «излишками» «альманашного» материала.

Очевидно, книжка издана «на паях».

Эта книжка значительно слабее первой. В основном она заполнена произведениями второстепенных поэтов, вроде Карлофа, Федорова и других, еще менее известных.

В «Подснежнике» Дельвига напечатаны следующие произведения Пушкина: «Приметы» («Я ехал к вам. Живые сны...»), «Литературное известие» («В Элизии Василий Тредьяковский...»)

В «Подснежнике» Аладына на 1830 год — «Собрание насекомых» («Мое собрание насекомых...»).

Оба произведения напечатаны впервые. «Подснежник» 1829 года с портретом Пушкина — редкость.

87. СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА. 1829. Спб., в тип. Х. Гинце, 1829. 16°. 308 стр.

 ОСЛЕДНИЙ альманах, выпущенный М. А. Бестужевым-Рюминым. При описании первых его альманахов «Майский листок» и «Сириус» уже говорилось о бесцеремонном отношении этого издателя к Пушкину и его произведениям. В «Северной звезде» эти «качества» Бестужева-Рюмина достигли предела.

Задолго до напечатания альманаха Бестужев-Рюмин начал распространять слухи, что в альманахе принимают участие Пушкин и Дельвиг. Оба поэта, зная, с кем они имеют дело, поспешили подать соответствующие заявления в цензуру, с просьбой оградить их имена от посягательств издателя «Северной звезды».

Это ни мало не смутило Бестужева-Рюмина. Он выбрал шесть стихотворений Пушкина, ходивших по рукам в списках (в том числе и такие стихи, которые сам Пушкин не рисковал печатать) и, исказив их, переделав названия, — тиснул у себя в альманахе за подписью «Ап.», т. е. Анониме. За той же подписью он напечатал и одно стихотворение, Пушкину вообще не принадлежащее.

В предисловии к альманаху издатель иронически благодарит этого мифического «Ап», якобы «доставившего ему тринадцать пьес, из коих только несколько могло быть помещено в сей книжке». Кроме того, в критических статьях альманаха, написанных издателем, содержались резкие выпады против Пушкина и его друзей.

Негодованию Пушкина не было границ: мало того, что стихи были напечатаны без его разрешения, да еще в искаженном виде, издатель сообщал, что «не все стихи были удостоены напечатания». Кроме того, опубликование некоторых стихотворений могло навлечь на Пушкина неприятности.

Возмущенный спекуляцией Бестужева-Рюмина Пушкин хотел выступить в печати с протестом и заявить, что в случае повторения подобной проделки он принужден будет прибегнуть «к покровительству законов». Протеста этого Пушкин не напечатал, но зато сделал наброски критической статьи, написанной в форме драматических сцен, в которых главным действующим лицом выведен Бестужев-Рюмин под именем альманашника Бесстыдина.

В сценах этих, известных под названием «Альманашник», рассказывается, как сидя где-то в харчевне, Бесстыдин говорит своему приятелю: «Увидишь, как пойдет наш Альманах: с моей стороны даю тридцать четыре стихотворения; под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пушу без подписи: в предис-

словии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое Обзорение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы...»

Инициалы легко расшифровываются: А. П. — Пушкин, Е. Б. — Баратынский, К. П. В. — кн. П. Вяземский.

В другом наброске этих же сцен один альманашик советуется приятелю, испытывавшему нужду, следующее:

— Знаешь ли что? Издай Альманах.

— Как так?

— Вот как: выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай сам. Выдумай заглавие, закажи в долг виньетку, да и тисни с богом.

Жало пушкинской сатиры касалось в «Альманашике» не одного только Бестужева-Рюмина, но вообще всей той части издателей, которые превратили полюбившиеся читателям издания литературных произведений в форме альманахов в доходную статью.

Сцены, изображающие «альманашика», при жизни Пушкина напечатаны не были, и причины этого не ясны.

Возвращаясь к альманаху «Северная звезда», можно сказать, что в остальной своей части, альманах этот не лишен интереса. В нем помещены отрывки из запрещенного Екатериной II журнала Фонвизина «Друг честных людей или Стародум», а кроме того, правда в осторожной форме, говорится о декабристах и их судьбе. Все это делалось не ради политических симпатий составителя альманаха, а исключительно из желания придать скандальный интерес своему изданию. Альманах был задержан цензурой и опоздал выходом в свет. Эта цензурная задержка опять-таки послужила рекламой альманаху.

Из произведений Пушкина в альманахе напечатаны: «К NN» («Люби, надежды, тихой славы...»), «К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами» («Она мила — скажу меж нами...»), «Будущая эпитафия» («Здесь П-н погребен! Он с музой молодою...»), «К***, отсоветовавшему мне вступить в военную службу» («О, ты, который сочетал...»), «К...ну» («Забудь, любезный мой К...н...»), «К Ю...у» («Любимец ветреных Лаис...»).

Все стихотворения подписаны «Ап». Кроме того, за такой же подписью напечатано не принадлежащее Пушкину стихотворение «Элегия» («О ты, которая из детства...»).

Исключая стихотворения «Будущая эпитафия» и «К...ну», все остальные, хотя и без разрешения автора и в искаженном виде, но напечатаны впервые.

88. РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ, собранная Василием Золотовым. Две части. Москва. В тип. А. Семена [и в Университетской типографии]. 1829.

 ОСТАВИТЕЛЬ — Василий Андреевич Золотов (1804—1882), известный и заслуженный педагог, автор множества учебных пособий. «Русская стихотворная хрестоматия» — один из первых его трудов подобного рода. В «Московском телеграфе» (1829, ч. 25, № 3, стр. 401) на это издание напечатан положительный отзыв.

Из произведений Пушкина в хрестоматии помещены: в части первой — «Козлову» («Певец, когда перед тобой...»), «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»), в части второй — «Отрывки из Кавказского пленника» (от слов «Казалось пленник безнадежный», кончая «С какой то радостью внимал», и от слов «Меж горцев пленник наблюдал», кончая «И в радости младенцы плещут»), «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»), «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...»), «Песнь о вешем Олеге», «К Овидию» («Овидий! Я живу близъ тихих берегов...»).

Все произведения перепечатаны из других изданий.

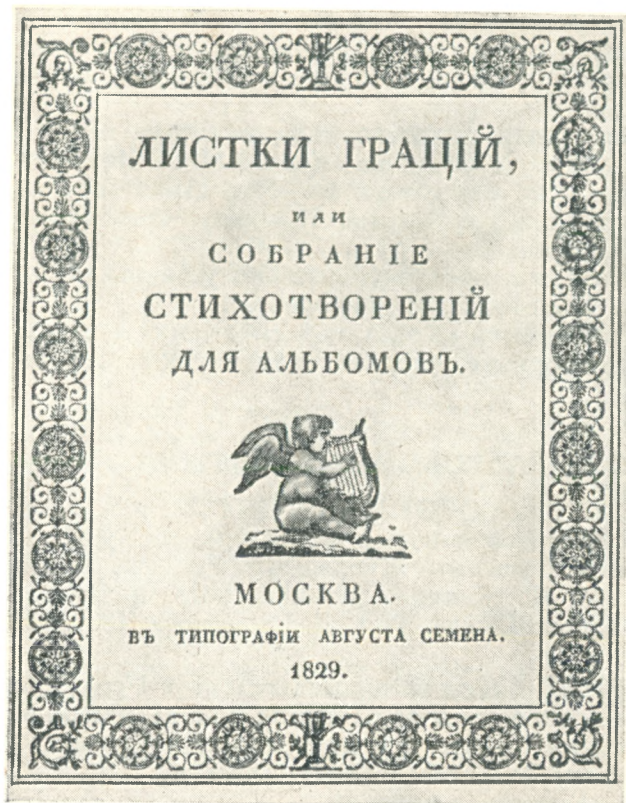
89. ЛИСТКИ ГРАЦИЙ

ЛИСТКИ ГРАЦИЙ, или собрание стихотворений для альбомов. Москва. В тип. Августа Семена. 1829. 16°. 60 стр.

 А ОБЛОЖКЕ этой довольно изящной книжечки напечатано: «Продается у книгопродавца Степана Васильева». Возможно, что он и является издателем «Листков граций». Работа неизвестного составителя не была трудной: им взято, едва ли с разрешения авторов, несколько стихотворений А. С. Пушкина, И. И. Козлова, В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича и других. Книжка сделана грамотнее, чем другие, подобные же, но и эта «грамотность» весьма относительна.

В журнале «Галатей» (1829, № 22) напечатано письмо А. Галахова, в котором он негодует, что его фамилия как автора поставлена под всем известным стихотворением Е. А. Баратынского.

Между прочим, в книжке напечатано стихотворение К. Ф. Рылеева, по недосмотру цензуры за полной его подписью, что в те годы было строжайше запрещено.

Титульный лист.

С подписью А. Пушкин в альманахе напечатаны стихотворения: «Если жизнь тебя обманет...», «Что наша роза...», «Когда погаснут дни мечтанья...», «Всегда так будет, как бывало...».

О последнем стихотворении в книге: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (изд. АН СССР, том 17 дополнительный, стр. 23) говорится: «Это стихотворение должно быть исключено из текстов Пушкина. Оно приписывается ему ошибочно.

Автором его, как документально установила Т. Г. Цявловская, является Б. М. Федоров».

Стихотворение «Когда погаснут дни мечтанья» напечатано в сборнике впервые, хотя и без разрешения автора.

90. БУКЕТ БЛАГОВОННЫХ ЦВЕТОВ

БУКЕТ БЛАГОВОННЫХ ЦВЕТОВ, или новейшее собрание романсов и песен. Собранные из лучших авторов: Крамзина, Пушкина, Жуковского, Рылеева, Веневитинова, Бестужева, Ф. Глинки, Илличевского и проч. Собрано К. Немовым. Москва. Тип. Н. Степанова. 1829. 12°. 66 стр.

 БОРНИК ничем не примечательный. Полулюбочное издание, похожее и на песенник и на альманах. Кто такой К. Немов узнать мне не удалось. Обращает внимание фамилия Рылеева, напечатанная на заглавном листе явно по недосмотру цензуры.

Из стихотворений Пушкина в сборнике напечатаны: «Романс» («В реке бежит гремучий вал...»), «Любви, надежды, тихой славы...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Я пережил свои желанья...».

Кроме того, за подписью Пушкина напечатано стихотворение «Я жду тебя и не дождуся», ему не принадлежащее.

Все стихи перепечатаны из других изданий.

91. ЭРАТО

ЭРАТО, приношение прекрасному полу, или собрание новейших отборных и употребительнейших романсов и песен. Москва. В тип. Н. Степанова. 1829. 16°. 134 стр.

ТО ЖЕ. Второе издание. Москва. В тип. Лазаревых Института Восточных языков. 1832. 16°. 132 стр.

ОБЫЧНЫЙ сборник хрестоматийного типа («полу-песенник - полуальманах»), несколько более грамотно составленный, чем другие. Издатель (или составитель) посвящает книжечку княгине Зинаиде Александровне Волконской. Среди авторов: А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. А. Дельвиг, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, П. А. Плетнев, Е. А. Баратынский и др.

Из произведений Пушкина в сборнике напечатаны: «К реке бежит гремучий вал...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Девуцы, красавицы...», «Дарует небо человеку...», «Ночной зефир...», «Эльвина, милый друг...»

Во втором издании книжки все эти стихотворения повторены. Любопытно, что в стихотворении «В реке бежит гремучий вал» в таких изданиях часто печатается «К реке...»

Все стихотворения Пушкина перепечатаны из других изданий.

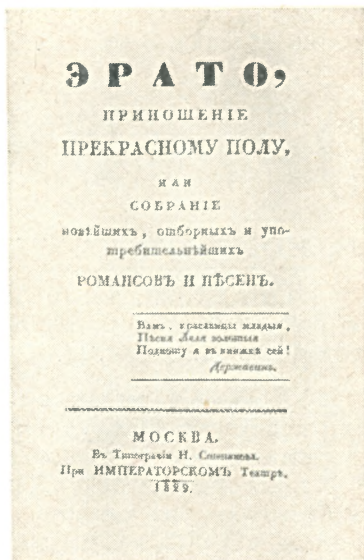
92. ИЗБРАННЫЙ НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК

ИЗБРАННЫЙ НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК, содержащий в себе собрание отборных, употребительных и новейших всякого рода песен. С картинами. В Москве. У книгопродавца Василия Логинова, на Никольской улице. 1829. В типографии Решетникова. 8°. 138 стр.

ОБЫЧНЫЙ лубочный песенник, с преобладанием в содержании популярных народных песен. Из стихотворений Пушкина напечатана «Молдавская песня» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»).

93. НОВЕЙШИЙ ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК

НОВЕЙШИЙ ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК, или собрание лучших, отборных и новейших всякого рода песен, слу-

Титульный лист.

жащих к невинному увеселению и препровождению времени. Москва. В тип. С. Селивановского. 1829. 78 стр.

БЫЧНЫЙ лубочный песенник, с преобладанием популярных народных песен. Из стихотворений Пушкина напечатано: «Гляжу как безумный на черную шаль...»

94. НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ ОТБОРНЕЙШИХ ПЕСЕН

НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ ОТБОРНЕЙШИХ ПЕСЕН и романсов, или подарок милым и прекрасным на новый год. Москва. В тип. П. Кузнецова. 1829. 104 стр.

НУБОЧНОЕ издание по типу приближающееся к «полупесенникам-полуальманахам». В содержании много «модных» стихотворений. Из стихотворений Пушкина здесь напечатаны: «К реке бежит гремучий вал...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Под вечер осени ненастной...», «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж...»), «Испанский романс» («Ночной зефир...»), «Люблю ваш сумрак неизвестный...», «Я пережил свои желанья...».

Все это — перепечатки.

95. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, издаваемая бароном Дельвигом. Том первый. Спб. Тип. Карла Крайя. 1830. №№ 1-36. В томе 297 стр.

ТО ЖЕ. Том второй. Спб. 1830. №№ 37-72. В томе 297 стр.

ТО ЖЕ. Том третий. Спб. 1831. №№ 1-36. В томе 296 стр.

ТО ЖЕ. Том четвертый. Спб. 1831. Вышел только один № 37. 8 стр.

Периодичность выпуска издания — раз в пять дней.

В АЖНЕЙШИЙ литературный орган пушкинской поры, близко связанный с самим Пушкиным. Газета была организована группой литераторов, объединявшихся вокруг издаваемых А. А. Дельвигом «Северных цветов». Его ближайшим помощником был О. М. Сомов.

С его же помощью Дельвиг издавал «Литературную газету».

Однако душой газеты был Пушкин, по чьей инициативе она и появилась на свет. Пушкин направлял всю деятельность газеты, а номера 3-12 редактировал лично. Поэт на-

деялся, что ему удастся превратить «Литературную газету» в общественно-политическую, но надежде этой не суждено было осуществиться. Политический отдел газете не разрешили, и она вынуждена была ограничиться печатанием художественных произведений и литературно-критических статей.

Утверждая принципы прогрессивного романтизма, борясь за национальную самобытность русской литературы, «Литературная газета», в известной мере, продолжала традиции декабристской журналистики, проявляя глубокое понимание задач, стоящих перед литературой. По идейному уровню «Литературная газета» была наиболее передовым органом своего времени.

Газета сразу же повела ожесточенную полемику с Булгариным и Гречем, с одной стороны, и с Полевым и Надеждиным, с другой. В этой полемике особенно ярко проявили себя Пушкин и Вяземский. Булгарин демагогически изобразил их выступления как выступления «литературной аристократии».

Знаменитая заметка Пушкина о сыщике Видоке, с которым отождествлялась деятельность Булгарина как доносчика и шпиона Третьего отделения, появилась на страницах «Литературной газеты».

Кроме Пушкина и Вяземского, в «Литературной газете» печатались произведения П. А. Катенина, Е. А. Баратынского, А. Погорельского (Перовского), В. И. Туманского, И. И. Козлова, Н. М. Языкова, Д. В. Давыдова. Помещались без подписи стихи декабристов А. И. Одоевского и А. А. Бестужева. Участвовал И. А. Крылов.

«Литературная газета» предоставила свои страницы для молодых, в то время еще начинающих писателей Н. В. Гоголя и А. В. Кольцова. Встречались имена и многих других писателей.

Доносы Булгарина и настороженное отношение к Пушкину со стороны правительства чрезвычайно затрудняли издание газеты. После того как в № 61 первого года издания газеты появилось четверостишие Казимира Делавиня (из осторожности даже непереведенное с французского языка на русский), посвященное парижским революционерам, Бенкендорф вызвал редактора А. А. Дельвига и, как рассказывают, грубо обругал его, нашел «самонадеянным и дерзким образ его извинений», а издание «Литературной газеты» запретил.

Заступничество бывшего «арзамасца» Д. Н. Блудова, занимавшего видный чиновный пост, спасло «Литературную

газету», запрещение было снято на условиях, чтобы редактором ее был не Дельвиг, а Сомов. Замена эта была номинальной и не могла бы сыграть решающей роли в судьбе газеты. Но обида и огорчение Дельвига были столь велики, что он впал в апатию, потерял всякий интерес к жизни и вскоре умер (14 января 1831 г.) После его смерти «Литературная газета» продолжала выходить под редакцией Сомова и при ближайшем участии П. А. Плетнева. Но газета начала быстро хиреть и на № 37 (30 июня 1831 года) прекратилась. Решающее значение при этом имело охлаждение к газете Пушкина, который, хотя и продолжал давать в нее свои стихи и заметки, но вовсе перестал ею интересоваться. Поэт мечтал в это время об издании собственного журнала, что ему удалось осуществить только в 1836 году, когда был создан «Современник».

В «Литературной газете» были напечатаны следующие произведения Пушкина: в 1830 году, в № 1 — «Отрывок из VIII главы Евгения Онегина» (начиная от слов «Прекрасны вы, брега Тавриды», кончая «Зарему я воображал»), «О некрологии Раевского» («В конце истекшего года вышла в свет Некрология...»), «О переводе романа Бенж. Констан — Адольф» («Князь Вяземский перевел и скоро печатает...»); в № 2 — «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), «О выходе Илиады в переводе Гнедича» («Наконец вышел в свет...»); в № 3 — «Ответ» («Я вас узнал, о мой Оракул...»), «О литературной критике» («В одном из наших журналов дают замечить...»); в № 4 — «Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг...» [Об «Истории русского народа» Н. Полевого]; в № 5 — «О романе Загоскина» («В наше время под словом роман...»), «О записках Самсона» («Французские журналы извещают нас...»); в № 7 — «О разговоре у княгини Халдиной» («Недавно в одном из наших журналов...»); в № 8 — «Военно-грузинская дорога. (Извлечено из путевых заметок А. Пушкина)». [Отрывок из «Путешествия в Арзрум»]; «В сем альманахе встречаем имена...» [Об альманахе «Денница» на 1830 г.], «Старый генерал Ш. представлялся однажды Екатерине». [Анекдот]. «Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым...» [Анекдот]; в № 10 — «Из всех наших поэтов, Ф. Н. Глинка, может быть самый оригинальный...» [О «Карелии» Ф. Н. Глинки], «О статьях князя Вяземского» («Некоторые журналы, обвиненные в неприличности...»); в № 12 — «Станцы» («В часы забав иль праздной скуки...»), «Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях...» [Статья 2 об «Истории» Полевого], «О карикатуре в Англии» [принадлежность Пуш-

кину не подтверждена], «В одном из Московских журналов выписывают объявление об Илиаде...», «Невский альманах на 1830 год»; в № 13 — «Ассамблея при Петре I-м» («В большой комнате, освещенной...»), «К ***» («Когда твои молодые лета...»); в № 16 — «Отрывок из послания к Языкову» («Издревле сладостный союз...»); в № 20 — «В альбом» («Что в имени тебе моем...»), «О записках Видока» («В одном из № Лит. газеты упоминали о записках парижского палача...»), «О личностях в критике» («Требуется ли публика извещения...») [принадлежность Пушкину сомнительна]; в № 30 — «Послание К. Н. Б. Ю.» («От северных оков, освобождая мир...»); в № 38 — «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка...»); в № 43 — «Арион» («Нас было много на челне...»), «Собрание насекомых»; в № 45 — «О выходах против литературной аристократии» («Новые выходы против так называемой литературной аристократии...»).

В 1831 г., в № 1 — «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...»); в № 15 — «Мадонна. Сонет» («Не множеством картин старинных мастеров...»); в № 32 — «Года два тому назад, книжка, вышедшая...» [Рецензия на книги Иосифа Делорма «Жизнь, стихотворения и мысли» и Сент-Бева «Утешения»].

Все перечисленные произведения, кроме стихотворений «Мое собрание насекомых» (не считая особой заметки к стихотворению) и «Мадонна», напечатаны здесь впервые.

Некоторые неподписанные статьи и поныне — предмет специальных исследований.

Возможно, что среди них будут установлены принадлежащие Пушкину.

В. В. Виноградов в книге «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1961) приводит свод источников по данному вопросу.

«Литературная газета» в комплекте со всеми приложениями — большая библиографическая редкость.

96. ДЕННИЦА

ДЕННИЦА, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. Москва. В Университетской тип. 1830. 16°. 84, 256 стр.

ТО ЖЕ. Москва. В тип. А. Семена. 1831. 16°. 58, 142 стр.

ТО ЖЕ. Москва. В Университетской тип. 1834, 12°. 240 стр.

ОДИН из примечательных русских альманахов пушкинского времени. Издавал его Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — разносторонний ученый, ботаник, этнограф, филолог; в 1827—1834 гг. — профессор ботаники в Московском университете. В 1834 г. был назначен при содействии В. А. Жуковского и П. А. Вяземского профессором русской словесности в Киевском университете.

Приехав в Киев, М. А. Максимович издавал сборники «Киевлянин», «Украинец» и другие. Сотрудничал в «Московском телеграфе» и «Литературной газете». Пушкин и Гоголь были в восхищении от изданных им сборников украинских песен.

Когда, следуя моде тридцатых годов, Максимович затеял альманах «Денница», сотрудниками его стали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Ф. И. Тютчев, И. В. Киреевский и др. Дельвиг делился с ним материалами «Северных цветов».

Первый же томик «Денницы» постигла неудача. «Обозрение словесности», написанное И. В. Киреевским, наделало немало шума. Булгарин, обиженный презрительным отзывом о его «Выжигине», написал донос о том, что напечатанное в книжке стихотворение С. Тепловой:

О, верь, что над тобой почило
Прощенье, мир, а не укор,
Что не страшна твоя могила
И не постыден твой позор! —

якобы относится к казненному Рылееву. Книжку изъяли из продажи, а цензор С. Глинка был посажен на гауптвахту. Вскоре разъяснилось, что стихи посвящены памяти какого-то юноши, а вовсе не Рылеева. Цензора освободили,

Фронтиспис.

наградили тремя тысячами рублей «от щедрот монарших», а книжку вновь разрешили пустить в продажу.

Альманах имел успех и вызвал значительное количество отзывов в печати. В № 12 «Литературной газеты» за 1830 год напечатана о «Деннице» большая статья Пушкина по поводу «Обозрения русской словесности» И. В. Киреевского.

Из произведений Пушкина в «Деннице» напечатаны: в книге на 1830 г.: «Две первые сцены из трагедии «Борис Годунов». 1. «Кремлевские палаты. Шуйский и Воротынский» (от слов «Наряжены мы вместе город ведать...», кончая «Пойдем скорей, узнаем, решено ли...»). 2. «Красная площадь. Народ» (от слов «Неумолим! Он от себя прогнал...», кончая «Народ расходится»); в книжке на 1831 г.: «Песня» («Пью за здоровье Мери...»), «Цыганы (с английского)» («Над лесистыми берегами...»), «Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)» («Полтава не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его...»), «Эпиграмма» («Не то беда, Авдей Флюгарин...»), «Слыхали ль вы за рощей глас ночной...». Романс. Слова А. С. Пушкина. Музыка А. Н. Верстовского. [Даны ноты как приложение к альманаху].

Кроме последнего романа «Слыхали ль вы» (с нотами), остальное напечатано здесь впервые.

97. РАДУГА

РАДУГА. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год. Изданный П. Араповым и Д. Новиковым. Москва. В тип. С. Селивановского. 1830. 16°. 327 стр.

 ДИН из составителей этого не лишнего интереса альманаха, П. Арапов, — драматург, историк русского театра, издатель известного «Драматического альбома» (1850). Другой составитель, Д. Новиков, — поэт. В «Северной пчеле» (1830, № 2) в рецензии отмечено: «Издатели Радуги сделали, что могли и что умели. Наполнили свою книжечку статьями и стихами всей пишущей московской и замосковской братии и даже добыли из Петербурга небольшие стишки Пушкина, отрывок из трагедии Жандра и т. д.» Рецензия в общем благоприятная, хотя и содержит упрек, что в альманахе рядом с Пушкиным — стихи некоего А. Башилова, с его «Ни тпру, ни ну!».

В «Радуге» напечатаны статья И. М. Снегирева «О народных русских пословицах», проза И. И. Лажечникова, Н. А. Полевого, стихи П. А. Вяземского, Е. А. Баратын-

Лицевая сторона обложки.

Фронтиспис.

ского, Д. В. Давыдова. Альманах имеет явно театральный уклон: в нем напечатаны куплеты из водевилей, отрывки из пьес, 35 страниц заняты нотами к романсам, песням, куплетам.

Здесь впервые напечатано стихотворение Пушкина «К А. Т. вой» [Тимашевой] («Я видел вас, я их читал...»).

98. ЦАРСКОЕ СЕЛО

ЦАРСКОЕ СЕЛО. Альманах на 1830 год. Издан Н. Коншиным и б. Розеном. Спб. В тип. Плюшара. 16°. 312 стр.

 БА ИЗДАТЕЛЯ — Е. Ф. Розен, автор либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и Н. М. Коншин — поэты средней руки. Коншин был ротным командиром полка, в котором рядовым служил Баратынский (в Финляндии). По-видимому, через Баратынского состоялось его знакомство с Пушкиным.

Альманах «Царское село» хорошо издан. В нем, кроме стихов составителей, напечатаны стихи А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, О. М. Сомова, М. Д. Деларю, Ф. М. Глинки,

Е. А. Баратынского. В «Северной пчеле» появилась хвалебная рецензия, причем похвалы направлены, главным образом, по адресу барона Розена. В дельвиговской «Литературной газете» вместо отзыва приведено лишь содержание альманаха.

Приложенный к альманаху портрет Дельвига в достаточной степени обезоруживал критиков «Литературной газеты».

Более откровенно высказался рецензент «Московского телеграфа» (1830, ч. 31, стр. 237), который отметил, что из 300 страниц «Царского села» — 116 заняты плохой повестью Коншина и что многое из остального «можно бы погодить печатать».

Из стихотворений Пушкина в «Царском селе» напечатаны: «Зимнее утро» («Мороз и солнце, день чудесный...»), «Загадка» («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»), «из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»).

Все произведения напечатаны впервые.

99. КАРМАННАЯ КНИЖКА

КАРМАННАЯ КНИЖКА для любителей русской старины и словесности на 1829 год. Издана В. Н. Олиным. Спб. Тип. Х. Гинце. 1829. 16°. 434 стр.

ТО ЖЕ... на 1830 год. (Пять номеров). Спб. Тип. Х. Гинце. 1830.

 ПЕРВАЯ книжка на 1829 год вышла вторым изданием в 1832 году в Петербурге в той же типографии. Издатель Валериан Николаевич Олин — плодовитый, но малоталантливый писатель. Он издавал «Журнал древней и новой словесности» (1818—1819), в 1821 году — критическую газету «Рецензент», а в 1831 (вместе с В. Я. Никоновым) — литературную газету «Колокольчик». Невеселая биография его изложена С. А. Венгеровым в примечаниях к четвертому тому сочинений В. Г. Белинского.

Более тридцати лет проработал Олин, этот ремесленник пера, на литературном поприще, не оставив после себя ничего, кроме нескольких анекдотов. Низкопоклонством и раболепством перед царем он часто ставил в тупик даже цензуру. Никитенко писал об этом: «...таких книг запрещать нельзя, а пропускать их как-то неловко». Сострадавший В. А. Жуковский частенько вступался за Олина, говоря: «Эх, господа, не браните его: бедность и не до этого доводит!»

Лицевая сторона обложки.

В эпиграмме Пушкина «Собрание насекомых» об Олине имеется строчка:

Вот Олин — черная мурашка...

Под заглавием «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» Олин вознамерился издавать журнал, но в 1829 году это не удалось, и он ограничился выпуском альманаха под этим названием. На следующий 1830 год этот же альманах Олин начал выпускать отдельными тетрадами в виде журнала. На пятой тетради вся эта затея окончилась.

В альманахе Олина напечатаны различные исторические статьи А. А. Орлова, А. П. Крюкова, П. Г. Ободовского, самого В. Н. Олина и других. В книжке на 1830 год помещена статья издателя о «Цыганах» Пушкина. В разделе поэзии печатались стихи К. Н. Батюшкова, Ф. Н. Глинки, П. А. Вяземского. Представляют интерес приложенные к «Карманной книжке» портреты и иллюстрации.

В «Московском телеграфе» помещены иронические отзывы об альманахе В. Н. Олина.

Из стихотворений Пушкина в альманахе напечатано всего одно (в первой тетради на 1830 год) — «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» («Давно об ней воспоминанье...»). Стихотворение напечатано впервые. По мнению П. Е. Щеголева («Пушкин и его современники», вып. 14, стр. 85 и 93), Олин получил стихотворение не от Пушкина, а от кн. Голицыной, либо от кого-нибудь из ее знакомых.

100. ЖАСМИН И РОЗА

ЖАСМИН И РОЗА. Подарок для туалета на 1830 год любительницам и любителям пения, или новейшее собрание романсов и песен. Москва. Тип. Н. Степанова. 1830. 16°. 94 стр.

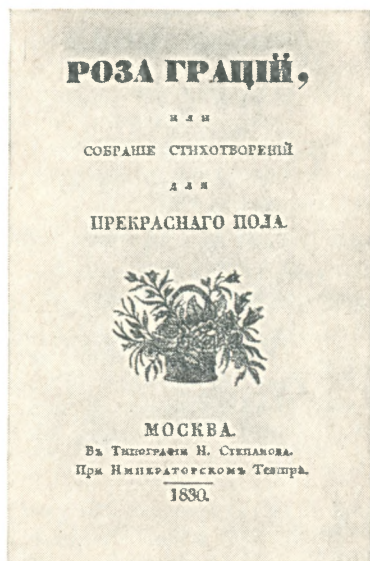
 УТЯТИН в своей «Переключке альманахам» сообщает, что книга собрана К. Поповым. Это — типичный для своего времени полуальманах-полупесенник хрестоматийного типа. «Литературная газета» Дельвига (т. III, № 9), говоря об этой книжке, предназначенной, по ее мнению, для круга людей, «движущихся в сфере харчевен и цирulen», негодуяюще спрашивала:

«Желательно бы знать, однако ж, в силу какого правила гг. издатели подобных сборников осмеливаются перепечатывать произведения лучших современных наших поэтов, не спросив на то позволения у них самих (ибо большая часть из тех, коих стихотворения таким образом перепечатываются, еще живы), или у их семейств? Но упомянутые смельчаки-издатели сим еще не ограничиваются: они поправляют по-своему и увечат стихи, даже целые стихотворения поэтов, подписывают под ними чужие имена и т. п. Не говорю уже о неисправности печатания, об уродливом правописании сих компиляторов: стоит взглянуть на первые страницы сих поблеклых Жасминов и Роз, чтобы убедиться в справедливости сего».

Слова эти можно отнести к доброй половине подобных изданий, вышедших при жизни Пушкина. Но сейчас, через сто тридцать лет, сборники эти не лишены своеобразного интереса. Отмечу, что стихи К. Ф. Рылеева напечатаны в этой книжке за полной его подписью, несмотря на то, что даже упоминать имя казенного декабриста было в то время запрещено. Этим вопросом очень интересовался В. В. Маяковский. (См. «Рассказы о книгах». М., 1959, стр. 49).

Лицевая сторона обложки.

Титульный лист.

Из стихотворений Пушкина в альманахе напечатаны: «Романс» («Под вечер осени ненастной...»), «Вчера за чашей пуншевою...», «Кубокъ янтарный...», «Даруетъ небо чело- веку...», «Мечты, мечты...», «Эльвина, милый друг, приди...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Ночной зефир...».

Все стихотворения перепечатаны из других изданий.

Кроме того, за подписью Пушкина напечатаны стихи: «Занаетъ сердечко» и «Нужна любовь какъ воздухъ», поэту не принадлежащие.

101. РОЗА ГРАЦИЙ

РОЗА ГРАЦИЙ, или собрание стихотворений для прекрасного пола. Москва. В тип. Н. Степанова. 1830. 12°. 72 стр.

СБОРНИЧЕК хрестоматийного типа, довольно хорошо составленный. Произведения А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, С. П. Шевырева, Ф. И. Тютчева, В. А. Жуковского занимают в нем места куда больше, чем сочинения безвестных Сияновых, Башиловых и др. Внешность издания не богата.

Появление его на свет продиктовано соображениями коммерческого порядка.

Из стихотворений Пушкина напечатаны: «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»), «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...»), «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный...»), «Мадригал» («Нет ни в чем вам благодати...»), «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»).

Все стихотворения перепечатаны из других изданий.

102. СЕВЕРНЫЙ ПЕВЕЦ

СЕВЕРНЫЙ ПЕВЕЦ, или собрание новейших и отличнейших романсов и песен. Посвящается любительницам и любителям пения. Часть первая — вторая. Москва. В тип. Лазаревых Института восточных языков. 1830. Ч. I. 130 стр.; ч. II. 134 стр.

 АЗВАТЬ этот сборник «чистым песенником» трудно, так как в нем больше «модных» стихотворений, чем песен. Издание полулубочное, вызванное к жизни коммерческими соображениями. Рецензент «Литературной газеты» (т. 2, № 60) с удивлением спрашивал: «почему за издание таких книг, имеющих несомненный спрос, не возьмется хоть раз какой-нибудь грамотный литератор?»

Из произведений Пушкина здесь напечатаны: в 1 части — «Я пережил свои желанья...», «Буря мглою небо кроет...», «Ночной зефир...», «Девицы, красавицы...»; во 2 части — «Там, где море вечно плещет...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Под вечер осени ненастной...», «В реке бежит гремящий вал...»

Все стихотворения без подписи автора и перепечатаны из других изданий.

103. ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК

ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК, заключающий в себе собрание лучших отборных, употребительных и новейших всякого рода песен, как-то: военных, нежных, любовных, печальных, театральных, пастушечьих, простонародных, плясовых. С объяснением содержания каждой песни, а равно и с показанием голоса. Часть первая. Москва. В тип. Лазаревых Института восточных языков. 1830. 132 стр.

ТО ЖЕ. Печатано с издания 1830 г. без перемен. Москва. 1833.

БЫЧНЫЙ лубочный песенник, в котором преобладают народные и городские мещанские песни. Из стихотворений Пушкина в нем перепечатана «Черная шаль» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»).

104. НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ РОМАНСОВ

НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ РОМАНСОВ и песен, избранных из лучших авторов, как-то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, барона Дельвига, кн. Вяземского, Ф. Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слепушкина и многих других литераторов. Посвящено прекрасному полу. Москва. В тип. С. Селивановского. 1830. В двух частях. Ч. I. 170 стр.; Ч. II. 238 стр.

БЫЧНЫЙ песенник. Издание лубочное. Из стихотворений Пушкина в нем напечатаны: в первой части — «Дарует небо человеку...», «Ночной зефир...», «Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...», «В реке бежит гремучий вал...»; во второй части — «Гляжу я безмолвно на черную шаль...»

Все стихотворения перепечатаны из других изданий.

Кроме того, в части первой напечатаны за подписью А. С. Пушкина стихотворения «Лире» и «К Хлое», принадлежащие Василию Львовичу Пушкину.

105. НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ РОМАНСОВ

НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ РОМАНСОВ и песен, собранных из лучших авторов: Карамзина, Жуковского, Пушкина, Рылеева, Веневитинова, Бестужева, Ф. Глинки, Илличевского и проч. Часть первая — вторая. Москва. Тип. С. Селивановского. 1830. По 44 стр. в каждой части. В 1835 году издание было повторено без перемен.

О ХАРАКТЕРЕ издание более близко к сборнику стихотворений. Песен здесь мало. Запретное в те годы имя Рылеева здесь, как и в некоторых других случаях, отмеченных выше, указано даже на заглавном листе. Из стихотворений Пушкина напечатаны: в первой части — «В реке бежит гремучий вал...», «Любви, надежды, тихой

«славы...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», во второй части — «Я пережил свои желанья...».

Кроме того, за подписью Пушкина напечатано стихотворение «Я жду тебя...», ему не принадлежащее.

Все стихотворения перепечатаны из других изданий.

106. ТЕЛЕСКОП

ТЕЛЕСКОП. Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. Москва. 1831—1836.

Выходил два раза в месяц, а с 1834 года — еженедельно.

К журналу издавалось приложение:

МОЛВА. Журнал мод и новостей. Москва. 1831—1836.

В 1831, 1834—1836 выходил еженедельно, в 1832 — дважды в неделю, а в 1833 г. — три раза в неделю, причем подзаголовок был «Газета мод и новостей».

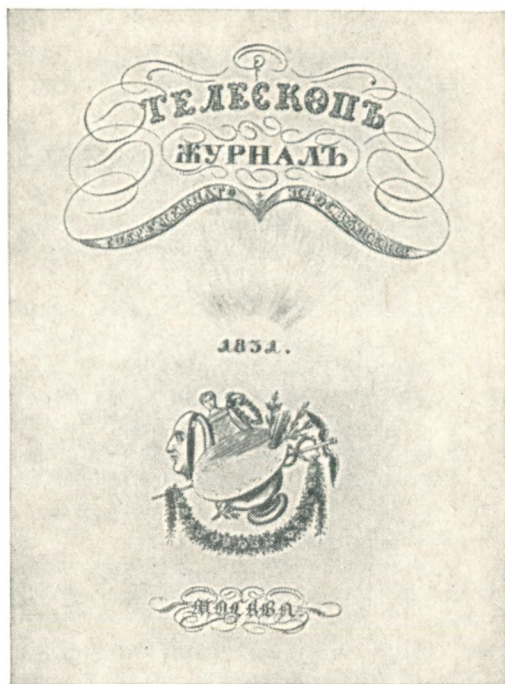
 ДНИМ из влиятельных периодических органов своего времени был «Телескоп». Он был первой трибуной молодого В. Г. Белинского, напечатавшего в «Молве» (приложении к «Телескопу») свои «Литературные мечтания».

Журнал организовал и издавал Николай Иванович Надеждин (1804—1856), профессор Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии, разносторонний ученый, один из видных критиков первой трети XIX века.

Надеждин первый в русской критике заговорил о том, что литература должна быть тесно связана с действительностью. Он был убежден, что в искусстве будущего восторжествует народность. Придерживаясь наряду с этой прогрессивной мыслью крайне консервативных политических взглядов, Надеждин решительно осуждал романтизм не только за оторванность от жизни, но и потому, что считал его порождением безверия и революции.

Резко нападал он и на Пушкина, в творчестве которого отказывался видеть какое-либо идейное содержание. Еще до основания «Телескопа», в журнале «Вестник Европы» он под псевдонимом Никодима Недомки выступил с отрицательной и крайне грубой по форме критикой «Руслана и Людмилы», «Полтавы» и «Графа Нулина». Об «Евгении Онегине» он писал, что «для гения не довольно смастерить Евгения».

Когда в 1831 году наметилось острое противоречие между Пушкиным, с одной стороны, и Полевым и Булгари-

Фронтиспис.

ным — с другой, то Надеждин, враждебно относясь к Полевому как поборнику романтической эстетики, пошел на сближение с Пушкиным. Он не только резко изменил весь тон критических статей о нем, но и самого Пушкина привлек к участию в журнале (в 1831—1832 гг.).

В «Телескопе» и «Молве» в разное время печатались М. П. Погодин, С. П. Шевырев, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, М. Н. Загоскин, И. И. Лажечников, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, И. И. Панаев, В. П. Боткин, В. И. Красов, И. А. Гончаров и многие другие.

Решающее значение для успеха «Телескопа» и «Молвы» имело участие в них В. Г. Белинского. История этих журналов как бы распадается на три периода: с основания журнала до июня 1835 года его редактирует единолично Надеждин, с июня 1835 года до конца года редактирует один Белинский (Надеждин был в отъезде) и, наконец, с января 1835 года по день закрытия «Телескопа» и «Молвы» их редактируют Белинский и Надеждин вместе.

К этому периоду следует отнести исключительно резкую полемику «Телескопа» с журналом «Московский на-

блюдатель», в котором приняли участие некоторые, отошедшие от «Телескопа» сотрудники. До этого в самом «Телескопе» и в «Молве» зародилась интереснейшая дискуссия о русском театре, при обсуждении игры Каратыгина и Мочалова.

Надеждин начинал свои журналы, поддерживаемый Погодиным, Шевыревым, Андросовым и другими, а кончил борьбой с ними и их журналом «Московский наблюдатель». В этой идейной борьбе на стороне Надеждина был Белинский.

«Телескоп» и «Молва» (как впрочем почти все журналы того времени, кроме болгаринских) возбуждали настороженное внимание правительства. Достаточно было искры, чтобы последовал взрыв и конец журнальному предприятию Надеждина. Этот «взрыв» произошел на 15 номере «Телескопа» 1836 года, в котором было напечатано знаменитое «Философическое письмо», написанное П. Я. Чаадаевым. Письмо произвело огромное впечатление. По словам Герцена, «это был выстрел, раздавшийся в темную ночь».

Надеждина, никак не ожидавшего подобной реакции на письмо Чаадаева, сослали в Усть-Сысольск под надзор полиции, «Телескоп» запретили навсегда, а автора письма — Чаадаева — официально было приказано считать сумасшедшим, с принудительной отдачей под медицинский надзор.

Весной 1838 года Надеждин вернулся из ссылки, уехал на некоторое время в Одессу и лишь в 1842 году поселился в Петербурге. Здесь он стал редактором «Журнала министерства внутренних дел», круто повернув вправо.

Из произведений Пушкина в «Телескопе» в 1831 г. напечатаны: «Герой» («Да, слава к прихотям вольна...»), «Песнь девы. Из поэмы Руслан и Людмила» («Ложится в поле мрак ночной...») [особое приложение к журналу — ноты, музыка А. Н. Верстовского], «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» («Посреди полемки, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин...») [Подпись: Феофилакт Косичкин], «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» («Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов...») [Подпись: Феофилакт Косичкин].

В качестве приложения к № 10 «Молвы» за 1832 г. были даны ноты — музыка А. Н. Верстовского на слова Пушкина «Старый муж, грозный муж...»

Кроме текстов музыкальных приложений «Старый муж, грозный муж...» и «Песнь девы», остальное напечатано здесь впервые.

107. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИБАВЛЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИБАВЛЕНИЯ к «Русскому инвалиду». Спб. 1831—1839.

Выходили два раза в неделю, с 1836 года — еженедельно.

РЕДАКТОР газеты «Русский инвалид» А. Ф. Воейков давал к ней литературные приложения. Сначала они назывались «Новости литературы», потом «Славянин» и, наконец, «Литературные прибавления». (Подробнее о А. Ф. Воейкове — см. при описании газеты «Русский инвалид» и названных первых двух приложений).

В «Литературных прибавлениях» были отделы «Пересмешник», «Плакса», «Словесность», «Библиография», «Театр», «Моды». Интереснее других были отделы «Пересмешник» и «Плакса», которые вел сам А. Ф. Воейков, печатая полемические статьи против Булгарина, Греча, Полевого и Надеждина.

В «Прибавлениях» сотрудничали В. Ф. Одоевский, Ф. Н. Глинка, А. И. Подолинский, Н. М. Языков, А. А. Дельвиг, В. А. Жуковский и многие другие. С 1837 года право издания «Прибавлений» перекупил у Воейкова А. А. Краевский, который с 1840 года преобразовал их в «Литературную газету», выходявшую под его редакцией.

В «Прибавлениях» под редакцией А. А. Краевского был напечатан некролог на смерть Пушкина, за который редактор получил выговор. Некролог был написан В. Ф. Одоевским.

Из произведений Пушкина в «Литературных прибавлениях» напечатаны: в 1831 г. — «Дон» («Блеща среди полей широких...»), «Письмо к издателю Литературных прибавлений» («Сейчас прочел Вечера близь Диканьки...»); в 1832 г. — «Отрывок из последней главы Евгения Онегина, романа в стихах, сочиненного А. С. Пушкиным» (от слов «На синих иссеченных льдах», кончая «Теперь он сердцем погружен»), «На днях вышли в свет сочинения и переводы в стихах Павла Катенина...» [рецензия]; в 1834 г. — «Ограда монастырская. Григорий и злой чернец» [Сцена из трагедии «Борис Годунов» в статье А. Савицкого «Мнение бар. Е. Ф. Розена о драме А. С. Пушкина «Борис Годунов». Из Дерптского журнала «Dorpater Jahrbücher»]; в 1837 г. — «Аквилон» («Зачем ты, грозный Аквилон...»).

Кроме «Отрывка из последней главы Евгения Онегина», все остальное напечатано впервые.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходить по

Средамъ и

Слѣдуетъ.

№ 32.

Цѣна годовому изданію,
содержащему въ 104 №,
съ 50-ю картинками въ
нѣм. С. Н. б. 30, съ до
полною и переплетомъ
35 рубль.

СРЕДА, Апрѣля 20 дня, 1832 года.

Отъ сего самое лучшее свидѣтельство,

А горести самою модою изобразилъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ 1489 ГОДУ.

Описание праздника *Trimaleion* и другихъ замеченныхъ пирушествъ у древнихъ, доказывающихъ, что они любили украшать свои пиры политическими притчами, возвышая блескъ ихъ призрачностью и вышесказаннымъ: вино было гасирополическіе *валены*. Сей вкусъ Римляны сохранили между ихъ попойками. Со времени возрожденія искусствъ, испортивъ обожерства подобный праздники, даніей однихъ Италіанскихъ Дворянъ въ вѣсѣ XV столѣтія.

Версеного да Болта, Торинскій уроженецъ, всего нѣмъ озабоченъ необыкновеннымъ въ мѣстописяхъ обморокомъ и тѣлѣвольнымъ искусствомъ, отличался особенно въ семь родѣ, да въ праздники. *Галасу*, Герцогу Миланскому, по случаю бракосочетанія его съ *Изобеллою* Аргонаскою. Сей *Амвтріонъ* набралъ мѣстоимъ для пируества пышный залъ, окруженный галереями, гдѣ помѣщено было итоскоко оркестровъ. Посрединѣ возвышался пустой столъ. При появленіи Герцога съ Герцогинею, Изонъ съ Аргонашими заиграли маршъ и гордо выступили на сцену. Они несли золотое руно: она носила на скатертилахъ его наирѣдъ столъ, носилъ величественнаго танца, выража-

ющаго ихъ удивленіе при видѣ юной Принцессы и Государя, достойнаго обладать ея руномъ.

Помощь вынуждѣнъ Меркурій и разсказать, какъ искусно обмануль онъ Аполлона, паспуща Царя Адмета, похитивъ у него жарнаго тельца, котораго преданіемъ молодымъ супругамъ, итоскоченнаго уже Комусомъ. Между нѣмъ, какъ онъ слышитъ его на столѣ, при кадриля танцовали вокругъ жарнаго тельца, подобно Варежамъ, танцующимъ вокругъ золотнаго тельца.

За Меркуріемъ сѣдовала Дана съ Нимфами. Скина богиня весла олея на позолоченной равнинѣ. О припошеивъ повозратному олея, украшеннаго розами, можно было сказать, что нѣбоду колкое: къ счастью, нѣкому не пришло въ голову соснзывать въ него несправедливый гороскопъ.

Вдругъ перемѣнились музыки: лютии и свирѣли возмѣстили прихотъ Орфея. «И воснѣвъ въ пустыни свою Эридику, началъ оныя многократно слышать слухомъ свои Эридику. И переломилъ сѣхъ неосторожнѣмъ слухомъ и привнесъ ихъ на жарное престѣлѣннѣ въ свѣтъ Прищесей, воо вѣнъ уао Эридику.»

Грозя музыки прервать сего поема пшщелова. Анализита и Тесей, въ сопровожденіи бли-

108. АЛЬЦИОНА

АЛЬЦИОНА. Альманах на 1831 год. Издан бароном Розеном. Спб. Тип. Пильшара. 1831. 16°. 223, 91 стр.

ТО ЖЕ. На 1832 год. Спб. В военной тип. Главного штаба. 1832. 16°. 234, 102 стр.

ТО ЖЕ. На 1833 год. Спб. Тип. Департ. Воен. Минист. 1833. 16°. 229, 112 стр.

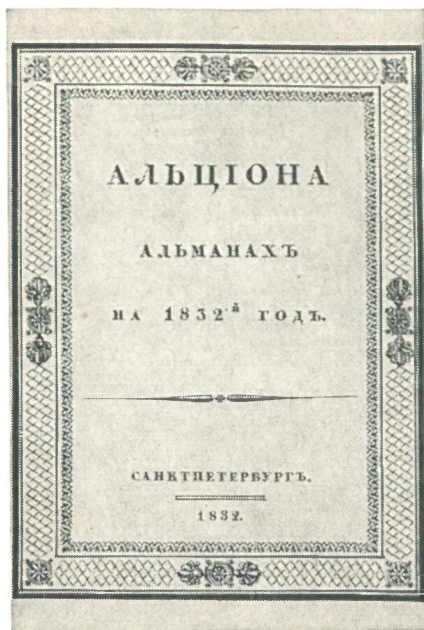
КРОМЕ весьма средних сочинений Розена, в альманахах напечатаны произведения Ф. Н. Глинки, Н. И. Греча, В. И. Карлгофа, А. А. Марлинского, О. М. Сомова, С. П. Шевырева, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. Г. Подолинского, Е. А. Баратынского, А. Д. Вердеревского, В. И. Туманского, Н. М. Языкова и, конечно, всяких Щастных, Сияновых, Романовичей и других.

Рецензент «Московского телеграфа» встретил первую книжку «Альционы» не очень ласково. Другие органы печати, наоборот, — доброжелательно. Барон Розен умел сохранять хорошие отношения со всеми, даже с булгаринской компанией.

В книжке «Альционы» на 1832 год напечатаны произведения Пушкина «Пир во время чумы» и «На перевод Илиады» («Слышу божественный звук...»). Оба произведения напечатаны здесь впервые.

109. СИРОТКА

СИРОТКА, литературный альманах на 1831 год, изданный в пользу заведения призрения бедных сирот. Москва. В тип. С. Селивановского. 1831. 12°. 239 стр.

Лицевая сторона
обложки.

 ПОСЛЕ холерной эпидемии 1830—1831 гг., в доме генерала Гагарина в Москве был устроен на средства частной благотворительности приют для сирот, родители которых погибли от холеры. Альманах «Сиротка» был издан в пользу этого приюта.

Преподавателем русского языка в приюте был Алексей Дмитриевич Галахов, историк литературы. Его предисловием открывается альманах. Кроме него, в альманахе участвовали А. С. Пушкин, Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. А. Полевой, М. П. Погодин, Н. Д. Иванчин-Писарев, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, И. И. Лажечников, С. Е. Раич и другие.

Из стихотворений Пушкина в «Сиротке» напечатаны «Мадонна. Сонет» («Не множеством картин старинных мастеров...») и «Новоселье» («Благославляю новоселье...»).

Эти стихотворения напечатаны здесь впервые.

110. ВЕНЕРА

ВЕНЕРА, или собрание стихотворений разных авторов. Части первая — четвертая. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. Москва. В тип. Н. Степанова. 1831. 16°. Ч. I. 152 стр.; Ч. II, 144 стр.; Ч. III, 114 стр.; ч. IV. 92 стр.

 ЕЦЕНЗЕНТ «Северного Меркурия» (т. III, 1831, стр. 143) писал, что если бы спросить составителя, напечатавшего эти сборники, «для чего он издал их в свет», составитель ответил бы: «списывал, дескать, от нечего делать, а московский купец Хрусталев напечатал мои тетрадки на своем иждивении для того, что ему не случилось еще видеть имени и прозвища своего в печати». В журнале «Московский телеграф» эти сборники были названы «столпотворением вавилонским». Вне всякого сомнения, что подавляющее число стихотворений перепечатано в «Венере» без разрешения авторов. Обилие стихов Пушкина делает этот сборник довольно знаменитым на «альманашном горизонте».

Из стихотворений Пушкина здесь напечатаны: в первой части — «Романс» («Эльвина, милый друг, приди...»), «Под вечер осени ненастной...», «Роза» («Где наша роза...»), «Подражание турецкой песне» («О дева — роза, я в оковах...»), «Гроб юноши» («Сокрылся он, любви забав питомец нежный...»), «В альбом» («Что в имени тебе моем...»), «Элегия» («Мечты, мечты...»); во второй части — «Калмычке»

Фронтиспис.

Лицевая сторона обложки.

(«Прощай, любезная калмычка...»), «Арион» («Нас было много на челне...»), «Стансы Т-му...» («Филосов ранний!...»), «Певец» («Слыхали ль вы...»); в третьей части — «Гроб Анакреона» («Все в таинственном молчаньи...»), «Разлука» («В последний раз, в сени уединенья...»), «Песнь о вешем Олеге», «Телега жизни» («Хоть тяжело подчас...»), «Я вас любил» («Я вас любил, любовь еще быть может...»), «Уединенье» («Блажен, кто в отдаленной сени...»), «Зимний вечер» («Буря мглою...»), «Друзьям» («Богамы вам еще даны...»), «Сожженное письмо» («Прощай, письмо любви...»), «Адели» («Играй, Адель...»), «Виноград» («Не стану я жалеть о розах...»).

Все эти произведения перепечатаны из других изданий.

111. СОБРАНИЕ РУССКИХ ПРОСТОНАРОДНЫХ ПЕСЕН

СОБРАНИЕ РУССКИХ ПРОСТОНАРОДНЫХ ПЕСЕН. Москва. В тип. Лазаревых Института восточ[ных] языков. 1831. 162 стр.

 УБОЧНЫЙ песенник, содержащий, главным образом, народные песни. Из стихотворений Пушкина напечатаны: «В реке бежит гремучий вал...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...». Стихи перепечатаны из других изданий.

112. ПЕСЕННИК ДЛЯ ДАМСКОГО РИДИКЮЛЯ И ТУАЛЕТА

ПЕСЕННИК ДЛЯ ДАМСКОГО РИДИКЮЛЯ И ТУАЛЕТА. Собрание романсов и песен. Москва. В тип. Лазаревых Института Восточных языков. 1831. 138 стр.

 ЗДАНИЕ лубочного характера, более близкое к сборнику «модных» стихотворений. Из стихотворений Пушкина перепечатаны из других изданий «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж...»), «Девуцы, красавицы...».

113. РАДУГА

РАДУГА, или карманная книжка для любителей и любительниц чтения на 1833 год. Сбранная и изданная А. И. Н. Москва. В тип. Лазаревых Института Восточных языков. 1832. 16°. 255 стр.

 НЕШНЕ невзрачный альманах, в значительной своей части заполненный материалом, перепечатанным из других изданий. Подавляющее большинство произведений помещено без подписей. Среди них отрывки прозаических произведений Ф. Н. Глинки, Н. А. Полевого, Н. Чижова и стихотворения А. С. Пушкина, С. Е. Раича, Г. Р. Державина, А. Е. Измайлова, В. А. Жуковского и В. В. Капниста.

Большая часть неподписанного (кроме тоже неподписанного отрывка из «Эды» Баратынского), по-видимому, — «рукоделие» составителя А. И. Н.

Кто скрывается под этими инициалами мне установить не удалось.

Характерно, что цензурное разрешение было получено в начале августа 1831 года, печатался альманах в 1832, а вышел он «на 1833 год».

Из стихов Пушкина напечатаны: «К морю» («Прощай, свободная стихия...»), «Воображение спокойствия» («Погасло дневное светило...»), «Зимний вечер» («Буря мглою

небо кроет...»), «Отрывок из VII главы Евгения Онегина» («Гонимыи вешними лучами...»).

Стихи Пушкина перепечатаны из других изданий.

114. ЛАДО

ЛАДО, или полное собрание лучших романсов и песен. Подарок на 1832 г. для милых девушек и любезных женщин. Собранный из известных авторов. Москва. В тип. Лазаревых Института Восточных языков. 1832. 16°. 90 стр.

 БЫЧНЫЙ «полуальманах-полупесенник», в котором собраны «модные» стихотворения, перепечатанные из различных изданий. Из стихов Пушкина напечатаны: «Романс» («Кто при звездах и при луне...»), «Романс» («Снова тучи надо мною...»), «Романс» («Не пой, красавица, при мне...»), «Романс» («Увы, зачем она блистает...»), «Буря мглою небо кроет...», «Романс» («В реке бежит гремучий вал...»), «Любви, надежды, тихой славы...», «Известная песня, петая г. Булаховым» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»).

115. ЛИРА ГРАЦИЙ

ЛИРА ГРАЦИЙ, подарок на новый год любительницам и любителям пения, или новейшее собрание романсов и песен. Москва. В тип. Н. Степанова. 1832. 16°. 92 стр.

 АК и «Ладо» «полупесенник-полуальманах». Из стихов Пушкина перепечатаны: «Талисман» («Там, где море вечно плещет...»), «Романс» («Под вечер осени ненастной...»), «Романс» («Вчера за чашей пуншевою...»), «Кубок янтарный...», «Татарская песня» («Дарует небо человеку...»), «Мечты, мечты...», «Гляжу я безмолвно на черную шаль...», «Ночной зефир...», «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы...»), «Романс» («Эльвина, милый друг, приди...»).

Кроме того, за подписью Пушкина напечатано не принадлежащее ему стихотворение «Занает сердечко...»

116. НОВОСЕЛЬЕ

НОВОСЕЛЬЕ. Спб. В тип. вдовы Плюшар с сыном. [Часть первая]. 1833. 8°. 587 стр.

ТО ЖЕ. Часть вторая. Спб. Тип. А. Плюшара. 1834. 8°. 575 стр.

ИСТОРИЯ возникновения этого альманаха рассказана издателем его А. Ф. Смирдиным в предисловии: «Простой случай — перемещение книжного магазина моего на Невский проспект (19 февраля 1832 г.) доставил мне счастье видеть у себя на новоселье почти всех известных литераторов. Гости-литераторы, из особенной благосклонности ко мне, вызвались, по предложению Василия Андреевича Жуковского, подарить меня на новоселье, каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издаю ныне. Присланных статей достаточно было бы для составления другой такой же книги. Но от приговора просвещенной публики зависеть будет, должен ли я, в память моего новоселья, сделать подобное издание и в будущем году — или ограничиться настоящим?»

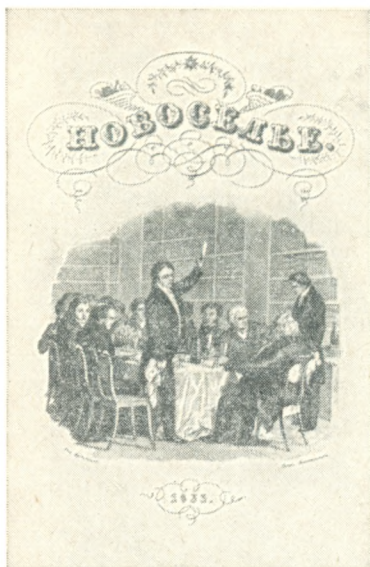
Великолепно изданный альманах, украшенный многими славными именами, имел большой успех и, конечно, понадобился второй том его, а в 1845—46 гг. и второе издание, причем с третьей дополнительной частью.

Самый обед по поводу новоселья был задуман Смирдиным как первый шаг к осуществлению своей идеи — объединить всех русских литераторов, вне зависимости от их убеждений. Были приглашены на обед Пушкин и Булгарин, Жуковский и Греч, Гоголь и Воейков, Вяземский и Хвостов, Одоевский и Сенковский и так далее.

Уже на самом обеде, внешне весьма пышном и торжественном, обнаружились признаки антагонизма, существовавшего между представителями различных литературных группировок.

Об одном инциденте рассказывает Н. И. Греч, соратник Фаддея Булгарина: «Нам с Булгариным довелось сидеть так, что между нами сидел цензор Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Друг, заметив, что Семенов сидит между нами, двумя журналистами... крикнул с противоположной стороны стола, обращаясь к Семенову: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе». Слова эти были тотчас всеми поняты. Я хохотал, разумеется, громче всех». (В. Бурнашев. Четверги у Греча. — «Заря», 1871, № 4, стр. 26).

Вряд ли смех Греча можно считать искренним. Христос по легенде был распят на Голгофе между двумя разбойниками, а именно «разбойниками» и называл Пушкин компанию Греча и Булгарина.

Фронтиспис первой части альманаха.

Фронтиспис второй части альманаха.

Как бы то ни было, альманах «Новоселье» был издан на основе такого смешения (слово это более подходит, чем слово «объединение», которое было на уме у Смирдина) и появился в свет с шумом и блеском.

Книжка «Новоселье» была как бы пробным номером задуманного Смирдиным журнала «Библиотека для чтения», журнала, замешенного на тех же дрожжах «объединения». Редактором сборников «Новоселье» был тот же О. И. Сенковский, который позже был редактором смирдинского журнала.

Выход «Новоселья» явился своего рода рубежом в истории альманахов-сборников, которые с этого времени начали терять свой маленький «карманный» формат и стали выходить в размере большой книги. Вместо отрывков, литературные произведения в них стали печататься полностью. Гоголь, участвовавший в «Новоселье» впервые напечатанной «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», писал Погодину 20 февраля 1833 года: «Читал ли ты смирдинское «Новоселье»? Книжица ужасная: человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь первый раз показались в пе-

«Кухарка бреется». Гравюра в альманахе «Новоселье». Рисовал
А. П. Брюлов. Гравировал И. В. Ческий.

чати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости и вони и всего» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 10, стр. 263).

Гоголь подразумевал фельетон Сенковского-Брамбеуса «Большой выход у сатаны». Фельетон этот, написанный на литературные темы, вызвал немало шума.

Стоит обратить внимание на иллюстративное оформление «Новоселья». Фронтиспис первого тома изображает картину торжественного обеда, данного Смирдиным для писателей. На председательском месте И. А. Крылов, за спиной его стоит А. Ф. Смирдин, далее сидит Д. И. Хвостов, за ним Пушкин и так далее. Рисовал картинку А. Брюлов, гравировал С. Галактионов. С картинкой этой произошел некоторый конфуз. Художник пририсовал Хвостову какой-то орден-звезду, которым Хвостов награжден не был. Пришлось орден этот с гравюры счищать. Существуют экземпляры ее, где Хвостов изображен с орденом. На обложке второго тома альманаха изображена книжная лавка А. Ф. Смирдина. На первом плане Пушкин разговаривает с П. А. Вяземским. За конторкой Смирдин беседует с О. И. Сенковским и т. д. Рисовал картинку А. Сапожников, гравировал тот же С. Галактионов.

Из произведений Пушкина в «Новоселье» напечатаны: в первой части — «Домик в Коломне» (Строфы I—XI). К произведению приложена чудесная гравюра — «Кухарка бреется», рисованная А. Брюловым, гравированная И. Ческим. Во второй части — «Анджело» («В одном из городов Италии счастливой...»). Оба произведения напечатаны здесь впервые.

117. РОССИЙСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

РОССИЙСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. Сост. Иван Пенинский. Части первая — вторая. Спб. Тип. Академии Наук. 1833—1834. Второе издание вышло в 1837 г., третье — в 1842 г.

 ОСТАВИТЕЛЬ хрестоматии Иван Степанович Пенинский (1791—1868) — преподаватель латинского языка и русской словесности. В судьбе его принимал некоторое участие Державин. В литературе известен как переводчик «Надгробных слов Боссюэта» (1822) и как составитель ряда учебных книг, пользовавшихся широким распространением.

Из произведений Пушкина в «Хрестоматии» напечатаны: в первой части — «К Д... о Тавриде» («Из Азии переехали мы в Европу на корабле...»), «К чему холодные сомнения...»; во второй части — «Из поэмы «Людмила и Руслан» (от слов «Свершив с Рогдаем бой жестокий», кончая «И далее пустился в путь»), «Из поэмы «Бахчисарайский фонтан» (от слов «Промчались дни; Марии нет», кончая «Фонтаном слез именовали»), «Из поэмы «Кавказский пленник» (от слов «Меж горцев пленник наблюдал», кончая «И жены робкие трепещут»), «Из трагедии Борис Годунов» (от слов «Давно честной отец», кончая «...подай костыль, Григорий»), «Царь и князь Шуйский» (от слов «Послушай, князь Василий», кончая «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха»), «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...»), «Суровый Дант не презирал сонета...», «Мадонна» («Не множеством картин старинных мастеров...»), «История стихотворца» («Внимает он привычным ухом...»), «К портрету***» («Судьба свои дары явить желала в нем...»), «Смерть Олега» («Как ныне собирается вещий Олег...»), «Воспоминания в Царском селе» («Навис покров угрюмой ночи...»), «К Овидию» («Овидий! Я живу близ тихих берегов...»), «Поэт» («Пока не требует поэта...»), «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии...»), «Бородинская годовщина» («Великий день Бородина...»)

Все это — перепечатки.

118. КАРМАННЫЙ ПЕСЕННИК

КАРМАННЫЙ ПЕСЕННИК, или собрание новейших российских песен и романсов, выбранных из лучших авторов. Посвящается любителям и любительницам пения. Части первая — третья. Спб., в тип. Карла Крайя, 1833—1835.

 УБОЧНОЕ издание, близкое к сборникам стихотворений хрестоматийного типа. Из пушкинских стихов перепечатаны: в первой части — «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж...»); во второй части — «Черная шаль» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»), «Новоселье» («Благословляю новоселье...»), «Я вас любил! Любовь еще быть может...», «Талисман» («Там, где море вечно плещет...»), «В реке бежит гремучий вал...»; в третьей части — «Вчера за чашей пуншевою...», «Ночной зефир...», «Романс. Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы...»), «Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...».

ГИШПАНСКАЯ ПЬЕСА

Слова А. Пушкина.

Музыка А. Есаулова.

Chanto. *Volero.* *dol.*

Но - чной ае - фирь стру - ить в.

Piano.

фирь бе - жать шу - мить гва - даль кая - лярв. Бе ..

мнѣ шу - мить гва - даль кая - лярв. Вонъ изъ ..

Colpo

шав лу - на зля - та - я! Ты - ше! Чу!

pp *ped* *ped*

119. ПЕСНИ, РОМАНСЫ И КУПЛЕТЫ

ПЕСНИ, РОМАНСЫ И КУПЛЕТЫ из водевилей известных и любимых поэтов. Москва. В тип. М. Понамарева. 1833. 96 стр.

АК все понамаревские издания, это тоже неряшливо составленный и скверно напечатанный сборник хрестоматийного типа. Песен мало, больше куплетов из водевилей. Из стихотворений Пушкина здесь перепечатаны: «Снова тучи надо мною...», «Не пой, красавица, при мне...», «Цветок засохший, безуханный...», «К морю» («Погасло дневное светило...»), «Увы, зачем она блистает...», «Из поэмы Полтава» («Кто при звездах и при луне...»), «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), «Я пережил свои желанья...», «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»).

Кроме того напечатаны с подписью Пушкина стихи «Не невеста с женихом...» и «Я пал пред алтарем прекрасной...», ему не принадлежащие.

120. БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Издание книгопродавца Александра Смирдина. Спб. 1834—1864. Выходил ежемесячно.

МЯ ИЗДАТЕЛЯ журнала Александра Смирдина было указано на титульном листе до 44 тома, вышедшего в 1844 году. В дальнейшем журнал перешел в руки других издателей. Первый период в истории журнала — «смирдинский» — неразрывно связан с именем редактора «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса), по мысли которого, собственно, и возник этот орган, сыгравший значительную роль в истории русской журналистики и профессионализации труда русских литераторов.

Редактор журнала О. И. Сенковский сначала согласился с идеей А. Ф. Смирдина, идеей объединения всех русских писателей, независимо от их убеждений. Талантливый, но беспринципный журналист, О. И. Сенковский понимал, что это не реально, но дал возможность Смирдину попытаться осуществить свою идею.

Смирдин пользовался доверием и уважением представителей самых различных литературных групп, и в первый

где принимается подписка и оглавление статей, составляющих содержание номера, а уж к нему летит другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками. И, в самом деле, какое разнообразие! — Дочка читает стихи гг. Ершова, Гогниева, Струговщикова и повести гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальского; сынок, как член нового поколения, читает стихи г. Тимофеева и Барона Брамбеуса; батюшка читает статьи о двухпольной и трехпольной системах, о разных способах удобрения земли, а матушка о новом способе лечить чахотку и красить нитки; а там еще остается для желающих критика, литературная летопись, из которых можно черпать горстями и пригоршнями готовые (и часто умные и острые, хотя редко справедливые и добросовестные) суждения о современной литературе; остаются статьи ученые и новости иностранных литератур». (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 2, стр. 20).

При всей тонкости этой насмешливой характеристики журнала Белинским, нельзя не сделать вывода, что завоевание «Библиотекой для чтения» новых и самых широких кругов читателей, — неоспоримая заслуга журнала. Белинский и сам говорил: «Если бы я стал утверждать, что «Библиотека» журнал плохой, ничтожный, это значило бы смеяться над здравым смыслом читателей и над самим собой».

Но беспринципность Сенковского, охранительные, верноподданнические тенденции, которые он проводил, делали его соратником Булгарина и Греча, составивших вместе с ним тот самый «журнальный триумvirат», который был врагом всего прогрессивного в литературе.

Смирдин понимал, куда скатывается издаваемый им журнал, но борьба с «журнальным триумvirатом» была ему не по силам.

Попытки, которые он делал с целью изменить направление журнала, оканчивались неудачами.

Из всех писателей прогрессивного лагеря Сенковский дорожил только Пушкиным. Он поддерживал с ним самые корректные отношения, которые перешли в открытую вражду лишь после того, как Сенковский узнал о намерении Пушкина издавать собственный журнал «Современник». Усмотрев в журнале Пушкина опасного конкурента, Сенковский сначала заставил Смирдина предложить поэту пятнадцать тысяч рублей отступного, с тем, чтобы он по-прежнему отдавал свои произведения «Библиотеке». После отказа Пушкина Сенковский начал свои открытые и ярост-

ные нападки на него в отделе критики «Библиотеки для чтения». Эти нападки на Пушкина и его «Современник» прервала лишь смерть поэта.

Из произведений Пушкина в «Библиотеке для чтения» были напечатаны: в 1834 году — «Гусар» («Скребницей чистил он коня...»), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» («Царь с царицею простился...»), «Будрыс и его сыновья» («Три у Будрыса сына...»), «Воевода» («Поздно ночью из похода...»), «Пиковая дама. Повесть», «Красавица» («Все в ней гармония, все диво...»), «Подражания древним» (Из Ксенофана Колофонского и из Афиней), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), «Два любопытные документа о Пугачеве» (1. Показание жены Пугачева. 2. Показание атамана Фомина), «Петербург. Отрывок из поэмы» («На берегу пустынных волн...»), «Кирджиали». Повесть.

В 1835 году — «Сербская песня» («Что ты ржешь, мой конь ретивый...»), «Песни западных славян». (Видение короля. — Янко Марнавич. — Битва у Зеницы Великой. — Феодор и Елена. — Влах в Венеции. — Гайдук Хризич. — Похоронная песня, Иакинфа Маглановича. — Марко Якубович. — Бонапарт и Черногорцы. — Соловей. — Песня о Георгии Черном. — Воевода Милош. — Вурдалак. — Сестра и братья. — Яныш королевич), «Сказка о рыбаке и рыбке».

Первый том журнала имел два издания. Все перечисленные произведения напечатаны здесь впервые.

121. ЭОЛОВА АРФА

ЭОЛОВА АРФА. Музыкальный журнал, издаваемый А. Варламовым. Москва. Печатался и гравировался у К. Венцель. 1834. [Издавался с марта указанного года. Вышло, по видимому, 5 номеров].

 СОДЕРЖАНИЕ журнала составляют исключительно ноты с подтекстованными к ним словами песен и романсов. Из стихотворений Пушкина в № 5 журнала напечатана «Гишпанская песня» («Ночной зефир...»), положенная на музыку А. Есауловым.

Кроме этого журнала имеются сведения о существовании подобного же издания под названием «Юный певец», в котором так же напечатаны стихи Пушкина, положенные на музыку. Так как регистрация нотной литературы не входила в задачу настоящей работы, я пользуюсь случаем попутно отметить лишь три альбома нот, выходивших в виде

«музыкальных альманахов», содержанием которых служили исключительно ноты. Вот эти три альбома:

I. ЛИРИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ на 1829 год. Издан М. Глинкой и Н. Павлищевым. Спб. Литография Бегрова. 1829.

В альбоме напечатаны ноты на слова Пушкина «Ворон к ворону летит» и «Черная шаль». Оба произведения положены на музыку М. Виельгорским.

II. ЛИРИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ на 1832 год. Издан И. Ла-сковским и Н. Норовым. Литографировано у И. Бегрова.

В альбоме напечатаны ноты на слова Пушкина «Песня из Бахчисарайского фонтана» («Дарует небо человеку...»). Положена на музыку кн. В. С. Голицыным.

III. МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМ на 1832 год. Содержащий в себе романсы и русские песни, выбранные из сочинений Жуковского, Пушкина, Козлова, Мерзлякова, Дельвига, Загоскина, Хомякова и др. Положенные на голос с аккомпаниментом фортепиано и с прибавлением разных новейших танцев. Продается у книгопродавца Нейпицына в Спб. Гравирован и печатан у Х. И. Стединга. 50 стр.

Из произведений Пушкина напечатаны: «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»). Положено на музыку К. А. Кавосом. — «Под вечер осени ненастной» — автор музыки не указан.

Возможно, что были и другие подобные же сборники, относящиеся к нотной литературе. Отдельные произведения Пушкина, положенные на музыку и изданные при его жизни в виде нот — см. Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. М., 1938.

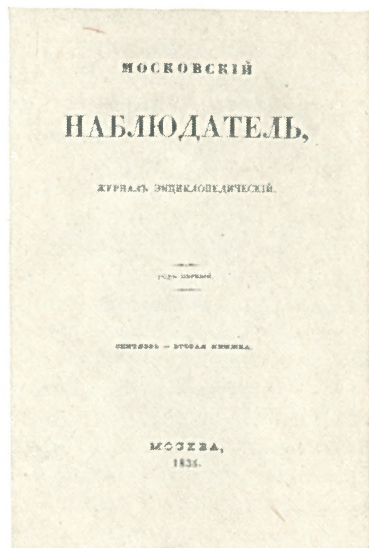
122. МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ, журнал энциклопедический. Москва. 1835—1839. Выходил дважды в месяц. В 1838 году вышло лишь 17 номеров, а в 1839 — 4 номера.

ИЗДАНИЕ организовано в порядке «журнальной складчины», в которой участвовали А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Е. А. Баратынский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, Н. Ф. Павлов, Н. М. Языков, В. Ф. Одоевский и другие. Не участвовали в журнале, но были близки к этому кругу П. Я. Чаадаев и М. Ф. Орлов (декабрист, проживавший в Москве под надзором полиции). Редактором журнала был избран статистик и экономист В. П. Андросов.

«Московский наблюдатель» продолжал традиции «Московского вестника». Видное место в его программе зани-

Титульные листы.

мала борьба с «торговым направлением» в журналистике во главе с «Библиотекой для чтения». К участию в журнале были привлечены Гоголь и Пушкин.

Среди учредителей и пайщиков журнала не было единства, и журнал фактически попал под влияние одного С. П. Шевырева, поборника «чистого» искусства, отвергавшего в литературе все «низкое» и «грязное». Так, «Нос» Н. В. Гоголя Шевырев отказался напечатать, рассматривая это произведение как «грязную» повесть. «Грязным» Шевырев признал и гоголевского «Ревизора». Неудивительно, что Гоголь, сначала горячо взявшийся за сотрудничество в журнале, скоро отвернулся от него.

С. П. Шевырев выступал и против Пушкина, восторженно приветствуя Бенедиктова и называя его «поэтом мысли». Надеждин и Белинский в «Телескопе» и «Молве» яростно атаковали «Московский наблюдатель» за шевыревские проповеди «светскости и элегантности» в литературе.

Все это не могло привлечь симпатий Пушкина к «Московскому наблюдателю», и он, занятый к тому же организацией собственного журнала «Современник», окончательно порывает с «наблюдателями» (так он называл издателей «Московского наблюдателя»).

Не имея решительно никакого успеха у читателей, журнал стал быстро хиреть, и возник вопрос о его закрытии. С 1838 года право издания «Московского наблюдателя» купил известный московский типограф Н. С. Степанов, передавший негласное редактирование его В. Г. Белинскому. Образовался совершенно новый журнал, резко отличный от прежнего «Московского наблюдателя» и по составу сотрудников, и по идейному направлению. История этого нового журнала уже выходит за рамки настоящей работы.

Из произведений Пушкина в 1835 году в «Московском наблюдателе» были впервые напечатаны два стихотворения: «Туча» («Последняя туча рассеянной бури...») и «На выздоровление Лукулла» («Ты угасал, богач молодой...»).

С последним стихотворением связан один эпизод из биографии Пушкина, страдавшего, как известно, от множества цензур, которым подвергались его произведения. Начиная с самого царя и кончая чиновниками Третьего отделения, — все считали себя вправе цензуровать поэта.

Пушкин упорно воевал со своими цензорами, особенно с С. С. Уваровым и его ставленником М. А. Дондуковым-Корсаковым. Первый занимал пост министра народного просвещения, второй — председателя цензурного комитета.

Пушкин высмеял Дондукова в известной эпиграмме.

В академии наук
Заседает князь Дундук и т. д., —

больно задев этим самого Уварова.

«Однажды на вечере у Карамзиных к Пушкину подошел Уваров и стал свысока и внушительно выговаривать поэту, что он роняет свой талант, осмеивая почтенных и заслуженных людей такими эпиграммами.

— Какое право имеете вы делать мне выговор, когда не смеете утверждать, что это мои стихи? — возразил вышедший из себя Пушкин.

— Но все говорят, что ваши?

— Мало ли что говорят! Я вам вот что скажу: я на вас напишу стихи и напечатаю их с моей подписью.

И действительно, в сентябрьской книжке «Московского наблюдателя» 1835 года появилось стихотворение «На выздоровление Лукулла». Поводом к написанию этого сатирического стихотворения послужила болезнь известного богача графа Д. Н. Шереметева. С. С. Уваров, женатый на его двоюродной сестре, поспешил принять меры к охране наследства «младого богача», надеясь получить его. Но больной выздоровел, обманув ожидания Уварова.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛА.

ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИВСКОМУ.

Ты угасалъ, богачъ извѣдой!
Ты слышалъ плачь друзей печальныхъ..
Ужъ смерть явилась за тобой
Въ дверяхъ синей шпони хрустальныхъ.
Она, какъ впершійся съ ушра
Завмодявецъ перильной,
Торжъ въ передней молчаливой
Не прогнала съ цовра.

Въ вожерашей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шпшались.
Твоихъ нахлыбникозъ, царцей
Снуццнмемъ лица вырачались;

Появление стихотворения Пушкина наделало много шума, так как всеми был понят его смысл. Пушкин был вызван к Бенкендорфу. Вот как якобы сам поэт рассказывал об этом визите:

«Вхожу. Граф с серьезной, даже строгой миной, впрочем учтиво ответив мне на мой поклон, пригласил меня сесть визави. Журнал с развернутой страницей моих стихов лежал перед ним, и он сейчас же предъявил мне его, сказав:

— Александр Сергеевич! Я обязан сообщить вам неприятное и щекотливое дело по поводу вот этих ваших стихов. Хотя вы и назвали их Лукуллом и переводом с латинского, но согласитесь, что мы, да и все русское общество в наше время настолько просвещено, что умеем читать между строк и понимать настоящий смысл, цель и намерения сочинителя.

— Совершенно согласен и радуюсь за развитие общества.

— Но позвольте заметить (строго перебил он меня), что подобное произведение недостойно вашего таланта, тем более, что осмеянная вами личность — особа значительная в служебной иерархии...

Тут я перебил его: «Но позвольте же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали в моей сатире?»

— Не я узнал, а Уваров сам себя узнал, принес мне жалобу и просил обо всем доложить государю. И даже то, как вы у Карамзиных сказали ему, что напишете на него стихи и не отопретесь, то есть подпишитесь под ними?

— Сказал и теперь не отпираюсь... только вот эти-то именно стихи я написал совсем не на него.

— А на кого же?

— На вас.

Бенкендорф, пораженный таким неожиданным оборотом, опрокинулся на спинку кресла, так что оно откатилось от стола и, вытаращив на меня глаза, воскликнул:

— Что? На меня?

А я, заранее восхищаясь развязкой, вскочил с места и быстро делая по четыре шага перед столом или перед его носом, три раза оборачиваясь к нему лицом, повторял:

— На вас, на вас, на вас!

Тут уж Александр Христофорович во всем величии власти, громовержцем поднимаясь с кресла, схватил журнал и, подойдя ко мне, дрожащей от злобы рукой тыкая на известные места стихов, сказал:

— Однако, послушайте, г-н. сочинитель! Что ж это такое! Какой-то пройдоха наследник (читает):

«Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек...»

— Ну это ничего (продолжает читать):
«Теперь мне честность — трын-трава
Жену обманывать не буду!..»

— Ну и это ничего, вздор... Но вот, вот ужасное, невольнительное место (читая):

И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

— А? Что вы на это скажете?

— Скажу только, что вы не узнаете себя в этой личности!

— Да разве я воровал казенные дрова?

— Так стало быть Уваров воровал, когда подобную улику принял на себя!

Бенкендорф понял силлогизм, сердито улыбнулся и промывчал:

— Гм! Да... Сам виноват...».

Рассказ этот напечатан в «Русской старине» (1881, № 8, стр. 616) со слов мемуариста Н. И. Куликова. Пушкиноведы не считают рассказ абсолютно достоверным, так как якобы тон всех разговоров Пушкина с Бенкендорфом был иным, более почтительным. Но почему Пушкин, рассказывая это Нащокину (так пишет Куликов), должен был и в рассказе непременно соблюдать «почтительность тона?» Возможно, что самый разговор велся в ином тоне, но суть его весьма правдоподобна. Во всяком случае, не тон двухкратного пересказа делает всю эту историю достоверной или недостоверной.

Я привел этот эпизод потому, что он, как мне кажется, наиболее живо рисует тяжкое положение поэта, всю жизнь находившегося под гнетом даже не двух, а множества цензур.

* * *

В настоящей работе уделено, как мне думается, достаточно внимания тем цензурным «бастионам», которые приходилось преодолевать Пушкину. Положение осложнялось еще тем обстоятельством, что не только сами по себе цензурные правила и уставы были притеснительными и жестокими (один из них недаром называли «чугунным уставом»), но и люди, по ним действующие, т. е. цензоры, являлись людьми в большинстве случаев ограниченными, не разбирающимися в литературе.

Даже Ф. В. Булгарин, цензурой никак не обиженный, писал о ней в докладной записке Дубельту в 1846 году:

«Цензура дело важное, должно сказать — дело первой важности, а у нас она устроена хуже самой дурной полиции в заштатном городе... Ведь надо же иметь какие-нибудь права, чтоб быть судьей в литературе и пользоваться уважением литераторов. Взгляните на здешних цензоров! Кто с бора, кто с сосенки! Цензор Крылов признан негодным занимать место адъюнкта статистики в университете, куда девать его? В цензоры! Этот человек почти идиот, туп как бревно! Что он запрещает и что позволяет, удивит и рас смешит мертвого! Стоит переговорить с ним три слова, чтоб увидеть его неспособность. Другой, настоящий идиот — цензор Фрейганг. Невежество его выше всего, что можно себе представить, а сверх того, он слаб в русском языке и марает даже слова, которых не понимает. Недавно он вымарал слово «исполать вам», думая, что «исполать» значит бранное и непристойное слово! На место Корсакова определили шведа Михелина, который едва знает по-русски! Куторга, профессор скотоврачевания, сиречь коновал — литературный цензор! Народ этот не знает ни света, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты и держится правила, чтоб запрещать все, что не понимает». (М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература». Спб., 1892, стр. 328).

По-видимому, докладная записка Ф. В. Булгарина была составлена по заказу Третьего отделения и служила материалом в той распре, которая в эти годы шла между этим учреждением и министром Уваровым, ведавшим и цензурой. Нет нужды уделять этому вопросу внимания, важно, что в словах Булгарина содержится на этот раз несомненная истина. Особенно прославился в годы Пушкина цензор Александр Иванович Красовский (1776—1857). Он был цензором с 1821 по 1828 год, а с 1832 года председателем Комитета иностранной цензуры. Цензорство его совпало с эпохой реакции, но даже для своего мрачного времени Красовский поражал обскурантизмом и тупой придирчивостью. Ханжа, мистик, он издевался над подчиненными, вторгался в их частную жизнь, запрещал им, например, держать молодую прислугу, задерживал им разрешение на брак и так далее. На каждую, самую пустую просьбу подчиненных требовал письменных заявлений и также письменно давал им ответы, тщательно регистрируя и то и другое.

Был такой случай: пьяный сторож-рассыльный, принеся ему какие-то казенные бумаги, оставил вместе с ними кулек с яблоками, купленными на рынке. На другой день последо-

вал письменный запрос Красовского: «Отчего между принесенными вчера бумагами оказалось приложение из трех яблочек, и те не первого сорта, но бумаги об них нет?» Завязалась переписка, наводились справки, после которых сторожа заставили дать письменное объяснение своего поступка.

В «Русской старине» (1874, № 1, стр. 126) приводится курьезнейший из «человеческих документов» — дневник А. И. Красовского. Человек, которому были доверены судьбы русской литературы, изо дня в день вел такие записи: «Благодарение господу, сон был хорош. Отправление желудка было в 10 часов обыкновенное». Или: «Благодарение воскресшему и воскрешающему сон был хорош. Во сне виделся граф С. С. Уваров, одетый в белое. Отправление желудка в 11 часов было малое, во 2-м часу поря-
дочное».

Прошу верить, что это не случайно выдернутые фразы из каких-то более или менее деловых записей. Весь дневник выдержан именно в таком духе: «Во сне виделся В. И. Панаев, который принимал участие в моих неприятностях по цензуре и меня целовал. Ночью было бурчание в животе».

Еще более анекдотичны цензорские замечания Красовского при просмотре им литературных произведений. А. М. Скабичевский («Очерки истории русской цензуры». Спб., 1892) приводит документальный образец цензорской работы Красовского над переводом В. Н. Олина стихотворения Вальтер Скотта «Стансы к Элизе». Вот этот «образец»:

Стихи Олина

Улыбку уст твоих небесную

ловить...

И молча на тебе свои

покоить взоры...

И поняла, чего душа моя

искала...

Замечания Красовского

Слишком сильно сказано;
женщина недостойна того,
чтобы улыбку ее называть
небесной.

Тут есть какая-то двусмы-
сленность.

Надобно объяснить, чего

именно, ибо здесь дело
идет о душе.

Стихи Олина

Что в мненьи мне людей?

Один твой нежный взгляд

Дороже для меня вниманья
всей вселенной...

О, как бы я желал пустынь
и тиши

Безвестный близ тебя к
блаженству приучаться...

Замечания Красовского

Сильно сказано; к тому ж,
во вселенной есть

и цари,

и законные власти, вниманием которых дорожить должно.

Таких мыслей никогда рас­сеять не должно. Это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть с своей любовницею; сверх того к блаженству можно только приучаться близь еванге­лия, а не близь женщины.

Стихи Олина

О как бы я желал всю
жизнь тебе отдать...
У ног твоих порой для
песней лиру строить...
И на груди твоей главу
мою покоить...

Жалоба Олина на цензора не имела успеха. Вышеприве­денный протокол, по которому любой врач определил бы начало прогрессивного паралича у цензора, служил пред­метом разбирательства вышестоящих властей, признавших правоту Красовского.

Цензор этот однажды запретил статью «О вредности грибов» на том основании, что «грибы — постная пища пра­вославных, и писать о вредности их — значит подрывать веру и распространять неверие».

Немало глупых распоряжений вышло из-под пера Кра­совского и в бытность его председателем Комитета ино­странный цензуры. Подавляющее большинство протоколов по поводу просмотра тех или иных литературных произве­дений неизменно кончались такой записью: «А господин председатель полагал бы безопаснее запретить...»

Сослуживец Красовского, писавший о нем в «Русской старине», говорит, что «А. И. Красовский — детище своего времени, сшитый из материала, на который, как ему каза­лось, был спрос; это был целиком *казенный* человек, как понимали казенного человека в старину, и он шел к своей служебной добыче всегда верхним чутьем, которое никогда его не обманывало. В нем было все напоказ; тело и душа в мундире; набожность, православие, человеческое чувство, служба — все форменного покроя. Водотолочное усердие, принизительное смирение, угодливость перед высшими,

Тебе лишь посвящать,
разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое
мгновенье,
И сердцем близь тебя, друг
милый, обноваясь...

Замечания Красовского

Что же останется богу?
Слишком грешно и унизи­тельно для христианина си­деть у ног женщины.
Стих чрезвычайно сладо­страстный.

Все эти мысли противны духу христианства, ибо в евангелии сказано: кто лю­бит отца своего или мать паче мене, тот несть мене достоин.

рассчитанное ханжество, — все это служило ему ходулями в продолжении всей его деятельности...»

Следовательно, это не был какой-то особый индивидуум, сумасшедший, случайно пробравшийся на кресло цензора. Он был обыкновенный *казенный* человек своего времени. Его цензорские замечания, по сути дела, мало чем отличались от резолюции Николая I, начертавшего на прошении В. А. Жуковского об издании первого посмертного собрания сочинений Пушкина: «Согласен, с условием выпустить все, что неприлично из читанного мною в Борисе Годунове...»

Усмотреть «неприличное» в «Борисе Годунове» Пушкина и запретить статью «О вредности грибов» в то время, когда грибы эти — «постная пища православных» — это явления одного порядка.

Вот с какой цензурой и с какими цензорами пришлось жить великому поэту.

123. ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ

ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ, или собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Раича, Маркевича, Вяземского и проч. Москва. В тип. М. Понамарева. 1835. 12°. 221 стр.

БОРНИК разбит на две части. Кроме произведений авторов, имена которых перечислены на главном листе, напечатаны стихи Д. В. Давыдова, С. П. Шевырева, Н. М. Языкова, С. Е. Раича, Ф. И. Тютчева и еще каких-то неведомых, второстепенных и третьестепенных поэтов. Сборник хрестоматийного типа, изданный, как все понамаревские издания, крайне неряшливо.

В. Г. Белинский писал о нем: «Вот новое средство наживать деньги литературными спекуляциями: наберите разных пьес знаменитых и незнаменитых авторов, придумайте к ним какое-нибудь нелепое название и напечатайте их, разумеется, без позволения авторов, в типографии г. Понамарева или г. Кузнецова, на оберточной бумаге, с типографическими и орфографическими ошибками, а, для большей важности, и с бессмысленными искажениями, и пустите по восьми рублей. Оно и не хлопотно и наживно...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. 1, стр. 318).

Из произведений Пушкина здесь напечатаны: «Редеет облаков летучая гряда...», «Гречанке» («Ты рождена воспламенять...»), «Демон» («Когда еще мне были новы...»),

«Рассудок и любовь» («Младой Дафнис...»), «Сожженное письмо» («Прощай, письмо любви...»), «Город шумный, город бедный...», «В чужбине свято соблюдаю...».

Кроме того за подписью Пушкина напечатано стихотворение «За днями дни бегут толпой», принадлежащее В. Туганскому.

Стихотворение «Рассудок и любовь» опубликовано здесь впервые, хотя и без ведома автора. Остальные перепечатаны.

124. ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК

ИЗБРАННЫЙ ПЕСЕННИК, содержащий в себе собрание отборных, употребительных всякого рода песен. Москва. В тип. Н. Степанова. 1835. 122 стр.

БЫЧНЫЙ песенник лубочного характера.

Из произведений Пушкина перепечатана «Молдавская песня» («Гляжу я безмолвно на черную шаль...»).

Книжки мне увидеть не удалось. Описана по справочнику «Пушкин в печати».

125. АРФА ЗЛАТОСТРУННАЯ

АРФА ЗЛАТОСТРУННАЯ, или песенник, заключающий в себе песни простонародные, баллады, исторические, казацкие, разбойничьи, старинные, свадебные, хороводные, новейшие романсы и песни. Москва. В тип. Н. Степанова. 1835. 120 стр.

БЫЧНЫЙ песенник лубочного характера, с преобладанием народных песен. Из стихотворений Пушкина перепечатаны: «Буря мглою небо кроет...» и «Девицы, красавицы...».

126. ПОЛНЫЙ НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК

ПОЛНЫЙ НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов, как то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, Дельвига, Вяземского, Ф. Глинки, Б. Федорова, Веневитинова, Слепушкина и многих других литераторов. Расположенный в отдельных частях, для каждого предмета. Собранный Иваном Гурьяновым. Москва. В тип. Н. Степанова. 1835. [Около 150 стр. в каждой части. Издание иллюстрировано].

Титульные листы.

Из стихотворений Пушкина перепечатаны: в части третьей — «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), «Кто при звездах и при луне...», «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), «Я пережил свои желанья...», «Снова тучи надо мною...», «В реке бежит гремучий вал...», «Ночной зефир...», «Вчера за чашей пуншевою...», «Мечты, мечты...». В части седьмой: «Я пережил свои желанья...». В части десятой: «Вчера за чашей пуншевою...», «Кубок янтарный...», «Татарская песня» («Дарует небо человеку...»). В части одиннадцатой: «Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...». В части двенадцатой: «Под вечер осени ненастной...», «Сквозь волнистые туманы...», «Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...», «В реке бежит гремучий вал...», «Под небом голубым страны своей родной...», «Буря», «Ты видел деву на скале...», «Буря мглою небо кроет...», «Кто при звездах и при луне...».

127. СОВРЕМЕННОК

СОВРЕМЕННОК, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. [Спб. 1836. Тома первый — четвертый].

 ОДРОБНО описан в разделе прижизненных изданий А. Пушкина. Из его собственных произведений в журнале напечатаны в 1836 году, в томе первом: «Пир Петра первого» («Над Невою резво выются»), «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (В пятой главе стихотворение «Стамбул Гяуры нынче славят»), «Георгий Конисский известен у нас краткой речью...» [Статья], «Скупой рыцарь», «Вот явление неожиданное в нашей литературе...» [Статья], из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью»), «В одном из наших журналов дано было почувствовать...» [Заметка о «Востоле»], «Читатели наши конечно помнят впечатление...» [Статья о «Вечерах на хуторе близ Диканьки»].

В томе втором: «Российская Академия» («18-го января нынешнего года Российская Академия...») [статья], «Французская Академия» [статья; принадлежность статьи Пушкину доказана Н. Лернером], «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным». «От редакции: 1. Для очистки совести нашей и для предупреждения... 2. Статья, присланная нам из Твери, за подписью А. Б... 3. Мы получили так же статью г. Косичкина...».

В томе третьем: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки...», «Мнение М. А. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной...», «Об истории Пугачевского бунта. Разбор статьи, напечатанной в Сыне отечества, в январе 1835 года», «Родословная моего героя», «Вольтер», «Фракийские элегии, стихотворения В. Теплякова. 1836», «Анекдоты: 1. «На Потемкина часто находила хандра...» 2. «Надменный в сношениях своих с вельможами...» 3. «Молодой Ш. как-то напроказил...» 4. «Граф Румянцев однажды рано утром...» 5. «Некто отставной мичман...» 6. «Всем известны слова Петра Великого...» 7. «Граф Самойлов получил Георгия...» 8. «Государыня Екатерина II говаривала...» 9. «Петр первый говаривал...» 10. «Любимый из племянников кн. Потемкина...» 11. «Когда родился Иоанн Антонович...», «Полководец» («У русского царя в чертогах есть палата...»), «Отрывок из неизданных записок дамы. 1811 г.», «Сапожник» («Картину раз рассматривал сапожник...»), «Джон Теннер», «На днях выйдет из печати...» [о книге Сильвио Пеллико], «В наше

Лицевая сторона обложки.

время главный недостаток...», «Новый роман» («Недавно одна рукопись под заглавием: Село Михайловское...»), «Письмо к издателю» («Георгий Конисский, о котором напечатана статья...»), «С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б...» [Заметка о статье Н. Гоголя], «От редакции» [Пять заметок о «Современнике»].

В томе четвертом: «Капитанская дочка» [Подпись: «Издатель»], «Объяснение» («Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале...»), «Перед гробницею святой...», «От редакции» [о сборнике кн. Вяземского], «Под сим заглавием вышел первый том записок Н. А. Дуровой...», «Изданы два тома, г. Строев оказал...» («Ключ к истории «Государства Российского» Н. Карамзина...»)

Все перечисленные произведения напечатаны впервые. О принадлежности Пушкину заметок, им не подписанных, продолжают вестись исследования.

128. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА, издаваемая Нестером Кукольниковом. Спб. 1836 [с августа] — 1838 и 1840—1841. [В 1839 году газета не выходила].

РЕДАКТОР-ИЗДАТЕЛЬ Нестор Васильевич Кукольник. В 1840—1841 гг. — А. Н. Струговщиков. Газета была посвящена всем видам искусства, преимущественно — живописи. Газета представляет интерес своим фактическим материалом, к стати сказать, весьма богатым. В ней печатались отчеты о выставках; музеях, галереях, биографии русских художников, скульпторов, архитекторов, музыкантов.

Любопытно, каким образом в кукольниковской «Художественной газете» появились два четверостишия Пушкина: «На статую, играющую в свайку» и «На статую, играющую в бабки».

Обе скульптурные работы (первая Логановского, вторая Пименова) были выставлены на С.-Петербургской выставке Академии художеств в 1836 году. Пушкин был на выставке и, как пишет «Художественная газета», почтил обе статуи «приветными античными четверостишиями, которыми, с обязательного согласия автора, мы имеем удовольствие украсить наше издание».

К «Художественной газете» прилагались гравированные рисунки и портреты. В частности, в 1841 году подписчикам рассылался портрет Пушкина в юности, отпечатанный с

доски гравера Гейтмана. Ранее портрет был приложен к «Кавказскому пленнику» издания 1822 года.

Указанные выше стихотворения Пушкина напечатаны в «Художественной газете» впервые.

129. ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧТЕНИЯ воспитанникам военно-учебных заведений. Литературно-исторический журнал. Спб. 1836—1863.

ЗДАТЕЛЬ — Военно-учебное ведомство. Редактор Я. И. Ростовцев и др. Основная цель журнала — «воспитание в духе христианской нравственности, преданности самодержавной власти, любви к уставам и славе России». Журнал перепечатывал некоторые литературные произведения, помещал биографические очерки писателей, военно-исторические статьи и заметки. С 1864 года был переименован в «Педагогический сборник». Журнал рассылался по военно-учебным заведениям.

Из произведений Пушкина в 1836 году напечатаны: «Полтавская битва» (от слов «Горит восток зарею новой», кончая «Как роем черной саранчи»), «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»), «Руслан и Людмила» (от слов «Свершив с Рогдаем бой жестокий», кончая «Твою пощечину забуду»).

Все указанные произведения перепечатаны из других изданий.

130. НОВЕЙШИЙ РОССИЙСКИЙ ПЕСЕННИК

НОВЕЙШИЙ РОССИЙСКИЙ ПЕСЕННИК, или собрание новейших российских песен и романсов, выбранных из лучших авторов. Посвящается любителям и любительницам пения. Спб. В тип. Карла Крайя. 1836. 124 стр.

БЫЧНЫЙ песенник лубочного характера. Из стихотворений Пушкина перепечатаны: «Что в имени тебе моем...», «Цыганы» («Над лесистыми берегами...»), «Я пережил свои желанья...» [Напечатано дважды].

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ

(Газеты, журналы, сборники, альманахи, хрестоматии и песенники, в которых напечатаны произведения А. С. Пушкина при его жизни)

	Стр.
Альбом северных муз на 1828 г. Спб.	560
Альциона. Спб. 1831, 1832, 1833	595
Арфа златострунная. М. 1835	620
Библиотека для чтения. Спб. 1834—1865	606
Благонамеренный. Спб. 1818—1826	496
Букет благовонных цветов. М. 1829	574
Венера. М. 1831	596
Весенние цветы. М. 1835	619
Вестник Европы. М. 1802—1830	481
Галатей. М. 1829, 1830; 1839—1840	565
Дамский журнал. М. 1823—1833	514
Денница. М. 1830, 1831, 1834	580
Жасмин и роза. М. 1830	586
Журнал для чтения воспитанникам. Спб. 1836—1863	624
Звездочка на 1826 год	510
Избранный новейший песенник. М. 1822 (следующее издание 1829)	535
Избранный новейший песенник. М. 1829	575
Избранный песенник. М. 1830. (Тоже, 1833)	588
Избранный песенник. М. 1835	620
Карманная книжка... В. Олина. Спб. 1829—1830	584
Карманный песенник. Спб. 1833—1835	604
Ладо. М. 1832	599
Лира граций. М. 1832	599
Лирический альбом на 1829 г. Спб. (тоже на 1832 г.)	610
Листки граций. М. 1829	572
Литературная газета. Спб. 1830—1831	576
Литературные листки. Спб. 1823—1824	512
Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду» Спб. 1831—1839	593
Литературный музей на 1827 г. М.	555
Майский листок. Спб. 1824	520

Мнемозина. М. 1824—1825	517
Молва (приложение к Телескопу). М. 1831—1836	590
Московский вестник. М. 1827—1829	549
Московский наблюдатель. М. 1835—1839	610
Московский телеграф. М. 1825—1834	524
Музыкальный альбом. Спб. 1832	610
Невский альманах. Спб. 1825—1833; 1846—1848	537
Невский зритель. Спб. 1820—1821	498
Новейшее собрание отборнейших песен. М. 1829	576
Новейшее собрание романсов и песен. М. 1830	589
Новейшее собрание романсов и песен. М. 1830. (В 1835 г. 2-ое изд. без перемен)	589
Новейший избранный песенник. М. 1827 г. (второе из- дание, М. 1830)	559
Новейший избранный песенник. М. 1829	575
Новейший российский песенник. Спб., 1836	625
Новое собрание образцовых сочинений. Спб. 1821— 1822	492
Новоселье. Спб. 1833—1834	599
Новости литературы. Спб. 1822—1826	502
Новые Аониды. М. 1823	516
Одесский вестник. Одесса. 1827—1893	555
Опыт русской анфологии. Спб. 1828	561
Памятник отечественных муз. Спб. 1827—1828	556
Песенник для дамского ридикюля. М. 1831	598
Песни, романсы и куплеты. М. 1833	606
Подснежник. Спб. 1829—1830	558
Полный новейший песенник Гурьянова. М. 1835	620
Полярная звезда. Спб. 1823—1825	504
Радуга. М. 1830	582
Радуга. М. 1832	598
Роза граций. М. 1830	587
Российская хрестоматия Ив. Пенинского. Спб. 1833— 1834 (Второе изд. 1837)	603
Российский музей. М. 1815	485
Русская стихотворная хрестоматия. М. 1829	572
Русский инвалид. Спб. 1813—1917	565
Северная звезда. Спб. 1829	569
Северная пчела. Спб. 1825—1864	522
Северные цветы. Спб. 1825—1832	528
Северный наблюдатель. Спб. 1817	495
Северный певец. М. 1830	588
Сириус. Спб. 1826	548

Сиротка. М. 1831	595
Славянин. Спб. 1827—1830	553
Собиратель. 1829	567
Собрание новых русских сочинений. Спб. 1824—1826	492
Собрание образцовых русских сочинений. Спб. 1815— 1817 (Второе издание 1821—1824)	490
Собрание романсов и песен для прекрасного пола. М. 1827	559
Собрание российских стихотворений. Вильно. 1827 . .	559
Собрание русских простонародных песен. М. 1831 . .	597
Современник. Спб. 1836	622
Соревнователь просвещения и благотворения. Спб. 1818—1825	497
Сын отечества. Спб. 1812—1844 (с 1829 г.— Сын отече- ства и Северный архив)	486
Телескоп. М. 1831—1836	590
Труды общества любителей российской словесности. М. 1812—1826	493
Уrania на 1826 г. М.	547
Учебная книга российской словесности. Спб. 1819— 1822 (второе изд. 1830; третье изд. 1844)	500
Художественная газета. Спб. 1836—1841	623
Царское село на 1830 г. Спб.	583
Эвтерпа. М. 1828; 1831; 1836	563
Эолова Арфа. М. 1834	609
Эрато. М. 1829 (2-ое изд. 1832)	574
Юный певец (упоминается)	609

	Стр.
Путешествие в прекрасное (вместо предисловия) . . .	7
КНИГИ ПУШКИНА, ИЗДАННЫЕ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ	
1. Первая книга поэта — «Руслан и Людмила» (1820 г.)	39
2. Первое издание «Кавказского пленника» (1822 г.) .	55
3. Первое издание «Бахчисарайского фонтана» (1824 г.)	73
4. «Плутня Ольдекопа». (Издание «Кавказского пленника» на русском и немецком языках в 1824 г.) . .	85
5. Первая глава «Евгения Онегина» (1825 г.)	95
6. Первое собрание стихотворений Пушкина (1826 г.)	113
7. Вторая глава «Евгения Онегина» (1826 г.)	127
8. «Цыганы» в московском издании (1827 г.)	137
9-10. Два издания «Братьев разбойников» (1827 г.) . .	148
11. Третья глава «Евгения Онегина» (1827 г.)	157
12-13-14. Покупка Смирдиным вторых изданий трех поэм Пушкина («Бахчисарайский фонтан» — 1827 г., «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник» — 1828 г.)	163
15-16. Продолжение «Евгения Онегина» (главы IV—V и VI-ая 1828 г.)	179
17. «Граф Нулин» и «Две повести в стихах» (1827—1828 гг.)	192
18. «Полтава» (1829 г.)	203
19. Второе издание первой главы «Евгения Онегина» (1829 г.)	211
20-21. Две первые части собрания стихотворений (1829 г.)	218
22. Седьмая глава «Евгения Онегина» (1830 г.)	226
23. Третье издание «Бахчисарайского фонтана» (1830 г.)	233
24. Второе издание второй главы «Евгения Онегина» (1830 г.)	240

	Стр.
25. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» (1831 г.) . . .	248
26. «На взятие Варшавы» В. Жуковского и А. Пушкина (1831 г.)	263
27. «Повести покойного Белкина, изданные А. П.» (1831 г.)	270
28. Последняя глава «Евгения Онегина» (1832 г.) . . .	280
29. Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года . .	289
30. Третья часть собрания стихотворений Пушкина (1832 г.)	304
31. Первое полное издание «Евгения Онегина» (1833 г.)	309
32. Повести, изданные Александром Пушкиным (1834 г.)	321
33. История Пугачевского бунта (1834 г.)	346
34. «Поэмы и повести» в двух частях (1835 г.)	372
35. Четвертая и последняя часть «Стихотворений Пуш- кина» (1835 г.)	377
36. Последнее прижизненное издание «Евгения Оне- гина» (1837 г.)	387
37. Сожженное издание «Романов и повестей» (1837 г.)	402

КНИГИ РАЗНЫХ АВТОРОВ, ИЗДАННЫЕ ПУШ- КИНЫМ. ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННОК». ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

38. «Северные цветы» на 1832 год, изданные Пушкиным	409
39. Мистерия Кюхельбекера «Ижорский»	416
40. Перевод «Вастолы»	420
41. «Русский Декамерон» Кюхельбекера	427
42-43. Журнал Пушкина «Современник» (1836—1837 гг.)	431
44. Первое посмертное собрание сочинений Пушкина .	452

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ, СБОРНИКИ, АЛЬМАНАХИ, ХРЕСТОМАТИИ И ПЕСЕННИКИ, В КОТОРЫХ НАПЕЧАТАНЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУШКИНА ПРИ ЕГО ЖИЗНИ

Николай Павлович
СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ
РАССКАЗЫ О ПРИЖИЗНЕННЫХ
ИЗДАНИЯХ ПУШКИНА

Редактор *Б. А. Мочалин*
Художественный редактор
Н. И. Новосельцева
Технический редактор *Е. И. Зеленцова*

Сдано в набор 23/IV-62 г. Подписано к печати 23/X-62 г. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 33,33. Печ. л. 39,5.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 3512. А 09820

Цена 1 руб. 53 коп.

Издательство Всесоюзной книжной палаты.

Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Типография «Красный пролетарий»

Госполитиздата. Министерства культуры
СССР.

Москва, Краснопролетарская ул., 16.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
129	11 снизу	напечатанных	ненапечатанных
216	1 снизу	слова	слава
260	17 снизу	от нашей	для нашей
265	22—21 снизу	независивость	независимость
301	16 сверху	будет	будут
333	13 сверху	26 666	26 660
356	22 сверху	Логинава	Лонгинова
375	13 сверху	14 000	12 000
553	14 сверху	по лире	на лире
630	3 сверху	Путешествие	Путешествующим

В конце оглавления, после слов „при его жизни“, должна быть указана страница — 481.

ОВЪСТИ

ИХАХЪ.

ТЕРБУРГЪ.

1828.

БУАНАУЪ.

9.

БАХИСАРАНСКИИ

ФОНТАНЪ.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Пушкина.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

ЖЕ.

ПОВЕСТИ

ОДЪ

ВЪ ТР

ВЪ

САНКТ

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

САЛЪ:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ЛИТЕРАТУРНАЯ

Г А З Е Т А.

ИЗДАВАНІЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

АНІЯ.

ЧАСТИХЪ.

ПЕЧАТА.

ЧАСТИХЪ.

УЧЕНИКАМЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.
ГЛАВА VII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
1836.

ОСЧЕД

А. С. С.

ТОМЪ I

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

МОСКВА

ЕРНЫЕ
ВЪТЫ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Сочиненіе

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ПАМЯТНИКЪ

ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ МУЖЪ

КАВИ
ПЛЬ

И
С. А.

СЪВЕРЕННЫ
ПЪВТЫ

У

ТОЛКЪ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
1830 ГОДЪ

